№1

Исторический
вестник
1891, №2

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1891 г.

СТР.

I. Фамильная хроника Воротынцевыхъ. Гл. XVI — XXI. (Продолженіе). **Н. И. Мердеръ (Северинъ)** 305

II. Воспоминанія артистки Императорскихъ театровъ **Д. М. Леоновой.** Гл. IV—VI. (Продолженіе) 326

III. Потревоженныя тѣни. Проданныя дѣти. **С. Н. Терпигорева** 352

IV. Русскіе дипломаты на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Гл. II. (Продолженіе). **А. Н. Петрова** 386

V. Казанскіе пожары 1863 года. (Отрывокъ изъ воспоминаній). **П. И. Жудры** 414

VI. По Южно-Уссурійскому краю. Гл. I. **А. В. Елисѣева** 435

Иллюстраціи: Общій видъ Владивостока и его порта.—Русскій поселокъ въ Уссурійскомъ краѣ.—Верхнее теченіе рѣки Суйфуна.

VII. Карикатуристъ Н. А. Степановъ. Гл. I и II. **С. С. Трубачева** . . 457

Карикатуры: Графъ Сологубъ.—Поэтъ Губеръ.—Булгаринъ.—Издатель цигары читаетъ свой журналъ, ибо никто другой не хочетъ его читать.—Письмо матери (М. И. Глинка и Н. А. Степановъ).—М. И. Глинка въ Варшавѣ принимаетъ благоразумныя мѣры отъ холеры (въ іюлѣ мѣсяцѣ).—М. И. Глинка пишетъ партитуру оперы.—М. И. Глинка идетъ въ потомство, не ломая шапки передъ современниками.

VIII. Изъ разсказовъ бывалаго человѣка. Гл. I—XX. Сообщено **М. В. Шевляковымъ** 488

IX. Историкъ-идеалистъ. **П. Н. Полевого** 501

X. Шлиманъ и его археологическая дѣятельность. **Ѳ. И. Булгакова** . 521

Иллюстраціи: Портретъ д-ра Генриха Шлимана.—Портретъ г-жи Шлиманъ. Видъ Трои по раскопкамъ Шлимана 1871—1875 гг. (съ сѣверной стороны).—Метопъ греческаго храма, найденный въ Новомъ Иліонѣ, съ изображеніемъ Геліоса.—Такъ называемое «сокровище Пріема».—Троянскія золотыя серьги.—Троянскій глиняный сосудъ съ формами человѣческаго лица (1/3 натуральной величины).—Троянскій глиняный сосудъ въ видѣ гиппопотама (2/3 натуральной величины).—Раскопки въ Микенахъ.—Большая золотая діадема изъ Микенъ.—Клинокъ кинжала изъ Микенъ.—Сосудъ изъ смѣси серебра съ свинцомъ въ видѣ оленя изъ Микенъ.—Золотой сосудъ изъ Микенъ.—Рѣзьба на золотомъ перстнѣ изъ Микенъ.—Глиняный сосудъ изъ Микенъ.—Серебряная голова быка изъ Микенъ.—На мѣстѣ древней Трои.—Планъ «верхняго города» въ Тиринсѣ, составленный Дёрпфельдомъ.—Домъ Шлимана въ Аѳинахъ.—Золотая маска изъ Микенъ.

XI. Критика и библіографія: Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпуски III и IV. Спб. 1890. **С.**—Штурмъ Измаила 11го декабря 1790 г. Составилъ полковникъ Н. Орловъ. Спб. 1891. **А. П.**—Романика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада. I. Переломъ въ западноевропейской этикѣ въ XII—XIII вв. Средневѣковая романтика въ Италіи. Историко-литературные очерки Н. Дашкевича. Кіевъ. 1890. **А. Л.**—Н. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865. Письма Н. Косицы.—Замѣтки лѣтописца, и проч. Спб. 1890. Онъ же. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Изд. 2-е. Спб. 1890. **Ар. М.**—Какъ училъ о крестномъ знаменіи всероссійскій патріархъ Іовъ (1889 г.). По поводу «бесѣды о перстосложеніи» преосв. Никанора. Соч. профессора Н. И. Барсова. Спб. 1890. **Д. Г.**—Бродячая вольница, хроника-романъ первой половины XVIII столѣтія. А. А. Голубева. Москва. 1891. **П. Полевого** 549

XII. Историческія мелочи: Изъ мемуаровъ барона Гаусмана.—Отецъ Фридриха Великаго, его частная жизнь и характеръ.—Дэзире-Клари-Бернадоттъ.—Георгіевскій крестъ, пожалованный императоромъ Александромъ I Альвенслебену . . . 567

См. слѣд. стр.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ДАРЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛЕО НОВА.

дозв. ценз., спв. 26 января 1891 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

9(5)+8(05)
П90

9/05
П90

87468 33ф

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1]

XVI.

90651

А СЛѢДУЮЩЕЕ утро, въ девятомъ часу, въ то время, когда малый, состоявшій при молодомъ баринѣ въ должности камердинера, подавалъ ему умываться изъ серебрянаго рукомойника, явился Игнатій Самсонычъ съ приказаніями отъ Маѳы Григорьевны.

— Бабушка изволили встать, накушаться чаю и приказали вамъ сказать, что дожидаются васъ въ большомъ кабинетѣ внизу,—доложилъ онъ съ торжественностью, на которую юноша не обратилъ должнаго вниманія.

Впрочемъ, выборъ мѣста для бесѣды немного озадачилъ его.

— Что это бабушкѣ вздумалось спускаться внизъ, вѣдь тамъ холодно должно быть, — замѣтилъ онъ, торопясь окончить свой туалетъ.

— Ничего-съ, еще вчера приказали кабинетъ внизу протопить,— неохотно отвѣчалъ старикъ.

Поправляя на ходу кружевное жабо и взбивая кверху густой кокъ напудренныхъ волосъ выхоленной бѣлой рукой, съ длинными тонкими пальцами, унизанными перстнями, юноша быстро прошелъ свѣтлые, залитые утреннимъ солнцемъ покои, отдѣлявшіе его половину отъ лѣстницы въ нижній этажъ, сбѣжалъ по этой лѣстницѣ, перескакивая по три, четыре ступеньки заразъ и очутившись у

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 5.

ЗВІР
ЧИТАЛЬНЯ
Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

плотно притворенной двери изъ краснаго дерева, съ бронзой, поцарапалъ по ней ногтемъ.

— Войди,—раздалось изнутри.

Неужели это слово произнесла прабабка его, Марѳа Григорьевна?

Голосъ былъ громкій, рѣзкій и повелительный. Никогда еще не слышалъ онъ у нея такого голоса и никогда не видалъ онъ ее такой, какой она предстала передъ нимъ въ это достопамятное утро.

Онъ былъ далеко не изъ трусливыхъ и скорѣе даже смѣлъ до наглости тамъ, гдѣ другіе смущались и робѣли, но Марѳа Григорьевна была такъ грозна въ эту минуту и все существо ея дышало такою неумолимою строгостью, что ему жутко стало.

— Ну, Александръ Васильевичъ, отмѣннымъ ты передо мною мерзавцемъ и лгуномъ оказался,—начала она, не отвѣчая на его поклонъ и приковывая его пристальнымъ, повелительнымъ взглядомъ, на почтительномъ разстояніи отъ пузатаго бюро, заваленнаго бумагами, передъ которымъ она возсѣдала.

Не давая ему опомниться и сурово отчеканивая слова такъ рѣзко, точно молоткомъ вбивая ему ихъ въ память, она объявила что ей все извѣстно.

— Все, все я знаю и всегда знала про тѣ безобразія, что у васъ тамъ въ подмосковной творятся, а если молчала до сихъ поръ, то для того только, чтобъ испытать тебя, какую откровенность ты передо мной за всѣ мои благодѣянія проявишь, хватитъ ли у тебя духу до конца мнѣ врать. Вижу, что хватило. Полтора мѣсяца прожилъ у меня, каждый день ручки цѣловалъ, да ластился всячески, а самъ держалъ въ умѣ обмануть меня, провести! Щенокъ паршивый! Да знаешь ли ты что за человѣкъ прабабка твоя Марѳа Григорьевна Воротынцева? Имѣешь ли ты понятіе о томъ какихъ персонъ умнѣющихъ, хитрѣющихъ и знатнѣющихъ, она на своемъ вѣку за носъ водила и по своей дудкѣ плясать заставляла? Что таперича мнѣ годовъ много и жить мнѣ не такъ долго, какъ тебѣ, поросенку, осталось, такъ ты себя и возмнилъ не вѣсть какимъ умникомъ, и что ничего тебѣ отъ меня, кромѣ денегъ моихъ да имѣній, не надо, такъ это ты врешь! Безъ моего наставленія, да совѣта, и съ богатствомъ пропадешь и сгинешь какъ послѣдняя букашка ползучая, которую каждый можетъ пятой раздавить. Такъ и отецъ твой сгинулъ, и дѣдъ. А ты одного съ ними отродья—сластолюбецъ и хитрецъ! Насквозь я тебя вижу! Чего ты еще и подумать-то не успѣлъ, а я ужъ знаю и вижу. Сблизился, сдружился съ кѣмъ?! Съ Дарькинымъ полюбовникомъ! Да гдѣ у тебя честь-то дворянская послѣ этого? Кабы совѣсть въ тебѣ настоящая была, ты первымъ долгомъ, какъ пріѣхалъ сюда, въ тотъ же день, ни минуты не медля, въ ноги бы мнѣ повалился, чтобъ я этого самого негодяя навсегда отъ тебя отлучила, а ты замѣсто того съ нимъ же вмѣстѣ у меня на глазахъ глупыя шашни

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

заводишь, за дѣвченками гоняешься, да сговариваешься какъ бы половчѣе меня провести?— Да гдѣ у тебя умъ-то послѣ этого? Срота вѣдь ты круглый, ни матери, ни отца, одна надежда на рабабку Марѳу Григорьевну, отъ нея вся твоя судьба зависитъ, ты ей лжешь, да дерзишь скрытностью? Какъ же мнѣ понимать тебя послѣ этого, какой ты есть человѣкъ, и могу ли я, безъ сумленія, честь всей нашей фамиліи тебѣ предоставить?

Она возвысила голосъ до крику при послѣднихъ словахъ и въ пристальномъ взглядѣ ея черныхъ глазъ, пытливо устремленныхъ на правнука, сверкала такая рѣшимость, гнѣвъ и упорство, что онъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ.

Блѣдный, какъ полотно, съ низко опущенной головой и дрожащими пальцами, машинально теребя на груди кружевное жабо, отъ котораго къ концу аудіенціи остались одни только лохмотья, Александръ Воротынцевъ произнесъ наконецъ тихо, но твердо, то слово, которое ждали и требовали отъ него.

— Виноватъ!

И произнесъ онъ это слово такъ сознательно, съ выраженіемъ такого мучительнаго раскаянія въ голосѣ и взглядѣ, что старуха смягчилась.

— Тото, виноватъ. Ну, вотъ что я тебѣ скажу:—прощаются твои супротивъ меня продерзости единственно ради твоей юности, да по той причинѣ, что до сей поры учить тебя было некому уму-разуму, но таперича, съ этой самой минуты, ты ужъ по моей наукѣ живи и по моимъ указаніямъ дѣйствуй, ни на шагъ отъ нихъ не отклоняючись, а то плохо тебѣ будетъ, Лексашка! Какъ узнала я про все, что у васъ въ подмосковной творится, все, до послѣдней мелочи, такъ и про жизнь твою въ Петербургѣ узнаю. Обманывать меня и не пытайся лучше, второй разъ обмана не прощу и все имѣніе на монастыри роздамъ. Передъ образомъ клятву дала, что такъ сдѣлаю и клятвы той ни за что не нарушу. Пусть лучше нашъ Воротынцевскій родъ совсѣмъ прекратится. На скорую мою смерть не разсчитывай, легче тебѣ не будетъ, если я скоро Богу душу отдамъ, а станетъ еще тяжелѣе, по той причинѣ, что у меня ужъ давно распоряженіе сдѣлано насчетъ опеки. И такому человѣку я власть надъ тобой предоставила, который какъ пылинку съ лица земли стереть тебя сможетъ, если ты, Боже упаси, супротивничать ему станешь. И сотретъ, милости тебѣ отъ него не дождаться, твердый онъ человѣкъ и мнѣ преданный. А кто этотъ человѣкъ, узнаешь ты тогда только, когда меня похоронятъ. А доживу я до твоего совершеннолѣтія, то и вовсе никогда не узнаешь. Отправишься ты теперь въ Петербургъ одинъ, безъ гувернера. Не совсѣмъ оно для подростка хорошаго роду прилично, но что же дѣлать. Какъ пріѣдешь, такъ сейчасъ Потапыча пошли съ моимъ письмомъ къ дядѣ, Николаю Андреичу Ратморцеву, тому, что въ

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сенаторы прошлой зимой произведенъ, а тамъ, въ тотъ день и часъ, который онъ назначитъ тебѣ, самъ къ нему отъявись съ почтеніемъ.

— Да онъ меня отъ себя выгонитъ,—вскричалъ изумленный такимъ приказаніемъ юноша.—Вѣдь дѣдушка съ нимъ больше чѣмъ двадцать лѣтъ въ ссорѣ! На ножахъ они и до сихъ поръ...

— А ты не разсуждай, а дѣлай то, что тебѣ приказываютъ,— строго оборвала его старуха.

И указывая на два конверта, запечатанныхъ большой красной печатью съ фамильнымъ гербомъ, она прибавила:

— Оба эти письма Николаю Андреичу передай; одно, что поменьше, черезъ Потапыча пошли, другое самъ вручи и чтобъ безъ свидѣтелей. Секретную аудіенцію для этого испроси у него. Письмо это написано самому государю императору Александру Павловичу, и надо чтобъ оно въ собственныя руки царя попало,— продолжала она, торжественно возвышая голосъ. — Ужъ какъ тамъ знаетъ Николай Андреичъ, такъ пусть и орудуетъ, только бы желаніе мое было исполнено, и насколь возможно скорѣе; то дѣло о которомъ я прошу царя отлагательства не терпитъ. А станетъ пытать тебя дядя, извѣстно ли тебѣ, что у меня въ томъ письмѣ написано, скажи, что ты ничего про то не вѣдаешь. Бабушка, молъ, не изволила мнѣ довѣрить, о чемъ она царя проситъ, такъ и скажи. И разузнавать не пытайся. Несчастнымъ на всю жизнь можешь сдѣлаться, если заранѣе узнаешь про то, что тебѣ станетъ извѣстно тогда только, когда въ настоящій разумъ войдешь. А паче всего службой да ученіемъ теперь займись. Таперича отъ дворянъ хорошаго роду много всякой науки требуется. Проси на этотъ счетъ указаній у дяди, Николая Андреича, онъ ученый, и все съ учеными знается. И наставника хорошаго проси, чтобъ онъ тебѣ нашелъ, и съ тѣмъ наставникомъ,— придется онъ тебѣ по нраву или нѣтъ, а все-таки дружи, и угождать ему старайся. Всѣ глупства, которымъ французъ тебя научилъ, брось совсѣмъ и забудь. Только этимъ милость мою ты себѣ заслужишь, ничѣмъ инымъ. И ни о чемъ больше не заботься, ни о чемъ не проси у Бога, чтобъ только мнѣ Господь на твое счастье вѣку продлилъ. Пока я жива, все тебѣ отъ меня будетъ въ изобиліи, и совѣтовъ и наставленій, и добра всякаго и протекцій. С своемъ умѣ и думать перестань, что онъ у тебя есть, а живи только моими мыслями да приказами. Своего ума у тебя нѣтъ и долг еще не будетъ, помни это, завсегда помни, и пуще всего забыт мои наставленія опасайся. Потапычу вѣрь и почитай его, онъ теб преданъ и у меня въ довѣріи. Знай, что если тебѣ досталось з скрытность, то ему вдвое перепало, до гробовой доски не забыт ему вчерашняго дня. Ступай, съ французомъ будь попрежнему виду не подавай, что на вѣки вѣченскіе съ нимъ разстаешьс

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XVII.

Юноша вышелъ, понуривъ голову съ чувствомъ досады, изумленія и смутнаго страха въ душѣ.

Не взирая на то, что̀ ему объявили прощеніе, онъ чувствовалъ себя въ опалѣ и понималъ что не легко исправить бѣду. Не разъ придется ему всплакнуть про себя за то, что̀ онъ раньше не разгадалъ, что за личность его прабабка, Марѳа Григорьевна.

Не даромъ объ ней въ подмосковной даже и поминать не любятъ.

Провожая его, дѣдъ прошамкалъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Ты тамъ къ бабушкѣ-то подольстись... строгая вѣдь она... покорность любитъ... а я ужъ дряхлъ... куда мнѣ!.. а скажи ей—дѣдъ молъ въ ножки вамъ кланяется, прощенія проситъ и родительскаго благословенія—ручки цѣлуетъ... И пожалѣй меня, Христа ради, Лексашинька... виноватъ я передъ нею и передъ тобой, а все-таки пожалѣй.

На эту старческую болтовню Александръ не обратилъ тогда вниманія. Присутствовавшіе при этой сценѣ съ улыбочками переглядывались. Французъ замѣтилъ, дотрогиваясь пальцемъ до своего лба: «Il n'a plus sa tête le pauvre homme!» А Дарья Семеновна,—Дарька какъ прозвала ее бабушка и какъ съ этой минуты сталъ звать ее про себя и молодой Воротынцевъ,—Дарька прибавила къ этому, усмѣхаясь сочными, малиновыми губами:

— А ужъ та-то, Марѳа-то Григорьевна, поди чай, и совсѣмъ изъ ума выжила! Вѣдь ужъ ей, говорятъ, за сто лѣтъ перевалило.

Изъ ума выжила!

Посмотрѣли бы они какъ она изъ ума выжила.

Въ одномъ только и находилъ себѣ Александръ Воротынцевъ утѣшеніе, это въ томъ, что французъ попалъ въ западню.

XVIII.

Въ тотъ вечеръ за ужиномъ подавали холоднаго поросенка, гусиные полотки, жареныхъ индѣекъ, кашу молочную, хворостъ съ вареньемъ и еще что̀-то такое, чего маркизъ не могъ запомнить.

Все это запивалось пивомъ, медомъ, квасами разными и наливками.

Вотъ наливка-то всему и была причиной. Рюмочку за рюмочкой, маркизъ выпилъ одинъ цѣлую бутылку. Сидѣвшая съ нимъ рядомъ Варвара Петровна то и дѣло подливала ему. Подъ конецъ у него языкъ сталъ заплетаться, голова закружилась, и онъ не помнилъ, какъ его вывели изъ-за стола и потащили по узкой, съ крутыми ступенями лѣстницѣ, въ его комнату на интресоляхъ и какъ ка-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зачки, приставленные къ нему для услугъ, раздѣли его и уложили на пуховики и перины.

Какъ легъ онъ такъ и заснулъ, точно камень пошелъ ко дну.

Но среди ночи онъ проснулся отъ тяжести въ желудкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ въ русскихъ домахъ и пилъ и ѣлъ вмѣстѣ со всѣми, маркизъ такъ часто испытывалъ это ощущеніе, что успѣлъ привыкнуть къ нему, но въ ту ночь оно показалось ему особенно непріятно и къ физической боли стало примѣшиваться нравственное неудовольствіе. Ему досадно было на себя за свою невоздержность.

Очень нужно было наѣдаться до отвала такими неудобоваримыми кушаньями, какъ поросенокъ, гусятина и тому подобное! И къ довершенію всего напиться пьянымъ. Чортъ знаетъ на что похоже.

Маркизъ былъ прежде всего благовоспитанный человѣкъ и его въ краску бросало по мѣрѣ того, какъ нѣкоторыя подробности всплывали ему на память. Подъ конецъ ужина онъ совсѣмъ потерялъ сознаніе, навѣрное наболталъ много лишняго и, вообще, велъ себя крайне неприлично.

Что именно произошло подъ самый конецъ вечера, этого онъ не могъ бы сказать, но онъ отлично помнилъ, что выволакивали его изъ-за стола подъ руки, что на лѣстницѣ онъ спотыкался при каждой ступени, его сзади подталкивали и хихикали надъ самымъ его ухомъ. Эдакая мерзость!

Что подумала про него Марѳа Григорьевна? Разумѣется ей не въ первый разъ видѣть у себя пьяныхъ гостей, но то господа помѣщики, русскіе, изъ ея общества, а онъ иностранецъ-гувернеръ, обязанный за жалованье примѣромъ благонравія юному барченку служить. Да, прошли тѣ времена, когда можно было дебоширничать сколько душѣ угодно...

И улыбаясь игривымъ представленіямъ, всплывшимъ ему на память при воспоминаніи о жизни въ подмосковной, маркизъ сталъ было уже снова засыпать, какъ вдругъ глухая возня съ страннымъ какимъ-то шорохомъ, за стѣной, у которой стояла его кровать, заставила его встрепенуться.

Онъ сталъ прислушиваться. Шумъ не прекращался, а скорѣе даже усиливался; явственно раздавались шаги разбѣгающихся по разнымъ направленіямъ босыхъ ногъ, шопотъ, сопровождаемый вздохами и сдержаннымъ кряхтеньемъ, точно протаскивали что-то тяжелое по комнатамъ и коридорамъ. По временамъ слышался скрипъ дверей и глухой трескъ подгнившихъ половицъ подъ тяжестью ступней.

Да, въ домѣ происходило необычайное что-то такое. Гости, можетъ быть, пріѣхали, Лошкаревы?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Маркизъ старался остановиться на этой мысли, но смутное предчувствіе чего-то недобраго продолжало мучить ему душу. Заснуть онъ ужъ не могъ и, машинально упершись взглядомъ въ дверь, выходившую въ коридоръ, онъ лежалъ, ни о чемъ не думая и досадуя на нежданныхъ посѣтителей, потревожившихъ его покой. Однако, возня не унималась. Сколько же ихъ понаѣхало, что до сихъ поръ размѣститься не могутъ? И почему не провели ихъ прямо во флигель для гостей, а размѣщаютъ въ домѣ?

Шумъ все усиливался и предосторожностей, чтобъ заглушить его, принималось все меньше и меньше; раздавались голоса, говоръ и даже возгласы, топали ужъ не босыми ногами, а въ сапогахъ съ гвоздями, хлопали дверьми по всѣмъ направленіямъ, а отдаленный гулъ, напоминавшій прибой морскихъ волнъ, давно ужъ гудѣвшій подъ окномъ и на который онъ не обращалъ вниманія, подымался все выше и явственнѣе, точно цѣлая толпа людей наполняла дворъ. И слышался среди этого гула сдержаныхъ голосовъ, по временамъ, какой-то странный звонъ. Это ночью-то, часа за три до разсвѣта, когда весь домъ долженъ былъ спать крѣпкимъ сномъ?

Ужъ не горитъ ли гдѣ-нибудь поблизости?

Маркизъ вскочилъ съ кровати, бросился къ окну и потянулъ къ себѣ ставень. Обыкновенно ставень этотъ, притворявшійся изнутри, легко отворялся, но на этотъ разъ, не взирая на всѣ усилія, онъ не подавался.

Маркизу стало жутко. Ставень оказался заколоченнымъ толстыми гвоздями. Проводя по немъ рукою, онъ ощупалъ шляпки этихъ гвоздей, вогнанныхъ молоткомъ такъ далеко, что нечего было и думать о томъ, чтобы вытащить ихъ безъ инструмента.

Маркизъ кинулся къ двери—заперта снаружи, и ключъ вынутъ. Кто-то пробѣжалъ мимо съ зажженной свѣчей въ рукѣ—онъ слышалъ шаги, и видѣлъ промелькнувшій мимо замочной скважины огонекъ.

Часъ отъ часу не легче. Его здѣсь заперли, чтобъ онъ не видалъ того, что происходитъ въ домѣ и на дворѣ, это ясно. Страхъ и любопытство съ минуты на минуту мучили его нестерпимѣе. А шумъ, говоръ и возня кругомъ, въ домѣ и на дворѣ, все усиливались. До ушей его сталъ доноситься топотъ лошадей и громыханье экипажа, а на выбѣленной стѣнѣ, противъ окна, забѣгали огни. Онъ вспомнилъ про отверстіе въ видѣ сердца, вырѣзанное въ верхней половинѣ ставня, и вскочилъ на подоконникъ, чтобы выглянуть изъ этого отверстія на дворъ. Сквозь тусклыя, зеленоватыя стекла, кромѣ движущихся безформенныхъ черныхъ массъ, при мерцающемъ блескѣ какихъ-то огней, ничего нельзя было различить. Раздраженный всѣми этими препятствіями, внѣ себя отъ страха и недоумѣнія, онъ, не долго думая, продѣлъ руку въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отверстіе ставня, вышибъ кулакомъ стекло, и тогда слѣдующее зрѣлище предстало его изумленнымъ глазамъ: толпа дворовыхъ, съ зажженными факелами и фонарями, окружала дорожную карету, навьюченную важами и чемоданами. Лошади были уже впряжены, онѣ фыркали и ржали, позванивая бубенчиками и колокольцами, готовыя пуститься въ путь. На широкихъ козлахъ, рядомъ съ ямщикомъ, сидѣлъ камердинеръ. Знакомая маркизу Глаша подавала ему какой-то большой свертокъ, который онъ засовывалъ себѣ за спину. На крыльцѣ стояла Марѳа Григорьевна, окруженная своей обычною свитой, Ѳедосьей Ивановной, Митинькой, Варварой Петровной и дворецкимъ Игнатіемъ Самсонычемъ. Одной рукой старуха опиралась на плечо Марѳиньки, а другой на костыль съ золотымъ набалдашникомъ, служившій ей обыкновенно не столько для подпоры, сколько для того, чтобы мимоходомъ поучить кого нужно изъ попадавшихся ей на встрѣчу людишекъ, когда она дѣлала свой обходъ по хозяйству. По всему было видно, что она только-что распростилась съ правнукомъ. Взволнованной походкой, низко опустивъ голову и приложивъ бѣлый батистовый платокъ къ глазамъ, юноша шелъ къ каретѣ въ сопровожденіи Потапыча. И не успѣлъ маркизъ сообразить какъ ему поступить, кричать ли въ окно, бить ли стекла или попытаться выломать ставень и раму, чтобы выскочить на дворъ, какъ ужъ оба, и воспитанникъ его и Потапычъ, очутились въ каретѣ. Кто-то подскочилъ, завернулъ подножку и захлопнулъ дверцу.

— Съ Богомъ! Трогай!—раздался, среди внезапно воцарившейся тишины, властный голосъ Марѳы Григорьевны.

— Съ Богомъ! Съ Богомъ!—повторили въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе.

Кучеръ приподнялся на козлахъ, замахнулся кнутомъ и застоявшіеся кони весело и дружно понесли карету черезъ растворенные настежь ворота въ тополевую аллею.

За ними помчались, подпрыгивая на кочкохъ, тарантасы и подводы съ людьми и поклажей, да съ полсотни верховыхъ съ фонарями въ рукахъ, съ ножами и топорами за поясомъ.

Съ минуту еще, постепенно замирая въ темнотѣ, слышалось гиканье, звонъ колокольчиковъ, стукъ колесъ и топотъ лошадиныхъ копытъ, а затѣмъ все стихло.

Оставшіеся на дворѣ люди разбрелись кто куда, желѣзомъ окованныя двери захлопнулись за старой барыней съ ея свитой, и тяжелый болтъ на цѣпяхъ, которымъ каждую ночь, закладывалась дверь громко звякнулъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XIX.

Только тутъ, среди наступившихъ мрака и тишины, почувствовалъ себя маркизъ плѣнникомъ этой загадочной женщины, Марѳы Григорьевны, и понялъ, что онъ вполнѣ въ ея власти.

Но прежде чѣмъ окончательно примириться съ этою печальною мыслью, онъ попытался отнестись къ своему положенію свысока и, напустивъ на себя развязность, приказалъ вошедшему къ нему утромъ въ обычный часъ казачку Прошкѣ прислать къ нему Игнатія Самсоныча.

А когда этотъ послѣдній явился на его зовъ, онъ объявилъ ему, что желаетъ немедленно выѣхать изъ Воротыновки.

— Вы обязаны дать мнѣ экипажъ и лошадей. Вашъ молодой баринъ поступилъ со мной неблагородно и будетъ за это наказанъ. Я поѣду прямо въ городъ и буду на него жаловаться господину губернатору, который на то поставленъ отъ царя вашего, чтобы не давать господамъ безобразничать. Губернаторъ заставитъ молодого барина, мсье Alexandre, заплатить мнѣ за безчестье и обманъ. Я этого дѣла ни за что такъ не оставлю и никого не боюсь, потому что я французъ и никто не смѣетъ мнѣ ничего сдѣлать дурного въ Россіи. Такъ и скажите вашей барынѣ, Марѳѣ Григорьевнѣ.

Самсонычъ должно быть въ точности передалъ протестъ француза своей госпожѣ, потому что не прошло и десяти минутъ, какъ уже гонецъ отъ этой послѣдней, казачекъ Мишка, мчался на верхъ какъ угорѣлый, сверкая пятками и, ворвавшись какъ бомба въ комнату француза, весь красный отъ усилій сдерживать разбиравшій его смѣхъ, скороговоркой прокричалъ:—Пожалуйте къ барынѣ! А затѣмъ, фыркая въ кулакъ, кубаремъ скатился по лѣстницѣ обратно въ буфетную, длинную комнату, уставленную шкапами и ларями, гдѣ дворня собралась толковать о неожиданномъ и поспѣшномъ отъѣздѣ молодого барина, и о томъ что ждетъ арестованнаго, по распоряженію барыни, француза.

Стараясь всѣми силами сохранить собственное достоинство, чтобы никто, Боже сохрани, не догадался, что онъ труситъ, маркизъ медленно и важно, выпячивая впередъ пышное, кружевное жабо, прошелъ черезъ комнаты, отдѣлявшія его помѣщеніе отъ кабинета хозяйки. Попадавшаяся ему на пути челядь провожала его сверкающими отъ любопытства глазами, а онъ надувался все больше и больше, и, по выраженію вострухи Машки, ужъ совсѣмъ индѣйскимъ пѣтухомъ предсталъ передъ Марѳой Григорьевной.

Остановившись передъ кресломъ съ высокой спинкой, на которомъ возсѣдала Воротыновская помѣщица, онъ приступилъ къ изложенію своихъ претензій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Долго слушала Марѳа Григорьевна, молча и съ безстрастнымъ выраженіемъ лица, рѣчь француза, запальчивую, полную горькихъ упрековъ и скрытыхъ угрозъ по адресу ея правнука и, наконецъ, не выдержала, ударила кулакомъ по столу и грозно приказала ему замолчать.

— Будетъ, молчи лучше. Алексаша тутъ ни причемъ. Какъ я ему приказываю, такъ онъ и дѣлаетъ. По моей волѣ ты здѣсь оставленъ. И будешь жить у меня на глазахъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не заблагоразсудится тебя отпустить. А когда придетъ конецъ твоему плѣну, лучше и не пытайся узнавать, потому что я сама еще этого не знаю.

И помолчавъ немного, она продолжала, устремивъ на своего ошеломленнаго слушателя пронзительный взглядъ, и съ торжественною медлительностію, отчеканивая слова:

— Все зависитъ отъ того, скоро ли государь императоръ внемлетъ моей просьбѣ, и прикажетъ наложить опеку, на выжившаго изъ ума, сына моего Григорія Андреевича Воротынцева и выгнать изъ его владѣній подлую женку Дарьку, которая раззоряетъ его и которой онъ, по дряхлости своей и скудоумію, противиться не въ силахъ. Можетъ, на твое счастье, государь соблаговолитъ снизойти къ моей просьбѣ немедленно, а, можетъ, онъ прикажетъ слѣдствіе нарядить. Ну, тогда ужъ тебѣ плохо будетъ, потому всѣ твои шашни съ Дарькой откроются и не миновать тебѣ за всѣ твои продерзости отвѣта. Ужъ какъ тебя наказывать станутъ—не знаю. Можетъ, въ Сибирь сошлютъ, можетъ, въ тюрьму запрячутъ, а можетъ, кнутомъ отодравъ, изъ предѣловъ Россіи выгонятъ, это ужъ отъ суда будетъ зависѣть, какъ порѣшатъ, такъ и будетъ. А до тѣхъ поръ, пока съ Дарькой расправа не учинена, изъ Воротыновки тебѣ ходу нѣтъ. Такъ и знай. А бѣжать вздумаешь, да людишекъ моихъ смутишь, чтобы помогли тебѣ меня обмануть, не прогнѣвайся, тогда ужъ добра себѣ не жди, прикажу тебя изловить и такъ съ тобою расправлюсь, что всю жизнь будешь помнить. Такая ужъ наша россійская нація, терпимъ долго, а изъ терпѣнія выйдемъ, передъ расправой не задумываемся, понялъ?—грозно возвысила она голосъ.

Да, маркизъ теперь уже вполнѣ понималъ свое положеніе. При имени Дарьки онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и задрожалъ. Если ужъ и это здѣсь извѣстно, значитъ, пощады ему ждать нечего.

Предположенія, одно другого ужаснѣе, замелькали въ его умѣ. Вотъ, вотъ, сейчасъ поведутъ его въ застѣнокъ (онъ не сомнѣвался теперь, что въ которомъ-нибудь изъ многочисленныхъ подваловъ Воротыновскаго дома непремѣнно долженъ быть застѣнокъ. Подвалы эти запирались такими страшными, обитыми желѣзомъ дверьми, на нихъ висѣли замки такихъ огромныхъ размѣровъ, и заржавленные, вѣроятно, со слѣдами крови).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Начнутъ его пытать, вымучивать изъ него нестерпимыми страданіями подробности о сношеніяхъ его съ фавориткой старика Воротынцева. А что онъ можетъ сказать, кромѣ того, что амурничалъ съ полногрудой и черноокой Дарькой и находилъ забавной ея затѣю сдѣлаться законной супругой богатаго помѣщика знатнаго рода? Ровно ничего. Серьезныя и опасныя интриги были не въ его вкусѣ и когда возлюбленная его стала совѣтоваться съ приказнымъ, выписаннымъ нарочно для этого изъ Москвы, ему такъ прискучило слушать ихъ толки про законы, да про то, какими уловками надо обходить эти законы, чтобы не попасться, что онъ сталъ дѣятельно хлопотать о скорѣйшемъ отъѣздѣ воспитанника своего на службу въ Петербургъ. И такъ искусно съумѣлъ доказать, что присутствіе его при молодомъ барчукѣ необходимо, что его даже стали упрашивать сопровождать юношу. Но развѣ повѣрятъ его словамъ? Разумѣется, нѣтъ и ничто не спасетъ его отъ казни. Его непремѣнно повѣсятъ или, по здѣшней модѣ, либо засѣкутъ до смерти, либо отрубятъ голову. И спасти его некому. Старуха здѣсь полновластна, у нея больше чѣмъ десять тысячъ рабовъ, готовыхъ безпрекословно исполнять всякое ея приказаніе, какое бы оно ни было. А онъ здѣсь такъ одинокъ, что никто даже и не позаботится узнать, куда онъ дѣлся, когда его не будетъ въ живыхъ.

Кровь застыла у него въ жилахъ отъ ужаса, ноги сами собой подкосились и онъ упалъ на колѣни съ глухимъ воплемъ.

— Ну, встань, встань, что ужъ такъ оробѣлъ,—морщась вымолвила Марѳа Григорьевна, не ожидавшая такого пассажа.

Понюхавъ табаку изъ золотой табакерки, съ портретомъ императрицы Екатерины Алексѣевны, съ которой она никогда не разставалась, старуха продолжала уже не такъ строго и съ оттѣнкомъ добродушной ироніи.

— А ты, подожди робѣть то, ни пытать тебя, ни казнить никто еще не собирается. Ты только намъ свою покорность настоящимъ манеромъ докажи, перестань фордыбачиться и заживешь ты у насъ разчудесно. Какъ было при Лексашѣ, такъ и теперь будетъ. Пищи и питія вволю и всякія тамъ удовольствія. Хоть кажинный вечеръ музыку играй да пляши съ дѣвицами, запрета тебѣ на это не будетъ. И чего захочетъ твоя душа, того пусть и проситъ—вина ли заморскаго, сластей ли какихъ... вотъ я замѣтила, что ты до маковниковъ въ меду охотникъ, кушай ихъ себѣ на здоровье хоть по полпуду въ день. Вздумаешь покататься, одинъ или съ кѣмъ-нибудь, и въ коняхъ тебѣ никогда отказа не будетъ, все тебѣ будетъ готово и подано въ какое время ни потребуешь.

Можно себѣ представить какой бальзамъ вливали въ душу маркиза эти слова! Онъ приподнялся съ колѣнъ, а Марѳа Григорьевна между тѣмъ продолжала:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И жалованье будетъ тебѣ идти отъ меня столько же, сколько ты у Лексаши получалъ, да сверхъ того изрядную сумму выдамъ тебѣ при прощаніи, когда придетъ тотъ часъ, что можно будетъ тебя отпустить. Небось, не обижу! Знаю я про твою вертопрашность и распутство, но также и про то мнѣ извѣстно, что другой на твоемъ мѣстѣ проявилъ бы и корысть изрядную, а ты на это простъ и, окромя пустыхъ финтифлюшекъ, ничѣмъ не съумѣлъ отъ той мерзавки, подлой женки Дарьки, попользоваться. И не съ чѣмъ бы тебѣ даже до Москвы добраться, кабы отпустила я тебя, по той причинѣ, что тѣ золотые, что я тебѣ вчера пожаловала, ты ужъ успѣлъ на половину растранжирить, Глашкѣ съ Машкой по цѣлому червонцу отвалилъ, того не понимая, что имъ и алтына за глаза довольно-предовольно. Вотъ ты какой легкомысленный человѣкъ! И смѣшно мнѣ на тебя, да и жалко отчасти, потому сирота ты, и на чужбинѣ, и хотя французъ, а все жъ душа въ тебѣ христіанская. А мнѣ ужъ жить не долго и обязана я передъ Богомъ и передъ людьми ко всякой твари милосердіе и справедливость соблюдать, чтобъ на томъ свѣтѣ мнѣ самой въ отвѣтѣ не быть.

Такихъ заключительныхъ словъ отъ грозной Воротыновской помѣщицы маркизъ ужъ никакъ не ожидалъ. Окончательно успокоившись, онъ, со свойственною ему впечатлительностью, почувствовалъ себя даже счастливымъ, что дѣло приняло такой благопріятный оборотъ. Послѣ грозившихъ ему пытокъ и казней, плѣнъ въ Воротыновкѣ сталъ казаться ему чуть ли не земнымъ раемъ.

Бесѣда кончилась тѣмъ, что маркизъ, со слезами умиленія на глазахъ, далъ торжественное обѣщаніе, скрѣпленное честнымъ словомъ французскаго дворянина, повиноваться безпрекословно всѣмъ требованіямъ Марѳы Григорьевны. И чувствуя потребность особеннымъ чѣмъ-нибудь выразить ей полноту своихъ чувствъ и признательности, онъ объявилъ, что не желаетъ даромъ пользоваться ея милостями и въ такомъ только случаѣ согласится брать жалованье, если она позволитъ ему учить Марѳиньку.

— Вотъ это дѣло,—объявила съ благосклонной улыбкой Марѳа Григорьевна.—Выучишь Марѳиньку по-французски, да на клавесинѣ играть, награжу тебя такъ, какъ ты и не ожидаешь.

Маркизу такъ полюбилось привольное житье въ Воротыновкѣ, что когда пришла вѣсть о томъ, что Дарька выслана изъ предѣловъ Московской губерніи, онъ отнесся вполнѣ равнодушно къ этому извѣстію и воспользоваться свободой, которую ему теперь предоставляли, не пожелалъ.

— Да живи себѣ у насъ хоть до самой смерти, если тебѣ хорошо,—отвѣчала со смѣхомъ Марѳа Григорьевна, когда онъ попросилъ у нея позволенія остаться въ Воротыновкѣ.—Безъ дѣла

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не останешься. Вотъ Богъ дастъ Марѳиньку замужъ выдадимъ, дѣтки у нея пойдутъ, ты и ихъ учить будешь.

Но планамъ этимъ осуществиться не было суждено. Задолго до того времени, когда Марѳинькѣ можно было выйти замужъ, наступилъ двѣнадцатый годъ, сдѣлалось извѣстно о нашествіи Наполеона на Россію и французу жить среди русскихъ мужиковъ стало не безопасно. Марѳа Григорьевна дѣятельно захлопотала о томъ, чтобы дать маркизу возможность благополучно выбраться за границу и, благодаря своимъ связямъ и щедрости, успѣла въ этомъ.

Прощаніе было трогательное. Маркизъ, рыдая, увѣрялъ, что чтитъ и любитъ ее какъ родную мать и никогда не забудетъ ея благодѣяній.

— И я тебя полюбила, мусью, и дай тебѣ Богъ всего хорошаго. Сердце у тебя доброе, хотя ты и французъ, и простоты въ тебѣ столько же, сколько и у нашего брата, русскаго,—отвѣчала не безъ волненія Марѳа Григорьевна.

И осѣнивъ его большимъ православнымъ крестомъ, она надѣла ему на шею образокъ Иверской Божьей Матери, который онъ торжественно поклялся никогда съ себя не снимать.

XX.

Но кому было особенно тяжело разставаться съ французомъ, это Марѳинькѣ.

Ей шелъ тогда только 13-й годъ, но по уму, развитію и познаніямъ, она ровнялась вполнѣ взрослой дѣвицѣ. Да и не многія дѣвицы въ то время знали французскую литературу, исторію и географію, рисовали и играли на клавесинѣ такъ прекрасно, какъ она.

Всѣ свои книги оставилъ ей маркизъ на память, въ знакъ дружбы, уѣзжая изъ Воротыновки. Марѳинька уставила ими большой шкафъ въ библіотекѣ и ключъ отъ него постоянно держала при себѣ. Днемъ онъ лежалъ въ одномъ изъ кармановъ ея тафтянаго передника, а ночью, она прятала его подъ подушку, чтобы, Боже упаси, кто-нибудь не похитилъ ея сокровищъ. Книгъ ей оставилъ маркизъ много, около двухъ сотъ томовъ, и всѣ онѣ одинаково ей были дороги и нужны, всѣ до единой. Нѣкоторыя она столько разъ перечитала, что знала ихъ наизусть; другія успѣла пробѣжать только на половину, до третьихъ еще вовсе не дотрогивалась, но она была убѣждена, что онѣ чрезвычайно интересны, и что когда ей минетъ 16 лѣтъ, она все въ нихъ поймета. До тѣхъ поръ, другъ ея, маркизъ, просилъ ее въ нихъ не заглядывать и она свято хранила этотъ завѣтъ.

Маркизу она во всемъ вѣрила и во всемъ старалась поступать согласно его совѣтамъ и указаніямъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Одинъ онъ только и имѣлъ вліяніе на ея умственное и душевное развитіе. Марѳа Григорьевна обращалась съ нею какъ съ ребенкомъ. Онъ же очень скоро подружился съ нею, какъ съ равнымъ себѣ человѣкомъ. Она одна, во всемъ домѣ, могла понимать его. Съ нею не надо было пріискивать русскія слова, для выраженія мысли, она такъ быстро и хорошо усвоила себѣ французскій языкъ, что онъ по цѣлымъ часамъ могъ съ нею бесѣдовать или, лучше сказать, думать при ней вслухъ о своей родинѣ, о прошломъ, о надеждахъ на будущее. Само собою разумѣется, что ни возраженій, ни обмѣна мыслей онъ ждать не могъ отъ маленькой дикарки, которая ничего, кромѣ Воротыновки, въ своей жизни не видывала, но ему ужъ и то было отрадой, что его слушаютъ съ интересомъ, и понимаютъ каждое его слово.

Иногда, наскучивъ заниматься собой, онъ принимался фантазировать на счетъ своей маленькой пріятельницы.

Марѳинька была сирота. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, всѣ были убѣждены въ Воротыновкѣ. Но кто были ея родители и какъ она попала сюда, это никому здѣсь не было извѣстно, кромѣ Марѳы Григорьевны, разумѣется, да еще Ѳедосьи Ивановны, можетъ быть, но узнать отъ нихъ то, что̀ имъ желательно было скрывать, нечего было и пытаться.

Французъ находилъ въ этой тайнѣ много привлекательнаго и охотно предавался всевозможнымъ предположеніямъ относительно происхожденія своей ученицы. Она, безъ сомнѣнія, дитя любви и завѣщана Марѳѣ Григорьевнѣ дорогой ей и близкой личностью, только этимъ обстоятельствомъ и можно было объяснить привязанность Воротыновской помѣщицы къ дѣвочкѣ.

Происхожденія Марѳинька должна быть знатнаго. У хамскаго отродья не могло быть такихъ правильныхъ чертъ лица, такого восхитительнаго разрѣза зеленовато-сѣрыхъ глазъ, такихъ миніатюрныхъ рукъ и ногъ, такого стройнаго стана и такихъ чудныхъ волнистыхъ волосъ пепельнаго цвѣта. А бѣлизна и тонкость кожи? а блѣдный, какъ лепестокъ розы, распустившейся въ теплицѣ,— румянецъ на щечкахъ? а врожденная томная грація въ каждомъ движеніи, развѣ это не доказываетъ ея аристократическаго происхожденія?

Но чья она дочь? Тутъ ужъ маркизъ терялся въ догадкахъ.

Въ домѣ была портретная галлерея и, осматривая ее, онъ находилъ у Марѳиньки сходство съ каждой изъ красавицъ, развѣшанныхъ въ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ. У одной были точно такіе же брови дугой, какъ у нея, у другой—глаза, у третьей—губы и лобъ. Но кого она дѣйствительно, годъ отъ году, все болѣе и болѣе напоминала, это бывшаго ученика маркиза, молодого Воротынцева. И не всегда, а тогда только, когда она смѣялась. Впрочемъ, сходство это было такъ неуловимо и мимолетно, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

основывать на немъ какіе бы то ни было выводы, было довольно трудно.

Какъ бы тамъ ни было, но болтливый и неосторожный французъ возбудилъ и въ Марѳинькѣ любопытство, узнать кто она и откуда. Спрашивать объ этомъ кого бы то ни было, она не рѣшалась, но мечтамъ своимъ на этотъ счетъ давала полную волю.

И до чего только не доводили ее эти мечты!

Послѣ отъѣзда маркиза, у Марѳиньки ничего, кромѣ этихъ мечтаній да книгъ, не осталось.

Чтобы на свободѣ предаваться грезамъ на яву, она уходила въ самые уединенные уголки парка или забивалась съ книгой въ одну изъ тѣхъ парадныхъ комнатъ, въ которыя никто никогда не входилъ, съ мебелью, зеркалами и люстрами, окутанными чахлами, точно привидѣнія въ саванахъ, и гдѣ часто летучія мыши, перелетая съ одного лѣпного карниза на другой, заставляли ее замирать отъ ужаса, внезапнымъ шорохомъ своихъ крыльевъ.

Но ничего такъ не любила она, какъ въ лунныя ночи сидѣть у раскрытаго окна и всматриваться въ движущіяся тѣни между деревьями до тѣхъ поръ, пока изъ серебристой зыби полумрака не начинали выдѣляться призраки, вызываемые ея фантазіей, такъ явственно, что ей становилось жутко. Тогда только поспѣшно затворяла она окно, стремительно добѣгала до кровати, куталась въ одѣяло и съ сладкой дрожью во всемъ тѣлѣ, съ отуманенной странными видѣніями головой, крѣпко засыпала.

Марѳѣ Григорьевнѣ такъ мало былъ знакомъ внутренній міръ ея воспитанницы, что, первое время послѣ отъѣзда маркиза, ее заботила мысль о томъ, что Марѳинька, какъ дитя, перезабудетъ все, чему она у него училась и что надо непремѣнно нанять ей другого учителя или учительницу. Изъ нѣмцевъ что ли, если французовъ держать въ домѣ, по нонѣшнимъ временамъ, опасно и зазорно.

Она писала объ этомъ въ Петербургъ и въ Москву своимъ внукамъ и внучкамъ, въ томъ числѣ и Александру Воротынцеву, и всѣ ей, точно сговорившись, отвѣчали, что не такое теперь время, чтобъ думать объ учителяхъ и заниматься воспитаніемъ дѣтей. Французы подходили къ Москвѣ. Александръ съ восторгомъ увѣдомлялъ прабабку о томъ, что дядя Фреденборгъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты и что они скоро выступятъ въ походъ.

Тѣмъ изъ русскихъ людей, кто драться съ французами не могъ, оставалось только корпію щипать, да молиться за наше православное воинство.

Прошло еще три года, въ тревогахъ, печаляхъ, но и не безъ радостей.

До Воротыновки французы не дошли.

Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Съ наслѣдникомъ своимъ Марѳа Григорьевна окончательно примирилась.

Она не могла не гордиться имъ. Во время войны онъ велъ себя героемъ и такъ умно исполнялъ предписанія начальства, что командиръ его, баронъ Фреденборгъ, по матери, рожденной Воротынцевой, доводившійся ему роднымъ дядей, а Марѳѣ Григорьевнѣ—внукомъ, писалъ этой послѣдней, что правнукъ ея и наслѣдникъ извѣстенъ лично государю и на пути къ блестящей карьерѣ.

— Ну и слава Богу! А теперь жениться бы ему, — замѣтила на это со вздохомъ Марѳа Григорьевна.

Александру шелъ всего только 23-й годъ и ему еще рано было связывать себя семьей. Но ей такъ хотѣлось умереть успокоенной на счетъ продолженія Воротынцевскаго рода! Одинъ, вѣдь, онъ, Алексаша, и остался для поддержанія этого рода.

Но онъ и не думалъ о женитьбѣ. Жизнь улыбалась ему. Онъ былъ богатъ, уменъ, красивъ, по тогдашнему блестяще воспитанъ, хорошаго древняго рода, ему казалось, что всѣ женщины на земномъ шарѣ принадлежатъ ему, и что нѣтъ между ними ни одной такой, для которой стоило бы жертвовать чѣмъ бы то ни было, даже мѣсяцемъ свободы.

Впрочемъ, чтобъ потѣшить прабабушку, онъ въ каждомъ письмѣ обѣщалъ пріѣхать въ Воротыновку, чтобы перетолковать съ нею о невѣстахъ, которыхъ со всѣхъ сторонъ ему предлагали.

Ждали его сюда и въ тотъ годъ, съ котораго начинается этотъ разсказъ. Но прошла весна, миновало лѣто, а онъ все не удосуживался навѣстить прабабку. Съ наступленіемъ же осени, Марѳа Григорьевна и ждать его перестала. Она занемогла тѣмъ недугомъ, первымъ и послѣднимъ въ ея жизни, отъ котораго и должна была умереть.

XXI.

Хворала Марѳа Григорьевна недолго. Въ Николинъ день, 6-го декабря, отстояла раннюю обѣдню въ новой церкви, что построила въ память избавленія Россіи отъ француза, на холмѣ, въ паркѣ и, вернувшись домой, передъ тѣмъ какъ садиться чай кушать, почувствовала себя дурно.

— Побѣлѣла вся и зашаталась. Кабы мы съ барышней не подскочили, да подъ ручки ихъ не подхватили, на полъ бы грохнулись,—объясняла Варвара Петровна дворовымъ, тѣснившимся въ сѣняхъ чернаго хода, чтобъ узнать, что приключилось съ барыней.

— Вотъ бѣда—распутица, а то за дохтуромъ бы въ городъ послать,—робко замѣтилъ кто-то.

Но Варвара Петровна въ испугѣ замахала руками.

— Ни Боже мей! Не желаютъ! Какъ открыли глазки, такъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

первыя ихъ слова были: «не вздумайте сдуру за дохтуромъ посылать». Такъ и сказали. Всѣ слышали, и Ѳедосья Ивановна и Митинька, и барышня. А потомъ изволили спросить, вынули ли ключи изъ кармана того шушунчика, что мы съ нихъ сняли, какъ задурнилось-то имъ, и приказали тѣ ключи подъ подушку себѣ положить. А потомъ, какъ уложили мы ихъ въ постель, да лисьимъ салопомъ прикрыли, изволили сказать: «пожила достаточно, надо и честь знать!»

— Господи Боже мой, Царица Небесная! — шептали со вздохомъ, крестясь, окружающіе.

— А за попомъ посылать не изволили? — полюбопытствовалъ кто-то изъ толпы.

— Нѣтъ, про попа ничего не наказывали.

— Стало быть часъ еще не наступилъ,— хрипло прошамкалъ Самсонычъ, съ трудомъ сдерживая слезы.

Буфетчикъ или, лучше сказать, домоправитель Марѳы Григорьевны, былъ толстый, обрюзгшій старикъ, лѣтъ 65-ти. Началъ дряхлѣть онъ съ ногъ. Ходить ему уже лѣтъ десять, какъ становилось все труднѣе и труднѣе. Однако, онъ каждый день сползалъ со своей лежанки, облекался въ ливрейный кафтанъ съ свѣтлыми пуговицами, красный камзолъ, кюлотъ, чулки и башмаки съ пряжками, а на голову напяливалъ напудренный парикъ, съ пучкомъ въ кошелькѣ, и становился во время обѣда за кресломъ своей госпожи.

Кромѣ того, на немъ лежала обязанность хранить ключи отъ подваловъ съ серебромъ и дорогими мѣхами съ коврами и суконами, изготовляемыми ни фабрикѣ и въ ковровой, а также на его попеченіи были тѣ парадныя комнаты бельэтажа, которыя отворялись только въ экстренныхъ случаяхъ.

Наружность Самсонычъ имѣлъ весьма благообразную, а тучность придавала ему еще болѣе представительности. Говорилъ онъ мало, медленно и выражался высокопарно, коверкая по своему слова, слышанныя отъ господъ въ столицѣ и уже такъ давно, что запомнить, какъ именно произносились эти слова, онъ не могъ.

Проживъ всю молодость въ столицѣ, онъ деревню не любилъ, въ особенности за то, что научиться здѣсь новымъ словамъ было не у кого.

Ума Самсонычъ былъ недальняго, но этого никакъ нельзя было угадать по его напыщенному и самоувѣренному виду.

Марѳа Григорьевна цѣнила въ немъ неограниченную къ себѣ преданность, знала, что онъ одну только ее и обожаетъ на свѣтѣ, и вѣрила ему безусловно; но тонкихъ порученій, тамъ гдѣ требовались сноровка и находчивость, недовѣряла ему; на это у нея была Ѳедосья Ивановна.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Самсонычъ находился при барынѣ безотлучно всю свою долгую жизнь. Съ трехъ лѣтъ ужъ состоялъ онъ у нея на службѣ; носилъ за нею вѣеръ; подавалъ ей коробочку съ мушками, румяна; поднималъ съ полу носовой платокъ, когда она его роняла. Ребенкомъ онъ былъ очень красивъ, и ее забавляло наряжать его и называть своимъ маленькимъ пажемъ. Позже его произвели въ помощники мажордома, а когда Марѳа Григорьевна переселилась въ деревню, онъ сдѣлался ея довѣреннымъ лицомъ по надзору за мужскимъ персоналомъ въ домѣ.

У него была гдѣ-то далеко семья, жена, съ которой онъ безъ всякаго сожалѣнія разстался, когда ее, вмѣстѣ съ двумя дочерьми, бѣлошвейками, и съ сыномъ, выѣзднымъ лакеемъ, Марѳа Григорьевна подарила одной изъ своихъ внучекъ, въ видѣ свадебнаго подарка. Самсонычъ никогда и не вспоминалъ про жену или про дѣтей, у него одна только и была забота—угодить барынѣ и всегда являться передъ ея свѣтлыя очи въ приличномъ и опрятномъ видѣ. А при тогдашнихъ модахъ не легко было этого достигнуть, да и времени требовалось не мало, чтобы какъ слѣдуетъ парикъ завить да напудрить и все къ костюму пригнать, чтобъ хорошо было.

Самсонычъ такъ сжился всѣмъ своимъ существомъ съ барыней Марѳой Григорьевной, что представить себѣ не могъ, какъ онъ будетъ существовать безъ нея. Мысль объ ея смерти никогда раньше не приходила ему въ голову и когда, вдругъ, пронеслось по дому, что барынѣ дурно, что она легла, чтобы больше ужъ не встать, Самсонычъ совсѣмъ ослабъ и растерялся.

— А вы сдерживайтесь, Игнатій Самсонычъ, того и гляди васъ туда потребуютъ, — замѣтила ему мимоходомъ Ѳедосья Ивановна, кивая въ сторону спальни.—Барыня, вы знаете, этого не любятъ, чтобы при ней забывались, обидѣться могутъ, если вы въ такомъ видѣ передъ ними явитесь,—прибавила она съ презрительной гримасой по адресу его перемятаго жабо, распухшаго отъ слезъ лица и небритаго подбородка.

Роковое извѣстіе застало Самсоныча какъ разъ въ ту минуту, когда онъ принимался за свой туалетъ и садился передъ зеркальцемъ съ бритвой въ рукахъ.

Тутъ ужъ было не до бритья, и чтобы скорѣе узнать въ чемъ дѣло, онъ выбѣжалъ въ буфетную, накинувъ затрапезное платье и въ парикѣ, надѣтомъ на скорую руку.

Слова Ѳедосьи Ивановны подѣйствовали. Самсонычъ торопливо сталъ оправляться, ощупалъ мѣшокъ съ косой на спинѣ, привычнымъ движеніемъ поправилъ букли парика спереди; стряхнулъ пыль и крошки отъ вчерашняго ужина, застрявшія въ плойкѣ жабо и энергичнымъ усиліемъ воли подавилъ трясеніе подкашивающихся подъ нимъ ногъ, такъ что, когда дѣвчонка, дежурившая

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

у двери спальни, прибѣжала его звать къ барынѣ, онъ довольно бодрой походкой послѣдовалъ за ней.

Но передъ тѣмъ, какъ переступить порогъ высокаго покоя, съ широкой кроватью подъ балдахиномъ на возвышеніи въ глубинѣ, на него снова нашло волненіе и робость, и затуманился взглядъ неудержимо набѣгавшими слезами.

— Самсонычъ это ты? — раздался знакомый голосъ, все еще твердый и властный, изъ глубины алькова.

Не двигаясь съ мѣста, онъ прошамкалъ что-то невнятное.

— Подойди ближе. А ты, Марѳинька, выйди малость, мнѣ съ нимъ вдвоемъ надо.

Съ двухъ широкихъ ступенекъ, обитыхъ краснымъ, выцвѣтшимъ и мѣстами потертымъ бархатомъ, въ pendant занавѣсямъ съ золотой бахрамой алькова, спустилась тонкая, стройная дѣвушка, въ узкомъ и короткомъ бѣломъ перкалевомъ платьѣ, съ рукавами—буфами, и съ зеленымъ широкимъ поясомъ, подъ мышками. Нѣжное личико, съ косой высоко подхваченной на затылкѣ черепаховымъ гребнемъ и съ мелкими кудерками спереди—было блѣдно и взволновано. Легкой походкой, едва прикасаясь до пола стройными ножками въ ажурныхъ чулкахъ и открытыхъ башмачкахъ одного цвѣта съ поясомъ, Марѳинька обогнула возвышеніе съ кроватью, пріотворила маленькую потайную дверь, и скрылась за нею. Самсонычъ же, тяжело ступая своими распухшими ногами, приблизился къ умирающей.

Глянувъ мелькомъ на пожелтѣвшее лицо, смотрѣвшее на него, съ наложенныхъ высоко подушекъ, пронзительнымъ взглядомъ, Самсонычъ еще ниже поникъ головой. Подбородокъ у него вздрогнулъ, углы губъ задергало и, какъ онъ ни крѣпился, но все-таки всхлипнулъ такъ громко, что барыня услышала.

— Не хнычь!—возвысила она голосъ, строго сдвигая брови.— Наплачетесь, когда хоронить меня станете, а теперь приказанія мои слушай да запоминай. Посылаетъ мнѣ Господь кончину въ такую пору, когда въ городъ проѣзда нѣтъ, такъ что и оповѣстить никого нельзя. Да и поздно, не успѣетъ гонецъ и до полпути доѣхать, какъ меня ужъ не станетъ. Должна я, значитъ, на тебя съ Ѳедосьей во всемъ положиться, больше не на кого. Ей ужъ наказъ мой данъ и присяга отъ нея принята, а теперича за тобой чередъ... Подойди ближе... Возьми ключи подъ подушкой... Сними тотъ маленькій, что шелковинкой перевязанъ,—отрывисто командовала она, по мѣрѣ того, какъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, старикъ, дрожащими руками, выполнялъ ея приказанія,—отцѣпи его отъ связки... вотъ такъ... а теперь пока въ карманъ камзола положи и сегодня же, какъ выйдешь отсюда, къ тому снурку привяжи, на которомъ у тебя натѣльный крестъ виситъ; а какъ пріѣдетъ молодой баринъ, въ собственныя руки ему этотъ ключикъ передай.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Скажи ему, ключъ этотъ отъ того потайнаго ящика въ черномъ бюро, гдѣ моя воля лежитъ. И до той поры пока онъ вамъ всѣмъ воли моей не объявитъ, никакихъ новшествъ здѣсь не вводить, слышишь? Какъ кто теперь живетъ при мнѣ, такъ пусть и безъ меня. Въ домѣ Марѳинька, Варвара, Митинька, все чтобъ имъ было готово и подано. Марѳиньку за барышню почитать и беречь, слышишь?

— Какъ повелишь такъ и будетъ, сударыня,—съ трудомъ вымолвилъ дрожащими губами старикъ.

Строгое выраженіе на лицѣ умирающей смягчилось немного.

— Ну, и смотри же! Вѣдь я васъ знаю, рады повольничать... на свою же голову. Распустить людишекъ не долго, а какъ ихъ потомъ соберешь да на разумъ наставишь, какъ воли-то понюхаютъ хоть день одинъ...

Голосъ ея оборвался и она довольно долго пролежала съ закрытыми глазами, съ трудомъ переводя дыханіе, дѣлавшееся съ минуты на минуту все тяжелѣе и тяжелѣе, а затѣмъ чуть слышно спросила:

— Проѣзду все нѣту?

— Нѣту, сударыня, нѣту.

— Ну, значитъ такъ Богу угодно наказать меня за грѣхи.

И снова собравшись съ силами, продолжала, хотя и тихимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Тамъ въ бюро есть и про Марѳиньку, а ты все-таки на словахъ скажи молодому барину, чтобъ онъ ее пожалѣлъ. Женатый можетъ онъ сюда пріѣдетъ, съ молодой супругой, намекъ такой былъ въ его послѣднемъ письмѣ про то, что дѣвица одна ему нравится, которую тетка Ратморцева, Татьяна Михайловна, взялась ему сватать... Какъ тамъ Богъ дастъ, а если женатымъ къ вамъ пріѣдетъ, ты и ее тоже попроси, молодую-то барыню, чтобы въ память мою къ Марѳинькѣ милостива была. Служи имъ какъ служилъ мнѣ, и милостью моей за то оставленъ не будешь... Подумала я объ васъ о всѣхъ, никого не забыла... Дождитесь только пріѣзда молодого барина и тогда, Богъ дастъ, добромъ меня помянете... А пріѣдетъ онъ сюда не раньше весны... Да раньше ему и не для чего здѣсь быть... По хозяйству и на фабрикѣ, отданъ Ѳедоту приказъ на годъ... А къ похоронамъ моимъ молодому барину все равно не поспѣть... Какъ меня хоронить, про то я скажу попу, какъ придетъ меня соборовать, а тебѣ вотъ мой приказъ: соблюди, чтобы на поминкахъ дворовая челядь не перепилась до безобразія. Мужики и фабричные, тѣ по дальнымъ избамъ въ село разбредутся, этихъ я не опасаюсь, а тѣ, что при домѣ, да въ ближнихъ флигеляхъ живутъ, тѣ пусть себя соблюдутъ, чтобы, Боже храни, дьячковъ, Крамаря съ Алтыновымъ, въ соблазъ не вводить!.. Имъ отъ меня будетъ приказано сорокъ дней и сорокъ ночей попеременно псалтырь въ церкви читать надъ тѣмъ мѣстомъ, куда гробъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мой опустятъ, такъ чтобы все это чинно дѣлалось, а не съ лѣнью и пьянствомъ... Да и передъ чужими господами, что пріѣдутъ меня хоронить, не гоже, скажутъ: не успѣла Марѳа Григорьевна Воротынцева глаза закрыть, а ужъ людишки ея перепились да безобразничаютъ....

Отпустивъ Самсоныча, Марѳа Григорьевна послала за Ѳедотомъ, воротынцевскимъ старостой и дала ему наставленіе, какъ поступать послѣ ея смерти, пока молодой баринъ не пріѣдетъ. А потомъ, переговоривъ съ нимъ обо всемъ обстоятельно, приказала сказать священнику, что желаетъ собороваться.

Церемонія происходила весьма торжественно, въ присутствіи толпы болѣе чѣмъ въ тысячу человѣкъ. Собралось бы въ барскій дворъ народу еще болѣе, еслибы былъ проѣздъ изъ сосѣднихъ деревень и хуторовъ. Барыня приказала всѣхъ пускать, кто захочетъ съ нею проститься и помолиться вмѣстѣ съ нею въ послѣдній разъ.

Стоять уже она не могла и всю службу провела сидя поперекъ своей широкой кровати, опираясь спиной о подушки, въ кружевныхъ наволочкахъ. Сама она была вся въ бѣломъ, очень нарядная, зажженную свѣчку въ рукахъ держала твердо и зорко посматривала по сторонамъ, все ли такъ дѣлается, какъ слѣдуетъ.

Бархатный пологъ съ золотой бахрамой у кровати, выдвинутой, для этого торжественнаго случая, на средину покоя, былъ со всѣхъ сторонъ приподнятъ и изо всѣхъ дверей, растворенныхъ настежь въ сосѣднія комнаты и коридоры, тѣснились головы.

Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть въ послѣдній разъ на барыню.

Ѳедосья Ивановна слѣдила за порядкомъ: тѣхъ, что насмотрѣлись, отпихивала назадъ, а другихъ впередъ выводила, чтобы никому не было обидно и чтобы всякому, хоть на минуточку, удалось взглянуть въ послѣдній разъ на ту, отъ которой столько лѣтъ зависѣла его судьба.

Когда умирающая, низко кланяясь на всѣ четыре стороны, стала просить громкимъ и твердымъ голосомъ православныхъ, чтобъ отпустили ей вольныя и невольныя ея противъ нихъ прегрѣшенія и молились за упокой ея грѣшной души, слова эти, передаваемыя изъ устъ въ уста взволнованнымъ шопотомъ, въ одно мгновеніе облетѣли всю толпу, начиная отъ тѣхъ, которымъ удалось проникнуть въ барскія хоромы и кончая тѣми, которые за тѣснотой, дальше лѣстницы и крыльца добраться не смогли, и такой поднялся вопль, что далеко его было слышно.

Н. Мердеръ (Северинъ).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТКИ ИМПЕРАТОРТКИХЪ ТЕАТРОВЪ Д. М. ЛЕОНОВОЙ [1].

IV.

Концертъ въ Варшавѣ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Объясненіе съ министромъ двора графомъ Адлербергомъ. — Его желаніе, чтобы я осталась на службѣ.—Появленіе мое въ оперѣ «Русалка».—Новый директоръ театровъ Сабуровъ.—Возобновленіе со мной контракта.—Появленіе мое въ Москвѣ въ роли Азучены въ оперѣ «Трубадуръ».—Успѣхъ мой въ этой роли.—Исторія постановки «Трубадура» въ Петербургѣ.—Интриги Ѳедорова и капельмейстера Лядова. — Непріязненныя отношенія ко мнѣ Сѣтова. — Столкновеніе съ нимъ.— Случай со мной въ Кронштадтѣ.—Пѣвецъ Никольскій. — Его поступокъ со мной.

ВОЗВРАЩАЯСЬ въ Петербургъ, мнѣ не хотѣлось проѣхать Варшаву, этого музыкальнаго города, сужденіе котораго могло бы только увеличить мою извѣстность.

Въ Варшавѣ я остановилась въ «Grand Hôtel» самой хорошей гостинницѣ города. Появились тотчасъ же знакомые. Я выразила желаніе дать концертъ. Но мнѣ посовѣтывали поговорить предварительно объ этомъ съ нѣкоторыми поляками, понимавшими положеніе дѣлъ того времени, такъ какъ это было наканунѣ польскаго возстанія 1862 года. Поляки высшаго круга, къ которымъ я обратилась за совѣтомъ, прямо отговаривали меня давать концертъ, потому что я, какъ русская, рисковала попасть подъ непріятность. Но желая сдѣлать мнѣ угодное, они нашли болѣе удобнымъ устроить

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 120.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

частнымъ образомъ музыкальный вечеръ въ роскошной залѣ того же отеля, куда приглашены были извѣстные варшавскіе тузы и цѣнители музыки; тамъ присутствовалъ также талантливый композиторъ Монюшко. Такое устройство вечера предохранило меня отъ какой-нибудь выходки, могущей меня шокировать, и на другой день появились въ газетахъ, какъ нельзя болѣе лестные, отзывы о моемъ пѣніи и голосѣ.

Первымъ дѣломъ моимъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, было—купить оперу «Жизнь за царя», чтобы послать ее въ Парижъ къ Корвало. Стелловскій, въ магазинѣ котораго я купила ее, предложилъ мнѣ отправить ноты прямо изъ магазина и потомъ передать мнѣ почтовую квитанцію. Какова же была моя досада, когда я, пріѣхавъ къ Стелловскому за квитанціей, услышала, что онъ затерялъ ее; впослѣдствіи оказалось, что оперу въ Парижѣ не получали [1]).

Письмо Ѳедорова, полученное мною въ Парижѣ, заставило меня, по возвращеніи въ Петербургъ, поступать осмотрительно, чтобы оградить себя отъ дальнѣйшихъ непріятностей, и потому я, никому ничего не говоря, отправилась къ министру двора, графу Адлербергу, объяснила ему все, и онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я потрудилась продолжать службу. Не знаю какъ это было объяснено моему начальству, но только, въ непродолжительномъ времени, мнѣ назначили пѣть «Русалку» Драгомыжскаго. Мнѣ не совсѣмъ пріятно было выступить въ «Русалкѣ», такъ какъ партія моя въ этой оперѣ была недостаточно эфектна для появленія въ первый разъ по возвращеніи изъ-заграницы. Конечно, публика, не смотря на это, все-таки встрѣтила меня рукоплесканіями, букетами и вѣнками, а въ газетахъ говорили, что съ голосомъ моимъ положительно совершилось что-то необыкновенное и что я сдѣлала громадные успѣхи въ пѣніи и игрѣ. Въ это время перемѣнился директоръ театровъ: вмѣсто Гедеонова былъ назначенъ Сабуровъ. Тогда же возобновили мой контрактъ; жалованье осталось тоже—600 рублей, 5 рублей поспектакльной платы и бенефисъ.

Я стала подумывать какъ бы пріобрѣсти для моего бенефиса оперу «Трубадуръ» и на мое счастіе узнала, что переводъ «Трубадура» на русскій языкъ сдѣланъ уже Рудневымъ въ Москвѣ. Доставъ его, я начала разучивать партію Азучены. Въ это время, какъ разъ меня командировали на мѣсяцъ въ Москву, гдѣ въ русской оперѣ былъ большой недостатокъ въ пѣвицахъ. Я пробыла тамъ гораздо болѣе срока моей командировки и такъ какъ въ это время тамъ поставили «Трубадура», то я и пѣла Азучену.

«Трубадуръ» на русскомъ языкѣ произвелъ въ Москвѣ громадное впечатлѣніе. Рецензіи были самыя лестныя. Между прочимъ

---

[1]) Можетъ быть, г. Стелловскій поступилъ такъ потому, что боялся перепечатки этой оперы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

много говорили о типѣ, который я придала Азученѣ. Въ этомъ мнѣ также много помогла моя заграничная поѣздка. Надо замѣтить, что до отъѣзда еще моего за-границу, Азучену играла въ Петербургѣ въ италіанской оперѣ Демерикъ-ля-Блашъ. Публика восторгалась ею и, вѣроятно, я старалась бы подражать ей и гримировалась бы также, если бы не случай, который далъ мнѣ поводъ обдумать типъ Азучены поглубже.

Какъ разъ наканунѣ пріѣзда моего въ Парижъ, шелъ «Трубадуръ» и Азучену пѣла Демерикъ-ля-Блашъ. Газеты, къ удивленію моему, разнесли въ пухъ и прахъ типъ, который она придала Азученѣ. Нельзя было не согласиться съ мнѣніемъ рецензентовъ, что никогда Азучена не могла быть такою, какою Демерикъ-ля-Блашъ представляла ее. Главнымъ образомъ, она не должна быть такъ заграмированa; Азучена не должна была быть такой старой, такой дрожащей. Всѣ эти замѣчанія я приняла къ свѣдѣнію и стала обдумывать эту роль. Тщательно прочитавъ либретто, я обратила вниманіе на то, что графъ Луно, спрашивая цыганку, говоритъ: «15 лѣтъ тому назадъ было событіе». Соображаясь съ этимъ, рецензенты были конечно правы, что цыганкѣ этой самое бо́льшое могло быть 40, 45 лѣтъ, а не 80, какъ изображала ее Демерикъ-ля-Блашъ. На этомъ основаніи, я создала типъ энергичной цыганки, смуглой и съ черными волосами, женщины еще въ полной силѣ. Когда извѣстный италіанскій пѣвецъ Тамберликъ увидалъ меня въ этой роли, то назвалъ меня «королевой Азученъ».

Во время пребыванія моего въ Москвѣ, въ Петербургѣ сгорѣлъ циркъ, въ которомъ давались оперы, такъ что, когда я пріѣхала въ Петербургъ, оперы шли только въ Александринскомъ театрѣ.

Имѣвъ въ Москвѣ такой громадный успѣхъ въ роли Азучены, я просила новаго директора, чтобы въ мой бенефисъ поставили въ Петербургѣ «Трубадура». Директоръ разрѣшилъ, приказалъ распорядиться о высылкѣ изъ Москвы нотъ съ переводомъ всѣхъ партій; но, благодаря Ѳедорову, вышло такъ, что нотъ не высылали очень долго. Тогда, предвидя что по этому поводу возникнутъ еще большія интриги, я попросила мужа съѣздить въ Москву. Ему дана была бумага на полученіе нотъ отъ дирекціи, въ томъ предположеніи, что ноты уже написаны. Оказалось, что не только ноты не написаны, но тамъ ничего даже не знаютъ объ этомъ. Чтобы подвинуть дѣло, мужъ мой заплатилъ за все и черезъ недѣлю привезъ всѣ партіи. Ѳедоровъ былъ не мало удивленъ этимъ сюрпризомъ. Но дѣлать нечего, роли раздаются. Вдругъ начальникъ репертуара заявляетъ, что партію графа Луно играть некому. Я же, проученная безконечными интригами, предвидѣла это и раньше еще позаботилась объ артистѣ на эту роль, именно предложила ее пѣвцу Гумбину, который съ удовольствіемъ взялъ на себя роль графа Луно. Ѣду къ директору, объясняю ему все и говорю о Гум-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бинѣ. Директоръ былъ очень радъ за меня. Пріисканіе графа Луно устранилось. Назначаютъ репетиціи на сценѣ Александринскаго театра. Начинаютъ устроивать декораціи; все, кажется, идетъ хорошо. Но мнѣ все не вѣрится, чуется что-то не ладное,—оно такъ и вышло.

Декораторъ, конечно подговоренный, объявляетъ, что у него нѣтъ декорацій, подходящихъ для постановки «Трубадура». Услыхавъ это, я бросилась къ директору съ словами: «Ваше превосходительство, я вамъ говорила, что «Трубадуръ» не пойдетъ, и «Трубадуръ» не идетъ!» Онъ такъ былъ удивленъ этимъ, что соскочилъ съ мѣста.—«Почему?»—спрашиваетъ онъ. Я объяснила ему, что декораторъ не находитъ подходящихъ декорацій. Директоръ страшно разсердился. — «Поѣзжайте домой, «Трубадуръ» будетъ идти»,—сказалъ онъ. Затѣмъ призываетъ къ себѣ декоратора и задаетъ ему два вопроса: почему не можетъ идти «Трубадуръ» и сколько лѣтъ служитъ декораторъ при театрѣ? На первый вопросъ отвѣтъ уже извѣстенъ, на второй декораторъ отвѣчалъ: 18 лѣтъ. Тогда директоръ приказалъ ему: «Декораціи найти, замѣнить требуемое чѣмъ-нибудь подходящимъ, гдѣ нужно садъ, тамъ русскій огородъ, гдѣ дворецъ—избу, гдѣ тюрьму—что хотите поставьте, но чтобы «Трубадуръ» шелъ, иначе получите отставку безъ пенсіи».

Послѣ такого энергичнаго приказанія нашлось все. Для перваго раза и для Александринскаго театра опера поставлена была отлично и имѣла большой успѣхъ. Рецензенты превозносили меня; такъ, напримѣръ, Толстой Ростиславъ, критикъ изъ тѣхъ, которые говорили обо мнѣ прежде, что я способна пѣть только русскія пѣсни, разбирая мое пѣніе и мою игру въ «Трубадурѣ» говорилъ: «Я беру мои слова назадъ и извиняюсь передъ этой артисткой». Похваламъ его не было конца. «Артистка эта,—говоритъ онъ,—долго искала оплотъ и, наконецъ, твердой ногой стала на него; чтобы такъ исполнить Азучену, выше нельзя идти въ оперномъ искусствѣ».

Съ этихъ поръ интриги моихъ враговъ усилились еще болѣе. Вскорѣ послѣ «Трубадура» ставилась опера «Марта», гдѣ мнѣ должна была быть роль, но Ѳедоровъ тщательно отстаивалъ, чтобы мнѣ не давать ее. Такъ какъ другого контральто, способнаго замѣнить меня, не было, то онъ, лишь бы только я не играла, назначилъ на эту роль сопрано. Не желая давать мнѣ хода, Ѳедоровъ старался возстановить противъ меня тенора Сѣтова, который въ то время имѣлъ громадное значеніе въ оперномъ дѣлѣ. Еще до отъѣзда моего за-границу, Сѣтовъ пріѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ и взялся ставить въ русскомъ переводѣ иностранныя оперы. Я тогда пѣла у него Лукрецію. Хотя роль эта написана для сопрано, но Сѣтовъ не находилъ въ персоналѣ русской оперы подходящаго сопрано и счелъ болѣе удобнымъ дать эту роль мнѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

по обширности діапазана моего голоса, и не ошибся. Успѣхъ былъ полный. Въ то время въ италіанской оперѣ въ Петербургѣ роль эту играла Гризи, и я стараясь подражать ей, думала, что копирую ее, но критики мои нашли, что въ пѣніи моемъ и въ моей игрѣ была большая доля собственнаго моего характера, и исполненіе вполнѣ соотвѣтствующее этой роли. Теперь же Ѳедоровъ такъ удачно дѣйствовалъ противъ меня, что мнѣ долгое время приходилось ограничиваться весьма небольшимъ репертуаромъ, несмотря на всегдашніе горячіе пріемы публики и лестные отзывы рецензентовъ. Какая бы новая опера ни ставилась, роли для меня не было, такъ что въ концѣ концовъ я осталась съ одной оперой «Жизнь за царя», которая буквально поддерживала меня, иначе я совершенно бы истомилась. Всякій разъ, когда шла опера «Жизнь за царя» публика своимъ вниманіемъ и пріемомъ какъ бы выражала желаніе—видѣть меня чаще. Но тѣ, отъ кого это зависѣло, не хотѣли этого понимать. Однажды, пріѣхалъ ко мнѣ одинъ любитель, Лисицинъ, и спросилъ меня: «Почему вы мало играете; мы васъ не видимъ совсѣмъ?» Я объяснила ему, что это зависитъ не отъ меня, что я задавлена интригой. Желая ободрить меня, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ фортепіано и сказалъ: «Вотъ каковъ долженъ быть отвѣтъ вашъ на всѣ эти интриги», и пропѣлъ разныя вокализы. «Вамъ дѣлаютъ тамъ гадости,—продолжалъ онъ,—а вы отвѣчайте имъ вашими занятіями, и повѣрьте, что въ концѣ концовъ вы достигнете, чего желаете». Никогда не забуду этого справедливаго совѣта. Дѣйствительно, когда всѣ protégés начали уже терять голосъ, у меня, отъ постоянныхъ занятій, онъ дѣлался только сильнѣе. И однако же, не смотря на это, появиться въ какой-нибудь новой роли было для меня великимъ затрудненіемъ. Даже выборъ оперы для своего бенефиса, на что всякій артистъ имѣетъ право, не удавался мнѣ, потому что начальникъ репертура, зная въ какой роли я могу болѣе выиграть, не давалъ мнѣ такой оперы; наконецъ, я поставлена была въ необходимость хитрить, чтобы достигнуть своего, именно хвалила тѣ оперы и роли, которыя мнѣ не нравились и наоборотъ. Этотъ маневръ мнѣ удавался и я начала получать тѣ роли, которыя дѣйствительно желала исполнять.

Читатель можетъ спросить, почему въ службѣ моей являлись все такія неудачи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо объяснить различныя обстоятельства и совпаденія. Начало положено было начальникомъ репертуара Ѳедоровымъ. Я уже говорила, почему онъ сталъ моимъ врагомъ и продолжалъ держать себя таковымъ относительно меня, во все время моей и своей службы и даже до самой смерти. Къ этому присоединились интриги противъ меня другимъ личностей; такъ, напримѣръ, капельмейстеръ Лядовъ не сочувствовалъ моимъ успѣхамъ, потому что конкурентка

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

моя по ролямъ, очень любимая имъ, была нелюбима публикой. Однако же, не смотря на послѣднее обстоятельство, она, благодаря покровительству Лядова, имѣла всегда преимущество передо мной, ей давались роли, которыя слѣдовали мнѣ. Я была тутъ совершенно безсильна, тѣмъ болѣе, что не умѣла никогда дѣйствовать окольными путями, а пути эти примѣнялись противъ меня. Кромѣ того, врагамъ моимъ удалось посредствомъ сплетень возстановлять противъ меня Сѣтова, отъ котораго въ то время зависѣла постановка и весь ходъ русской оперы. Если присоединить къ этому различныхъ персонажей, которыя завидовали моимъ успѣхамъ въ публикѣ, то, ясно будетъ видно, была ли у меня возможность бороться. Бывали вещи, можно сказать, вопіющія. Такъ, однажды, Сѣтовъ заболѣлъ; существованіе наше, значитъ, остановилось также, потому что главныя средства къ жизни составляли разовыя деньги, ибо жалованье было крайне скудное и жить на него было невозможно. Я въ то время получала уже 25 рублей разовыхъ. Болѣзнь Сѣтова, слѣдовательно, принесла громадный убытокъ всѣмъ артистамъ, и уже поэтому одному всякій изъ насъ отъ души желалъ скорѣйшаго выздоровленія Сѣтова. Наконецъ, онъ выздоравливаетъ и назначается его бенефисъ. Ставились «Гугеноты» въ первый разъ на русскомъ языкѣ. Мнѣ дали роль пажа. Назначаютъ репетицію, гдѣ въ первый разъ послѣ болѣзни долженъ появиться Сѣтовъ. Ѣхавъ на репетицію, я отъ души радовалась, какъ вѣроятно и всѣ другіе, что Сѣтовъ выздоровѣлъ. Каково же было мое удивленіе: является Сѣтовъ, и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «Я живъ, пожеланія ваши не исполнились!» Выходка эта до такой степени поразила меня, что тутъ же, на репетиціи, мнѣ сдѣлалось дурно, и меня увезли домой въ болѣзненномъ состояніи. Успокоившись, я попрежнему исполняла мои обязанности и когда, черезъ нѣсколько дней, опять назначили репетицію «Гугенотовъ», я, конечно, волей-неволей, должна была участвовать. Непріятное столкновеніе мое съ Сѣтовымъ вызвало въ какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ друзьяхъ моихъ отпоръ, который вмѣсто пользы повелъ только къ еще бо́льшимъ для меня непріятностямъ. Эти неизвѣстные друзья мои оказали мнѣ медвѣжью услугу. Дѣло произошло такъ: бенефисъ Сѣтова назначенъ былъ на Рождествѣ. Наканунѣ приносятъ мнѣ неизвѣстно отъ кого свертокъ нотъ. На вопросъ мой: «отъ кого?» — прислуга отвѣчала, — что посланный велѣлъ только передать мнѣ, не сказавъ отъ кого. Въ сверткѣ оказался романсъ, слова котораго были странны и непонятны для меня. Названіе его: «Подарокъ на елку». Виньетка сдѣлана была отъ руки. Содержаніе текста приблизительно слѣдующее: «Нашего соловушку не возлюбилъ коршунъ, и коршуну этому отомстимъ ужасно». Написано было стихами. Я не обратила вниманія на значеніе этого текста, мнѣ рѣшительно не пришло

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ голову, чтобы слова эти имѣли какую-нибудь заднюю мысль. Впослѣдствіи же оказалось, что смыслъ ихъ касался прямо отношеній Сѣтова ко мнѣ. Когда, въ день бенефиса Сѣтова, всѣ артисты собрались въ театрѣ, готовились и одѣвались, въ уборную мою прибѣгаютъ и говорятъ, что Сѣтову подали какую-то шкатулку, которая, еслибъ онъ раскрылъ ее, могла бы нанести ему вредъ. Никого, навѣрное, не могла поразить эта вѣсть такъ, какъ меня. Тотчасъ же пришло мнѣ въ голову, что нѣтъ ли тутъ какого-нибудь соотношенія съ словами романса, поднесеннаго мнѣ неизвѣстнымъ лицомъ наканунѣ Рождества, подъ названіемъ «Подарокъ на елку». Никто, конечно, не страдалъ въ эту минуту такъ, какъ я. Если бы могла я предвидѣть что-нибудь подобное, то, конечно, употребила бы всѣ усилія, чтобы не допустить такого низкаго поступка. Мнѣ это прискорбно было тѣмъ болѣе, что взглядъ мой на искусство всегда былъ слишкомъ высокъ, чтобы сочувствовать подобнымъ продѣлкамъ. Я любила сцену. Это былъ мой кумиръ. Для всякаго истиннаго артиста сцена представляетъ изъ себя какъ бы святилище искусства, куда не должны проникать никакіе недостойные поступки, каковы бы ни были отношенія дѣйствующихъ лицъ. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, это бываетъ иначе, и у насъ сцена представляетъ изъ себя арену интригъ, что испытали многіе, что чувствовала и я на себѣ и что всегда противно было моей натурѣ и моимъ убѣжденіямъ. И въ данномъ случаѣ нанесеніе такого оскорбленія, какое сдѣлано было Сѣтову, гдѣ бы и кому бы то ни было, не заслуживаетъ никакого оправданія и, конечно, уже никакимъ образомъ не согласовалось съ моими понятіями. Неизвѣстные мои друзья оказали мнѣ плохую услугу, потому что Сѣтовъ говорилъ и прямо утверждалъ, что сдѣлала это я.

Каково было выносить все это, всѣ эти интриги, обвиненія безъ всякой причины, безъ всякаго основанія!

Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что закулисная жизнь театра полна интригъ. Самолюбіе, зависть, жажда успѣховъ, какими бы путями они не доставались, доводятъ людей до поступковъ, не имѣющихъ оправданія и горе тѣмъ изъ артистовъ, которые стоятъ на высотѣ истинныхъ служителей искусства.

Припомнить всѣ интриги, которыя мнѣ приходилось переносить, невозможно; я приведу здѣсь лишь одинъ фактъ, какъ примѣръ закулисной пошлости.

Мнѣ часто приходилось давать концерты въ Кронштадтѣ. Моряки очень любили меня и часто приглашали. Всякій разъ, когда я тамъ пѣла, концертная зала бывала совершенно полна. Врагамъ моимъ это не нравилось и вотъ что одинъ разъ устроили они мнѣ. Я приглашена была въ Кронштадтъ. Надо сказать, что за недѣлю до назначеннаго моего концерта пѣла тамъ артистка, къ которой

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нашъ капельмейстеръ былъ такъ расположенъ и концертъ ея вышелъ и въ матеріальномъ отношеніи и въ отношеніи успѣховъ неудачнымъ. Зная, что съ моимъ концертомъ будетъ совершенно противное, недруги мои подговорили Кэра, въ типографіи котораго въ Кронштадтѣ всегда печатались афиши и билеты, чтобы онъ не выпустилъ своевременно ни того, ни другого.

Въ назначенный часъ я пріѣзжаю въ Кронштадтъ. Собраніе освѣщено. Я вхожу, жду публику, ея нѣтъ! Забрели, увидавъ освѣщеніе, человѣкъ 15, 20 и только. Ничего не понимая, я удивляюсь, что публики почти нѣтъ. Посылаю спросить этихъ немногихъ, сидящихъ въ залѣ, не знаютъ ли они чего-нибудь. Оказывается, что афишъ въ городѣ не было. Дальнѣйшія справки указали мнѣ истину. Ждать слѣдовательно было нечего, и такъ какъ ни въ чемъ неповинные присутствующіе, при входѣ заплатили и дожидались, то я рѣшилась все-таки дать концертъ.

По окончаніи перваго отдѣленія, мнѣ приносятъ штукъ 400, 500 афишъ. Я спрашиваю:

— Зачѣмъ же это мнѣ? Нужно было разослать, а вы приносите сюда!

Мнѣ отвѣчаютъ:

— Это дѣло не наше, а потрудитесь отдать деньги.

Денегъ требуютъ къ тому же вдвое болѣе обыкновеннаго. Я увѣрена, что всякій на моемъ мѣстѣ раздражился бы.

— Если такъ,—говорю я,—афиши не были готовы во время, то я и платить не обязана вовсе.

Но не желая болѣе разговаривать съ этими людьми, отдаю за афиши столько, сколько платила всегда и афиши возвращаю. Посланный бросаетъ мнѣ деньги и говоритъ, что не возьметъ того, что я даю, а требуетъ двойную сумму. Меня страшно взорвало все это и я сказала ему, что если онъ не желаетъ взять того, что я даю и что дѣйствительно слѣдуетъ, то не дамъ ничего, и деньги эти тутъ же роздала служащимъ при собраніи.

Два дня спустя пришлось мнѣ участвовать въ студенческомъ концертѣ въ Петербургѣ и вдругъ мнѣ говорятъ: «Что за гадость напечатана про васъ въ «Сѣверной Пчелѣ»? Читаю слѣдующее: «Честь имѣю объявить всѣмъ артистамъ, что если кто изъ нихъ желаетъ давать въ Кронштадтѣ концерты, то высылали бы за афиши деньги впередъ, такъ какъ была здѣсь г-жа Леонова и денегъ мнѣ не заплатила». Это еще не все; черезъ день, въ этой же газетѣ появляется продолженіе: «Честь имѣю объявить, что за г-жу Леонову деньги внесены артистами императорской русской оперы». Тогда у меня не хватило уже болѣе силъ молчать и дерзость эта вызвала съ моей стороны отпоръ. Такъ какъ меня оскорбляли въ печати, то я и отвѣчала печатно такимъ образомъ: «Напрасно артисты трудились вносить за меня деньги. Еслибъ я точно не вне-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сла или отказывалась платить, то г-нъ Кэръ могъ бы требовать съ меня деньги судебнымъ порядкомъ, а не имѣлъ никакого права оскорблять меня печатно». При этомъ я привела нѣкоторые оскорбительные факты, проистекавшіе отъ моихъ недоброжелателей, какъ, напримѣръ: однажды пріѣхалъ ко мнѣ знакомый изъ Москвы. Въ этотъ день шла опера «Жизнь за царя». Онъ заѣзжалъ въ кассу и тамъ сказали ему, что нѣтъ ни одного билета. Господинъ этотъ очень досадовалъ, что не будетъ въ театрѣ. Тогда я послала къ кассиру своего кучера съ запиской, просила прислать мнѣ, если есть, одинъ изъ запасныхъ билетовъ, которые обыкновенно бывали. Отдавая мнѣ билетъ, кучеръ сказалъ: «Барыня, я видѣлъ тамъ одного изъ вашихъ актеровъ, который сказалъ мнѣ—это вѣрно ты будешь сидѣть на этомъ мѣстѣ»—и при этомъ улыбнулся. Вечеромъ въ спектаклѣ вижу я, что этотъ самый артистъ стоитъ между кулисами и въ то время, когда публика сильно вызывала меня, онъ позволяетъ себѣ почти въ глаза мнѣ говорить: «ишь, кучеровъ-то насадила»!

Такъ вотъ этотъ фактъ и подобные ему привела я въ напечатанномъ мною отвѣтѣ на оскорбительную выходку Кэра, настроеннаго противъ меня. Я сдѣлала это для того, чтобы показать публикѣ, какъ нѣкоторые товарищи по службѣ, изъ зависти, дѣйствовали противъ меня.

Кромѣ того, я поѣхала къ князю Суворову, бывшему тогда генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ, объяснила ему всю исторію съ Кэромъ, желая и этимъ поступкомъ показать артистамъ, до чего наконецъ они могутъ довести своими гнусными выходками.

Дѣло приняло тогда другой оборотъ. Кэра привлекли къ отвѣтственности, такъ какъ онъ не имѣлъ права упоминать моего имени печатно, а долженъ былъ, если считалъ меня неправой, повести дѣло другимъ порядкомъ, и за оскорбленіе моей личности ему предстояло трехмѣсячное тюремное заключеніе. Важнѣе же всего то, что на допросѣ онъ объяснилъ, что къ поступку этому его уговорили капельмейстеръ Лядовъ и другіе артисты.

Удовлетворенная такимъ оборотомъ, я, разумѣется, не пожелала, чтобы Кэръ сидѣлъ въ тюрьмѣ и прекратила дѣло.

Интрига до такой степени всосалась въ театральномъ мірѣ, что какъ бы ни были хороши отношенія артистовъ между собою, на прочность этихъ отношеній никогда нельзя разсчитывать. Примѣромъ этого могу привести здѣсь кстати поступокъ со мной тенора Никольскаго.

Теноръ Никольскій былъ обязанъ мнѣ поступленіемъ своимъ на императоскій театръ. Передъ публикой онъ появился въ первый разъ въ студенческомъ концертѣ, гдѣ пѣлъ романсъ «Скажите ей». Второй разъ онъ участвовалъ въ моемъ концертѣ и пѣлъ уже оперныя сцены: квартетъ изъ «Риголето», тріо изъ «Жизни за

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

царя». Концертъ мой былъ великимъ постомъ въ Александринскомъ театрѣ. Послѣ этого концерта, дирекція предложила Никольскому поступить на сцену на выгодныхъ условіяхъ. Онъ служилъ тогда въ капеллѣ, гдѣ до пенсіи надо прослужить 35 лѣтъ, въ театрѣ же только 20. Кромѣ того, ему предложили перейти въ театръ съ тѣмъ, чтобы засчитать прослуженное имъ въ капеллѣ время. Жалованья назначили 2000 рублей и 50 рублей разовыхъ. Конечно, онъ не задумался принять это предложеніе. Переговоры шли черезъ меня; я передала дирекціи о его согласіи, а дня черезъ два Никольскій заѣзжаетъ ко мнѣ и говоритъ, что у него былъ теноръ С., который наговорилъ ему такіе ужасы про театръ, что онъ испугался и не рѣшается принять предложенія дирекціи. Но я съумѣла повліять на него такъ, что онъ сказалъ: «Пускай пишутъ контрактъ, я подпишу». Я сообщила объ этомъ дирекціи и Никольскій поступилъ въ русскую оперу, гдѣ, какъ извѣстно, имѣлъ большой успѣхъ.

Отношенія наши повидимому были самыя дружескія; онъ видѣлъ во мнѣ человѣка, который, кромѣ добра, ничего не желалъ ему. И вотъ черезъ годъ послѣ его поступленія я давала въ театрѣ концертъ и просила его участвовать. Онъ согласился. Въ программѣ поставлены были ансамбли. Вдругъ, наканунѣ концерта, Никольскій присылаетъ мнѣ отказъ, не объясняя его ни болѣзнью, ни другой какой причиной, и требуетъ, чтобы съ афиши снято было непремѣнно его имя. Билеты были всѣ уже проданы, и я затруднялась исполнить его требованіе, боясь, чтобы изъ-за этого не возвратили билеты. Однакоже, надо было это сдѣлать, фамилію его съ афиши я сняла—и не смотря на это ни одного билета не было возвращено.

Впослѣдствіи, когда начались и противъ Никольскаго интриги, онъ объяснилъ мнѣ свой поступокъ слѣдующимъ образомъ: за два дня до моего концерта, онъ былъ на вечерѣ, гдѣ находился также капельмейстеръ Лядовъ и гдѣ послѣдній и уговорилъ его сдѣлать эту гадость, расчитывая конечно поднять въ публикѣ цѣлую бурю противъ меня и побудить купившихъ билеты на мой концертъ, возвратить ихъ. Но, какъ я сказала, интрига не удалась, и билетовъ не возвратилъ никто.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

перы, которыя ставились со мною.—Отношенія ко мнѣ М. И. Глинки.—Разсказы о немъ.—Мнѣніе его о Даргомыжскомъ и Кашперовѣ.

Теперь разскажу о томъ, какъ относились ко мнѣ разные композиторы и какія оперы ставили со мною.

Опера «Русалка» А. С. Даргомыжскаго въ первый разъ ставилась, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, со мною. Я исполняла роль княгини. Когда при постановкѣ оперы хозяевами были сами композиторы, то всѣ контральтовыя роли отдавались мнѣ, не смотря ни на какія интриги. Опера «Русалка» ставилась въ Петербургѣ самимъ Дарогомыжскимъ. Арія княгини «Чу, кажется, трубятъ!» была настолько сильно оркестрована, что А. С. пришлось перемѣнить всю оркестровку, такъ какъ эту арію не было возможности пѣть. Даргомыжскій очень дорожилъ квартетомъ съ хоромъ во 2-мъ дѣйствіи «Не къ добру на свадьбѣ нашей» и мнѣ вспоминается указаніе его относительно темпа этого квартета: какой бы медленный темпъ мы ни брали, Даргомыжскій просилъ пѣть еще медленнѣе. Я упоминаю объ этомъ для того, что нѣкоторые капельмейстеры могутъ не знать желанія покойнаго композитора.

Опера «Мазепа» Фитингофа была вторая, поставленная со мною. Роль Орлика, по желанію композитора, была отдана мнѣ и потому недоброжелатели мои, конечно, употребили всѣ старанія, чтобы опера недолго удержалась на репертуарѣ.

Опера «Кроатка» Дютша поставлена была мною въ мой бенефисъ. Главная теноровая партія исполнялась Сѣтовымъ. Опера имѣла большой успѣхъ и такъ какъ успѣху содѣйствовало значительно мое пѣніе, то нашлись личности, которыя постарались, или, лучше сказать, ухитрились, сдѣлать такъ, чтобы опера эта шла всего только два, три раза и затѣмъ похоронили ее. Дѣло вышло такъ: въ день спектакля Сѣтовъ присылаетъ сказать, что боленъ. Нѣсколько времени спустя оперу назначаютъ опять. Театръ полонъ и опять передъ началомъ аннонсируютъ, что опера не пойдетъ. Такъ назначали эту оперу разъ пять и постоянно она почему-нибудь не шла, а когда назначили въ шестой разъ, то публики собралось менѣе, нежели полъ-театра. Этого-то именно и желали, потому что существуетъ правило: когда при повтореніи оперы не выручается извѣстная опредѣленная цифра сбора, оперу эту кладутъ подъ спудъ. Дютшъ былъ такъ огорченъ, что захворалъ и умеръ.

Опера «Наташа» или «Волжскіе разбойники», сочиненія Вильбоа, тоже поставлена была въ мой бенефисъ.

Опера «Рогнѣда» Сѣрова шла также со мной. Первое время я исполняла роль Скульды, такъ какъ партія Рогнѣды была напи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сана композиторомъ для сопрано и для этой роли даже нарочно выписана была пѣвица изъ-за границы. Въ то же время композиторъ транспонировалъ разъ для меня балладу изъ «Рогнѣды» и я ее спѣла. Сѣрову до того понравилось мое исполненіе, что онъ рѣшился передѣлать роль Рогнѣды для меня. Когда въ тотъ же годъ я жила на собственной моей дачѣ, въ Ораніенбаумѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Сѣровъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я была, конечно, очень рада принять его у себя и предложила ему съ женой и съ маленькимъ сыномъ помѣщеніе. Они оставались у меня до осени, и здѣсь Сѣровъ передѣлалъ партію Рогнѣды для моего голоса, а осенью я въ ней выступила. Эта партія необыкновенно выиграла въ контральтовомъ переложеніи и имѣла громадный успѣхъ.

Другая опера Сѣрова «Вражья сила» была также поставлена со мной. Когда Сѣровъ писалъ ее, то заранѣе восторгался, воображая, каково будетъ мое исполненіе роли Спиридоновны и не ошибся. Къ сожалѣнію, ему не пришлось видѣть этой оперы на сценѣ. Онъ умеръ, не отдѣлавъ ее вполнѣ и инструментовка послѣдняго акта, какъ извѣстно, докончена была, послѣ уже смерти Сѣрова, Соловьевымъ.

Опера «Ратклифъ» сочиненія Кюи ставилась въ Петербургѣ въ мой бенефисъ, имѣла огромный успѣхъ и также долго не удержалась, по всѣмъ вѣроятіямъ потому, что исполненіе мое роли Маргариты было слишкомъ для меня выгодно.

Двѣ картины изъ оперы «Борисъ Годуновъ» сочиненія Мусорскаго шли также со мной, и Мусорскій, живя у меня на дачѣ, работалъ надъ двумя другими своими операми «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка» и тамъ ихъ окончилъ.

Опера «Гроза» Кашперова шла также со мной. Исполняя роль Варвары, я имѣла такой успѣхъ, что А. Н. Островскій, увидѣвъ меня въ этой роли, сказалъ мнѣ: «Я мечтаю въ драмѣ о такой Варварѣ, какую вы исполнили въ операхъ». Арія «Ахъ ты, матушка родимая» выходила у меня особенно удачно.

Относительно иностранныхъ операхъ нечего и говорить, что я пѣла почти всѣ контральтовыя партіи въ операхъ, которыя шли во время моей службы, главная же моя роль была въ Лоэнгринѣ, партія Ортруды.

Послѣднее время мнѣ пришлось взять для ансамбля въ «Фаустѣ» роль Марты. Эта роль вышла у меня настолько удачна, что публика ожидала съ нетерпѣніемъ каждаго моего появленія, встрѣчала и провожала меня громомъ рукоплесканій. Кромѣ того, за исполненіе этой роли я удостоилась высочайшей похвалы: его высочество великій князь Константинъ Николаевичъ сказалъ мнѣ: «У великаго артиста нѣтъ маленькихъ ролей, вы это доказали, мастерски исполнивъ Марту. Мы и не знали, что можно изъ этой роли сдѣлать подобное».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Закончу главу эту воспоминаніями о М. И. Глинкѣ. Опера его «Жизнь за царя» была, какъ извѣстно читателямъ, первою оперою, въ которой я выступила на сцену въ роли Вани. Я уже говорила, что въ началѣ моей артистической дѣятельности М. И. Глинка передѣлалъ для моего концерта на голоса сочиненіе свое «Въ минуту жизни трудную» и романсъ Ѳедорова «Прости, прости, прелестное созданье!» Кромѣ этого, онъ написалъ для меня слѣдующія піесы: «Valse-fantaisie»; цыганскую пѣсню «Я пойду, пойду косить»; аккомпаниментъ къ цыганской пѣсни «Ахъ, когдабъ я прежде знала, что любовь родитъ бѣду». При этомъ онъ вспоминалъ знаменитую Стешу въ Москвѣ, разсказывая, что она была единственная цыганка, которая положительно увлекала его своимъ пѣніемъ. Меня онъ училъ исполнять въ его духѣ его романсы: «Утѣшеніе» и «Не говори, любовь пройдетъ». Послѣдній былъ его любимый. Изъ дуэтовъ любимымъ былъ: «Вы не придете вновь». При этомъ дуэтѣ онъ вспоминалъ какъ двѣ сестры, высокопоставленныя особы, вручили ему текстъ этого романса и просили его написать музыку. У М. И. Глинки бывала часто фрейлина Бартенева, и онъ часто заставлялъ меня пѣть съ ней этотъ дуэтъ.

Объ италіанской методѣ пѣнія М. И. Глинка выражался такъ: «Хотя мнѣ и не понутру италіанщина, но она необходима для обработки голоса».

М. И. Глинка задумалъ написать третью оперу и сюжетъ заимствовалъ изъ драмы «Двумужница». На эту мысль навело его мое исполненіе его произведеній. Я уже говорила, что мой голосъ очень нравился М. И. Глинкѣ, а главное онъ цѣнилъ во мнѣ умѣнье исполнять его музыку по одному его намеку. Главная роль «Двумужницы» предназначалась именно мнѣ. Опера, можно сказать, была готова; музыка сложилась у него и нужно было только составить либретто, а такъ какъ изъ прежнихъ знакомыхъ ему либретистовъ не было никого — кто умеръ, а кто уѣхалъ за границу, — то онъ обратился ко мнѣ, говоря: «Найдите мнѣ либретиста, я хочу написать третью оперу изъ «Двумужницы».

Обрадовавшись этому намѣренію, я была увѣрена, что и другіе также заинтересуются и обрадуются возможности имѣть еще оперу М. И. Глинки, но интрига не пощадила и этого человѣка, несмотря на его геній, и вотъ фактъ, лишившій насъ третьей оперы этого великаго композитора.

Я поѣхала къ Ѳедорову, думая и его обрадовать этимъ извѣстіемъ, а главное разсчитывая, что онъ укажетъ мнѣ хорошаго либретиста. Дѣйствительно, онъ указалъ—это былъ Василькò-Петровъ, который, какъ оказалось потомъ, не могъ удовлетворить желанію М. И. Глинки. Я же, увѣренная, что Ѳедоровъ рекомендуетъ достойнаго для М. И. Глинки либретиста, повезла тотчасъ же Василькò-Петрова къ уважаемому моему учителю.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

М. И. Глинка былъ очень доволенъ, что я такъ скоро нашла нужнаго для него человѣка; онъ тотчасъ же началъ съ нимъ дѣло. Разсказалъ ему весь планъ оперы, объяснилъ свои желанія и совѣтовалъ какъ писать.

Начало дѣйствія предполагалось такъ: на сценѣ мать укачиваетъ своего ребенка, и опера начинается колыбельною пѣснею (которую предстояло пѣть мнѣ). М. И. Глинка тогда же предлагалъ мнѣ написать эту пѣсню, недожидаясь окончанія всей оперы, для того, чтобы я могла пѣть ее раньше; но я, не желая затруднять, отклонила его отъ этого, въ полной увѣренности, что у насъ будетъ цѣлая опера. Впослѣдствіи я была въ отчаяніи и жалѣю ужасно до сихъ поръ, что не воспользовалась этимъ предложеніемъ; по крайней мѣрѣ хотя бы эта пѣсня теперь существовала, такъ какъ опера осталась ненаписанною. Василькò-Петровъ настолько былъ некомпетентенъ въ дѣлѣ писанія, что не могъ исполнить удовлетворительно того, о чемъ говорилъ ему М. И. Глинка и дѣлалъ совсѣмъ иное, что-то несообразное, а самое главное по своему плану. Тогда М. И. Глинка просилъ меня найти ему другого либретиста, говоря: «Опера у меня вся тутъ, въ головѣ, дайте мнѣ только либретиста и черезъ мѣсяцъ опера готова».

Геніальность М. И. Глинки давала ему возможность создавать сразу и способъ его сочинять замѣчателенъ: онъ не писалъ клавираусцуга, а прямо всю партитуру и голосъ и оркестръ. И для такого-то композитора я не могла въ Петербургѣ найти либретиста! Ѳедоровъ конечно нарочно рекомендовалъ бездарнаго Василькò-Петрова, это несомнѣнно. Да и во мнѣ самой нѣкоторые желали поколебать вѣру въ геній М. И. Глинки. Капельмейстеръ Лядовъ, напримѣръ, когда я сообщила ему о затрудненіи найти хорошаго либретиста, говорилъ мнѣ, что М. И. Глинка уже исписался, что ничего больше онъ уже сдѣлать не можетъ. И другіе артисты поддерживали его въ этомъ, сама же я не могла имѣть самостоятельнаго взгляда; читатель знаетъ, какъ я сдѣлалась артисткой и, не сознавая того сама, поддавалась вліянію этихъ гнусныхъ и ложныхъ мнѣній. М. И. Глинка, не найдя себѣ хорошаго либретиста, уѣхалъ за границу и, такимъ образомъ, эта третья опера его осталась ненаписанною.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о возвышенной натурѣ о объ особенностяхъ характера М. И. Глинки. Я бывала у него часто и видѣла слѣдовательно его въ частной жизни, гдѣ, конечно, всегда характеръ человѣка выражается яснѣе. Такъ, напримѣръ, разъ мнѣ не пришлось дня два быть у М. И. Глинки. Прихожу и вижу измѣненіе въ квартирѣ. До этого у него было два кабинета. Теперь одинъ кабинетъ, поменьше, преобразился въ клѣтку. Поставлена въ немъ рѣшетка, за которой полъ усыпанъ пескомъ, разставлены деревья и штукъ сорокъ пѣвчихъ птичекъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разныхъ сортовъ поселены въ этой большой клѣткѣ. Было это въ мартѣ. На вопросъ мой, какъ это сдѣлалось въ такое короткое время и для чего, онъ отвѣчалъ: «Я устроилъ это для того, чтобы птички эти наводили меня на новыя сочиненія; мнѣ довольно одного чириканья какой-нибудь птички, чтобы создать изъ этого цѣлую музыкальную фантазію».

Въ другой разъ, прихожу и опять вижу измѣненіе въ квартирѣ. Надо замѣтить, что М. И. Глинка жилъ съ сестрой своей Людмилой Ивановной Шестаковой. Они занимали цѣлый этажъ; входъ направо къ ней, налѣво къ нему, а квартира была общая. Такъ, въ этотъ разъ, когда я пришла, вижу, что отъ передней отгорожена половина и устроена кухня, въ которой готовитъ новая кухарка. Дверь же къ сестрѣ заперта. Когда я спросила М. И. что это значитъ, онъ объяснилъ мнѣ, что пожелалъ пожить своимъ хозяйствомъ, потому что нашелъ прекрасную кухарку. Онъ пригласилъ меня обѣдать. Кухарка была шведка и дѣйствительно очень искусна. Обѣдъ былъ превосходный, приготовленъ лучше всякаго повара. Конечно, черезъ недѣлю или полторы все это уничтожилось и жизнь потекла попрежнему. Онъ говорилъ мнѣ, что соскучился о племянницѣ.

М. И. Глинка очень привязанъ былъ къ этой дѣвочкѣ. Геній его какъ бы переданъ былъ ей. Такъ, напримѣръ, ей было не болѣе пяти лѣтъ, когда М. И. написалъ для меня цыганскую пѣсню «Я пойду, пойду косить», и эта дѣвочка скорѣе меня заучила и слова и голосъ. Это замѣчательно, тѣмъ болѣе, что въ этой пѣснѣ есть варіантъ, который проходитъ около двухъ октавъ. Крошечнымъ своимъ голоскомъ она выпѣвала такъ вѣрно всѣ нотки, что просто поразительно было слушать; замѣчательно еще, что въ этомъ же возрастѣ она уже пѣла совершенно вѣрно всѣ лучшіе мотивы изъ оперы «Русланъ и Людмила». Ей было 8—9 лѣтъ, и она пѣла эту оперу можно сказать отъ доски до доски, и хоры, и соло, все однимъ словомъ. Когда она начала учиться музыкѣ, въ ней проявлялись задатки генія М. И. Глинки. Къ сожалѣнію, дѣвочка эта прожила недолго, она умерла 14-ти лѣтъ отъ горловой болѣзни.

Творчество М. И. Глинки проявилось въ немъ въ раннемъ возрастѣ; 14-ти лѣтъ онъ написалъ уже квартетъ, который всѣмъ очень нравился, но квартетъ этотъ, какъ помнится, говорилъ мнѣ М. И., не существуетъ.

Вотъ еще интересный фактъ, разсказанный мнѣ самимъ М. И. Глинкой: разъ онъ ѣхалъ на свою родину и около Смоленска ямщикъ его запѣлъ. Въ операхъ «Жизнь за царя» есть мотивъ, который проходитъ почти въ каждой части оперы «Ахъ, не мнѣ бѣдному!» М. И. взялъ его прямо отъ ямщика, который на словѣ ахъ—слѣдующее: sol, mi, ci, la, sol, fis, la, sol, mi, ci, fis, sol.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Этого довольно было для М. И. Глинки, чтобы построить такую громаду, какъ увертюра къ операѣ «Жизнь за царя» и тріо «Ахъ, не мнѣ бѣдному!»

Глинка былъ большой домосѣдъ. Очень трудно было уговорить его выѣхать куда-нибудь. Однажды, какъ-то удалось мнѣ увести его къ себѣ на дачу, на Черной рѣчкѣ. Мы ѣхали въ коляскѣ и когда переѣзжали мостами черезъ Неву, солнце было низко на закатѣ. М. И. такъ восхищался, такъ наслаждался, точно ему никогда прежде не приходилось видѣть этой картины, точно въ первый разъ онъ чувствовалъ это наслажденіе. Я же была счастлива, что удостоилась принять у себя такого великаго человѣка.

Могу привести здѣсь мнѣніе Глинки о нѣкоторыхъ композиторахъ.

Даргомыжскій, по его мнѣнію, имѣлъ большой даръ къ комизму, и Глинка совѣтывалъ ему выбрать какой-нибудь комическій сюжетъ для оперы. Но Даргомыжскій несогласенъ былъ съ его мнѣніемъ и даже обижался.

У Глинки бывалъ Вильбоа, который отдавалъ многія свои сочиненія подъ его редакцію. Изъ романса М. И. Глинки «Уймитесь волненія страсти» Вильбоа сдѣлалъ дуэтъ и напечаталъ его безъ просмотра М. И. Когда М. И. проигралъ этотъ дуэтъ на фортепіано, то положительно пришелъ въ негодованіе и сказалъ ему рѣзко: «Развѣ можетъ быть у меня такое соединеніе, какое вы сдѣлали». М. И. былъ такъ раздраженъ, что тутъ же сгоряча просилъ Вильбоа не бывать больше у него. Я упоминаю объ этомъ фактѣ для того, чтобы музыканты могли себѣ объяснить то, что найдутъ въ этомъ дуэтѣ несообразнаго съ духомъ М. И. Глинки.

Во время послѣдняго пребыванія М. И. въ Петербургѣ, пріѣхалъ изъ-за границы В. Н. Кашперовъ. М. И. необыкновенно симпатично относился къ нему. Представляя его мнѣ, назвалъ его своимъ другомъ и говорилъ, что въ будущемъ возлагаетъ большія надежды на него. (Кашперовъ ставитъ въ настоящее время оперу свою «Тарасъ Бульба»).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

VI.

Мои матеріальныя средства.—Заключеніе со мною новаго контракта.—Неожиданное его измѣненіе.—Предложеніе Ѳедорова, чтобы я вышла въ отставку.—Появленіе на сценѣ пѣвицы Шредеръ.—Мой концертъ въ Павловскѣ.—Овація публики.—Неудача интриги Ѳедорова.—Появленіе на сценѣ пѣвицы Лавровской.—Опера «Іоаннъ Лейденскій».—Новыя интриги противъ меня.—Пріемъ оказанный мнѣ публикой въ мой бенефисъ.—Несправедливое оставленіе меня на два лишнихъ года на службѣ.—Поступокъ со мной Коммисаржевскаго.—Затрудненія и хлопоты при устройствѣ прощальнаго бенефиса.—Прощаніе съ публикой и окончаніе службы при театрѣ.

Всѣ почему-то были увѣрены, что я имѣю большія средства. Но средства мои были настолько ограничены, что я, работая цѣлый сезонъ, должна была всякій годъ, на лѣтніе мѣсяцы, отправляться куда-нибудь въ путешествіе, чаще всего по Волгѣ, тогда какъ у меня была уже въ то время собственная дача въ Ораніенбаумѣ, гдѣ я съ удовольствіемъ отдохнула бы лѣтомъ, еслибъ могла избѣжать этихъ экскурсій. Но безъ нихъ я не могла бы существовать. Содержаніе артистовъ было скудное. Какъ сказано выше, въ первый годъ я получала всего 300 руб.; потомъ жалованье мое удвоили, а черезъ три года я, кромѣ 600 руб. въ годъ, получала 5 руб. разовыхъ. Когда же я стала совершенно необходима для оперы, жалованье мое дошло до 1140 руб. въ годъ и поспектакльную плату мнѣ назначили 15 руб. Другого контральто между тѣмъ не являлось и я работала одна.

Прослуживъ такимъ образомъ 12 лѣтъ и вынужденная, кромѣ службы, прибѣгать каждое лѣто къ путешествіямъ, я рѣшилась воспользоваться, по совѣту моихъ друзей, удобнымъ для меня моментомъ и потребовать сумму, которая могла бы поправить меня въ матеріальномъ отношеніи. Я уже сказала, что другого хорошаго контральто не было. Случилось такъ, что контрактъ мой кончался наканунѣ открытія Маріинскаго театра послѣ пожара. Пользуясь такимъ счастливымъ для меня совпаденіемъ, я предложила слѣдующія условія новаго контракта: жалованья попрежнему 1140 руб., поспектакльной платы 50 руб. и 2000 рублей за бенефисъ. Послѣднее условіе главнымъ образомъ для того, чтобы гарантировать себя отъ тѣхъ непріятностей, которыя каждый годъ приходилось встрѣчать при бенефисѣ. Не могу выразить съ какими ужасными трудностями добилась я заключенія этого контракта и достигла я этого только благодаря удобному моменту, о которомъ упоминала выше. Никогда не дали бы мнѣ этой цифры по контракту, еслибъ я не объявила рѣшительно, что буду играть на открытіи театра въ такомъ только случаѣ, если мнѣ пришлютъ наканунѣ подписаннымъ контрактъ мною предложенный. Волей-неволей дирекціи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пришлось принять мои условія, потому что открытіе театра должно было произойти въ присутствіи высочайшей фамиліи, а замѣнить меня не могъ никто. Подписанный контрактъ присланъ былъ мнѣ наканунѣ этого спектакля въ 10 часовъ вечера. До минуты полученія этого документа я была въ тревожномъ состояніи; для меня рѣшался вопросъ: быть или не быть.

Контрактъ заключенъ былъ на три года и хотя въ немъ былъ пунктъ, что по прошествіи каждаго года контрактъ по обоюдному соглашенію можетъ быть нарушенъ, я была совершенно спокойна, разсчитывая на этомъ окладѣ дослужить до пенсіи, такъ какъ съ основанія театровъ не было примѣра, чтобы отнимали у артиста то, что разъ ему уже дали. Со мной же вышло не такъ.

По прошествіи трехъ лѣтъ контрактъ возобновили, несмотря на тщательное стараніе Ѳедорова найти въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ другое контральто. Его не находилось и пришлось возобновить volens-nolens контрактъ со мной. Черезъ годъ послѣ его возобновленія, директоръ Гедеоновъ, сынъ прежняго директора, присылаетъ за мной и объявляетъ мнѣ, что у меня отнимается половина моего содержанія, т. е. такъ какъ я получала около 6000 руб. въ годъ, то съ этого времени буду получать всего 3000 рублей. Говоря это, директоръ прибавилъ: «Если угодно вамъ продолжать службу, то можете только на этихъ условіяхъ, иначе вы намъ ненужны». Такое предложеніе ошеломило меня. Я спрашиваю, какъ же такъ я ненужна, когда всѣ оперы идутъ со мной. Тогда директоръ объяснилъ мнѣ, что на ту сумму, которая у меня отнимается, ангажирована Сульянова, также контральто, и что такъ какъ она раздѣлитъ мой трудъ, то и будетъ получать половину моего содержанія. Сульянова не пѣла еще ни на одной сценѣ и я выразила свое мнѣніе директору, что совершенно немыслимо, чтобы только-что начинающая пѣвица могла исполнять мои роли. Но что я ни говорила, ничто не могло измѣнить дѣла; какъ видно, рѣшено было отнять у меня половину содержанія. Я принуждена была согласиться, потому что до пенсіи моей оставалось четыре года. Прослуживъ 16 лѣтъ, я поступила бы необдуманно, еслибъ оставила службу, принявъ слишкомъ къ сердцу эту новую обиду. Конечно, Ѳедоровъ, зная мой характеръ, разсчитывалъ, что я не снесу такой несправедливости и выйду въ отставку. Но я тутъ же сказала директору: «Въ вашей волѣ не дать мнѣ даже ничего, а я все-таки должна служить, иначе зачѣмъ же я подарю вамъ мою службу, которая черезъ четыре года дастъ мнѣ пенсію».

Между тѣмъ Сульянова выступила въ «Русалкѣ» и тѣмъ ограничилась, такъ какъ совершенно не могла исполнять предназначенныхъ ей ролей.

Въ то же время Ѳедоровъ подсылалъ ко мнѣ своего секретаря, который самымъ дружелюбнымъ образомъ, какъ бы желая мнѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

добра, спросилъ меня, не хочу ли я получить всю пенсію тотчасъ же. Я конечно готова была согласиться. Тогда онъ подалъ мнѣ заранѣе написанное имъ для меня прошеніе объ отставкѣ, которое оставалось только подписать, и говоритъ: «Черезъ нѣсколько дней вы получите полную пенсію». Прошеніе это я не подписала, потому что, прочтя его, увидѣла, что это была ни болѣе ни менѣе какъ ловушка: въ прошеніи говорилось, что я, представляя свидѣтельство отъ доктора, прошу отставки по болѣзни и въ такомъ смыслѣ, что, получивъ по такому прошенію отставку, я не могла уже болѣе надѣяться появиться гдѣ бы то ни было на сценѣ.

Такъ какъ Сульянова не могла исполнять предназначенныхъ ей ролей, пришлось опять мнѣ нести тяжесть исполненія всѣхъ контральтовыхъ партій за половинную плату.

Терпѣливо продолжала я свою работу, надѣясь, что начальство наконецъ окажетъ мнѣ должную справедливость и возвратитъ черезъ годъ то, что такъ неправильно отняло; но ожиданія мои не оправдались, начальство приготовило на мои роли воспитанницу театральнаго училища г-жу Шредеръ. Пѣвица эта теперь жена капельмейстера Направника. Шредеръ была жертвою, въ смыслѣ артистическомъ, Ѳедорова, который безжалостно сгубилъ ее, желая повредить мнѣ. У Шредеръ былъ прекрасный голосъ, но ей нужно было еще поучиться нетолько годъ, а года три по крайней мѣрѣ, чтобы выступить въ тѣхъ партіяхъ, которыя ей назначили.

Дѣло было такъ: лѣтомъ въ тотъ годъ, когда попытка замѣнить меня Сульяновой не удалась, разнесся слухъ, что съ открытіемъ сезона появится контральто изъ театральной школы, что контральто это просто диво, и что мнѣ уже отказано. Чтобы опровергнуть слухъ, распущенный обо мнѣ, подкрѣпить себя и доказать насколько публика любитъ меня, я дала концертъ въ Павловскѣ, и дѣйствительно публика заявила такую ко мнѣ любовь, что большаго невозможно было желать. Пріемъ сдѣланный мнѣ былъ вѣроятно еще усиленъ слухами объ удаленіи меня со сцены, и публика хотѣла показать, какъ дорожитъ мною. Когда я спѣла написанный для этого концерта Сидоровымъ романсъ: «Мнѣ все равно, враги ли мнѣ найдутся, съ врагами свыклась я давно», то публика пришла въ такой экстазъ, что описать невозможно; о громѣ аплодисментовъ и говорить нечего; со всѣхъ сторонъ махали платками, кричали: «оставайтесь, оставайтесь!» Когда я пошла, надѣленная цвѣтами, публика обступила меня и изъ шести букетовъ, поднесенныхъ мнѣ, не осталось ни одного листочка.

Настала осень. Назначили дебютъ Шредеръ въ «Жизни за царя». Я сказала, что начальство наше само сгубило Шредеръ, потому что ничего нѣтъ хуже, какъ вступать начинающему артисту въ контру съ публикой. Дебютъ Шредеръ вышелъ неудаченъ. При началѣ 3-го дѣйствія публика точно сговорилась, не давала

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ей начинать и требовала Леонову. Требованіе это выражалось не въ верхахъ, а всею публикою. Однимъ словомъ, она выразила этимъ дирекціи протестъ за ея поступки со мной. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ публикѣ говорили: «Мы не противъ Шредеръ, но противъ несправедливостей, которыя дѣлаются заслуженной артисткѣ».

Ѳедорову не удалась и эта интрига. По окончаніи второго трехлѣтія дирекція возобновила опять со мной контрактъ, только, конечно, на тѣхъ же условіяхъ.

Послѣ этого, появилась на Петербургской сценѣ г-жа Лавровская. Она играла въ «Жизни за царя», въ «Русланѣ и Людмилѣ» мои роли, которыя я перестала играть; моя полнота мѣшала мнѣ нѣсколько въ ихъ исполненіи.

Г-жа Лавровская, какъ извѣстно, сдѣлалась также большой любимицей публики. Мы ничего не имѣли другъ противъ друга, но сама публика пожелала дѣлиться на партіи. Я съ своей стороны могу упрекнуть Лавровскую только въ одномъ: когда мы въ первый разъ встрѣтились, что̀ было на репетиціи «Фауста», гдѣ мы пѣли обѣ,—я играла Марту, она Зибеля,—то она не потрудилась даже попросить режиссера познакомить ее со мной, что ей, какъ вновь поступающей, слѣдовало бы сдѣлать. Я объясняю это вліяніемъ на нее начальника репертуара, который способенъ былъ даже сказать ей, чтобы она не знакомилась со мной. Такъ я предполагаю, утверждать же этого не могу. Но мнѣ не могло не показаться страннымъ такое отношеніе новой артистки, потому что когда поступала я, то просила режиссера познакомить меня со всѣми артистами, которымъ онъ меня и представилъ.

Наконецъ, ставится «Пророкъ» подъ названіемъ «Іоаннъ Лейденскій». Назначаютъ чередоваться мнѣ и Лавровской. Не смотря на то, что я пѣла много трудныхъ оперъ, просмотрѣвъ партію Фидесы, я долго крѣпилась, чтобы не брать эту роль, изъ боязни сорваться. Лавровская же, прослуживъ всего 3—4 года, храбро взялась за нее. Когда же, какъ я сказала, назначили намъ эту оперу пѣть въ очередь, я не могла не взять роли Фидесы, и изъ того, что слѣдуетъ, видно будетъ, какъ старалось мое начальство заминать меня. Ясно, что если исполненіе оперы дается поочередно двумъ артисткамъ, то и репетиціи должны бы были быть поочереди, тѣмъ болѣе, что партія эта такого сложнаго характера. И что же! Лавровской дано было репетицій до 40, я же не имѣла ни одной. Два первыхъ раза опера шла съ Лавровской, третій назначается со мной и безъ репетиціи! Если уже одной артисткѣ даютъ 40 репетицій, то другой, хотя бы и болѣе опытной, все же слѣдовало дать хотя бы репетицій десять.

Мнѣ удалось только, когда уже назначенъ былъ мой спектакль, сдѣлать одну спѣвку съ фортепіано и одну съ оркестромъ. Но пар-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тію свою я изучила вполнѣ заранѣе. Зная по опыту, что я могу ожидать всякихъ мерзостей, я привыкла быть предусмотрительной и предвидѣла то, что случилось. Меня хотѣли подвести, но я вышла изъ этой новой ловушки побѣдительницей. Я была готова къ исполненію роли Фидесы, разучивъ ее дома подъ аккомпаниментъ фортепіано и когда, передъ спектаклемъ, пѣла свою партію съ оркестромъ, весь оркестръ апподировалъ мнѣ. Я упоминаю объ этомъ потому, что оркестръ апплодисментомъ своимъ выразилъ протестъ капельмейстеру, дѣйствовавшему также противъ меня.

Недоброжелатели мои были поражены, что съ одной этой спѣвки я могла исполнить всего «Пророка».

Наконецъ, въ мой бенефисъ шелъ «Іоаннъ Лейденскій». Въ распространенной тогда газетѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» предупреждали заранѣе, что въ бенефисъ Леоновой готовится скандалъ. Однако, никакого скандала не было; появились правда шикальщики изъ-за того якобы, зачѣмъ я отбиваю роль Фидесы отъ Лавровской. За то мои доброжелатели, услышавъ о какомъ-то грозившемъ мнѣ скандалѣ, позаботились оградить меня и слухъ о скандалѣ послужилъ только къ бо̀льшему моему торжеству. Вся сцена Маріинскаго театра забросана была вѣнками и букетами; на мою голову сыпались со всѣхъ сторонъ цвѣты; до 600 вѣнковъ и букетовъ набросано было кругомъ меня. Противники мои были этимъ нѣсколько афропированы, но попытались показать себя во второмъ актѣ; когда я спѣла «Ахъ, мой сынъ!» и пошла къ двери, публика вызывала меня, а вверху стали шикать. Конечно, этимъ они только увеличили вызовы, и меня вызвали нѣсколько разъ. Когда я въ третьемъ актѣ спѣла арію «Подайте», публика была глубоко тронута и тутъ уже и враги мои и друзья соединились и апподировали за одно.

Лавровская же, какъ извѣстно, сорвала голосъ на «Пророкѣ» и даже сама просила меня замѣнять ее нѣсколько разъ въ ея очередь.

Послѣ этого поставлена была опера Сѣрова «Вражья сила», въ которой мы заняты были обѣ, я и Лавровская; я въ роли Спиридоновны, Лавровская въ роли Груни.

Наконецъ, дослужила я двадцать лѣтъ, но меня, сверхъ ожиданія, заставили прослужить еще два года. Эта была новая несправедливость, потому что два года сверхъ срока обязаны были дослуживать только казенныя воспитанницы театральнаго училища, а я была приходящей. Пришлось еще два года переносить непріятности и притѣсненія; но я рѣшилась терпѣливо сносить все, въ виду приближающагося окончанія службы.

Такъ какъ я пѣла во многихъ операхъ, то случалось, что должна была участвовать почти во всѣхъ бенефисахъ моихъ товарищей. Участіе артистовъ въ бенефисѣ котораго-нибудь изъ нихъ, было дѣломъ обоюднымъ и хотя по окончаніи бенефиса слѣдовало бы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

для приличія благодарить другъ друга, но этого у насъ не дѣлалось; точно также, когда объявляли афишей чей-нибудь бенефисъ другъ друга не просили, а каждый пѣлъ свою партію, какъ въ казенныхъ спектакляхъ. Послѣдніе бенефисы, въ которыхъ я участвовала, были: г-жи Платоновой, Петрова и Коммисаржевскаго. Хотя бенефисъ мой былъ ассюрированный, но такъ какъ предстоящій долженъ былъ быть послѣднимъ, то само собою разумѣется мнѣ хотѣлось, чтобы прощаніе мое съ публикой имѣло бы также значеніе и съ матеріальной стороны. Измѣненіе моего контракта за послѣднія шесть лѣтъ моей службы, четыре года срочныхъ до пенсіи и два года благодарственныхъ, разстроили всѣ мои разсчеты. Еслибъ я получала, какъ прежде до шести тысячъ въ годъ, то могла бы ко времени моей отставки скопить тысячъ пятнадцать, что меня обезпечило бы. Громадная же сбавка на 3,000 рублей въ годъ не только лишила меня возможности это сдѣлать, но мнѣ пришлось еще прикладывать ежегодно 1,500 рублей, такъ что скопленные мною въ прежніе года, изъ жалованья и изъ путешествій, 10,000 рублей, потрачены были въ эти послѣднія шесть лѣтъ моей службы. Вотъ почему мнѣ не хотѣлось лишиться бенефиса. Бенефиціантъ знаетъ впередъ изъ газетъ о томъ, что готовится ему, и съ этой стороны я могла надѣяться на хорошій результатъ.

Обращаюсь къ моему послѣднему бенефису относительно постановки спектакля. Надо замѣтить, что внѣшнимъ образомъ всѣ артисты были хороши со мной, но подпольная интрига не переставала работать противъ меня. Хотя мой бенефисъ былъ послѣдній, но не смотря на это, какъ трудно мнѣ было добиваться, чтобы онъ вышелъ такимъ, какимъ я желала. На каждомъ шагу я встрѣчала затрудненія и препятствія. Лично я не могла бы никогда поступить такъ съ моими товарищами-артистами, съ которыми столько лѣтъ служила вмѣстѣ, какъ поступили нѣкоторые изъ нихъ со мной при устройствѣ моего бенефиса, къ тому же послѣдняго. Сначала я выразила желаніе дать цѣлую оперу, но на какую я ни указывала, тотчасъ же являлось какое-нибудь препятствіе, чего-нибудь не доставало, то декорацій, то пѣвца на какую-нибудь роль, то что-нибудь не такъ въ оркестрѣ, и потому я должна была остановиться на сборномъ спектаклѣ. Незадолго до моего бенефиса, въ бенефисъ Коммисаржевскаго были поставлены два акта изъ оперы Мусорскаго «Борисъ Годуновъ», въ которой я исполняла роль корчмарши (хозяйки корчмы). Я находила, что ничего не можетъ быть лучше, какъ дать эти два акта и въ мой бенефисъ, потому что они очень понравились публикѣ. Но какъ только я заявила свое желаніе объ этомъ, мнѣ сейчасъ же поспѣшили отвѣтить, что за право дать эти два акта нужно платить разовыя композитору. На это я выразила мнѣніе, что навѣрное

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мусорскій ничего не возьметъ съ меня, потому что я съ нимъ хорошо знакома, и, дѣйствительно, когда я сказала ему объ этомъ одно слово, онъ отвѣчалъ, что сочтетъ себя счастливымъ, если увидитъ въ мой бенефисъ два акта своей оперы. И такъ, значитъ, идутъ два акта «Бориса Годунова» и къ этому я поставила 3-й актъ «Вражьей силы» и сцену изъ «Жизни за царя»—«Бѣдный конь въ полѣ палъ». Назначая такія вещи я заботилась, конечно, показать свою силу, съ какимъ голосомъ кончаю свою службу. Афиша уже вышла, какъ вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ режиссеръ и спрашиваетъ меня, просила ли я участвовать Коммисаржевскаго. Меня это крайне удивило; я отвѣчала, что нѣтъ. Тогда режиссеръ посовѣтывалъ мнѣ поѣхать попросить его. Я согласилась и поѣхала. Поднимаюсь на лѣстницу въ квартиру Коммиссаржевскаго, слышу его поющимъ, но когда я вошла въ гостиную, меня встрѣтила прежняя жена его, говоря, что его нѣтъ дома. У меня не достало духа сказать, что я слышала его голосъ; я рѣшилась ограничиться тѣмъ, что такъ какъ онъ дома, то будетъ слышать нашъ разговоръ. Я просила жену его передать ему мою просьбу участвовать въ моемъ бенефисѣ и прибавила, что ѣду отъ нихъ въ Маріинскій театръ, куда просила прислать мнѣ отвѣтъ. Въ этотъ самый моментъ вбѣгаетъ маленькая дѣвочка, дочь ихъ, и кричитъ: «Мама мама! папа спрашиваетъ, куда ты положила..?» (не помню что̀ именно). Я отвернулась. Мнѣ стало совѣстно, стыдно за нее. Все это до глубины души смутило меня, и я не могла не вспомнить факта, который еще болѣе увеличивалъ низость такого поступка, именно: Коммисаржевскій служилъ въ Маріинскомъ театрѣ два раза; первый разъ, когда пріѣхалъ изъ-за границы. Прослуживъ недолго, онъ сталъ жертвой интригъ и ему отказали, что въ глазахъ моихъ было несправедливо. Оставивъ службу, онъ принужденъ былъ дать концертъ въ купеческомъ клубѣ и вотъ въ одинъ прекрасный день является ко мнѣ. Звонитъ, входитъ и прямо становится на колѣни передо мной, говоря: «Вы единственный человѣкъ, настоящая артистка, вы мнѣ не откажете участвовать въ моемъ концертѣ! Умоляю васъ, спасите! Я узналъ, что служу не съ артистами, а съ ремесленниками!» Хотя мы и не были съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но онъ не могъ, конечно, сомнѣваться въ моемъ согласіи. Я тотчасъ же согласилась спѣть сколько надо было ему нумеровъ. Когда концертъ состоялся, онъ, говоря обо мнѣ, назвалъ меня: «Это истинная артистка-женщина!» Теперь я, видя такой пріемъ, въ самой деликатной формѣ напомнила женѣ Коммисаржевскаго объ этомъ фактѣ, о которомъ они оба забыли, можетъ быть. Она отвѣтила мнѣ только: «Да, это было такъ давно!»—«Не знаю, какъ для кого,—возразила я,—но что касается меня, я всегда цѣню, когда что-нибудь для меня сдѣлано!» Какъ бы то ни было, отъ нихъ я поѣхала въ Маріинскій театръ и ждала тамъ его от-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣта. Здѣсь, находясь въ непріятной неопредѣленности, я нашла сочувствіе только въ одномъ маленькомъ человѣкѣ. Это былъ помощникъ режиссера Морозовъ. Онъ говорилъ: «Что за безобразія дѣлаются въ нашемъ театрѣ!» Режиссеромъ былъ въ то время Кондратьевъ, который состоитъ имъ и до сихъ поръ. Получаю, наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, отвѣтъ Коммисаржевскаго. Онъ пишетъ, что былъ у доктора и что тотъ запретилъ ему пѣть. Приходилось измѣнить афишу.

Мнѣ конечно было очень желательно, чтобы въ бенефисѣ моемъ участвовалъ маститый старецъ Петровъ и потому, такъ какъ два акта «Бориса Годунова» не могли идти безъ Коммисаржевскаго, а въ нихъ долженъ былъ пѣть также и Петровъ, то вмѣсто нихъ я просила поставить третій актъ «Русалки», гдѣ была партія Петрова. Я играла роль княгини. Во «Вражьей силѣ» должна была участвовать г-жа Крутикова. Потомъ долженъ былъ идти балетъ изъ второго акта оперы «Жизнь за царя». Всѣ танцовщицы, самыя знаменитыя, во главѣ съ Радиной, согласились участвовать въ моемъ бенефисѣ.

Афишу отпечатали опять. Казалось, ничто уже больше не можетъ встрѣтиться, чтобы заставило измѣнить эту программу. Разсчитывая на Петрова и Крутикову, я была въ полной увѣренности, что отказа съ ихъ стороны не будетъ. Крутикову къ тому же я сама учила исполнять роль Груни. И что же? На другой день послѣ отпечатанія афиши, Крутикова извѣщаетъ, что не можетъ пѣть по болѣзни, а Петровъ пишетъ, что не можетъ участвовать, потому-что въ этотъ день будетъ на какомъ-то вечерѣ.

Отказъ Петрова поразилъ меня болѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Я пѣла Петрову въ юбилеяхъ двадцати и тридцатипятилѣтія его службы и никто на сценѣ не радовался такъ овацiямъ, которыя ему дѣлались; сама я принимала изъ оркестра подарки и передавала ему, однимъ словомъ отъ души сочувствовала ему. И вдругъ онъ-то, изъ-за какого-то вечера, отказывается пѣть на моемъ прощальномъ бенефисѣ. Да, этого я не ожидала! И вотъ такимъ образомъ на бенефисъ мой остается балетъ и сцена изъ «Жизни за царя». Только!

Дѣлать нечего ѣду въ театръ. Режиссеръ говоритъ мнѣ: «Развѣ вы не видите, что вамъ не жалаютъ давать бенефиса?»—«Что же дѣлать мнѣ въ такомъ случаѣ?—спрашиваю я.—Бенефисъ мой долженъ быть, объ этомъ объявлено уже въ афишахъ». Кстати замѣчу здѣсь, что многимъ артистамъ дозволялось объявлять, когда бенефисъ бывалъ прощальный; мнѣ же заикнуться объ этомъ было нельзя.

Отказъ Петрова и Крутиковой заставилъ еще разъ перемѣнить афишу. Афиши мѣняются всякій день. Въ публикѣ большое удивленіе, тѣмъ болѣе, что въ афишѣ не объясняется это измѣненіе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

болѣзнею того или другого артиста, а просто появляется новая афиша.

Въ этотъ разъ я рѣшила поставить неотъемленное мое: 1) Балетъ второго акта изъ «Жизни за царя»; 2) Сцена изъ той же оперы «Бѣдный конь въ полѣ палъ»; 3) Изъ «Русалки» третій актъ, моя арія и пѣсенка Ольги; 4) второй актъ изъ оперы «Вражья сила», и 5) Изъ оперы «Пророкъ» арія «Подайте». Въ Русалкѣ роль Ольги и во «Вражьей силѣ» роль Груни исполняла моя племянница Кольцова. На счастье, я раньше учила ее этимъ ролямъ.

Вечеръ бенефиса наступилъ. Когда я пріѣхала въ театръ, меня поразило убранство моей уборной. Спрашиваю, кто это устроилъ? Мнѣ отвѣчаютъ, что бутафоръ и прислуживавшая сторожиха. Все убрано было живыми цвѣтами. Я была тронута до глубины души, что хотя въ этихъ маленькихъ людяхъ нашла сердечность.

Наконецъ, спектакль начался. Когда я вышла, то буквально была засыпана цвѣтами. Изъ заявленій публики ясно было, на сколько она желала, чтобы меня оставили продолжать службу. Какихъ овацій не выдерживала я въ прежнее время, но въ этотъ разъ, вѣроятно, отъ предъидущаго томительнаго состоянія, этотъ горячій пріемъ довелъ меня до такой степени возбужденія, что голосъ могъ измѣнить мнѣ отъ внутреннихъ нервныхъ рыданій, и я принуждена была уйти за кулисы, гдѣ мнѣ подали воды. Когда я возвратилась на сцену, публика видимо сочувствовала мнѣ, поняла меня и во второй разъ еще горячѣе принимала. За каждымъ актомъ подавались мнѣ громадные букеты, вѣнки съ расшитыми лентами, съ кусками матерій. Во время всего спектакля безпрестанно также подавались вѣнки и букеты отъ всѣхъ учрежденій, которымъ я оказывала помощь своимъ участіемъ въ ихъ концертахъ. Въ антрактѣ, возвратясь въ уборную, я увидала, что всѣ стѣны ея были убраны цвѣтами и вѣнками, брошенными мнѣ на сцену. Это сдѣлали съ непостижимою скоростью хористы, пока я была на сценѣ. Вотъ наступаетъ послѣдній выходъ. Я должна пѣть арію «Подайте» изъ Пророка. Совершенно вѣрно, что я поставила этотъ номеръ съ умысломъ, но я разсчитывала пѣть ее въ костюмѣ и съ хоромъ, къ которому я должна обращаться. Тутъ же, передъ самымъ выходомъ, мнѣ объявили, что по приказанію начальства я должна пѣть въ концертномъ платьѣ и безъ хора; такимъ образомъ я волей-неволей должна была пѣть, обращаясь къ публикѣ, не въ костюмѣ. И мнѣ, какъ бы въ отвѣтъ, поднесли золотой кулекъ съ червонцами на семь тысячъ рублей.

И такъ мучительный бенефисъ мой кончился.

Такимъ образомъ, кончила я службу, получивъ пенсію въ 1143 руб. въ годъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но страсть моя къ театру не остыла, напротивъ, на этомъ прощальномъ спектаклѣ мнѣ казалось, что я только-что вошла въ свою роль.

Вскорѣ послѣ прощальнаго моего бенефиса, я приглашена была на обѣдъ въ собраніе художниковъ, сдѣланный для меня по подпискѣ. Овація, оказанныя мнѣ на этомъ обѣдѣ, выразили расположеніе ко мнѣ общества, какъ обстановкой праздника, такъ и отношеніемъ участвовавшихъ лицъ. Вся зала и потолокъ были въ зелени. Бюстъ мой также весь въ зелени, кромѣ того, художникъ Богдановъ сдѣлалъ акварелью мои портреты въ лучшихъ роляхъ. Безъ конца, казалось, чествовали мои заслуги; профессора говорили рѣчи, провозглашали тосты и кушаньямъ обѣденнаго меню даны были названія оперъ пѣтыхъ мною. На этомъ же обѣдѣ я получила серебряный вызолоченый лавровый вѣнокъ изъ Москвы отъ артистическаго кружка, привезенный четырьмя членами кружка, выбранными депутатами отъ общества.

Послѣ этого обѣда, былъ еще сдѣланъ мнѣ вечеръ также обществомъ собранія художниковъ въ Петербургѣ. Публики было очень много и когда я пѣла романсъ Лишина «До свиданья!», написанный собственно для этого вечера, то публика отвѣчала мнѣ повтореніемъ слова—«До свиданья!»

Распростившись съ петербургскою публикою, я поѣхала въ Москву отблагодарить артистическій кружокъ за его вниманіе и чествованія. Въ Москвѣ, на вечерѣ, устроенномъ мнѣ въ артистическомъ кружкѣ, принимали меня съ почетомъ и радушіемъ. Между прочимъ, упрашивали меня надѣть, поднесенный мнѣ кружкомъ, вѣнокъ. Обстановка вечера была роскошная; оркестръ музыки, богатое убранство цвѣтами, великолѣпный ужинъ, за которымъ сдѣланъ былъ мнѣ сюрпризъ: когда я сѣла къ своему прибору, то увидала передъ нимъ окруженный цвѣтами серебряный, вызолоченный калачъ, наполненный червонцами.

Ужинъ сопровождался тостами, публика провожала меня до кареты и всѣ просили у меня на память цвѣтовъ.

Д. Леонова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Проданныя дѣти.

(Посвящается сестрѣ моей Александрѣ Николаевнѣ Терпигоревой).

I.

ННА ИВАНОВНА Мутовкина, — докладываетъ лакей.

— А, чтобъ ей... Одна?—спрашиваетъ отецъ.

— Нѣтъ-съ, съ дѣтьми.

Отецъ съ досадой встаетъ съ дивана и уходитъ изъ угольной, гдѣ мы всѣ пили чай; остается матушка съ Анной Карловной, нашей гувернанткой-нѣмкой, да мы, дѣти,—я и сестра Соня, дѣвочка лѣтъ девяти.

Скоро въ дверяхъ угольной показывается Анна Ивановна Мутовкина съ дѣтьми, тоже мальчикомъ и дѣвочкой. Она привезла ихъ къ намъ, т. е. захватила ихъ съ собою собственно для насъ—для меня и для сестры, чтобы доставить намъ удовольствіе поиграть съ ними...

Анна Ивановна Мутовкина женщина лѣтъ пятидесяти, средняго роста, съ лицомъ вѣчно умильно улыбающимся, хотя глаза у нея бѣгаютъ какъ-то тревожно и она все видитъ, все слышитъ, все замѣчаетъ. Одѣта она не то чтобы бѣдно, а какъ-то неопрятно: одно плечо выпачкано мѣломъ—это она дома стояла у печки и грѣлась; на оборкахъ у платья сухая грязь — какъ забрызгалась, такъ съ тѣхъ поръ и не чистила его; мантилья спереди вся закапана—ѣла, соусомъ закапалась — она отвратительно ѣла — салфеткой кое-какъ вытерлась, пятна и остались. Но самое противное для насъ у нея было—это ея руки: маленькія, красныя, съ обгрызенными пальцами и всѣ въ «ципкахъ», т. е., съ грубой и потрескавшейся кожей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Когда мы утромъ, послѣ умыванія, спѣшили и кое-какъ вытирали, не насухо, лицо и руки, нянька говорила намъ всегда:

— Вотъ посмотрите, будутъ у васъ руки, какъ у Анны Ивановны, въ ципкахъ всѣ.

— Отчего?

— Оттого, что съ мокрыми руками нельзя выходить.

— Да развѣ у нея отъ этого?

— А то отчего же.

Но я думаю, это было само собою, а главная причина—отъ неопрятности: противно неопрятна она была.

Дѣти ея тоже намъ не нравились. Старшею была Клавдинька, названная такъ въ честь своей крестной матери, нашей тетки Клавдіи Васильевны, покровительницы Анны Ивановны Мутовкиной. Это была дѣвочка скрытная, лицомъ очень некрасивая и совсѣмъ намъ не пара: она въ свои одиннадцать-двѣнадцать лѣтъ глядѣла почти какъ взрослая. Пойдемъ мы съ нею, бывало, гулять въ садъ, зовемъ ее бѣгать съ собою, играть:

— Сейчасъ... Бѣгите, я сейчасъ...

А сама идетъ съ няньками и все у нихъ выспрашиваетъ.

Онѣ сначала ей на все отвѣчаютъ, а потомъ какъ догадаются, что она это у нихъ нарочно для чего-нибудь выспрашиваетъ, и начнутъ ее стыдить:

— Ахъ, барышня, какая вы еще маленькая, а ужъ хитрая какая. И зачѣмъ вамъ это все знать? Вы бы побѣгали, поиграли,— усовѣщиваютъ онѣ ее.

А она, какъ ни въ чемъ не бывало, кашлянетъ, или разсмѣется, и опять за свое.

Няньки на нее потомъ, вечеромъ, жаловались матушкѣ.

— Ахъ, сударыня, какая она,—говорили онѣ,—и до всего-то, до всего ей дѣло. Обо всемъ это она разспрашиваетъ, все высматриваетъ.

— Несчастная дѣвочка,—говоритъ матушка.

— И вѣдь это ее все мать, Анна Ивановна, научаетъ,—продолжаетъ нянька.

— Конечно...

Сынъ, Ваня, мальчикъ лѣтъ девяти или десяти, былъ какой-то не то что дурачекъ, а глупый, тупой, да къ тому же еще забитый. Кромѣ того, онъ былъ постоянно боленъ золотухой: то щека подвязана, то нога забинтована. И чуть что, сейчасъ плачетъ. Побѣжитъ, упадетъ на больное мѣсто и такъ расплачется, что и не унять его.

— Не плачьте. Ну, что̀жъ дѣлать? Пройдетъ, ничего,—уговариваютъ его няньки.

— Больно...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну что̀жъ съ этимъ дѣлать. Пройдетъ. А то, срамъ какой, большой вы ужъ и плачете.

И начнутъ его перевязывать, перебинтовывать. А онъ сидитъ, всхлипываетъ, и такой несчастный, жалкій, безпомощный какой-то и въ то же время противный, потому что мы знали, что и онъ такой же вывѣдчикъ и сплетникъ, какъ и его сестра, только глупѣе ея и не такой шустрый, можетъ быть, потому что больной.

Мутовкина очень любила привозить ихъ къ намъ съ собою. Она даже, одно время, вздумала было чуть не черезъ день присылать ихъ къ намъ однихъ. Она жила не далеко отъ насъ, верстахъ въ трехъ, и они начали то-и-дѣло къ намъ являться. Привезутъ ихъ утромъ и оставятъ у насъ на цѣлый день — возись съ ними. Какъ дѣти, и мы, разумѣется, не охотно сидѣли въ классѣ, но гулять и заниматься съ ними у насъ было еще меньше охоты, и мы были очень довольны, когда вскорѣ эти визиты ихъ прекратили подъ предлогомъ, что мы въ это время занимаемся и это намъ мѣшаетъ.

Но когда у насъ гостила тетушка Клавдія Васильевна, покровительница Мутовкиной, или какъ та ее называла «благодѣтельница», тутъ ужъ ничего нельзя было подѣлать и Анна Ивановна съ дѣтьми являлась то-и-дѣло; дѣтей приведетъ къ намъ, насъ перецѣлуетъ, скажетъ:—«А я вотъ къ вамъ привезла своихъ, пускай они посидятъ съ вами»,—и пойдетъ и сидитъ съ тетушкой въ ея комнатѣ,—о чемъ-то онѣ бесѣдуютъ, что̀-то такое все разговариваютъ...

И матушка́, и отецъ, Мутовкину не любили, особенно отецъ, но онъ не могъ ее не принимать, или принять ее такъ, чтобы она уже сразу перестала бывать у насъ потому, что онъ былъ предводителемъ въ это время, и какъ же такъ онъ сталъ бы невѣжливо или даже не внимательно обращаться съ дворянкой — помѣщицей своего уѣзда, какая бы она тамъ не была?..

Но она угнетающе дѣйствовала на него, и онъ всякій разъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ только докладывалъ лакей, что пріѣхала Мутовкина.

II.

У Анны Ивановны Мутовкиной былъ живъ еще мужъ, и не только живъ, но и служилъ даже, въ земскомъ судѣ, какимъ-то дворянскимъ засѣдателемъ. Онъ только у-насъ не бывалъ, или почти не бывалъ. Я помню его у насъ всего только какихъ-нибудь два или три раза за все время, да и то видѣлъ его у отца въ кабинетѣ: въ прочихъ комнатахъ онъ не появлялся и ни за обѣдомъ, ни за чаемъ, я его никогда не видалъ.

По виду, это было существо самое жалкое: небольшого роста, въ неуклюжемъ, просторномъ, точно чужомъ, вицъ-мундирѣ —

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

фракъ съ желтыми полинялыми металлическими пуговицами, плѣшивый, съ глазами вѣчно слезящимися и робкой, заискивающей улыбкой. Какъ говорили, онъ былъ совершенно во власти у жены, вполнѣ отъ нея зависѣлъ и всѣмъ былъ обязанъ ей, такъ какъ она была женщина энергическая, всюду проникала, всѣхъ просила объ немъ и если разъ за что̀ бралась,—своего ужъ достигала. Но онъ, говорили, былъ въ то же время и изобрѣтательный, отчаянный взяточникъ, славившійся именно этой своей изобрѣтательностью во взяточничествѣ. Не было въ уѣздѣ ни одного темнаго дѣла, въ которомъ бы онъ не принималъ участія, или къ которому такъ или иначе не былъ прикосновенъ. Три губернатора, одинъ вслѣдъ за другимъ, обѣщались «съѣсть» его, какъ выражались тогда, и ни одинъ не могъ ничего съ нимъ подѣлать. Но онъ былъ постоянно подъ судомъ или подъ слѣдствіемъ. Отдадутъ его подъ судъ, онъ годъ или два посудится и опять очистится. И такъ все время, всю жизнь.

Онъ участвовалъ не только во всѣхъ чиновничьихъ и судебныхъ плутняхъ, въ лихоимствѣ и проч., но онъ принималъ участіе и прямо даже въ мошенничествѣ, въ воровствѣ, въ грабежѣ, который тогда случался тоже не въ рѣдкость. Ему приписывали, я помню, выдумку воровъ уводить зимою по ночамъ у мужиковъ лошадей и коровъ обутыми въ лапти: слѣдъ человѣчій, а украдена лошадь или корова, которыхъ слѣда нигдѣ нѣтъ, не видно. И много приписывали ему другихъ подобныхъ же изобрѣтеній.

Жена его, въ разговорѣ, отзывалась объ немъ пренебрежительно, называя его просто «мой» или съ прибавленіемъ: «дуракъ-то мой». Но она участвовала во всемъ съ нимъ за одно—онъ старался въ городѣ, въ судѣ или въ судахъ, а она въ деревнѣ, и дуракомъ она, на самомъ дѣлѣ, несомнѣнно не считала его потому, что въ спорѣ, въ азартѣ, иногда у нея вырывались объ немъ такія выраженія:—«Ну, да? ужъ Алексѣй Макарычъ-то это знаетъ!» Или: «Ну, да ужъ если Алексѣй Макарычъ-то за это дѣло возьмется, будьте покойны, ничего не подѣлаютъ», и проч.

Видалъ я его чаще у дѣда, у котораго были постоянно какія-то тяжебныя дѣла и ихъ велъ ему, въ качествѣ его повѣреннаго, или просто совѣтчика, Мутовкинъ.

— А спосылать-ка завтра въ городъ за Мутовкинымъ, — скажетъ, бывало, дѣдушка еще съ вечера.

На другой день Мутовкинъ и является, зазябшій, весь синій съ дороги, потому что за нимъ посылали мужицкую подводу въ одну лошадь, и онъ всѣ двадцать верстъ отъ города ѣхалъ шагомъ или почти шагомъ.

— Замерзъ... а?—спроситъ дѣдушка.

— Замерзъ, Николай Ѳедоровичъ.

— Водки хочешь?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И, не дожидаясь отвѣта, дѣдушка кричитъ:

— Кондрашка, подай водки и закусить чего-нибудь.

Не смотря на то, что дѣдушка высоко цѣнитъ судейскій умъ и судейскую опытность въ дѣлахъ Мутовкина, онъ, однако, при всѣхъ постоянно подсмѣивался надъ нимъ.

— Ну,—скажетъ,—разсказывай, какія тамъ у васъ въ городѣ новости, какія еще плутни вы тамъ придумали?

Мутовкинъ все это переносилъ и повидимому нисколько на это не обижался: сидитъ и самъ же смѣется, хихикаетъ, или разсказываетъ дѣйствительно какую-нибудь еще новую плутню—не свою, какъ онъ увѣряетъ, а чью-нибудь—но такъ тонко ее понимаетъ и смакуетъ при этомъ, что видно, что онъ весь въ ней, что это его жизнь.

— И какъ это только на васъ грозы никакой нѣтъ. Погодите, вотъ пріѣдетъ новый губернаторъ, онъ вамъ задастъ, всѣхъ васъ подъ судъ упрячетъ!—продолжаетъ дѣдушка.

А Мутовкинъ только сперва глупо-глупо такъ посмотритъ на него, дескать, за что же тутъ, я не понимаю, а потомъ, весело улыбнется и глаза сдѣлаетъ хитрые-прехитрые.

— Ты сколько разъ,—продолжаетъ дѣдушка,—подъ судомъ-то былъ?

— Восемь,—скромно отвѣчаетъ Мутовкинъ.

— И все чистъ выходилъ?

— Да за что же, Николай Ѳедоровичъ! Вѣдь если человѣкъ ничего не сдѣлалъ, за что же судить-то его?

— Разсказывай! Это ужъ особое къ тебѣ милосердіе дворянъ, что они еще выбираютъ тебя все.

— А страдаю-то я за кого? Все за господъ дворянъ же, за за нихъ же, за ихъ дѣла...

— А ты за нехорошія дѣла не берись.

— Не берись!

— Да, разумѣется.

— Ахъ, Николай Ѳедоровичъ, и какъ вы это говорите! Ну какъ я невозьмусь, если, примѣрно, вы меня призовете и скажете: обдѣлай мнѣ это...

— Я тебѣ никогда этого не скажу.

— Знаю-съ. Да я къ примѣру такъ.

Но и дѣдушка, и всѣ подсмѣивались надъ нимъ такъ только, потому что люди смѣются, а какъ крупные помѣщики, отъ которыхъ зависѣло его избраніе на балотировкахъ, вновь избирали его въ ту же должность засѣдателя, и съ дѣлами своими всѣ обращались къ нему: очень ужъ сами-то они всѣ плохо знали законы, что можно и чего нельзя, да и вообще и такъ были слабы по части грамотности.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

III.

У Мутовкиной имѣніе было очень небольшое, даже собственно, по тогдашнему, не имѣніе, а просто хуторъ—десятинъ сто земли, двѣ семьи крестьянъ и одна семья дворовыхъ, которая вся и служила при домѣ и при усадьбѣ, исполняя обязанности кучера, повара, садовника, и разныхъ ключницъ, скотницъ, горничныхъ, птичницъ и проч.

Но въ подмогу имъ, тѣ помѣщики, дѣла которыхъ велъ Мутовкинъ, отдавали ему въ видѣ вознагражденія во временное пользованіе или одиночекъ мужчинъ и женщинъ, или иногда и цѣлыя семьи.

Положеніе этихъ несчастныхъ—помню разсказы объ этомъ—было самое ужасное. Мутовкинъ самъ жилъ постоянно въ городѣ, находясь на службѣ, или вотъ такъ разъѣзжалъ по помѣщикамъ въ качествѣ ихъ повѣреннаго или совѣтчика, а хозяйствомъ и всѣмъ въ деревнѣ или на хуторѣ завѣдывала Анна Ивановна. На этихъ несчастныхъ, присылаемыхъ къ ней во временное пользованіе, она смотрѣла прямо какъ на жертвъ своихъ и не только обремѣняла ихъ всякой работой, но еще, отпуская домой, по окончаніи срока пребыванія ихъ у ней, обирала, что называется, до нитки.

Какъ ни мало могли интересовать всѣ эти разговоры о порядкахъ у Мутовкиной насъ, дѣтей, но, вслушиваясь въ нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ, интересовавшіе почему-нибудь насъ, мы невольно вдумывались въ эти разсказы и они запечатлѣлись у насъ въ памяти. Разговоры нянекъ, горничныхъ, между собою, которые мы не могли не слышать, дополняли наши представленія о Мутовкинскихъ порядкахъ.

— Такой, другой госпожи во всемъ уѣздѣ нѣтъ, да и въ губерніи во всей, пожалуй, не съищется,—говорили онѣ про нее.

— Жадна ужъ больно.

— Не насытная совсѣмъ... И жалости въ ней къ человѣку—никакой.

— Совѣсти—стыда никакого.

Я помню разсказъ одинъ няньки—ей тоже кто-то разсказывалъ—о томъ, какъ Мутовкина разбирала сундукъ или мѣшокъ какой-то горничной, присланной ей въ услуженіе какимъ-то помѣщикомъ, дѣла котораго велъ ея мужъ, и какъ она при этомъ отобрала у этой несчастной и взяла себѣ разныя ея тряпки, не побрезгавъ даже и этой скудной наживой...

Но это я однакожъ привожу здѣсь вовсе не потому, чтобы это было чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ въ характерѣ самой Мутовкиной—это очень многія тогда дѣлали, то есть рылись въ сундукахъ у горничныхъ и даже отнимали у нихъ разную дрянь,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

я упоминаю здѣсь объ этомъ обо всемъ просто какъ объ общемъ фонѣ, на которомъ въ памяти у меня вырисовываются тѣ или другія картины или отдѣльныя сцены. Мутовкина была только мизернѣе, циничнѣе, неопрятнѣе другихъ и оттого, глядя на нее, или слушая ее, больше возмущалось нравственное чувство въ насъ, дѣтяхъ, и мы лучше и легче все это запомнили—только...

Имѣніемъ своимъ и своими людьми Мутовкина распоряжалась совершенно самостоятельно, не спрашивая ни согласія, ни совѣтовъ и указаній своего мужа. У нихъ были даже изъ-за этого имѣнія другъ съ другомъ ссоры. Сперва это имѣньице было его, но потомъ онъ какъ-то перевелъ его на ея имя. У него было какое-то опасное тогда дѣло, по которому онъ могъ поплатиться какимъ-то большимъ для него денежнымъ начотомъ или штрафомъ, взысканіемъ, и у него могли это имѣньице его отобрать или продать,—такъ вотъ, чтобы этого не могли съ нимъ сдѣлать, онъ и перевелъ его какъ-то на имя жены.

Но потомъ опасность эта миновала, онъ благополучно избѣгъ ея, «отсудился» отъ нея, какъ тогда говорили, хотѣлъ было опять перевести имѣніе на свое имя, но жена ужъ не соглашалась на это, не отдавала ему назадъ имѣнія, постоянно съ мужествомъ и очень ловко, говорили, отражала всѣ его подвохи и нападки.

Это все, однакожъ, тоже между прочимъ, такъ какъ и это все было въ то время вовсе не въ рѣдкость и у кого въ семьяхъ это происходило, семейному счастью семьи нисколько не мѣшало, напротивъ, и дѣлалось-то это все въ интересахъ семьи, ея безопасности и обезпеченности, и если надъ этимъ смѣялись, то лишь надъ отдѣльными какими-нибудь случаями этой борьбы супруговъ, а самый фактъ, мотивъ такихъ ссоръ и борьбу супруговъ всѣ уважали и разсматривали, какъ заботу ихъ о цѣлости имѣнія и объ обезпеченіи дѣтей. Такъ и теперь, Анна Ивановна находила много сторонниковъ, которые сочувствовали ей въ ея упрямствѣ не отдавать обратно мужу его имѣнія.

— Помилуйте, и къ чему? Избави Господи, опять попадется, чтожъ тогда снова переводить ему на жену.

— Глупости! Какъ это служащему человѣку на свое имя имѣніе держать...

И даже прямо, въ силу этихъ взглядовъ, смотрѣли на его желаніе получить имѣніе обратно отъ жены, какъ на предосудительное дѣло, какъ на доказательство того, что онъ не заботится о семьѣ,—по легкомыслію его, хотя всѣ знали, что какой ужъ онъ легкомысленный!..

IV.

Таково было общее отношеніе къ Мутовкинымъ всѣхъ сосѣдей и всѣхъ знавшихъ ихъ; но совсѣмъ иначе на нихъ смотрѣла

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

наша тетенька Клавдія Васильевна, или тетя Клёдя, какъ мы всѣ ее звали, или «благодѣтельница», какъ называла ее Анна Ивановна Мутовкина.

И, я не думаю, чтобы, по характеру своему, тетенька и въ глубинѣ своей души, оставаясь, такъ сказать, наединѣ съ своей совѣстью, смотрѣла на Мутовкиныхъ иначе, то есть съ тѣмъ же оттѣнкомъ нѣкоторой брезгливости, какъ смотрѣли на нихъ всѣ. Напротивъ, по всему, что мнѣ извѣстно, тетенька, будучи связана съ Мутовкиной нѣкоторой общей съ нею дѣятельностью и, видя притомъ постоянное ея усердіе, энергію и удачливость въ предпріятіяхъ самыхъ смѣлыхъ, иначе и не могла на нее смотрѣть, то есть иначе, какъ съ самыми дружескими къ ней чувствами...

За то и Анна Ивановна была не только вѣрный слуга для тетеньки Клавдіи Васильевны, но и восторженная ея почитательница. Она положительно смотрѣла на тетеньку, какъ на идеалъ женщины,—идеалъ, до котораго ей, при ея малыхъ средствахъ, необразованности, отсутствіи положенія и связей, да еще при такой «подлой» фамиліи, какъ выражалась она про себя,—никогда, во вѣки вѣковъ не достичь, чтобы она ни дѣлала и какъ бы не трудилась. Тетенька, въ ея представленіи, была орломъ, который свободно носился и низко надъ землей, схватывая всякую мелкую добычу, и свободно парилъ въ высотѣ, оттуда высматривалъ добычу и потомъ падалъ на нее со всей стремительностью и неотразимостью...

Бывая у насъ ежедневно почти, когда къ намъ пріѣзжала и гостила у насъ тетенька Клавдія Васильевна, Мутовкина сидѣла, ходила, смотрѣла на нее и говорила съ ней совсѣмъ какъ очарованная.

— Ишь, у Анны Ивановны-то, совсѣмъ дыханіе въ зобу сперлось,—говорили про нея наши няньки, смотря на нее, когда она бесѣдовала съ тетенькой.

И, дѣйствительно, во всей фигурѣ ея, въ выраженіи лица и въ глазахъ, было всегда столько восторга и умиленія, хотя въ то же время было и что-то страшное...

Наши няньки, глядя на нихъ, говорили:

— Опять, должно быть, Клавдія Васильевна научаетъ ее порѣшить кого...

Въ свою очередь, и тетенька выражала ей любовь и вообще нѣжныя чувства, что тѣмъ болѣе должно было быть для Мутовкиной цѣнно, что она ихъ никому не расточала, такъ какъ ихъ было мало у нея.

Бывало, когда сидятъ онѣ вдвоемъ у тетеньки въ комнатѣ, долго толкуютъ, разсуждаютъ, читаютъ какія-то бумаги, разсматриваютъ планы, тетенька — видимъ мы въ отворенныя двери —

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

встанетъ, пройдется по комнатѣ, достанетъ изъ шифоньерки леденцовъ, себѣ положитъ въ ротъ и ей тоже дастъ...

А иногда отсыплетъ ихъ нѣсколько, завернетъ въ бумажку и дастъ ей, чтобы она потомъ дома дала полакомиться и дѣтямъ своимъ, тетенькинымъ крестникамъ.

А когда тетенька лѣтомъ бывала у насъ, и къ ней являлась, по ея дѣламъ, Анна Ивановна, онѣ иногда въ садъ уходили для дѣловыхъ разговоровъ. И долго ходятъ все по дорожкамъ, остановятся иногда, говорятъ, или присядутъ на скамеечку и сидятъ,— тетушка говоритъ, даетъ ей наставленія, а она слушаетъ.

А подойдемъ мы къ нимъ, онѣ или замолчатъ и переменятъ разговоръ, или тетенька прямо скажетъ нашимъ нянькамъ:

— Ну, идите гуляйте... Это вы нарочно ихъ подводите, узнать хотите, о чемъ мы разговариваемъ.

— Помилуйте, матушка, оправдывается нянька:—они сами увидали васъ, ихъ не удержать...

— Не разсказывайте... Знаю я...

И всякій разъ, возвращаясь изъ сада, тетенька срывала нѣсколько яблоковъ, если онѣ въ то время были ужъ спѣлыя, и дарила ихъ Аннѣ Ивановнѣ, съ тѣмъ, чтобы та отвезла ихъ своимъ дѣтямъ. А если не было яблоковъ, то набирала съ нею вмѣстѣ малины, вишень, крыжовнику, и это посылала съ ней ея дѣтямъ.

Она нѣсколько разъ, я помню, дарила также этимъ ея дѣтямъ и деньги—по новенькому золотому—которые тутъ же почти вырывала у нихъ изъ рукъ ихъ мать Анна Ивановна, говоря, что они пожалуй еще потеряютъ, хотя это было и не похоже на нихъ...

Сама Анна Ивановна, послѣ такой милости со стороны тетеньки, ловила у нея ручку, чтобы поцѣловать, но та не давала, и она цѣловала ее въ плечико; дѣтямъ же тетенька протягивала очень охотно ручку, и они ее цѣловали, какъ-то съежившись при этомъ, и по нѣсколько разъ, какъ-будто не могли оторваться отъ такой сласти...

Что за дѣла такія были у тетеньки Клавдіи Васильевны съ Анной Ивановной и, вообще, что такъ связывало ихъ, за что онѣ любили такъ другъ друга и стояли одна за другую, мы знали довольно смутно, полагая лишь, что тетушка поручаетъ Аннѣ Ивановнѣ какія-то свои дѣла, и она ихъ ей всегда вѣрно и честно исполняетъ. Мы даже знали, что эти дѣла заключаются въ какихъ-то переводахъ или пересылкахъ мужиковъ изъ одного тетенькинаго имѣнія въ другое, изъ одной губерніи въ другую. Но о самомъ характерѣ такихъ дѣлъ, т. е., въ данномъ случаѣ, о самой ихъ сущности и о томъ, чѣмъ эти дѣла обусловливаются, чѣмъ сопровождаются, вообще, что это такое за дѣло, мы не имѣли ни малѣйшаго тогда понятія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мама, да что такое Мутовкина ей дѣлаетъ? — спрашивали мы матушку.

— Ахъ, тамъ дѣла разныя по тетенькину имѣнію...

И ужъ только послѣ долгихъ разспросовъ однажды сказала:

— Тетя земли много пустой купила въ Саратовской губерніи, такъ ей мужиковъ туда послать надо...

Какъ это послать, откуда это Анна Ивановна ей этихъ мужиковъ можетъ набрать—ничего этого мы не понимали.

Няньки тоже отвѣчали какъ-то уклончиво на наши разспросы объ этомъ, хотя у нихъ иногда и вырывались такія выраженія:

— Отольются имъ обѣимъ эти слезы...

— Кому?

— Да тетенькѣ-то съ Анной Ивановной.

— За что?

Няньки ничего не отвѣчали, или вздыхали и говорили, что когда-нибудь мы все это поймемъ, а теперь намъ объ этомъ нечего знать и просили, чтобы мы объ этомъ ничего не говорили ни матушкѣ, ни отцу.

Очевидно и несомнѣнно, что тутъ было что-то не хорошее и запрещенное, чего мы не должны еще пока знать, но, что именно?

V.

Такъ бы, вѣроятно, всѣ эти «дѣла» и остались для насъ не разрѣшенной загадкой, по правдѣ, даже и мало интересовавшей насъ, дѣтей, а когда впослѣдствіи мы узнали бы ихъ, въ чемъ они заключались, но не увидя ихъ и не прочувствовавъ въ дѣтствѣ,—они сошли бы для насъ мертвымъ звукомъ, подъ ничего не выражающимъ названіемъ заселенія дальнихъ, степныхъ имѣній.

Но я ихъ, эти дѣла, видѣлъ... Я увидалъ ихъ, понялъ и хорошо почувствовалъ, благодаря случайному совсѣмъ обстоятельству—отъѣзду отца и матушки на мѣсяцъ въ Москву.

У насъ была какая-то намъ, дѣтямъ, неизвѣстная совершенно дальняя родственница—бабушка или тетушка, даже и этого не знаю хорошо,—которая постоянно жила въ Москвѣ. Но отецъ и матушка очень хорошо знали ее, очень любили и изрѣдка хотя, но все же переписывались. Судя по письмамъ, которыя получались отъ нея и читались потомъ и при насъ вслухъ, и она ихъ тоже любила.

Родственница эта давно ужъ изъявляла желаніе видѣть и матушку съ отцомъ, и насъ всѣхъ, и просила пріѣхать къ себѣ, или въ Москву, если зимою, къ ней въ домъ, или, если лѣтомъ, то въ ея подмосковную, гдѣ она любила жить съ самой весны. Поѣздка туда давно была рѣшена, но все откладывалась подъ разными предлогами изъ года въ годъ. Наконецъ, родственница написала

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

категорическое и необыкновенно чувствительное письмо, въ которомъ говорила и о томъ, что поѣздка эта не Богъ знаетъ какое ужъ трудное дѣло, что если они не ѣдутъ, то, значитъ, въ нихъ нѣтъ надлежащихъ къ ней родственныхъ чувствъ, а между тѣмъ она ужъ слабѣетъ, чувствуетъ, что ей не долго осталось жить, что она хотѣла бы распорядиться на счетъ оставляемыхъ ею имѣній, дома и денегъ и проч.,—и отецъ съ матушкой рѣшили, наконецъ, непремѣнно къ ней поѣхать, какъ только послѣ полой воды просохнетъ и установится настоящій ужъ лѣтній путь. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было и потому это обстоятельство, т. е. хорошая дорога, при семидневной ѣздѣ до Москвы, было очень важное. Такъ отвѣтили и родственницѣ, что явятся къ ней тотчасъ, какъ установится путь. По какимъ-то причинамъ или соображеніямъ насъ, дѣтей, однако, не брали съ собою, хотя родственница выражала въ своемъ письмѣ живѣйшее желаніе насъ видѣть. Настоящею причиной этого, кажется, было опасеніе, какъ бы мы не заболѣли дорогой и вообще наше здоровье, за которымъ смотрѣли и которое берегли я ужъ не знаю какъ,—«какъ зеницу ока», по любимой поговоркѣ нашихъ нянюшекъ. Сборы въ дорогу и разныя соображенія и распоряженія на счетъ того, какъ за нами смотрѣть, куда насъ пускать, куда не пускать, и проч., и проч., начались еще задолго, недѣли за двѣ до отъѣзда матушки съ отцомъ въ Москву.

Гувернантка наша, нѣмка Анна Карловна, и няньки наши, получали каждый день все новыя и новыя дополнительныя наставленія на счетъ всякой могущей встрѣтиться съ нами случайности: болѣзни какой, несчастія и проч., и проч. Матушка съ отцомъ первый разъ уѣзжали вмѣстѣ, покидали насъ такъ надолго и уѣзжали на такое далекое отъ семьи разстояніе.

Наконецъ, всѣ соображенія и распоряженія были кончены, дорога также просохла, сдѣлалась вполнѣ годною для дальней поѣздки. Къ крыльцу подвезли дорожную огромную карету и отпрягли ее. Тутъ она будетъ стоять дня два, покрытая бѣлымъ холстиннымъ чехломъ, пока будутъ въ нее, т. е. въ безсчисленные ея сундуки, не спѣша и осмотрительно, все укладывать, что̀ надо взять съ собою для такой дальней дороги и потомъ для Москвы.

Вѣроятно, все бы это такъ и кончилось, устроилось, т. е., матушка съ отцомъ уѣхали бы въ Москву, оставивъ насъ на заботливомъ и вполнѣ достаточномъ попеченіи гувернантки Анны Карловны и нашихъ нянекъ, и мы прожили бы совершенно тихо, мирно и благополучно вплоть до ихъ возвращенія, если бы въ день, наканунѣ отъѣзда ихъ, къ вечеру, совершенно неожиданно, не проявилась бы тетенька Клавдія Васильевна. И подъѣхала она до того тихо, что ее никто не слыхалъ. Мы увидали ее ужъ на балконѣ, что выходилъ у насъ въ садъ, и гдѣ мы всѣ въ это время сидѣли.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Что это, вы ѣхать въ Москву собираетесь? — здороваясь и цѣлуясь со всѣми, спрашивала она: — а я было у васъ погостить хотѣла.

Ей начали разсказывать въ чемъ дѣло, почему рѣшили ѣхать именно теперь, а не въ другое какое время, и проч., и проч., и стали увѣрять, что ей все-таки рады и это будетъ даже очень хорошо, если за время поѣздки она пробудетъ у насъ, что это отлично вышло, что она надумала пріѣхать къ намъ именно теперь.

Завистливая, подозрительная и до крайности любопытная, она была видимо очень рада, что ей, такимъ образомъ, вдругъ и совершенно неожиданно открывается новое поприще хозяйки въ домѣ на цѣлый мѣсяцъ, и она многое узнаетъ, чего иначе никогда не могла бы узнать.

— Что̀жъ, пожалуй,—согласилась она.

— Это отлично. Ахъ, какъ это хорошо вышло,—искренно радовалась матушка, что будетъ еще одинъ вѣрный человѣкъ и при томъ такой авторитетный, солидный и родственный, который ужъ, конечно, будетъ заботиться и пещись объ насъ.

— Вы завтра утромъ, я слышала, ѣдете?

— Хотѣли, Клавдинька, завтра.

— Ну, что̀жъ, и не чего откладывать. Съ Богомъ.

— Да вѣдь одинъ день—это ничего не значитъ, можно и отложить.

— Нѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ... Что такое... Какія со мною церемоніи... Я, кажется, не чужая... своя...

На утро, прощаясь, матушка ей толковала главное про меня:

— Что все будетъ у насъ въ порядкѣ, въ томъ я увѣрена,— говорила матушка,—но вотъ я за него боюсь; онъ такой нервный, впечатлительный... На него все ужасно дѣйствуетъ... Какая-нибудь сцена...

Тетушка улыбалась своей сухой улыбкой и отвѣчала:

— Ничего, будь покойна... Ничего не случится... что̀ же можетъ случится?..

Такъ матушка съ отцомъ и уѣхали.

VI.

Проводивъ ихъ, мы вернулись съ крыльца въ домъ, и я живо помню чувство пустоты и то сиротливое чувство, какое я ощутилъ сейчасъ же тогда. Это сиротство, быть можетъ, я почувствовалъ именно отъ присутствія тутъ «тети Клёди». Не будь ея, быть можетъ, было бы иначе; но она была тутъ и невольно приходило въ голову сравненіе ея съ тѣми, кто покинулъ насъ, съ отцомъ и матушкой, и кого замѣстительницей для насъ она теперь являлась...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, идите, занимайтесь съ Анной Карловной,—сказала она намъ.— Вы, Анна Карловна,— обратилась она къ гувернанткѣ,— пожалуйста, чтобы все такъ же... какъ было до сихъ поръ, безъ перемѣнъ. Какъ у васъ было заведено, такъ чтобы и теперь шло...

Мы пошли въ классную, а за нами, мы слышали, какъ тетенька кому-то сказала:

— Какъ бы послать кого-нибудь за Анной Ивановной... чтобы она сейчасъ ко мнѣ пріѣхала...

Это было первое ея распоряженіе, въ качествѣ правительницы, въ нашемъ домѣ, по отъѣздѣ отца съ матушкой.

Мутовкина, понятно, на крыльяхъ, точно, прилетѣла сейчасъ же. Когда мы «отучились» и вышли, по обыкновенію, въ залъ, чтобы играть и бѣгать, или отсюда ужъ черезъ балконъ идти гулять и играть въ садъ, Мутовкина ужъ прохаживалась вдоль комнатъ, сопровождая тетеньку, медленно выступавшую съ вѣчнымъ чулкомъ на спицахъ въ рукахъ, съ холодной, жесткой улыбкой на лицѣ.

И съ этого же перваго дня начались откровенія и открытія для насъ, что за дѣла такія у тетеньки съ Анной Ивановной. Если бы отецъ или матушка были дома, тетя Клёдя сидѣла и бесѣдовала бы съ Мутовкиной у себя въ комнатѣ, или гуляла бы съ нею въ саду, и онѣ тамъ обсуждали и разсматривали свои дѣла; но теперь отца и матушки не было дома, вмѣсто ихъ, съ согласія ихъ, и чуть не по ихъ просьбѣ, полноличной хозяйкой и замѣстительницей ихъ осталась тетенька Клавдія Васильевна, и она, въ этомъ качествѣ, хотѣла показываться всѣмъ на подобающемъ ей первомъ мѣстѣ, и ей, поневолѣ, такимъ образомъ, пришлось бесѣдовать и разсуждать обо всѣхъ своихъ дѣлахъ съ Мутовкиной при всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ присутствіи; да она, не находя ничего предосудительнаго въ нихъ, не считала нужнымъ и стѣсняться этимъ, или хранить ихъ отъ кого бы то ни было въ тайнѣ, исключая тѣхъ случаевъ, когда, вслѣдствіе огласки, какое-нибудь «дѣло», или какая-нибудь комбинація могли растроиться и не удасться.

Мутовкина тоже ни мало не стѣснялась. Она точно выросла. Точно съ высокимъ положеніемъ въ нашемъ домѣ, которое заняла тетенька, и она стала выше, получила какія-то права. Даже и къ намъ она, какъ будто, иначе начала относиться, — не обращала на насъ вниманія, не замѣчала насъ точно.

А объ нянькахъ и даже о гувернанткѣ, и подавно, ужъ и говорить нечего: она и знать ихъ не хотѣла.

И это все въ первый же день по отъѣздѣ отца съ матушкой.

Мы, дѣти, очень чутко поняли эту перемѣну разомъ, на нашихъ глазахъ, происшедшую и съ тетенькой и съ Анной Ивановной, и когда послѣ обѣда пошли гулять, и услыхали, какъ и что говорили по этому же поводу наша гувернантка и наши няньки,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мы почти обрадовались, найдя въ ихъ словахъ и разсужденіяхъ подтвержденія и объясненія того, что и сами замѣтили и почувствовали. Сразу, съ этого же дня, съ этой же самой послѣобѣденной прогулки нашей, не сговариваясь, не намекнувъ даже ни однимъ словомъ объ этомъ другъ другу, мы образовали свой совсѣмъ замкнутый кружокъ, прямо враждебный тетенькѣ и ея наперстницѣ Аннѣ Ивановнѣ. У себя дома мы теперь точно и не дома были, или по крайней мѣрѣ такъ стало казаться намъ.

Очень можетъ быть, что гувернантка и няньки, недовольныя тѣмъ, что первенствующая роль въ домѣ, которая должна была съ отъѣздомъ отца и матушки перейти къ нимъ, такъ вдругъ и неожиданно, вслѣдствіе случайнаго пріѣзда тетеньки, досталась ей, усиливали въ нашихъ глазахъ безтактность и холодность обращенія съ нами и тетеньки и Анны Ивановны, просто занятыхъ своими дѣлами, но намъ это все представлялось именно такъ, какъ мы чувствовали это сами и какъ еще болѣе ясно и отчетливо это представлялось изъ разговоровъ, какіе, нисколько не стѣснясь нами, при насъ, постоянно во время прогулокъ вела гувернантка съ нашими нянъками.

Обыкновенно, когда у насъ гостила тетенька, Мутовкина всегда являлась къ намъ съ дѣтьми своими, крестниками тетенькиными, но теперь она ихъ почему-то не везла. Этого пріѣзда ихъ мы боялись теперь, какъ огня. Они будутъ съ нами цѣлый день и тогда, значитъ, не будетъ у насъ убѣжища даже и въ своемъ кружкѣ. Этого только и не доставало!..

Но они не являлись.

Каждое утро къ намъ пріѣзжала Мутовкина, но одна, и мы радовались даже и этому, точно особенному какому счастію.

— Пріѣхала Мутовкина?—спрашивали мы утромъ няньку, передъ тѣмъ, какъ идти въ столовую пить чай.

— Пріѣхала. Ей-то не пріѣхать!..

— Одна?

— Одна... покамѣсть...

И точно повеселѣетъ все...

Точно и въ самомъ дѣлѣ, мы, дома у себя, не были дома и должны былы переносить это все, не имѣя даже права на протестъ...

VII.

Тетенькины дѣла, какъ мы вскорѣ, въ эти же первые дни, узнали, заключались всѣ въ томъ только, что она «скупала народъ», т. е. мужиковъ и бабъ, — гдѣ одного, гдѣ двухъ, а гдѣ и цѣлую семью, и двѣ, и три семьи. Мутовкина Анна Ивановна помогала ей въ этомъ, т. е. узнавала, гдѣ и у кого есть для продажи мужики, узнавала у владѣльцевъ и владѣлицъ ихъ цѣну, сооб-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щала все это тетенькѣ, а потомъ ужъ, если по ихъ соображеніямъ, обѣихъ ихъ, тетеньки и Мутовкиной, дѣло было подходящее, цѣна была подходящая, ѣздила и торговалась, урезонивала продавцевъ, пока дѣло не слаживалось наконецъ. За это тетенька платила ей «за труды», и чѣмъ выгоднѣе Мутовкина устроивала для тетеньки покупку, тѣмъ больше получала «за труды».

Обо всемъ этомъ мы догадались въ первый же день, за обѣдомъ, когда, нисколько ужъ не стѣсняясь, тетенька вела разговоры съ Мутовкиной. При отцѣ съ матушкой она этихъ разговоровъ ни за обѣдомъ, ни вообще публично, не вела, но теперь кого же ей было стѣсняться, да и за чѣмъ, да и что тутъ такого?

Тогда кто же не продавалъ людей, кто же ихъ не покупалъ? Правда, у насъ не было «купленныхъ» людей и никого изъ нашихъ людей не продавали, а были они у насъ все тѣ же и были они не купленные, а такъ... просто наши... Сперва они были дѣдушкины, а потомъ стали наши...

Но мы слышали очень часто, что ихъ, т. е. людей, то продаютъ, то покупаютъ... И ничего тутъ въ этомъ нѣтъ ни страннаго, необыкновеннаго, ни предосудительнаго или дурного. Всѣ объ этомъ открыто говорили, всѣ это дѣлали. Что̀жъ тутъ такого?

Когда я узналъ, что въ этомъ только заключаются тетенькины дѣла съ Анной Ивановной, я помню, разочарованія свои по этому поводу даже. Чтожъ тутъ такого? Чтожъ это они такъ скрываютъ? думалъ я. Обыкновенныя дѣла и нисколько неинтересныя...

Когда послѣ обѣда мы пошли гулять, помню, я даже нѣсколько разочарованнымъ тономъ спросилъ у сопровождавшихъ насъ гувернантки и няньки:

— Анна Ивановна ѣздитъ и узнаетъ для тети Клёди, гдѣ продаютъ людей?

— Да.

— И больше ничего?

— Ничего.

— А потомъ тетя Клёдя дастъ ей денегъ, она ихъ ей и купитъ?

— Да.

— А потомъ ихъ тетя Клёдя отправитъ въ Саратовскую губернію къ себѣ въ имѣніе и они у нея тамъ живутъ?

— Тамъ и живутъ...

И въ слѣдующіе дни, каждый день и за обѣдомъ и вечеромъ за чаемъ, я слышалъ все тѣ же самые разговоры тетеньки съ Анной Ивановной о цѣнахъ на людей, о томъ, кто дешевле продаетъ у кого по такимъ-то и такимъ-то соображеніямъ выгоднѣе ихъ купить, и проч., и проч. Все то же самое и ничего необыкновеннаго, ничего такого, что слѣдовало бы скрывать отъ насъ и не скры-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вать даже—они, положимъ, не скрывали,—а считать неудобнымъ или какъ бы неприличнымъ говорить объ этомъ при насъ...

Но я все-таки продолжалъ ихъ слушать, вникалъ въ ихъ разговоры, въ надеждѣ все еще сдѣлать какое-нибудь открытіе, или хоть намекъ на то, что они, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ имѣли бы основаніе отъ насъ скрывать; но — ничего. Всѣ фамиліи помѣщиковъ и помѣщицъ, у которыхъ имѣются, или онѣ предполагаютъ, что имѣются «для продажи» люди, возможныя или невозможныя цѣны, которыя они за нихъ запросятъ, разныя соображенія и хитрости, которыя, по мнѣнію тетушки, Мутовкина должна при своихъ розысканіяхъ продажныхъ людей и потомъ при торгѣ съ владѣльцами и при самой покупкѣ пускать въ ходъ—и больше ничего. Однообразный, сухой, скучный, нисколько неинтересный разговоръ.

Но вотъ, на третій или на четвертый день по отъѣздѣ отца съ матушкой, за вечернимъ чаемъ, я услыхалъ, что Мутовкина завтра куда-то уѣзжаетъ и будетъ назадъ не ранѣе, какъ дней черезъ десять, и уѣзжаетъ она по точно такому же тетенькиному дѣлу—окончательно сторговаться и купить отъ ея имени двѣ какія-то семьи мужиковъ или дворовыхъ людей.

Тетенька дѣлала ей наставленіе; Анна Ивановна слушала. Разъ или два Мутовкина пыталась было ей возражать, но тетенька сейчасъ же ее осаживала.

— Ты ужъ слушай лучше, что я тебѣ говорю... Меня послушай, лучше будетъ.

— Ну, слушаю, слушаю, благодѣтельница,—сейчасъ же покорившись, говорила Мутовкина.

Мое вниманіе остановили, я помню, изъ этого ихъ разговора только слѣдующія слова тетеньки:

— Если за стариковъ и за большихъ будутъ ломить ту же цѣну—и не нужно тогда совсѣмъ... Бери однихъ дѣтей. Эти мнѣ еще сподручнѣе и лучше. Подождать какихъ-нибудь пять, шесть лѣтъ—и такіе же работники будутъ, а цѣна совсѣмъ другая...

— Убыль бываетъ въ дѣтяхъ-то,—замѣтила Мутовкина.

— Какая же убыль? Убыль бываетъ въ грудныхъ, а эти, ты говоришь, какихъ лѣтъ? Семи, восьми?

— Да, такъ, по виду годовъ по семи, по восьми.

— Ну, такъ что̀жъ. И отлично. Черезъ шесть, семь лѣтъ—работники. Нынче вѣдь не какъ въ старину. Нынче въ пятнадцать-то лѣтъ онъ ужъ и пашетъ и коситъ...

— Да это такъ.

— А въ цѣнѣ-то какая разница. За эту цѣну-то я пятерыхъ дѣтей могу купить.

— Какъ можно—разница огромная!—соглашалась Анна Ивановна.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, то-то и дѣло. А что на убыль смотрѣть, можетъ убыль будетъ, — такъ вѣдь это и большіе умираютъ не равно. Это не узнаешь, кто дольше проживетъ, кто скорѣе умретъ. Вѣдь вотъ Ларька-то Ѳедотовскій, какой казался здоровякъ, что мы тогда за него триста рублей дали, а привезли въ Саратовъ, заболѣлъ и черезъ недѣлю его не стало.

Тетенька при этомъ начала было даже фантазировать, какъ бы она, если бы это было можно,—да вотъ бѣда не всѣ соглашаются продавать, — накупила бы все однихъ малолѣтнихъ, такъ — не меньше шести-семи лѣтъ—хлопотъ за ними много и дѣйствительно убыли больше — и какъ бы они у нея росли—совсѣмъ какъ молодыя деревца—а она бы на нихъ смотрѣла... современемъ всѣ работники будутъ... заплатятъ за свой кормъ и за воспитаніе...

Она начала даже наставлять въ этомъ Мутовкину, удивляться и выражать непониманіе почему это и какъ это всѣ стѣсняются, не продаютъ отъ отцовъ и матерей малолѣтнихъ...

— Точно не все одно. Также выростутъ. При матеряхъ-отцахъ только избалуются—больше ничего... Да вонъ у меня же въ прошломъ году одиннадцать сиротъ купленныхъ—живехоньки всѣ и гораздо лучше выдутъ, я увѣрена, чѣмъ какъ при отцахъ-матеряхъ ростутъ! И въ работу раньше пойдутъ. Имъ надѣется не на кого. На себя однихъ только и есть надежда...

Это я слышалъ въ первый разъ. До тѣхъ поръ я не слышалъ, чтобы дѣтей продавали... И, потомъ, меня поразило лицо у тетеньки, когда она это все говорила. Лицо у нея было очень ужъ какое-то жесткое... глаза тоже узенькіе-преузенькіе сдѣлались, а сама она улыбалась...

VIII.

Это все произвело на меня тогда такое впечатлѣніе, что я никакъ не могъ отдѣлаться отъ него. А было оно не то, чтобы гнетущее какое—самаго факта, т. е. картины продажи дѣтей, я еще не видѣлъ покамѣстъ,—а я просто все носился, не могъ разстаться съ мыслью, увижу я этихъ проданныхъ и купленныхъ ею дѣтей, или нѣтъ, и какъ бы это ихъ увидѣть. Точно они, эти дѣти, должны были быть какія-нибудь особенныя, не такія совсѣмъ, какъ обыкновенныя, а какія-нибудь другія,—и вотъ въ чемъ эта разница, какъ она на нихъ отпечатлѣлась?..

Помню, я спрашивалъ объ этомъ и у нянекъ и у гувернантки, но онѣ на это отвѣчали не то, чтобы не охотно или равнодушно, а какъ-то такъ, что, дескать, «ну, самъ понимаешь—несчастныя, чтожъ тутъ еще толковать объ этомъ...» А когда я начиналъ настаивать и приставать съ разными вопросами относительно подробностей какъ это дѣлаютъ и проч., онѣ отвѣчали ужъ какъ-то подозрительно переглядываясь: «а, ну, какъ, если ты изъ этого

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сцену какую глупую сдѣлаешь — бывали эти случаи-то ужъ не разъ...»

Съ сестрой Соней мнѣ еще меньше удалось выяснить это обстоятельство, т. е. чѣмъ это все должно сопровождаться, и какія такія должны быть эти дѣти.

— Крестьянскія,—сказала она, не понявъ хорошо того, что мнѣ нужно.

— Конечно, крестьянскія... Но они должно быть жалкія.

— Отчего?—удивилась даже она.

— Да какъ же... Вѣдь, тетя ихъ купитъ и увезетъ къ себѣ въ Саратовъ.

— Глупости какія.

— Нѣтъ, не глупости! Ты слышала, она вчера за обѣдомъ съ Мутовкиной-то разсуждала. У нея въ Саратовѣ ужъ много ихъ накуплено...

Сестра, вѣроятно, не слушавшая вчера разговора тетушки съ Мутовкиной объ этомъ, внимательно смотрѣла на меня, точно что-то соображая.

— Ты что-нибудь не то слышалъ,—наконецъ, сказала она.

— Нѣтъ, ужъ это вѣрно. Я знаю даже сколько ихъ у нея тамъ, въ Саратовѣ, накуплено: ихъ всѣхъ у нея одиннадцать...

Она промолчала на это, ничего мнѣ не отвѣтила...

Вечеромъ, однажды, въ одинъ изъ этихъ дней, вдругъ совершенно неожиданно явился къ намъ мужъ Анны Ивановны Мутовкиной.

— Алексѣй Макарычъ пріѣхали, — доложилъ лакей, — когда мы всѣ, т. е. тетенька, гувернантка наша и мы, сидѣли на террасѣ за чайнымъ столомъ.

Если бы это случилось при отцѣ, когда онъ былъ дома, Мутовкина навѣрное позвали бы въ кабинетъ, куда къ нему вышелъ бы отецъ одинъ, тамъ переговорилъ бы съ нимъ, о чемъ ему нужно, и тотъ уѣхалъ бы, не показавшись къ намъ. Но какъ будетъ теперь? Меня, я помню, ужасно это занимало,—благорасположеніе и дѣловыя отношенія тетеньки къ его женѣ—повліяютъ ли на его пріемъ, т. е. какъ тетенька велитъ его принять; позоветъ сюда, или выйдетъ одна къ нему?

— Проси же,—съ удивленіемъ и даже съ оттѣнкомъ нѣкотораго раздраженія на лакея за его непонятливость сказала тетенька.

— Сюда?—переспросилъ Никифоръ, не понимая куда его просить.

— Ну, конечно!.. И когда Никифоръ ушелъ добавила:—фу, какой дуракъ...

— Это онъ потому удивился,—ласково и вѣжливо, но съ оттѣнкомъ ядовитости, замѣтила тетенькѣ гувернантка,—что Мутовкина

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

никогда сюда не принимаютъ. Онъ обыковенно туда, въ кабинетъ проходитъ...

— А я вотъ сюда его прошу... Это я ужъ за это буду отвѣчать,—также вѣжливо и ласково отвѣтила ей тетенька, и, по обыкновенію, съ улыбкой посмотрѣла на нее.

Вошелъ Мутовкинъ, неловко раскланялся и потомъ поспѣшилъ прямо къ тетенькѣ, къ ручкѣ.

— Отъ Анны Ивановны, что ли? По дѣлу?—спросила его тетенька.

— Отъ нея, благодѣтельница.

— Опять напутала что-нибудь?—раздраженно проговорила тетенька.

— Что вы, благодѣтельница, избави Господи!.. Видѣлъ ее въ городѣ, купчую она совершаетъ, а я сюда ѣхалъ:—доѣзжай, говоритъ, поскорѣй, узнай у благодѣтельницы, не купитъ ли, за одно, дешево тутъ семья одна продается... Мужъ съ женой, четверо дѣтей...

— Чьи? Кто продаетъ-то.

— Не спросилъ. Вспомнилъ потомъ,—далеко ужъ отъѣхалъ...

— И цѣны тоже не знаешь.

— Нѣтъ, цѣну знаю. За всѣхъ шестерыхъ...

Я не помню теперь, какую онъ цифру сказалъ, но тетенька какъ-то сухо приняла это извѣстіе. Не показалась эта цѣна ей выгодной что ли, или по другому почему, но только Мутовкинъ, видимо, не такой ожидалъ встрѣчи привезенному имъ предложенію.

— Тѣхъ-то она купила, по крайней мѣрѣ, за которыми я ее послала?—спросила его тетенька.

— Купила, купила, благодѣтельница. Какъ же не купила.—Говорю, въ городѣ ужъ, купчую совершаютъ. Велѣла еще она сказать, что сама къ вамъ сюда ихъ всѣхъ привезетъ. Боится оставить ихъ тамъ, какъ бы не надѣлали чего надъ собою... да и за дѣтей тоже... Двухъ-то дѣтей вѣдь отъ отцевъ-матерей берутъ,—ну такъ боится, какъ бы они надъ ними не сдѣлали чего...

Тетенька выслушала и это все съ неудовольствіемъ и только замѣтила:

— Она бы, дура, хоть заковать-то велѣла большихъ.

— Закованы они у нея, закованы,—успокоивающе заговорилъ Мутовкинъ.—Какъ же, закованы. Она и это, благодѣтельница, мнѣ говорила. Она со всѣми съ ними у Семенихина на постояломъ дворѣ стоитъ. Они всѣ съ нею, потому, благодѣтельница, говоритъ: — боюсь однихъ ихъ оставить... Закованы... Какъ же,—закованы...

Тетенька начала потомъ говорить съ Мутовкинымъ какъ-будто немного спокойнѣе и не такимъ недовольнымъ тономъ. Она даже вернулась къ обсужденію привезеннаго имъ предложенія его жены купить еще какихъ-то людей съ четырьмя ихъ дѣтьми.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мнѣ народу много надо купить,—говорила тетенька:—въ Саратовѣ у меня пять тысячъ десятинъ, а душъ тамъ и полусотни не наберется. Мнѣ много надо...

— Благодѣтельница, да она, моя дура-то, для васъ готова стараться. Вы только про нее не думайте, чтобы она на счетъ чего другого и прочаго,—ни Боже мой. Она, благодѣтельница, вотъ какъ для васъ старается...

— Ея же выгода,—отвѣчала тетенька.

— Жизни своей она для васъ, благодѣтельница, не жалѣетъ...

— Ну, вздоръ...—сказала тетенька.

— Нѣтъ, не вздоръ это, благодѣтельница, а, доложу вамъ, сущая правда. Золъ на нее здѣшній народъ, охъ какъ золъ... И за эти все дѣла. Названія—имени ей нѣтъ другого, какъ ворона.—«Вонъ она, летитъ ворона! Опять видно цыплячьяго мяса захотѣла!..»

— Перестань, глупости говоришь. И слушать тебя не хочу,—передернувъ плечами, проговорила тетенька, и оглянулась на насъ.

А онъ, точно не замѣтилъ этого, что тетенька-то вотъ раздражалась отъ этихъ его разсказовъ, продолжалъ:

— Не глупость, благодѣтельница, говорю, а сущую правду и вотъ какъ передъ Богомъ не вру, знаю, отъ вѣрныхъ людей слышалъ, убить хотятъ ее!.. Какъ, говорятъ, полетитъ ворона опять по уѣзду, такъ ей и конецъ, довольно ей цыплятъ отъ матерей изъ гнѣздъ таскать...

— Перестань!—я тебѣ говорю,—почти вскричала тетенька.

Тетенька была сильно на него раздражена: кончикъ носика у нея побѣлѣлъ, то и дѣло она подергивала плечами и на лицѣ у нея, какъ зарница, быстро вспыхивала и опять потухала ея сухая, холодная, жесткая улыбка, отъ которой и намъ становилось иногда не то чтобы жутко, а непріятно... и хочется уйти...

— Ну, перестану, перестану, благодѣтельница,—опять зачастилъ онъ.—Я вѣдь это собственно къ тому, что если, избави Господи, она и на самомъ дѣлѣ изъ-за васъ живота своего по злобѣ людской лишится...

Но тутъ тетенька ужъ не выдержала и своимъ сорвавшимся, точно надтреснутымъ голоскомъ закричала на него:

— Перестань!.. тебѣ я говорю!..

Мутовкинъ безропотно замолчалъ, весь какъ-то даже съежившись и умалившись при этомъ. А тетенька—ужъ чисто отъ раздраженія, знали мы ее—вздрогнула раза три плечиками и потянула въ себя сквозь зубы воздухъ, какъ бы морозъ пробѣжалъ у нея по спинѣ... А потомъ опять ничего,—обернулась, посмотрѣла на насъ на всѣхъ и улыбнулась ужъ покойнѣе, продолжительнѣе.

Больше она ужъ тутъ, въ этотъ вечеръ, при насъ, объ этомъ обо всемъ съ нимъ не говорила. Потомъ, въ десять часовъ мы, т. е.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

я съ сестрой, пошли спать, сопутствуемые, по обыкновенію, до самой дѣтской, нашей гувернанткой, гдѣ мы переходили ужъ всецѣло въ завѣдываніе нянекъ,—и долго ли оставался въ домѣ у насъ Мутовкинъ и что съ нимъ говорила тетенька, мы ужъ не могли знать.

Да довольно было съ насъ и того, что мы узнали изъ ихъ разговоровъ въ этотъ вечеръ, начиная съ того, что къ намъ на дняхъ Мутовкина привезетъ купленыхъ ею для тетеньки дѣтей и скованныхъ большихъ мужиковъ, до извѣстія о томъ, что Мутовкину Анну Ивановну, эту «ворону»—я самъ сталъ представлять ее себѣ неиначе, какъ вороной—хотятъ убить и, можетъ быть, вотъ-вотъ и въ самомъ дѣлѣ ее убьютъ...

Подавленный всѣми этими извѣстіями, такъ много говорившими моему воображенію, извѣстіями такими образными и вмѣстѣ такими вдругъ неожиданными, я ужъ ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить. Я обращался къ сестрѣ съ вопросами, къ нянькамъ, разсказывалъ самъ имъ, опять повторялъ то, что ужъ разсказывалъ однажды.

— «Цыплятъ повадилась таскать»—вѣдь это они, мужики, про дѣтей своихъ... да?—спрашивалъ я.

— Ну, извѣстно.

— И ихъ какъ же повезутъ—въ телѣгахъ?

— Не въ тарантасахъ же—извѣстно на телѣгахъ.

— Ихъ когда же привезутъ?

— Вы бы спросили у тетеньки,—отвѣчала нянька, которой я предлагалъ эти вопросы,—но сейчасъ же сообразила, что изъ того, что я буду ее объ этомъ спрашивать, выйдетъ, пожалуй, еще какая-нибудь исторія, спохватилась и добавила:—вы въ самомъ дѣлѣ не вздумайте объ этомъ ее разспрашивать.

— Почему же это?

— А потому, что не нужно этого.

— Я хочу знать, когда.

— Это совсѣмъ не ваше дѣло.

— Я хочу ихъ видѣть, когда ихъ привезутъ.

— Ну, ужъ этого вотъ только и не доставало!—рѣшительнымъ тономъ сказала нянька, и я тутъ же почти съ испугомъ понялъ, что мнѣ много будетъ хлопотъ и узнать когда ихъ привезутъ, и потомъ, когда провезутъ—увидѣть ихъ, да еще и удастся ли это?..

Я зналъ, что нянька меня ужасно любитъ, души, что называется во мнѣ не чаетъ, и что она, конечно, не отказалась бы и дать мнѣ знать, извѣстить меня, когда ихъ привезутъ и пойти со мною ихъ посмотрѣть, но ей ужъ столько разъ попадало за это, т. е. за подобныя неумѣстныя мнѣ поблажки, послѣ которыхъ я бывалъ и разстроенъ на нѣсколько дней и, однажды, даже серьезно боленъ, что я не могъ теперь разсчитывать на то, что уговорю ее.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А изъ разспросовъ моихъ и приставаній она ужъ видѣла — я сдѣлалъ эту оплошность, не скрылъ отъ нея, что дѣти, купленныя тетенькой и, вообще, вся эта исторія ея съ покупками людей, сильно меня и интересуетъ, и возбуждаетъ. Оставалось, стало быть, разсчитывать только на случайность, т. е., что случайно какъ-нибудь встрѣтимъ этотъ поѣздъ во время прогулки, или на хитрость, если удастся какъ-нибудь схитрить и явиться, когда узнаю, что ихъ привезли, неожиданно туда, ни у кого не спросясь,—а тамъ ужъ ничего они не подѣлаютъ, будетъ поздно, когда я ужъ все увижу...

IX.

И вотъ начались, съ этой тайной мыслью въ разсчетѣ на случайную встрѣчу во время прогулки, наши съ сестрой—мы конечно сговорились ужъ съ ней—приставанья къ гувернанткѣ и къ нянькамъ идти гулять не въ садъ, а въ поле, на выгонъ, къ деревнѣ, туда гдѣ дорога, по которой «они» должны были пріѣхать.

День, два, мы ходили туда гулять и утромъ до жары и вечеромъ, и никто не спорилъ съ нами, ни гувернантка Анна Карловна, ни няньки, находя вполнѣ естественнымъ это желаніе наше гулять тамъ, такъ какъ могло намъ надоѣсть гулять все время въ саду; но постоянныя наши упрашиванья идти гулять опять и опять на выгонъ, къ деревнѣ, гдѣ ровно ничего не было для нихъ интереснаго и гдѣ, кромѣ того, очень часто еще пекло солнце, не могло, наконецъ, не показаться имъ страннымъ.

— А, глупость, ну что тамъ дѣлать? Ну что тамъ—дорогу вы что ли не видали? Въ саду хоть тѣнь по крайней мѣрѣ есть, а тамъ что?—говорила Анна Карловна, гувернантка.

Но мы ее упрашивали, говорили, что на выгонѣ такъ хорошо намъ гулять, бѣгать съ сестрой, и она соглашалась, мы шли туда опять.

И мы съ сестрой нарочно, когда намъ и не хотѣлось вовсе, бѣгали по выгону, играли, чтобы только показать, какъ здѣсь хорошо и какъ намъ тутъ весело... И въ какомъ секретѣ я старался держать эту тайну, этотъ маленькій нашъ заговоръ!..

— Пойдемъ, Соня, бѣгать,—упрашивалъ я сестру:—ну, пойдемъ же.

Побѣжимъ, отбѣжимъ такъ, что насъ не слышатъ, пойдемъ потише, и заговоримъ, высказываемъ другъ другу наши соображенія, когда «ихъ» привезутъ, откуда, съ какой стороны—дорогъ много—«они» должны ѣхать.

За эти дни мы еще кое-что услыхали и узнали изъ разговоровъ тетеньки съ пріѣзжавшимъ къ ней изъ ея здѣшняго, не Саратовскаго, имѣнія старостой, бородатымъ съ огромной лысиной мужикомъ, котораго мы и ранѣе знали. Она говорила съ нимъ, и мы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

слышали, какъ она сказала ему, что на дняхъ къ нему привезутъ двѣ семьи мужицкихъ, которыя она купила и пятерыхъ дѣтей, «разныхъ»,—какъ она ихъ ему назвала, такъ вотъ чтобы онъ ихъ принялъ и затѣмъ, какъ это и раньше было, въ прежній разъ, отправилъ бы на подводахъ въ Саратовъ и чтобы караулъ при этомъ и присмотръ за ними былъ крѣпкій. И опять упоминалось, чтобы мужики были скованы...

Высокій, бородатый мужикъ, вѣрный слуга ея и исполнитель всѣхъ тетенькиныхъ плановъ и распоряженій—«мучитель», «кровопійца», какъ называли намъ, говорили про него наши няньки—стоялъ передъ ней у притолки и все только повторялъ:

— Слушаю, матушка, слушаю... понимаю... будьте покойны.

Про этого мужика, старосту тетенькинаго, разсказывали ужасы.

— Онъ совсѣмъ безъ милости,—говорили няньки:—совсѣмъ въ тетеньку, или вотъ въ эту ворону-то подлую, въ Анну Ивановну,—за то она и любитъ его, ему одному и довѣряетъ. И какъ это человѣкъ о душѣ своей не думаетъ? Ну, — служи господину, а какая жъ это служба, развѣ это службой называется? Это кровопійца... кровь христіанскую пьетъ...

Я помню, когда первый разъ я услыхалъ это выраженіе, или слово—«кровопійца»—я думалъ, что тотъ, про кого это было сказано, и въ самомъ дѣлѣ пьетъ кровь, въ буквальномъ смыслѣ. Но теперь—мнѣ было ужъ лѣтъ десять,—я ужъ хорошо зналъ — довольно было для этого случаевъ — что можно быть «кровопійцей» и не пить на самомъ дѣлѣ кровь...

И тетенька дѣйствительно любила этого страшнаго и по виду мужика. Всякій разъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, когда онъ у нея бывалъ «за приказаніями», она просила, чтобы ему дали стаканъ водки, которую тотъ выпивалъ медленно, какъ воду, потомъ нагибался, бралъ край армяка или полушубка—въ чемъ онъ былъ одѣтъ—утиралъ имъ губы, кланялся и говорилъ:

— Благодаримъ покорно.

Эти бесѣды у тетеньки съ нимъ происходили всегда обыкновенно въ дѣвичьей, куда и мы входили посмотрѣть на него и послушать о чемъ онъ съ ней говоритъ.

Но теперь, пользуясь, отсутствіемъ отца и матушки и тѣмъ, что она осталась за нихъ хозяйкой здѣсь, она этого жестокаго мужика позвала на балконъ, гдѣ и мы всѣ сидѣли и бесѣдовала съ нимъ. Онъ стоялъ на одномъ концѣ балкона, а мы сидѣли за чайнымъ столомъ на другомъ, прихлебывали чай со сливками изъ нашихъ чашекъ, слушали ихъ разговоръ и посматривали на нихъ, то на тетеньку, когда она говорила, то на него, когда онъ глухимъ своимъ голосомъ произносилъ: — «слушаю-съ... слушаю-съ... будьте покойны»...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Отъ слышанныхъ разсказовъ, или и въ самомъ дѣлѣ онъ и самъ по себѣ производилъ такое впечатлѣніе, но какъ-то жутко становилось, когда я представлялъ себѣ, что я почему-то вдругъ остался бы съ нимъ одинъ на одинъ... и мы ѣдемъ... въ полѣ... кругомъ никого нѣтъ... сумерки ужъ...

У дѣтей ужасно легко разыгрывается воображеніе, а я къ тому же былъ еще и страшно впечатлительный, нервный въ то время. Я очень часто тогда воображалъ себя то въ томъ, то въ другомъ положеніи, и въ головѣ, предъ глазами моими, проносились цѣлыя картины...

«Они» къ нему пріѣдутъ,—фантазировалъ я самъ съ собою, въ мысляхъ—эти скованные мужики и эти «разныя» дѣти, и онъ ихъ приметъ и останется съ ними одинъ на одинъ... кругомъ никого нѣтъ... и онъ начнетъ ихъ мучить...

Но на самомъ дѣлѣ это все, т. е. пріѣздъ ихъ и какъ я ихъ увидалъ, случились совсѣмъ иначе и гораздо проще—по крайней мѣрѣ не такъ, какъ я себѣ воображалъ.

Когда тетенька обо всемъ съ нимъ переговорила и совсѣмъ ужъ отпустила было его, онъ вдругъ спросилъ ее:

— А когда ихъ, матушка, привезутъ-то сюда?

— Этихъ... Купленныхъ-то?

— Да-съ.

— Да не знаю я. Я послала эту дуру,—съ раздраженіемъ отвѣтила ему тетенька.

— Анну Ивановну?

— Да. А она и запропала куда-то. Я еще вчера ее поджидала, а ее и сегодня нѣтъ.

— Ночью-то можетъ и подъѣдетъ. Изъ города-то можетъ холодкомъ выѣхали, теперь и ѣдутъ, къ утру будутъ...

Тетенька прослушила это и, найдя его соображеніе не серьезнымъ, отвѣтила:

— Нѣтъ, она въ ночь не выѣдетъ...

— Жарко днемъ-то. Вотъ, я ѣхалъ,—такъ и паритъ. А ночью-то, холодкомъ-то, хорошо.

— Да не поѣдетъ она ночью, я тебѣ говорю,— съ раздраженіемъ ужъ сказала тетенька, помолчала и добавила:—Какъ же это она ночью съ ними поѣдетъ... Пять мужиковъ везетъ, двухъ бабъ, да еще дѣтей съ ней сколько — и поѣдетъ она ночью... Я и то боюсь—вотъ, что не ѣдетъ-то она—не случилось ли ужъ чего съ нею...

Староста переступилъ съ ноги на ногу, переложилъ руки, кашлянулъ и, видимо, ждалъ дальнѣйшихъ сообщеній,—хорошо не понимая, что же такое могло съ ней случиться.

— Здѣсь народъ-то, самъ знаешь какой, — продолжала тетенька, опять помолчавъ нѣсколько.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да это ужъ извѣстно,—отозвался староста.

Такъ тетенька и не выговорила, что она боится, ужъ не убили ли Мутовкину. Я помню, мнѣ ужасно хотѣлось услыхать, какъ она это скажетъ... чтобы она это сказала... Но она такъ и не сказала, все-таки.

Только староста теперь понялъ, послѣ ея послѣдняго намека, вздохнулъ и тихо кашлянулъ.

— Ты, вотъ что: ты сегодня не ѣзди. Такъ и быть, ты ужъ подожди ее. Можетъ завтрашній день-то она подъѣдетъ. Она, я думаю, въ городѣ съ купчей замѣшкалась. Тутъ она мужа на дняхъ присылала, просила узнать не куплю ли я еще—еще двѣ семьи продаются—такъ я велѣла, если по той же цѣнѣ отдадутъ, купить ужъ за одно и ихъ...

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ староста: — Ужъ извѣстно, за одно ихъ везти, одни хлопоты, что больше двѣ семьи, что меньше.

— Да... Такъ,—раздумывая что-то, отвѣтила тетенька. Помолчала еще и сказала: — Ну, такъ иди покамѣстъ. Завтра, какъ пріѣдутъ, придешь...

— А подводы-то откуда мы возьмемъ?— вновь заговорилъ староста.

— Я здѣшнія дамъ.

— Народъ тоже нуженъ будетъ... везти-то ихъ... и для караулу тоже...

— Ну, это завтра увидимъ.

Староста постоялъ немного еще, поклонился и сошелъ съ балкона.

X.

Утромъ, на слѣдующій день, я проспалъ должно быть, или, ужъ не знаю почему, но только нянька все торопила меня умываться, говоря, что всѣ давно ужъ встали и вдругъ совершенно неожиданно сказала:

— Тетенька ужъ и такъ заждались, — она очень любила сама разливать чай и всегда и вездѣ это дѣлала, когда пріѣзжала куда,— имъ некогда, онѣ и то торопятся идти сейчасъ.

— Куда?—съ удивленіемъ спросилъ я.

— По дѣламъ своимъ... Смотрѣть этихъ купленныхъ-то, что Анна Ивановна привезла.

— Ихъ привезли? Когда?!—воскликнулъ я.

И я почувствовалъ, что у меня въ головѣ мыслей-мыслей безъ конца:—«Когда?» «Какъ?» «Куда ихъ помѣстили?» «Гдѣ они?...» Я стоялъ съ намыленными руками и что говорила нянька, я ничего ужъ не слыхалъ.

— Гдѣ же они? Какъ же это?—спрашивалъ, повторялъ я.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кое-какъ, наскоро умывшись и одѣвшись, я поспѣшилъ на террасу, гдѣ мы обыкновенно пили лѣтомъ утренній чай.

Тамъ еще сидѣли тетенька и съ ней Анна Ивановна, загорѣлая, запыленная съ дороги, въ ситцевомъ, темненькомъ платьицѣ и съ необыкновеннымъ оживленіемъ, разводя руками, какъ бы показывая что, говорила, разсказывала что-то тетенькѣ.

Тетенька слушала ее съ довольной, т. е. холодной, сухой своей улыбкой, только болѣе оживленной теперь, какъ всегда это бывало съ нею, когда ей приходилось, не смотря на препятствіе, или общее сомнѣніе, все-таки восторжествовать, наконецъ.

На мгновеніе оглянувшись на меня, при моемъ появленіи, она взяла чайникъ и начала наливать мнѣ чай, вся поглощенная тѣмъ, что разсказывала ей Мутовкина.

Сестры и гувернантки ужъ не было за чайнымъ столомъ. Онѣ гуляли—мнѣ было ихъ видно съ террасы—въ саду.

Я поздоровался, т. е. поцѣловался съ тетенькой и сѣлъ, пододвинувъ къ себѣ свою чашку.

Мутовкина разсказывала, а тетенька слушала, совершенно позабывъ обо мнѣ, необращая никакого вниманія на то, что я тутъ сижу.

Мутовкина разсказывала, какъ она выѣзжала вчера съ своей кладью изъ города и какъ на нее, ѣхавшую со всѣми вмѣстѣ, тоже въ телѣгѣ, всѣ смотрѣли...

— И ѣду это я раннимъ утромъ по Дворянской, а губернаторъ на встрѣчу... Я такъ знаете, благодѣтельница... вся вотъ эдакъ, вотъ эдакъ...

— Что жъ онъ могъ бы сдѣлать?.. Ничего: законъ есть,—спокойно, съ презрительной улыбкой замѣтила ей тетенька.

— Его въ этотъ день встрѣчали... На ревизію онъ пріѣзжалъ. Чиновники-то всѣ вотъ какъ... зубъ на зубъ не попадутъ... Боятся... чувствуютъ всѣ за собою... Улицы песочкомъ посыпаны... А я-то съ добромъ этимъ своимъ на встрѣчу прямо ему...

— Ничего, ровно ничего онъ не могъ бы сдѣлать,—повторяла тетенька.

— Ахъ, благодѣтельница, вы по себѣ это судите, а я что? что я ему? маленькій человѣкъ... А впереди меня-то на трехъ подводахъ людей скованныхъ везутъ... ребятъ малыхъ... стонъ... вой... плачъ... за ребятами-то матери бѣгутъ, голосятъ... Раиса Павловна-то, какъ продавала, обѣщала не позволять матерямъ провожать ребятъ, а тамъ видно позволила,—онѣ бѣгутъ за телѣгами-то въ голосъ голосятъ... Только онъ, губернаторъ-то, спалъ еще должно быть въ каретѣ, рано еще было, часовъ въ шесть мы выѣхали-то; а увидь онъ, навѣрное остановился бы...

— Ну, и, все равно, ничего не взялъ бы. Законъ есть на это. Господинъ воленъ своего раба кому угодно продать и купить тоже, если пожелаетъ,—стояла на своемъ тетенька.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Страшно ужъ мнѣ-то тутъ стало. И за чѣмъ думаю, я, дура, по другой улицѣ не поѣхала. Вѣдь знала я, что ждутъ сегодня губернатора-то, и видѣла песочекъ на улицѣ... Ну, вотъ, какъ отнялъ кто у меня разумъ...

— Нѣтъ, это вздоръ, а я боялась, какъ бы ты въ самомъ дѣлѣ ночью сдуру не выѣхала изъ города-то. Подгородный народъ извѣстно какой...

— Побоялась, побоялась, благодѣтельница... И вчера-то, ѣдемъ, припоздали... Нѣтъ, думаю, не поѣду ночью, лучше въ Ивановкѣ заночую... Скованныхъ-то мужиковъ заперла въ сарай на постояломъ дворѣ, бабъ тоже. А дѣтей собрала къ себѣ, полеглись это они всѣ вокругъ меня, устали съ дороги и сейчасъ поснули... А я-то сама заснуть не могу... Ну, что хочешь—не могу да и только. Чуть что стукнетъ, или скрипнетъ, кажется мнѣ, что идутъ ко мнѣ, убить меня хотятъ — да и все тутъ... На дворѣ лошадь захрапитъ, собака цѣпью зазвенитъ, кажется, мужики мои поломали кандалы, идутъ ко мнѣ, убить хотятъ...

— Глупости какія,—презрительно улыбаясь, сказала ей на это тетенька.

— Охъ, ужъ не забуду я этого раза, набралась я страха. Сколько ужъ разъ я ихъ возила, а такого раза еще не бывало... И все разъ отъ разу хуже и хуже становится съ этимъ дѣломъ... Прежде народъ другой совсѣмъ былъ, а теперь лица-то у всѣхъ звѣрскія какія. Смотрятъ это на тебя, куда пріѣдешь, такъ кажется, чѣмъ попало сейчасъ бы тебя, тутъ же на мѣстѣ, и положили...

— Глупости, все это кажется только тебѣ.

— Нѣтъ, благодѣтельница, нѣтъ, не кажется... И по дорогѣ-то, и днемъ ѣдешь съ ними, — выѣдешь въ глухое мѣсто, далеко отъ жилья, лѣсокъ гдѣ, или оврагъ какой—и то я ни жива ни мертва. Ну, что я одна подѣлаю съ ними. На подводчиковъ, да на двухъ караульныхъ, какая ужъ надежда...

Тетенька при этомъ пожала плечиками—не понимаю, дескать— и протянула ручку къ лежавшимъ передъ нею какимъ-то деньгамъ и бумагамъ. Она молча сосчитала деньги, развернула, по-очереди, одну за другой бумаги, подержала ихъ и опять все сложила въ кучу.

— Вѣрно?—проговорила Анна Ивановна.

— Кажется,—отвѣчала ей тетенька.

— Пойдете, посмотрѣть-то ихъ?—спросила Мутовкина.

— Да, пойду,—отвѣчала тетенька; взяла со стола бумаги, сдачу, и поднялась, намѣреваясь уйти.

Во мнѣ дыханіе сжалось, сердце часто-часто билось:

«А ну, какъ она не возьметъ меня съ собою, не позволитъ?»

— Тетя, ты куда?—спросилъ я.

— Такъ, не далеко. До каретнаго сарая... Они тамъ, ты говоришь?—обратилась она къ Мутовкиной.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Тамъ, благодѣтельница, тамъ...

— Тетя, голубчикъ, ну возьми меня съ собою,— жалобно, ласково сказалъ я, — какъ я никогда не говорилъ ей.—Ну, пожалуйста...

Она совсѣмъ рыбьимъ взглядомъ посмотрѣла на меня и по рыбьему же, еслибы рыба улыбалась, улыбнулась.

— Ну, пожалуйста... — снова началъ было я и вдругъ вздрогнулъ подъ этимъ ея взглядомъ.

— Ты что? Что съ тобою?..—остановилась она.

«Ну, все пропало, теперь не возьметъ меня», — мелькнуло у меня на мгновеніе въ головѣ.

Но она должно быть иначе объяснила это себѣ, т. е. тѣмъ, что это у меня случилось оттого, что я такъ прошу ее, а она не соглашается...

— Ну, иди...—проговорила она.

Я взглянулъ въ садъ. Гувернантка и Соня были далеко. Бѣжать за ними было ужъ некогда, да Анна Карловна, узнавъ, куда мы идемъ, пожалуй, возстала бы противъ этого, не пустила бы меня... Помню, у меня шевельнулось какое-то угрызеніе совѣсти противъ сестры — какъ же это такъ: я пойду, все увижу, а она нѣтъ, и я точно это тайкомъ отъ нея дѣлаю... Но я до такой степени былъ нервно возбужденъ, такъ боялся, что мнѣ не удастся увидать скованныхъ людей и этихъ купленныхъ и привезенныхъ «разныхъ» дѣтей, что эта мысль—угрызеніе совѣсти, только мелькнула у меня на мгновеніе въ головѣ и сейчасъ же прошла—въ виду грозившей опасности ничего не увидать...

XI.

Тетенька накинула на голову розовый шелковый платочекъ,— распустила зонтикъ отъ солнца—день былъ солнечный, жаркій— и мы втроемъ, т. е. еще Мутовкина и я, вышли на крыльцо.

До каретнаго сарая отъ дома было шаговъ двѣсти, если не больше: конюшня, при которой былъ этотъ сарай, стояла у самаго выѣзда со двора. Мы шли туда прямикомъ, по мелкой, зеленой травѣ, которая обыкновенно ростетъ на чисто и опрятно содержимомъ пространствѣ, въ усадьбѣ передъ домомъ. Изъ флигелей, изъ избъ, въ которыхъ жили кучера и проч. дворовые, на насъ выглядывали лица, догадавшись вѣроятно, куда мы идемъ. И мнѣ—живо я это помню—неловко какъ-то было идти, точно я будто тоже съ ними въ этомъ участвую, т. е., вотъ съ тетенькой и Мутовкиной...

Каретный сарай былъ затворенъ, не запертъ, а затворенъ только. Возлѣ него стояли четыре телѣги и выпряженныя изъ нихъ лошади ѣли овесъ или сѣно, положенное или насыпанное въ эти

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

телѣги. У одной изъ телѣгъ стоялъ мужикъ — не нашъ, чужой, очевидно, одинъ изъ подводчиковъ, привезшихъ «кладь».—Когда мы стали подходить къ каретному сараю, онъ пріотворилъ немного одну дверь его и вошелъ туда. Сейчасъ же, вслѣдъ за тѣмъ, оттуда вышелъ тетенькинъ староста, который, оказалось, ужъ былъ тамъ.

«Что онъ тамъ съ «ними» дѣлалъ? Можетъ, онъ тамъ мучилъ ихъ?» — мелькнуло у меня въ головѣ и я опять вздрогнулъ. Мнѣ было жутко...

— Что это съ тобою?—спросила, замѣтивъ это, тетенька.

Но я ужъ ничего не могъ отвѣтить ей. Нижняя губа у меня дрожала, горло сдавливало и холодно всему было.

— Что съ тобою?—повторила тетенька.—Посмотри-ка на меня?

Я взглянулъ на нее, стараясь улыбнуться, и насилу-насилу могъ выговорить:

— Ничего...

Мы подошли къ сараю.

Староста стоялъ съ непокрытой головой. Онъ отвѣчалъ тетенькѣ поклономъ, на которой она кивнула ему.

— Ну, что? Всѣ они тутъ?—сказала тетенька.

— Тутъ-съ,—коротко отвѣтилъ староста.

— Ну-ка, отвори...

Староста сталъ разомъ, одновременно упираясь въ обѣ половинки огромныхъ дверей каретнаго сарая, отворять ихъ. Прямо оттуда, изъ темноты, извнутри сарая, глянули на насъ блестящія оглобли экипажей, кузова ихъ, пахнуло запахомъ кожи, мази колесной. Но «ихъ» не было видно. Не увидала ихъ и тетенька, потому что спросила, ни къ кому исключительно не обращаясь:

— Гдѣ же они?

— А вотъ тутъ, влѣво-то... вы взойдите въ сарай... темно. Со свѣту-то не видно сразу,—объяснила ей Мутовкина.

Тетенька шагнула въ сарай, за ней Мутовкина, и за этой ужъ, и я, со страхомъ заглядывая влѣво.

Тамъ, въ огромной, темной пустотѣ, виднѣлись на полу, на подостланномъ сѣнѣ люди. Они начали вставать и загремѣли желѣзомъ. Сюда, ближе къ намъ, сидѣли тоже на сѣнѣ дѣти. Эти и не думали вставать, только смотрѣли на насъ.

— Тутъ темно. Я ничего не вижу,—сказала тетенька.—Выйдите сюда на свѣтъ.

— Выйдите сюда. Что вы туда забились? Сюда на свѣтъ выйдите,—повторилъ ея приказанія староста, дѣлая шага два къ нимъ туда, въ глубь сарая.

Изъ темноты, одинъ за однимъ, начали выходить сперва мужики, потомъ бабы. Они всѣ выстроились въ рядъ и молча, съ серьезными лицами, смотрѣли на насъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Жили сперва у однихъ господъ, теперь у меня будете жить,— обратилась къ нимъ тетенька.

Молчаніе, ни слова...

— Будете хорошо жить, и вамъ будетъ хорошо, — продолжала тетенька:—А вотъ, ты, что это—какой изъ нихъ тутъ Анкудимъ?— ей показали на самаго небольшого мужика, лѣтъ сорока, худого, всклокоченнаго—ты что это вздумалъ дорогой разсказывать?

Мужикъ молчалъ. Нѣкоторое время помолчала и тетенька.

— Ты что этимъ лучше себѣ думаешь сдѣлать? Вотъ изъ-за тебя одного и другихъ пришлось заковать...

Анкудимъ должно быть хотѣлъ что-то сказать, встряхнулъ головой, повелъ плечами и сдѣлалъ движеніе руками, которыя онъ держалъ, закинувъ назадъ,—но ничего не сказалъ и только зазвенѣлъ желѣзомъ.

— За вину одного, а всѣмъ срамоту приходится принимать— хорошо это небось,—продолжала тетенька,—когда везли васъ? Чьи это, спросятъ? Хороши, скажутъ, когда скованными приходится ихъ везти...

Возлѣ меня въ это время вдругъ кто-то глухо кашлянулъ и такъ громко, на весь сарай. Такъ кашляютъ овцы лѣтомъ отъ сухого корма—глухо и громко въ то же время. Я обернулся. Обернулась также и тетенька. Анна Ивановна, стоявшая все время молча, тутъ заговорила, подходя къ кашлявшему мальчику лѣтъ восьми или девяти, но рѣчь ея была обращена къ тетенькѣ:

— Вѣдь вотъ, брала я его, совсѣмъ здоровый былъ. А въ городъ какъ привезла, кашлять началъ... Что у тебя, хуже?

Она взяла его за руку—онъ сидѣлъ на сѣнѣ—и потянула съ полу. Мальчикъ сталъ вставать и опять кашлянулъ своимъ нечеловѣческимъ кашлемъ.

Мутовкина вывела его совсѣмъ на свѣтъ, къ самымъ дверямъ. Онъ изподлобья, хмуро, смотрѣлъ на насъ. Волоса на головѣ спутанные, въ сѣнѣ; рубашонка грязная-прегрязная...

— У тебя что? Что у тебя, кашель только?—спросила его тетенька.

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ ей.

— У тебя что? Ты отчего кашляешь?—повторила она свой вопросъ.

Мальчикъ опять кашлянулъ и страшно при этомъ вытаращилъ глаза, точно вотъ-вотъ сейчасъ подавится.

— Совсѣмъ здоровый былъ... Чтожъ, я съума сошла что ли взяла бы его такого?—повторила Анна Ивановна.

— Да что у него? Въ горлѣ вы посмотрите у него,—сказала тетенька.

Мутовкина взяла мальчика за голову, вывела изъ сарая совсѣмъ на свѣтъ, и начала смотрѣть ему въ ротъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— У насъ въ селѣ нонѣ моръ на нихъ,—заговорила вдругъ одна изъ бабъ, стоявшихъ въ ряду съ мужиками, тоже купленая:— ихъ за весну-то что померло ужъ...

— Анна Ивановна! Ты слышишь?—закричала тутъ тетенька.— Ты слышишь, что баба-то говоритъ?

Мутовкина бросила ребенка и поспѣшила къ тетенькѣ.

— Ты слышишь? Ты что же это мнѣ заразныхъ накупила-то? Заразу разводить? Вотъ она! Отличилась. Очень благодарна! Очень за это благодарна! Это мило!.. Заразныхъ дѣтей мнѣ накупила! Что я съ ними буду теперь дѣлать тутъ?

— Матушка, благодѣтельница! Что такое?..

— Благодѣтельница, что такое?—дразнилась тетенька:—Вотъ что такое, ты послушай-ка, что баба-то вонъ говоритъ.

— Что такое?—металась Мутовкина.

— Вотъ послушай-ка... послушай...

Баба повторила, что у нихъ въ деревнѣ много дѣтей нынѣ весной отъ этой болѣзни перемерло. Начнутъ кашлять, покашляютъ дня три и умираютъ.

— Благодѣтельница! Вретъ она. Чтожъ Раиса Павловна-то, продавая, развѣ скрыла бы это? Развѣ посмѣла бы она вамъ, благодѣтельница, продать, если бы у нея въ самомъ дѣлѣ зараза на деревнѣ была.

— Да вотъ же, тебѣ продала, а ты, не спросивъ—не разспросивъ и денежки ей сейчасъ:—на те, молъ, извольте, намъ такихъ и надо... Что я съ ними буду дѣлать теперь?—Что у него тамъ въ горлѣ-то? Ты смотрѣла?

— Да ничего. Такъ только побѣлѣло, какъ будто...

— Побѣлѣло! Ну, вотъ и есть...

Мальчикъ, пришедшій со двора опять въ сарай, снова кашлянулъ громко, глухо, страшно... И опять таращилъ при этомъ глаза, точно давился.

— Какъ же его везти?—говорила тетенька:—онъ еще умретъ дорогой. Они останавливаться должны будутъ, хоронить его, это цѣлая исторія. Кто это выправлять все будетъ? Ни одинъ попъ дорогой не похоронитъ...

— Ну, тутъ пока его оставить можно? Не сбѣжитъ,—предложила было Мутовкина, но тетенька не отвѣчала ей даже на это, вѣроятно, находя это не достойнымъ отвѣта, до того не сообразно.

Староста, молчавшій все время, тутъ вдругъ спросилъ:

— Ѣхать-то намъ когда?

Тетенька помолчала немного и сказала:

— Да такъ, я думаю, пообѣдайте и поѣзжайте: а что?

— Ничего, матушка, довезу...

— А если дорогой...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ничего. Не извольте сомнѣваться.

Мальчикъ стоялъ тутъ же передъ нами, слушалъ все это и смотрѣлъ на насъ.

— Не извольте безпокоиться. Ничего-съ... Если и грѣхъ случится дорогой,—ничего, не извольте безпокоиться...

Тетенька вопросительно, но съ довѣріемъ посмотрѣла на него, помолчала и проговорила:

— Я не знаю, какъ же это тебѣ... здѣшнихъ дать... здѣшнія подводы... или послать вольныхъ нанять... у государственныхъ крестьянъ.

— Нанять лучше,—сказалъ староста.—Здѣшній народъ-то...

И не договорилъ.

— Да ужъ это!.. ужъ на счетъ того, какъ здѣсь-то распущены!—докончила его мысль тетенька.

— Нанять лучше...—повторилъ опять староста.

Тетенька пошла изъ сарая, за ней Мутовкина и староста, предварительно хотѣвшій было затворить опять дверь, но потомъ передавшій это дѣло мужику-подводчику, а самъ поспѣшилъ за тетенькой, которая что-то говорила дорогой.

Я оглянулся. Мужиковъ, бабъ, стоявшихъ въ глубинѣ сарая, не было ужъ видно; но мальчикъ съ кашлемъ стоялъ и его скрыла у меня изъ глазъ затворяемая подводчикомъ дверь...

XII.

— Ты чтожъ меня не позвалъ?—спросила меня Соня, когда я явился въ садъ къ ней и гувернанткѣ.

— Ахъ, какая страсть! Ты знаешь, одинъ мальчикъ долженъ умереть дорогой... Они всѣ должно быть умрутъ. У нихъ въ деревнѣ, откуда ихъ привезли, зараза и они всѣ тамъ умираютъ. Онъ такъ кашляетъ... ахъ, какъ онъ кашляетъ...

Анна Карловна, гувернантка, глаза на меня при этомъ вытаращила. Няньки наши обѣ тоже ахнули.

— И это она васъ къ нимъ съ собою водила?!—воскликнула Анна Карловна.—Вы съ ней были тамъ?

— Съ тетей,—отвѣтилъ я.

— И она вамъ позволила?

— Она не знала.

— Вотъ этого только и не доставало! Это хорошо! Нѣтъ, я сегодня же обо всемъ въ Москву напишу. Нѣтъ, иначе, я низачто не отвѣчаю.

Няньки тоже были въ страшномъ волненіи.

— Какъ же онъ кашляетъ?—спросила сестра.

— Страшно. Знаешь, какъ овца. Только еще громче... И Анна Ивановна смотрѣла въ горлѣ у него,—говоритъ тамъ побѣлѣло все.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А-а!.. И она васъ тамъ держала все время съ собою! А! Каково!..—восклицала гувернантка.

Вскорѣ за нами пришелъ изъ дома лакей и позвалъ насъ завтракать.

Мы поднялись съ ковра, на которомъ всѣ сидѣли, и молча пошли къ дому.

— Мутовкина тутъ еще?—спросила гувернантка у человѣка, пришедшаго звать насъ.

— Тутъ-съ.

Гувернантка остановилась:

— Я не знаю. Она съ ними ѣхала вмѣстѣ. Она тоже можетъ заразилась?.. Ахъ, что это Клавдія Васильевна только дѣлаетъ!..

Тетенька сидѣла на террасѣ, рядомъ съ ней Мутовкина, а на другомъ концѣ, у самаго входа на террасу, стоялъ по вчерашнему ея староста. Мы прошли мимо него.

— Ну, такъ ты позови ко мнѣ сейчасъ кузнеца, поскорѣй—говорила ему—мы услыхали—тетенька.

Староста ушелъ.

Тетенька, по обыкновенію, улыбнулась намъ, и продолжала разговоръ съ Мутовкиной.

Онѣ обѣ показались мнѣ теперь какъ-будто ужъ успокоившимися. Мы усѣлись и принялись за завтракъ. Гувернантка сидѣла молча все время, но мы, зная ее, видѣли и чувствовали это, что она собирается, выбираетъ моментъ, начать говорить съ тетенькой, хочетъ спросить ее обо всемъ этомъ. Мутовкина, проголодавшаяся должно быть дорогой, ѣла теперь много и такъ какъ она не умѣла ѣсть, ѣла отвратительно, неопрятно, то была ужасно мнѣ противна и съ этой стороны.

Къ концу завтрака, вдругъ опять появился на ступенькахъ террасы тетенькинъ староста въ сопровожденіи нашего кузнеца Ефима. Мы всѣ оглянулись на нихъ.

— Сейчасъ,—сказала тетенька имъ.

Завтракъ кончился, Никифоръ убиралъ со стола. Тетенька встала и, пройдя на другой конецъ террассы, заговорила. Мы всѣ еще сидѣли за столомъ и навострили уши.

— Ефимушка,—сказала она ласковымъ голосомъ—она это умѣла, когда ей было нужно:—Ефимушка, вотъ тутъ привезли мнѣ мужиковъ, они плохо закованы...

Мутовкина тоже подошла къ тетенькѣ и стояла возлѣ нея.

— Боюсь я, какъ бы дорогой не случилось съ ними чего... продолжала тетенька:—Ты бы мнѣ перековалъ ихъ. Я тебѣ заплачу.

Я видѣлъ лицо Ефима, полное злобы и презрѣнія къ ней. Дорогой староста, вѣроятно, сказалъ ему, зачѣмъ его зовутъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я не умѣю-съ этого,—отвѣтилъ ей Ефимъ.—Я только лошадей подковывалъ. Я людей въ кандалы не заковывалъ никогда...

— Да вѣдь это пустяки. Тутъ чтожъ мудренаго?—начала было Мутовкина, но тетенька ее остановила, необарачиваясь, махнувъ ей рукой, чтобы она замолчала.

— Нѣтъ-съ, я не могу этого,—повторилъ еще разъ Ефимъ.

— Такъ ты не можешь? Да?—услыхали мы голосъ тетеньки.

— Нѣтъ-съ, не могу.

— Гм...

Мутовкина опять наровилась было что-то начать говорить, но тетенька опять махнула ей рукой и та такъ и замолчала съ какой-то начатой фразой.

— Такъ ты не можешь? Да?.. Ну, ничего больше...

И вдругъ я почувствовалъ въ себѣ столько силы, смѣлой, рѣшительной, на все готовой, не помня и не сознавая ничего, крикнулъ ему:

— Молодецъ Ефимъ!..

Но дальше, на дальнѣйшее меня ужъ не хватило. Горло у меня сдавило, губа нижняя задрожала и, рыдая, я упалъ на полъ.

Что произошло потомъ, я ужъ не могъ понимать. Я очнулся ужъ въ дѣтской. Возлѣ меня сидѣли нянька, Анна Карловна, сестра. Ждали доктора, за которымъ послали въ городъ.

Когда, оправившись и видя кругомъ повеселѣвшія лица, я спросилъ, увезли ли «ихъ»? Анна Карловна мнѣ отвѣтила, чтобы я забылъ объ этомъ и больше не спрашивалъ.

— Вы только скажите мнѣ.

— Ну, увезли.

— И этого мальчика?

— Всѣхъ...

Тетенька тоже почему-то уѣхала въ этотъ же день.

А тамъ, черезъ недѣлю, вернулись раньше срока изъ Москвы и отецъ съ матушкой, невыдержавшіе такой долгой разлуки съ нами.

С. Терпигоревъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ НА ПАРИЖСКОМЪ КОНГРЕССѢ 1856 ГОДА [1].

II.

ТАКОМЪ положеніи находились наши дѣла въ Парижѣ къ пріѣзду графа Орлова. Почва была уже предварительно изслѣдована, что значительно облегчало задачу Орлова, которому только оставалось провѣрить и дополнить наблюденія барона Бруннова. Графъ Орловъ не терялъ для этого времени.

«Прибывъ въ Парижъ,—доносилъ онъ [2]),—9-го (21-го) февраля въ 11 часовъ вечера, я имѣлъ на другой день утромъ первое свиданіе съ графомъ Валевскимъ. Онъ объявилъ мнѣ, что императоръ, предупрежденный о моемъ пріѣздѣ, приметъ меня 11-го (23-го), сперва въ офиціальной аудіенціи и, вслѣдъ затѣмъ, пригласитъ меня на разговоръ съ нимъ, безъ свидѣтелей, въ свой кабинетъ».

Такъ и послѣдовало. Графъ Орловъ, по пріѣздѣ, въ 2 часа, во дворецъ въ Тюильери, былъ торжественно встрѣченъ высшими чинами двора.

Пріемъ, сдѣланный Наполеономъ нашему посланнику, былъ очень милостивый. Графъ Орловъ высказалъ желаніе императора Александра установить миръ и полное согласіе съ Франціей. Наполеонъ отвѣтилъ на это, что всѣ его старанія клонятся къ тому, чтобы — «raffermir (закрѣпить) симпатіи, существующія между

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIII, стр. 98.

[2]) Графъ Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г. № 22. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

двуми великими націями, судьба которыхъ ввѣрена Провидѣніемъ обоимъ монархамъ».

Послѣ офиціальнаго пріема, Наполеонъ пригласилъ Орлова въ свой кабинетъ. Предложивъ ему сѣсть и самъ опустясь въ кресло, онъ началъ разговоръ политическаго характера.

«Убѣжденный въ томъ, что прямота и откровенность моихъ словъ, есть лучшее средство произвести благопріятное впечатлѣніе въ умѣ императора,—писалъ графъ Орловъ,—я началъ съ объясненія, что постараюсь изложить истинное положеніе дѣлъ, не прибѣгая ни къ какимъ тонкостямъ, изворотамъ или скрытности. Что поэтому, я скажу прямо, на что имѣю право согласиться (при переговорахъ) на основаніи полученныхъ мною отъ императора инструкцій, и что обязанъ отвергнуть».

Затѣмъ, посолъ нашъ перешелъ къ обзору общихъ основаній по предстоящему постановленію условій мира, на которыя мы согласимся.

1) «Устья Дуная будутъ свободны для торговли всѣхъ націй. Острова, образующіе дельту рѣки, будутъ объявлены нейтральными, никѣмъ не занятыми, и ни одна держава не можетъ имѣть на нихъ никакихъ сооруженій. Для полнаго обезпеченія свободы плаванія торговыхъ судовъ по всему теченію Дуная, Россія соглашается срыть свои укрѣпленія въ Измаилѣ и Килiи, съ условіемъ, чтобы Турція разрушила всѣ форты въ Мачинѣ, Тульчѣ и Исакчѣ.

2) «Черное море будетъ признано нейтральнымъ.

3) «Граница между Бессарабіей и Молдавіей будетъ опредѣлена послѣ болѣе глубокаго изслѣдованія этого важнаго предмета, и государь императоръ свято исполнитъ всѣ принятыя имъ по этому постановленія.

«Но при этомъ необходимо, чтобы было принято во вниманіе, что мы уступаемъ занятую нами крѣпость Карсъ и другія земли въ Азіи, что составляетъ уже большую съ нашей стороны уступку.

— По этому, — сказалъ графъ Орловъ Наполеону,— союзныя державы, въ свою очередь, должны отказаться отъ измѣненія границъ Бессарабіи, и оставить эти границы въ ихъ настоящемъ видѣ. Вотъ наши откровенныя и законныя заявленія, которыя я счелъ за лучшее прямо представить для выясненія настоящаго положенія дѣлъ, избѣгая безполезныхъ словъ и праздныхъ споровъ, которые, обыкновенно, только усложняютъ затрудненія, вмѣсто того чтобы разрѣшать ихъ.

Затѣмъ, графъ Орловъ просилъ императора оказать поддержку нашимъ заявленіямъ, во всей ихъ совокупности, и тогда дѣло мира, при его содѣйствіи, достигнетъ скораго окончанія.

Выслушавъ нашего посла съ полнымъ вниманіемъ, Наполеонъ сказалъ:

— А Бомарзундъ!.. согласитесь ли вы не возобновлять его?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я знаю,—отвѣчалъ Орловъ,—что ваше величество придаете важность этому вопросу. Не колеблясь, я могу объявить по этому, что государь императоръ не представитъ въ этомъ случаѣ никакихъ препятствій. Желаніе его по этому предмету состоитъ только въ томъ, чтобы устроить все достойнымъ образомъ, безъ внесенія о томъ въ мирный договоръ.

Наполеонъ былъ видимо удовлетворенъ откровенностью, съ которою графъ Орловъ изложилъ этотъ вопросъ.—«Онъ былъ пораженъ такимъ знакомъ довѣрія»,—замѣчаетъ нашъ посолъ.

Затѣмъ, Наполеонъ перешелъ къ совершенно иному предмету. Онъ высказалъ чувства восхищенія (d'admiration) и уваженія къ императору Николаю, о кончинѣ котораго онъ искренно сожалѣлъ, и котораго назвалъ великимъ государемъ. Придавая потомъ разговору, какъ бы, частный характеръ, Наполеонъ спросилъ:

— Я хотѣлъ знать ваши мысли на счетъ Вѣнскаго трактата (1815 г.). Обстоятельства внесли въ него большія измѣненія. Если бы дѣло состояло въ томъ, чтобы пересмотрѣть его, то я хотѣлъ бы знать ваши мысли по этому предмету.

Графъ Орловъ отвѣчалъ, что—«это вопросъ столь обширный по своему значенію, затрогивающій интересы почти всѣхъ европейскихъ державъ, что высказывать о немъ свои личныя мнѣнія онъ не считаетъ себя вправѣ, на основаніи своихъ инструкцій».

— Но вѣдь это простой разговоръ,—сказалъ Наполеонъ и потомъ прибавилъ: — А бѣдная Италія!.. Во всякомъ случаѣ она не можетъ оставаться въ своемъ настоящемъ состояніи, полномъ страданія. Развѣ нельзя что-нибудь для нея сдѣлать? Я говорилъ объ этомъ съ графомъ Буолемъ—онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ на это. Кажется, онъ не любитъ этого вопроса. Потомъ также, эта бѣдная Польша, стѣсняемая въ своей религіи. Милосердіе императора развѣ не можетъ положить конецъ угнетеніямъ католической церкви? Развѣ нельзя облегчить, сколько-нибудь, судьбу многихъ несчастныхъ, которые имѣли несчастіе увлечься политическими заблужденіями?

Говоря это, Наполеонъ, видимо, находился подъ вліяніемъ измышленій, при помощи которыхъ польская аристократія и духовенство старались вызвать заступничество Франціи. Графъ Орловъ отвѣчалъ на это:

— Польша пострадала лишь по собственной винѣ. Всѣ элементы для процвѣтанія ея ей были предоставлены—она не умѣла воспользоваться ничѣмъ. Поляки потеряли свои политическія права, такъ какъ дѣйствовали противно данной клятвѣ и нарушили свои обѣщанія. Что же касается до свободы ихъ вѣроисповѣданія, то все уже давно сдѣлано для обезпеченія свободы ихъ совѣсти, въ отношеніи къ религіи. Конкордатъ, заключенный съ папой, подвергнутъ самому тщательному изслѣдованію, съ цѣлью привести

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его въ исполненіе. Со дня вступленія своего на престолъ, государь императоръ превзошелъ надежды, возлагаемыя на его милосердіе. Не позволяя себѣ высказываться о его намѣреніяхъ, я полагаю, что въ день своего коронованія онъ имѣетъ въ виду облегчить участь виновныхъ.

Въ заключеніе своей аудіенціи, графъ Орловъ пришелъ къ убѣжденію—«что мысль о пересмотрѣ актовъ Вѣнскаго трактата сильно занимаетъ Наполеона, и что онъ думаетъ созвать для этого, въ будущемъ, новый конгрессъ.

Получивъ донесеніе объ этомъ разговорѣ Наполеона съ графомъ Орловымъ, графъ Нессельроде, одобривъ вполнѣ отвѣты послѣдняго, писалъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, относительно общаго направленія нашей политики, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы не брать на себя никакихъ обязательствъ. —«Мы должны только маневрировать, вести временную игру,—писалъ онъ [1]),—съ цѣлью ослабить нашихъ враговъ и достигнуть главной цѣли—заключенія мира». Но, писалъ нашъ канцлеръ,—«государь императоръ теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, желаетъ сохранить своей политикѣ свободу отъ всякихъ окончательныхъ обязательствъ (de tout engagement définitif)».

«Россія не имѣетъ надобности заключать преждевременные союзы, чтобы возвратить себѣ то политическое вліяніе въ Европѣ, какимъ она такъ долго пользовалась.

«Однако, это вовсе не означаетъ нашего желанія—добровольнаго изолированія. Еще менѣе того мы намѣрены показать, будто прежнія непріязненныя чувства руководятъ нашею политикою. Это заставило бы думать, что мы имѣемъ скрытыя мысли и снова намѣрены сплотить противъ насъ коалицію, которую мы съ трудомъ могли разстроить.

«Въ этомъ отношеніи мы должны, въ особенности, остерегаться того, кто руководитъ теперь судьбами Франціи.

«При неопредѣленности, въ которой мы находимся, относительно проектовъ императора Наполеона, направленныхъ къ своему собственному обезпеченію—мы, никоимъ образомъ, не можемъ напередъ связать его политику съ нашею.

«Но, съ другой стороны, благоразуміе требуетъ заручиться его добрымъ къ намъ расположеніемъ, давая ему понять ту выгоду, которую онъ можетъ имѣть, лично для себя, отъ сближенія съ Россіей; такъ какъ безъ ея участія,—каково бы ни было настроеніе остальной Европы, не исключая и Англіи, никакая коалиція, направленная противъ династическихъ правъ Наполеонидовъ, не можетъ составиться».

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Орлову, отъ 30-го января 1856 г. № 40. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ другой депешѣ, отъ 17-го февраля [1]), графъ Нессельроде писалъ:—«Вообще, мы должны сказать, что не основываемъ большихъ надеждъ на дѣйствіяхъ Наполеона: онъ также хочетъ мира, на столько блистательнаго, на сколько то возможно. Онъ не отдѣлится отъ своихъ союзниковъ. Пока миръ не будетъ подписанъ, мы постоянно будемъ имѣть противъ себя сплоченную коалицію.

«По всѣмъ спорнымъ вопросамъ, мы должны условиться съ уполномоченными Англіи и Франціи, преимущественно.

«Только они, совмѣстно съ нами, могутъ рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ; по этому, только между нами тремя и должны вестись пренія. Личное вліяніе Наполеона, если на него можно разсчитывать, можетъ способствовать дѣлу, не задѣвая самолюбія Англіи.

«Рѣшенія, которыя послѣдуютъ вслѣдствіе соглашеній между нами тремя, должны быть, во всей ихъ силѣ, приняты конференціей, не допуская даже праздныхъ и непріятныхъ для насъ споровъ, въ присутствіи уполномоченныхъ Австріи, Турціи и Сардиніи.

«Если лордъ Кларендонъ желаетъ, какъ онъ сказалъ это въ парламентѣ — мира почетнаго для обѣихъ сторонъ, потому что только такой миръ можетъ быть прочнымъ,—то пусть онъ, удовлетворяя общественное мнѣніе въ Англіи, не требуетъ такихъ условій, которыя льстя самолюбію одной стороны, задѣваютъ національную честь другой».

Переходя къ обзору нѣкоторыхъ пунктовъ подлежащихъ обсужденію на конференціяхъ, графъ Нессельроде находилъ, что удовлетвореніе по нѣкоторымъ изъ нихъ, не имѣя для насъ никакой важности, можетъ быть пригодно только для удовлетворенія тщеславія нашихъ противниковъ.

Такъ, напримѣръ, вопросъ о невозобновленіи укрѣпленій Бомарзунда—«имѣетъ тѣмъ меньше для насъ значенія, что русское правительство не имѣло даже и мысли возстановлять разрушенныя на Аландскихъ островахъ укрѣпленія; и требованіе это только и нужно союзникамъ въ силу трактата, заключеннаго ими съ Швеціей». Поэтому гр. Нессельроде находилъ страннымъ, чтобы вопросъ о Бомарзундѣ могъ быть включенъ въ трактатъ, опредѣляющій Восточный вопросъ. Соглашеніе же относительно Аландскихъ острововъ, должно быть, прежде всего, добровольное, не имѣющее значенія требованія, и опредѣлено особымъ актомъ, а не трактатомъ.

Черезъ четыре дня послѣ разговора гр. Орлова съ Наполеономъ, открылась первая конференція, 13-го (25-го) февраля 1856 года.

Исходнымъ пунктомъ переговоровъ, какъ уже сказано, должны были служить основанія Вѣнской конвенціи 20-го января (1-го фе-

[1]) Графъ Нессельроде графу Орлову, 17-го февраля, № 69.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

враля) 1856 г., по которой надлежало постановить сперва предварительныя условія мира, заключить перемиріе и потомъ уже приступить къ постановленію окончательнаго мирнаго трактата.

Когда всѣ уполномоченные заняли свои мѣста за столомъ конференціи, гр. Буоль предложилъ избрать гр. Валевскаго президентомъ предстоящихъ засѣданій. «Это предложеніе,—сказалъ онъ,—основано не только на томъ, что такъ было принято на переговорахъ въ Вѣнѣ [1]), но оно является, вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженіемъ глубокаго почитанія къ монарху, гостепріимствомъ котораго пользуются въ настоящее время представители Европы». Всѣ уполномоченные, единогласно, приняли предложеніе гр. Буоля и гр. Валевскій отвѣчалъ на свое избраніе слѣдующею рѣчью:

«Господа, благодарю васъ за оказанную мнѣ честь избранія быть вашимъ органомъ. Хотя я не считаю себя достойнымъ такой чести, я не могу, я долженъ, не колеблясь, принять мое избраніе, такъ какъ оно служитъ новымъ доказательствомъ чувствъ, которыми руководились и наши союзники, и наши противники, требуя чтобы Парижъ служилъ мѣстомъ для открывающихся переговоровъ. Единодушное согласіе, высказавшееся въ настоящемъ случаѣ, есть доброе предсказаніе будущихъ результатовъ нашихъ усилій. Что касается до меня лично, я употреблю всѣ усилія оправдать ваше довѣріе, добросовѣстно исполняя обязанности, вами на меня возложенныя. Мои старанія будутъ направлены къ устраненію безполезныхъ затягиваній дѣла. Въ особенной заботливости достигнуть скорѣе цѣли, я не забуду, однако, что слишкомъ скорая поспѣшность можетъ только отдалить ее. И такъ, господа, одинаково одушевленные духомъ примиренія, готовые доказать другъ другу взаимное благорасположеніе, избѣгая раздражающихъ споровъ, мы съумѣемъ выполнить, добросовѣстно, и съ полной зрѣлостью, наше общее стараніе, не упуская изъ вида справедливаго нетерпѣнія Европы, взоры которой устремлены на насъ, и которая съ безпокойствомъ ожидаетъ результатовъ нашихъ переговоровъ».

Въ донесеніи о засѣданіи первой конференціи гр. Орловъ писалъ [2]):—«Было условлено между всѣми уполномоченными ненарушимо хранить въ секретѣ весь ходъ совѣщаній. Въ этихъ видахъ гр. Валевскій даже предложилъ не отправлять протоколовъ по почтѣ, а отсылать ихъ съ нарочными курьерами».

При открытіи засѣданія, русскіе уполномоченные, прежде всего, заявили, что необходимо приступить, вопреки протоколу послѣдней Вѣнской конференціи, 20-го января (1-го февраля) 1856 года, къ обсужденію условій окончательнаго (définitif) мира, и не приступать къ установленію предварительныхъ (préliminaires) условій.

---

[1]) Т. е. что президентомъ былъ избранъ министръ того государства, въ столицѣ котораго велись переговоры.

[2]) Гр. Орловъ 19-го февраля (2-го марта) 1856 г. № 19. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Придя по этому предмету къ соглашенію,—доносилъ графъ Орловъ,—мы старались согласиться и по вопросу о перемиріи, какъ это было уже принято въ принципѣ протоколомъ Вѣнскимъ. Уполномоченный Великобританіи, опасаясь вѣроятно возбудить противъ себя общественное неудовольствіе страны слишкомъ поспѣшнымъ соглашеніемъ, настаивалъ на томъ, чтобы перемиріе было заключено только на четыре недѣли и потомъ, если понадобится, можетъ быть возобновлено».

Англійскій уполномоченный указывалъ на то, что прекращеніе военныхъ дѣйствій на морѣ не должно распространяться на блокированіе мѣстностей объявленныхъ въ блокадѣ. Наши уполномоченные заявили на это, что такъ какъ во время зимы торговая комуникація прекращается сама собою, то они считаютъ безполезнымъ входить въ обсужденіе этого вопроса. «Но чтобы обезпечить наши пограничные пункты отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій во время перемирія на сушѣ, гр. Орловъ и Брунновъ настаивали, чтобы всѣ эскадры получили приказаніе отдалиться отъ нашихъ береговъ и ничего противъ нихъ не предпринимать». Это предложеніе было принято, какъ равно и заявленіе нашихъ уполномоченныхъ—«что заключаемое перемиріе требовалось не со стороны Россіи, а по желанію другихъ воюющихъ державъ, на что мы только согласились».

На этомъ основаніи было рѣшено установить на сушѣ и на морѣ перемиріе до 31-го марта.

Графъ Орловъ заканчиваетъ свое донесеніе констатированіемъ факта,—«что гр. Валевскій проникнутъ духомъ согласія, и въ этомъ направленіи исполняетъ свои обязанности, какъ президентъ. Были проявленія праздной полемики, обнаруженныя уполномоченными Англіи, Австріи и Сардиніи, но все это не имѣло никакихъ послѣдствій и въ протоколѣ о томъ вовсе не упоминается даже».

Установивъ перемиріе, предстояло теперь, конфиденціально, условиться относительно вопросовъ наиболѣе существенной важности, какими по § 5 Вѣнской конференціи, являлись вопросы, подлежащіе отдѣльному соглашенію. Такъ, предстояло постановить рѣшенія: 1) о нашихъ азіатскихъ границахъ и г. Карсѣ, 2) о новыхъ границахъ Бессарабіи и 3) объ ограниченіи военныхъ силъ на Черномъ морѣ.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ 14-го (26-го) февраля [1]) по вопросу объ удержаніи за нами Карса, въ вознагражденіе за расходы войны, или возвращеніе его подъ условіемъ оставленія границъ Бессарабіи безъ измѣненія, возникли очень ожесточенные споры.

«Послѣдовало неудачное объясненіе Кларендона, безъ Буоля,

[1]) Гр. Орловъ, 14-го (26-го) февраля 1856 г. № 14. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ гр. Валевскимъ,—доносилъ гр. Орловъ.—Англичане отвергаютъ вознагражденіе за Карсъ. Кажется, нельзя будетъ избѣжать измѣненія границъ Бессарабіи. Мы держимся твердо и отсрочили засѣданіе, чтобы поставить Наполеона въ извѣстность о положеніи переговоровъ. Если это средство не удастся, тогда полученныя нами инструкціи уполномочиваютъ насъ принять требованіе; иначе негоціаціи будутъ прерваны».

На этой депешѣ императоръ Александръ II сдѣлалъ отмѣтку: «Судя по началу, я не предвижу ничего хорошаго».

Графъ Нессельроде телеграфировалъ Орлову по вопросу о бессарабскихъ границахъ слѣдующее:

«Было бы желательно[1]), чтобы взамѣнъ уступки Измаила и Киліи, было постановлено, чтобы обѣ эти крѣпости были срыты и не могли быть исправлены. То же относительно Тульчи и Исакчи. Постарайтесь этого достигнуть, но не ставьте этого непремѣннымъ условіемъ. Если вы истощили уже всѣ средства по обсужденію бессарабской границы, то соглашайтесь на линію Гушъ-Сальчикъ и озеро Аниби, при чемъ, разумѣется, вопросъ о Карсѣ и Бомарзундѣ оставьте до окончательнаго соглашенія по всѣмъ другимъ пунктамъ».

На другой день послѣ бурнаго совѣщанія о Карсѣ, гр. Валевскій, желая смягчить споры, пригласилъ собраться у него для предварительныхъ совѣщаній, какъ по вопросу о Карсѣ, такъ и по другимъ пунктамъ § 5 протокола Вѣнскихъ конференцій. Поэтому, 15-го (27-го) февраля, наканунѣ второй конференціи, у гр. Валевскаго собрались представители Англіи и Россіи[2]). Ни гр. Буоль, ни представители Турціи и Сардиніи не были приглашены на совѣщаніе, такъ какъ предстояло обсудить не относящіеся къ нимъ вопросы.

Прежде всего было приступлено къ вопросу:

1) Объ Аландскихъ островахъ. Графъ Орловъ, какъ мы видѣли, еще прежде, на основаніи полученныхъ инструкцій, высказалъ Наполеону наши намѣренія: оставить укрѣпленія Бомарзунда въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились въ теченіе войны и не возобновлять ихъ, но съ условіемъ, чтобы это не было признано для насъ обязательнымъ, подлежащимъ внесенію въ протоколъ; мы же, съ своей стороны, свято исполнимъ обѣщаніе, данное Франціи и Англіи по этому предмету.

Графъ Валевскій не возражалъ противъ этого, а англійскіе уполномоченные также согласились. При этомъ гр. Орловъ сказалъ, что если мы даемъ обѣщаніе относительно Бомарзунда, то имѣемъ

---

[1]) Гр. Нессельроде гр. Орлову, отъ 28-го февраля 1856 г., № 82. М. И. Д.
[2]) Гр. Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г., № 20. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ виду только устраненіе споровъ по этому вопросу, и что это—«даетъ намъ право ожидать, что англійское правительство, съ своей стороны, будетъ стараться взаимно облегчить намъ рѣшеніе § 5».

«Но, доносилъ графъ Орловъ,—это ожиданіе, несмотря на всю его законность, было далеко отъ осуществленія».

2) Вторымъ вопросомъ, подлежавшимъ частному обсужденію, былъ снова вопросъ о Карсѣ.

Графъ Орловъ прямо заявилъ, что такъ какъ союзники возбуждаютъ вопросъ объ измѣненіи границъ Бессарабіи, въ видахъ вознагражденія за издержки войны, то и мы,—«основываясь на строгой справедливости, имѣемъ полное право смотрѣть на взятую нами крѣпость Карсъ и занимаемую нашими войсками его территорію, какъ на средство вознаградить себя за военныя издержки».

На это англійскіе уполномоченные, по словамъ графа Орлова, отвѣчали—«протестомъ самымъ живымъ и упрямымъ. Съ ихъ точки зрѣнія, союзники формально обязались охранять цѣлость владѣній Оттоманской территоріи, и потому, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ согласиться на отдѣленіе отъ Турціи части ея владѣній, служащихъ ей, къ тому же, оградою для обезпеченія ея азіатскихъ границъ. Скорѣе Англія рѣшится вести безконечную борьбу, во чтобы то ни стало, чѣмъ согласится на подобное ослабленіе Оттоманской имперіи, въ самой уязвимой (vulnérable) ея части, со стороны владѣній въ Азіи».

Графъ Орловъ сказалъ на это:—«Я имѣю полное основаніе и право настаивать на справедливомъ вознагражденіи, взамѣнъ обратной уступки (retrocassion) земель, находящихся въ нашихъ рукахъ по праву войны. Къ тому же, прибавилъ гр. Орловъ, взятіе Карса составляетъ событіе новое, послѣдовавшее послѣ того, какъ состоялось соглашеніе между Англіей, Франціей и Австріей, по § 5-му предварительныхъ условій».

Графъ Орловъ еще разъ началъ доказывать, что мы тѣмъ болѣе не можемъ отказаться отъ вознагражденія, что соглашаемся возвратить Турціи занятыя нами земли, имѣющія для нея, по словамъ англійскихъ уполномоченныхъ—«жизненную важность (l'importance vital)».

«Этотъ споръ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ,—доносилъ графъ Орловъ,—велся съ величайшимъ оживленіемъ, и привелъ насъ къ тому, что мы уже были увѣрены въ разрывѣ переговоровъ.

«Графъ Валевскій, который во все время споровъ былъ вялъ и недѣятеленъ (molle et passive), повидимому, очень встревожился тѣмъ серьезнымъ оборотомъ, который приняли наши объясненія. Онъ тотчасъ постарался ослабить ихъ рѣзкій характеръ. Съ этою цѣлью онъ предложилъ отложить споры до слѣдующаго раза и высказалъ надежду, въ видахъ соглашенія, устранить затрудненія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Обѣ стороны оставили споръ не рѣшеннымъ (en suspens), не придя ни къ какому положительному результату».

3) Третій вопросъ возникъ по почину также англійскихъ уполномоченныхъ. Это былъ вопросъ о нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ вообще.

«Лордъ Кларендонъ,—доносилъ графъ Орловъ,—говорилъ одни общія и банальныя мѣста (vague et banal), выражаясь безъ всякой системы и опредѣленности. Онъ постоянно смѣшивалъ и путалъ названія Имеретіи, Грузіи, Абхазіи, Мингреліи и Закавказья. Въ этой номенклатурѣ, сбивчивой и пустой (confuse et sterille), мы увидѣли только его полное незнаніе ни географіи, ни политики, и отсутствіе въ немъ положительныхъ знаній (notions). Даже секретарь англійскій, повидимому убѣжденный въ совершенномъ незнаніи имъ сущности разсматриваемаго вопроса, избѣгалъ возбужденія споровъ, по существу. Мнѣ пріятно отдать спреведливость графу Валевскому, что онъ, какъ нельзя болѣе кстати, прекратилъ нашъ споръ и помогъ мнѣ получить возможность воспользоваться отсрочкою».

Отсрочка эта была необходима, такъ какъ графъ Орловъ просилъ аудіенціи у Наполеона—«личное вліяніе котораго только и могло умѣрить чрезмѣрныя требованія Англіи».

Черезъ день, графъ Орловъ былъ приглашенъ къ обѣду императора, и надѣялся вскорѣ опредѣлить твердость почвы подъ собою, такъ какъ до сихъ поръ онъ долженъ былъ, по его словамъ, «amuser le tapis à la table des conférences».

На другой день, именно, за нѣсколько часовъ до открытія 2-й конференціи 16-го (28-го) февраля, графъ Орловъ [1]) пріѣхалъ къ императорскому столу въ Тюильери. «Послѣ обѣда,—пишетъ онъ,—императоръ удостоилъ меня аудіенціи, продолжавшейся очень долго и имѣющей большой интересъ.

«Я приступилъ къ вопросу съ твердостью, но съ большою умѣренностью. Я благодарилъ его величество за полную его ко мнѣ довѣренность и за сообщеніе мнѣ всѣхъ взглядовъ и намѣреній своихъ; и я, въ особенности, выразилъ ему мою полную признательность, по поводу оказываемыхъ мнѣ общихъ симпатій, встрѣченныхъ мною по вопросамъ о мирѣ и о союзѣ съ Россіей. Я прибавилъ при этомъ, что наступилъ моментъ, когда я долженъ прибѣгнуть къ личной помощи императора, въ виду ежеминутно возростающихъ притязаній Англіи и уловокъ (tergiversations) Австріи, которыя заставляютъ меня опасаться, что онѣ принудятъ меня, наконецъ, прекратить переговоры.

«Императоръ Александръ,—прибавилъ я,—свято исполнитъ всѣ данныя имъ обѣщанія. Если онъ рѣшился согласиться съ австрій-

[1]) Графъ Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г., № 22. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скими предложеніями, то это только потому, что онъ полагалъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, что владѣніе Карсомъ придало бы большой вѣсъ ходу переговоровъ, и будетъ поддержано могущественнымъ вмѣшательствомъ вашего величества.

«Императоръ не прерывалъ меня и слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, — онъ высказалъ мнѣ много лестнаго, благодарилъ за законность моихъ дѣйствій и прибавилъ, что его отвѣтъ будетъ также состоять въ одной только правдѣ.

— Дѣйствительно,—сказалъ онъ,—я далъ вамъ понять, что владѣнія Карса въ состояніи были бы вознаградить васъ за уступку части Бессарабскихъ земель. Но я встрѣтилъ въ сопротивленіи Англіи и Австріи препятствія, почти непреодолимыя, послѣ того какъ я отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на чудовищныя (exorbitantes) претензіи Англіи, разрушить Николаевъ, и на требованія, касательно Азовскаго моря, какъ равно и по другимъ предметамъ, задѣвающимъ Россію. Что касается до моихъ обязательствъ въ отношеніи союзниковъ,—мнѣ невозможно разорвать съ ними окончательно всѣ связи, не подвергаясь обвиненію въ измѣнчивости (versatilité).

Затѣмъ, Наполеонъ сказалъ—«что онъ понимаетъ всѣ выгоды для Франціи крѣпкаго союза съ Россіей, столь согласнаго съ симпатіями и будущими интересами Франціи; но что онъ будетъ идти впередъ осторожно и не компрометируя себя. Что же касается до опредѣленія пограничной линіи Бессарабіи и, вообще, по всѣмъ условіямъ, принятымъ уже императоромъ Александромъ,—то онъ прикажетъ своему министру насъ поддерживать, лично изслѣдовавъ, предварительно, всѣ могущія встрѣтиться затрудненія. Наконецъ, его величество прибавилъ, что во всѣхъ случаяхъ, я имѣю право, лично обращаться прямо къ нему».

Заканчивая это донесеніе, графъ Орловъ высказываетъ мысль, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, лучшее что мы можетъ сдѣлать это—«принять, по отношенію къ Европѣ, извѣстные четыре пункта, а по отношенію къ Азіи — l'uti possidetis ante, т. е. оставить все въ такомъ видѣ, какъ было до войны». Слѣдовательно, приходилось возвратить Карсъ и его владѣнія въ Азіи—безвозмездно, а не въ обмѣнъ за уступку части Бессарабіи.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, графъ Нессельроде писалъ графу Орлову, отъ 3-го марта 1856 года, № 85—«Изъ всего что вы сообщаете намъ, судя по словамъ императора Наполеона,—мы должны заключить, что установленіе добрыхъ отношеній его къ Россіи, есть одна изъ причинъ, которыя побудили его съ твердостью взяться за возстановленіе мира. Мы думаемъ поэтому, что чѣмъ болѣе мы будетъ ласкать въ немъ эту мысль—тѣмъ болѣе онъ станетъ препятствовать Англіи, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ съ ея стороны затрудненій, сдѣлать переговоры безплодными».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Послѣ разговора съ Наполеономъ, графъ Орловъ, съ большею чѣмъ прежде увѣренностью, прямо изъ дворца, отправился на конференцію, чувствуя уже твердую почву подъ собою.

На этой 2-й конференціи былъ возбужденъ вопросъ о нашемъ соглашеніи съ Турціей, по вопросу о морскихъ силахъ на Черномъ морѣ, по поводу Дунайскихъ Княжествъ, и о христіанскихъ подданныхъ Порты.

«Читая текстъ 2-го протокола [1]),—пишетъ графъ Орловъ графу Нессельроде,—ваше сіятельство, обратите вниманіе на наши старанія относительно прямого соглашенія (entente directe) съ уполномоченными Порты, по спеціальному вопросу о морскихъ силахъ обѣихъ державъ на Черномъ морѣ. Принявъ этотъ путь, мы будемъ имѣть шансы достигнуть лучшихъ результатовъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда соглашенія пришлось бы вести въ присутствіи другихъ уполномоченныхъ».

Что касается до вопроса объ устройствѣ Дунайскихъ Княжествъ, то графъ Орловъ не скрывалъ — «затрудненій, которыя представятся при рѣшеніи этого вопроса. Дѣйствительно, уполномоченные Франціи и Англіи дали намъ понять, что, по ихъ мнѣнію, вѣнскія постановленія прошлаго года относительно княжествъ не допускаютъ ни перемѣнъ, ни толкованій, ни передѣлокъ. (Sont susceptibles de changements, d'extension, de remaniement)».

«Эти замѣчанія,—доносилъ Орловъ,—повидимому, болѣе всего относятся къ вопросу объ оборонѣ княжествъ. Для разъясненія этого вопроса, въ Константинополѣ была еще прежде организована особая подготовительная комиссія изъ представителей Австріи, Франціи, Англіи и Турціи. Великій визирь сообщилъ намъ свѣдѣнія по этой работѣ.

«Мы во все вникнемъ и будемъ обсуждать вопросъ по зрѣлому разсужденію (avec maturité). Но не смотря на всѣ наши старанія, мы не можемъ скрыть, насколько намъ будетъ трудно бороться, исправлять и уничтожить дѣло, по которому наши противники употребили столько времени и могли придти къ соглашенію прежде, чѣмъ нашъ кабинетъ получилъ о томъ какія-либо свѣдѣнія.

«Я считаю своимъ долгомъ, обратить заранѣе вниманіе вашего сіятельства на эти затрудненія. Приступая къ дѣлу, мы должны всегда помнить, что главная наша обязанность, выражающая непремѣнную волю государя императора, заключается—въ возстановленіи мира, что должно быть главнымъ предметомъ нашихъ усилій.

«Эта великая миссія относится къ прямымъ интересамъ (intérêts directs) имперіи. Поэтому, интересы княжествъ имѣютъ лишь второстепенное для насъ значеніе. Я не буду ими пренебре-

[1]) Графъ Орловъ, 19-го февраля (2-го марта) 1856 г., № 21. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гать. Я буду съ твердостью ихъ поддерживать, на сколько то возможно, но, какъ вѣрный слуга моего государя, я долженъ помнить, что благо Россіи, ея безопасность, честь, процвѣтаніе въ будущемъ и стараніе беречь кровь ея храбрецовъ, составляютъ,—согласно высочайшей волѣ государя императора,—высшій для меня законъ,

«Намѣреніе императорскаго кабинета — внести особымъ параграфомъ трактата утвержденіе преимуществъ Сербіи, получило одобреніе всѣхъ членовъ конференціи. Турецкіе уполномоченные подписали все безъ сопротивленія.

«Не то было съ вопросомъ о формальномъ дарованіи религіозныхъ и политическихъ правъ христіанамъ въ Турціи. Великій визирь Аали-паша намъ объявилъ, что хати-шерифъ султана, недавно публикованный, только-что подтвердилъ новыя гарантіи восточныхъ христіанъ, обезпечивая за ними привилегіи далеко превосходящія все, что было до сихъ поръ постановлено въ ихъ пользу. Онъ прибавилъ, что этимъ добровольнымъ актомъ султанъ полагаетъ удовлетворить всѣмъ законнымъ желаніямъ всѣхъ державъ. Поэтому, онъ настаивалъ на томъ, что сдѣланное уже опубликованіе упомянутаго хати-шерифа, устраняетъ необходимость упомивать что-либо въ трактатѣ по дѣламъ религіознымъ. Подобное упоминаніе, по его мнѣнію, было бы способно уменьшить значеніе добровольнаго акта, изданнаго султаномъ, въ интересахъ его христіанскихъ подданныхъ».

Прежде всѣхъ возражалъ противъ этого графъ Орловъ. Онъ настоятельно указывалъ на необходимость включить въ текстъ трактата параграфъ о преимуществахъ, обезпечивающихъ на будущее время благосостояніе христіанскаго населенія Оттоманской имперіи.

«Я заявилъ,—писалъ графъ Орловъ,—что, по мнѣнію государя императора, этотъ пунктъ составляетъ главное достоинство мирнаго европейскаго соглашенія, какъ предмета нашихъ общихъ усилій». Поэтому, Орловъ предупредилъ всѣхъ прочихъ членовъ конгресса, что при разсмотрѣніи редакціи трактата объ окончательномъ мирѣ, онъ—«считаетъ своею обязанностью предложить имъ, помѣстить, на первыхъ же строкахъ трактата, постановленіе по религіозному вопросу, которымъ всѣ христіанскія державы заинтересованы въ равной мѣрѣ, и должны рѣшить его по совѣсти и чести».

«Уполномоченные Франціи, Англіи, Австріи и Сардіи,—доносилъ Орловъ,—единогласно выразили одобреніе нашему предложенію, и присоединились къ нему.

«Великій визирь не сдѣлалъ прямыхъ возраженій и отказа. Но онъ просилъ отсрочки для испрошенія дополнительныхъ инструкцій по этому предмету.

«Согласились исполнить просьбу визиря и графъ Валевскій объявилъ засѣданіе закрытымъ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

По поводу этого донесенія, графъ Нессельроде препроводилъ графу Орлову слѣдующія указанія относительно вопроса о княжествахъ и о христіанахъ на Востокѣ:

«Молдавія и Валахія [1]) дали такъ много доказательствъ своей неблагодарности за всѣ благодѣянія, какія они получили цѣною русской крови, что не приходится еще проливать за нихъ эту кровь. Что касается до княжествъ, то для насъ важно только, чтобы согласно Адріанопольскому миру, всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная были срыты, и чтобы не строили новыхъ крѣпостей на Дунаѣ, отъ Ренни до его устья, потому-что эти крѣпости являлись бы передовыми постами Турціи, выставленными противъ Россіи».

Затѣмъ, въ депешѣ отъ 12-го марта № 97, графъ Нессельроде писалъ:—«Государь императоръ приказалъ мнѣ предложить вамъ, сдѣлать всевозможное для лучшей редакціи пункта, относящагося до христіанъ. Однако, если вамъ не удастся сдѣлать этого, не подвергая риску заключеніе мира,—вамъ разрѣшается принять редакцію въ томъ видѣ, какъ она состоится».

Вообще, весь ходъ переговоровъ, со многими ихъ подробностями, о которыхъ ничего не говорится въ протоколахъ конференцій, виденъ изъ слѣдующаго, пространнаго донесенія графа Орлова отъ 20-го февраля (11-го марта) 1856 года, № 31. Въ этомъ донесеніи [2]) излагается все происходившее на конференціяхъ и въ частныхъ совѣщаніяхъ, отъ начала переговоровъ до кануна 8-й конференціи, состоявшейся 29-го февраля (12-го марта).

Донесеніе это дополнено затѣмъ позднѣйшими телеграммами, относящимися къ рѣшенію частныхъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію.

«Сегодня я считаю своею обязанностью представить императорскому кабинету полный очеркъ переговоровъ»,—доносилъ графъ Орловъ.

I. Вопросы рѣшенные.

«Изъ всѣхъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію въ Парижѣ, самымъ труднымъ и важнымъ, былъ вопросъ по пятому пункту предварительныхъ условій. Государь императоръ такимъ и считалъ его. По этому онъ и намѣренъ былъ, въ принципѣ, отдѣлить его отъ другихъ пунктовъ, такъ какъ его двусмысленная (ambigüé) редакція и неопредѣленность давали противникамъ нашимъ свободное поле выставлять свои безмѣрныя требованія, которымъ мы должны были противиться и отвѣчать на нихъ рѣшительнымъ отказомъ, что могло бы привести къ прекращенію переговоровъ.

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Орлову, отъ 3 марта 1856 г., № 87. М. И. Д.
[2]) Графъ Орловъ, 28-го февраля (11-го марта) 1856, № 31. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Правда, императорскій кабинетъ, принимая § 5 за основаніе проекта предварительныхъ условій, имѣлъ надежду, что частныя соглашенія между Англіею и Франціей не могутъ дойти до того, чтобы компрометировать самый миръ.

«Но эти соглашенія (vagues et timde), робкія и неопредѣленныя, не составляли никакихъ положительныхъ обязательствъ между западными державами. Вѣнскій дворъ ограничился тѣмъ, что вмѣсто всякихъ обезпеченій (sûreté) предлагалъ намъ одни слова. Прошлое поведеніе его говорило намъ, какъ мало мы могли на него разсчитывать.

«Объясненія, дѣлаемыя Франціей по § 5, были болѣе удовлетворительны. Она ограничила его двумя вопросами: 1) Объ Аландскихъ островахъ и 2) О нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ, къ востоку отъ Чернаго моря.

«Но неясная редакція этого послѣдняго пункта представляла такое поле для разныхъ сомнѣній и нарушеній права (controverse) по этому предмету, что Англія, какъ казалось, нарочно возбудила всѣ эти недоразумѣнія, чтобы имѣть возможность прекратить переговоры, предлагая Россіи такія требованія, которыхъ мы принять не могли.

«Намъ было, однако, важно приступить къ обзору этихъ затрудненій, не давая противникамъ повода думать, что мы избѣгаемъ споровъ по этимъ вопросамъ и сомнѣваемся въ нашемъ правѣ.

«Мы начали съ того, что сами возбудили эти споры. Принявъ это рѣшеніе, мы получили существенную выгоду — ясно опредѣлить намѣренія нашихъ противниковъ и съ точностью отличить виды Англіи, не согласные съ намѣреніями Франціи.

«Это дало намъ возможность сдѣлать, въ высшей степени важное, для насъ открытіе. Дѣйствительно, мы узнали отъ графа Валевскаго, что Англія хочетъ, ни больше, ни меньше, какъ подвергнуть сомнѣнію (revoguer en doute) всѣ наши территоріальныя права на владѣнія по лѣвую сторону Кубани. Съ точки зрѣнія англичанъ, слѣдовало принудить насъ—или объявить независимость, т. е. нейтралитетъ всей страны, къ югу отъ Кубани, или передать ее въ номинальное распоряженіе Порты.

«Императоръ Наполеонъ, наотрѣзъ, отказался поддерживать подобныя предложенія. Проявленное имъ при этомъ сопротивленіе, оказало намъ, безъ всякаго сомнѣнія, великую услугу, и я долженъ засвидѣтельствовать это съ полною справедливостью».

Въ краткой телеграммѣ, отъ 21-го февраля (1-го марта) № 25, графъ Орловъ такъ описывалъ ходъ переговоровъ: — «Претензіи англичанъ о независимости Мингреліи, Закавказья и другія требованія, совершенно отвергнуты. Наши пограничныя крѣпости остаются не тронутыми (intactes).

«Споры по поводу Николаева, возбужденные Кларендономъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

устранены нашими отвѣтами. Редакція по нейтрализаціи Чернаго моря окончена. Остается только конвенція наша съ Портой о количествѣ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ—вопросъ довольно трудный (asser épineuse). Принципъ закрытія проливовъ утвержденъ».—«Все это хорошо», отмѣтка на депешѣ рукою императора Александра II.

Излагая далѣе свое донесеніе о положеніи дѣлъ къ 28 февраля (11 марта) графъ Орловъ продолжаетъ:

«Мы пришли къ убѣжденію, что, принимая споръ по вопросу, по которому Франція вовсе не намѣрена была поддерживать Англію,—намъ представлялась возможность состязаться по этому вопросу съ успѣхомъ».

Результаты вполнѣ оправдали эти ожиданія. Споры начались на конференціи 1-го марта. Объ этой конференціи графъ Орловъ доносилъ телеграммою отъ 18-го февраля (1-го марта) № 23.

«Четыре часа спорили по 5 пункту. Англичане хотѣли подвергнуть сомнѣнію вопросъ о всѣхъ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ по берегу Чернаго моря. Мы ихъ опровергали съ трактатами въ рукахъ. Требуется уступка Карса, безъ вознагражденія.

«Мы предоставляемъ себѣ право согласиться на это только тогда, когда будемъ удовлетворены по другимъ пунктамъ. Тоже и относительно Бомарзунда. Кларендонъ напалъ на наши пограничныя азіатскія крѣпости. Рѣшительный отказъ уступить что-либо. Вообще, борьба идетъ сильная, но безъ успѣха для нашихъ противниковъ» [1]).

Продолжая свое донесеніе отъ 28-го февраля (11-го марта) № 31, графъ Орловъ говоритъ:—«Съ трактатами въ рукахъ, мы установили, что наши азіатскія владѣнія ясно опредѣлены нашими мирными соглашеніями съ Портою по § 4 Адріанопольскаго мира и I Петербургской конвенціи 1834 года, устраняющими всякіе недоразумѣнія и споры между обѣими державами.

«Представленныя русскими уполномоченными, несомнѣнныя доказательства дали намъ побѣду надъ англичанами. Лордъ Кларендонъ началъ постыдно отступать по вопросамъ о Мингреліи, Абхазіи и относительно страны черкесовъ (s'est jeté dans une digression confuse).

«Мы опровергали его по всѣмъ пунктамъ, ссылаясь даже на турецкихъ уполномоченныхъ, предлагая имъ объявить:—правда ли или ложно, что границы Россіи и Турціи опредѣлены по ихъ прямому, добровольному соглашенію?

«Великій визирь Аали-паша призналъ это. Онъ даже и не пытался возбуждать вопроса объ измѣненіи границъ, опредѣленныхъ въ 1834 году. Онъ ограничился лишь замѣчаніемъ, что съ того

[1]) Отмѣтка императора Александра: «И такъ: все еще ничего рѣшительнаго».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

времени, измѣненіе этой границы могло произойти, что было бы желательно провѣрить ее на мѣстѣ; что еще до разрыва Порта намѣревалась предложить объ этомъ императорскому кабинету, и что теперь онъ имѣетъ порученіе предложить созвать особыхъ коммисаровъ, съ цѣлью провѣрки, (rectificatien), если то окажется нужнымъ, не нанося ущерба интересамъ ни той, ни другой стороны.

«Мы формально заявили, что предполагаемая провѣрка границъ не повлечетъ за собою никакихъ территоріальныхъ, безвозмездныхъ уступокъ».

Наши уполномоченные желали, чтобы для провѣрки границъ были назначены только коммисары со стороны Россіи и Турціи. Но графъ Валевскій заявилъ, что нужно назначить въ комиссію еще по одному представителю отъ Англіи и Франціи.

«Онъ предупредилъ насъ, конфиденціально, а не на конференціи,—пишетъ графъ Орловъ,—что это предложеніе идетъ прямо отъ императора Наполеона. Взамѣнъ оказанной имъ уже намъ поддержки по § 5, и во вниманіе къ нашимъ интересамъ: поддерживать его хорошія къ намъ отношенія, я полагалъ удобнымъ сдѣлать уступку его желанію».

Пограничную комиссію постановлено было собрать послѣ заключенія мира. Она должна была закончить свои занятія, спустя 8 мѣсяцевъ по ея открытіи.

Это давало намъ право разсчитывать, что разсматривая вопросъ уже по заключеніи мира, Порта воздержится отъ всякихъ неумѣстныхъ требованій, желая сохранить добрыя къ намъ отношенія.

«Такимъ образомъ,—писалъ графъ Орловъ,—Кларендонъ потерпѣлъ отъ насъ полное пораженіе по вопросу объ азіатскихъ границахъ, къ востоку отъ Чернаго моря. Чтобы вознаградить себя, хоть чѣмъ-нибудь, за эту неудачу, онъ настаивалъ на томъ, чтобы мы обязались—не возобновлять оставленныхъ нами, или разрушенныхъ во время войны, укрѣпленныхъ фортовъ по азіатской границѣ. Я прямо воспротивился этой претензіи. Я объявилъ, что государь императоръ будетъ всегда имѣть полную свободу возстановлять или не возстановлять эти форты, смотря по своему личному усмотрѣнію. Я поддерживалъ это право, какъ принципъ, съ точки зрѣнія абсолютнаго владычества, которое государь императоръ имѣетъ въ предѣлахъ своей территоріи, надъ своими подданными».

По поводу этого заявленія, на 8-й конференціи 29-го февраля (12-го марта), лордъ Кларендонъ [1]) потребовалъ, чтобы и Турціи предоставлено было право возобновлять свои пограничные азіатскіе форты.

---

[1]) Графъ Орловъ, 29-го февраля (12-го марта) 1856 года, № 36. М. И. Д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Далѣе, въ своемъ донесеніи графъ Орловъ продолжаетъ:—«Въ вопросѣ о возвращеніи Турціи занятаго войсками нашими Карса и его земель, Франція оказалась на сторонѣ англійскихъ требованій, такъ какъ иначе, Англія объявила, что будетъ продолжать безконечно войну, во что̀ бы то ни стало, но не допуститъ присоединенія Карса къ Россіи. Въ этомъ случаѣ Франція и Англія согласно объявили, что ихъ обязательства не дозволяютъ имъ допустить отдѣленіе части турецкой территоріи».

Но мы вовсе не имѣли въ виду требовать присоединенія къ намъ Карса. Въ силу полученныхъ инструкцій, уполномоченные наши должны были только воспользоваться уступкою Карса и его владѣній, какъ средствомъ, побудить нашихъ противниковъ быть умѣреннѣе по другимъ пунктамъ, въ особенности же по измѣненію границъ Бессарабіи.

По вопросу о Бомарзундѣ, укрѣпленія котораго не должны быть возобновлены, графъ Орловъ настаивалъ на томъ, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отдѣльнымъ соглашеніемъ между Россіей, Франціей и Англіей, такъ какъ только эти державы принимали военное участіе на водахъ Балтійскаго моря.

Такимъ образомъ, были устранены всѣ острыя осложненія, которыя—«могли привести къ разрыву негоціацій, если бы,—пишетъ графъ Орловъ,—мы приступили къ нимъ съ меньшею твердостью и рѣшимостью. Но теперь все вступило на правильный путь. Слѣдовало сперва покончить съ неизвѣстнымъ, чтобы перейти къ извѣстнымъ затрудненіямъ. Они состояли въ томъ, чтобы умѣрить, если возможно, сущность (le fond), и улучшить форму четырехъ предварительныхъ пунктовъ, принятыхъ въ основаніе переговоровъ».

1) Нейтрализація Чернаго моря.

Вопросъ этотъ обсуждался въ засѣданіи 4-го марта. Австрійскій проектъ по этому предмету состоялъ въ томъ, что въ Черномъ морѣ не могутъ быть ни вновь устроены, ни сохранены, прежніе военно-морскіе арсеналы.

Предвидя возможность такой постановки вопроса, мы заготовили другую редакцію—«что не будутъ устроены вновь и сохранены военно-морскіе арсеналы на берегахъ Чернаго моря». Этимъ мы хотѣли отстранить вопросъ о закрытіи порта въ Николаевѣ, какъ того, по слухамъ, желали представители Англіи и Австріи.

Поэтому, конференція постановила, что—«такъ какъ Черное море объявляется нейтральнымъ, то въ поддержаніи прежнихъ или въ созданіи новыхъ, пограничныхъ, военныхъ учрежденій, не представляется надобности; вслѣдствіе чего, императоръ всероссійскій и его величество султанъ обязуются не возводить и не сохранять

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на берегахъ Чернаго моря никакихъ военныхъ морскихъ арсеналовъ».

Тогда лордъ Кларендонъ началъ доказывать, что на основаніи этой резолюціи Николаевскій портъ также долженъ быть закрытъ. Графъ Орловъ энергично возсталъ противъ этого и сказалъ:—«что Николаевъ находится далеко отъ берега Чернаго моря, и потому чувство достоинства Россіи не позволяетъ ей допустить какія бы то ни было ограниченія внутри своихъ владѣній, и эти ограниченія могутъ быть допущены единственно на ея границахъ».

Конференція признала доводы графа Орлова вполнѣ уважительными, и вопросъ о Николаевѣ не подвергался уже болѣе обсужденію.

«Сохраняя портъ въ Николаевѣ,—писалъ графъ Орловъ,—мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, получали право строить на немъ и военныя суда, но только такого типа, который опредѣлялся для охраненія морскихъ береговъ».

При этомъ графъ Орловъ заявилъ о намѣреніи императора Александра вывести изъ Николаева два линейныя судна, для отправки ихъ въ Балтійское море.—«Это заявленіе,—доносилъ графъ Орловъ,—ясное и точное, произвело, смѣю сказать, на всѣхъ членовъ конференціи самое сильное, въ нашу пользу, впечатлѣніе. Лордъ Кларендонъ первымъ отдалъ должную похвалу—прямотѣ намѣреній государя императора, и я считаю себя счастливымъ, что могъ уничтожить тѣ несправедливыя подозрѣнія, которыя такъ часто возникаютъ за границей по поводу политики Россіи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Орловъ заявилъ, что все принятое нами по отношенію къ Черному морю, ни коимъ образомъ не можетъ относиться къ Азовскому морю, на которое также желали распространить ограниченія. Конференція и на это согласилась. Что касается до иностранныхъ консуловъ, которые будутъ назначены въ нѣкоторые города на берегахъ Чернаго моря, то графъ Орловъ заявилъ,—«что они въ Россіи будутъ пользоваться только тѣми правами, которыя признаны за русскими консулами, въ соотвѣтствующихъ иностранныхъ державахъ».

2) Закрытіе проливовъ—Босфоръ и Дарданеллы.

Вопросъ остался на основаніяхъ трактата 1841 г., который предполагалось пересмотрѣть особо въ Лондонѣ, и постановить спеціальную конвенцію.

3) Свобода плаванія по Дунаю.

Вопросъ этотъ былъ уже исчерпанъ въ подробностяхъ на конференціяхъ въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ послѣдовали относительно него лишь незначительныя измѣненія, противъ которыхъ наши уполномоченные не нашли нужнымъ возражать.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Между графомъ Валевскимъ и графомъ Буолемъ произошли при этомъ довольно рѣзкіе споры. Графъ Валевскій предложилъ, чтобы въ числѣ членовъ исполнительной комиссіи, на которую возлагалось наблюденіе за плаваніемъ по Дунаю, былъ бы включенъ и представитель отъ Баваріи, какъ Придунайской державы. Графъ Буоль возсталъ противъ этого. — «Мы не принимали ничьей стороны въ этихъ спорахъ, которые никоимъ образомъ не затрогивали наши прямые интересы»,—писалъ графъ Орловъ.

II. Вопросы, подлежащіе рѣшенію.

1) Опредѣленіе границъ Бессарабіи.

Графъ Валевскій предложилъ обсудить этотъ вопросъ предварительно въ частныхъ совѣщаніяхъ. Соглашаясь съ этимъ, графъ Орловъ принялъ себѣ за правило—«при всякомъ случаѣ доказать нашимъ противникамъ нашу твердую рѣшимость—ни отъ чего не отступать и не лукавить (biaiser), но идти прямо къ сущности спорныхъ вопросовъ, чтобы придти по нимъ, если можно, къ почетному и добровольному соглашенію».

Ходъ переговоровъ объ измѣненіи границъ Бессарабіи, графъ Орловъ изображаетъ въ слѣдующихъ донесеніяхъ своихъ: 1) отъ 11-го (23-го) февраля № 27. «Споры о границахъ Бессарабіи уже начались. Расположеніе Австріи дурно и неуступчиво и поддерживается Англіею. Франція заявляетъ себя сдержано по этому вопросу. Я почти не сомнѣваюсь въ необходимости поступить на основаніи крайнихъ предѣловъ моихъ инструкцій (d'en venir à la limites extrêmes de mes instructions)». На этой депешѣ императоръ Александръ написалъ:—«Я бы болѣе хотѣлъ избѣжать этой крайней необходимости». 2) Отъ 25-го февраля (8-го марта), № 28:—«Я прямо обратился къ императору. Онъ мнѣ обѣщалъ свою помощь, но откровенно заявилъ, что ничего не можетъ сдѣлать по вопросу объ Измаилѣ, такъ какъ его обязательства не дозволяютъ ему ничего предпринять къ этому предмету. Сегодня, послѣ продолжительныхъ споровъ, австрійскій проектъ проведенія границы отъ Хотина на озеро Сальчикъ, былъ отклоненъ. Мы сохраняемъ неприкосновеннымъ торговый путь чрезъ Брезаны, Бѣльцы, Скуляны. Мы сохраняемъ также площадь, признаваемую необходимою для военной обороны страны. Наконецъ, мы удерживаемъ линію Прута до Гуша. Оттуда мы предполагаемъ провести линію, которая, слѣдуя по вершинѣ холмовъ, кончалась бы на сѣверѣ озера Сальчикъ. Съ этого пункта требуютъ отъ насъ проведенія границы до озера Аниби, къ востоку отъ Сальчика, включая болотистую мѣстность, не имѣющую, вѣроятно, никакой стоимости. Въ общемъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мы отрѣзываемъ обратно почти половину территоріи, уступленной по соглашенію на предварительныхъ переговорахъ въ Вѣнѣ. Но не взирая на всѣ наши старанія, намъ невозможно было сохранить линію, по которой оставались бы за нами Измаилъ и Болгарскія высоты. Кларендонъ очень не хорошъ. Буоль также. Валевскій опасается англичанъ. Всѣ возможныя усилія сдѣлать какъ лучше — были истощены». 3) Отъ 27-го февраля (10-го марта), № 30.—«На 7-й конференціи послѣ продолжительныхъ споровъ, настаиваютъ—границу Бессарабіи вести по линіи, начиная отъ берега Чернаго моря, вдоль по Восточному берегу озера Бурма-Зола (въ разстояніи 1 километра отъ берега этого озера). Далѣе, по линіи препендикулярной къ дорогѣ изъ Аккермана въ Килію до Троянова вала; потомъ по этому валу, южнѣе Болграда (Табакъ, на рѣкѣ Ялпухъ); отсюда, вверхъ по рѣкѣ Ялпухъ до Сарацика, и отсюда до рѣки Прутъ у Катамори». Затѣмъ 4) отъ 27-го февраля (10-го марта), № 29:—«Аудіенція у императора. Онъ очень не доволенъ спорами о границахъ и объявилъ, что рѣшился снова вернуться къ этому вопросу, съ тѣмъ чтобы сохранить за нами большую часть Болгарскихъ колоній. На засѣданіи сего числа, споры о границахъ вновь возбуждены. Новая граница для насъ выгоднѣе, почему я принялъ ее». Сверхъ того, въ донесеніи отъ 28-го февраля (11-го марта), № 32, графъ Орловъ, подробнѣе описываетъ ходъ переговоровъ о границахъ Бессарабіи:—«Еще на 5 конференціи отъ 6-го марта, по опредѣленію границъ Бессарабіи, наши уполномоченные имѣли въ виду опредѣлить эти границы точнымъ образомъ, такъ чтобы ихъ можно было бы тотчасъ же нанести на карту, и предоставить противникамъ инициативу въ этомъ вопросѣ для того, чтобы потомъ можно было возражать имъ, и установить границу для насъ возможно выгодную. Но противники наши, упорно отказываясь взять на себя инициативу (въ опредѣленіи подробностей границы), формально заявили только, что линія отъ Хотина къ озеру Сальчикъ достаточно опредѣляетъ направленіе, согласно § I предварительныхъ условій вѣнскихъ конференцій; что она должна слѣдовать въ направленіи горныхъ возвышенностей, проходящихъ отъ сѣвера, на юго-востокъ по Бессарабіи. Что этотъ проектъ, предложенный Австріей, отъ имени воюющихъ сторонъ, былъ принятъ въ Вѣнѣ pirement et simplement нашимъ кабинетомъ. Поэтому, парижскія конференціи не могутъ даже входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, какъ вполнѣ уже законченнаго».

Наши уполномоченные энергично возражали противъ такой постановки вопроса. Они говорили, что задача конференцій состоитъ не въ томъ, чтобы обсуждать по отдѣльнымъ пунктамъ предварительныя условія, а въ томъ, чтобы выработать одно общее (un ensemble). Они заявили, что выговорили себѣ право настаивать на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

томъ, чтобы было принято въ разсчетъ (qu'il nous fût tenu compte) возвращеніе нами Карса и обѣщаніе не возобновлять укрѣпленій Бомарзунда.—«Согласіе, изъявленное нами по различнымъ вопросамъ,—говорилъ графъ Орловъ,—не могло бы состояться, иначе какъ подъ условіемъ, что намъ, взамѣнъ того, будутъ сдѣланы соотвѣтственныя уступки по другимъ пунктамъ переговоровъ».

Споры по этому вопросу велись очень оживленно. «Графъ Буоль и лордъ Кларендонъ,—писалъ графъ Орловъ,—были настроены противъ насъ враждебно; графъ Валевскій, напротивъ, настойчиво и дѣятельно содѣйствовалъ намъ». Дѣло видимо принимало неблагопріятный для насъ оборотъ. Тогда наши уполномоченные и графъ Валевскій предложили отложить вопросъ до слѣдующаго засѣданія. Рѣшено было не вносить въ протоколъ подробностей диспутовъ, а подождать пока не состоится окончательное постановленіе о границахъ Бессарабіи.—«Такимъ образомъ,—говоритъ графъ Орловъ,—изъ протокола не будетъ видно, насколько былъ близокъ къ разрыву ходъ переговоровъ».

Было уже сказано, что графъ Орловъ воспользовался отсрочкой засѣданія, чтобы лично просить императора Наполеона принять участіе въ спорѣ, на что̀ и послѣдовало обѣщаніе—«умѣрить требованія Англіи и Австріи». Баронъ Брунновъ, по порученію графа Орлова, передалъ графу Валевскому три проекта, нами составленные, для опредѣленія Бессарабскихъ границъ. Императоръ Наполеонъ поручилъ графу Валевскому поддерживать третій изъ нашихъ проектовъ.

«Поэтому было условлено съ графомъ Валевскимъ,—писалъ графъ Орловъ,—что нами будутъ представлены первоначально первый и второй проекты, на которые графъ Валевскій не согласится, чтобы не подать другимъ членамъ конференціи мысли о нашемъ съ нимъ соглашеніи; а затѣмъ, третій нашъ проектъ онъ будетъ энергично поддерживать. Этотъ планъ дѣйствій былъ условленъ 7-го марта, на концѣ 6-го засѣданія [1]).

«Къ крайнему моему сожалѣнію, пишетъ гр. Орловъ, уполномоченные Англіи и Австріи оказали упорное сопротивленіе нашимъ намѣреніямъ. Гр. Валевскій имѣлъ съ ними очень ожесточенныя объясенія. Они, правда, отказались отъ австрійскаго проекта (по

---

[1]) По первому проекту, граница Бессарабіи, начинаясь на рѣкѣ Прутъ, у Вадулуй-Исаки, проходила почти по вершинамъ озеръ Ялпуха, Котлобуга и Сасика. По второму, линія эта, отъ вершинъ озера Сасика, продолжена, почти въ перпендикулярномъ направленіи, къ берегу Чернаго моря, упираясь въ него. По третьему проекту, въ отличіе отъ предыдущихъ, отъ южной части Бессарабіи отходило только пространство между лѣвымъ берегомъ южнаго теченія рѣки Прута, до устья рѣки Сарацика, потомъ вверхъ по этой рѣкѣ до деревни Сарацика, и далѣе на востокъ, и къ югу, внизъ по правому берегу рѣки Ялпухъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которому отъ Бессарабіи отдѣлялась вся ея западная половина, по линіи Хотинъ—оз. Сальчикъ или Сасикъ); но не соглашались и на нашъ проектъ, поддерживаемый Валевскимъ, и вмѣсто того предложили два новыхъ проекта».

Представители Англіи и Австріи предложили провести линію отъ м. Липканы, на рѣкѣ Прутѣ, къ озеру Сальчику. По этому проекту, также какъ и по отвергнутому нами первому австрійскому проекту (Хотинъ—озеро Сальчикъ), хотя за нами и оставалась нѣсколько большая часть Бессарабіи, но она также дѣлилась вдоль, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, на двѣ части. Къ тому же, линія Липканы—озеро Сальчикъ не имѣла даже и естественнаго направленія по горамъ. Поэтому, гр. Валевскій предложилъ намъ подать новый проектъ, согласный съ тѣмъ, который онъ поддерживалъ и по которому отъ насъ отходила только южная часть Бессарабіи. По этому новому проекту линія назначалась отъ Гуша на рѣку Прутъ, до озера Сальчикъ.

Этотъ проектъ и былъ, наконецъ, принятъ, только съ тѣмъ, что англійскій и австрійскій уполномоченные предложили протянуть линію еще на Востокъ, до вершины озера Аниби. Это, ни къ чему не ведущее, прибавленіе, по которому къ намъ присоединялось, никому не нужное, болотное пространство, служило англо-австрійцамъ, какъ-бы утѣшеніемъ въ томъ, что графъ Валевскій, даже не останавливаясь на разсмотрѣніи ихъ проекта (Липканы—озеро Сальчикъ), прямо перешелъ къ нашему проекту: Гушъ—озеро Сальчикъ.

«Это обстоятельство,—доносилъ графъ Орловъ,—вызвало со стороны Кларендона оживленные упреки, о чемъ не значится въ протоколѣ, но на что я долженъ указать, чтобы придать большую точность разсказу».

Такимъ образомъ, благодаря личному вліянію Наполеона, вопросъ о проѣденіи новой границы Бессарабіи, едва не послужившій къ разрыву переговоровъ, былъ законченъ въ болѣе удовлетворительномъ для насъ смыслѣ.

«Еще 9-го марта,—доносилъ графъ Орловъ,—въ частномъ разговорѣ со мною въ Тюильери, императоръ Наполеонъ сообщилъ мнѣ о своихъ положительныхъ намѣреніяхъ поддерживать нашъ проектъ; и того же числа вечеромъ, онъ объявилъ объ этомъ Кларендону и Буолю. Это непосредственное вмѣшательство, смѣю думать, рѣшило вопросъ въ нашу пользу. Мы могли въ этомъ убѣдиться, по замѣтно смягченному, даже можно сказать, приниженному тону, который вдругъ приняли наши притивники».

«Послѣдовали лишь незначительныя и не важныя для нашихъ противниковъ дополненія, или частныя измѣненія, проектированныхъ нами границъ, на что мы соглашались, выговоривъ и для себя, чтобы граница была направлена южнѣе Болграда, составляю-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щаго центръ болгарскихъ колоній; на что противники наши согласились—какъ я думаю, не понимая важности этой уступки для насъ»,—поясняетъ графъ Орловъ.

Вообще, сравнивая результаты достигнутыхъ нами соглашеній о границахъ Бессарабіи, съ тѣми основаніями, которыя заключались въ австрійскомъ проектѣ, нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи, благодаря, конечно, личному вмѣшательству Наполеона въ нашу пользу, мы достигли очень важныхъ выгодъ, а именно:

1) По австрійскому проекту (линія Хотинъ—озеро Сальчикъ) самая крѣпость Хотинъ отходила къ Молдавіи. Австрійцы очень желали этого, чтобы ослабить насъ со стороны своихъ Буковинскихъ границъ. Мы оставили Хотинъ за собою.

2) Мы удержали, почти, три четверти изъ той западной части Бессарабіи, которая отдѣлялась къ Молдавіи, по австрійскому проекту.

3) Мы сохранили главную торговую дорогу, съ сѣвера на югъ Бессарабіи.

4) Сохраняли за нами всѣ нѣмецкія и болгарскія колоніи въ Бессарабіи, съ главнымъ центромъ послѣднихъ, Болградомъ.

Достигнуть всего этого стоило не мало труда, тѣмъ болѣе, что представители Англіи и Австріи постоянно указывали намъ на то, что опредѣленіе Бессарабской границы—Хотинъ—озеро Сальчикъ, было уже принято нами на Вѣнскихъ конференціяхъ, и вопросъ объ этомъ объявленъ былъ совершенно исчерпаннымъ.

2) Объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ [1]).

Графъ Валевскій предложилъ, прежде чѣмъ приступить къ подробностямъ устройства княжествъ, рѣшить сперва вопросъ, слѣдуетъ ли соединить Молдавію съ Валахіей подъ одною общею властью господаря, князя, или вообще главы, съ наслѣдственною властью; или оставить ихъ, попрежнему, въ зависимости отъ Порты?

Графъ Буоль не прямо возражалъ противъ соединенія, но старался отклонить его, говоря, что это вопросъ преждевременный (prématurée).

Аали-паша заявилъ, что его уполномочія не даютъ ему права разсматривать этотъ вопросъ, и что, поэтому, онъ испроситъ инструкцій у Порты. Лично же онъ рѣшительно высказывается противъ соединенія.

Кларендонъ отзывался сочувственно о французскомъ предложеніи, но не поддерживалъ его настойчиво.

Наши инструкціи состояли въ одобреніи того, что будетъ принято.

---

[1]) Также изъ донесенія отъ 28-го февраля (11-го марта) 1856 года, № 31.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Графъ Валевскій живо возражалъ противъ доводовъ графа Буоля, и предложилъ Аали-пашѣ сдѣлать Портѣ запросъ по телеграфу.

Въ донесеніи отъ 29-го февраля (12-го марта) № 38, графъ Орловъ пишетъ по этому предмету:

«По дѣламъ княжествъ дѣла идутъ удовлетворительно. Будетъ поступлено на основаніи вѣнскихъ переговоровъ прошлаго года. Въ Бухарестѣ соберется особая комиссія, съ участіемъ делегата отъ Россіи, для обсужденія подробностей управленія княжествъ. Комиссія эта будетъ сноситься съ особою конференціей, засѣдающею въ Парижѣ. Выработанный здѣсь проектъ будетъ утвержденъ гати-шерифомъ султана, и представленъ всѣмъ дворамъ, подписывающимъ трактатъ, которые коллективно гарантируютъ его исполненіе. «Это,—замѣчаетъ графъ Орловъ,—какъ намъ кажется, согласно съ видами нашего кабинета».

3) Конвеція между Россіей и Портой о морскихъ силахъ, содержимыхъ въ Черномъ морѣ.

Было уже сказано, что для огражденія національнаго достоинства Россіи по вопросу объ ограниченіи нашихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, предоставлено было рѣшить этотъ вопросъ добровольнымъ соглашеніемъ между Россіей и Турціей.

«Морская конвенція,—доносилъ графъ Орловъ отъ 16-го (28-го) февраля № 15 телеграммою,—будетъ обсуждаться между нами и турками. Послѣдніе желали, чтобы въ трактатѣ вовсе не затрогивался религіозный вопросъ; мы же на этомъ настаивали. Конференція одобрила наше мнѣніе. Французы за насъ, но не очень. Мы держимся твердо, и даже угрожаемъ разрывомъ».

Но не понимая своей выгоды, турки не рѣшались дѣйствовать самостоятельно и поддавались внушеніямъ англичанъ.—«Наши,—доносилъ графъ Орловъ отъ 29-го февраля (12-го марта) № 37,—переговоры съ турками, относительно морской конвенціи, оказались безплодными. Пришлось прибѣгнуть къ Валевскому сперва, а потомъ къ Наполеону, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Не смотря на это англичане противятся. Мы сообщили французскій проектъ, по которому каждая изъ прибрежныхъ державъ имѣетъ право содержать шесть паровыхъ судовъ, 50 метровъ въ длину; и шесть по 65 метровъ длины, помѣщающихъ каждое по 1000 человѣкъ. Англичане хотѣли ограничить число судовъ только шестью. Я поддерживалъ французскій проектъ и, сверхъ того, требовалъ постановленія, имѣть по одному стаціонеру-судну, при каждомъ коммерческомъ портѣ. Французы признали, что этого требуетъ полицейская служба, но заявили, что суда эти должны быть небольшія, чтобы не пугать (offusquer) англичанъ, которые боятся мнѣнія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лондонской публики, если въ трактатахъ будетъ упомянута требуемая цифра стаціонеровъ».

Затѣмъ, черезъ два дня, графъ Орловъ телеграфировалъ отъ 2-го (14-го) марта № 39.

«Я предвидѣлъ сопротивленіе, которое окажутъ англичане французскому проекту о морской конвенціи. Кларендонъ получилъ изъ Лондона форменное приказаніе, допустить только шесть вооруженныхъ большихъ парусныхъ судовъ и четыре судна военныхъ, такой величины, какъ тѣ, которыя каждая изъ державъ будетъ содержать въ устьяхъ Дуная. Транспортныя суда и не вооруженные пароходы опредѣляются по усмотрѣнію (ad libitum). Въ этомъ собственно только и состоитъ теперь предметъ для обсужденій».

Вопросъ о количествѣ нашихъ судовъ на Черномъ морѣ разрѣшился, однако, для насъ болѣе удовлетворительно, чѣмъ можно было сперва надѣяться. Въ донесеніи своемъ отъ 28-го февраля (11-го марта) 1856 г. № 33, графъ Орловъ пишетъ, что—«намѣреніе французскаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы—сохранить за нами дѣйствительную возможность удовлетворить потребностямъ нашимъ, относительно числа и размѣра судовъ нашихъ на Черномъ морѣ, не возбуждая сильной распри между нами и Англіей, при нашемъ соглашеніи съ Турціей». Поэтому, графъ Валевскій, по совѣту адмирала Гамелена, опредѣлилъ видъ нашихъ судовъ на Черномъ морѣ, такимъ образомъ: 1) Суда паровыя, для охраны береговъ и 2) Транспортныя суда, парусныя или паровыя. Графъ Орловъ доказывалъ, что нуженъ еще третій видъ судовъ—стаціонныхъ, которыя необходимы для портовой полицейской службы и для покровительства торговлѣ. Вообще, Орловъ старался, сколько могъ, увеличить число нашихъ судовъ. Однако, графъ Валевскій передалъ ему, отъ имени императора Наполеона, чтобы онъ былъ умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ, иначе онъ встрѣтитъ, со стороны Англіи, непреодолимое сопротивленіе, которое можетъ привести къ разрыву переговоровъ.

Затѣмъ, въ донесеніи отъ 7-го (19-го) марта, № 41, по вопросу о судахъ на Черномъ морѣ, графъ Орловъ телеграфировалъ:

«Я употребилъ всѣ средства, бывшія въ моей власти, чтобы улучшить эту конвенцію. Я не могъ и не могу достигнуть чего-нибудь большаго. За неимѣніемъ лучшаго, я принялъ конвенцію, чтобы не сдѣлать невозможнымъ самый миръ».

4) Преимущества религіозныя и политическія христіанскихъ народностей.

Этому вопросу уполномоченные наши давали важное значеніе, настаивая съ энергіей на томъ, чтобы религіозныя и политическія права христіанскихъ подданныхъ Порты, были опредѣлены ясно въ трактатѣ о мирѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

5) Затѣмъ, предстояло рѣшить вопросъ о Сербіи. Вопросъ этотъ постановлено было отложить до тѣхъ поръ, когда будетъ оконченъ вопросъ объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ.

6) Наконецъ, предстояло еще рѣшить подробности относительно эвакуаціи занятыхъ во время войны территорій, амнистіи, и установленія мирныхъ сношеній между воюющими сторонами. Всѣ эти подробности должны быть опредѣлены трактатомъ.

III. Обзоръ положенія.

«Начиная съ 13-го (25-го) февраля, когда открылась первая конференція—все казалось неопредѣленнымъ и неяснымъ,—доносилъ графъ Орловъ.—Мало-по-малу, все разъяснилось и, притомъ, въ нашу пользу. Я не позволю себѣ съ увѣренностію сказать, что исходъ совѣщаній вполнѣ обезпеченъ. Это зависитъ отъ столькихъ разнородныхъ интересовъ, отъ столькихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и, въ особенности, отъ столькихъ постороннихъ вліяній, которыя ставятъ меня внѣ возможности дѣйствовать иначе, какъ разсчитывая только на простую вѣроятность. До сихъ поръ императоръ Наполеонъ, судя по словамъ и поведенію, проявляетъ желаніе придти къ мирнымъ рѣшеніямъ. Если бы онъ не имѣлъ этого въ виду, онъ не старался бы умѣрить требованія Англіи, въ вопросѣ по 5 пункту предварительныхъ условій. Тогда переговоры, неминуемо, прекратились бы. Нашъ отказъ согласиться на несправедливыя претензіи британскаго правительства—положилъ бы конецъ переговорамъ, и отвѣтственность въ этомъ не могла бы пасть на императора Наполеона. Словомъ, если бы онъ предпочиталъ войну миру, ему стоило бы только хранить молчаніе. Но онъ вовсе не хотѣлъ этого сдѣлать. Онъ лично вмѣшивался, дѣятельно, и ловко, то чтобы умѣрить чрезмѣрныя намѣренія Англіи, то чтобы обрѣзать разсчеты Австріи на удовлетвореніе ея интересовъ. Онъ, все это дѣлалъ, не только съ желаніемъ установить миръ, но еще и съ цѣлью доставить нашимъ прямымъ интересамъ справедливое (équitable) удовлетвореніе. Графъ Валевскій понялъ эту мысль. Онъ осуществилъ ее съ тактомъ и талантливо.

«На конференціяхъ, графъ Валевскій поддерживалъ, иногда, представителей Англіи, чтобы показать, офиціально, что Франція не желаетъ, открыто, разойтись съ Англіей.

«Но внѣ конференцій, въ нашихъ конфиденціальныхъ разговорахъ, онъ всегда обнаруживалъ къ намъ миролюбивыя и, скажу даже, дружественныя расположенія. Онъ поставилъ себя относительно насъ не въ положеніе врага, а въ положеніе нашего помощника (auxiliaire), какъ онъ самъ назвалъ себя.

«Настроеніе англійскихъ уполномоченныхъ мѣнялось, смотря потому, какое на нихъ производилось вліяніе со стороны Лондона

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и Парижа. Въ принципѣ, они болѣе были расположены въ пользу разрыва чѣмъ замиренія. Продолженіе войны было въ это время болѣе популярно въ Англіи, чѣмъ заключеніе мира. Мало-по-малу расположеніе уполномоченныхъ приняло болѣе мягкій характеръ».

Такая перемѣна произошла по соображеніямъ чисто парламентскаго свойства. Лордъ Пальмерстонъ, опасавшійся за свою непопулярность, по случаю заключенія мира, не соотвѣтствовавшаго ожиданіямъ страны, надѣялся теперь не потерять своего поста и доказать, что заключенный миръ вполнѣ отвѣчаетъ интересамъ Англіи.

«Вотъ почему,—замѣчаетъ графъ Орловъ,—лордъ Кларендонъ такъ старался возбуждать вопросъ—и о независимости нашихъ азіатскихъ владѣній на Кавказѣ, и о срытіи нашихъ укрѣпленій на азіатскихъ границахъ, и о закрытіи Николаевской верфи, но не найдя поддержки въ Наполеонѣ, и встрѣтивъ умѣренный, но твердый отказъ съ нашей стороны, долженъ былъ покориться обстоятельствамъ, которыхъ побѣдить не могъ, и утѣшиться тѣмъ, что въ парламентѣ будутъ, по крайней мѣрѣ, знать объ его стараніяхъ дѣйствовать во имя англійскихъ интересовъ».

Графъ Буоль, сильно упалъ съ той высоты положенія, на которомъ находился въ Вѣнѣ. Къ тому же, его очень мучила зависть, видя что нашъ представитель пользуется особеннымъ вниманіемъ у императора Наполеона, при дворѣ, въ салонахъ и въ арміи.— «Мнѣ кажется,—доносилъ графъ Орловъ,—что онъ предвидитъ дружеское сближеніе Россіи съ Франціей. Это предвидѣніе пусть послужитъ этому человѣку наказаніемъ за всѣ его ошибки. Съ нѣкотораго времени онъ старается сблизиться со мною. Я принимаю эти авансы, не отталкивая его, но и не разсчитывая на его искренность».

«Уполномоченные Порты,—прибавляетъ графъ Орловъ,—это совершенное ничтожество, способные только возбуждать къ нимъ жалость».

А. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КАЗАНСКІЕ ПОЖАРЫ 1863 ГОДА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Ъ КОНЦѢ апрѣля 1863 года, я пріѣхалъ въ Казань, на службу. Мнѣ было двадцать лѣтъ, я только-что получилъ офицерскіе эполеты и впервые выступалъ на служебномъ и общественномъ поприщѣ, въ званіи «таксатора» корпуса лѣсничихъ. «Таксаціонная партія», въ составъ которой я былъ назначенъ, состояла исключительно изъ такихъ же молодыхъ офицеровъ, кромѣ нашего начальника—поручика П—ва, произведеннаго тремя или четырьмя годами раньше меня. Немедленно по пріѣздѣ я явился губернатору (генералу Козлянинову) и своему непосредственному начальнику, отъ котораго получилъ предписаніе тотчасъ отправиться на работы, въ Мамадышскій уѣздъ, гдѣ предстояло устройство казенно-крестьянскихъ лѣсовъ. Такая поспѣшность въ высылкѣ изъ Казани меня и моихъ товарищей объяснялась до нѣкоторой степени тогдашнимъ тревожнымъ временемъ, которое здѣсь давало себя знать съ особенной силой. Недавнія волненія крестьянъ въ Спасскомъ уѣздѣ, съ кровавой развязкой, пресловутая панихида по убіеннымъ при подавленіи этихъ волненій, студенческія исторіи, заговоръ Иваницкаго, комиссія сенатора Жданова,—все это поддерживало умы въ крайне возбужденномъ состояніи. Слухи одинъ другого нелѣпѣе распространялись съ невѣроятной быстротой и принимались всѣми за чистую монету. Шли, между прочимъ, толки о готовящемся грандіозномъ движеніи русскихъ крестьянъ и татаръ, которое угрожало повтореніемъ пугачевскихъ смутъ. Эти, такъ сказать, внутреннія казанскія треволненія усугублялись

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отголосками польскаго возстанія и опасеніемъ близкой европейской войны и немудрено, слѣдовательно, что рачительное начальство нашло полезнымъ выслать насъ изъ города какъ можно скорѣе, на лоно матери-природы.

За нѣсколько дней до нашего отъѣзда разнесся новый, страшный слухъ: во всей губерніи пожары! Горятъ деревни, села и города, горятъ до тла, безъ малѣйшаго при томъ повода, такъ что въ злонамѣренныхъ поджогахъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Особенно страшные пожары въ Мамадышскомъ уѣздѣ, городъ Мамадышъ буквально уничтоженъ огнемъ и расположенныя въ немъ войска выведены въ наскоро импровизованный лагерь. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ зловѣщихъ слуховъ, въ самой Казани начались частые пожары и стали появляться подметныя письма, съ угрозами истребить огнемъ цѣлый городъ. Никто этихъ писемъ самолично не видѣлъ, но никто не сомнѣвался, что угрозы эти будутъ приведены въ исполненіе; нервы были до того возбуждены, что чѣмъ чудовищнѣе казался пущенный слухъ, тѣмъ охотнѣе принимался на вѣру. Вѣсть о пожарахъ въ Мамадышскомъ уѣздѣ, куда предстояло мнѣ ѣхать на работы, произвела на меня сначала тягостное впечатлѣніе и вызвала смутное предчувствіе чего-то недобраго; но впечатлѣніе это смѣнилось очень скоро инымъ чувствомъ,— чувствомъ долга, который повелѣваетъ находиться въ центрѣ опасности, если сознаешь въ себѣ матеріальную и нравственную силу принести пользу, помочь общему бѣдствію. А мы, молодежь того времени, сознавали въ себѣ неизсякаемый источникъ этихъ силъ и неудержимо рвались примѣнить ихъ на дѣлѣ...

Рано утромъ, 7-го мая, мы собрались на пристань общества «Кавказъ и Меркурій», въ ожиданіи парохода. Наша «партія» состояла изъ семи офицеровъ, денщика— стараго солдата и моего лакея, парня лѣтъ двадцати. Общество «Кавказъ и Меркурій» только въ этомъ году открыло рейсы по Камѣ, а раньше по этой рѣкѣ ходили лишь самолетскіе пароходы. Я упоминаю объ этомъ, повидимому, неважномъ обстоятельствѣ, такъ какъ впослѣдствіи оно имѣло для насъ весьма важное значеніе. Вскорѣ пришелъ сверху пароходъ «Лоцманъ», принялъ насъ на свой бортъ и ровно въ полдень мы простились съ Казанью.

Жара стояла невыносимая, ее не могъ смягчить даже сильный южный вѣтеръ. Къ вечеру пароходъ подошелъ къ устью Камы, и передъ нами открылась великолѣпная водная картина, такъ какъ весеній разливъ былъ еще въ полномъ почти разгарѣ. Волны бушевали словно въ открытомъ морѣ и пароходъ нашъ стало не въ шутку покачивать, пока, повернувъ круто на сѣверъ, онъ не вошелъ въ величественные берега Камы. Вѣтеръ стихъ. На горизонтѣ показался полный мѣсяцъ и окружающая картина получила иную окраску и производила тѣмъ болѣе сильное впе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чатлѣніе, что мы проѣзжали мимо мѣстъ, бывшихъ недавно театромъ кровавой драмы. Вотъ, направо, тотъ Спасскій уѣздъ, гдѣ погибло столько невинныхъ жертвъ, стоны которыхъ, казалось, раздаются въ ночномъ безмолвіи и кровавые призраки несутся надъ лѣсомъ, надъ полями и нивами, отъ которыхъ въ то же время вѣетъ благоуханіемъ весны и радостью пробуждающейся жизни... На противоположномъ, нагорномъ, берегу все тихо и спокойно, но, вдругъ, гдѣ-то вдали блеснулъ какой-то загадочный свѣтъ, блеснулъ и потухъ, а спустя нѣкоторое время снова появился и, наконецъ, засіялъ непрерывно на горизонтѣ. Нѣтъ сомнѣнія—это зарево далекаго пожара. Пароходъ быстро идетъ впередъ, дѣлаетъ крутой поворотъ, зарево выступаетъ ярче, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него виднѣется уже другое, а тамъ, гдѣ-то очень далеко, еще новый загадочный свѣтъ, безспорно тоже отблескъ пожара. Зловѣщіе слухи оказываются несомнѣннымъ фактомъ: здѣсь дѣйствительно происходитъ что-то неладное,—чувствуется, словно передъ грозой, присутствіе какой-то стихійной силы, готовой прорваться всякую минуту. Достаточно было взглянуть на суровыя, мрачныя лица крестьянъ, безмолвно взирающихъ съ палубы парохода на зловѣщія зарева пожаровъ, чтобы почувствовать невольный трепетъ и собственную безпомощность передъ этой могущественной силой...

Наступило утро, улеглись призраки, потухли отблески пожаровъ и на пароходѣ началась обыкновенная возня. Намъ надлежало высадиться въ совершенно глухомъ мѣстѣ, на полпути между Чистополемъ и Соколкой (селеніе при устьи рѣки Вятки), гдѣ нетолько не было пристани, но и нельзя было ожидать даже, чтобы съ берега выѣхала лодка. Мы просили капитана высадить насъ на пароходной шлюпкѣ, но онъ рѣшительно отказалъ, ссылаясь на то, что не можетъ терять ни минуты времени. Мы, однако, продолжали настаивать, и онъ уступилъ въ концѣ концовъ, къ великому, какъ оказалось впослѣдствіи, несчастью нашему. Когда мы приблизились къ назначенному мѣсту и на берегу показалась небольшая деревушка, капитанъ сталъ давать сигнальные свистки, въ надеждѣ, что авось выѣдетъ лодка, но надежда была тщетной и, скрѣпя сердце, онъ приказалъ спустить шлюпку. Черезъ полчаса мы очутились на берегу; матросы бросили вещи наши, какъ попало, мы усѣлись на чемоданы и беззаботно слѣдили за быстро удаляющимся «Лоцманомъ». Деревни не было видно — она скрывалась за горой. Солдата нашего мы послали за лошадьми, снабдивъ его подорожными, а сами рѣшились ждать на берегу и карауллить вещи, которыхъ имѣлось изрядное количество, такъ какъ намъ предстояло прожить безвыѣздно 6—7 мѣсяцевъ въ глухихъ деревняхъ. Платье, бѣлье, разныя офицерскія вещи, книги, планы, складныя желѣзныя кровати, геодезическіе инструменты, цѣлые

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

короба табаку и гильзъ, всякіе съѣдобные консервы, крупа, макароны, и т. д., и т. д.; все это добро заключалось въ чемоданахъ самаго разнообразнаго вида, въ корзинахъ, тюкахъ, чехлахъ, которые въ хаотическомъ безпорядкѣ валялись на песчаной отмели. Семь человѣкъ юныхъ офицеровъ, въ новенькихъ кителяхъ и франтоватыхъ кепи, окружали этотъ багажъ, словно онъ состоялъ изъ военныхъ припасовъ, требующихъ самой бдительной охраны. На заднемъ фонѣ этой военной группы высились горы, скрывавшія деревню, а впереди — величественная рѣка съ ея темно-синими, глубокими волнами; далѣе, за нею — пустынный, низменный берегъ, покрытый необъятными лѣсами; кругомъ, на сколько глазъ хватитъ, ни единаго живого существа, даже на Камѣ ни единаго признака жизни...

Мы ждали добрый часъ, но посланный въ деревню солдатъ не возвращался. Какой-то оборванный мальчишка показался на вершинѣ горы, но въ ту же секунду стремительно бросился назадъ, словно испуганный страшнымъ зрѣлищемъ. Терпѣніе наше начинало серьезно истощаться, тѣмъ болѣе, что до мѣста назначенія намъ нужно было проѣхать около 30 верстъ. Нѣкоторые изъ насъ рѣшились уже было отправиться въ деревню и лично добыть лошадей, какъ вдругъ показалась цѣлая толпа крестьянъ, медленно спускавшихся съ горы. Одинъ изъ самыхъ нетерпѣливыхъ моихъ товарищей бросился было къ нимъ на встрѣчу, съ угрозами и упреками за медленность, но другіе силой удержали его, инстинктивно сознавая, что надо вести себя осторожно съ народомъ, находящимся видимо въ сильно возбужденномъ состояніи. Толпа приблизилась къ намъ, впередъ вышли старики и обнажили головы. На вопросъ—скоро ли будутъ лошади, они отвѣтили, что лошади готовы, но міръ насъ покорнѣйше проситъ не ѣхать прямо въ ту деревню, куда мы заказали лошадей, а на село Омары, до котораго всего 8 верстъ, такъ какъ въ Омарахъ находится волостное правленіе и намъ дадутъ хорошія обывательскія подводы, между тѣмъ, какъ на ихъ измученныхъ клячахъ трудно будетъ добраться до мѣста. Мы, разумѣется, охотно согласились, тѣмъ болѣе, что крюкъ приходилось дѣлать незначительный, а перспектива ѣзды 30 верстъ, на изнуренныхъ лошадяхъ, при 30 градусной жарѣ, не представляла ровно ничего привлекательнаго. Крестьяне несказанно обрадовались нашему согласію и, въ порывѣ сердечной признательности, звали насъ непремѣнно въ деревню—покушать молочка на дорожку; десятки рукъ подхватили наши вещи и мы тронулись въ путь, вполнѣ довольные другъ другомъ. Подводы дѣйствительно были уже готовы, чуть не вся деревня высыпала на улицу, ребятишки весело рѣзвились около лошадей, дѣвушки лукаво улыбались, однимъ словомъ, обѣ стороны находились въ самомъ благодушномъ и миролюбивомъ настроеніи. Мы размѣсти-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лись въ пяти телѣгахъ и, чрезвычайно дружески простившись съ народомъ, напутствуемые сердечными пожеланіями счастливаго пути, тронулись въ дорогу, въ село Омары.

Впереди ѣхалъ я съ своимъ лакеемъ; во второй телѣгѣ—Б—въ и М—въ; въ третей—В—ій и П—въ; въ четвертой—К—ій и Ми—въ; наконецъ, въ послѣдней—замыкая поѣздъ—денщикъ съ геодезическими инструментами. Былъ полдень, жара усилилась до крайнихъ размѣровъ, совершенно не соотвѣтствующихъ времени года (8 мая); какъ и наканунѣ, поднялся сильный южный вѣтеръ, обдавая насъ раскаленною пылью. Измученныя лошади еле плелись мелкою рысью, три заднія телѣги постепенно отставали и вскорѣ совсѣмъ скрылись изъ виду.

Когда, по разсчету времени, мы должны были проѣхать половину пути, я спросилъ ямщика—въ какой сторонѣ Омары?

— Вотъ тамъ, — отвѣтилъ онъ, указывая кнутомъ нѣсколько правѣе,—версты четыре еще осталось.

Я повернулъ голову и какъ разъ по указанному направленію замѣтилъ зловѣщій столбъ дыма.

— Что это, не пожаръ ли?—спросилъ я.

Ямщикъ приподнялся, чтобы лучше разглядѣть, но дымъ, какъ будто исчезъ; густая пыль, словно туманъ, скрывала весь горизонтъ.

— Не знаю, — проворчалъ онъ и крѣпко стегнулъ лошадей, которыя рванулись было впередъ, но тотчасъ перешли на шагъ.

Я пристально продолжалъ смотрѣть по указанному направленію, и каждый разъ, какъ разсѣвалась пыль, мнѣ казалось, что явственно вижу столбъ дыма.

— Смотри, не пожаръ ли?—снова спросилъ я ямщика.

— Должно быть, пожаръ,—отвѣтилъ тотъ равнодушно и снова ударилъ по лошадямъ.

— Не Омары ли горятъ?

— Должно быть, Омары.

Дорога шла въ гору, поднявшись на которую, всѣ сомнѣнія должны были разрѣшиться. Минутъ черезъ 10 мы поднялись на вершину и мгновенно, словно при перемѣнѣ декораціи въ волшебной фееріи, передъ нами открылась страшная картина: громадное селеніе, раскинутое на нѣсколько верстъ, было объято пламенемъ. Часть его, по сю сторону рѣки Омары, пылала сплошь и огненные языки, какъ бы ища новую добычу, рвались неудержимо за рѣчку, гдѣ на нашихъ глазахъ, то тамъ то сямъ, вспыхивали огоньки, которые разростались въ пламя съ необыкновенной быстротой и силой; на противоположномъ берегу рѣки, на горѣ, виднѣлась церковь, озаренная кроваво-краснымъ свѣтомъ, готовая, казалось, каждую секунду сдѣлаться жертвой огня.

Лошади сами собою остановились, какъ вкопанныя. Я соскочилъ съ телѣги и подошелъ къ ѣхавшимъ позади товарищамъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобы посовѣтоваться, какъ намъ быть, что предпринять. Б—въ совѣтовалъ возвратиться назадъ на берегъ Камы, но это походило бы на бѣгство, и я отказался; М—въ тоже поддержалъ меня, и мы рѣшили ждать отставшихъ товарищей. Однако, ихъ не было видно: они или поѣхали другой дорогой, или, пожалуй, вернулись обратно.

— Надо ѣхать въ волостное правленіе,—посовѣтовалъ мой ямщикъ, видя нашу нерѣшительность,—оно вонъ тамъ, на горѣ, еще не горитъ, я провезу сторонкой, черезъ огороды.

Совѣтъ показался намъ наилучшимъ при данныхъ обстоятельствахъ, и мы тронулись впередъ, прямо къ пылающему селенію, до котораго оставалось версты полторы. Къ несчастью, пожаръ дѣлалъ успѣхи быстрѣе, чѣмъ мы обдумывали наши дѣйствія: оказалось, что добраться до волостного правленія нѣтъ уже физической возможности и растерявшійся ямщикъ кружился по огородамъ совершенно безцѣльно. Вѣтеръ гналъ пламя отъ насъ, а потому мы могли ѣхать чуть не бокъ о бокъ съ пылающими строеніями. Удивительнѣе всего, что никого изъ крестьянъ не было видно, точно всѣ жители несчастнаго селенія куда-то скрылись, предоставивъ безропотно все свое достояніе на жертву грозной стихіи. Однако, положеніе наше становилось невыносимымъ, и я приказалъ ямщику ѣхать прочь отъ пылающаго селенія по направленію къ рѣкѣ. Онъ повернулъ лошадей и тѣ, испуганныя ревомъ пожара, не смотря на совершенную усталость, понеслись въ карьеръ.

Вдругъ, словно изъ засады, выскочила откуда-то толпа крестьянъ, въ количествѣ десяти-пятнадцати человѣкъ и бросилась на лошадей.

— Стой! откуда? кто такіе? чего надо? — раздались со всѣхъ сторонъ возгласы.

Я не успѣлъ опомниться, какъ двое крестьянъ, повидимому сильно нáвеселѣ, стащили моего ямщика и, не ожидая отвѣтовъ на предложенные вопросы, стали наносить ему удары по лицу. Я не потерялъ присутствія духа, не предвидя для себя лично никакой опасности, и громогласно объяснилъ крестьянамъ, кто мы такіе, по какому дѣлу ѣдемъ и какимъ образомъ очутились на пожарѣ; въ то же время я попытался защитить ямщика, заявивъ, что онъ ѣхалъ по нашему приказанію и ровно ни въ чемъ неповиненъ.

Толпа на минуту успокоилась. Я воспользовался этимъ и спросилъ, какъ намъ проѣхать въ волостное правленіе.

— Какое вамъ волостное правленіе,—раздался грозный голосъ откуда-то неожиданно появившагося мужика,—видишь—все село горитъ и правленіе скоро сгоритъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Между тѣмъ толпа поминутно увеличивалась. Вновь прибывшіе, не зная въ чемъ дѣло, бросались къ намъ съ угрозами и ругательствами. Я тщетно упрашивалъ, чтобы отвели насъ въ волость или позвали старшину, писаря или священника, которые могли бы осмотрѣть наши бумаги и удостовѣрить, что мы за люди.

— Всѣ вы за одно!—кричали нѣкоторые въ толпѣ, грозя намъ кулаками.

Положеніе наше становилось критическимъ. Въ нѣсколько минутъ толпа увеличилась до сотни или болѣе человѣкъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: «гдѣ они? кто они такіе? держи ихъ!» Мы всѣ были вооружены шашками и револьверами и слѣдовательно могли защищаться и проложить себѣ свободный путь сквозь толпу, если бы только сознавали всю опасность своего положенія; но мы никакъ не могли допустить мысли, чтобы противъ насъ употребили крестьяне грубое насиліе, а потому мы заявили, что понимаемъ ихъ подозрительность, оправдываемую постигшимъ ихъ страшнымъ бѣдствіемъ и добровольно дозволяемъ арестовать себя, съ тѣмъ чтобы они немедленно доставили насъ къ начальству. Пока мы старались вразумить крестьянъ, они окружили насъ плотной стѣной и съ крикомъ «вяжи ихъ!» разомъ бросились стягивать веревками наши руки.

— Вотъ они поджигатели, разбойники!—раздался вдругъ въ толпѣ пронзительный голосъ какой-то женщины, отъ котораго у меня сжалось сердце и холодный потъ выступилъ на лбу.

Слово «поджигатели», какъ электрическая искра, пронеслось по толпѣ; я понялъ, что участь наша рѣшена, что никакія убѣжденія не подѣйствуютъ болѣе на эту разъяренную толпу, обезумѣвшую отъ горя, страха и водки.

Между тѣмъ вѣтеръ измѣнилъ первоначальное направленіе и насъ обдало жаромъ и дымомъ. Кто-то изъ крестьянъ, пользующійся, повидимому, большимъ авторитетомъ, сдѣлалъ распоряженіе отвести насъ подальше отъ пожарища и назвалъ мѣсто, куда именно. Среди крестьянъ произошелъ шумъ и споръ, изъ котораго можно было заключить, что часть ихъ противится этому распоряженію, но въ концѣ концовъ изъ толпы выступило нѣсколько здоровенныхъ мужиковъ, которые окружили насъ и наши телѣги и, образуя въ нѣкоторомъ родѣ легальный конвой, повели на указанное мѣсто. Отойдя саженей 200, намъ приказали остановиться и привязали къ телѣгамъ, закрутивъ при этомъ еще сильнѣе наши руки, такъ что мы очутились въ неподвижномъ положеніи, лицомъ къ пылающему селенію. Не смотря на ужасъ собственнаго положенія, меня сильно безпокоилъ вопросъ—что сталось съ остальными товарищами нашими? Повернули ли они во время обратно, или также находятся во власти крестьянъ? Въ послѣднемъ случаѣ положеніе наше сдѣлалось бы еще отчаяннѣе. Конвойные наши

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сначала, какъ казалось, защищавшіе насъ отъ напора разъяренной толпы, куда-то исчезли и мы очутились лицомъ къ лицу съ этой стихійной массой, которая ждала, повидимому, малѣйшаго толчка, чтобы обрушиться и раздавить насъ. Но пока дѣло ограничивалось одними ругательствами и угрозами. Мнѣ казалось, что окружающая насъ толпа состояла теперь, по крайней мѣрѣ, изъ тысячи человѣкъ.

Трудно передать, какое ощущеніе испытывалъ каждый изъ насъ въ эту минуту. Во всякомъ случаѣ это не было ощущеніе физическаго страха, а какое-то странное состояніе индеферентизма, когда человѣкъ перестаетъ сознавать прошедшее и будущее и сосредоточиваетъ все вниманіе исключительно на текущемъ мгновеніи. Все это случилось такъ быстро, внезапно, что мозгъ нашъ, не успѣвая переработывать переживаемыя впечатлѣнія, словно совсѣмъ отказался дѣйствовать; мы скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ со страхомъ, смотрѣли на все, что вокругъ насъ происходитъ, отнюдь не думая объ угрожающей опасности, а слѣдя лишь съ замираніемъ сердца за самыми ничтожными фактами, которые совершались передъ нашими глазами.

Рѣшительный толчокъ, котораго ждала эта человѣческая масса, чтобы обрушиться на насъ, какъ и слѣдовало думать, явился очень скоро. Откуда-то нахлынула вдругъ новая толпа, вооруженная палками, кольями, оглоблями, и съ дикимъ ревомъ «въ огонь ихъ!» какъ лавина устремилась на насъ. По нѣкоторымъ возгласамъ, дошедшимъ до моего слуха, я понялъ, что остальные наши товарищи находятся такъ же во власти крестьянъ и участь ихъ одинакова съ нашей. Что произошло затѣмъ въ послѣдующія минуты— я ясно не могу себѣ представить. Я помню только, что Б—въ, который стоялъ привязаннымъ къ телѣгѣ рядомъ со мною, вдругъ очутился на землѣ и толпа неистово била и топтала его ногами; на мгновеніе онъ приподнялъ голову, повернулъ ко мнѣ окровавленное лицо и снова упалъ ницъ, пригвожденный ударами десятка здоровенныхъ ногъ. Я невольно закрылъ глаза и въ ту же минуту почувствовалъ, что нѣсколько человѣкъ подымаютъ меня и влекутъ впередъ, но я почему-то сопротивляюсь съ страшной силой, хотя вовсе не думаю сопротивляться. Меня ужасно мучитъ мысль, почему имъ такъ тяжело меня нести, но тотчасъ вспоминаю, что я привязанъ къ телѣгѣ и слѣдовательно тащу ея за собою; разрѣшивъ это сомнѣніе—какъ будто успокоиваюсь. «Въ огонь его!» раздается надъ моимъ ухомъ, но и эти зловѣщіе крики, предвѣщающіе немедленную, мучительную смерть, меня не тревожатъ и я соображаю лишь, что вмѣстѣ съ телѣгой имъ не дотащить меня скоро до огня. Вдругъ, во всѣхъ фибрахъ своего тѣла я почувствовалъ непонятное сотрясеніе и мозгъ мой озарился яркимъ, преяркимъ свѣтомъ: я вижу отчетливо свое дѣтство, деревню, гдѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

родился, домъ, садъ, отца, мать, свой губернскій городъ, гимназію, товарищей, знакомыхъ, наконецъ, пламя, въ которое меня тотчасъ бросятъ и гдѣ окончится моя жизнь. Всѣ эти картины я вижу послѣдовательно одну за другой, но въ то же время будто вижу ихъ всѣ вдругъ, будто всю пройденную жизнь переживаю вновь однимъ мгновеніемъ. Сердце сжалось больно, больно, но одинъ только разъ, пока длилось это мгновеніе сознанія; затѣмъ, свѣтъ потухъ и снова наступило какое-то инертное состояніе, всѣ помыслы сосредоточились на заботахъ о настоящей минутѣ, причемъ чувства ужаса или страха—ни малѣйшаго. Что было дальше—не помню, такъ какъ меня оглушилъ ударъ, отъ котораго я моментально потерялъ сознаніе.

Когда я пришелъ въ себя, то прежде всего почувствовалъ страшную, мучительную жажду, заглушавшую всѣ другія ощущенія. Руки мои были свободны, но на лѣвой рукѣ, казалось, висѣла какая-то тяжелая масса. Съ невѣроятнымъ усиліемъ я приподнялъ голову и въ тотъ же мигъ почувствовалъ острую, сверлящую боль въ темени; мнѣ все-таки удалось взглянуть на свою руку: она была совершенно черная. Окружавшая насъ толпа стала замѣтно рѣже и, повидимому, не обнаруживала наклонности къ дальнѣйшимъ истязаніямъ, ближайшая къ намъ часть села почти догорѣла, но далѣе, за рѣкою, все было объято пламенемъ. Я искалъ глазами своихъ товарищей. Б—въ лежалъ недвижимо, шагахъ въ десяти отъ меня; остальныхъ я не замѣтилъ, но мнѣ показалось, что М—въ лежитъ въ телѣгѣ, прикрытый рогожей.

Былъ шестой часъ въ исходѣ и, слѣдовательно, съ момента задержанія нашего прошло около пяти часовъ. Вотъ что, по словамъ очевидцевъ и по удостовѣренію слѣдственныхъ актовъ, совершилось въ теченіе этого времени.

Значительная часть крестьянъ, а быть можетъ большинство, не считала насъ въ серьезъ поджигателями и всѣми силами противилась истязаніямъ и убійству. Благодаря лишь заступничеству этой «умѣренной» партіи, мы не были брошены въ огонь тотчасъ по задержаніи; но «умѣренные» не могли вполнѣ защитить насъ отъ «крайнихъ», которые порою брали верхъ, особенно, когда число ихъ увеличивалось пришлыми элементами изъ сосѣднихъ деревень. Вино, унесенное изъ кабаковъ, подъ предлогомъ спасенія имущества кабатчиковъ, также содѣйствовало усиленію партіи «крайнихъ»; къ этой же партіи принадлежали многія, обезумѣвшія отъ горя, женщины, которыя одной рукой придерживали испуганныхъ, плачущихъ ребятишекъ, а другой—указывали на насъ, посылая отвратительныя ругательства и подталкивая мужчинъ немедленно расправиться съ нами. Одно время «крайніе» взяли рѣшительный перевѣсъ и тогда начались звѣрскія истязанія. Меня ударили оглоблей по головѣ и отъ этого удара кровь хлынула изъ рта, носа,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ушей, и я свалился безъ чувствъ. Б—ва страшно избили ногами, а затѣмъ одинъ изъ крестьянъ замахнулся на него топоромъ, чтобы порѣшить сразу, но другой отвелъ ударъ и топоръ разсѣкъ лишь ему ухо. М—въ подвергся особенно утонченнымъ истязаніямъ за то, что у него долго не показывалась кровь, что чрезвычайно озлобило крестьянъ. Его и лакея моего такъ сильно избили, что ихъ сочли мертвыми и уложили въ телѣгу. Удовлетворивъ кровавые инстикты, толпа нѣсколько успокоилась и оставила первоначальное намѣреніе бросить насъ тотчасъ въ огонь. Сельское начальство, въ лицѣ старшины и писаря, пыталось было повліять на крестьянъ, но едва унесло ноги, по добру, по здорову; столь же неуспѣшной оказалась и попытка священника, который выходилъ къ толпѣ съ крестомъ и св. водой. Кто-то распустилъ слухъ, что мы подкупили старшину за сто тысячъ; ему ставили такъ же въ въ вину, что домъ его не сгорѣлъ.

Между тѣмъ, отставшіе товарищи наши испытывали такую же участь; они находились саженяхъ въ ста отъ насъ, но мы не могли другъ друга видѣть, такъ какъ насъ раздѣляла небольшая возвышенность. Они сошли съ телѣгъ и расположились бивуакомъ, въ разстояніи версты отъ пожарища; крестьяне натолкнулись лишь на нихъ тогда, когда мы были уже задержаны и открытіе этой новой «шайки поджигателей» еще болѣе усилило ихъ бѣшенство. По счастливой случайности, наши товарищи подверглись истязаніямъ, сравнительно, въ меньшей степени, кромѣ П—ва, получившаго жестокій ударъ въ грудь, который впослѣдствіи стоилъ ему жизни.

Придя окончательно въ сознаніе, я думалъ лишь объ одномъ — утолить страшно мучившую меня жажду.

— Воды, ради Бога, воды,—простоналъ я такимъ глухимъ голосомъ, что самъ испугался его звука.

Никто не отвѣчалъ и не шевелился.

— Воды...—чуть слышно прошепталъ Б—въ и, словно отдаленное эхо, тотъ же звукъ повторилъ еще болѣе слабый и болѣзненный голосъ, выходящій изъ телѣги.

Толпа сурово глядѣла на насъ и оставалась неподвижной.

Вдругъ, произошла одна изъ раздирающихъ душу сценъ: Б—въ, собравъ послѣднія силы, вскочилъ на ноги и съ ужасными угрозами и проклятіями требовалъ, чтобы дали ему напиться; потомъ, обезсиленный, заливаясь слезами, упалъ на колѣни и сталъ жалобно просить—одну только каплю, одинъ глотокъ, во имя Христово. Лицо его было не узнаваемо, глазъ почти не видно, волосы, на половину содранные, торчали клочьями, пропитанными грязью и кровью, отрубленная часть уха висѣла на тонкомъ кускѣ кожи и кровь сочилась оттуда капля по каплѣ... Картина эта такъ меня поразила, что я забылъ о собственной жаждѣ и началъ умо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лять крестьянъ дать воды лишь ему одному. Но толпа безмолствовала, упиваясь видомъ нашихъ страданій.

Спустя нѣкоторое время между крестьянами произошло движеніе. Къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ, которые, грубо толкнувъ ногами, приказали намъ встать и слѣдовать за ними; при этомъ намъ снова связали руки, что причинило нестерпимую боль. Только М—ва не трогали съ телѣги, считая его вѣроятно полумертвымъ. Шествіе наше продолжалось недолго: насъ привели на то мѣсто, гдѣ находились отставшіе товарищи, которыхъ мы увидѣли привязанными вокругъ телѣги; ихъ страдальческій видъ и окровавленныя лица наглядно свидѣтельствовали о перенесенныхъ мученіяхъ. Мы молча поздоровались, не имѣя силъ выговорить ни слова. Насъ привязали къ той же телѣгѣ.

Солнце значительно склонилось къ западу, былъ, вѣроятно, восьмой или девятый часъ. Вѣтеръ стихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пересталъ бушевать и огонь,—догорали лишь остатки строеній. Видимая площадь пожарища казалась громадной, клубы дыма растилались надъ нею, прорѣзываемые въ разныхъ мѣстахъ яркими языками пламени. Уцѣлѣла лишь церковь и немного домовъ, по ту сторону рѣки.

Толпа, обступившая насъ плотной стѣной со всѣхъ сторонъ, возросла, казалось, до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; среди ея виднѣлось много татаръ. Ближе стоявшіе къ намъ крестьяне, повидимому вожаки, заявили, что приступятъ къ обыску и къ осмотру нашихъ вещей, въ ожиданіи котораго насъ оставили пока въ покоѣ, будучи увѣренными, что скоро обнаружатся неопровержимыя доказательства нашей виновности. Намъ подали даже миску съ водой, но строго наблюдали, чтобы каждому досталось не болѣе 2—3 глотковъ. Какой-то молодой, здоровенный мужикъ, съ выраженіемъ участія и состраданія, поднесъ Б—ву особую кружку, наполненную до краевъ водою, но когда тотъ съ жадностью приложился къ ней губами, онъ вдругъ выплеснулъ всю воду ему въ лицо и съ хохотомъ бросился бѣжать прочь. Другой шутникъ предложилъ денщику воду, смѣшанную съ грязью и навозомъ; одну секунду старый солдатъ боролся съ отвращеніемъ, а потомъ залпомъ выпилъ всю эту отвратительную жидкость.

— Если ты христіанинъ—ѣшь землю,—сказалъ ему мужикъ, преподнесшій это варварское угощеніе.

Солдатъ безпрекословно упалъ ницъ и сталъ жевать песокъ.

Начался обыскъ. Въ одинъ мигъ всѣ наши чемоданы и сундуки были разбиты, разломаны и все, что въ нихъ заключалось выброшено на землю. Вниманіе крестьянъ прежде всего остановилось на желѣзныхъ складныхъ кроватяхъ. Нашелся ораторъ, который объяснилъ назначеніе ихъ слѣдующимъ образомъ: на Камѣ разъѣзжаютъ англичане на пароходахъ и бросаютъ на оба

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

берега ракитки, посредствомъ которыхъ зажигаютъ села и деревни; желѣзная кровать не кровать, а станокъ отъ этихъ ракитокъ. Толпа, разумѣется, удовлетворилась этимъ объясненіемъ и на насъ снова посыпались проклятія и угрозы.

— Ракитки, ракитки нашли!—загудѣло множество голосовъ.

Ракитками оказались папиросныя гильзы.

— Они начиняютъ ихъ порохомъ и кидаютъ на православныя деревни,—замѣтилъ авторитетно какой-то старикъ.

Мы всѣми силами старались объяснить настоящее назначеніе этихъ бумажныхъ ракитокъ и намъ отчасти удалось вызвать сомнѣніе въ пригодности ихъ для разрушительныхъ цѣлей; но когда крестьяне нашли итальянскія макароны, то убѣдить ихъ—что они не ракитки—не было никакой уже возможности. Денщикъ сталъ было ихъ ѣсть, въ доказательство совершенной безвредности, но вдругъ кто-то заревѣлъ во все горло:

— Что на него смотрѣть, ребята, онъ, нехристь, и чорта съѣстъ!

Этотъ аргументъ уничтожилъ всѣ сомнѣнія.

Когда дошла очередь до бумагъ, былъ вытребованъ грамотѣй, оказавшійся отставнымъ солдатомъ.

Изъ массы бумагъ и плановъ онъ выбралъ прежде всего подорожныя, такъ какъ на нихъ красовался государственный гербъ. Первыя же строки «по указу Его Императорскаго Величества» произвели на крестьянъ сильное впечатлѣніе, и они сразу вдругъ замолкли; но кто-то изъ самыхъ «крайнихъ», желая предупредить реакцію, могущую наступить въ нашу пользу, благодаря императорскому титулу, который оказалъ на крестьянъ такое магическое дѣйствіе, накинулся на грамотѣя и заоралъ:

— Православные! нынѣ деньги поддѣлываютъ, а не то что такія бумаги.

Съ этими словами онъ вырвалъ подорожную изъ рукъ солдата и бросилъ ее на землю. Толпа снова загудѣла и обыскъ прекратился.

Въ это время какой-то человѣкъ выступилъ изъ толпы и, нагнувшись близко къ моему лицу, такъ что я невольно вздрогнулъ и прижался плотнѣе къ телѣгѣ, шопотомъ проговорилъ:

— Не унывайте, ваше благородіе, ночью непремѣнно дадимъ знать въ городъ.

Я не успѣлъ опомниться, какъ онъ уже скрылся.

Это былъ—какъ оказалось впослѣдствіи—лѣсной объѣздчикъ, который пытался неоднократно отправить нарочнаго въ Мамадышъ, но крестьяне учредили строгій караулъ вокругъ селенія и никого не пропускали; кромѣ того, ими учреждены были и конные разъѣзды, обязанные ловить всякаго, кто прорветъ караульную цѣпь. Разстояніе отъ села Омаръ до города Мамадыша 25 верстъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Между тѣмъ наступили свѣтлыя, майскія сумерки. Окружавшая насъ толпа не убывала, одни уходили, другіе приходили, появилось много пріѣзжихъ изъ дальнихъ деревень, верхомъ и въ телѣгахъ. Вновь прибывшіе протискивались сквозь толпу и пристально разсматривали насъ, съ головы до ногъ; большинство, насытившись созерцаніемъ нашихъ особъ, разражалось проклятіями и ругательствами, грозило палками и кулаками, плевало въ лицо, но были и такіе, которые съ состраданіемъ смотрѣли на насъ и уходили прочь съ глубокимъ вздохомъ, какъ бы выражая этимъ безсиліе помочь намъ при всемъ своемъ искреннемъ желаніи. Многіе обращались къ намъ съ вопросами, кто мы, откуда, сколько получили за поджогъ, сколько заплатили старшинѣ и т. п. Мы не отвѣчали уже на эти вопросы, сознавая совершенную безполезность какихъ бы то не было оправданій. Крестьяне въ особенности упирали на то, что мы высадились на берегъ Камы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ пристани и никто никогда не высаживается и, кромѣ того, что мы ѣхали на пароходѣ неизвѣстнаго имъ общества. Къ несчастью, пароходы общества «Кавказъ и Меркурій» дѣйствительно впервые въ этомъ году открыли рейсы по Камѣ, а что касается перваго обвинительнаго пункта, то онъ былъ безусловно справедливъ, такъ какъ капитанъ «Лоцмана» въ началѣ рѣшительно отказался насъ высадить и уступилъ съ трудомъ лишь послѣ самыхъ настоятельныхъ просьбъ.

Не смотря, однако, на крайне возбужденное состояніе крестьянъ, на ихъ угрозы и ругательства и на увѣренность, что мы дѣйствительно поджигатели, подосланные англичанами, они не прибѣгали болѣе къ насилію и истязаніямъ. Партія «умѣренныхъ» снова восторжествовала; мы видѣли, какъ наиболѣе буйныхъ и кровожадныхъ крестьяне силой удерживали, не допуская къ намъ близко. Пользуясь такимъ настроеніемъ толпы, я рѣшился обратиться съ просьбой, чтобы послали скорѣе въ городъ и дали знать начальству. На эту просьбу послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

— Всѣ вы за одно... мы васъ прямо царю представимъ.

Другіе прибавили:

— Какъ міръ положитъ, такъ и будетъ.

Ясно было, что немедленная расправа намъ не угрожаетъ и что участь наша будетъ обсуждаться міромъ. Мы немного успокоились, на сколько вообще возможно было успокоиться при испытываемыхъ страданіяхъ отъ страшной, мучительной жажды. Наши страданія сдѣлались столь ужасными, что должны были тронуть, казалось, не только человѣческое сердце, но и дикаго, разъяреннаго звѣря! Дѣйствительно, нѣкоторые крестьяне пытались принести намъ воды, но ихъ не допускали и опрокидывали ведра; одна женщина, оглашая воздухъ отчаянными воплями, старалась

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пробиться къ намъ съ кружкой воды, но ударъ по головѣ свалилъ ее съ ногъ.

Когда совсѣмъ смерклось, насъ развязали и повели на ночь въ одну изъ уцѣлѣвшихъ избъ; оба служителя остались при вещахъ, чтобы, какъ объявили крестьяне, мы не могли потомъ жаловаться, что у насъ что-либо украдено. Эта предусмотрительность ясно показывала, что реакція дѣлаетъ быстрые успѣхи. Хозяинъ избы, въ которой намъ предстояло провести ночь, встрѣтилъ насъ очень враждебно, ни за что не хотѣлъ впускать и даже вступилъ въ драку съ нашими конвойными, но въ концѣ концовъ долженъ былъ покориться силѣ. Какъ только мы размѣстились въ избѣ, къ великой радости нашей, намъ принесли вдоволь воды, такъ что мы могли и утолить жажду и обмыть раны, въ чемъ особенно нуждался несчастный Б—въ. Изъ поспѣшности, съ которой намъ подали теперь воду, слѣдовало заключить, что мы находимся исключительно во власти «умѣренныхъ», которые тамъ, при народѣ, не рѣшались оказать намъ самомалѣйшее снисхожденіе, чтобы не вызвать снова улегшіеся было кровожадные инстикты толпы. Тѣмъ не менѣе насъ не надолго оставили въ покоѣ. Около полуночи намъ приказали встать, снова связали руки и посадили всѣхъ рядышкомъ на скамьѣ, лицомъ къ выходу. Человѣкъ десять крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, остались караулить въ избѣ и столько же на улицѣ и на дворѣ, около оконъ. Караульные смѣнялись акуратно черезъ правильные промежутки времени.

На разсвѣтѣ, когда дремота одолѣла нашихъ караульныхъ и мы сами стали забываться, приклонившись другъ къ другу, дверь неслышно отворилась и вошла женщина, неся въ одной рукѣ большую миску съ квасомъ, а въ другой цѣлый хлѣбъ и соль. Поставивъ то и другое на столъ, она помолилась на образъ, низко, пренизко поклонилась намъ до земли и со слезами въ голосѣ произнесла:

— Бѣдные, несчастные, что они съ вами сдѣлали!.. Покушайте, попейте, Богъ васъ не оставитъ...

Она нарѣзала хлѣбъ, посыпала солью и стала съ материнскою нѣжностью кормить и поить насъ, такъ какъ мы не могли шевелить руками.

Караульные молча глядѣли на эту сцену.

Невыразимо радостное чувство охватило насъ, при видѣ этой простой женщины, которая забывъ страхъ и опасность, повинуясь единственно влеченію сердца, тайкомъ пробралась къ намъ сказать слово утѣшенія и подѣлиться кускомъ хлѣба! Святая женщина! Образъ ея, навѣрное, запечатлѣлся въ каждомъ изъ насъ навсегда.

Когда наступилъ день, положеніе наше значительно ухудшилось. Толпа крестьянъ ворвалась въ избу, требуя нашей выдачи,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобы тотчасъ учинить судъ и расправу. Теперь все спасеніе наше зависѣло отъ караульныхъ: они выстроились въ одинъ рядъ, впереди насъ, имѣя, повидимому, рѣшительное намѣреніе отражать натиски толпы. Мы съ замираніемъ сердца слѣдили за происходившей борьбой, то содрагаясь отъ ужаса, когда толпа, казалось, одерживала верхъ, то вздыхая съ облегченіемъ, когда караульнымъ удавалось оттѣснить ее къ дверямъ. Были минуты, когда мы уже мысленно прощались съ жизнью, когда раздраженная сопротивленіемъ толпа, казалось, вотъ-вотъ сомнетъ и раздавитъ насъ. Я и до сихъ поръ не могу понять, какъ мы избѣгли смерти и увѣчій... Черезъ головы караульныхъ бросали въ насъ палками, деревянными обрубками, разной посудой и даже камнями, но, по счастливой случайности, не получилъ никто изъ насъ серьезныхъ ушибовъ. Такія же сцены имѣли мѣсто и внѣ избы, гдѣ толпа старалась разрушить домъ, въ которомъ мы находились, и даже поджечь его. Одинъ здоровенный пьяный мужикъ, раздраженный караульными, не подпускавшими его близко къ избѣ, схватилъ огромную жердь и со всей силой ударилъ заостреннымъ концомъ ея въ окно. Рама разлетѣлась въ дребезги и сидѣвшій у этого окна П—въ чудомъ спасся отъ неминуемой гибели, благодаря лишь тому, что въ эту самую секунду наклонился къ своему сосѣду, который обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. И такое мучительное состояніе, между отчаяніемъ и надеждой, между жизнью и смертью, продолжалось не менѣе шести часовъ сряду!

Въ это время произошелъ еще слѣдующій эпизодъ. Крестьяне ввели въ избу съ необыкновенною торжественностью стараго отставного солдата, пользовавшагося, повидимому, большимъ авторитетомъ и потребовали, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе, дѣйствительно ли мы русскіе офицеры? Старый солдатъ внимательно осмотрѣлъ каждаго изъ насъ по очереди и, покачавъ сомнительно головою, произнесъ:

— Нѣтъ, должно быть не офицеры, да и лица у нихъ не русскія. Его, какъ стараго служиваго, сильно смутила наша молодость, безбородыя лица и болѣе всего наши головные уборы—кепи, недавно лишь введенныя въ войскахъ. Я думаю, что кепи была главной причиной непризнанія насъ за русскихъ офицеровъ.

Къ несчастью, утромъ поднялся снова вѣтеръ со стороны пожарища и явилась опасность, что огонь перекинетъ на церковь и на немногіе уцѣлѣвшія крестьянскія избы. Возбужденіе толпы росло съ каждой минутой. Наши караульные обнаруживали все меньше и меньше энергіи и приближался, казалось, моментъ, когда они оставятъ свой постъ и разъяренный народъ растерзаетъ насъ. Новая толпа крестьянъ ворвалась въ избу, крича, что міръ сейчасъ судить насъ будетъ, но если вспыхнетъ сегодня пожаръ, то насъ бросятъ въ огонь безъ всякаго суда. Нѣкоторые удовлетворились

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этимъ рѣшеніемъ міра, но большинство требовало немедленной расправы и предложило сжечь насъ вмѣстѣ съ избой, въ которой мы находимся. Послѣднее предложеніе было принято съ восторгомъ и многіе бросились за соломой и стружками, которыя оказались уже на-готовѣ. Но хозяинъ избы, услыхавъ, что хотятъ поджечь ее, поднялъ ужасный шумъ, сторону его приняли наши караульные, всѣ не погорѣвшіе крестьяне и всѣ вообще «умѣренные», и обѣ стороны готовились вступить въ ожесточенную свалку, отъ исхода которой зависѣла наша жизнь. Наши нервы достигли крайней степени напряженія. Гулъ толпы доносился и съ улицы, гдѣ происходили тѣ же сцены, какъ и въ избѣ, но въ большихъ еще размѣрахъ.

Вдругъ между крестьянами произошло какое-то странное движеніе и постепенно начала воцаряться загадочная тишина. Гдѣ-то вдали раздавался чуть слышный, но тѣмъ не менѣе отчетливый звукъ колокольчиковъ. Всѣ находящіеся въ избѣ крестьяне, за исключеніемъ караульныхъ, поспѣшно бросились къ выходу. Звукъ колокольчиковъ становился все громче, все ближе. У насъ замерло сердце отъ радостнаго ожиданія... Неужели наступилъ конецъ нашимъ мученіямъ?... Неужели мы спасены?... Вотъ явственно слышится уже грохотъ колесъ и бѣшенный звонъ многихъ колокольчиковъ, который моментально замеръ у оконъ. Мы всѣ разомъ повернулись и прежде всего увидѣли запыленныя лица казаковъ, быстро соскакивавшихъ съ повозокъ. Какъ одинъ человѣкъ, мы громко, во всеуслышаніе, перекрестились и вдругъ засмѣялись какимъ-то глухимъ, безсмысленнымъ смѣхомъ и залились слезами...

Человѣкъ восемь казаковъ вошли въ избу и остановились у дверей; вслѣдъ за ними вошелъ офицеръ въ полной парадной формѣ и въ орденахъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ и трехъ гражданскихъ чиновниковъ. Офицеръ быстро приблизился къ намъ и, окинувъ взглядомъ наши изувѣченныя лица и связанныя руки, остановился на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ.

Мы въ нѣсколькихъ словахъ объяснили, что съ нами случилось.

Онъ ничего не отвѣчалъ и, блѣдный, какъ смерть, продолжалъ стоять неподвижно, видимо, не зная, что̀ предпринять, на что̀ рѣшиться.

— Господа,—проговорилъ онъ, наконецъ, взволнованнымъ, прерывистымъ голосомъ, — я ничего не зналъ... я пріѣхалъ сюда по дошедшимъ въ городъ слухамъ, что крестьяне поймали дѣйствительныхъ поджигателей... Со мной очень мало казаковъ... я долженъ быть очень остороженъ... прошу васъ подождать, пока, ради успокоенія крестьянъ, я осмотрю ваши вещи.

Затѣмъ, не слушая никакихъ возраженій, онъ повернулся къ намъ спиной и, давъ знакъ сопровождавшимъ его чиновникамъ, жандармамъ и солдатамъ слѣдовать за нимъ, направился къ выходу. Мы стали кричать, умолять, чтобы онъ оставилъ хотя нѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сколькихъ казаковъ для нашей защиты, но мольбы наши были тщетны, и мы снова очутились въ прежнемъ положеніи, единственно подъ охраною караульныхъ.

Пріѣхавшій офицеръ былъ капитанъ корпуса жандармовъ, Демидовъ, находившійся въ командировкѣ въ г. Мамадышѣ, по дѣлу о пожарѣ недавно истребившемъ этотъ городъ. Ни одинъ изъ отправленныхъ нарочныхъ, съ извѣстіемъ о нашемъ задержаніи, не попалъ въ городъ, такъ какъ крестьяне держали самый строгій караулъ. О томъ, что сгорѣло село Омары въ Мамадышѣ, конечно, было извѣстно, ибо видно было и зарево; кромѣ того, распространились неопредѣленные слухи, что крестьяне поймали какую-то шайку поджигателей. Исключительно на основаніи этихъ слуховъ капитанъ Демидовъ и отправился на мѣсто, захвативъ съ собою на всякій случай двухъ жандармовъ и восемь казаковъ; съ нимъ вмѣстѣ отправился также исправникъ, становой приставъ и окружный начальникъ. Но никому, разумѣется, изъ означенныхъ лицъ не приходило въ голову, что имъ придется спасать ни въ чемъ неповинныхъ офицеровъ изъ рукъ разъяреннаго народа и быть можетъ понадобится военная сила. Этимъ обстоятельствомъ объясняется крайняя осторожность капитана Демидова, которую въ то время мы не могли понять и обвинили его въ позорной трусости.

Осмотръ вещей продолжался не болѣе получаса, но время это показалось намъ цѣлою вѣчностью. Наконецъ, всѣ власти, жандармы и казаки вернулись обратно и тотчасъ освободили насъ отъ веревокъ; въ первый разъ, послѣ 24-хъ часовой физической и нравственной пытки, мы вздохнули съ облегченіемъ полною грудью. Демидовъ предложилъ выйти всѣмъ въ поле, гдѣ сложены были наши вещи и тамъ подождать подводъ, которыя имъ уже заказаны и которыя доставятъ насъ въ Мамадышъ. Мы тронулись въ путь, окруженные казаками и сопровождаемые громадной толпой крестьянъ, которые съ самаго пріѣзда властей хранили полное безмолвіе, но въ этомъ безмолвіи заключалось что-то зловѣщее. Багажъ нашъ оказался приведеннымъ въ кое-какой порядокъ нашими служителями, которые провели ночь въ такомъ же, какъ и мы, страхѣ, но истязаніямъ не подвергались; приставленные къ нимъ караульные освободили ихъ даже отъ веревокъ и ограничились лишь тѣмъ, что всю ночь стояли надъ ними съ нашими обнаженными саблями въ рукахъ.

Между тѣмъ, какъ мы собрались, съ капитаномъ Демидовымъ во главѣ, на маленькой площадкѣ, на которой сложены были наши вещи, толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ постепенно начала окружать насъ со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, совершенно окружила желѣзнымъ кольцомъ. Гражданскія власти такъ растерялись, что не подавали признака жизни. Казаки, судорожно сжимая на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гайки и шашки, все больше и больше пятились назадъ, такъ что нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и капитанъ Демидовъ, чтобы не быть смятыми этимъ живымъ кольцомъ, вынуждены были взобраться на груду чемодановъ. Подобно раскату грома, въ толпѣ пронесся глухой ропотъ, сотни рукъ поднялись съ угрожающими жестами и къ намъ явственно долетали слова: «всѣ вы за одно... всѣхъ васъ въ огонь!» Положеніе становилось въ высшей степени критическимъ: малѣйшая неосторожность, малѣйшая слабость и кровавая драма готова была разыграться въ то же мгновеніе.

Къ счастью для всѣхъ насъ и для этой многотысячной толпы, капитанъ Демидовъ не потерялъ присутствіе духа. Выхвативъ шашку изъ ноженъ онъ закричалъ громовымъ голосомъ:

— Смирно! Каждаго, кто на волосъ еще подвинется впередъ, бить нагайками, рубить шашками. Именемъ Его Императорскаго Величества приказываю вамъ повиноваться! Государь Императоръ не поблагодаритъ васъ за ослушаніе... Кайтесь и просите прощенія!..

Звучный, властный голосъ этого офицера, блескъ военнаго мундира, озареннаго яркими лучами солнца, наконецъ, священное имя Государя Императора,—все это произвело потрясающее впечатлѣніе. Казацкія шашки сверкнули въ воздухѣ и стоявшіе въ переднихъ рядахъ инстинктивно подались назадъ, разомкнувъ сдавливающее насъ живое кольцо. Еще секунда... толпа какъ будто оставалась въ нерѣшимости... но затѣмъ стала медленно отступать во всѣ стороны, словно морская волна, которая, достигнувъ предѣльной высоты, начинаетъ опускаться, повинуясь несокрушимой силѣ тяготѣнія. Въ то же время начала образовываться другая, новая толпа, которая приближалась къ намъ, слѣдуя навстрѣчу отступавшей людской волнѣ, повидимому, съ мирными намѣреніями. Толпа эта, сравнительно небольшая числомъ, но состоящая исключительно изъ стариковъ, подойдя на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, обнажила сѣдыя головы и, съ какой-то тупой безпомощностью и покорностью, упала передъ нами на колѣни.

Невозможно выразить чувство, охватившее меня при видѣ этой колѣнопреклоненной толпы стариковъ. И стыдъ отъ перенесенныхъ обидъ и жажда мести за звѣрскія истязанія, ничѣмъ не вызванныя, ничѣмъ не оправдываемыя,—все это ушло куда-то въ глубь, заглохло въ тайныхъ извилинахъ сердца, осталось одно лишь опредѣленное чувство, чувство невыразимой жалости къ этой человѣческой массѣ, ибо истинно она не вѣдала, что творила!..

Законъ восторжествовалъ!

Въ ту же минуту, словно изъ-подъ земли, явились старшина, писарь и прочія сельскія власти и энергически приступили къ отправленію своихъ обязанностей. Подводы были поданы немедленно, въ количествѣ далеко превышающемъ дѣйствительную потребность: мѣстныя власти желали этимъ доказать свое усердіе и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

смягчить отвѣтственность «за бездѣйствіе». Мы не забыли женщину, которая утолила нашъ голодъ и жажду и принесли ей торжественно сердечную благодарность; кромѣ того, мы дали ей денегъ сколько могли, къ сожалѣнію, очень немного, такъ какъ всѣ почти деньги наши исчезли. Всего пропало около 3 тысячъ рублей, считая въ этомъ числѣ и казенныя суммы, находившіяся у старшаго таксатора П—ва. У меня лишь одного карманныя деньги уцѣлѣли, благодаря тому, что лежали въ боковомъ карманѣ кителя, а не въ сумкѣ, какъ у прочихъ моихъ товарищей; сумки же наши всѣ безъ исключенія оказались похищенными.

Капитанъ Демидовъ, не довѣряя вполнѣ покорности крестьянъ, торопилъ отъѣздомъ. Мы сѣли въ телѣги и, мимо дымящагося пожарища, направились по дорогѣ въ Мамадышъ. По обѣ стороны ея виднѣлся лагерь погорѣльцевъ, раскинутый на обширномъ пространствѣ; крестьяне, расположившись группами вдоль дороги, провожали насъ мрачнымъ взглядомъ и не многіе изъ нихъ снимали шапки; угрозы и ругательства посылались намъ вдогонку и враждебный гулъ толпы увеличивался по мѣрѣ того, какъ мы отъ нея удалялись. Лошади неслись вскачь, понуждаемыя нагайками казаковъ и, наконецъ, мы выбрались за черту бивуаковъ и въѣхали въ лѣсъ. Всякая опасность миновала!.. Мы еще разъ оглянулись на крестъ омарской церкви и, быть можетъ, впервые, въ теченіе своей короткой жизни, вознесли искреннее, отъ глубины сердца, благодареніе Богу... Во власти крестьянъ, между жизнью и смертью, мы пробыли ровно 22 часа!

Городъ Мамадышъ сгорѣлъ до тла недѣли двѣ тому назадъ. Уцѣлѣло лишь одно казенное каменное зданіе, въ которомъ помѣщаются присутственныя мѣста, да еще, какимъ-то чудомъ, уцѣлѣлъ домъ, занимаемый уѣзднымъ стряпчимъ и его семействомъ; въ этомъ послѣднемъ мы нашли пріютъ и самое сердечное гостепріимство. Вся квартира почтеннаго стряпчаго превращена была въ лазаретъ; явились врачи, фельдшера, началась промывка и перевязка ранъ, вытребованы всѣ имѣющіяся въ городѣ піявки, но ихъ все-таки оказалось недостаточно и менѣе пострадавшіе, великодушно уступили свою «порцію» болѣе слабымъ. Таковыхъ, къ счастью, было лишь двое: П—въ и Б—въ. Первый въ этомъ же году умеръ, а второй—остался калѣкой на всю жизнь. Конечно, намъ всѣмъ, порядкомъ досталось, но молодыя натуры наши легко все вынесли и мѣсяца черезъ два мы окончательно поправились; осталось только нервное возбужденіе, въ особенности при видѣ пожара, который во мнѣ, напримѣръ, до сихъ поръ вызываетъ судорожный трепетъ.

Пробывъ три или четыре дня въ Мамадышѣ, мы, подъ конвоемъ тѣхъ же уральскихъ казаковъ, которые спасли насъ отъ жестокой расправы крестьянъ, отправились на ближайшую паро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ходную пристань (Соколки), съ тѣмъ, чтобы ѣхать обратно въ Казань для окончательнаго излеченія. Насъ принялъ на свой бортъ тотъ же самый пароходъ «Лоцманъ», который высадилъ насъ на мѣсто катастрофы и теперь возвращался обратно изъ Перми.

«Омарское дѣло» произвело въ свое время большую сенсацію, хотя не проникло въ русскія газеты, по тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ; въ заграничной же печати объ этомъ событіи появились совершенно фантастическія извѣстія. Само собою разумѣется, наистрожайшее слѣдствіе началось немедленно, но не открыло ни политическихъ, ни соціалистическихъ нитей. Въ обществѣ почему-то вкоренилось глубокое убѣжденіе, что катастрафа произошла оттого, что мы говорили между собою по-польски и крестьяне приняли насъ за поляковъ. Но между нами было только двое уроженцевъ западныхъ губерній, и по-польски бесѣдовать они не могли, такъ какъ въ моментъ задержанія находились въ разныхъ партіяхъ; крестьянами также слово «полякъ» ни разу не было произнесено. Они называли насъ нехристами, бусурманами, даже англичанами, но о полякахъ, — повторяю, не было и рѣчи. По моему мнѣнію, объясненіе этой печальной катастрофы слѣдуетъ искать въ причинахъ болѣе общихъ. Повсемѣстное, сильное возбужденіе умовъ, вызванное недавними крестьянскими смутами, въ особенности кровавой драмой въ сосѣднемъ Спасскомъ уѣздѣ, полнѣйшее недовѣріе крестьянъ къ мѣстнымъ властямъ, къ ихъ честности и справедливости, наконецъ, горе и отчаяніе, вслѣдствіе потери всего своего достоянія, — вотъ эти общія и единственныя причины. Ближайшій же поводъ состоялъ въ томъ, что мы очутились внезапно въ пылающемъ селеніи при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ и что уѣздныя власти не распорядились своевременно объявить крестьянамъ о командированіи для устройства ихъ лѣсовъ особой таксаціонной партіи.

Осенью, того же года, всѣ жертвы описанной выше катастрофы, собрались снова въ село Омары, по вызову судебнаго слѣдователя. Слѣдствіе велось крайне энергично, масса крестьянъ засажена была въ тюрьму, но найти зачинщиковъ не было никакой возможности, а соучастниками преступленія являлись всѣ поголовно. Намъ предъявили всѣхъ заподозрѣнныхъ крестьянъ, но никто изъ насъ не смѣлъ взять на свою совѣсть и сказать положительно, что тотъ или другой принималъ непосредственное участіе въ истязаніяхъ. Тѣмъ не менѣе, судебный слѣдователь намѣтилъ главныхъ виновниковъ и всѣми силами старался добыть противъ нихъ улики, хотя таковыхъ не находилось; злые языки утверждали, что обвиняемыми оказались почти исключительно наиболѣе состоятельные крестьяне... Слѣдствіе тянулось многіе годы, масса крестьянъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

перебывала въ тюрьмахъ и острогахъ, многіе изъ нихъ тамъ и покончили свое земное существованіе, но въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, «дѣло» кончилось ничѣмъ и передано было «сужденію и волѣ Божіей». Но если правосудіе и не получило формальнаго удовлетворенія, въ лицѣ главныхъ виновниковъ, за то всѣ безъ исключенія омарскіе крестьяне получили за свое невѣжество и увлеченіе жестокое возмездіе, въ видѣ продолжительнаго слѣдствія, которое велось по всѣмъ правиламъ и традиціямъ стараго порядка, а каковъ былъ этотъ порядокъ—извѣстно каждому. Достаточно сказать, что намъ, напримѣръ, возвратили похищенныя деньги тотчасъ же по пріѣздѣ въ Казань, единственно на основаніи нашихъ личныхъ заявленій, никѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ; эти деньги взысканы были съ погорѣльцевъ укорченно-административнымъ порядкомъ, какъ взыскивается контрибуція въ завоеванной странѣ!..

Я живо помню, какъ во второй мой пріѣздъ въ Омары, въ роли обвинителя, одинъ почтенный дряхлый старикъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами, которыми вѣрнѣе всего поясняется характеръ совершеннаго крестьянами преступленія.

— Прости насъ, ваше благородіе, мы люди совсѣмъ темные, лукавый насъ попуталъ... Это Господь Богъ наказать насъ хотѣлъ, за грѣхи наши тяжкіе...

Мы имъ давно простили... Мы не могли забыть лишь, что такой жестокій ударъ поразилъ насъ при первомъ же вступленіи на общественное поприще, что всѣ наши благія намѣренія, всѣ лучшія стремленія, всѣ мечты, надежды, помыслы о безкорыстномъ, святомъ служеніи народу — такъ безжалостно были поруганы и разбиты при первой встрѣчѣ съ дѣйствительной жизнью.

П. Жудра.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПО ЮЖНО-УССУРІЙСКОМУ КРАЮ.

I.

ЂЛО ШЛО уже къ осени, когда я длиннымъ путемъ вокругъ Азіи прибылъ во Владивостокъ — столицу Южно-Уссурійскаго края. Полутора-мѣсячный морской переходъ, бури, непогоды и морское томленіе, порядочно понаскучили, и всѣ мы, даже послѣ картинъ роскошной тропической природы, привѣтствовали Владивостокъ, какъ уголокъ великой Россіи, смотрящейся отсюда въ безконечный Тихій океанъ. Какъ ни хороши картины юга, какъ не волшебны пальмовые лѣса Цейлона и Малакки и какъ ни причудливы берега Китая, Японіи и Кореи, заливъ Петра Великаго, бухта Золотого Рога, а зеленѣющіеся холмы Владивостока говорили больше русскому сердцу и уму. Привѣтливо встрѣчали насъ красивые берега великолѣпной бухты, гдѣ могутъ вмѣститься чуть не всѣ флоты земнаго шара, нарядно выглядывалъ на склонѣ зеленыхъ холмовъ и самый городъ, раскинувшійся почти на 5 верстъ по берегамъ Золотого Рога; еще привѣтливѣе встрѣчали насъ русскіе люди, которымъ дорогъ всякій землякъ, заходящій къ нимъ изъ далекой, кондовой Россіи.

«Властитель Востока», какъ и другой городъ, построенный на противуположной оконечности Азіи — «Властитель Кавказа» самымъ именемъ своимъ показываетъ ту политическую важность, которую онъ имѣетъ для насъ на крайнемъ Востокѣ, почти отрѣзанномъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отъ остальной Россіи. Громкія имена Босфора, Золотого Рога, Патрокла и Діомида, которыми окрещены воды, омывающія подножіе Владивостока, и несомнѣнное политическое, какъ и экономическое, значеніе этого города, не разъ подавали иностранцамъ поводъ думать, что этому послѣднему русскими предназначается роль второго Константинополя на крайнемъ Востокѣ. «Властитель Востока» въ 1880 г. въ періодъ нашихъ политическихъ недоразумѣній съ Китаемъ показалъ себя въ самомъ дѣлѣ достойнымъ громкаго имени и, сдѣлавшись тогда опорою могущественной русской эскадры, далъ Россіи перевѣсъ даже надъ Великобританіей на прибрежьяхъ Тихаго океана. За десять лѣтъ, прошедшихъ съ той поры, еще болѣе увеличился и укрѣпился Владивостокъ. Еще недавно представлявшій, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, видъ военнаго лагеря, онъ сталъ настоящею столицею всего Пріамурскаго края, передъ которою меркнетъ и официальная столица, носящая имя перваго русскаго піонера на Амурѣ—Хабарова. Съ 30-го августа 1887 г. Владивостокъ пересталъ быть городомъ и превратился въ довольно сильную крѣпость, которая предназначена оберегать интересы Россіи на крайнемъ Востокѣ, защищать весь Южно-Уссурійскій край отъ поползновеній Китая и служить военнымъ портомъ для нашихъ судовъ, плавающихъ въ Великомъ океанѣ. «Властитель Востока» надѣется въ скоромъ времени сдѣлаться конечною станціею желѣзной дороги, которая, пройдя отъ береговъ Тихаго океана, опояшетъ весь Старый Свѣтъ и свяжетъ оба океана черезъ необозримыя пустыни Сибири. Пока же рельсовый путь находится еще только на бумагѣ, и попрежнему по великому Сибирскому тракту отъ Урала до береговъ Великаго океана не паровозъ, а удалые сибирскіе кони везутъ многія тысячи людей...

Не долго я прожилъ во Владивостокѣ; изъ города меня потянуло скоро въ глушь и дебри далеко еще неизвѣданнаго края, который манитъ своими природными богатствами цѣлыя тысячи переселенцевъ изъ глубины кондовой Россіи. Много лѣтъ уже слышится во многихъ уголкахъ святой Руси захватывающій кличъ—«на Амуръ», и этотъ кличъ будитъ въ душѣ многихъ тысячъ русскихъ людей еще не замершій въ нихъ совершенно духъ бродяжничества и переселенія; большинство, однако, къ счастію, противустоитъ обурѣвающей ихъ страсти, но не мало находится на Руси такихъ забубенныхъ головушекъ, которые приносятъ все въ жертву своей пробудившейся страсти и идутъ на далекій Амуръ. Что манитъ ихъ туда, чего ждутъ они отъ этого сказочнаго для нихъ края, на что надѣются эти тысячи ежегодныхъ переселенцевъ, отправляющихся и сухопутнымъ, и морскимъ путемъ въ Южно-Уссурійскій край, — я сказать не берусь, потому что слишкомъ мало вѣрнаго и опредѣленнаго соединяется въ умѣ каждаго пере-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

селенца съ этимъ сказочнымъ именемъ «Амуръ». Какъ перелетную пташку въ ненастное осеннее время такъ и тянетъ въ таинственный далекій Вирей—къ солнцу, теплу и югу, точно такъ роковыя имена «Сибирь» и «Амуръ» тянутъ русскаго мужика изъ болотъ Пріильменья, верховьевъ Волги, хлѣбородной полосы, даже Перми и казачины, куда-то на край крещеннаго свѣта. Спросите любого переселенца, даже не изъ тѣхъ, которыхъ роковая нужда гонитъ за кускомъ хлѣба на переселеніе куда бы то ни было, а изъ той категоріи добровольныхъ эмигрантовъ, которая проявилась рельефнѣе за послѣднее время, за чѣмъ ѣдетъ онъ на далекій Амуръ и что такое самый Амуръ.—Вы получите всегда отвѣтъ оптимиста. «Амуръ—страна вольная, богатая, хлѣбородная, всего тамъ много, что Сибирь — золотое дно. Земли сколько хочешь, лѣсъ строевой, рѣки рыбныя, оброчины никакой»... Все, что можетъ представить себѣ привольнаго умъ русскаго мужика — все соединяется въ его умѣ съ однимъ звучнымъ именемъ «Амуръ». Попробуйте разувѣрить переселенца, попробуйте сказать истину, — быть можетъ, вы его огорчите, но едва ли перемѣните его убѣжденіе. Слишкомъ сильна и слѣпа эта вѣра въ райскія прелести Амура, слишкомъ заманчива для русскаго человѣка сладкая перспектива—побродить по свѣту и поискать за тридевять земель себѣ счастія, котораго онъ не могъ найти у себя дома... Не «Амуръ» самый и не райскія прелести его въ самомъ дѣлѣ имѣютъ такую притягательную силу, чтобы осѣдлый землепашецъ бросилъ все, продалъ и землю, и домъ, покинулъ бы земляковъ и могилы родныхъ и отцовъ и пошелъ съ своею семьею съ грошами за пазухой искать себѣ счастье за моря... Тянетъ русскаго человѣка на край крещеннаго свѣта та же неудержимая сила, которая толкала его съ верховьевъ Волги, Дона и Днѣпра въ Біармію, къ подножію Кавказскихъ горъ, въ пустыни Туркестана, въ необозримыя тундры Сибири и къ берегамъ Великаго океана. Та сила не есть еще результатъ экономическаго роста народа, который вызываетъ потребность эмиграціи, а остатокъ еще не перебродившихъ силъ русскаго народа, давшихъ нашей исторіи ушкуйниковъ, казаковъ и прочихъ голутвенныхъ людей.

На Амуръ—этотъ таинственный Вирей современнаго русскаго народа меня тянуло также давно, не столько для того, чтобы присмотрѣться къ экономическимъ и политическимъ условіямъ края, сколько для того, чтобы побродить по его глухой тайгѣ, гдѣ соединяются флоры Сибири, Китая, Японіи и Америки, и гдѣ рядомъ съ огромнымъ чернымъ медвѣдемъ бродитъ великолѣпный тигръ, не уступающій въ ростѣ и красотѣ своему бенгальскому родичу. Огромная территорія, занятая Амуромъ и его богаторазвѣтвленною системою, совмѣщающая самые разнообразные типы поверхности, флоры и фауны, всего лучше и богаче выразилась въ не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

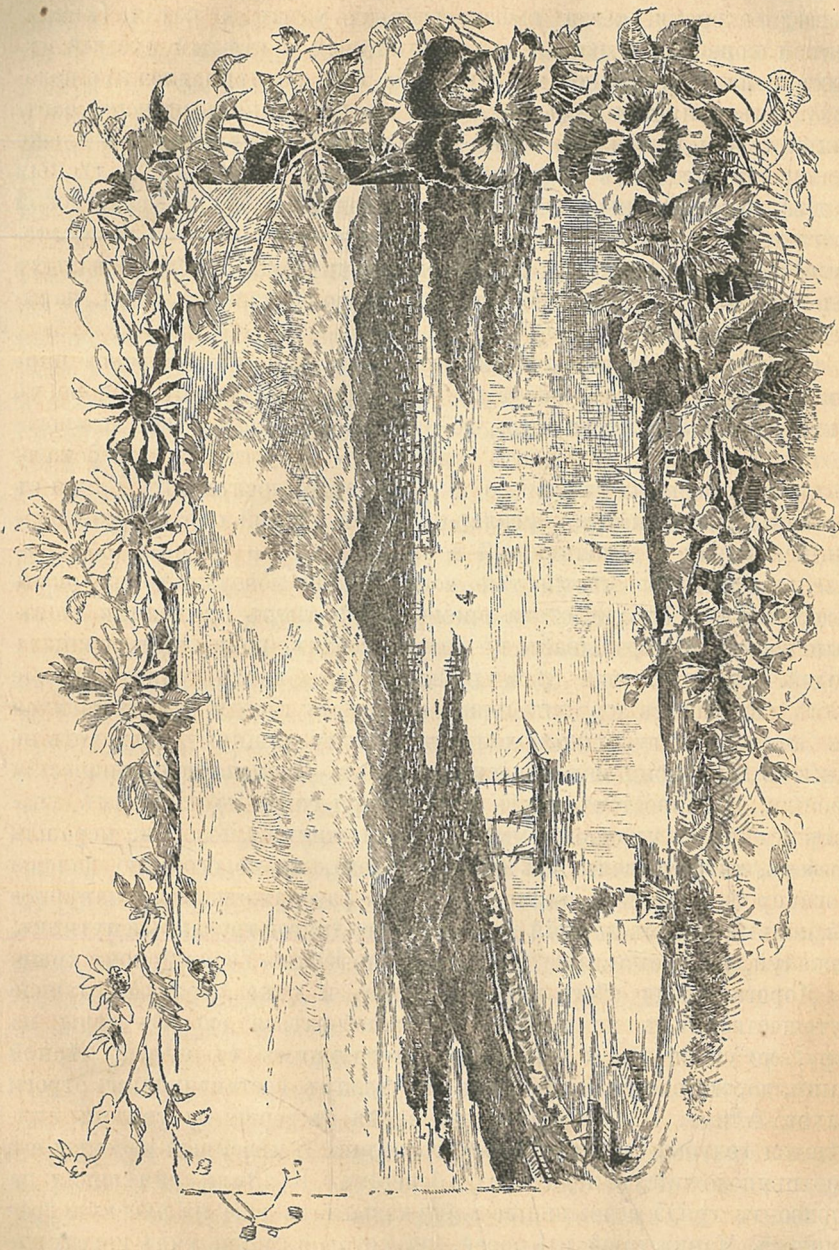
большомъ клочкѣ земли, лежащемъ между Уссури, озеромъ Ханкой, китайскою границею и берегами Великаго океана и называемымъ Южно-Уссурійскимъ краемъ или Русскою Манчжуріею. Здѣсь заповѣдная страна тигра, краснаго оленя, тибетскаго медвѣдя, козули, фазана и знаменитаго «корня жизни» китайцевъ— женьшеня. Утомленный долгимъ морскимъ переходомъ, я и спѣшилъ изъ Владивостока поскорѣе взглянуть на эту интересную во всѣхъ отношеніяхъ страну.

Быстро гналъ свою удалую тройку мой возница по крутымъ уваламъ и спускамъ, начавшимся тотчасъ же за Владивостокомъ. Хотя первый перегонъ отъ города и идетъ не по материку, а по Амурскому полуострову, но общій характеръ всего края уже выражается хорошо, такъ что достаточно сдѣлать одну станцію, чтобы имѣть поверхностное понятіе о природѣ всего Южно-Уссурійскаго края.

Представляя въ общемъ, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, альпійскую горную страну, весь край покрытъ массивами большей или меньшей величины, почти повсюду одѣтыми дѣвственными лѣсами. Мѣстами эти горные массивы образуютъ значительныя цѣпи; вершины по горамъ и перевалы представляютъ особенно глухую тайгу; многочисленныя горныя рѣчки, текущія съ одной стороны въ систему Амура, а съ другой въ Японское море, прорѣзываютъ въ разныхъ направленіяхъ эти массивы, образуя мѣстами дикія ущелья и тѣснины, служащія хорошимъ притономъ для многочисленныхъ дикихъ звѣрей. Между параллельными рядами горныхъ уваловъ эти рѣки образуютъ долины большей или меньшей величины, на которыхъ главнымъ образомъ и ютится почти все осѣдлое населеніе края; въ этихъ долинахъ также, какъ и въ степной полосѣ возлѣ озера Ханка, и расположены почти всѣ русскія поселенія, составляющія колоніи переселенцевъ, пришедшихъ по большей части изъ центральныхъ губерній Россіи; между ними мѣстами разсѣяны также поселенія корейцевъ и фанзы осѣдлыхъ китайскихъ манзъ. Эти узкія рѣчныя долинки, не занимающія и двадцатой части края, и составляютъ пока то манящее Эльдорадо, ради котораго какой-нибудь черниговскій или полтавскій мужикъ бросаетъ свой клочекъ земли, свою родину и идетъ съ своею семью за тридевять земель, приманиваемый тою сотнею пахатныхъ десятинъ, которыя обѣщаны каждому колонисту Южно-Уссурійскаго края.

Внѣ этихъ узкихъ рѣчныхъ долинъ, весь край, какъ мы сказали, покрытъ почти дѣвственными лѣсами, мѣстами переходящими въ такую не проницаемую тайгу, что даже смѣлые охотники не рѣшаются туда проходить. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ, занятомъ зеленою стихіею, царитъ уже звѣрь, а не человѣкъ; тигръ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Общій видъ Владивостока и его порта.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и медвѣдь являются настоящими царями Южно-Уссурійской тайги' владычество которыхъ человѣкъ сталъ оспоривать лишь въ самое послѣднее время, когда вмѣсто робкихъ манзъ и каули (китайцевъ и корейцевъ) явился предпріимчивый и смѣлый русскій мужикъ и казакъ. Лѣсное царство пока еще не принадлежитъ человѣку; онъ является тамъ пока еще гостемъ, а не хозяиномъ; охотничьи тропы, проложенныя въ дѣвственной тайгѣ человѣкомъ, еще перекрещиваются съ настоящими звѣриными тропами, а лѣсныя фанзы, разбросанныя во многихъ уголкахъ Южно-Уссурійской тайги и обитаемыя китайскими охотниками на соболей и искателями женьшеня, еще не могутъ быть считаемы за сѣть осѣдлыхъ человѣческихъ жилищъ, ограничивающую обиталище звѣря, царящаго въ тайгѣ.

Сейчасъ за Владивостокомъ уже начинается это лѣсное царство, которое къ сѣверовостоку отъ города переходитъ скоро въ такую страшную глушь, что до сихъ поръ лишь очень немногіе охотники рѣшаются бродить въ лѣсахъ полуострова Амурскаго, не смотря на незначительную ширину этого послѣдняго. Глядя съ вершины какого-нибудь увала на этотъ лѣсной океанъ, растилающійся внизу и заполняющій всѣ пади, лога и склоны, образуемые пересѣченною мѣстностью, вспоминаешь невольно то еще очень недалекое для Владивостока время, когда тигръ приходилъ въ самый городъ и скрадывалъ не только собакъ, но и неосторожныхъ людей. Значительные лѣса и перелѣски, почти уничтоженные нынѣ, спускались довольно низко къ самому городу, прижавшемуся къ Золотому Рогу, и позволяли страшному хищнику подходить не замѣтно къ самому человѣческому жилью. Времена полумиѳическія прошли, Владивостокъ сталъ подыматься самъ по склонамъ уваловъ вслѣдъ за уничтожаемыми лѣсами, жилища человѣка перешли хребетъ, тигръ ушелъ отъ самаго города, но не особенно далеко. Пораспросите вашего возницу,—и онъ разскажетъ вамъ навѣрное нѣсколько такихъ исторій о тиграхъ, что другой трусливый путникъ, пожалуй, откажется даже ѣхать далѣе по Южно-Уссурійскому краю.

Дорога между тѣмъ дивно хороша, и даже черствый душею путешественникъ не можетъ не залюбоваться ею. Съ горы на гору, по склонамъ и спускамъ, утопающимъ въ густой лѣсной чащѣ, дорога вьется, какъ змѣя, по уваламъ, составляющимъ отроги Сихэтэ-Алиня. Налѣво почти все время съ вершины уваловъ виднѣются голубыя волны Амурскаго залива и красивыя массивы его противуположныхъ недалекихъ береговъ. Крайняя синѣющая на горизонтѣ гряда возвышенностей указываетъ уже на русскую границу съ Манчжуріей и Кореей, на которой стоитъ рядъ пограничныхъ каменныхъ столбовъ.

Первая станція Ланчихэ расположилась на небольшой рѣчкѣ того же имени, на берегу не большой бухты, съуживающагося въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этомъ мѣстѣ Амурскаго залива. Видъ здѣсь на столько великолѣпенъ, что имъ можно любоваться, даже проѣхавъ рядъ красотъ дороги отъ Владивостока. Рѣшившись переночевать на слѣдующей станціи, я не останавливался долго въ Ланчихэ; едва только успѣлъ я окунуться въ холодныя волны залива, какъ лошади были готовы, и мы понеслись далѣе съ головоломною быстротою, не смотря на неровность дороги и наступающую темноту. Еще болѣе зазмѣилась дорога въ гору, еще гуще и величественнѣе стали окрестъ ея лежащіе лѣса, почувствовалось уже вполнѣ дыханіе тайги, котораго не могли осилить даже вѣянія моря. Порою, когда дорога съ лѣсистыхъ уваловъ спускалась къ самому берегу залива, наша тройка мчалась по узкой каемкѣ берега подъ нависшими скалами, и волны, тихо катившіяся по песку, лизали ноги коней и еще болѣе подзадоривали ихъ. Черезъ полтора или два часа пути, проходящаго дикою и величественною тайгою, мы прибыли на станцію Тигровую, состоящую изъ одного станціоннаго домика, затерявшагося въ глухомъ лѣсу.

Было уже совершенно темно, когда мы прибыли на станцію; туманная, беззвѣздная августовская ночь спустилась на землю и заволокла своею сырою пеленою и небо, и море, и лѣса. Дальше ѣхать такою глухою ночью было не совсѣмъ безопасно, тѣмъ болѣе что тигръ снова появился на перегонѣ между этою станціею и Барановскою; еще прошлою ночью, говорили мнѣ, одинъ ямщикъ видѣлъ «его» на увалѣ и перепугался до того, что еле добрался до станціи. Это обстоятельство впрочемъ не должно было служить офиціальнымъ препятствіемъ для остановки почтоваго движенія, и станціонный смотритель предлагалъ мнѣ лошадей черезъ четверть часа, если мнѣ угодно будетъ отправиться.

— Какъ же вы гоняете почту по ночамъ, когда по дорогѣ бродитъ завѣдомо тигръ,—спросилъ я на станціи,—неужели же ямщики рѣшаются дѣлать такіе рискованные перегоны?

— Богъ милостивъ,—отвѣчали мнѣ,—видать-то тигра—видали не разъ, но грѣха покамѣстъ давно не бывало—ну и гоняемъ.—А ямщикъ ѣхать должонъ; ему разсуждать не приходится, почта—дѣло казенное, нужно—и вези.

Такъ и везутъ у насъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ повсюду не только почту, но и кладь по ночамъ, не боясь ни тигровъ, ни медвѣдей, ни хунхузовъ—китайскихъ разбойниковъ, благо Богъ милостивъ — все пронесетъ. Въ общемъ оно такъ и бываетъ — проноситъ дѣйствительно; чѣмъ менѣе боятся, тѣмъ менѣе и случается. Случаи нападенія тигровъ на людей въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, хотя и не составляютъ особой рѣдкости, но нашъ мужикъ какъ-то не особенно этого опасается и смотритъ на страшнаго хищника также, какъ у насъ во многихъ лѣсистыхъ уголкахъ на медвѣдя или волковъ. Припомнилось мнѣ опять не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вольно при отвѣтѣ станціоннаго смотрителя на Тигровой обстоятельство, еще недавно слышанное мною на Цейлонѣ. Тигры въ Индіи, во многихъ мѣстахъ, залегши на почтовыхъ трактахъ, совершенно останавливаютъ всякое движеніе, и пока какой-нибудь смѣлый охотникъ не убьетъ страшнаго хищника, ни одинъ почтарь не рѣшится слѣдовать по роковому пути. Нашъ же русскій почтовый ямщикъ «ѣхать должонъ—ему разсуждать не приходится». Станція Тигровая, какъ показываетъ самое ея названіе, нерѣдко посѣщается страшными хищниками; перегонъ отъ нея до Раздольнаго въ самомъ дѣлѣ считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ на почтовыхъ трактахъ края, не исключая и участка къ заливу Посьета. Особенно часто бродятъ тигры здѣсь зимою, и тогда не рѣдко ямщики и испуганные путники видятъ два яркіе глаза, горящіе, какъ свѣчи, въ ночной темнотѣ. По зимамъ, впрочемъ, говорятъ, тигры бросаются на проѣзжихъ еще рѣже, чѣмъ лѣтомъ и весною.

Не столько изъ боязни тигровъ, сколько отъ усталости, я остался ночевать на Тигровой. Незатѣйливый ужинъ изъ яицъ и холоднаго варенаго фазана подкрѣпилъ мои силы, а разсказы станціоннаго смотрителя о тиграхъ и медвѣдяхъ окружающей тайги такъ подѣйствовали на мое охотничье воображеніе, что я рѣшилъ во чтобы то ни стало въ предстоящую поѣздку, при случаѣ, поохотиться на того и другого царя Южно-Уссурійской тайги. Передъ сномъ, послѣ ужина, я вышелъ на полчаса погулять въ лѣсу около станціоннаго домика. Ночь была чудная, звѣздная; свѣжій бризъ согналъ тяжелые туманы съ земли и очистилъ небеса. Окружавшій меня глухой лѣсъ шумѣлъ, порою этотъ шумъ казался говоромъ бушевавшаго моря; гдѣ-то въ тайгѣ по временамъ ухалъ филинъ и кричала плаксиво сова. Я зашелъ въ самую чащу лѣса и сталъ прислушиваться къ звукамъ, доносившимся изъ тайги. Одинокій домикъ, съ своими свѣтящимися окнами, затерявшійся въ этомъ лѣсномъ океанѣ, казался мнѣ маякомъ, указывавшимъ на жилье человѣка, а вокругъ его бушевала зеленая стихія, въ густой сѣни которой кишѣли дикіе звѣри и кричали лѣсныя птицы. Тамъ не мѣсто человѣку, думалось мнѣ,—и словно въ отвѣтъ моимъ думамъ оттуда издалека, изъ лѣсу, до слуха моего донеслись два глухіе выстрѣла.

— Не добрые-то выстрѣлы, баринъ,—произнесъ, подходя ко мнѣ внезапно, все время за мною слѣдившій ямщикъ.—Въ такую ночь не промыслишь ничего, ужъ не «звѣрь» ли напалъ на человѣка, оборони его Богъ,—добавилъ, крестясь, мой новый собесѣдникъ.

Да, ужасно должно быть, подумалъ я, встрѣтиться такою темною ночью одинъ на одинъ въ густой тайгѣ съ тигромъ или медвѣдемъ,—а такіе случаи не рѣдко встрѣчаются съ нашими пересе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ленцами. Но великъ Богъ земли русской; простой сѣрый мужичекъ, какой-нибудь Черниговской или Полтавской губерніи, отродясь не бившій у себя на родинѣ даже зайца, здѣсь на Амурѣ, придя на переселеніе, бьетъ, перекрестясь, даже тигра, а медвѣдя съ бѣлымъ ошейникомъ даже за звѣря лютого не почитаетъ.

Ночь я провелъ на Тигровой прекрасно; развалившись на вязкѣ сѣна и прикрывшись своею буркою, я проспалъ какъ на покойной постелѣ. Часовъ въ шесть утра, на зарѣ, меня уже разбудилъ самоваръ, весело кипѣвшій на столѣ. Заботливый смотритель торопился соорудить мнѣ какую-то закуску, а заѣзжій манза-торгашъ, пользуясь случаемъ, навязалъ мнѣ какіе-то китайскіе фуляры, которые я тутъ же подарилъ двумъ краснощокимъ бабамъ, все время возившимся у печи. Утренникъ былъ довольно свѣжій, когда я покинулъ Тигровую и покатилъ далѣе по чудному лѣсу, ставшему сплошною стѣною по обѣимъ сторонамъ дороги. Восходящее солнце особенно красиво золотило сквозныя вершины и пятна разноцвѣтной листвы, разукрашенной осенью и обильною росою. Скоро однако мы проѣхали южный участокъ лѣсной полосы и стали приближаться къ болѣе открытымъ, но за то и болѣе приспособленнымъ къ земледѣлію, урочищамъ края. Лѣса мѣстами здѣсь уже повырублены давно, и человѣкъ много лѣтъ отвоевалъ себѣ эти злачныя мѣста отъ всезасасывающей тайги. До сихъ поръ еще мы отъ самаго Владивостока не встрѣчали ни одного путника, ни одного воза, ни даже признака близкаго жилья, исключая одинокихъ станціонныхъ домовъ, а теперь еще далеко до Раздольной стали по дорогѣ попадаться не только корейцы и манзы съ табунами черныхъ свиней, но изрѣдка и телѣжки русскихъ мужиковъ. Мы приближались очевидно къ мѣстамъ, наиболѣе населеннымъ края, что показывали отчасти и большіе палы, видные по обѣимъ сторонамъ пути съ каждаго высокаго увала. Еще нѣсколько горокъ, и мы спускаемся въ долину рѣки Суйфуна—одной изъ самыхъ значительныхъ въ краѣ. Недалеко за купами кудрявыхъ деревьевъ виднѣлось и Раздольное, замѣтное издали по каменнымъ казармамъ, стоящимъ на самомъ пути. Скоро послышались звуки сигнальныхъ рожковъ, показались бѣлыя рубахи солдатъ, и мы были у воротъ станціоннаго дома.

Раздольное, стоящее на нижнемъ теченіи Суйфуна, представляется однимъ изъ самыхъ значительныхъ поселеній края и славится не только обиліемъ всевозможныхъ угодій, соотвѣтствующихъ его названію, но и бойкостью своего женскаго элемента, пользующагося не особенно лестною репутаціею въ краѣ. Въ Раздольномъ, существующемъ уже болѣе двадцати лѣтъ, мы увидали типъ русскихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края, по внѣшнему облику не отличающихся отъ селеній черноземной полосы Россіи. Къ сожалѣнію только, жители этого богатаго своими угодіями селенія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не пользуются вполнѣ этими послѣдними, а занимаются болѣе охотою, чѣмъ землею; въ общемъ очень лѣнивые и избалованные, они перебиваются около солдатъ двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, постоянно квартирующихъ въ Раздольномъ.

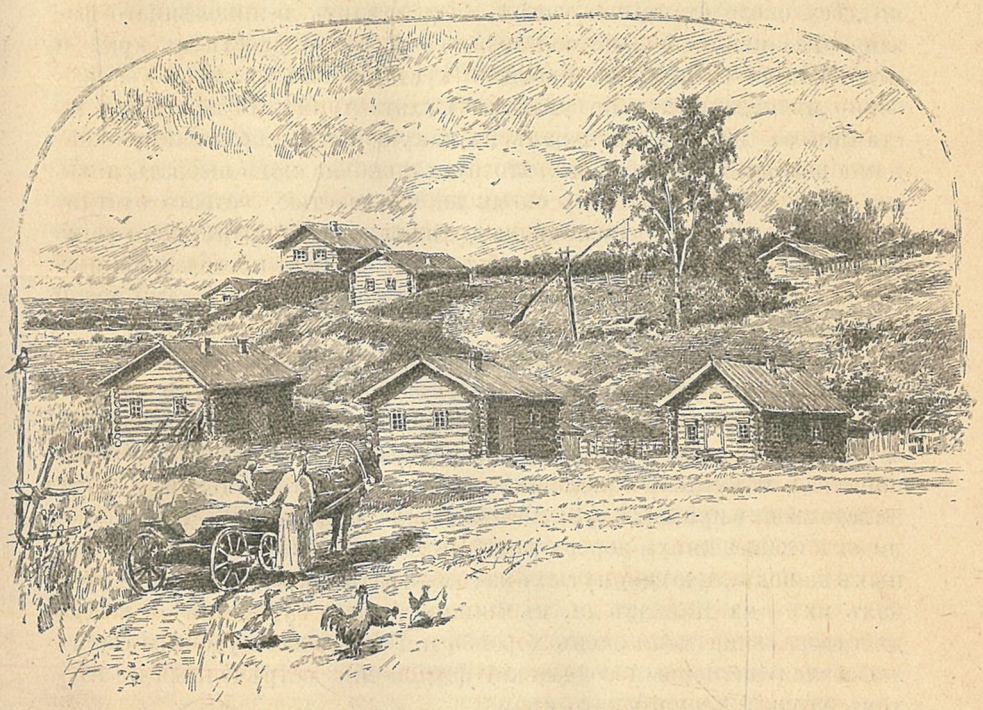
Раздольное вмѣстѣ съ Никольскимъ составляютъ, можно сказать, стратегическую базу въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Сравнительно значительныя силы, сосредоточенныя здѣсь, могутъ служить резервомъ, какъ для Владивостока, такъ и для Новокіевскаго, стоящихъ всегда лицомъ ко врагу. Подкрѣпленные баталіонами, расположенными на Даубихэ въ селѣ Анучинѣ, стрѣлки изъ Никольскаго и Раздольнаго могутъ быть въ любой моментъ направлены по всей нашей стратегической линіи отъ Владивостока до Камня-Рыболова, а также во всѣ пункты нашей корейско-манчжурской границы, наблюдаемой линіею постовъ и казачьихъ станицъ Южно-Уссурійскаго войска. Важность этой базы въ стратегическомъ отношеніи увеличивается еще тѣмъ, что она прикрываетъ и большую часть русскихъ поселеній края, расположенныхъ главнымъ образомъ въ долинѣ Суйфуна, на почтовомъ трактѣ до Камня-Рыболова, по южнымъ берегамъ озера Ханки и «вольной степы», идущей по берегамъ рѣкъ Мо, Лефу и Сантахезы.

Отъ Раздольнаго дорога идетъ или красивыми берегами Суйфуна, или по такимъ низинамъ, что съ почтовой брички можно любоваться могучимъ развитіемъ травянистой растительности, которымъ славится справедливо бассейнъ Амура. Травы во многихъ мѣстахъ достигаютъ такого роста, что въ нихъ пропадаютъ совершенно и всадникъ, и лошадь, и даже цѣлая тройка. Масса болотной птицы, а также кабаны, одни населяютъ эти мало доступныя для человѣка топи. За три версты до слѣдующей станціи встрѣчается жалкая деревушка Городечна, состоящая изъ нѣсколькихъ кое-какъ сколоченныхъ избушекъ, недавно перенесенная съ берега Суйфуна, чуть не подмывшаго въ половодіе самаго селенія. Разливы рѣкъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ всегда очень обильные составляютъ настоящее бѣдствіе для обитателей рѣчныхъ долинъ; весьма нерѣдко полая вода заливаетъ не только деревни, но и поля и луга съ готовою жатвою, и губитъ всѣ надежды земледѣльца.

Вскорѣ за Раздольнымъ мы встрѣтили первыя партіи переселенцевъ, прибывшихъ съ нами на пароходѣ изъ Одессы во Владивостокъ и отправлявшихся на новыя мѣста, преимущественно на рѣки Мо и Лифу. Глядя на эти возы, нагруженные незатѣйливымъ скарбомъ и крошечными грязными дѣтишками, на этихъ истрепанныхъ мужиковъ и бабъ, шествовавшихъ за своею кладью, на мальчишекъ, бѣгавшихъ въ запуски передъ возами, на всю картину, напоминавшую цыганскій таборъ въ пути, какъ-то грустно становилось за этихъ бѣдныхъ людей, которые жертвуютъ всѣмъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чаще всего жизнью цѣлой трети своихъ дѣтей для того, чтобы найти себѣ возможность работать и трудиться до упада силъ, что легко могли бы они найти и у себя на родинѣ. Но эти жертвы не безполезны, думалось мнѣ, хотя сами эти бѣдные люди ихъ и не могутъ оцѣнить. Водворяясь цѣною великихъ жертвъ и лишеній въ этомъ дикомъ еще не давно ставшемъ русскимъ краѣ, принося съ собою русскій духъ и культуру, эти грязные оборванные переселенцы составляютъ собою тотъ краеугольный камень, на которомъ твердо будетъ покоиться русское владычество въ этой



Русскій поселокъ въ Уссурійскомъ краѣ.

далекой нашей окрайнѣ, на которую теперь китайцы смотрятъ такими жадными глазами. Въ русскомъ трезвомъ осѣдломъ населеніи, могущемъ поддерживать и питать наши мѣстныя вооруженныя силы, и въ будущей сибирской дорогѣ заключается вся задача поддержанія русскаго имени честно и грозно на берегахъ Великаго океана.

Переваливъ небольшую, но довольно высокую гряду горъ, мы прибыли на станцію Барановскую, состоящую пока изъ одного станціоннаго домика, его службъ, и окруженную довольно густыми лиственными лѣсами, переходящими на увалахъ въ настоящую

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тайгу. Обиліе лѣса въ этой мѣстности и выгодное расположеніе станціи на большомъ пути между Владивостокомъ, Никольскимъ и Камнемъ-Рыболовомъ, подало мысль одному мѣстному виноторговцу устроить здѣсь обширный винокуренный заводъ, который будетъ пользоваться топливомъ изъ окружающаго лѣса, а зерномъ—съ богатой своими пашнями долины Суйфуна.

На станціи я не засталъ никого, ни смотрителя, ни ямщиковъ, а лишь одну 13-ти лѣтнюю дѣвчонку, присматривавшую за лошадьми. Пришлось мнѣ тутъ прождать часа два съ половиною, пока мнѣ приготовили лошадей. Отъ скуки ожиданія я блуждалъ по лѣсу около станціи и успѣлъ подстрѣлить великолѣпнаго фазана. Фазаны вообще не составляютъ особой рѣдкости въ краѣ и встрѣчаются сотнями во многихъ кустарниковыхъ мѣстахъ, особенно въ казачинѣ и по увалам Сихэтэ-Алинъ. Возвращаясь къ станціи съ добычею, я попалъ въ такую чащу, образованную ліанами вьющагося винограда, что буквально не могъ выбраться изъ нея, если бы не случилось со мною, къ счастью, остраго охотничьего ножа. Тайга Уссурійскаго края отличается преимущественно отъ тайги остальной Сибири не только своимъ преобладающимъ чернолѣсьемъ, но и обиліемъ ліанъ, дѣлающихъ ее мѣстами почти непроницаемою.

Уже смеркалось, когда я выбрался изъ Барановской и покатилъ далѣе по увалам вдоль Суйфуна; въ одномъ мѣстѣ черезъ эту рѣченку переброшенъ на понтонахъ временной деревянный мостъ. Около этого послѣдняго стояла палатка, возлѣ которой копошилось нѣсколько саперныхъ солдатъ, занимающихся лѣтомъ вмѣсто своихъ прямыхъ занятій полезнымъ дѣломъ приведенія въ порядокъ главнѣйшихъ дорогъ края. Видъ этихъ бѣлыхъ рубахъ и черныхъ шапокъ, лихо сдвинутыхъ на самый затылокъ, гдѣ бы я не встрѣчалъ ихъ—на Кавказѣ ли, въ Финляндіи или Туркестанѣ,—всегда дѣйствовалъ на меня очень хорошо, и я съ особымъ удовольствіемъ любовался на первыя солдатскія физіономіи, встрѣченныя въ глухомъ уголкѣ Уссурійскаго края.

Скоро совершенно стемнѣло, но изъ-за зубчатой линіи лѣсовъ, идущихъ справа на увалѣ, показалась блѣдная луна и освѣтила нашу головоломную дорогу своимъ бѣлымъ фосфорическимъ сіяніемъ. Въ темной зелени мѣстами показались яркія искры блестящихъ свѣтляковъ, которые напомнили мнѣ почему-то чудныя рощи Цейлона, оживленныя по ночамъ роями этихъ блестящихъ созданій. Не вдалекѣ отъ нашей дороги мы увидали огромный костеръ, къ которому я почему-то захотѣлъ приблизиться; сойдя съ повозки, я подошелъ пѣшкомъ къ манившему меня огоньку. Рядъ радостныхъ восклицаній привѣтствовалъ меня. Оказалось, что возлѣ костра расположилась на ночевку кучка знакомыхъ мнѣ по пароходу переселенцевъ. Разведя костеръ, мужики примостили

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своихъ бабъ и дѣтей возлѣ огонька на телѣгахъ на импровизированныхъ постеляхъ и принялись готовить себѣ незатѣйливый ужинъ, изъ рыбы, наловленной тутъ же въ Суйфунѣ, и дичи, настрѣлянной однимъ бойкимъ парнемъ по дорогѣ. Вся эта картина еще живѣе напоминала таборъ цыганъ, чѣмъ медленное шествіе обоза переселенцевъ на пути. Я посидѣлъ нѣсколько минутъ возлѣ костра, послушалъ нескончаемыя жалобы забравшихся на край крещенаго свѣта мужичковъ, далъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, и тронулся далѣе по увалу, съ вершины котораго уже виднѣлись вдали огни Никольскаго.

Село Никольское, по всей вѣроятности, не въ далекомъ будущемъ городъ Никольскъ, послѣ Владивостока является самымъ многолюднымъ и важнымъ центромъ всего Уссурійскаго края. Здѣсь сосредоточіе торговли, находящейся въ рукахъ многочисленныхъ китайскихъ торговцевъ и иностранной фирмы Альберса; здѣсь стоянка двухъ баталіоновъ солдатъ и резиденція многочисленнаго начальства. Общій видъ этого поселенія не особенно блестящъ и напоминаетъ обширное село, чрезвычайно разбросанное и состоящее изъ бѣлыхъ мазанокъ, среди которыхъ лишь мѣстами виднѣются порядочные домики съ чахлыми садами. Небольшой базаръ, деревянная церковь и мукомольная мельница — вотъ и всѣ достопримѣчательности этого унылаго скучнаго городка, передъ которымъ Владивостокъ кажется настоящею столицею. Непривѣтливости Никольска много способствуетъ отсутствіе хорошей зелени, оживляющей самые скучные виды; этотъ недостатокъ относится не къ одному Никольскому, но ко всѣмъ поселеніямъ края; жители словно не любятъ зелени; всѣ деревни и городки поэтому пустынны, пыльны и напоминаютъ селенія нашей степной полосы, что особенно поражаетъ рядомъ съ великолѣпіемъ растительности Пріамурскаго бассейна.

Военное селеніе образуетъ особый городокъ за валомъ, куда ведутъ изъ города деревянныя ворота, имѣющія претензію на названіе тріумфальныхъ; рядъ прекрасныхъ каменныхъ флигелей и службъ придаетъ военной резиденціи видъ крѣпостцы. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ и въ самомъ дѣлѣ прежде было небольшое корейское укрѣпленіе. Все Никольское переполнено солдатами и манзами; трудолюбивое населеніе его, составляющее противуположность обитателямъ Раздольнаго, усердно занимается хлѣбопашествомъ, а потому живетъ исправно. Въ отношеніи экономическомъ Никольское представляетъ безъ сомнѣнія самое богатое и наилучше обставленное поселеніе края; земли, принадлежащія крестьянамъ этого села, составляютъ предметъ зависти многихъ переселенцевъ даже самыхъ хлѣбородныхъ областей.

Никольскому принадлежитъ довольно много хорошихъ земель по Суйфуну, такъ что жители его могутъ принимать еще по нѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

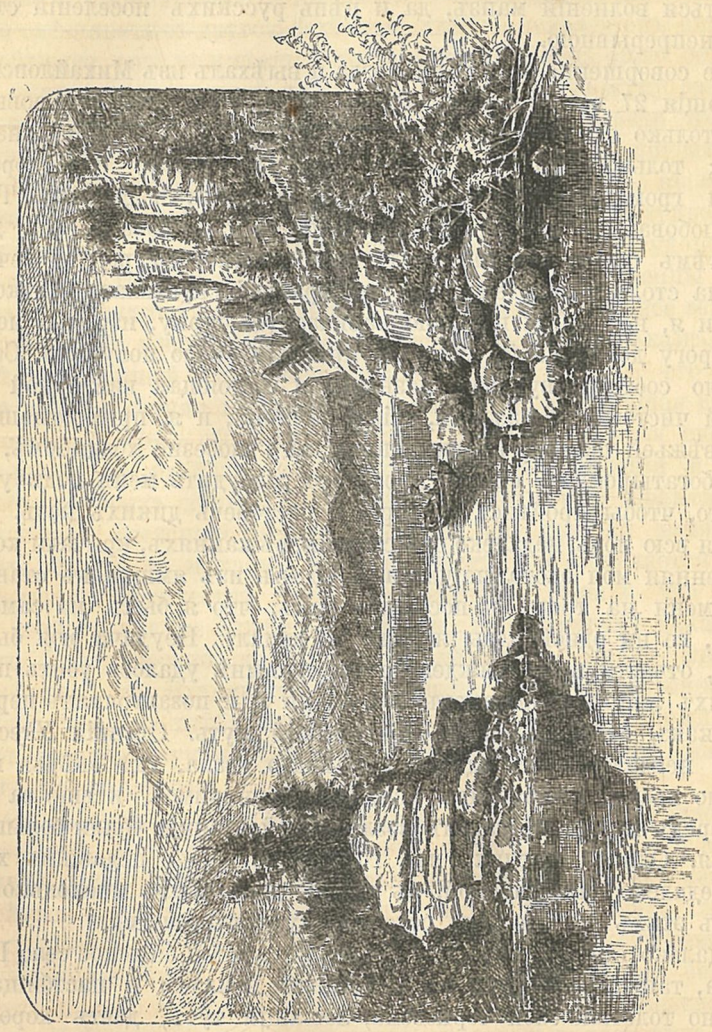
скольку десятковъ семей новыхъ переселенцевъ въ свою общину. Приписка къ Никольскому обществу обходится впрочемъ не дешево, не менѣе 90—100 рублей въ 1887 году, тогда какъ въ другихъ старыхъ селахъ отъ 3—25 рублей. Значительное поселеніе и рынокъ, церковь, школа, врачебная помощь, порядочные пути сообщенія, центральное положеніе на главной артеріи края и прекрасныя земли все это повышаетъ ежегодно для новыхъ переселенцевъ цѣну приписки къ Никольской общинѣ, къ которой скоро могутъ приписываться лишь самые состоятельные.

Никольское, имѣющее важное стратегическое и экономическое значеніе, въ настоящее время представляетъ, можно сказать, центральное мѣсто русскихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края. Бассейнъ Суйфуна, изъ всѣхъ рѣкъ края, представляющаго самыя обширныя пространства, годныя для земледѣлія, съ первыхъ же временъ заселенія этой области сдѣлался главнымъ сельбищемъ новыхъ русскихъ поселенцевъ. Остатки корейскихъ укрѣпленій и городищъ, слѣды дорогъ, проложенныхъ прежними обитателями, и свидѣтельства китайскихъ лѣтописей показываютъ, что здѣсь издавна было главное обиталище осѣдлаго населенія края. Не смотря на это, благодатная почва долины Суйфуна не истощена, и десятки русскихъ поселеній, идущихъ вверхъ отъ Никольскаго, не могутъ ни въ какомъ случаѣ пожаловаться на скудость урожая, хотя первобытный способъ обработки и недостатокъ удобренія могутъ скоро дать минусъ въ этой настоящей житницѣ края.

Я хотѣлъ было переночевать въ Никольскомъ, но услыхавъ, что на Утесной, двѣ станціи впереди, замѣтили ходъ козъ, рѣшилъ ѣхать туда на ночь, чтобы поохотиться, если возможно, за козою. Впереди насъ уже лежала та обширная довольно ровная полоса края, которая продолжается до самаго озера Ханки и носитъ названіе «вольной степы» у нашихъ переселенцевъ. Небольшіе увалы не портятъ впечатлѣнія, дорога вьется по нимъ, весь характеръ мѣстности напоминаетъ виды южно-русской степи, пересѣченной балками и оврагами. Въ 14 верстахъ отъ Никольскаго лежитъ большая и богатая деревня Михайловская или Дубининская, въ которой строится большая и красивая церковь; селеніе это богатое угодіями примѣчательно по «знаменитому сраженію», которое возлѣ нея имѣлъ поручикъ Дубининъ съ возставшими манзами. Мѣстныя преданія различно разсказываютъ объ этомъ интересномъ эпизодѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что бунтъ мѣстныхъ китайцевъ былъ вызванъ тѣми безпорядками, которые явились необходимымъ слѣдствіемъ насильнаго очищенія края отъ манзъ. Скопища китайцевъ, на половину вооруженныхъ, двинулись тогда, говорятъ, изъ Сучанскаго участка въ область «вольной степы» и пошли на Никольскъ, чтобы разгромить это главное селеніе края. Положеніе крестьянъ было критическое, войска вблизи не находилось, а манзы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

двигались довольно быстро. Такъ какъ во всемъ Южно-Уссурійскомъ краѣ подвижной военной силы тогда еще не было организовано вовсе, то приказано было спѣшить на помощь даже казакамъ съ Уссури. Пока мобилизовались кое-какія военныя силы, поручикъ Дубининъ настигъ манзъ и нанесъ имъ такое «рѣши-



Верхнее теченіе рѣки Суйфуна.

тельное пораженіе», что толпы ихъ сразу разсѣялись, и край былъ спасенъ. Кое-какіе признаки волненій и недовольства между манзами заставили администрацію обратить на нихъ серьезное вниманіе и начальство, до сихъ поръ только очищавшее край отъ манзовскаго населенія, для того, чтобы приготовить мѣсто для русской колонизаціи, должно было подумать и о защитѣ этой послѣд-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ней. Послѣ того, какъ манзы, мстившіе русскимъ за изгнаніе, вырѣзали ночью цѣлый поселокъ крестьянъ въ Сучанскомъ участкѣ, во всѣхъ русскихъ поселеніяхъ края было поставлено по нѣсколько солдатъ и казаковъ. Съ той поры, разумѣется, многое перемѣнилось въ краѣ; военной силы тамъ стало слишкомъ достаточно, чтобы не бояться волненій манзъ, да и цѣпь русскихъ поселеній стала почти непрерывною.

Уже совершенно стемнѣло, когда я выѣхалъ изъ Михайловской; слѣдующія 27 верстъ дорога идетъ мѣстностью довольно ровною, и на столько однообразною, что общій характеръ ея напоминаетъ Россію; только направо, видны еще, не далеко отъ дороги, горныя громады, гдѣ таятся козы, медвѣди и фазаны. Такъ какъ любоваться дорогою было нечего, то я пробовалъ было дремать, тѣмъ болѣе, что мы ѣхали не особенно быстро, но вечеръ былъ на столько холоденъ, что температура спустилась близко къ нулю, и я, не смотря на свою кавказскую бурку, изрядно мерзъ всю дорогу до Утесной, куда мы прибыли около полуночи. Станція мало соотвѣтствующая названію и состоящая изъ одной бѣленькой чистенькой мазанки, пріютила меня, и я, примостившись на медвѣжьей шкурѣ, предложенной мнѣ любезно хозяиномъ, заснулъ богатырскимъ сномъ, прося его разбудить меня подъ утро для того, чтобы пройтись въ горы и постеречь дикихъ козъ.

Хотя всю ночь, недалеко отъ станціи, въ камняхъ, кричали козы, но утренняя моя охота не удалась. Одинъ изъ ямщиковъ станціи свелъ меня на тропу и посадилъ такъ, что я былъ на самомъ «ходѣ», во ни одной козы я даже не видалъ. Неудача моя была, однако, отчасти вознаграждена тѣмъ, что мнѣ удалось убить пару большихъ жирныхъ фазановъ, которыми я и позавтракалъ передъ тѣмъ какъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Станція Утесная стоитъ невдалекѣ отъ одного каменнаго увала, гдѣ звѣрья всякаго по временамъ бываетъ «видимо не видимо», и еще за два дня передъ моимъ пріѣздомъ возлѣ самой станціи убили большого медвѣдя. Одинъ охотникъ изъ города, во время недавняго хода козъ недалеко отъ Утесной, въ одинъ день убилъ нѣсколько десятковъ этихъ не совсѣмъ осторожныхъ животныхъ.

Недалеко отсюда по нашей дорогѣ виднѣется большое село Григоровка, также очень богатое пахатными землями и пастбищами. Довольно толстый слой чернозема, лежащій тутъ, даетъ хорошій урожай хлѣба, что и приманиваетъ сюда ежегодно десятки новыхъ переселенцевъ; такъ изъ нашей партіи тутъ размѣстилось 24 семьи, заплативъ всего по три рубля за приписку къ обществу. При обиліи земли, принадлежащей Григоровкѣ, онѣ не будутъ въ накладѣ, хотя нѣсколько дальше по рѣкѣ Мо новоселы могли бы устроиться еще выгоднѣе. Остановившись на нѣсколько часовъ въ Григоровкѣ, я имѣлъ случай познакомиться впервые съ такъ на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зываемымъ пьянымъ хлѣбомъ, составляющимъ одну изъ невзгодъ края. Мѣстные ученые до сихъ поръ, кажется, не выяснили себѣ сущности этого заболѣванія зерна и спорятъ о формѣ и названіи микроскопическаго грибка его порождающаго, хотя вопросъ заключается вовсе не въ этомъ. Пьяный хлѣбъ—явленіе все-таки довольно исключительное, и въ Россіи не наблюдалось никогда; его не надо смѣшивать съ другою болѣзнею хлѣба—появленіемъ спорыньи, съ которою оно не имѣетъ ничего общаго. Очень мало отличаясь отъ настоящаго, пьяный хлѣбъ при помолѣ даетъ муку слегка розоватую, которую очень легко не узнать и употребить въ пищу. Выпеченный изъ нея хлѣбъ, помимо тошноты и другихъ разстройствъ желудочно-кишечнаго канала, вызываетъ въ самочувствіи его поѣвшаго ощущенія сильнаго опьянѣнія, сопровождаемаго бредомъ, болтаніемъ всякаго вздора, а иногда и судорожными явленіями. Наученные горькимъ опытомъ, переселенцы теперь умѣютъ практически довольно просто отличать вредное зерно отъ здороваго, по нѣкоторымъ морфологическимъ признакамъ, а пьяный выпеченный хлѣбъ еще проще, бросая кусокъ его собакѣ; если эта послѣдняя не станетъ его ѣсть,—то это лучшая проба его ядовитости. Юное общество изученія Амурскаго края энергично принялось за изслѣдованіе этого печальнаго явленія и добыло много научныхъ данныхъ, не давшихъ пока еще практическаго результата. Выяснено между прочимъ, что пьяный хлѣбъ чаще всего ростетъ на мокромъ низкомъ мѣстѣ, что появляется въ значительномъ количествѣ лишь въ извѣстные годы и что болѣзнь эта свойственна не однимъ хлѣбнымъ, но и другимъ дикимъ злакомъ. Поверхностное химическое изслѣдованіе, позднѣе мною произведенное во Владивостокѣ, показало, что дѣйствующимъ началомъ пьянаго хлѣба надо считать не грибокъ, который теперь такъ усердно изучаютъ, а образуемый имъ въ зернѣ растительный ядъ-птомаинъ.

Отъ Григоровки «вольная степа» еще больше сохраняетъ свой характеръ. Благодаря неровностямъ дороги, я прыгалъ въ своей бричкѣ, какъ мячикъ, и нѣсколько разъ выходилъ изъ нея, чтобы пройтись немного пѣшкомъ и отдохнуть. Послѣ тѣхъ живописныхъ видовъ, которые я видѣлъ до Никольска, просто невыносимо скучно было ѣхать по этой выжженной степи, тѣмъ болѣе, что сверху палило горячо солнце, а снизу поднималась мелкая ѣдкая пыль. Небольшое развлеченіе намъ, къ счастью, доставила великолѣпная молодая дрофа; встрѣтясь съ нами по дорогѣ и допустивъ бричку на нѣсколько саженей, она и тутъ не думала улетать, а шла спокойно впереди насъ, какъ домашній гусь, не торопящійся дать дорогу лошадямъ. Зная по собственному опыту, какъ осторожна и робка дрофа въ нашей степной полосѣ, гдѣ она не допускаетъ никогда охотника даже на ружейный выстрѣлъ, я сперва

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и не думалъ стрѣлять по ней. Видя однако полную неосторожность, въ общемъ очень умной и «мыслящей» птицы, я остановилъ повозку, вынулъ изъ сумки патронъ, зарядилъ берданку и долго прицѣливался въ дрофу—и она все-таки не летѣла, а только принялась бѣжать; пуля легко настигла ее и убила наповалъ. Другая дрофа, показавшаяся не далеко отъ насъ, послѣ выстрѣла взлетѣла уже прямо, не надѣясь на быстроту своихъ ногъ, которыя даютъ ей право становиться въ одинъ разрядъ съ самыми мощными исполинами пернатаго царства страусомъ, казуаромъ и эму.

Раззадоровшись первою удачею, я пробовалъ отъ скуки стрѣлять и въ небольшихъ орловъ, кружившихся часто почти надъ самою головою, но пуля моей берданки видно не съумѣла до нихъ долетѣть. Послѣ 18-ти верстъ скучнаго и утомительнаго пути, я добрался до станціи Встрѣчной—одинокаго домика, стоящаго въ унылой степной мѣстности, почти совершенно лишенной зелени, выгорѣвшей во время лѣтнихъ жаровъ. Недалеко отсюда на востокѣ виднѣется съ дороги большая казачья станица Благодатная, по своимъ великолѣпнымъ полямъ оправдывающая свое названіе; отъ нея начинается рядъ русскихъ поселеній, идущихъ въ бассейнѣ Лифу и по южной окрайнѣ Ханки. Вся эта мѣстность вообще такъ много напоминаетъ наши малороссійскія степи, что наблюдая бѣлыя мазанки поселенцевъ, пасущихся воловъ на поляхъ, даже аистовъ на крышахъ, забываешь совершенно, что находишься на далекой окрайнѣ Азіи. Немудрено поэтому, что «вольная степа», идущая къ югу отъ озера Ханки, такъ сильно напоминающая родину нашимъ выселенцамъ изъ Малороссіи, нравится имъ до того, что они тѣснятся теперь здѣсь и не хотятъ идти въ другія, быть можетъ, даже болѣе привольныя мѣста. Низина озера Ханки и бассейнъ Лифу населенъ по преимуществу выходцами Черниговской и Полтавской губерній, которые перенесли сюда даже имена своихъ покинутыхъ на родинѣ деревень. Названія Черниговка, Дмитревка, Халкидонъ, Лелечи, Алтыновка, Спасское и др.,—все это выселки соотвѣтствующихъ селеній «хохландіи», о которой все-таки никогда не забываетъ самый забубенный переселенецъ.

Отъ Встрѣчной дорога идетъ тою же однообразною скучною мѣстностью, не особенно богато орошенною; всѣ деревни и поселки какъ-то отошли отъ большого почтоваго тракта, вѣроятно по этой послѣдней причинѣ. Нашу дорогу оживляли только по временамъ выпархивавшіе внезапно выводки фазановъ и стайки куропатокъ и рябковъ, пасшихся на сжатыхъ поляхъ и скошенныхъ луговинахъ. По дорогѣ попалась намъ небольшая партія охотниковъ, возвращавшихся съ верховьевъ Лифу, гдѣ она провела цѣлое лѣто на всевозможныхъ промыслахъ. Южно-Уссурійскій край, представляющій настоящее охотничье Эльдорадо, богатъ всевозможною пернатою и четвероногою дичью, которая пока еще до того мало

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пугана, что во многихъ мѣстахъ совершенно близко допускаетъ къ себѣ человѣка. Эта сравнительная легкость охоты дѣйствуетъ заманчиво на всѣхъ, кто умѣетъ хотя держать ружье въ рукахъ; многіе поэтому вмѣсто того, чтобы заняться серьезно хлѣбопашествомъ, требующимъ все-таки извѣстной доли терпѣнія и настойчивости, предпочитаютъ звѣровать. Главную приманку охотничьяго промысла въ краѣ составляютъ такъ называемые панты или молодые оленьи рога, за которые китайцы платятъ сумасшедшія деньги отъ 75 до 600 рублей и даже болѣе, приписывая содержимому этихъ роговъ какія-то чудодѣйственныя свойства, не меньшія, чѣмъ и корню жизни—женьшеню. Ради добыванія этихъ пантовъ, одна пара которыхъ дѣлаетъ счастливаго охотника своего рода богачомъ, приманиваетъ многіе десятки мирныхъ земледѣльцевъ въ тайгу, гдѣ поневолѣ каждый становится болѣе или менѣе порядочнымъ охотникомъ или по меньшей степени лѣснымъ бродягою. Не одни олени и козы, но и тигры и медвѣди могутъ встрѣтиться въ тайгѣ, а потому постоянно надо быть готовымъ къ подобной встрѣчѣ; одно ожиданіе послѣдней, не говоря уже о звѣрованіи, закаляетъ натуры, и вотъ почему у насъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ среди простыхъ сѣрыхъ крестьянъ-переселенцевъ, на родинѣ, быть можетъ, не стрѣлявшихъ и по зайцу на своемъ вѣку, встрѣчается не мало охотниковъ, бивавшихъ тигра и не считающихъ медвѣдя опаснымъ врагомъ. Въ виду того, что добываніе пантовъ сопряжено теперь по рѣдкости звѣря съ большимъ трудомъ и требуетъ долгаго, а потому небезопаснаго пребыванія въ самой глухой тайгѣ, во всемъ краѣ снаряжаются небольшія охотничьи промысловыя экспедиціи, состоящія изъ 2—7 человѣкъ, имѣющихъ съ собою, помимо верховыхъ лошадей, нерѣдко и телѣгу, въ которой возятся необходимые охотничьи запасы. Одну изъ такихъ партій мы и повстрѣчали на пути; она звѣровала въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ и добыла, помимо тигра и двухъ медвѣдей, еще десять соболей, пять оленей, много козъ, кабановъ, козуль и другого звѣрья, не считая еще пернатой дичи, пошедшей на обѣдъ промышленникамъ.

Станція Мо — одинокій домикъ стоитъ еще въ болѣе унылой, почти напоминающей пустыню мѣстности, чѣмъ Встрѣчная и Григоровка; отсюда хотѣлось скорѣе выбраться подальше, что мы и сдѣлали, едва перемѣнили лошадей. Остальные 18 верстъ до Камня-Рыболова, показались намъ особенно скучными уже по тому одному, что солнце донимало насъ, а кони какъ нельзя тихо бѣжали по этой однообразной грустной низинѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы такъ прочно завязли въ болотѣ, образуемомъ разливами Мо, что еле вытащили свою повозку; къ довершенію нашей непріятности, тутъ аттаковали насъ цѣлые рои оводовъ, жигалокъ и комаровъ, которые провожали насъ затѣмъ до тѣхъ поръ, пока мы не выбра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лись совершенно изъ травянистыхъ низинъ. Не говоря уже о лошадяхъ, достойно пострадавшихъ за свою лѣнь, порядочно покусаны были и мы; у меня опухла губа и правый глазъ отъ ужаленія крылатыхъ мучителей, а у ямщика обѣ щеки и глаза до того, что онъ всю дорогу затѣмъ ругался, жалуясь на то, что плохо сталъ даже видѣть.

Черезъ самую рѣченку Мо перекинуты мостики на паромахъ; возлѣ нихъ копошились, что-то строя, мѣстные саперные солдаты—настоящіе мученики среди этого царства оводовъ и комариной рати. За рѣкою передъ нами предстала снова такая пустыня, что на яркомъ желтовато-бѣломъ фонѣ ея, блестѣвшемъ нестерпимо на полудневномъ солнцѣ, появились у горизонта даже различныя оптическія иллюзіи, напоминавшія миражи; отдаленные предметы, особенно холмы и кустарники, казались какъ будто бы утопающими въ легкихъ синеватыхъ водахъ. Съ небольшого подъема, на который взбирается дорога, показываются какъ-то сразу кучка сѣрыхъ избушекъ Камня-Рыболова и обширная водная равнина Ханки.

Не смотря на то, что Камень-Рыболовъ, какъ русское поселеніе, не уступаетъ по возросту Никольскому и Владивостоку, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ идти въ сравненіе даже съ первымъ, не говоря уже о второмъ — настоящей столицы края. Жалкая группа сѣрыхъ хижинъ и мазанокъ, разбросанныхъ очень широко по берегу озера, рядъ вѣтряныхъ мельницъ, высящихся надъ ними, и убогая деревянная церковь, не отличающаяся почти отъ избы— вотъ и все, что представляетъ изъ себя Камень-Рыболовъ—третій значительный пунктъ нашъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ—сѣверная оконечность той стратегической и колонизаціонной линіи, которая начинается отъ Владивостока. Тутъ находится управленіе Ханкайскимъ округомъ и штабъ сотни южно-уссурійскаго отдѣла амурскаго казачьяго войска, созданнаго выходцами изъ станицъ, расположенныхъ по Амуру и Уссури, пришедшихъ сюда въ 1879 г. Печальный общій видъ селенія, его разбросанность, пустынность, мертвая тишина, почти совершенное отсутствіе растительности — все это произвело на меня такое грустное впечатлѣніе, что я не захотѣлъ даже остаться ночевать въ Камнѣ-Рыболовѣ, гдѣ надѣялся немного отдохнуть. Обширная и пустынная равнина водъ, не оживляемая ни однимъ парусомъ или лодченкою, какъ-то гармонировала съ безжизненностью окружающей мѣстности и усугубляла непріятность общаго впечатлѣнія. Грязная, тѣсная, наполненная мухами, тараканами и клопами почтовая станція, хуже которой я еще не встрѣчалъ на всемъ трактѣ, окончательно испортила мое настроеніе, и я рѣшилъ въ тотъ же день покинуть непривѣтливое селеніе и отправиться въ манившую меня казачину и заповѣдную полосу земель, идущихъ по границамъ Манчжуріи.. Такъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ въ Камнѣ-Рыболовѣ кончался почтовый трактъ, и мнѣ для того, чтобы ѣхать далѣе, надо было по открытому листу выправить земскихъ лошадей, что зависѣло отъ мѣстнаго засѣдателя, то я первымъ дѣломъ, приведя въ порядокъ свой туалетъ, сдѣлалъ визитъ этому послѣднему.

Засѣдатель—симпатичный капитанъ П.—принялъ меня чрезвычайно любезно и обѣщалъ все устроить, не смотря на то, что со дня на день въ деревнѣ ожидали проѣзда генералъ-губернатора, ѣхавшаго въ Владивостокъ открывать тамъ новосозданную крѣпость. У засѣдателя же я познакомился и съ исправникомъ С., управляющимъ всѣмъ Южно-Уссурійскимъ краемъ. Имѣя предубѣжденіе противъ администраціи всякаго отдаленнаго края, я былъ пораженъ, увидѣвъ и въ исправникѣ человѣка достаточно образованнаго, знающаго край и отзывчиваго въ высшей степени, съ репутаціею при томъ честнаго человѣка. Пользуясь случаемъ, я долженъ тутъ же сказать, что и вообще мѣстная, даже захолустная администрація края, посѣщеннаго мною, произвела на меня чрезвычайно выгодное впечатлѣніе и превосходитъ во многихъ отношеніяхъ мѣстныхъ властей любого даже близкаго къ центрамъ и столицамъ уголка, что дѣлаетъ великую честь генералъ-губернатору края А. Н. Корфу, любящему и умѣющему выдѣлять людей порядочныхъ и честныхъ.

Не долго я пробылъ въ Камнѣ-Рыболовѣ, побродилъ немного по селенію, полюбовался обширнымъ видомъ озера съ обрыва, но перваго впечатлѣнія все-таки не могъ разогнать; поселокъ, не смотря на присутствіе нѣсколькихъ интелигентныхъ и симпатичныхъ людей, многочисленныхъ казаковъ, оживляющихъ его улицы, и прибрежье обширнаго озера, не привлекалъ меня къ себѣ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія земскихъ лошадей, чтобы ѣхать далѣе въ казачину, начинающуюся съ западнаго берега Ханки.

Ханка, или вѣрнѣе Ханъ-кай, т. е. средиземное море, какъ его зовутъ китайцы, представляетъ обширный озерный бассейнъ болѣе чѣмъ въ 3,000 квадр. верстъ, не отличающійся особенною глубиною; отъ береговъ Камня-Рыболова можно идти очень далеко по водѣ, не встрѣчая глубины такой, чтобы покрыть хотя до пояса человѣка; наибольшая глубина его, говорятъ, не превышаетъ пятишести саженей; подобное мелководье, уничтожаемое только во время половодья Амура и Уссури, а также постоянные вѣтры, производящіе сильную и непріятную зыбь, вмѣстѣ съ малою способностью для постояннаго судоходства р. Сунгача, составляющаго выходъ изъ Ханки въ систему Амура, обусловливаютъ пустынность обширныхъ водъ «внутренняго моря» Южно-Уссурійскаго края. По зимамъ Ханка замерзаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, при чемъ промерзаетъ во многихъ мѣстахъ до самаго дна. Черезъ озеро тогда идетъ почтовая зимняя дорога, имѣющая нѣсколько иное направленіе,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чѣмъ лѣтомъ, когда пароходы, идущіе отъ Камня-Рыболова по Ханкѣ и далѣе по Сунгачу и Уссури до самой Хабаровки, продолжаютъ владивостокскій трактъ. Въ виду того, что осенью и весною наступаетъ великая распутица, которая тянется по нѣсколько недѣль, то для Южно-Уссурійскаго края наступаетъ сезонъ, когда онъ становится совершенно отрѣзаннымъ отъ остальной Сибири. Далѣе Камня-Рыболова по Сунгачу нѣтъ почтоваго лѣтняго тракта; озеро и рѣка не позволяютъ еще начаться пароходству, зимникъ уже попортился или не установился. То же самое наступаетъ иногда и лѣтомъ, когда Сунгачъ высыхаетъ и становится непроходимымъ даже для мелкосидящихъ параходовъ. Въ прошломъ, 1889 г., даже начальникъ края, гостившій въ Владивостокѣ, не зналъ, какъ пробраться ему въ серединѣ сентября домой въ Хабаровку и боялся зазимовать до установленія саннаго пути, идущаго болѣе прямымъ путемъ. Этотъ-то частый и полный перерывъ единственной коммуникаціонной линіи, связывающей Южно-Уссурійскій край съ остальною Сибирью, и заставляетъ мѣстную администрацію просить и ходатайствовать, чтобы однимъ изъ первыхъ участковъ будущей великой сибирской желѣзной дороги было соединеніе Владивостока съ Хабаровкою и Амуромъ постояннымъ и надежнымъ рельсовымъ путемъ.

Не смотря на всѣ мои старанія скорѣе выбраться изъ не понравившагося Камня-Рыболова, мнѣ это удалось лишь поздно вечеромъ; время, потерянное для осмотра ближайшихъ окрестностей поселенія, было отчасти вознаграждено нѣкоторыми находками, сдѣланными недалеко отъ каменнаго выступа, давшаго имя самому селенію, и признанными мною за остатокъ доисторическихъ обитателей береговъ Ханки. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ не позволилъ мнѣ сдѣлать необходимыхъ покопокъ, и я, уѣзжая темнымъ дождливымъ вечеромъ изъ Камня-Рыболова, уже скорбѣлъ о томъ, что оставлялъ за собою мѣсто, быть можетъ, весьма интереснымъ въ археологическомъ отношеніи находокъ.

Выѣхавъ изъ поселенія, мы взяли по проселку, идущему среди пахатныхъ полей; вдали уже на горизонтѣ темнѣли громады возвышеній, превращающихся въ каменные увалы по манчжурской границѣ. Порою вспыхивавшія на западномъ горизонтѣ зарницы оживляли мрачное, покрытое тучами небо и словно указывали нашъ дальнѣйшій путь.

— Въ казачину, баринъ, ѣдете, или къ столпамъ? — спросилъ меня лихой ямщикъ, уссурійскій казакъ.

— Въ казачину, братецъ, гони скорѣе, — отвѣчалъ я, кутаясь отъ ночной сырости покрѣпче въ свою кавказскую бурку...

А. Елисѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КАРИКАТУРИСТЪ Н. А. СТЕПАНОВЪ.

ВЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ редакціи «Историческаго Вѣстника» А. В. Старчевскимъ были доставлены матеріалы для очерка жизни и дѣятельности нашего знаменитаго карикатуриста Николая Александровича Степанова, до сихъ поръ не дождавшагося болѣе или менѣе обстоятельной характеристики и оцѣнки своихъ многочисленныхъ трудовъ, богатаго наслѣдія художественныхъ, общественныхъ и политическихъ карикатуръ, въ теченіе почти четверти вѣка (съ конца 40-хъ до начала 70-хъ годовъ) пользовавшихся среди тогдашней публики большимъ успѣхомъ и до сихъ поръ не утратившихъ въ нѣкоторой своей части значительнаго интереса. Г. Старчевскій, лично зная покойнаго Н. А. Степанова (послѣдній съ конца 1857 года и въ теченіе 1858 года сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества» г. Старчевскаго), сообщилъ о немъ, во-первыхъ, свои воспоминанія и свою съ нимъ переписку,—а во-вторыхъ, обильныя свѣдѣнія о Н. А. Степановѣ, доставленныя г. Старчевскому другими лицами. Эти свѣдѣнія, весьма цѣнныя для очерка объ нашемъ карикатуристѣ, заключаются въ разныхъ документахъ, хранимыхъ у старшаго брата Ник. Ал., нынѣ генерала-отъ-инфантеріи, царскосельскаго коменданта, Петра Александровича Степанова, и сына покойнаго, Сергѣя Николаевича Степанова; въ запискѣ П. Ал—ча о своемъ братѣ, представляющей какъ бы curriculum vitae послѣдняго; въ показаніяхъ и отвѣтахъ Серг. Ник. на сдѣланные ему г. Старчевскимъ 180 вопросовъ; въ показаніяхъ Алек. Ив. Беггрова, съ которымъ Н. А. Степановъ въ 50-хъ годахъ издавалъ альбомъ своихъ политическихъ карикатуръ по поводу Крымской войны и общественныхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

подъ заглавіемъ «Знакомые»; въ письмахъ, числомъ болѣе 60-ти, Степанова къ А. И. Беггрову по поводу этихъ изданій; наконецъ, благодаря любезному содѣйствію сына покойнаго, г. Старчевскій пользовался портфелемъ съ бумагами и письмами, оставшимися послѣ талантливаго карикатуриста. Послѣднія бумаги Степановъ хранилъ съ цѣлію составить впослѣдствіи свои мемуары, что видно изъ находящагося на портфелѣ ярлыка, на которомъ покойный собственноручно написалъ: «Письма, записки извѣстныхъ личностей, письма многихъ женщинъ, съ которыми былъ друженъ, и вообще разный матеріалъ, полезный для моихъ предполагаемыхъ мемуаровъ».

Обработка всѣхъ собранныхъ г. Старчевскимъ матеріаловъ, по просьбѣ редакціи, сдѣлана мною, при чемъ я, въ свою очередь, собралъ и пересмотрѣлъ всѣ изданныя степановскія карикатуры, выбравъ изъ нихъ для воспроизведенія на страницахъ «Историческаго Вѣстника» наиболѣе удачныя и до сихъ поръ не утратившія своего интереса и значенія. Кромѣ того, я сдѣлалъ оцѣнку трудовъ Степанова и вообще его дѣятельности, охарактеризовавъ попутно и основанный нашимъ карикатуристомъ вмѣстѣ съ В. С. Курочкинымъ сатирическій журналъ «Искру», который въ 60-хъ годахъ пользовался такимъ успѣхомъ и который до сихъ поръ является единственнымъ въ своемъ родѣ [1]).

Ridendo castigat mores.
(Насмѣшка очищаетъ нравы).

Въ то время, какъ на Западѣ карикатура переживаетъ уже четвертое столѣтіе (возникновеніе ея относится къ XVI вѣку),— пользуется серьезнымъ общественнымъ значеніемъ, находясь постоянно на стражѣ текущей политической и общественной жизни,— появляется на страницахъ цѣлой серіи сатирическихъ и юмористическихъ повременныхъ изданій, — насчитываетъ цѣлый рядъ

[1]) Считаю долгомъ принести искреннюю благодарность А. И. Беггрову, любезно предоставившему мнѣ всѣ изданные имъ альбомы степановскихъ карикатуръ, а также всѣ сохранившіяся у него степановскія статуэтки-карикатуры и бюстики извѣстныхъ русскихъ писателей, художниковъ, актеровъ и музыкантовъ 40-хъ годовъ; В. П. Ламбину, оказавшему мнѣ немалое содѣйствіе при пользованіи въ Публичной Библіотекѣ иллюстрированными сатирическими изданіями 50-хъ и 60-хъ годовъ, и В. В. Стасову, доставившему возможность помѣстить въ настоящей статьѣ описаніе хранящагося въ Библіотекѣ альбома степановскихъ карикатуръ на М. И. Глинку, и воспроизвести нѣкоторыя изъ нихъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Этотъ интересный альбомъ принесенъ въ даръ Публичной Библіотекѣ извѣстнымъ астрономомъ, имѣющимъ въ Дрезденѣ свою обсерваторію, В. П. Энгельгардтомъ, безъ разрѣшенія котораго нельзя ни воспроизводить изъ него карикатуръ, ни описывать ихъ на страницахъ повременныхъ изданій. Это разрѣшеніе и получено отъ г. Энгельгардта при обязательномъ содѣйствіи В. В. Стасова. С. Т.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своихъ замѣчательныхъ и талантливыхъ представителей, въ родѣ Гаварни, Гогарта, Дамье, Дантана, Шама и другихъ,—имѣетъ, наконецъ, о себѣ нѣсколько выдающихся, солидныхъ изслѣдованій-какъ, напримѣръ, Райта, Флегеля-Эбелинга, Шанфлери и Картере [1]), — у насъ на Руси она еще очень недавно завоевала право гражданства, всего пожалуй какихъ-нибудь лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ, хотя первыя карикатуры и появились въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Эти первыя карикатуры принадлежатъ Теребеневу и Иванову на походъ Наполеона I въ Россію и очень многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ большомъ интересѣ и мѣткости. Но тѣмъ дѣло и кончилось, карикатура плохо прививалась на русской почвѣ, хотя русская жизнь и представляла для нея обильный матеріалъ, которымъ уже успѣла воспользоваться литература, въ лицѣ талантливыхъ баснописцевъ Хемницера и Дмитріева, а въ особенности геніальнаго Крылова. Только въ началѣ сороковыхъ годовъ карикатура опять появляется, чтобы, наконецъ, мало-по-малу, пустить прочные корни въ нашей общественной и отчасти политической жизни. Мы говоримъ объ альбомѣ карикатуръ Даля — «Похожденія Віольдамура»,—приложенномъ къ «Библіотекѣ для Чтенія» и заключавшемъ въ себѣ до пятидесяти литографированныхъ листовъ, на которыхъ рисунокъ былъ несложенъ и незатѣйливъ и вся карикатурность его заключалась въ подписяхъ. Альбомъ этотъ былъ очень цѣнимъ въ свое время и скоро сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи русской карикатуры должна по справедливости считаться дѣятельность М. Неваховича, издававшаго въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1846 года по 1849) карикатурный альбомъ «Ералашъ», въ которомъ сотрудничалъ въ первые два года и Н. А. Степановъ. Недавно В. Р. Зотовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, печатавшихся на страницахъ «Историческаго Вѣстника» [2]), посвятилъ Неваховичу и его альбому нѣсколько весьма

[1]) A History of caricature and Grotesque in Literature and Art. By Thomas-Wright.—Geschichte des Grotesk—komischen von Floegel-Ebelings.—Champfleury: — a) Histoire de la caricature moderne, b) Histoire de la caricature sous le république, l'empire et la restauration, c) Histoire de la caricature sous la reforme et la ligue—Louis XIII à Louis XVI.—J. Grand-Carteret. Les moeurs et la caricature en France.

[2]) См. «Историческій Вѣстникъ» 1890, № 4, стр. 105—113. Изъ этой статьи мною взято описаніе нѣкоторыхъ карикатуръ Неваховича, ибо, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть полнаго экземпляра «Ералаша». Благодаря обязательной любезности П. М. Виноградова, мнѣ пришлось просмотрѣть «Ералашъ» лишь за 1847—1849 года и то неполные. Перваго же выпуска мы не видали. Впрочемъ, первый выпускъ не особенно важенъ, ибо на первыхъ порахъ Неваховичъ, имѣя смутныя понятія о законахъ перспективы и анатоміи человѣческаго тѣла, какъ говоритъ г. Зотовъ, рисовалъ только головы, а все остальное отдѣлывалъ и дополнялъ Пальмъ. Слѣдовательно, мы видѣли наиболѣе характерное для дѣятельности Неваховича.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сочувственныхъ страницъ. Г. Зотовъ, оцѣнивая дѣятельность Неваховича, говоритъ, между прочимъ, что это былъ настоящій родоначальникъ литературной карикатуры, а Н. А. Степановъ только его преемникъ и послѣдователь, хотя и лучше его владѣвшій карандашемъ, но менѣе остроумный и наблюдательный.

Съ первымъ мнѣніемъ, конечно, согласится всякій, ибо до «Ералаша» Неваховича не было ничего подобнаго. Но мы не можемъ раздѣлять утвержденіе г. Зотова, что будто бы Н. А. Степановъ былъ менѣе остроуменъ и наблюдателенъ, чѣмъ Неваховичъ. По нашему крайнему разумѣнію, основанному на внимательномъ разсмотрѣніи степановскихъ карикатуръ, (а всѣхъ ихъ болѣе трехъ тысячъ),—Степановъ долженъ считаться талантливѣйшимъ изъ русскихъ карикатуристовъ. Къ признанію г. Зотова, что Неваховичъ плохо рисовалъ фигуры и вообще обстановку своихъ карикатуръ, мы прибавимъ, что онъ не блисталъ особеннымъ остроуміемъ, превосходящимъ остроуміе Н. А. Степанова. Въ сороковыхъ годахъ «Ералашъ» можетъ быть, дѣйствительно, какъ новинка, имѣлъ успѣхъ огромный; теперь же его карикатуры не производятъ почти никакого впечатлѣнія, за весьма малыми исключеніями. Между тѣмъ, большая часть карикатуръ Н. А. Степанова (напримѣръ, изъ «Искры», «Сына Отечества», альбомовъ «Знакомые», альбомовъ политическихъ карикатуръ на Крымскую войну и др.) до сихъ поръ не утратила ни своего интереса, ни своего общественнаго значенія. Положимъ, Неваховичъ очень рано умеръ — всего 33-хъ лѣтъ,—а Н. А. Степановъ дожилъ до преклоннаго возроста, и лучшія его карикатуры нарисованы близко къ концу его дѣятельности. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что Неваховичъ можетъ быть,—проживи онъ дольше,—превзошелъ бы Н. А. Степанова, а теперь послѣдній стоитъ значительно выше перваго.

Тѣмъ не менѣе, по справедливому мнѣнію г. Зотова, «Ералашъ» заслуживаетъ всякаго вниманія, ибо въ немъ затронуты не безъ юмора, иногда очень ѣдкаго, по возможности «главныя стороны общественной жизни Петербурга въ 1846—1849 годахъ, всѣ его знаменитости, событія, увеселенія». Никакого скабрезнаго элемента, которымъ только и живутъ современные карикатуристы, Неваховичъ не допускалъ въ «Ералашѣ», также какъ не допускалъ его и Н. А. Степановъ въ своихъ альбомахъ и въ редактировавшихся имъ сатирическихъ изданіяхъ, которыхъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и основателемъ,—въ «Искрѣ» и «Будильникѣ». Тоже можно сказать и про другія сатирическія изданія 60-хъ годовъ — напримѣръ, про «Занозу» Розенгейма и «Развлеченіе» Ѳ. Б. Миллера. Тогда, въ 60-хъ годахъ, карикатура имѣла серьезныя общественныя задачи, была орудіемъ цивилизаторскихъ цѣлей, бичемъ современныхъ пороковъ и соціальныхъ безобразій; нынѣ же карикатурные журналы сосредоточиваютъ все свое вниманіе, главнымъ образомъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на избитомъ и набившемъ оскомину толкованіи порнографіи. Не вдаваясь въ подробный разборъ причинъ такого явленія, замѣтимъ только, что журналистика вообще является знаменіемъ времени и извѣстные ея органы не могутъ существовать безъ поддержки публики.

Въ «Ералашѣ» на каждомъ листѣ, въ числѣ 6—10 рисунковъ, встрѣчалось множество портретовъ лицъ, знакомыхъ всей столицѣ. Не щадилъ карикатуристъ и себя, рисуя собственный портретъ на заглавномъ листѣ всѣхъ годовъ. Неваховичъ безпощадно преслѣдовалъ карточныя мошенничества, и въ «Ералашѣ» можно найти портреты извѣстныхъ шулеровъ того времени. Порядочно доставалось и докторамъ: альбомъ украшаютъ портреты тогдашнихъ медицинскихъ знаменитостей и особенно театральныхъ докторовъ: Берса, Гейденрейха, Дворжака. Неваховичъ изображаетъ ихъ то стрѣляющими на воздухъ изъ пушки — микстурами и рецептами въ гришъ, то свободно пропускающими въ 1848 году въ петербургскую заставу изъ Персіи холеру и отдающими ей честь клистирными трубками. Нѣсколько листовъ посвящено холернымъ разговорамъ великосвѣтскихъ особъ; хорошъ Невскій проспектъ со всѣми обычными его посѣтителями, съ портретами лицъ, гуляющихъ для здоровья, для развлеченія, съ горя, отъ нечего дѣлать, для собственнаго удовольствія. Въ числѣ петербургскихъ увлеченій, осмѣяна страсть къ пусканію мыльныхъ пузырей; изъ литераторовъ помѣщены портреты: Панаева, наблюдающаго, какъ книгопродавецъ Ратьковъ раздаетъ дичь въ видѣ приложенія къ «Современнику», — Булгарина, являющагося привидѣніемъ господину, начитавшемуся на ночь «Всякой всячины», — Григоровича, роющагося въ навозѣ, читающаго «Антона-Горемыку» при заснувшихъ отъ скуки слушателяхъ и ухаживающаго за Акулиной, обливающей его помоями, — поэта Губера, съ постной физіономіей бродившаго по маскарадамъ, и др. Попадаются карикатуры на нѣкоторыя театральныя пьесы, на нѣкоторыхъ актеровъ, какъ, напримѣръ, на Каратыгина и Максимова, на тогдашнихъ «акробатовъ благотворительности», на столичныя увеселенія, на петербургскую погоду, и пр. Послѣдній листъ альбома 1847 года оканчивался большою аллегорическою картиною «Шествіе въ храмъ славы», на которой фигурировала большая часть тогдашнихъ литераторовъ на пути въ храмъ славы. Казенный полосатый шлагбаумъ поднималъ цензоръ Очкинъ. Подлѣ него стоялъ Гребенка, впереди всѣхъ шелъ Гречъ съ своей грамматикой и съ «Черной женщиной» на плечахъ, за нимъ Кукольникъ съ своей «Иллюстраціей». Муза очищала метлою дорогу передъ обнявшимися Жуковскимъ и Вяземскимъ. Внизу другая муза тащила съежившуюся фигуру Бенедиктова. Въ тарантасѣ, на запяткахъ котораго стоялъ медвѣдь, ѣхалъ Сологубъ, пуская мыльные пузыри, подлѣ бѣжалъ въ при-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прыжку Панаевъ, шелъ Одоевскій и скелеты несли Губера, разсматривающаго черепъ. Выше всѣхъ несся Гоголь, уснувшій на второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», а за нимъ Булгаринъ летѣлъ верхомъ на пчелѣ. Внизу, въ лѣвомъ углу, бѣжалъ Зотовъ и выглядывала голова Некрасова. «Ералашъ» сдѣлался теперь большой библіографической рѣдкостью.

Въ числѣ предшественниковъ Н. А. Степанова нельзя, наконецъ, не назвать и Пав. Андр. Ѳедотова, тоже, какъ и Неваховичъ, очень рано умершаго—всего 37-ми лѣтъ (Ѳедотовъ родился въ 1815 году, умеръ въ 1852 г.[1]). Собственно карикатура для Ѳедотова была занятіемъ второстепеннымъ, ибо онъ долженъ по справедливости считаться отцомъ современнаго жанра. Извѣстность П. А. Ѳедотова зиждется на жанровыхъ картинахъ, какъ «Сватовство маіора»; карикатуры же его мало извѣстны, ибо въ большинствѣ случаевъ остались неизданными. Тѣмъ не менѣе, по утвержденію г. Сомова, преобладающимъ элементомъ работъ П. А. Ѳедотова является карикатура, полная неподдѣльнаго юмора и ѣдкой ироніи, и въ этомъ отношеніи онъ подражалъ Гогарту; образцомъ же карандашнаго пріема служили для художника французскіе рисовальщики, преимущественно Гаварни. Такимъ образомъ, П. А. Ѳедотовъ привилъ карикатуру къ живописи, и въ этомъ отношеніи всякій согласится съ г. Сомовымъ, говорящимъ, что Ѳедотовъ открылъ новую, никѣмъ до него еще нетронутую въ русской живописи, жилу національности и сатиры, показалъ примѣръ удачной ея разработки и оставилъ ее въ наслѣдіе возникшимъ послѣ него талантамъ,—что, благодаря Ѳедотову, наше искусство обратилось отъ школьныхъ, чуждыхъ общественнаго интереса задачъ, къ изученію современнаго быта, къ обличенію его недостатковъ, къ указанію на свѣтлыя стороны русской жизни.

Всѣ помянутые предшественники Н. А. Степанова не сдѣлали, однако, карикатуру необходимымъ элементомъ нашей общественной жизни: эта честь выпала на долю Николая Александровича. Съ его легкой руки является у насъ цѣлый рядъ карикатурныхъ изданій, сдѣлавшихся уже потребностью нашего общества, хотя, пожалуй, карикатура у насъ на Руси, по различнымъ независящимъ отъ нея причинамъ, еще очень слабо вліяетъ на улучшеніе нравовъ. Карикатурные опыты Неваховича и Ѳедотова пробудили талантъ въ чиновникѣ, когда ему было уже за сорокъ лѣтъ—и онъ серьезно взялся за карандашъ, пустивъ въ ходъ опыты своего рисовальнаго искусства, которые до тѣхъ поръ очень долго ходили по рукамъ однихъ друзей и близкихъ его знакомыхъ, не появляясь на свѣтъ

[1]) Объ этомъ замѣчательномъ русскомъ художникѣ-самоучкѣ, такъ же какъ Неваховичъ и Степановъ, смотри трудъ А. И. Сомова: «П. А. Ѳедотовъ». Спб. 1876 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Божій. Н. А. Степановъ оставляетъ службу и посвящаетъ себя еще новому тогда дѣлу, въ которомъ онъ вскорѣ заявилъ себя выдающимся мастеромъ. Въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ (съ конца сороковыхъ годовъ по начало семидесятыхъ) онъ не выпускалъ изъ рукъ карандаша, оставивъ послѣ себя богатое наслѣдіе художественныхъ, общественныхъ и политическихъ карикатуръ.

I.

Гнѣздо рода Степановыхъ—Калужская губернія, Мещовскій и Жиздринскій уѣзды, гдѣ уже съ начала XVI столѣтія они владѣли помѣстіями, пожалованными имъ нашими великими князьями и царями. Уже при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ Степановы были пожалованы за свою службу помѣстьями по Хопру, въ Саратовской губерніи, находящимися и теперь во владѣніи этого рода. Нѣсколько Степановыхъ встрѣчаются въ исторіи и, въ числѣ ихъ имя новгородскаго думнаго дьяка, котораго казнилъ Іоаннъ Грозный, а потомъ внесъ въ свой синодикъ, предписывая молиться объ упокоеніи души его. Не вдаваясь въ особенныя ѣе неалогическія подробности, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о прадѣдѣ и дѣдѣ нашего карикатуриста и затѣмъ подробнѣе остановимся на его отцѣ, Александрѣ Петровичѣ, довольно извѣстномъ въ свое время—въ тридцатыхъ годахъ—авторѣ романа «Постоялый дворъ» и «Описанія Енисейской губерніи», въ которой А. П. былъ губернаторомъ [1]).

Отъ Семена Моисеевича Степанова, прадѣда Ник. Алек., родились три сына—Ипполитъ, Руфъ и Петръ (отецъ Александра Петровича). Старшій изъ братьевъ, Ипполитъ Семеновичъ, служилъ при Екатеринѣ II въ конной гвардіи, а потомъ, оставивъ службу, поселился въ своихъ имѣніяхъ. То былъ человѣкъ свѣтлаго и предпріимчиваго ума, но дерзкаго и необузданнаго характера. Назначенный депутатомъ въ извѣстную екатерининскую комиссію, И. С. Степановъ опять появился въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ, по своему заносчивому и мстительному характеру, пріобрѣлъ много враговъ среди лицъ, бывшихъ тогда въ силѣ при дворѣ. Смѣшивая свои личныя антипатіи съ политическими воззрѣніями, Ипполитъ Семеновичъ вскорѣ навлекъ на себя наказаніе, и за свои предосудительные поступки былъ сосланъ въ Камчатку, гдѣ сошелся съ извѣстнымъ авантюристомъ Бенёвскимъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ

[1]) Свѣдѣнія о предкахъ, объ отцѣ Степанова и его дѣятельности, почерпнуты мною изъ обширной статьи А. В. Дружинина, помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1857 годъ, №№ 6 и 7. Въ этой статьѣ сдѣлана и обстоятельная литературная характеристика А. П. Степанова, причемъ особенно подробно азобранъ «Постоялый дворъ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ подговорилъ и нѣсколькихъ другихъ ссыльныхъ; они захватили въ Большерѣцкомъ портѣ судно, и пустились въ открытое море. Однако, вскорѣ бѣглецы поссорились. И. С. Степановъ составилъ заговоръ противъ Бенёвскаго, рѣшивъ высадить его куда-нибудь на берегъ. Но Бенёвскій перехитрилъ Степанова, который былъ схваченъ сторонниками авантюриста и высаженъ на островѣ Явѣ. Вся эта исторія разсказана въ запискахъ Бенёвскаго, изданныхъ на французскомъ языкѣ; очень вѣроятно, что высадка Степанова на Явѣ есть плодъ фантазіи сочинителя, а что на дѣлѣ Бенёвскій или убилъ, или повѣсилъ злоумышлявшаго противъ него человѣка.

Слѣдующій братъ, Руфъ Семеновичъ, былъ мистикомъ того времени. Служилъ онъ въ гражданской службѣ и основалъ гернгутерскую колонію въ Саратовской губерніи, составивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уставъ для колонистовъ, получившій тогда названіе «руфовскихъ законовъ». Наклонность его къ мистицизму сдѣлала его замѣчательнымъ лицомъ въ кругу тогдашнихъ мистиковъ, какъ бы ихъ оракуломъ и наставникомъ. Руфъ Семеновичъ изучалъ духовидцевъ и иллюминатовъ, бесѣдовалъ съ друзьями о сокровеннѣйшихъ тайнахъ науки, видѣлъ видѣнія, бесѣдовалъ съ мертвецами, и т. п. Все это не мѣшало ему быть человѣкомъ набожнымъ, благотворительнымъ и всѣми уважаемымъ. Когда подъ старость онъ лишился зрѣнія, образованнѣйшіе люди обѣихъ столицъ (онъ жилъ въ Москвѣ) все-таки посѣщали его, читали ему духовныя книги и слушали его бесѣду. Слѣпецъ дожилъ до 1828 года, скончавшись въ Москвѣ, окруженный почетомъ.

Самый младшій братъ, Петръ Семеновичъ, дѣдъ нашего карикатуриста, являлъ собой типъ человѣка, преданнаго философіи энциклопедистовъ. Онъ былъ выпущенъ изъ шляхетскаго корпуса подпоручикомъ въ армію. Стоя съ полкомъ въ Смоленской губерніи, онъ познакомился съ семействомъ Кашталинскихъ, людей богатыхъ, гордыхъ своими связями при дворѣ, и просилъ руки старшей дочери, Пелагеи Степановны, но получилъ рѣшительный отказъ. Въ это время началась кампанія съ Пруссіей, и П. С. Степановъ участвовалъ въ ней. По заключеніи мира, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Берлинѣ, имѣлъ случай представиться Фридриху Великому, говорить съ королемъ-философомъ, и былъ до того имъ очарованъ, что избралъ его своимъ идеаломъ. Онъ просиживалъ ночи за твореніями философовъ, которымъ сочувствовалъ этотъ король, и Вольтеръ сталъ руководителемъ Петра Семеновича, хотя послѣдній, увлекаясь фернейскимъ философомъ, хранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ многія убѣжденія стараго русскаго человѣка. Однако, ни походы, ни развлеченія Берлина, ни эпикурейскія теоріи, не поколебали восьмилѣтней привязанности въ молодомъ офицерѣ. Вернувшись въ Россію премьеръ-маіоромъ, онъ снова посватался къ Пелагеѣ Степановнѣ Кашталинской. Теперь ея отецъ согласился

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на этотъ бракъ, но не далъ за дочерью приданаго. Вскорѣ послѣ брака, Степановы поселились въ Зеновкѣ, Калужской губ., гдѣ и родился у нихъ сынъ Александръ. Петръ Семеновичъ сначала занималъ мѣсто городничаго въ Козельскѣ, потомъ служилъ по выборамъ—судьей въ Мѣщовскомъ уѣздѣ. Жизнь текла мирно и весело, все улыбалось счастьемъ, какъ вдругъ скоропостижная смерть отъ удара унесла Петра Семеновича; жена осталась съ девятилѣтнимъ сыномъ; не получивъ основательнаго образованія, хотя и одаренная отъ природы необыкновеннымъ умомъ, она не могла сама руководить воспитаніемъ сына, и молодой Степановъ былъ отправленъ въ московскій университетскій благородный пансіонъ, пользовавшійся тогда славою лучшаго учебнаго заведенія въ Россіи; по ходатайству же дяди своего, оберъ-церемоніймейстера Матвѣя Ѳедоровича Камталинскаго, Александръ Петровичъ былъ записанъ сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Успѣхи Александра Петровича въ пансіонѣ были весьма замѣчательны; еще на школьной скамьѣ онъ началъ писать стихи, и А. А. Антонскій, инспекторъ пансіона, поощрялъ въ воспитанникѣ литературныя стремленія.

Александръ Петровичъ далеко еще не кончилъ своего образованія, какъ вступившій на престолъ императоръ Павелъ, желая ограничить число молодыхъ людей, не служащихъ въ гвардіи, а только въ ней записанныхъ, потребовалъ ихъ на службу; 16-тилѣтній Степановъ явился въ свой полкъ, но съ повышеніемъ чина былъ переведенъ въ армію прапорщикомъ, отправившись въ Московскій гренадерскій полкъ, уже находившійся въ составѣ войскъ, двигавшихся въ Италію подъ предводительствомъ Суворова. Начальники Александра Петровича приняли въ немъ участіе и стали давать ему легкія порученія: его назначали то ординарцемъ, то адъютантомъ. Такъ онъ перебывалъ въ свитѣ Кушникова, Багратіона и поступилъ наконецъ въ штабъ самого главнокомандующаго. Суворовъ, конечно, обращался съ нимъ какъ съ юношей и, узнавъ, что Степановъ хорошо владѣетъ перомъ, поручалъ ему писать отвѣты на поздравительныя оды, которыя присылались во множествѣ въ главную квартиру. Довольный трудомъ Степанова, фельдмаршалъ называлъ его «своимъ юнымъ Демосѳеномъ». Въ какомъ-то городѣ, гдѣ была назначена торжественная раздача орденовъ, Суворовъ поручилъ прапорщику Степанову написать слова на польскій, которыя и были пропѣты военными пѣвчими, при собраніи отборнаго итальянскаго общества. Во время раздачи наградъ, великій полководецъ подозвалъ къ себѣ Степанова, надѣлъ ему крестъ ордена Іоанна Іерусалимскаго и, обратясь къ дамамъ, вскричалъ, указывая на юношу: «eccolo il nostro piccolo Demostheno!» (вотъ онъ, нашъ крошечный Демосѳенъ!)

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Изъ Швейцаріи Степановъ, уже поручикомъ, былъ отправленъ въ свитѣ князя Горчакова къ баварскому королю просить его разрѣшенія размѣстить въ королевствѣ на отдыхъ войска, измученныя переходомъ черезъ горы. Скорое затѣмъ окончаніе похода въ Италію прекратило быстрые успѣхи Александра Петровича по службѣ. Возвратившись въ Россію, Степановъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу Быкову, шефу Старооскольскаго пѣхотнаго полка. Здѣсь молодой поручикъ страстно влюбился въ 15-тилѣтнюю дочь своего начальника, Катерину Ѳедосѣевну, бравшую у него уроки итальянскаго языка. 18-тилѣтній Степановъ рѣшился написать объ этомъ своей матери, прося у нея благословенія, въ которомъ мать ему рѣшительно отказала, зная, что генералъ Быковъ не имѣетъ никакого состоянія. Отецъ Катерины Ѳедосѣевны точно такими же глазами посмотрѣлъ на это дѣло; но послѣ отказовъ Александръ Петровичъ рѣшилъ обвѣнчаться безъ согласія родителей. Въ одинъ прекрасный вечеръ, возвратившись изъ церкви, молодые нашли генерала за партіей бостона, упали, какъ водится, ему въ ноги и просили благословить ихъ. Генералъ благословилъ новобрачныхъ, потребовалъ шампанскаго и спокойно продолжалъ игру. Но мать Александра Петровича запретила ему показываться на глаза, отказавъ во всякой помощи. Степановъ, будучи 20 лѣтъ, вышелъ въ отставку, отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Министромъ былъ тогда И. И. Дмитріевъ, извѣстный поэтъ и другъ Карамзина. Онъ отличилъ Степанова и представилъ его, какъ поэта, Державину. У Степанова пошли дѣти, а средства его были ничтожны и положеніе его становилось невыносимымъ; но, наконецъ, мать смягчилась, потребовавъ, однако, чтобы сынъ перешелъ на службу въ Калугу. Александръ Петровичъ исполнилъ желаніе матери, получилъ мѣсто прокурора, купилъ въ Калугѣ домъ и зажилъ спокойно и весело. Пелагея Степановна простила сына, но до самой смерти оставалась холодна къ невѣсткѣ.

Остроумный, веселый и любезный въ обществѣ, Александръ Петровичъ былъ уважаемъ и любимъ всѣми. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ купилъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ село Ловать съ деревнями за 20.000 р. асс. Но такъ какъ денегъ у него не было, а материнскаго капитала тоже не хватало, то Александръ Петровичъ рѣшилъ обратиться къ жившему въ Калугѣ старику князю Черкасскому, мизантропу и чудаку, ибо у него водились большія деньги. Разсчетъ на успѣхъ былъ плохой, но, къ общему удивленію, князь далъ Александру Петровичу просимую сумму съ радушной готовностью. Такъ его всѣ любили. Управленіе этимъ имѣніемъ взяла на себя мать Александра Петровича.

Наступилъ 1812 годъ. Александръ Петровичъ опять поступаетъ въ военную службу и отправляется въ главную квартиру русской

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

арміи, находившейся уже въ Тарутинѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ изъ бывшихъ своихъ начальниковъ и спутниковъ въ итальянскомъ походѣ, Милорадовичемъ, который охотно вызвался взять его къ себѣ въ адъютанты. Но чинъ коллежскаго совѣтника не позволилъ занять ему это мѣсто и потому онъ поступилъ по особымъ порученіямъ къ сенатору Каверину, на которомъ лежало продовольствіе арміи, а потомъ приведеніе въ порядокъ губерній, опустошенныхъ непріятелемъ. По изгнаніи непріятеля и по устройствѣ дѣлъ въ разоренныхъ мѣстахъ, А. П. Степановъ опять оставилъ службу и поселился въ своемъ имѣніи. Между тѣмъ, дѣти подросли и надо было позаботиться объ ихъ образованіи. Сверхъ того, начатки литературнаго воспитанія, полученные имъ въ университетскомъ пансіонѣ, клонили Александра Петровича къ литературной дѣятельности. Вниманіе Суворова къ его первымъ трудамъ, знакомство съ Державинымъ и Дмитріевымъ, не могли не подѣйствовать на Степанова съ большою силою. Проживая въ деревнѣ, онъ всякое утро проводилъ въ своемъ кабинетѣ, много писалъ стихами и прозою, если же вдохновеніе не приходило, то составлялъ записки по разнымъ предметамъ для преподаванія дѣтямъ. Въ его Ловати составился цѣлый маленькій пансіонъ для дѣтей самого хозяина и нѣсколькихъ мальчиковъ, присланныхъ его друзьями и родственниками. Самъ Александръ Петровичъ съ любовью преподавалъ дѣтямъ уроки географіи, исторіи, русскаго языка и слѣдилъ за уроками другихъ преподавателей.

Образъ жизни А. П. въ имѣніи былъ правиленъ и пріятенъ; хозяиномъ онъ былъ плохимъ, но деньги тратилъ въ изобиліи, съ пользой и удовольствіемъ: онъ построилъ прекрасный домъ, садъ украсилъ рѣдкими растеніями, возвелъ обширныя оранжереи и теплицы. Послѣ обѣда онъ спалъ, принималъ гостей-сосѣдей, занимался съ дѣтьми, а къ ночи часто запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ. Онъ обработывалъ и оканчивалъ поэму «Суворовъ», задуманную и начатую имъ еще въ Калугѣ, сочинялъ мелкія стихотворенія, которыя отсылалъ въ Москву и Петербургъ, гдѣ они и печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Наконецъ, поэма была окончена, отвезена въ Москву, гдѣ и была напечатана. Но ей не посчастливилось: на нее посыпался цѣлый градъ ожесточенныхъ критическихъ нападокъ, что̀ отбило у автора охоту къ дальнѣйшему стихотворству. И критики были правы: въ этомъ сознавался самъ Степановъ въ своемъ «Постояломъ дворѣ», говоря, что онъ только «поэтъ въ душѣ» и что поэтому «не могъ съ успѣхомъ отличаться на аренѣ литературы». Непосредственнаго, творческаго таланта, по справедливому замѣчанію Дружинина, у А. П. было дѣйствительно мало; его повѣсти, романъ «Тайна» и стихотворенія не выдерживаютъ, по выраженію того же Дружинина, даже снисходительной критики и не возвышаются надъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

уровнемъ посредственности, но «Постоялый дворъ» есть твореніе, которое, говоритъ Дружининъ, должно жить въ русской литературѣ. Объ этомъ лучшемъ произведеніи А. П., написанномъ, когда автору было уже болѣе пятидесяти лѣтъ, мы скажемъ ниже.

Пока все вниманіе А. П. было устремлено на литературу, дѣла по имѣнію шли весьма плохо. А. П. не былъ разсчетливъ, любилъ довольство, хозяйство довѣрялъ управляющимъ, вовсе не наблюдая за ними. Воспитаніе дѣтей стоило большихъ денегъ; приходы съ расходами не сходились, имѣніе пошло въ казну и частнымъ лицамъ. Дѣти же подростали: старшимъ мальчикамъ было уже по 13 и 12 лѣтъ. А. П. рѣшилъ отдать ихъ въ Московскій университетскій пансіонъ,—гдѣ самъ первоначально получилъ образованіе,— и опять поступить на службу.

А. П. Степановъ свезъ сыновей въ Москву, а самъ отправился въ Петербургъ, гдѣ у него были еще многіе пріятели изъ прежнихъ сослуживцевъ: Кушниковъ, князь Кочубей, Милорадовичъ. По ихъ ходатайству, онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника и мѣсто губернатора въ открывавшейся тогда Енисейской губерніи. Въ 1822 году, Степановъ отправился съ семьей, кромѣ двухъ старшихъ сыновей [1]), въ Сибирь.

Принимая новую должность, А. П. сознавалъ, что его дѣятельности открывается новое, обширное поприще. Онъ страстно полюбилъ ввѣренную его заботамъ страну и пользовался въ ней общимъ уваженіемъ. Онъ находилъ время нѣсколько разъ объѣзжать свою безграничную губернію—къ сѣверу до Туруханска, и на югъ до китайской границы, представляя отчеты о своихъ объѣздахъ государю, который постоянно оставался ими доволенъ. Отчеты Степанова были замѣчательны по живости, занимательности изложенія, обилію новыхъ фактовъ; въ нихъ А. П. былъ, по выраженію Дружинина, поэтомъ на столько же, на сколько онъ имъ не былъ въ «Суворовѣ» и мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ. Его картины природы живы и вѣрны, его подробности о нравахъ населенія изложены превосходно. Любя естественныя науки, онъ умѣлъ оживлять свѣдѣнія о произведеніяхъ и природѣ края, — антикварій и любитель археологіи, онъ толковалъ о народной старинѣ, о народныхъ преданіяхъ, какъ о своемъ любимомъ предметѣ. Стоитъ только прочитать одну главу изъ «Описанія Енисейской губеріи», чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго.

Главныя занятія А. П. Степанова по устройству края сосредоточивались въ Красноярскѣ, возведенномъ въ губернскій городъ. Въ немъ онъ поселился съ особенною радостью, такъ какъ мѣсто приходилось ему по сердцу; климатъ оказался отличнымъ и здоровымъ.

[1]) Петра Александровича, нынѣ генерала-отъ-инфантеріи, царскосельскаго коменданта, и Николая Александровича, нашего карикатуриста. Старшимъ изъ нихъ былъ П. А.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

При Степановѣ Красноярскъ сдѣлался настоящею столицею богатой губерніи. Поселеніе ссыльныхъ, устройство училищъ, заведеніе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, устройство приказа общественнаго призрѣнія, многочисленныя мѣры, касающіяся бродячихъ народовъ округа, — вотъ малая часть занятій А. П. Среди трудовъ и хлопотъ по управленію губерніей, Степановъ находилъ время и для литературныхъ занятій. Такъ, подъ его руководствомъ былъ составленъ и напечатанъ «Енисейскій Альманахъ», обратившій на себя особенное вниманіе цѣнителей даже въ ту пору, столь обильную альманахами. Онъ вышелъ въ свѣтъ въ 1826 году, и одною изъ лучшихъ статей въ немъ была статья А. П., до сихъ поръ еще замѣчательная какъ по занимательности предмета, такъ и по изяществу изложенія. Это «Поѣздка въ китайскій городъ Маймачень», впослѣдствіи изданная въ 1838 году, въ Петербургѣ, при собраніи мелкихъ повѣстей А. П. Степанова.

Служба А. П. въ Енисейской губерніи продолжалась болѣе девяти лѣтъ (т. е. до 1832 года), послѣ чего онъ покинулъ свой губернаторскій постъ и уѣхалъ въ имѣніе своей матери—Троицкое, куда призывали его и семейныя дѣла. Въ 1825 году А. П. лишился жены; почти одновременно, умерла и его мать. Старшіе сыновья А. П., уже начавшіе свою службу, требовали поддержки, тогда какъ слѣдовало еще заниматься воспитаніемъ младшихъ сиротъ. Мать Степанова, умирая, завѣщала имѣніе своимъ внукамъ, такъ что съ одной стороны А. П. былъ успокоенъ, но зато его собственныя имѣнія были проданы съ аукціона во время его отсутствія. Дѣла по хозяйству пришли въ такое положеніе, что нельзя было и думать о выкупѣ потерянныхъ имѣній, слѣдовало лишь позаботиться о томъ, чтобы дѣти не остались безъ куска хлѣба. Положеніе свое около 1832 года А. П. съ полной откровенностью передаетъ, говоря о семейныхъ дѣлахъ своего героя Горянова, во введеніи къ роману «Постоялый дворъ».

«Горяновъ,—говоритъ онъ,—видѣлъ много бѣдъ въ жизни своей, прошелъ черезъ большія испытанія. Онъ предавался страстямъ пылкимъ и безпеченъ былъ къ собственнымъ выгодамъ. Онъ женился рано; лишился жены, имѣлъ до десяти прекрасныхъ дѣтей, которымъ его мать укрѣпила небольшое имѣніе. Его собственное подверглось, по частнымъ долгамъ, публичной продажѣ во время службы, которую продолжалъ онъ въ отдаленнѣйшихъ концахъ имперіи. Не желая стѣснять дѣтей своихъ, онъ удержалъ для себя изъ остатковъ богатаго состоянія не болѣе пяти тысячъ рублей, и всѣ ихъ употребилъ на заведеніе постоялаго двора, на одной изъ губернскихъ дорогъ, пролегающихъ къ Москвѣ, въ двухъ стахъ верстахъ отъ столицы».

Эти слова буквально вѣрны, за исключеніемъ постоялаго двора... А. П. тихо проживалъ въ селѣ Троицкомъ, философски покоряясь житейской невзгодѣ и снова обращаясь къ своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ: онъ доканчивалъ свой романъ и «Опи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

саніе Енисейской губерніи». До осени 1834 года авторъ «Постоялаго двора» прожилъ въ селѣ Троицкомъ, съ наступленіемъ же слѣдующаго года онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ тогда же были изданы «Описаніе Енисейской губерніи» и «Постоялый дворъ». Первый трудъ, изданный въ двухъ томахъ, былъ поднесенъ императору Николаю Павловичу, который наградилъ автора подаркомъ по чину и пожаловалъ 10.000 рублей ассигнаціями на издержки изданія.

Успѣхъ «Постоялаго двора» былъ весьма значителенъ: онъ былъ встрѣченъ общими похвалами. Но не смотря на все это, дѣла А. П. не только не пришли въ хорошее положеніе, а напротивъ того, запутались еще болѣе. Старшіе сыновья нуждались въ поддержкѣ, за трехъ младшихъ приходилось платить въ пансіонъ, младшій сынъ оставался еще въ Троицкомъ, двѣ дочери воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ. Однако, А. П. не ропталъ на свою судьбу и радовался, что могъ часто видѣться съ нѣжно-любимыми дѣтьми. Онъ возобновилъ столичныя знакомства, вступилъ въ число сотрудниковъ «Библіотеки для Чтенія» и сблизился съ О. И. Сенковскимъ, ея редакторомъ. Въ 1836 году Степановъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Саратовъ, но занималъ этотъ постъ весьма недолго, послѣ чего, благодаря высокому покровительству государя, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ содержанія.

Грустнымъ и больнымъ старикомъ вернулся авторъ «Постоялаго двора» въ Петербургъ, лѣтомъ 1837 года. Сношенія съ «Библіотекой для Чтенія» продолжались и во время этого послѣдняго пребыванія нашего автора въ Петербургѣ. За время своей журнальной дѣятельности, т. е. съ 1835 года, А. П. помѣстилъ въ «Библіотекѣ» рядъ повѣстей и разсказовъ, имѣвшихъ среди публики успѣхъ, благодаря лежащей въ основѣ каждаго его произведенія умной мысли, бойкости въ разсказѣ, эфектности и внѣшней занимательности сюжета. Но ни эти повѣсти, ни изданный отдѣльно романъ «Тайна», ничего не прибавляютъ къ литературной репутаціи А. П. Степанова.

Въ концѣ 1837 года крѣпкое здоровье А. П. наконецъ подломилось подъ гнетомъ тревогъ и недуговъ. Хроническое воспаленіе печени, начавшееся весьма давно, достигло крайнихъ предѣловъ и свело его въ могилу.

25-го ноября, рано утромъ, авторъ «Постоялаго двора» скончался тихо и безболѣзненно въ кругу дорогихъ для него людей. Тѣло его отпѣли въ Троицкомъ соборѣ и перевезли въ село Троицкое, гдѣ оно и погребено.

Полу-романъ, полу-автобіографія «Постоялый дворъ», по словамъ Дружинина, можетъ показаться съ современной точки зрѣнія произведеніемъ, не имѣющимъ художественнаго значенія, проникну-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тымъ дидактикой старыхъ годовъ, съ которой теперь трудно мириться; однако, при болѣе внимательномъ отношеніи, въ немъ открывается много «поэзіи тихаго преклоннаго возраста». Помимо своего автобіографическаго значенія, «Постоялый дворъ» представляетъ еще интересъ, какъ весьма поэтическое воспроизведеніе свѣтлой стороны русской помѣщичьей жизни за старое время. По словамъ того же Дружинина, въ этомъ лучшемъ произведеніи Степанова сосредоточились въ оригинально-художественномъ видѣ всѣ мысли, всѣ страсти, всѣ стремленія, всѣ радости, всѣ мечтанія, даже фантазіи и причуды людей стараго вѣка Мы не будемъ останавливаться на изложеніи содержанія «Постоялаго двора»: для современныхъ читателей это мало интересно; желающихъ же ближе познакомиться съ этимъ произведеніемъ мы отсылаемъ къ вышепомянутой обстоятельной статьѣ Дружинина въ «Библіотекѣ для Чтенія».

II.

Н. А. Степановъ родился 21 апрѣля 1807 года, въ городѣ Калугѣ, гдѣ въ то время служилъ его отецъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, причемъ русскій языкъ и географію преподавалъ ему самъ Алек. Петровичъ. Въ дѣтствѣ Н. А. былъ ребенкомъ тихимъ и скромнымъ, въ ученьи не особенно бойкимъ; но и тогда уже въ немъ сказывались юмористическія способности, наклонность къ карикатурѣ близкихъ знакомыхъ въ лицахъ и вообще любовь къ рисованью. Хотя, какъ говоритъ Петръ Алек. въ curriculum vitae своего брата, дѣти въ деревнѣ и не учились рисованью, но, по любви отца ко всему изящному, у него въ домѣ почти всегда проживалъ какой-нибудь бѣдный, но ученый живописецъ. Поэтому съ младенчества дѣти усвоили себѣ вѣрность рисунка, стараясь соблюдать его въ своихъ дѣтскихъ упражненіяхъ. Систематической же живописной школы талантъ Ник. Ал. никогда не видалъ.

Въ 1821 году, т. е. на четырнадцатомъ году, Н. А., вмѣстѣ съ своимъ братомъ Петромъ Ал., поступилъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ, гдѣ слушалъ лекціи Мерзлякова, Павлова, Перевощикова, Давыдова и прочихъ тогдашнихъ профессоровъ. На будущемъ карикатуристѣ, какъ и на многихъ другихъ, отразилось господствовавшее въ пансіонѣ литературное направленіе, которое поддерживалъ преподаватель русской словесности, небезъизвѣстный въ свое время писатель Раичъ, издатель журнала «Галатея» и переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тассо. Стихотворствомъ былъ зараженъ весь пансіонъ; многіе писали стихи и не безъ успѣха, въ томъ числѣ и Н. А. Степановъ, снискавшій на первыхъ же порахъ одобреніе Раича. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ стихотворенія Н. А. печатались въ разныхъ повременныхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изданіяхъ, они довольно звучны и красивы, свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ литературномъ дарованіи, но очевидно не въ нихъ была сила, не поэзія была призваніемъ Степанова, а карикатура. Тѣмъ не менѣе страсть къ стихамъ не оставляла Н. А. до глубокой старости. Такъ, уже на склонѣ лѣтъ, въ основанномъ имъ «Будильникѣ» онъ помѣщалъ свои стихотворенія, подписываясь: Маркизъ Фру-Фру. Въ портфелѣ Н. А. Степанова, бывшемъ въ рукахъ г. Старчевскаго, сохранились двѣ довольно объемистыя переплетенныя тетради, въ которыхъ собраны всѣ его стихотворенія, переписанныя имъ собственноручно; изъ этого собранія мы приведемъ нѣсколько выдѣляющихся изъ массы остальныхъ и заслуживающихъ вниманія для характеристики стихотворныхъ опытовъ нашего карикатуриста.

Къ другу.

(Отрывокъ).

«Другъ зоветъ?—Стремися къ другу,
«Но не спрашивай зачѣмъ,
«И, готовясь на услугу,
«Будь довѣрчивъ, слѣпъ и нѣмъ».

«Нужны жертвы?—Дай ихъ другу.
«Жизнь?—умри; совѣтъ?—подай,
«И, готовый на услугу,
«Предъ грозой не отступай».

«Кончивъ подвигъ благородный,
«Жди отъ міра клеветы;
«Знай: въ устахъ молвы народной
«Блекнутъ райскіе цвѣты».

Тревога души.

«Надъ лѣсомъ дремучимъ, надъ свѣтлой рѣкой
«Раскинулись тучи, какъ сѣти,
«Рѣка почернѣла, а чада вѣковъ,
«Завидя на небѣ пріюты громовъ,
«Поникли, какъ робкіе дѣти».

«Взыграютъ перуны—и горе землѣ!
«Не даромъ предчувствія полонъ,
«Глубоко подъ сводами каменныхъ плитъ
«И крылья, и клювъ опустивши, сидитъ
«Грозою напуганный воронъ».

«Носитель и смерти, и думъ, и заботъ,
«Безжалостно жертвы отмѣтитъ;
«Но въ память ихъ съ неба слеза не падетъ.
«Разсѣются тучи—и солнце съ высотъ
«Улыбкою гробы освѣтитъ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Кто опытомъ очи души изострилъ,
«Тотъ въ будущемъ видитъ далеко:
«Заранѣ предъ бурей тоскуетъ она,
«Невѣдая, чѣмъ разрѣшиться должна
«Посланница грознаго рока.»

«Смерть легче утраты, но душу о ней
«Печальная дума туманитъ:
«Умрешь ты, исчезнувъ безслѣдно, какъ дымъ;
«И, прежде чѣмъ прахъ твой остынетъ, надъ нимъ
«Безпечная радость проглянетъ».

Вотъ, наконецъ, нѣсколько строфъ изъ стихотворенія «Стонъ труженника» (мы не приводимъ всего, ибо оно довольно растянуто, какъ и многія стихотворенія Степанова):

«Жизнь безъ цѣли—не жизнь.—Люди! всѣмъ я вамъ чуждъ;
«Я трава опаленная зноемъ:
«Мнѣ давно бы пора отъ заботы и нуждъ
«Отдѣлиться могильнымъ покоемъ».

«Я желалъ бы заснуть, чтобъ печали меня
«Не будили надгробною пѣснью,
«И входили ко мнѣ прежде Божьяго дня
«Съ изнуренной сестрою—болѣзнью.

«Я желалъ бы заснуть, чтобы стонъ мой людей
«Не тревожилъ изъ кельи досчатой;
«Безъ заботы о томъ, что съ разсвѣтомъ мой путь
«Обозначится новой утратой»...

Нельзя сказать, чтобы приведенныя стихотворенія отличались особенной оригинальностью: въ нихъ нѣтъ ни особенной яркой образности, ни особенной новизны мысли, ни особенной задушевности чувства, нѣтъ, словомъ, того, что можно было бы назвать поэтическимъ талантомъ. Н. А. Степановъ стихомъ владѣлъ довольно прилично, гладко и звучно, но вмѣстѣ съ тѣмъ стихи его ничѣмъ не возвышаются надъ уровнемъ посредственности. Мы выбрали, по нашему мнѣнію, лучшіе, но и въ этихъ лучшихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. По имѣвшимся въ нашихъ рукахъ стихотворнымъ опытамъ Н. А. Степанова, довольно трудно даже опредѣлить характеръ его поэтической физіономіи; намъ кажется, что ея не было, ибо въ стихахъ нашего карикатуриста очень мало поэзіи. Преобладающимъ настроеніемъ въ большинствѣ стихотвореній является настроеніе довольно мрачное и безотрадное. Извѣстно, кромѣ того, что Н. А. Степановъ писалъ и юмористическія стихотворенія, которыхъ, какъ говоритъ г. Старчевскій, сохранилось до ста. Эти опыты въ 1850 году точно также были переписаны начисто рукой автора, у котораго, вѣроятно, было намѣреніе ихъ напечатать. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ объ этихъ стихахъ никакого поня-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тія, ибо приводимый г. Старческимъ образчикъ совершенно безцвѣтенъ и выписывать его было бы оскорбительно для памяти нашего талантливаго карикатуриста.

Въ 1826 году, Ник. Алек. былъ выпущенъ изъ пансіона съ чиномъ двѣнадцатаго класса и въ слѣдующемъ году отправился на службу въ Сибирь, въ главное управленіе Восточной Сибири, съ откомандированіемъ въ Красноярскъ, гдѣ отецъ его былъ губернаторомъ. Прослужа тамъ пять лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ отцомъ въ 1832 году возвратился въ свое родовое имѣніе, село Троицкое. На службѣ въ Сибири, — говоритъ его братъ, — «началъ обозначаться его живописный талантъ. Безъ руководства и ученья, можно сказать инстинктивно, рисовалъ онъ такъ, что въ каждой неправильной чертѣ, въ каждомъ невѣжественномъ ударѣ кисти, виденъ былъ самобытный духъ искусства въ немъ живущій». Въ Сибири же Ник. Алек. принималъ участіе въ изданіи «Енисейскаго альманаха», а вскорѣ послѣ того затѣвалъ уже сатирико-карикатурный журналъ, проектъ котораго, въ видѣ пробнаго листа, сохранился въ портфелѣ Ник. Алек., озаглавленный: «Минусинскій раскрыватель» 1828 г. генварь, № 1. Это — праотецъ нашихъ нынѣшнихъ карикатурныхъ листковъ. Проектъ Степанова осуществился значительно позже въ «Искрѣ».

Графъ Сологубъ.

Въ 1833 году, Ник. Алек., вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Петромъ Алек., отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу въ департаментъ государственнаго казначейства. Прослуживъ здѣсь до 1836 года, Ник. Алек. перешелъ-было въ томъ же году къ своему отцу, назначенному губернаторомъ въ Саратовъ, чиновникомъ особыхъ порученій, но вскорѣ опять вернулся на прежнюю службу. Въ началѣ 30-хъ годовъ, въ Ник. Алек. видимо серьезно началъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сказываться его карикатурный талантъ. По словамъ одного изъ сослуживцевъ Степанова по казначейству, Ник. Алек. упражнялся въ рисованіи карикатуръ на своихъ сослуживцевъ для самого себя; карикатуры эти ходили по рукамъ его близкихъ знакомыхъ и друзей, и приводили однихъ въ неописанный восторгъ, другихъ въ страхъ, какъ бы самимъ не попасть подъ его игривый карандашъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ его братъ. «Въ 1832 г. Ник. Алек. пріѣхалъ въ Троицкое съ Александромъ Петровичемъ, и здѣсь нашелъ брата и товарища своего Петра. Съ этихъ поръ братья опять надолго зажили вмѣстѣ. Большую часть времени они посвящали рисованью; у Петра выходило все смазано и стушевано; у Николая подъ бойкими чертами всегда проглядывалъ талантъ. Молодые люди вмѣстѣ ѣздили къ помѣщикамъ и рисовали ихъ карикатуры. Оба росписали стѣны своихъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ: Петръ разными предметами, Николай фигурами, между прочимъ изображеніемъ дѣда Руфа Семеновича, во весь ростъ, въ полномъ масонскомъ одѣяніи. Лѣтомъ, въ томъ же году, Николай сопутствовалъ въ Москву Петру, который поѣхалъ туда для пользованія отъ раны искусственными минеральными водами... Посѣтители минеральныхъ водъ привлекли на себя насмѣшливые глаза братьевъ. Ник. Алек. придумалъ нарисовать на длиннѣйшемъ листѣ всѣ эти забавныя фигуры. Вѣсть о томъ разнеслась по Москвѣ, и карикатуры сдѣлались до того модными, что даже лица, служившія моделями, жадно хотѣли увидѣть свое изображеніе» [1]).

Поэтъ Губеръ.

Душа моя—печальная могила,
И много въ ней холодныхъ мертвецовъ.

[1]) У Петра Александровича сохранилось много неизданныхъ карикатуръ его брата и особенно карикатуръ литературныхъ, которыхъ Ник. Алек. нарисовалъ цѣлую серію. Нѣкоторыя изъ этихъ карикатуръ (на гр. Сологуба, поэта Губера, Булгарина и К.) воспроизведены въ настоящей главѣ, другія появятся въ слѣдующихъ главахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

По возвращеніи изъ Саратова, Ник. Алек., снова поступивъ на службу въ казначейство, поселился въ Петербургѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Петр. Алек. «Комнату свою,—разсказываетъ Петръ Алек.,— Николай убралъ особеннымъ образомъ: всю сверху до низу разбилъ на квадраты въ аршинъ, раскрасилъ шахматами коричневой и блѣдно-желтой краской и въ каждомъ квадратѣ яркими красками нарисовалъ разныя уродства въ родѣ тѣхъ, которыя часто встрѣчаются въ французскихъ книжечкахъ. Два яруса шахматъ заняты

Булгаринъ.

— Вотъ и покойный другъ мой, лордъ Байронъ, имѣлъ слабость заниматься своею наружностью.
— Въ этомъ отношеніи и вы не отстали отъ вашего друга, потому что также считаете себя красивымъ мужчиной.

были карикатурами знакомыхъ и разныхъ извѣстностей, напримѣръ: Полевого, Краевскаго, Сенковскаго, Булгарина, Андрея Муравьева, гуляющаго по несвятымъ мѣстамъ, поэта Якубовича, и проч. Въ иныхъ квадратахъ были нарисованы цѣлыя сцены, какъ напримѣръ: бой между сей (Полевой) и этотъ (Сенковскій), пляска литераторовъ въ присядку на обѣдѣ у Жукова по случаю открытія табачной фабрики. Въ третьихъ, наконецъ, квадратахъ были нарисованы разныя фантастическія фигуры и животныя. Изъ молодыхъ людей Николай ближе другихъ сошелся съ В. Ф. Пургольдомъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Константинъ Булгаковъ.

Издатель цигары читаетъ свой журналъ, ибо никто другой не хочетъ его читать.

Сергѣемъ Николаевичемъ Муравьевымъ и съ Николаемъ Тиличеевымъ [1]). Частыя свиданія съ Глинкой [2]), Брюловымъ, Кукольникомъ

[1]) На одномъ изъ писемъ Тиличеева къ Степанову, найденномъ г. Старчевскимъ въ портфелѣ послѣдняго, читаемъ: «Хорошій мой пріятель, бывшій моимъ шаферомъ и впослѣдствіи орловскимъ губернаторомъ. Я искренно любилъ его и прощаю за трусость; тогда и всѣ струсили, и дѣло кануло въ Лету— и едва ли не къ лучшему, потому что всѣ мы были бы отправлены, подобно декабристамъ, туда, откуда никто не приходитъ». Къ сожалѣнію, мы нигдѣ болѣе не встрѣтили указаній, о какомъ это «дѣлѣ» могъ говорить Степановъ? Петръ Алек. въ своей запискѣ объ этомъ ничего не упоминаетъ.

[2]) Судя по письмамъ М. И. Глинки къ Степанову, сохранившимся въ портфелѣ послѣдняго, ихъ соединяли весьма дружескія отношенія. Писемъ этихъ мы не приводимъ, ибо въ нихъ ничего интереснаго нѣтъ: это большею частію записки въ нѣсколько строкъ, содержанія совершенно частнаго, такъ сказать «семейнаго», и притомъ пустого.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и Яненкой, вызвали изъ-подъ карандаша Николая цѣлый рядъ превосходныхъ и преѣдкихъ карикатуръ. Николай такъ мѣтко подмѣчалъ все смѣшное въ чертахъ человѣка, такъ удачно передавалъ въ забавныхъ очеркахъ весь характеръ, что Брюловъ называлъ его «желчнымъ шкафомъ». Ник. Алек. сознавался, что въ первомъ знакомствѣ съ человѣкомъ онъ искалъ смѣшного въ его лицѣ и во всей его фигурѣ. Кстати о Яненко. Передъ отъѣздомъ въ Сибирь, Александръ Петровичъ, по рекомендаціи гр. Толстого, взялъ съ собою молодаго художника, только-что кончившаго полный академическій курсъ. Я. Ѳ. Яненко числился на службѣ при губернаторѣ и между прочимъ рисовалъ для него все, о чемъ Александръ Петровичъ хотѣлъ сохранить память въ рисункахъ. Яненко влюбился въ гувернантку Надежды Александровны Степановой, англичанку Norman, женился на ней и съ нею уѣхалъ въ Петербургъ. Яненко хорошо учился, хорошо зналъ теорію живописи, былъ у него и талантъ; но лѣнь до того одолѣла, что мало-по-малу искусство окончательно было пожертвовано мамонѣ. Жаль, а человѣкъ былъ добрый, умный и очень занимательный.

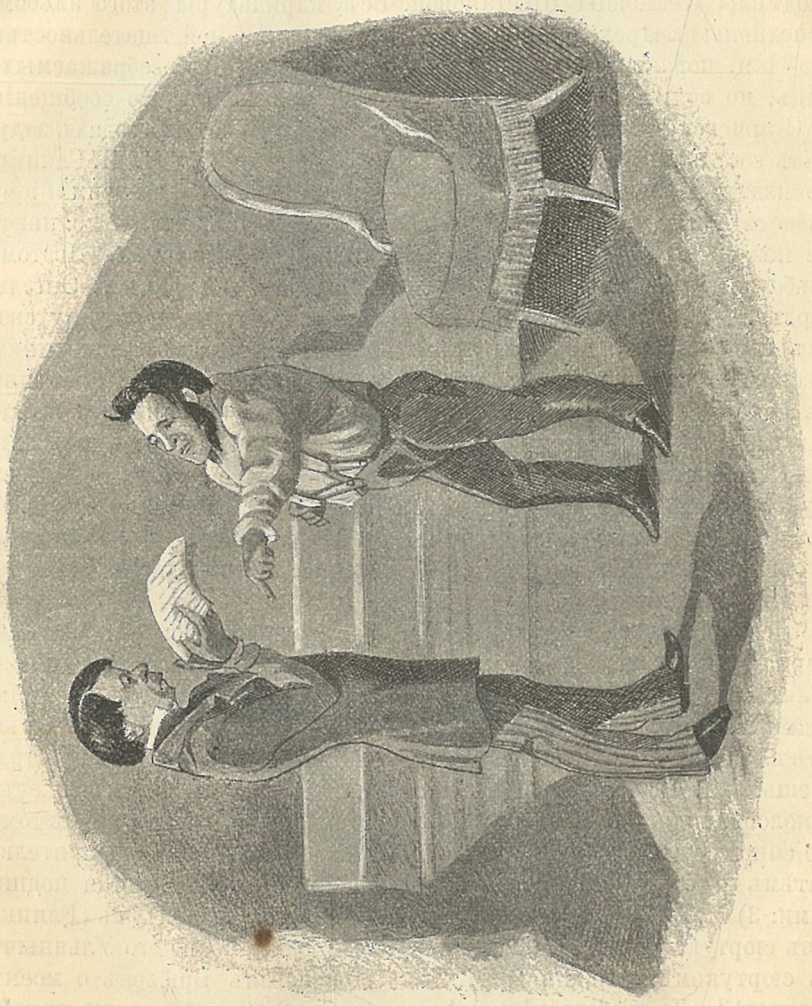
«Николай не любилъ обширнаго знакомства, но любилъ такіе дома, гдѣ бы онъ могъ быть на короткой ногѣ, гдѣ бы могъ думать вслухъ и говорить не стѣсняясь. Такимъ домомъ было семейство Даргомыжскихъ. Служба Николая подвигалась неблистательно. Назначили его секретаремъ въ канцеляріи, но онъ больше любилъ поэзію и живопись, чѣмъ сухое дѣлопроизводство; однако же, за всѣмъ тѣмъ, дали орденъ св. Владиміра 4-й степени; въ чины онъ производился по мѣрѣ выслуги лѣтъ (вскорѣ послѣ своей женитьбы въ 1843 г., Н. А. вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника). Въ одну зиму Николай сильно заболѣлъ, у него начала образовываться та же болѣзнь, которою скончался и нашъ отецъ, а именно хроническое воспаленіе печени. Заботливостью докторовъ онъ былъ спасенъ, но послѣдствія болѣзни, т. е. постоянная слабость желудка, остались навсегда. До 1842 года Николай жилъ съ братомъ Петромъ, но въ этомъ году, по случаю производства брата въ полковники въ Измайловскій полкъ, переѣхалъ на особую квартиру... Николай продолжалъ часто посѣщать Даргомыжскихъ, гдѣ особенно нравилось ему общество старшей дочери Софіи [1]), дѣвушки видной собою, умной и доброй. Оригинальный складъ Николая произвелъ и на нее впечатлѣніе. Оба они, сами не зная какъ, освоились до такой степени, что уже имъ другъ безъ друга было не ладно. Николай посватался, родители согласились, и свадьба была назначена осенью... Осенью въ 1843 году свадьбу съиграли..., а 12 сентября слѣдующаго года у Николая родился сынъ Сергій, котораго крестили братъ Петръ и Ма-

[1]) Родной сестры нашего извѣстнаго композитора А. С. Даргомыжскаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рія Борисовна Даргомыжская [1]), мать Софіи Сергѣевны.—Николай жилъ въ семьѣ совершенно счастливо и продолжалъ служить въ своемъ департаментѣ, не имѣя никакихъ особыхъ занятій по художественной части».

«Частыя свиданія съ Глинкой, Брюловымъ, Кукольникомъ и Яненко,—говорилъ выше Петръ Александровичъ,—вызвали изъ-



Письмо матери (М. И. Глинка и Н. А. Степановъ).—М. И.: Замѣть эту фразу, Michel, помни, что въ Испаніи мужья ревнивы, а кинжалы остры.

подъ карандаша Николая цѣлый рядъ превосходныхъ и преѣдкихъ карикатуръ». Эти строки, по нашему мнѣнію, должны быть отнесены къ той серіи карикатуръ, изъ которыхъ составился альбомъ, принесенный въ даръ Публичной Библіотекѣ В. П. Энгель-

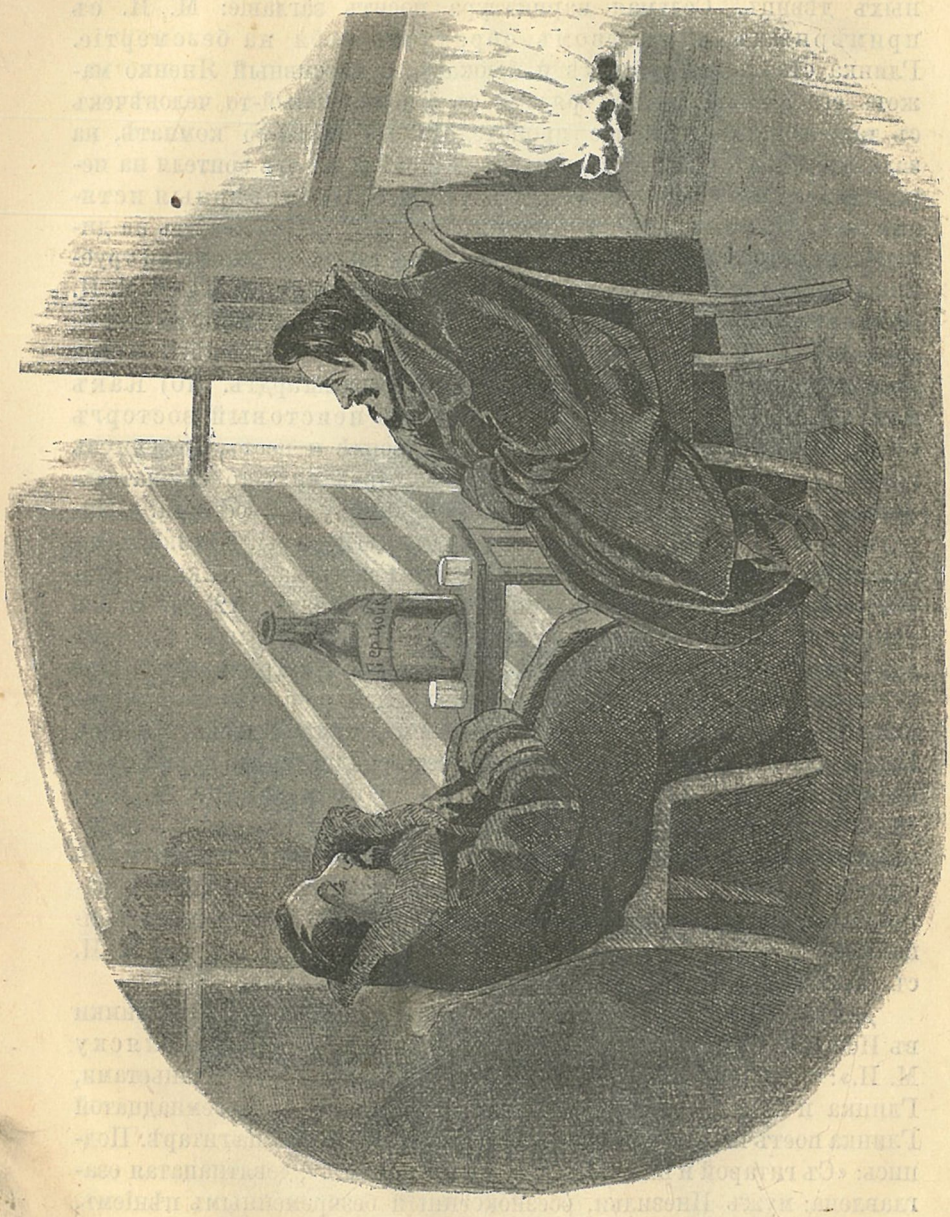
[1]) Урожденная княжна Козловская, писавшая въ молодости стихи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гардтомъ. Карикатуры, помѣщенныя въ этомъ альбомѣ (изъ нихъ воспроизведены у насъ четыре карикатуры на М. И. Глинку) рисовались въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, такъ что альбомъ, начатый въ тридцатыхъ годахъ, законченъ, повидимому, въ 1853 и 1854 годахъ, во время Крымской кампаніи, судя по сюжетамъ и пребыванію М. И. Глинки въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ у сестры, Людмилы Ивановны Шестаковой. Всѣ карикатуры этого альбома исполнены акварелью и отличаются художественной тщательностью отдѣлки, поразительнымъ портретнымъ сходствомъ изображаемыхъ лицъ, по большей части мѣткостью и остроуміемъ. По сообщенію г. Старчевскаго, Н. А. Степановъ еще въ тридцатыхъ годахъ задумалъ составить альбомъ карикатуръ на Булгарина и М. И. Глинку; но издать такого альбома нельзя было, во-первыхъ, за неимѣніемъ средствъ; подъискать же на него издателя было невозможно: никто не пожелалъ бы навлечь на себя нападки Булгарина. Поэтому альбомъ этотъ впослѣдствіи времени и былъ подаренъ г. Энгельгардту. Н. А. исполнилъ въ этомъ альбомѣ только половину своихъ плановъ: онъ нарисовалъ только серію карикатуръ на Глинку, нѣсколько на другихъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, оставивъ въ покоѣ Булгарина, карикатуры на котораго сохранились въ карандашныхъ неоконченныхъ наброскахъ. Три-четыре листа альбома посвящены изображеніямъ (группамъ) Брюллова, братьевъ Кукольниковъ, Яненко, Даргомыжскаго, В. П. Энгельгардта, В. В. Стасова, Сантиса и др.; на пятидесяти же одномъ листѣ фигурируетъ въ разныхъ видахъ М. И. Глинка. Всѣ подписи сдѣланы самимъ Степановымъ.

Первая изъ карикатуръ на Глинку, съ подписью: «М. И. дома, страдаетъ...», изображаетъ его лежащимъ на постелѣ, въ синемъ халатѣ; правая нога его голая, а лѣвая подогнута; онъ страдальчески смотритъ въ потолокъ. Далѣе фигурируютъ Глинка и Брюловъ. Подпись:—Б. Объясни по крайней мѣрѣ, чѣмъ ты страдаешь?—М. И. Plexus sollaris шалитъ... Карикатура изображаетъ Брюлова, сидящаго за столомъ и что-то пьющаго, Глинку же въ томъ же синемъ халатѣ, сидящаго къ нему задомъ и бокомъ къ зрителю. Затѣмъ идутъ карикатуры съ слѣдующими заглавіями и подписями: 3) М. И. и вѣрный служитель Яковъ Ульянычъ (Глинка безъ сюртука передъ зеркаломъ, а сзади вдвое выше его Ульянычъ съ сюртукомъ). Подпись: М. И.—Что сказалъ Брюловъ о моемъ портретѣ?.. Да ничего не сказали-съ... Сказали только, что лакейская живопись. 4) Репетиція сцены, какъ М. И. обличитъ невѣрную жену: онъ подкрадется въ резинныхъ калошахъ, вооруженный съ головы до ногъ, откроется потайной фонарь и сверкнутъ два страшные глаза (Глинка съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ, съ кинжаломъ въ правой и съ двумя пистолетами за поясомъ позируетъ передъ зеркаломъ). Пятая изображаетъ М. И. идущимъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



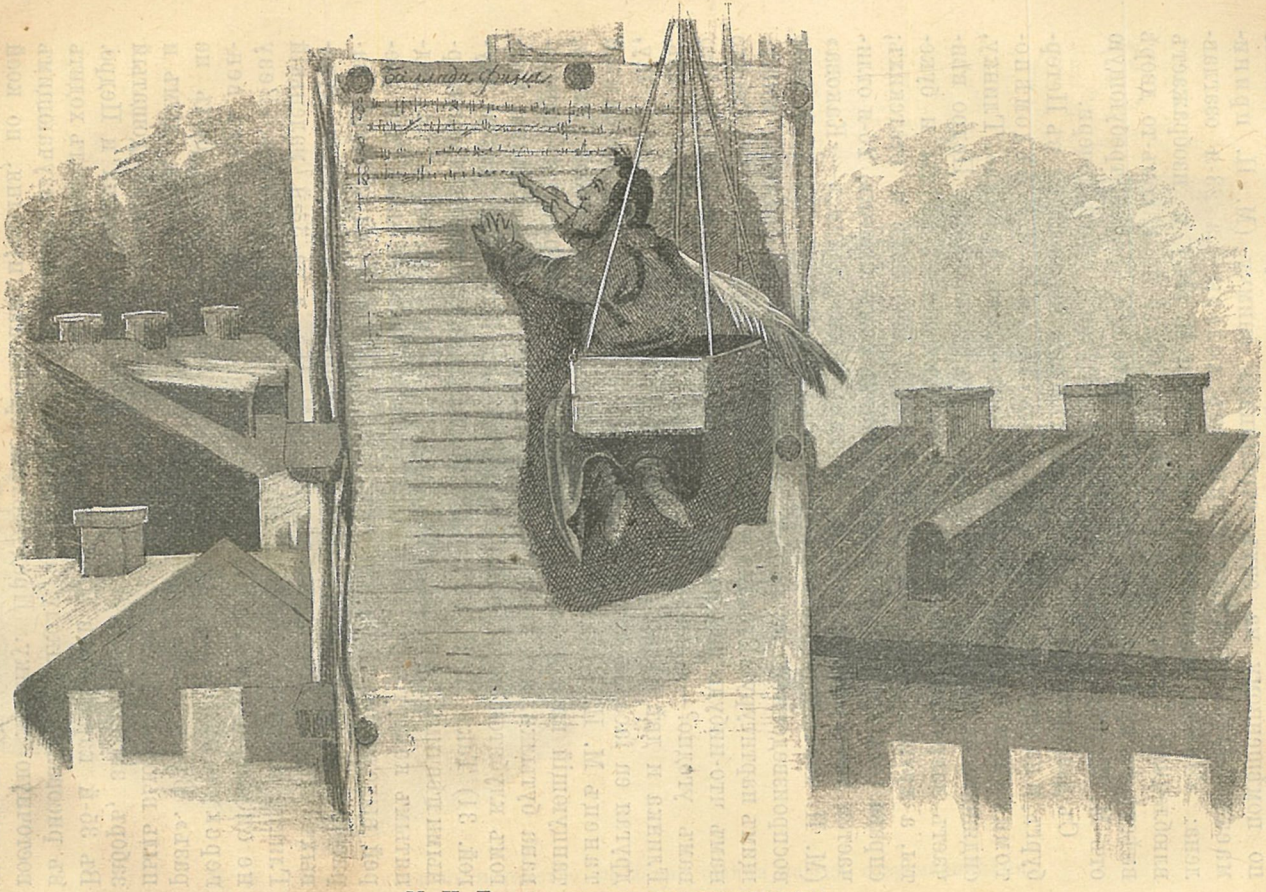
М. И. Глинка въ Варшавѣ.—М. И. принимаетъ благоразумныя мѣры отъ холеры (въ іюлѣ мѣсяцѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

консисторію, а шестая съ подписью—«Digne et calme» представляетъ Глинку во фракѣ, въ обществѣ какихъ-то двухъ миловидныхъ дѣвицъ. Седьмая карикатура носитъ заглавіе: М. И. съ примѣрнымъ мужествомъ обрекаетъ себя на безсмертіе. Глинка стоитъ въ рубашкѣ и брюкахъ, а массивный Яненко мажетъ его кистью по лбу; рядомъ съ Яненко какой-то человѣчекъ съ тарелкой; все дѣйствіе происходитъ въ какой-то комнатѣ, на заднемъ планѣ которой стоитъ диванъ, слѣва же отъ зрителя на переднемъ планѣ—большой кувшинъ, и проч. 8) Неимовѣрныя истязанія М. И. залитаго грудою алебастра. Глинка лежитъ на диванѣ, вмѣсто головы у него большой комъ съ тремя длинными трубками; справа стоитъ Яненко съ своимъ семействомъ. 9) Какъ М. И. обѣдаетъ и прохаживается по хересамъ. За столомъ сидятъ—справа Глинка, противъ зрителя двѣ какихъ-то дѣвицы, слѣва двое мужчинъ, изъ коихъ одинъ В. П. Энгельгардтъ. 10) Какъ наканифоленный М. И. приводитъ въ неистовый восторгъ своимъ пѣніемъ. Глинка играетъ на роялѣ и поетъ, повернувъ голову влѣво (къ зрителю), по бокамъ двѣ какихъ-то слушательницы, сзади всплескиваетъ руками, повидимому отъ восторга, г. Энгельгардъ. 11) Обычный послѣобѣденный parti. Глинка и Энгельгардъ гуляютъ; первый идетъ, вытягиваясь на носочкахъ, второй, по своей вышинѣ, пригибается въ колѣняхъ. 12) М. И. въ своей оперѣ вызываетъ автора. Пустой театръ, и въ первомъ ряду сидитъ одинъ апплодирующій Глинка. На тринадцатой карикатурѣ, называемой «М. И. недовольный публикой», изображено одно изъ собраній «братіи»: за столомъ сидятъ Глинка, Яненко, Кукольникъ и кто-то еще четвертый; четырнадцатая же карикатура носитъ заглавіе: «Претендентки на руку и сердце М. И.», узнавъ о благополучномъ окончаніи бракоразводнаго дѣла, являются съ законными требованіями, а М. И., пораженный паническимъ страхомъ, рѣшается спастись бѣгствомъ въ Испанію. Пятнадцатая, носящая заглавіе «Письмо матери», воспроизведена на страницахъ нашего журнала, а шестнадцатая изображаетъ встрѣчу М. И. съ Донъ-Педро подъ роскошнымъ небомъ Андалузіи.

Далѣе нѣсколько карикатуръ посвящены приключеніямъ Глинки въ Испаніи. Такъ, семнадцатая изображаетъ «Неистовую пляску М. И.»: танцуютъ какой-то дикій танецъ дѣвица съ кастаньетами, Глинка и Don Pedro Nolasco Fernandez Sendino; въ восемнадцатой Глинка поетъ передъ домомъ арію, подъигрывая себѣ на гитарѣ. Подпись: «Съ гитарой и шпагой я здѣсь подъ окномъ!»; девятнацатая озаглавлена: мужъ Инезильи, обезпокоенный безвременнымъ пѣніемъ, приказалъ оттащить крикуновъ подальше отъ дому. Причемъ какой-то синьоръ тащитъ Глинку подъ мышкой, а Донъ-Педро держитъ на вѣсу за шиворотъ. Въ одной изъ слѣдующихъ карикатуръ (21-й) изображается наконецъ бѣгство М. И. изъ Испа-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



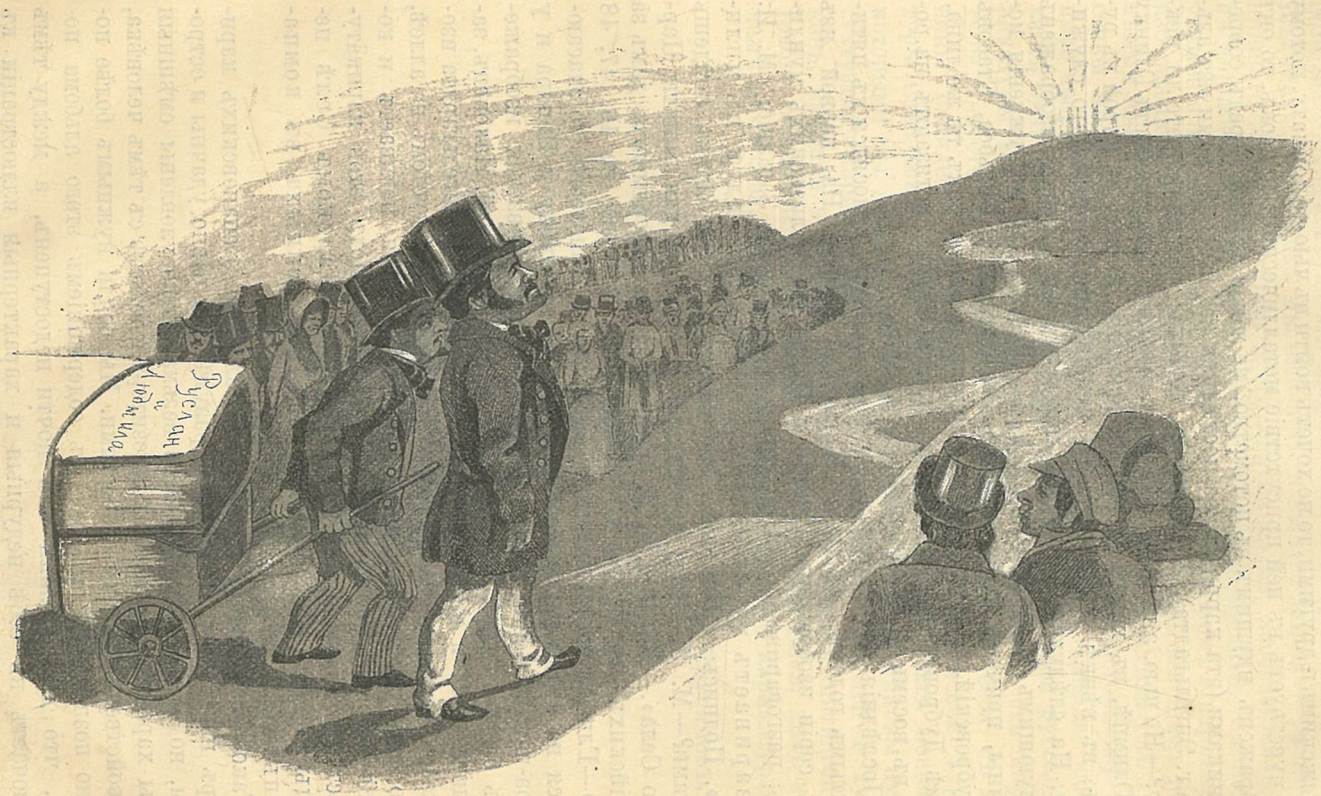
М. И. Глинка пишетъ партитуру оперы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ніи въ Варшаву на ослѣ, и затѣмъ три карикатуры посвящены пребыванію въ Варшавѣ. Съ 22-й читатели уже познакомились по помѣщенному на сихъ страницахъ снимку (М. П. принимаетъ благоразумныя мѣры отъ холеры), а 23-я озаглавлена: «Эпоха идиллической жизни М. И.» и изображаетъ влюбленнаго Глинку развѣшивающимъ бѣлье на какомъ-то дворѣ вмѣстѣ съ прачкой; 24-я, наконецъ, мать сей прачки, требующую отъ М. И. поправленія испорченной репутаціи своей дочери.

Съ двадцать пятой карикатуры дѣйствіе переносится въ Петербургъ, и на первыхъ порахъ мы видимъ «Тріумфъ М. И. въ домѣ потомка знаменитаго князя Кастріото-Скандербека». Глинку, сидящаго на креслѣ, поставленномъ на возвышеніе, Педро вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ; на подмостки летятъ цвѣты и букеты, а кругомъ кричащая толпа дѣвицъ, военныхъ и статскихъ; справа (отъ зрителя), за роялемъ сидитъ самъ хозяинъ. 26-я отличается лаконизмомъ: заглавіе—«Соперники», подпись—«Какова» (М. И. показываетъ своимъ соперникамъ задницу). На 27-й, тоже воспроизведенной въ нашей статьѣ, Глинка изображенъ пишущимъ партитуру «Руслана и Людмилы» (балладу финна). 28) Спойте намъ что-нибудь изъ вашей оперы «Жизнь за царя».—М. И. Что вамъ угодно?—«Спойте Боже, Царя храни!»—Комната, рояль, Глинка и двѣ дѣвицы: одна правой рукой взяла его подъ-ручку, другая en face къ зрителю держитъ его за руку. 29) Любимый танецъ М. И. «Заинка»—изображенъ заяцъ съ головой Глинки, танцующій на заднихъ лапахъ. 30) М. И. испаряется—нарисована бутылка, изъ которой почти совсѣмъ вылѣзъ Глинка, кругомъ клубятся пары, а въ горлышкѣ виднѣется еще кто-то другой. 31) Такъ М. И. во время оно предводительствовалъ придворными пѣвчими:—изображенъ Глинка въ пѣвческомъ кафтанѣ съ поднятымъ камертономъ въ правой рукѣ, а сзади за нимъ изъ дверей выходящая толпа пѣвчихъ. На слѣдующей карикатурѣ нарисована какая-то диковинная и чудовищная «віолончель духовыхъ инструментовъ, изобрѣтенная М. И.», а на 33-й маленькій Глинка везетъ огромнаго Яненко, причемъ подпись гласитъ: «Везу не силою, а ухищреніемъ злобы». 34) М. И. дѣлаетъ венгерскую кампанію. Подпись: «И въ битвахъ жизни былъ не разъ». Вдали изображено сраженіе, сшибается конница, дымъ и пыль вьются клубами; на переднемъ планѣ небольшой дощатый заборъ, за которымъ присѣли на корточкахъ Глинка и Педро. Въ 35-й карикатурѣ М. И. бросаетъ музыку и начинаетъ ходить въ рисовальную школу, а въ 36-й М. И. изображенъ изучающимъ восточную музыку. Представлена аравійская пустыня, по коей шествуетъ Глинка съ тростью въ восточномъ костюмѣ и чалмѣ, а сзади него тащится увьюченный Педро.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



М. И. Глинка идетъ въ потомство, не ломая шапки передъ современниками.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На слѣдующихъ листахъ Глинка то проводитъ ночь въ гаремѣ и производитъ тамъ землетрясеніе, то пируетъ въ компаніи съ Даргомыжскимъ и другими, то не хочетъ войти въ чью-то комнату, потому что чувствуетъ въ ней присутствіе металлическихъ красокъ, то онъ изображенъ идущимъ въ потомство, не ломая шапки передъ современниками (эта каррикатура послѣдняя изъ взятыхъ нами изъ альбома г. Энгельгадта). 41-я имѣетъ подпись: «Не прикажете ли нектару?—Не пью, а попрошу у васъ портвейну» и изображаетъ Глинку на Олимпѣ, въ храмѣ славы, на облакахъ, нагаго, съ лирой въ рукахъ, въ вѣнкѣ, и мальчика съ кувшиномъ, олимпійскаго служителя. На слѣдующихъ двухъ карикатурахъ Глинка изображенъ танцующимъ въ присядку съ А. П. Лодіемъ для возбужденія испарины, причемъ присутствуютъ Энгельгардтъ, Вильбоа, Стасовъ и Дубровскій, и слушающимъ, ходя по комнатѣ, какъ тѣ же лица, кромѣ Дубровскаго, котораго замѣняетъ Сѣровъ, истязаютъ на роялѣ въ восемь рукъ мученика Бетховена.

Послѣднія карикатуры—съ 44-й по 50-ю—относятся къ пятидесятымъ годамъ, къ эпохѣ Крымской войны. На первой изъ этой серіи изображены Глинка и Педро въ ополченскихъ мундирахъ, разговаривающими съ группою мужиковъ. Заглавіе: «М. И. уговариваетъ царскосельскихъ мужиковъ идти въ милицію». Подпись: «Мужикъ. Экой балагуръ! а ты, баринъ, пойдешь съ нами?—М. И. Нѣтъ, друзья мои, я останусь для защиты Царскаго Села».—На 45-й М. И. принимаетъ царскосельскихъ дамъ за англійскихъ мародеровъ и обращается въ бѣгство; на 46, 47, 48 и 49—Глинка изображается то въ плѣну у Наполеона, то спасающимся на суднѣ у береговъ Франціи, то въ плѣну у Непира и у Омера-паши. Серія этихъ карикатуръ заканчивается изображеніемъ блистательной переправы М. И. черезъ Дунай. Наконецъ, заключительный и послѣдній листъ въ альбомѣ г. Энгельгардта изображаетъ Глинку совсѣмъ голаго, сидящаго подъ кустомъ на аллеѣ, около дачи, въ кучѣ песку, которымъ онъ себя поливаетъ и который Педро въ тачкѣ подвозитъ къ нему. Подъ этой карикатурой стоитъ подпись: «М. И. лечится въ Царскомъ Селѣ песочными ваннами отъ контузій, полученныхъ въ компаніи пьяныхъ турецкихъ солдатъ».

Таково содержаніе интереснаго альбома степановскихъ карикатуръ на Глинку. Не всѣ онѣ, разумѣется, равно удачны и остроумны, но во многихъ изъ нихъ весьма мѣтко уловлены смѣшныя черты характера великаго композитора и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, съ свойственными ему слабостями. Мы сочли нужнымъ болѣе подробно познакомить читателя съ содержаніемъ этого альбома потому, что для публики онъ почти недоступенъ, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ недурныя и характерныя иллюстраціи къ нѣкоторымъ страницамъ біографіи геніальнаго творца «Руслана и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Людмилы», столь мало понятаго современной ему публикой, но оцѣненнаго небольшимъ кружкомъ людей, истинно-понимавшихъ музыку. Къ числу послѣднихъ мы относимъ и нашего карикатуриста, понявшаго значеніе Глинки и его «Руслана», и изобразившаго это въ карикатурѣ, хотя и проникнутой ѣдкой ироніей, но полной уваженія къ своему геніальному другу. Мы говоримъ о карикатурѣ, изображающей шествіе Глинки вмѣстѣ съ Педро, везущимъ на телѣжкѣ кипы бумаги съ надписью «Русланъ и Людмила», къ храму славы въ потомствѣ, которое дѣйствительно по достоинству оцѣнило творца своей національной музыки. Этотъ альбомъ составляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ явленій въ области русской карикатуры такъ сказать «артистической», въ отличіе отъ карикатуры общественной, которой Степановъ посвятилъ себя съ половины пятидесятыхъ годовъ. Въ области артистической карикатуры Степановъ вообще создалъ не мало прекрасныхъ вещей, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующей главѣ. Таковы именно статуэтки - карикатуры русскихъ артистовъ, писателей и художниковъ, имѣвшія въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ огромный успѣхъ и до сихъ поръ памятныя, какъ знатокамъ искусства, такъ и современникамъ нашего карикатуриста.

С. Трубачевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

СОВЕРШЕННО случайно я пріобрѣлъ двѣ объемистыя записныя книжки ротнаго командира одного изъ южныхъ полковъ, прослужившаго, какъ это можно видѣть изъ его отрывочныхъ замѣтокъ, довольно продолжительное время въ рядахъ войска и видѣвшаго на своемъ вѣку не мало людей. Подробныхъ свѣдѣній объ авторѣ этихъ книжекъ мнѣ собрать не удалось; узналъ я только, что онъ родомъ грекъ по фамиліи Гулдари, родился около 1800—1804 года, а умеръ въ 1875 или 1876 году въ Петербургѣ; большую часть своей служебной жизни провелъ въ Херсонской, Бессарабской, Каменецъ-Подольской и Таврической губерніяхъ, участвовалъ въ Севастопольской кампаніи и былъ на Кавказѣ, впрочемъ, кажется, весьма непродолжительное время. Въ свои записныя книжки Гулдари вносилъ все то, что̀ ему казалось интереснымъ изъ разсказовъ другихъ лицъ, или чему самъ былъ очевидцемъ, при чемъ онъ не придерживался ни системы, ни хронологіи, и не стѣснялся въ выраженіяхъ. Изъ этого можно видѣть, что авторъ не предназначалъ своихъ замѣтокъ для печати, а вносилъ ихъ исключительно для себя и для тѣснаго кружка пріятелей, какъ это видно отчасти изъ многихъ мѣстъ рукописи. Обѣ записныя книжки содержатъ массу разнообразныхъ разсказовъ, впрочемъ, очень отрывочныхъ и иногда незаконченныхъ, вслѣдствіе того, что Гулдари всѣ свои замѣтки старался облекать въ анекдотическую форму. Извлекаемъ изъ нихъ то, что̀, по нашему мнѣнію, представляется наиболѣе интереснымъ и характернымъ. Въ виду слишкомъ откровеннаго тона, которымъ авторъ щеголяетъ съ явнымъ удовольствіемъ, мы были вынуждены сократить и смягчить многія его выраженія.

Въ предисловіи къ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ Гулдари говоритъ: «Много я видѣлъ и много я слышалъ, въ свою семидесятилѣтнюю жизнь успѣлъ исколесить полсвѣта. Все мало-мальски интересное и любопытное я вносилъ въ свою тетрадочку, разумѣется, предварительно удостовѣрясь въ истинѣ. Благодаря моему знакомству съ стариками, служаками временъ Елисаветы, Ека-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

терины, Павла, мнѣ удалось изъ ихъ разсказовъ почерпнуть не мало характерныхъ и замѣчательныхъ эпизодовъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ скромности я не называю дѣйствующихъ лицъ по имени, подчасъ самому за нихъ стыдно бываетъ... Ко мнѣ очень примѣнима малороссійская пословица: «Бувавъ въ бувальцахъ и видавъ видальцахъ, або не пытай стараго, а пытай бувалаго».

М. В. Шевляковъ.

I.

Въ одномъ изъ приказовъ императора Павла I было объявлено, чтобы никто не смѣлъ появляться на улицѣ въ домашнемъ костюмѣ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности.

Какъ-то, проѣзжая по Невскому проспекту, государь замѣтилъ гвардейскаго офицера, сидѣвшаго на балконѣ въ халатѣ. По пріѣздѣ во дворецъ, Павелъ тотчасъ же посылаетъ за нимъ. Нужно замѣтить, что офицеръ этотъ наканунѣ страшно проигрался въ карты, и спустилъ даже часть казенныхъ денегъ. На балконъ онъ вышелъ въ непринужденномъ видѣ, вопреки приказа императора, въ горестномъ раздумьѣ, доводившемъ его до отчаянія—онъ обдумывалъ планъ самоубійства...

Черезъ полчаса офицеръ былъ доставленъ во дворецъ.

— Какъ ты смѣлъ сидѣть на балконѣ въ халатѣ?—грозно приступилъ къ нему Павелъ.—Приказа моего не читалъ?

— Виноватъ, ваше величество! — отвѣчаетъ офицеръ. — Отъ страшнаго горя, посѣтившаго меня, я обезумѣлъ...

— Какого горя? Говори!

Офицеръ, разумѣется, побоялся сказать истину, зная какому большому наказанію подвергнетъ его государь, уничтожавшій картежныя игры и не терпѣвшій игроковъ. Онъ быстро придумалъ небывалую любовную исторію.

— Ваше величество! я влюбленъ въ дочь моего сосѣда, богача купца, — солгалъ онъ, — и она меня любитъ; но нашему счастью препятствуетъ ея суровый родитель, не желающій выдать ее за бѣднаго офицера.

— Что?—вспылилъ Павелъ.—Отказалъ офицеру?! Послать сейчасъ же за этимъ купцомъ! я ему покажу какъ пренебрегать мундиромъ!...

Является купецъ. Разгнѣванный государь закричалъ на него:

— Какъ ты смѣлъ отказать моему офицеру въ рукѣ твоей дочери? Они другъ друга любятъ, а ты съ тысячами своими разстаться не можешь!...

Перепуганный купецъ началъ было объясняться, но Павелъ не далъ ему слова выговорить.

— Сейчасъ же обвѣнчай ихъ,—приказалъ онъ,—не то я тебя въ арестантскія роты...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И съ этимъ отпустилъ ихъ. Ничего не понявшій купецъ, на другой же день выдалъ свою единственную дочь за этого офицера и вручилъ ему порядочное приданое, которое и спасло послѣдняго отъ самоубійства. Такимъ образомъ, эта случайность дала офицеру хорошенькую жену, солидный капиталъ, и избавила отъ отвѣтственности за ослушаніе высочайшаго приказа.

II.

Въ другомъ своемъ приказѣ, императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобы всѣ, проѣзжающіе по улицѣ, встрѣчаясь съ нимъ, выходили изъ экипажа и отдавали бы ему царскую почесть поклономъ. Исключенія не было даже для дамъ.

Случилось однажды, что императоръ совершалъ свою обычную прогулку верхомъ въ грязный день. На встрѣчу ему мчится въ коляскѣ расфранченная дама. Поровнявшись съ императоромъ, кучеръ удержалъ лошадей, дама поспѣшно вылѣзла изъ экипажа. Государь, пожалѣвъ ея костюмъ, крикнулъ:

— Садитесь!

Она перепугалась этого возгласа, и принявъ его въ обратномъ смыслѣ, со всего размаха сѣла на землю въ грязь. Павелъ быстро соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ ней, взялъ ее подъ руку, помогъ подняться и усадилъ въ экипажъ, сказавъ:

— Я вамъ велѣлъ сѣсть не въ грязь, а въ коляску!

Говорятъ, что это обстоятельство послужило поводомъ для примѣчанія къ приказу, которымъ женщины освобождались отъ такого оказыванія почтенія его величеству.

III.

Императоръ Александръ Павловичъ, осматривая Балаклавскій батальонъ, привѣтливо произнесъ:

— Здорово, ребята!

Молчаніе.

Государь повторилъ громче:

— Здорово, ребята!

Опять молчаніе.

— Что это значитъ, г. батальонный командиръ? — обратился императоръ къ начальнику.

— Ваше величество! — отвѣтилъ тотъ на ломанномъ русскомъ языкѣ, — тута нѣту ребятъ, тута капитани, поручики и дворяни, я самъ маіори!...

— Ну такъ какъ же мнѣ съ ними поздороваться?

— Здорово поликарья (молодцы)!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Государь такъ и поздоровался. Въ отвѣтъ на его слова баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, крикнулъ:

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество.

Послѣ этого Александръ Павловичъ пожелалъ узнать много ли дворянъ въ батальонѣ.

— Впередъ дворяне! — скомандовалъ онъ.

И что же? весь батальонъ вышелъ впередъ... Государь улыбнулся, поклонился имъ и уѣхалъ.

IV.

Императоръ Николай Павловичъ какъ-то осматривалъ артилерію. Проходя по рядамъ и увидя у одного капитана множество орденовъ на груди, не безъ ироніи спросилъ:

— У кого вы были адъютантомъ?

Нужно замѣтить, что государь былъ того мнѣнія, что больше всего и легче всѣхъ получаютъ награды именно адъютанты какихъ-нибудь высокопоставленныхъ особъ.

Капитанъ съ сознаніемъ своего достоинства отвѣтилъ:

— При этой пушкѣ!

V.

Прогуливаясь однажды по Невскому проспекту, Николай Павловичъ встрѣтилъ студента, одѣтаго не по формѣ, возвращавшагося, какъ оказалось потомъ, домой съ пріятельской пирушки; шинель на немъ была накинута на плечи небрежно, шляпа ухарски надвинута на затылокъ...

Государь остановилъ его и сердито спросилъ:

— На кого ты похожъ?

Увидя императора, студентъ смутился, растерялся и робко произнесъ въ отвѣтъ, не понявъ какъ слѣдуетъ вопроса:

— На маменьку!

VI.

Николай Павловичъ во время своего путешествія по югу Россіи остановился въ одномъ небольшомъ городкѣ на короткое время для перемѣны лошадей. Этимъ воспользовались жиды, собравшіеся у почтовой станціи въ большомъ количествѣ. Они хотѣли принести государю устную жалобу на какія-то якобы стѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ русскихъ. Только-что Николай Павловичъ вышелъ, чтобы садиться въ экипажъ, изъ толпы выдѣлился раввинъ, долженствовавшій произнести рѣчь; но отъ чрезмѣрной робости почтенный жидъ остановился передъ императоромъ съ разинутымъ ртомъ и не могъ выговорить ни слова.

— Что тебѣ надо?—сердито спрашиваетъ государь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тотъ молчитъ.

— Просьба?—опять вопрошаетъ Николай Павловичъ.

Раввинъ продолжаетъ молчать и только учащенно моргаетъ.

— Что это за дуракъ?—обращается государь къ сопровождавшимъ его.

Жиды начинаютъ галдѣть:

— И нѣтъ, винъ такой вумный, такой вумный, что съ его маленькаго рота не можетъ вискочить большой его разумъ.

Николай Павловичъ велѣлъ ихъ разогнать и уѣхалъ.

VII.

Къ намѣстнику царства Польскаго, великому князю Константину Павловичу, явился еврей съ жалобой на своего должника, тоже еврея. Онъ разскалъ, что пришелъ къ должнику въ назначенный срокъ за полученіемъ долга по векселю. Тотъ очень любезно его встрѣтилъ и попросилъ на минуту вексель, чтобы взглянуть дѣйствительно ли подошелъ срокъ платежа. Кредиторъ довѣрчиво передалъ ему документъ, должникъ же быстро положилъ его въ ротъ и проглотилъ.

Константинъ Павловичъ послалъ за должникомъ. Тотъ явился и на всѣ вопросы великаго князя, въ присутствіи заимодавца, отвѣчалъ отрицательно.

— Не только я не проглатывалъ никакого векселя,—заявилъ онъ,—но даже и долженъ-то ему никогда не былъ.

Константинъ Павловичъ, желая какъ-нибудь принудить его къ сознанію, серьезно сказалъ:

— Все это легко можно повѣрить, стоитъ только распороть тебѣ животъ.

Должникъ, не придавая значенія угрозѣ, не смутился.

— Пожалуй,—хладнокровно замѣтилъ онъ,—я согласенъ, но только съ тѣмъ условіемъ, что если векселя въ моемъ желудкѣ не окажется, то распороть также и его животъ за клевету.

Онъ полагалъ, что заимодавецъ испугается такой операціи и откажется отъ жалобы; но жестоко въ этомъ ошибся. Тотъ, ни на минуту не задумываясь, согласился.

— Раздѣвайся!—крикнулъ великій князь должнику, а кредитору приказалъ дать въ руки ножъ.

Видя, что дѣло идетъ ужъ не на шутку, должникъ струсилъ, признался въ своемъ преступленіи и тутъ же уплатилъ свой долгъ сполна.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

VIII.

Капитанъ Преображенскаго полка С. въ часы досуга вышилъ собственноручно разными шелками бархатную подушку и поднесъ ее императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Императрица подушку приняла и, думая, что капитанъ поднесъ ей работу своей жены, черезъ нѣсколько дней прислала ему серьги.

Капитанъ долженъ былъ ихъ принять, хотя не былъ женатъ.

IX.

Въ началѣ царствованія императора Александра Николаевича, въ періодъ измѣненій въ формѣ военной одежды, князь Меншиковъ ѣхалъ въ коляскѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, который раскланялся съ встрѣтившимся монахомъ.

Меншиковъ его спросилъ:

— Почему вы ему кланяетесь?

Тотъ отвѣчалъ, что всегда относится къ духовнымъ лицамъ съ почтеніемъ, не исключая, разумѣется, и монаховъ.

На это Меншиковъ, съ свойственной ему иронической улыбкой, замѣтилъ:

— А почему вы знаете что̀ это монахъ? Можетъ быть это новая лейбъ-гусарская форма.

X.

Вотъ фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ самъ.

Въ Крымскую войну, сдавъ команду надъ войсками подъ Севастополемъ князю Горчакову, князь Меншиковъ переселился на время въ Николаевъ. По случаю какого-то праздника, онъ пожелалъ отслужить молебенъ у себя на дому и послалъ своего вѣстового за священникомъ, приказавъ почему-то не говорить у кого именно долженъ быть отслуженъ молебенъ, и сослаться на бѣднаго старика.

Вѣстовой исполнилъ приказаніе въ точности, но на его приглашеніе къ бѣдному старику ни одинъ городской священникъ не согласился идти, отговариваясь недосугомъ. Возвращаясь къ князю съ безуспѣшныхъ поисковъ, вѣстовой встрѣчаетъ полковаго священника, проходившаго домой съ требы, и предлагаетъ ему послѣдовать за нимъ въ домъ бѣднаго старичка отслужить молебенъ. Священникъ, ни слова не говоря, отправился за вѣстовымъ. Когда они подошли къ дому, гдѣ жилъ Меншиковъ, священникъ тотчасъ же сообразилъ у кого ему придется справлять требу и ни за что не рѣшался войти къ князю въ той будничной рясѣ, въ которую былъ одѣтъ. Вѣстовой началъ упрашивать его, говоря, что князь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не взыщетъ; но священникъ колебался. Меншиковъ, увидавъ въ окно эту сцену, самъ вышелъ на крыльцо.

— Извините меня, ваша свѣтлость,—началъ было сконфуженный священникъ, но Меншиковъ перебилъ его, подходя подъ благословеніе:

— Ничего, батюшка, входите, не стѣсняйтесь!..

Молебенъ былъ отслуженъ, а священникъ награжденъ Меншиковымъ щедро: князь далъ ему сто рублей.

Понятно, что городскіе священники страшно раскаявались въ своей опрометчивости, узнавъ объ этомъ.

XI.

Когда, при началѣ Крымской кампаніи, въ помощь князю Меншикову былъ присланъ генералъ-адъютантъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ, Меншиковъ съ досадой сказалъ окружающимъ:

— Я просилъ подкрѣпленія войскамъ, а меня подкрѣпили Ерофѣичемъ [1])!

XII.

Говорятъ, что когда фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій, будучи при вступленіи на престолъ императора Павла еще прапорщикомъ гвардіи, явился на смотръ, то очень не понравился государю своей некрасивой наружностью и малымъ ростомъ. Дибичъ былъ переведенъ въ армію, какъ сказано въ приказѣ, «за физіономію наводящую уныніе на цѣлый взводъ».

XIII.

Генералъ Б. разъ торжественно сказалъ офицерамъ своего полка:

— Господа! наступаетъ время, когда офицерамъ нужно учиться, чтобы получать чины. Каждый долженъ знать хорошо: артилерію, фортификацію и пр.

Поручикъ З., отличавшійся дерзостью, рѣзко спросилъ его:

— Ваше превосходительство! а генералы тѣ же будутъ?

— Тѣ же.

— Въ такомъ случаѣ, кто же насъ провѣрять будетъ въ знаніи?

Б. смутился и вскорѣ поручикъ З. получилъ переводъ.

---

[1]) Извѣстный, въ свое время водочный настой изъ травъ, назывался ерофеичемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XIV.

Главнокомандующій первой арміей фельдмаршалъ Остенъ-Сакенъ, командиръ кіевской крѣпостной артилеріи, хромой, ходившій всегда на костыляхъ, генералъ-отъ-артилеріи Арнольдъ и кіевскій митрополитъ Димитрій, дожившіе до глубокой старости, каждый вечеръ аккуратно собирались по очереди другъ у друга играть въ карты. Излюбленная игра ихъ была извѣстная въ старину «три листика» по самой маленькой.

Играли они однажды у Сакена, въ тотъ вечеръ, когда я былъ у него ординарцемъ.

Подведя итогъ выигрышу, оказалось, что митрополитъ проигралъ хозяину пять копѣекъ ассигнаціями.

— Получить позвольте!—сказалъ Сакенъ.

Митрополитъ порылся въ карманахъ, но ничего не нашелъ. Онъ сталъ просить Сакена подождать долгъ до завтрашняго вечера, потому что не захватилъ сегодня съ собой денегъ.

Сакенъ, вспыливъ, началъ упрекать преосвященнаго въ томъ, что онъ всегда умышленно забываетъ взять съ собой деньги, чтобы какъ-нибудь уклониться отъ уплаты проигрыша.

— Въ карты играть безъ денегъ не садятся,—внушительно и горячо замѣтилъ восьмидесятилѣтній старикъ столѣтнему старцу.— Нельзя надѣяться на снисхожденіе партнеровъ...

Но дѣлать было нечего, пришлось митрополиту остаться должникомъ главнокомандующаго.

На другой день, Сакенъ, не дождавшись вечера, послалъ меня къ митрополиту за долгомъ.

Прихожу и докладываю, что его сіятельство приказалъ получить съ его высокопреосвященства пять копѣекъ, проигранныя имъ вчера.

— Вздорный онъ, братецъ, человѣкъ!... — сказалъ Димитрій, вручая мнѣ требуемую сумму. — Нате, отнесите ему, пусть богатѣетъ... Онъ только картами, кажется, и живетъ... До вечера не могъ подождать!...

Когда я передалъ эти деньги Сакену, тотъ самодовольно улыбнулся и радостно проговорилъ:

— Такъ-то вѣрнѣе.

Митрополитъ въ игрѣ былъ счастливѣе и Сакена, и Арнольда— это ужасно раздражало послѣднихъ, хотя проигрышъ почти никогда не превышалъ пятачка.

Другіе ординарцы мнѣ говорили, что столѣтніе игроки часто спорили, бранились и, разсердившись, расходились не окончивъ партіи; на другой же день, они, какъ ни въ чемъ не бывало, сходились у очередного снова и опять спорили, бранились и расходились.

Отъ старости они впадали уже въ младенчество.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XV.

Запорожскому атаману Гладкому, который въ турецкую кампанію 1828 года передался со всѣми жившими въ Турціи запорожцами Россіи, императоръ Николай Павловичъ далъ генеральскій чинъ и орденъ св. Георгія 4-й степени. Изъ запорожцевъ же составили полки, назвали ихъ Азовскими казаками и атаманомъ сдѣлали Гладкого.

Какъ-то Гладкому случилось представляться государю. Императоръ обратилъ вниманіе на георгіевскій крестъ, который Гладкій надѣлъ на шею.

— Этотъ крестъ носится въ петлицѣ,—замѣтилъ ему Николай Павловичъ.

Гладкій, ничуть не смутившись, отвѣтилъ:

— На шіи красывыйше!

XVI.

Графъ Аракчеевъ будучи военнымъ министромъ, какъ-то самолично ревизовалъ полковые лазареты Новогородскаго военнаго поселенія. Является онъ въ одинъ изъ лазаретовъ и подходитъ къ больнымъ солдатамъ.

— Чѣмъ боленъ?—спрашиваетъ одного.

— Лихорадкою, ваше сіятельство.

— А ты? — обращается Аракчеевъ къ другому, рядомъ лежащему.

— Она же томитъ, ваше сіятельство.

Графъ обращается къ доктору и спрашиваетъ:

— Чѣмъ ихъ лечите?

Докторъ назвалъ по-латыни лекарства.

— Дайте-ка мнѣ эти лекарства.

Требованіе Аракчеева немедленно было удовлетворено. Докторъ взялъ со столика, раздѣлявшаго кровати больныхъ лихорадкою солдатъ, двѣ склянки съ микстурою и подалъ ихъ графу.

Аракчеевъ съ видомъ знатока разсматриваетъ сперва цвѣтъ лекарства, потомъ взбалтываетъ его и снова наблюдаетъ за его измѣненіемъ, наконецъ откупориваетъ и нюхаетъ. Послѣ этой процедуры, онъ обращается къ доктору, пытливо глядя ему прямо въ глаза:

— Они оба больны одною болѣзнью?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Почему же у нихъ разныя лекарства? Быть можетъ, по ошибкѣ имъ прописано совсѣмъ иное.

— Никакъ нѣтъ ваше сіятельство.

И докторъ подробно изложилъ ему о степени болѣзни каждаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

солдата, пояснилъ ихъ разновидныя комплекціи, которыя, главнымъ образомъ, имѣются въ виду при прописк҃ѣ лекарства и даже упомянулъ о составѣ и дѣйствіи этихъ микстуръ, обратившихъ на себя вниманіе грознаго военнаго министра. По необходимости докторъ часто прибѣгалъ къ латинскимъ терминамъ, которыхъ Аракчеевъ не понималъ вовсе.

Внимательно выслушавъ объясненія доктора, графъ уже спокойно замѣтилъ:

— Ну, братъ, все я на свѣтѣ разобралъ до тонкости, а твою медицину не понялъ, да кажется ее и самъ чортъ не пойметъ.

Съ этимъ онъ уѣхалъ изъ лазарета.

XVII.

Инспекторъ всей поселенной кавалеріи, графъ Никитинъ, прогуливаясь однажды по городу Кременчугу, встрѣтилъ какого-то бородатаго господина въ военной фуражкѣ съ офицерской кокардой.

Никитинъ грубо остановилъ его и спросилъ:

— Ты кто такой?

— А ты кто такой?—въ свою очередь спросилъ этотъ господинъ.

— Развѣ не видишь!?—вспылилъ Никитинъ.

— Не вижу.

— Я генералъ-отъ-кавалеріи, графъ Никитинъ.

— А я отставной поручикъ, князь Репнинъ, сынъ генералъ-губернатора.

Никитинъ моментально измѣнилъ свой тонъ и уже почти ласково замѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что вашъ отецъ не носилъ и не носитъ бороду, а вы носите...

— А мнѣ говорили, что вашъ отецъ не только носилъ бороду, но даже въ лаптяхъ ходилъ, а вы вонъ въ генеральскомъ мундирѣ щеголяете...

Дѣйствительно, графъ Никитинъ происходилъ изъ крестьянъ и былъ не любимъ подчиненными за свой грубый и сварливый характеръ.

XVIII.

Командиръ резервнаго баталіона 13-й пѣхотной дивизіи, подполковникъ Яковъ Аѳанасьевичъ Бѣловъ, былъ невозможно придирчивъ, безтолково взыскателенъ и неразумно распорядителенъ, что взятое вмѣстѣ, дѣлало его нелюбимымъ начальникомъ. Впрочемъ, въ мое достопамятное время, такихъ какъ онъ было слишкомъ много и особенно рѣзко они не выдѣлялись изъ плеяды власть-имущихъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Этотъ Бѣловъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что, будучи полуграмотнымъ, выслужился изъ простыхъ кашеваровъ, получая повышенія обыкновеннымъ прогрессивнымъ порядкомъ, т. е. изъ кашеваровъ попалъ въ ефрейторы, изъ ефрейторовъ въ денщики, потомъ въ фельдфебели и т. д.

Пройдя, такимъ образомъ, что называется огонь и воду, Бѣловъ особенное свое вниманіе обращалъ на кухню и безошибочно угадывалъ виновныхъ въ посягательствѣ на казенное добро. Придетъ бывало на ротную кухню и говоритъ:

— Кто съѣлъ шкурку съ сала? Коптенармусъ, ты что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе,—отопрется виновный.

— Ты ужъ меня не учи!—основательно замѣчаетъ ему Бѣловъ и продолжаетъ:—А кто сверху жиръ собралъ? Кто самымъ хорошимъ попользовался? А? Фельдфебель, признавайся! Вѣдь по глазамъ вижу...

— Виноватъ, ваше-скородіе!

— Ну то-то... А ты, хлѣбопекарь, покажи-ка много ли себѣ хлѣбушекъ настряпалъ?

— Никакъ нѣтъ...— заикнется пекарь, но Бѣловъ его перебьетъ:

— Меня, братъ, не обманешь: самъ я въ кухнѣ много лѣтъ выжилъ. Признавайся много ли на свой хлѣбъ сала да соли извелъ! Поди, себѣ вкусненькіе хлѣбцы скаталъ?

А потомъ начнутся по заслугамъ наказанія.

Яковъ Аѳанасьевичъ любилъ играть въ преферансъ, но не любилъ, чтобы его обыгрывали. Бѣда тому ротному командиру, которому посчастливится въ картахъ. На другой же день, Бѣловъ сдѣлаетъ смотръ его ротѣ, найдетъ массу неисправностей, ко всему придерется, офицерамъ пригрозитъ отставкою, солдатъ оставитъ на плацу, и приказываетъ производить ученіе ихъ часу до двѣнадцатаго.

Какъ-то разъ прихожу я къ нему и застаю его въ слезахъ.

— Что это вы, Яковъ Аѳанасьевичъ, плачете?—спрашиваю.

Онъ мнѣ отвѣчаетъ, что получилъ письмо изъ Архангельска, въ которомъ его извѣщаютъ о смерти матери.

Ему было въ это время 80 лѣтъ, сколько же лѣтъ должно было быть матери?

Нашъ баталіонъ ожидалъ пріѣзда флигель-адъютанта полковника графа Ивлича, долженствовавшаго произвести намъ смотръ по высочайшему повелѣнію. По этому случаю Бѣловъ, собравъ всѣхъ офицеровъ, началъ давать наставленія, какъ вести себя въ присутствіи такого важнаго гостя и умолялъ постараться на смотру. Штабсъ-капитанъ Перфильевъ, выслужившійся изъ гвардейскихъ солдатъ, успокоительно сказалъ Бѣлову:

— Ивлича я отлично знаю.

Яковъ Аѳанасьевичъ быстро перебилъ его и съ ироніей спросилъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ты въ которой тогда шеренгѣ стоялъ?

— Въ третьей,—не смущаясь, отвѣтилъ Перфильевъ.

— Ну, братъ,—проговорилъ Бѣловъ, махнувъ рукой.—Такъ-то я всѣхъ въ Петербургѣ знаю и даже со многими собственноручно знакомъ.

— То-есть какъ собственноручно?

— Да развѣ безъ битья какая-нибудь наука нашему брату дается?!.

Только тутъ окружающіе поняли это оригинальное собственноручное знакомство.

XIX.

Генералъ Ротъ осматривалъ В—ю пѣхотную дивизію. Къ нему, по обыкновенію, пришли представляться полковые командиры. Во время представленія, въ залъ вышла коханка Рота, которую онъ возилъ всюду съ собой. Она, узнавъ въ одномъ изъ командировъ своего стараго знакомаго, бывшаго адъютанта Рота, а именно, командира Виленскаго полка, Губарева, сказала ему:

— Вы, monsieur Губаревъ, съ нами сегодня отобѣдаете?

— За счастіе сочту!—поклонившись, отвѣтилъ тотъ.

Ротъ преисполнился ревности и вспыльчиво замѣтилъ Губареву:

— Стыдно, полковникъ, почитать за счастіе со всякой дрянью обѣдать!

XX.

Московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ былъ назначенъ на эту должность спеціально, какъ ходили въ то время слухи, для искорененія мошенничества и воровства.

Пріѣхавъ въ Москву, Шульгинъ громогласно хвасталъ, что искоренитъ это зло, и принялся за него не на шутку. Но московскіе жулики, провѣдавшіе объ этомъ, на первыхъ же порахъ его дѣятельности заявили себя непоборимыми и дали о себѣ чувствительное понятіе новому оберъ-полиціймейстеру.

Рано утромъ, подъѣзжаютъ къ дому оберъ-полиціймейстера парныя сани съ ливрейнымъ лакеемъ. Ливрейный лакей, лихо соскочивъ съ запятокъ, входитъ въ швейцарскую и приказываетъ доложить Шульгину, что за нимъ пріѣхали сани отъ графини Орловой, которая проситъ его пожаловать къ ней сейчасъ же по неотложному и важному дѣлу.

Шульгинъ, лично знакомый съ графиней, быстро собрался, накинулъ на плечи свою богатую бобровую шинель и отправился. Пріѣхавъ къ графинѣ, оберъ-полиціймейстеръ вошелъ въ подъѣздъ и сбросилъ на руки сопровождавшаго его лакея шинель. Лакей почтительно принялъ ее и присѣлъ на скамейкѣ въ прихожей. О Шульгинѣ доложили хозяйкѣ дома.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ гость, входя въ гостиную и раскланиваясь съ графиней.

Та недоумѣваетъ.

— Вы сейчасъ изволили присылать за мной свой экипажъ,— сказалъ Шульгинъ, въ свою очередь тоже недоумѣвая.

— И не думала!

— Я въ вашихъ саняхъ пріѣхалъ...

— Не можетъ быть!

Подняли въ домѣ тревогу. Бросились къ подъѣзду за санями, но ихъ и слѣдъ простылъ вмѣстѣ съ шинелью...

На другой день Шульгинъ получаетъ по почтѣ безъимянное письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «напрасно вы, ваше превосходительство, съ нами ссориться хотите; будемъ жить лучше въ мирѣ, да ладѣ, никто изъ насъ не будетъ въ накладѣ».

Это обстоятельство сперва обезкуражило его, но впослѣдствіи онъ уяснилъ смыслъ письма какъ нельзя лучше: жулики посвящали его во всѣ свои тайны, что давало ему возможность въ особенно важныхъ дѣлахъ проявлять необыкновенное проворство и ловкость къ открытію преступленій. Этимъ онъ прославился какъ дѣятельный оберъ-полиціймейстеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИКЪ-ИДЕАЛИСТЪ.

ДОВА ПОКОЙНАГО историка Николая Ивановича Костомарова издала недавно посмертный томъ его сочиненій, подъ заглавіемъ «Литературное наслѣдіе». Въ эту книгу включена, между прочимъ, и «автобіографія» Костомарова, напечатанная раньше, въ краткой редакціи, въ «Русской Старинѣ». Къ сожалѣнію, и въ настоящемъ изданіи «автобіографія» является въ неполномъ видѣ, съ большими пропусками, такъ какъ «печатаніе ея цѣликомъ было бы (по словамъ издательницы) неудобно по близости описываемаго времени, даже и тамъ, гдѣ отзывы о разныхъ лицахъ не представляли ничего, кромѣ высокаго уваженія къ нимъ» (?) — и поэтому пропущены даже такія существенныя главы, какъ напримѣръ IV, которая была бы чрезвычайно важна для характеристики Костомарова, именно въ его изложеніи и съ его личными объясненіями. По неровному, неправильному языку «автобіографіи» видно, что она была записана подъ диктовку Костомарова и не была имъ впослѣдствіи ни просмотрена, ни исправлена. Тѣмъ не менѣе, она заключаетъ въ себѣ очень много любопытныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ, въ связи съ нашими личными воспоминаніями, мы попытаемся набросать характеристику Николая Ивановича Костомарова, какъ историка, общественнаго дѣятеля и человѣка.

Николай Ивановичъ Костомаровъ, какъ человѣкъ, какъ писатель вообще и, въ особенности, какъ историкъ—представляетъ собою типъ чрезвычайно оригинальный, чрезвычайно сложный, и въ особенности любопытный тѣмъ, что въ его образованіи и раз-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

витіи съ достаточною ясностью можно прослѣдить различныя вліянія, при которыхъ онъ сложился. Эти вліянія сказались въ такой степени осязательно и рѣзко во всей жизни и дѣятельности Костомарова, что ихъ стоитъ только припомнить здѣсь и перечислить, чтобы уже многое понять и оцѣнить по достоинству въ фактахъ біографіи, въ воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ, въ ученой и литературной дѣятельности нашего историка. Н. И. Костомаровъ родился (4-го мая 1817 года) въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, заселенномъ на половину русскими, на половину малороссами. Отецъ его, «вольтерьянецъ» по убѣжденіямъ и крайній либералъ екатерининскаго вѣка, женился на простой крестьянкѣ (хохлушкѣ), отъ которой и произошелъ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Ребенокъ, одаренный необыкновенною памятью и замѣчательными, блестящими способностями, долгое время находился подъ вреднымъ вліяніемъ отца, который «внушалъ ему вольтерьянское невѣріе» (стр. 6) и развивалъ въ немъ не разумъ, а только воображеніе... Затѣмъ, подобно всѣмъ богатымъ барчукамъ своего времени, съ 10-ти-лѣтняго возроста, Костомаровъ началъ долгія странствованія по московскимъ, воронежскимъ и инымъ пансіонамъ, въ которыхъ онъ поражалъ всѣхъ своими способностями и умѣньемъ быстро схватывать вершки знаній (недаромъ прозвали его enfant miraculeux!) и нигдѣ не получилъ серьезной подготовки къ ученью: — онъ самъ говоритъ, что «принимая его въ 3-й классъ гимназіи (въ 1831 г.), ему сдѣлали большое снисхожденіе», такъ какъ «онъ очень былъ слабъ въ математикѣ, а въ древнихъ языкахъ совсѣмъ не свѣдущъ» (стр. 11). При этомъ, еще за годъ до поступленія въ воронежскую гимназію, Костомаровъ лишился отца (онъ былъ убитъ дворовыми людьми) и остался на попеченіяхъ матери—женщины доброй, но совсѣмъ необразованной и любившей сына до безумія; она не отказывала ему ни въ чемъ и заботы о немъ ставила единственною, исключительною цѣлью своей жизни.

На 16-мъ году онъ поступилъ въ университетъ въ Харьковъ, гдѣ помѣщенъ былъ въ одномъ изъ профессорскихъ пансіоновъ, и оставался попрежнему настолько же далекимъ отъ практической жизни, какъ и до поступленія въ университетъ. Первое столкновеніе съ практической жизнью произошло тогда, когда Костомаровъ, слѣдуя общему въ то время пути всей молодежи, поступилъ въ военную службу (въ Кинбургскій драгунскій полкъ); но Н. И. оказался къ этой службѣ совсѣмъ неподготовленнымъ и вообще непригоднымъ. За то здѣсь, впервые, въ немъ сказался будущій историкъ: занятія исторіей полка въ острогожскомъ полковомъ архивѣ сблизили его съ архивными работами и дали возможность заглянуть въ исторію казачества. Вскорѣ, покинувъ службу въ полку (осенью 1837 г.), Н. И., желая пополнить свое

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

образованіе, вернулся въ Харьковъ и здѣсь, съ жадностью набросился на исторію...

Тогда-то, по его собственному признанію, впервые, его осѣнила мысль о томъ, что «исторію нужно изучать нетолько по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ» (стр. 28). Изученіе русскаго народа Костомаровъ началъ съ его малорусской вѣтви и обратился, прежде всего, къ изученію памятниковъ народной поэзіи. При своемъ сильно развитомъ воображеніи, Н. И. внесъ въ это изученіе, а равно и въ сопряженныя съ нимъ занятія этнографическими наблюденіями, столько увлеченія, что историческое прошлое Малороссіи представилось ему въ самыхъ блестящихъ поэтическихъ образахъ... Онъ дошелъ и самъ до поэтическихъ воспроизведеній этого отдаленнаго прошлаго—сталъ писать драмы, поэмы и думы, на малорусскомъ нарѣчіи, заимствуя сюжеты ихъ изъ исторіи казачества. Но Костомаровъ былъ настолько уменъ, что не могъ не признать своихъ произведеній литературныхъ крайне-слабыми—и потому, отъ увлеченій малорусской народной поэзіей и этнографіей, вернулся снова къ наукѣ. Наукою занялся онъ съ иною цѣлью, чтобы приготовиться къ каѳедрѣ, и въ короткое время написалъ двѣ диссертаціи на степень магистра [1]). Пріобрѣтеніе степени магистра привело Костомарова къ учительству въ Ровнѣ и, затѣмъ, къ профессурѣ въ Кіевѣ — и къ тѣмъ фантастическимъ мечтаніямъ панславистическаго характера, которыя должны были оказать рѣшительное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу.

Не слѣдуетъ забывать, что Костомарову, въ эпоху его избранія на каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ, было уже подъ 30-ть лѣтъ; что, слѣдовательно, онъ былъ уже далеко не юношей, но душою и пониманіемъ жизни онъ мало отличался отъ самаго зеленаго юноши, еще не вступавшаго ни въ какія столкновенія съ житейскою практикою. Это слишкомъ ясно выразилось въ тѣхъ чрезмѣрныхъ увлеченіяхъ модными въ концѣ 40-хъ годовъ теоріями панславизма, которымъ со страстью предался Костомаровъ и люди ближайшаго къ нему кружка (Бѣлозерскій, Кулишъ, Шевченко). До какой степени эти увлеченія были туманны и наивны, видно изъ признаній самого Костомарова (въ его «автобіографіи»), который, однакоже, и въ старости еще относился, повидимому, къ этимъ увлеченіямъ весьма сочувственно.

«Взаимность славянскихъ народовъ,—говоритъ Костомаровъ,—въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки

---

[1]) Первая изъ нихъ (изъ исторіи Уніи) была забракована знаменитымъ архіепископомъ Иннокентіемъ, который справедливо нашелъ ее слабою въ научномъ отношеніи, хотя Костомаровъ даже и въ «автобіографіи» своей все еще на него за это сѣтуетъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторіи. Мимо нашей воли (?) сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе (?) общественной жизни славянскихъ націй. Мы стали воображать всѣ славянскіе народы соединенными между собою въ федераціи, подобно древнимъ греческимъ республикамъ или Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, съ тѣмъ, чтобы всѣ находились въ прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдѣльную автономію». При этомъ, по мнѣнію Костомарова и его товарищей, «федерація по народностямъ оказывалась неудобною» и въ будущемъ предвидѣлась «необходимость другого дѣленія частей будущаго славянскаго государства, для его федеративнаго строя». Это «дѣленіе частей» ставилось совершенно произвольно въ зависимость отъ «административнаго раздѣленія земель, населенныхъ славянскимъ племенемъ, независимо отъ того, къ какой изъ народностей принадлежитъ это племя въ той или другой полосѣ обитаемаго имъ пространства». Костомаровъ и его небольшой кружокъ не въ силахъ были «уяснить себѣ въ подробности образъ своего воображаемаго федеративнаго государства»; но эта неопредѣленность образа нимало не мѣшала тому, чтобы избрать его удобною канвою для фантазіи и покрыть эту канву самыми пестрыми узорами вымысла. Поэтому —«во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, равенство вѣса и монеты, отсутствіе таможенъ и торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ»; предполагалось для порядка и «единая центральная власть, завѣдующая только сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ», но въ то же время—«полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію».

Такого идеальнаго устройства славянской федераціи «въ далекомъ будущемъ» предполагалось достигнуть «воспитаніемъ общества въ духѣ такихъ идей». Это «воспитаніе общества» должно было производиться черезъ университеты и прочія учебныя заведенія, въ которыхъ «люди, искренно преданные этимъ идеямъ», внѣдряли бы ихъ въ юношество. Для того же, чтобы воспитать этихъ «воспитателей», предполагалось устроить особое «Кирилло-Меѳодіевское» общество для «распространенія идей славянской взаимности, какъ путями воспитанія, такъ и путями литературными». Самъ Костомаровъ — человѣкъ опытный и умѣлый въ практикѣ житейскихъ отношеній!—взялся начертать уставъ этого будущаго общества, и въ этомъ уставѣ главными основами положилъ «полнѣйшую свободу вѣроисповѣданій и національностей»... Само собою разумѣется, что дальнѣйшее осуществленіе этого общества, послѣ написанія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

устава, затормозилось; но, тѣмъ не менѣе, по утвержденію Костомарова, «мысль о славянской взаимности и славянской федераціи глубоко оставалась у всѣхъ насъ (т. е. у него и у членовъ его кружка), какъ завѣтная въ жизни» (стр. 63).

Эти неразумныя, дѣтскія мечтанія, подслушанныя кѣмъ-то изъ-за стѣны, дали поводъ къ извѣстному доносу, въ которомъ смѣшное и наивное было представлено грознымъ и опаснымъ, и Костомаровъ подвергся преслѣдованьямъ, которыя привели къ тому, что онъ былъ лишенъ своего мѣста въ Кіевскомъ университетѣ, высланъ изъ Кіева (наканунѣ свадьбы съ дѣвицею Алиною Леонтьевною Крагельскою) и отправленъ на житье въ Саратовъ. Это обязательное пребываніе Костомарова въ Саратовѣ, которое онъ въ своей автобіографіи величаетъ ссылкою [1]), оказало несомнѣнно полезное вліяніе на пламеннаго мечтателя, во-первыхъ, потому, что удалило его изъ кружка подобныхъ же мечтателей, а во-вторыхъ, потому, что впервые вынудило его пожить въ настоящей Россіи, на Волгѣ, вдали отъ заколдованнаго міра Малороссіи (съ примѣсью полячества), которымъ такъ увлекался нашъ молодой историкъ.

Въ Саратовѣ, гдѣ Костомаровъ поселился и числился на службѣ при губернаторской канцеляріи и номинально же состоялъ подъ надзоромъ полиціи, никто, конечно, не стѣснялъ его въ занятіяхъ научныхъ, въ увлеченіяхъ его, даже въ знакомствахъ съ поляками, которыхъ было въ то время очень много (поднадзорныхъ) въ Саратовѣ. Къ тому же, матеріальное положеніе Костомарова, незадолго передъ тѣмъ продавшаго свое воронежское имѣніе, было вполнѣ обезпеченнымъ; присутствіе любящей матери, которая всюду слѣдовала за сыномъ, попрежнему избавляло его отъ всякихъ житейскихъ заботъ—и онъ здѣсь, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, могъ спокойно предаваться своимъ книгамъ, рукописямъ, выпискамъ. Мало того: въ этой страшной ссылкѣ, мѣстное начальство поручало даже весьма охотно Костомарову выполненіе статистическихъ работъ, поощряло его къ поѣздкамъ по губерніи, способствовало его этнографическимъ наблюденіямъ — и такимъ образомъ дало ему возможность собрать матеріалъ для одной изъ наиболѣе талантливыхъ его монографій — для «Стеньки Разина».

---

[1]) Эта ссылка напоминаетъ мнѣ слѣдующій эпизодъ изъ моего первоначальнаго знакомства съ Варшавою въ 1868 г. Осматривая одинъ изъ знаменитыхъ варшавскихъ погребовъ венгерскаго вина, я узналъ отъ своего знакомаго, что старшій надсмотрщикъ погребнаго запаса, старый полякъ, долго жилъ въ Сибири, въ ссылкѣ, и лишь недавно возвращенъ оттуда. Это возбудило мое любопытство и я обратился къ этому надсмотрщику съ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста, въ какія мѣста Сибири вы были сосланы?

— До Орловской губерніи,—пресерьезно отвѣчалъ полякъ.

— Какая же это Сибирь? Да это лучшее мѣсто Россіи!

— А! прошу пана, вшистко, цо за Петерсбургомъ, то южъ Сиберія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Однакоже, главнымъ трудомъ Костомарова во время его пребыванія въ Саратовѣ былъ все же «Богданъ Хмѣльницкій», къ которому онъ уже въ два предшествующіе года готовился, собирая матеріалы, посѣщая мѣстности битвъ Хмѣльницкаго съ поляками, занимаясь исторіею Малороссіи въ XVII вѣкѣ. Въ промежутки между дѣломъ, Костомаровъ, въ Саратовѣ, собиралъ также и матеріалы для «внутренняго быта древней Россіи».

Весною 1856 г., съ начала новаго царствованія, закончилась «ссылка» Костомарова:—ему разрѣшено было отправиться въ Петербургъ для ученыхъ занятій, и онъ, работая нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, закончилъ свой учено-литературный трудъ—исторію Богдана Хмѣльницкаго, которая въ томъ же году и была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ». За этимъ первымъ трудомъ послѣдовалъ рядъ журнальныхъ статей въ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ — и, наконецъ, въ 1859 г. другой, менѣе объемистый, но не менѣе талантливый трудъ — «Бунтъ Стеньки Разина», напечатанный отдѣльною книгою и окончательно-упрочившій въ современномъ русскомъ обществѣ извѣстность Костомарова, какъ историка-художника. О Костомаровѣ заговорили, прокричали его русскимъ Амедеемъ Тьери, восхищались безусловно его первыми шагами на ученомъ поприщѣ—и это привело къ тому, что въ апрѣлѣ 1859 г. онъ былъ приглашенъ Петербургскимъ университетомъ на каѳедру русской исторіи, послѣ удалившагося въ отставку профессора Устрялова.

Послѣдовавшіе за этимъ избраніемъ два-три года профессорской дѣятельности слѣдуетъ считать апогеемъ славы и литературно-ученыхъ успѣховъ Николая Ивановича Костомарова. Профессоръ онъ былъ превосходный, увлекавшій за собою всю свою аудиторію живымъ, яркимъ, образнымъ своимъ изложеніемъ; въ живой рѣчи незамѣтны были ни критическіе промахи Костомарова, ни слабость его ученой подготовки [1]), ни крайняя несостоятельность нѣкоторыхъ его историческихъ воззрѣній и мнѣній... Еслибы ему удалось хоть лѣтъ десять подъ рядъ спокойно просидѣть на каѳедрѣ, съ жаромъ предаваясь разработкѣ историческихъ вопросовъ, которые онъ избиралъ темою для своихъ курсовъ — Костомаровъ вѣроятно принесъ бы немало пользы своимъ университетскимъ слушателямъ, да и самъ избѣгнулъ бы многихъ своихъ заблужденій и увлеченій, подчасъ чрезвычайно прискорбныхъ. Постоянная и опредѣленная работа, при опредѣленности обществен-

[1]) Въ этомъ и самъ Костомаровъ прямо сознается (стр. 114) въ своей автобіографіи: ...«Я взялъ на себя задачу чрезвычайно трудную и мало-удобоисполнимую, по причинѣ моей малой подготовки къ работамъ надъ этой задачей».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

наго положенія, въ значительной степени обуздала бы его пылкое воображеніе и сдержала бы его подвижную, безпокойную натуру... Но судьба рѣшила иначе: профессоромъ Костомаровъ пробылъ не болѣе трехъ лѣтъ и, вслѣдствіе первой студенческой исторіи, разыгравшейся въ 1861 г., вынужденъ былъ покинуть каѳедру и выступить въ роли публициста и литератора, разработывающаго историческія задачи въ примѣненіи къ потребностямъ и интересамъ современной журналистики. Другими словами, мы полагаемъ, что, до конца своей профессуры (съ 1861 г.), Костомаровъ успѣлъ уже выполнить все то, что онъ способенъ былъ выполнить на учено-литературномъ поприщѣ, и его слава была бы ничуть не меньше, если бы онъ, вмѣсто многихъ и многихъ томовъ своихъ монографій, журнальныхъ статей и беллетристическихъ произведеній, закончилъ свою дѣятельность на изданіи въ свѣтъ «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньки Разина»...

Для уясненія своей мысли мы, конечно, не вдадимся въ подробную критику этихъ двухъ историческихъ сочиненій Н. И. Костомарова, а только припомнимъ тѣ условія, среди которыхъ нашъ историкъ выросталъ, развивался и готовился къ своей будущей дѣятельности... Прежде всего, по самой природѣ своей, онъ рѣшительно не былъ способенъ быть историкомъ-изслѣдователемъ, историкомъ-критикомъ, зрѣло и здраво взвѣшивающимъ факты отдаленнаго историческаго прошлаго. Воображеніе до такой степени сильно преобладало (отъ ранняго дѣтства) въ натурѣ Костомарова, что онъ гораздо болѣе способенъ былъ живо представить себѣ несуществующее и сверхъестественное, нежели дать себѣ полный и ясный отчетъ о нѣкогда существовавшемъ въ дѣйствительности. При столь сильно-развитомъ воображеніи, Костомаровъ съ самой ранней молодости не отличался — какъ мы уже видѣли — ни знаніемъ жизни, ни способностью наблюдать и изучать человѣка. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, онъ былъ болѣе способенъ увлекаться ими или подчиняться ихъ вліянію, нежели вникать въ ихъ характеры, и даже въ своихъ странствованіяхъ, въ своихъ наблюденіяхъ этнографическихъ, онъ, большею частью, видѣлъ кругомъ себя не то, что въ дѣйствительности было, а то, что онъ хотѣлъ или предполагалъ въ этой дѣйствительности отыскать. Эта способность къ увлеченію извѣстными взглядами, мнѣніями, личностями, вносила еще одну сторону въ нравственный типъ Костомарова-историка: — способность быстро создавать теоріи, строить и громоздить фантастическія системы и планы, и залетать, что называется, «за облака».

Всѣ эти стороны характера и личности нашего историка нашли себѣ блистательное подтвержденіе въ его страстномъ и безсистемномъ чтеніи, въ его безпрерывныхъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту, въ его увлеченіяхъ, то собираніемъ пѣсенъ, то изученіемъ языковъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

то архивными работами, то астрономіей и «космосомъ» Гумбольдта, то панславистическими теоріями и мечтаніями о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, которому предстояла задача перевоспитанія русскаго общества на новыхъ всеславянскихъ началахъ!.. Но, при этихъ увлеченіяхъ, онъ былъ человѣкомъ живымъ, воспріимчивымъ, богато-одареннымъ отъ природы способностью не только воспринимать, но и передавать свои впечатлѣнія въ яркихъ, пластическихъ образахъ. И вотъ, эти Богомъ данныя способности, Костомаровъ и примѣнилъ къ своимъ первымъ историческимъ трудамъ — и набросалъ въ нихъ богатую красками, роскошную картину эпохи казацкихъ войнъ и страшной Стенькиной смуты. Передъ русскимъ читателемъ впервые развернулись живыя страницы русской лѣтописи и на нихъ живые люди стали говорить и дѣйствовать среди живо-возсозданной и ярко-обрисованной Костомаровымъ эпохи. Его увлекательный способъ изложенія, послѣ сухого и скучнаго изложенія Устрялова, послѣ точнаго и сжатаго разсказа Соловьева, понравился всѣмъ, безъ малѣйшаго исключенія:—всѣ восхищались умѣньемъ Костомарова рисовать историческія лица, всѣ изумлялись множеству вносимыхъ имъ бытовыхъ подробностей, всѣ любовались мастерскимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, лицъ и характеровъ съ поэтическимъ вымысломъ, выразившимся въ произведеніяхъ народной поэзіи... При томъ же, и самая эпоха, въ началѣ которой явились въ свѣтъ первыя историческія сочиненія Костомарова—была эпоха живая, шумная, полная движенія и всякихъ упованій. Всѣ требовали отъ историка не строгой, критически-провѣренной правды, а широкой, художественно-набросанной картины; не сухого изслѣдованія, а занимательнаго разсказа; не точныхъ выводовъ и характеристикъ, а блестящихъ гипотезъ и смѣлыхъ парадоксовъ. Костомаровъ вполнѣ удовлетворилъ всѣмъ этимъ требованіямъ современнаго русскаго общества | и потому былъ сразу превознесенъ и прославленъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ излишества. «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньку Разина» читали съ увлеченіемъ даже и такіе люди, которые никогда на своемъ вѣку не развернули ни одной книги по русской исторіи и о нашемъ историческомъ прошломъ имѣли самое смутное понятіе, — читали, какъ романъ Вальтеръ-Скотта, какъ занимательную книгу, полную пикантныхъ подробностей. А когда авторъ «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньки Разина» былъ призванъ на каѳедру Петербургскаго университета, то онъ, конечно, сразу сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ столицѣ. Всѣ бросились слушать лекціи Костомарова въ университетъ, широко открывшій свои двери для званныхъ и незванныхъ — и здѣсь, съ каѳедры, услышали «новые, живые глаголы». Эти живые глаголы заключались въ томъ, что нашъ историкъ «задался мыслью въ своихъ лекціяхъ выдвинуть на первый планъ народную жизнь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

во всѣхъ ея частныхъ видахъ» (стр. 113). Онъ изображалъ государство скорѣе «случайнымъ плодомъ завоеваній, чѣмъ необходимымъ послѣдствіемъ географическихъ и этнографическихъ особенностей народной жизни» и доказывалъ, что жизнь народная развивалась (въ исторіи народа) своимъ путемъ, а «государство оставалось только внѣшнею формою объединяющей полицейской власти (sic)». Забывая извѣстную французскую пословицу (comparaison n'est pas raison), талантливый профессоръ смѣло почерпалъ сравненія изъ исторіи Греціи и Рима, изъ лѣтописей западно-европейскаго феодализма и добавлялъ съ полною увѣренностью, что «русская исторія представляла то же, хотя съ своеобразными особенностями» (стр. 114)... «Найти и уловить эти особенности народной жизни частей русскаго государства, составляло для него задачу его занятій исторіею». Онъ самъ сознавалъ недостаточность своей подготовки для рѣшенія столь трудной задачи, но утѣшалъ себя увѣренностью въ томъ, «что и любой изъ русскихъ ученыхъ не былъ еще въ состояніи приняться за это дѣло...» И онъ смѣло строилъ и излагалъ свои гипотезы передъ разнообразною аудиторіею, которая болѣе всего была способна восторгаться именно этою смѣлостью и пренебрежительнымъ отношеніемъ Костомарова къ его ученымъ предшественникамъ...

Увлекаемый своимъ литературно-ученымъ значеніемъ и ободряемый своими успѣхами на каѳедрѣ, Костомаровъ «отважился на разбитіе системы происхожденія Руси отъ норманскаго міра». Съ этою цѣлью, онъ придумалъ свою систему происхожденія Руси «изъ Литвы», и эту скороспѣлую теорію изложилъ въ весьма занимательной статейкѣ «Современника», подъ заглавіемъ «Начало Руси». Эта статейка привела къ извѣстному публичному диспуту Костомарова съ Погодинымъ (19-го марта 1860 года), приведеннымъ въ ужасъ легкостью отношенія Костомарова къ историческому изслѣдованію. Диспутъ, разумѣется, окончился ничѣмъ; но Костомаровъ, ничего недоказавшій Погодину, все же утѣшалъ себя, говоря: «что онъ понималъ чтеніе лѣтописей въ болѣе прямомъ смыслѣ (нежели Погодинъ) и притомъ въ такомъ, какой вѣроятно имѣлся у самихъ лѣтописцевъ (?)».

Мало-по-малу, Костомаровъ сталъ до такой степени входить въ роль передоваго дѣятеля по разработкѣ русской исторіи, до такой степени увлекаться своимъ ученымъ значеніемъ, до такой степени разбрасываться въ своихъ занятіяхъ рукописнымъ и архивнымъ матеріаломъ, что, конечно, работы его стали отзываться спѣшностью и слишкомъ ясно выказывать въ Костомаровѣ человѣка, принимающаго на себя выполненіе задачъ не по силамъ. Отчасти это выразилось въ дѣятельности Костомарова, какъ члена Археографической Комиссіи, когда онъ, приступивъ къ изданію актовъ, относящихся къ эпохѣ Хмѣльницкаго, сталъ «выбирать изъ нихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

болѣе годные [1])» — отчасти же, и даже еще болѣе, это выказалось въ журнальной дѣятельности нашего историка, вызвавшей противъ него цѣлую бурю серьезныхъ возраженій, справедливыхъ осужденій и даже нареканій. Главною причиною подобныхъ нареканій была уже самая несвоевременность появленія нѣкоторыхъ журнальныхъ статей Костомарова, который рѣшался писать «О федеративномъ началѣ древней Руси» и о «Двухъ русскихъ народностяхъ» почти въ то самое время «какъ вспыхнуло польское возстаніе и русскіе стали болѣе горячо, чѣмъ когда-либо, хвататься за идею своего національнаго единства...» (стр. 121). Эта безтактность, вызвавшая толки о «сепаратическихъ» стремленіяхъ Костомарова, еще рѣзче выказалась при посѣщеніи имъ Вильны, гдѣ (въ самый разгаръ уличныхъ демонстрацій) нашъ историкъ не только посѣтилъ публичное засѣданіе Виленской Археографической Комиссіи, не только обмѣнивался любезностями съ графомъ Е. Тышкевичемъ и отвѣчалъ ему на польскую рѣчь польскою же рѣчью, но даже чувствовалъ себя польщеннымъ похвалами и лестью польскихъ археологовъ, систематически истреблявшихъ въ Литвѣ и Западномъ краѣ слѣды православія и русской старины.

Само собою разумѣется, что при такомъ странномъ и безтактномъ способѣ дѣйствій,—болѣе извинительномъ молодому человѣку, нежели зрѣлому 45-ти-лѣтнему мужчинѣ и профессору—Костомаровъ долженъ былъ возбудить противъ себя непріязнь очень многихъ. Невыказавъ особенной твердости во время студенческой исторіи 1861—62 гг., не поладивъ съ товарищами своими, онъ долженъ былъ выйти изъ университета, и, въ самый разгаръ начинавшейся въ русскомъ обществѣ реакціи, попалъ въ очень неловкое положеніе... Оставаясь на службѣ (онъ состоялъ членомъ Археографической Комиссіи) и продолжая даже получать жалованье, онъ, въ то же время, какъ-то невольно сталъ въ ряды оппозиціи и примкнулъ къ какой-то крайней лѣвой во всѣхъ, самыхъ жгучихъ вопросахъ историческихъ, имѣвшихъ хотя какое бы то ни было соотношеніе съ современностью. Это происходило, главнымъ образомъ, отъ того, что самомнѣніе Костомарова не переставало возростать и развиваться въ немъ до крайнихъ предѣловъ, и онъ уже начиналъ признавать правильными только свои личные взгляды. Подъ этимъ именно угломъ зрѣнія напечатаны были Костомаровымъ забористыя и задорныя статейки объ «Иванѣ Сусанинѣ» и «Куликовской битвѣ», которымъ онъ придалъ громкое названіе «изслѣдованій». Эти статьи, конечно, вызвали новую бурю противъ Костомарова, который въ возраженіяхъ своихъ про-

[1]) Припомнимъ, по этому поводу, извѣстную полемику покойнаго Г. Ѳ. Карпова съ Костомаровымъ. Полемика эта не была выгодною для нашего историка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тивниковъ видѣлъ «только доказательство непрекратившагося еще господства дѣтскихъ взглядовъ и раболѣпства передъ рутинными убѣжденіями, основанными на ложномъ патріотизмѣ» (стр. 150)... «Отечеству нѣтъ никакого безчестія, если личность, которую прежде, по ошибкѣ, признавали высоко-доблестною, подъ критическими пріемами анализа представится совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ ее пріучились видѣть». Но, выражая такіе взгляды на выдающіяся историческія личности, Костомаровъ, какъ будто не допускалъ даже и мысли о томъ, что «критическіе пріемы анализа» слѣдуетъ къ нимъ примѣнять съ величайшею осторожностью и съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ и силѣ своихъ доводовъ. А между тѣмъ, своею статью о Сусанинѣ онъ нисколько не поколебалъ значенія этого героя-крестьянина, о которомъ еще въ XVII вѣкѣ сложилась извѣстная легенда, подтверждаемая отголосками въ актахъ и въ мѣстныхъ преданіяхъ; что же касается его статьи о Куликовской битвѣ, въ которой онъ силился доказать ни болѣе, ни менѣе, какъ «трусость» (!) Дмитрія Донского, то эта статья выказала въ Костомаровѣ лишь весьма поверхностное пониманіе древнерусскаго быта. Дѣло въ томъ, что онъ основывалъ свою (совершенно несостоятельную) гипотезу только на фактѣ переодѣванія Дмитрія передъ битвою въ платье простого воина, а между тѣмъ упустилъ изъ вида, что подобное переодѣваніе было весьма обычнымъ на Руси и въ предшествующіе вѣка, и что даже знаменитый своею беззавѣтною храбростью Изяславъ Мстиславовичъ, (внукъ Мономаха), чуть было не былъ изрубленъ своими собственными воинами, среди которыхъ онъ также сражался въ простомъ воинскомъ доспѣхѣ, безъ всякихъ княжескихъ отличій.

Не смотря на то, что статья Костомарова о Дмитріи Донскомъ встрѣчена была со всѣхъ сторонъ весьма вѣскими возраженіями, онъ нашелъ, что критики его «заслуживали одобренія только за свой патріотизмъ, а никакъ не за ученость». Къ числу этихъ неученыхъ критиковъ Костомаровъ преспокойно относитъ и Погодина!.. Но всего любопытнѣе то, что чрезвычайная легкость, съ которою Костомаровъ относился къ рѣшенію такихъ важныхъ историческихъ вопросовъ, какъ вопросъ о «трусости» Дмитрія Донского, нашла себѣ отголосокъ и въ «автобіографіи», писанной двадцать лѣтъ спустя послѣ статьи о Куликовской битвѣ. И двадцать лѣтъ спустя, Костомаровъ утверждаетъ, что «трусость Дмитрія Донского, которою такъ оскорбились Погодинъ и другіе мои противники, неоспоримо (?!) доказывается постыднымъ бѣгствомъ московскаго великаго князя изъ столицы во время нашествія на нее Тохтамыша» (стр. 157). И этимъ новымъ доводомъ только еще разъ доказываетъ свою полную несостоятельность въ знаніи древне-русскаго быта, такъ какъ «постыднымъ бѣгствомъ» называетъ удаленіе Дмитрія (застигнутаго врасплохъ набѣгомъ Тохтамыша)

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изъ Москвы, для сбора войскъ въ ближайшихъ сосѣднихъ областяхъ. Другими словами, за «постыдное бѣгство» принимается Костомаровымъ обычный тактическій пріемъ нашихъ князей въ XIII и XIV вѣкѣ [1]), когда постояннаго войска не было и рубежъ Русской земли еще не былъ огражденъ надежными сторожевыми линіями отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ.

Въ то время, когда происходила полемика по поводу этихъ статей, Костомаровъ уже давно былъ занятъ подготовкою матеріаловъ для «Исторіи Смутнаго времени» и обработывалъ ее частями. «Всю зиму съ 1864 на 1865 годъ и весну 1865 г. онъ продолжалъ ревностно трудиться надъ «Смутнымъ временемъ» и занятія эти такъ увлекали его, что нерѣдко онъ проводилъ цѣлыя ночи, не въ состояніи будучи «оторваться отъ изслѣдованія лицъ (?) этой знаменательной въ исторіи русскаго народа эпохи». Хотя эти усиленныя занятія чередовались съ обычными у Костомарова поѣздками по Россіи и за границу — однако все же, «Смутное время» было къ началу 1868 г. уже закончено и съ первыхъ книжекъ «Вѣстника Европы» стало появляться на страницахъ этого журнала.

Само собою разумѣется, что даже и для поверхностнаго обзора такой пестрой и разнообразной эпохи, какъ «Смутное время», двухъ-трехъ лѣтъ работы (да еще съ перерывами для различныхъ поѣздокъ) было далеко недостаточно. Изложеніе матеріала, какъ и слѣдовало ожидать, вышло у Костомарова очень живое и красивое; но связь между фактами оказалась чрезвычайно слабою; взгляды, выраженные авторомъ на важнѣйшія событія — шаткими и неопредѣленными; характеристики многихъ важнѣйшихъ дѣятелей — произвольными и невѣрными. По сравненію съ предшествовавшими историческими сочиненіями, составившими славу Костомарова — съ «Богданомъ Хмѣльницкимъ» и «Стенькой Разинымъ» — въ «Исторіи Смутнаго времени» замѣтенъ былъ уже шагъ назадъ, въ томъ смыслѣ, что всѣ достоинства историческаго изложенія въ новомъ трудѣ Костомарова оказывались болѣе блѣдными, чѣмъ въ предшествующихъ трудахъ, а всѣ недостатки — болѣе замѣтными. Но, конечно, не такъ думалъ самъ авторъ «Смутнаго времени», который представлялъ себя въ самомъ расцвѣтѣ своей творческой дѣятельности и, съ какою-то болѣзненною, лихорадочною торопливостью, спѣшилъ приняться за новые и новые историческіе труды, то роясь въ рукописяхъ Публичной Библіотеки и другихъ русскихъ книгохранилищахъ, то разрывая польскіе архивы, то отрываясь отъ этой работы для обзора монастырей и историческихъ мѣстностей, то ударяясь въ писаніе журнальныхъ статей и въ задорную полемику съ противниками.

---

[1]) Этотъ тактическій пріемъ даже и побудилъ Тохтамыша къ поспѣшному отступленію отъ Москвы при первомъ слухѣ о приближеніи Дмитрія съ набраннымъ войскомъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Печатаніе «Смутнаго времени» еще не было окончено въ «Вѣстникѣ Европы», а ужъ у Костомарова близился къ окончанію другой, не менѣе объемистый трудъ—«Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой». Не смотря на то, что съ весны 1868 г. Костомаровъ «на нѣсколько времени прервалъ свои занятія исторіею Польши, приготовляя къ печати монографію «О гетманствѣ Юрія Хмѣльницкаго» и статью о «первомъ раздѣлѣ церквей при патріархѣ Фотіи» (см. стр. 174) — «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» въ томъ же году были закончены и эта весьма объемистая исторія «паденія Польши» въ 1869 г. уже печаталась въ «Вѣстникѣ Европы»... Печатаніе этого сочиненія еще только началось въ журналѣ г. Стасюлевича, а ужъ Костомаровъ принялся за другую, нелегкую работу: — онъ сталъ читать въ клубѣ художниковъ подробный курсъ русской исторіи, въ видѣ цѣлаго ряда публичныхъ лекцій. Въ то время, какъ онъ читалъ эти лекціи, графъ Д. А. Толстой исходатайствовалъ Костомарову у государя императора ежегодное содержаніе, равное окладу ординарнаго профессора. «Это ходатайство графа Дмитрія Андреевича, — замѣчаетъ Костомаровъ въ своей автобіографіи, — было для меня истиннымъ благодѣяніемъ и внушило мнѣ чувство глубокой благодарности къ нему», и немного далѣе добавляетъ: — «я пріобрѣлъ (полученіемъ этой пенсіи) постоянную поддержку своего матеріальнаго быта, что̀ освободило меня отъ необходимости быть въ постоянной зависимости и подчиненности отъ издателей и журнальныхъ редакторовъ» (стр. 175) [1]).

Судя по этому отзыву, можно было бы подумать, что Костомаровъ тяготился своими отношеніями къ журналистикѣ и что, получивъ «поддержку своего матеріальнаго быта», онъ броситъ журналистику и весь отдастся какому-нибудь завѣтному, излюбленному историческому труду. Но на дѣлѣ оказалось, что Н. И. Костомаровъ горячѣе, чѣмъ когда-либо прежде, предался писанію журнальныхъ статей по отдѣльнымъ историческимъ вопросамъ и нетолько журнальной, но даже газетной полемикѣ, которую эти статьи возбуждали. Эта безпокойная, постоянно разбрасывающаяся во всѣ стороны литературная дѣятельность, спѣшная работа то надъ рукописями, то надъ корректурами, безпрерывные переѣзды съ мѣста на мѣсто, мало-по-малу, до такой степени ослабили нервы, зрѣніе и общее состояніе здоровья Костомарова, что вскорѣ онъ уже почувствовалъ себя неспособнымъ заняться какимъ-

[1]) Трудно себѣ представить что-либо болѣе несправедливое, нежели этотъ отзывъ Н. И. Костомарова объ издателяхъ и редакторахъ. Издателемъ его былъ, преимущественно, его пріятель, Д. Е. Кожанчиковъ, который благоговѣлъ передъ нимъ и доставилъ ему большія выгоды. Изъ редакторовъ, Н. И. Костомаровъ имѣлъ, главнымъ образомъ, дѣло съ М. М. Стасюлевичемъ, который платилъ ему очень щедро и никогда ни въ чемъ его не стѣснялъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нибудь однимъ дѣльнымъ трудомъ. А между тѣмъ, потребность въ работѣ, въ постоянномъ чтеніи, въ постоянной вознѣ съ книгами и рукописями, была страшная, ничѣмъ неутолимая, почти болѣзненная... И вотъ, не имѣя уже никакой возможности заниматься источниками исторіи и ихъ самостоятельною обработкою, Костомаровъ (въ 1872 г.) рѣшился посвятить свои невольные досуги (ему изъ-за болѣзни глазъ запрещено было работать) компилятивному труду, надъ выполненіемъ котораго могли трудиться другія лица, подъ его руководствомъ. «По совѣту многихъ знакомыхъ», онъ рѣшился приняться за составленіе «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», предназначая эту исторію для популярнаго чтенія» Эта чрезвычайно-трудная и мудреная задача почему-то представилась Костомарову необыкновенно легкою и удобоисполнимою; на выполненіе ея онъ смотрѣлъ «какъ на отдохновеніе для своихъ нервовъ (стр. 192)». Пріемы выполненія новой задачи также отличались замѣчательною простотою:—онъ пригласилъ къ себѣ въ сотрудницы жену бывшаго своего пріятеля, г-жу Б., которая, «по его указанію, читала вслухъ мѣста, указываемыя имъ въ источникахъ и писала текстъ подъ диктовку Костомарова». Такимъ образомъ начатая работа пошла чрезвычайно быстро:—въ четыре мѣсяца былъ изготовленъ первый, весьма объемистый выпускъ новой популярной исторіи!.. Впослѣдствіи, явились и остальные выпуски: но въ этомъ трудѣ, повторяющемъ всѣ прежнія гипотезы и ошибки нашего историка и отличающемся не мѣткостью, а только рѣзкостью характеристикъ, мы уже не узнаемъ Костомарова. Кругъ дѣятельности историка, очевидно, былъ уже законченъ и всѣ дальнѣйшія его работы (не исключая и «Руины») ничего не могли прибавить къ его извѣстности. Мы не ошибемся, если скажемъ, что эти работы были только простымъ удовлетвореніемъ его внутренней жажды дѣятельности и кабинетнаго труда. Недаромъ говаривалъ онъ не разъ, во время приступовъ болѣзни: —«Жить безъ дѣла —это хуже смерти». И дѣйствительно, эта работа его только смертью и закончилась...

Все вышеизложенное и основанное на словахъ самого Костомарова (т. е. на данныхъ его автобіографіи) представляется мнѣ лично особенно любопытнымъ именно потому, что эти данныя служатъ прекрасною провѣркою и дополненіемъ моихъ собственныхъ воспоминаній о Костомаровѣ, какъ ученомъ и какъ частномъ человѣкѣ.

Первое знакомство мое съ Н. И. Костомаровымъ относится къ тому времени, когда онъ, только-что возвращенный изъ преслову-той «ссылки», явился профессоромъ въ Петербургскомъ университетѣ, по каѳедрѣ русской исторіи. Должно сказать правду, что слухъ объ этой ссылкѣ, о страданіяхъ и гоненіяхъ, которыя будто бы пришлось претерпѣть Костомарову за какія-то полити-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ческія провинности, а также разсказы о романтическихъ обстоятельствахъ, которыми сопровождался тогда арестъ Костомарова въ 1848 г. — все это создало такой ореолъ около личности неизвѣстнаго намъ новаго профессора, что, уже задолго до его появленія на каѳедрѣ, мы его любили и уважали, присоединяя его заранѣе къ плеядѣ профессоровъ либеральнаго лагеря, тогда преобладавшей въ университетѣ. Мало того: мы заранѣе уже создали себѣ совершенно своеобразное представленіе о Костомаровѣ, какъ объ идеалѣ всякихъ доблестей и научныхъ достоинствъ... И Костомаровъ, на первыхъ порахъ, вполнѣ оправдалъ всѣ возложенныя нами на него упованія и надежды. Читалъ онъ лекціи превосходно, самъ видимо увлекаясь и успѣхомъ своимъ, и обаяніемъ, которое распространялъ вокругъ себя. Въ говорѣ его, не совсѣмъ чистомъ и правильномъ, было нѣчто своеобразное и привлекательное; языкомъ владѣлъ онъ ловко и умѣлъ чрезвычайно искусно украшать свою рѣчь цитатами и отдѣльными выраженіями, заимствованными изъ памятниковъ. Память у него была изумительная: онъ могъ свободно, не запинаясь, наизусть приводить изъ лѣтописей и актовъ цѣлыя страницы, и я помню, какъ насъ поражала эта способность Костомарова,—помню, какимъ великимъ ученымъ онъ намъ казался въ то время! Къ чести покойнаго историка слѣдуетъ замѣтить, что онъ нисколько не увлекался примѣромъ многихъ своихъ товарищей-профессоровъ, которые, въ то время, любили блистать на лекціяхъ либеральными фразами и теоріями, неимѣвшими никакихъ отношеній къ наукѣ. Онъ читалъ лекціи очень свободно, не стѣсняясь никакими цензурными условіями (таково было время), разбиралъ на каѳедрѣ житія и отреченныя книги, набрасывалъ широкую картину государственнаго строя древней Руси и пояснялъ ее примѣрами изъ позднѣйшей и современной русской исторіи; но онъ всегда и вездѣ оставался на почвѣ исторической науки и никогда не дѣлалъ никакой уступки фразѣ. И мы вполнѣ оцѣнили эту добросовѣстную и безпритязательную серьезность нашего новаго профессора, въ которомъ, впрочемъ, насъ привлекали не только его достоинства, но даже и его недостатки, съ такою рѣзкостью опредѣлившіеся въ его позднѣйшей научной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, намъ чрезвычайно нравилась не только художественная образность историческаго изложенія въ устахъ Костомарова, но и его пристрастіе къ слишкомъ смѣлымъ гипотезамъ и къ такимъ сопоставленіямъ, которыя основывались на весьма шаткомъ и даже случайномъ совпаденіи нѣкоторыхъ чисто-внѣшнихъ признаковъ. Насъ поражало чрезвычайное остроуміе изслѣдователя, который то въ Ильменскихъ славянахъ ухитрялся видѣть своихъ излюбленныхъ «хохловъ», то въ варягахъ видѣлъ «Литву». Мы глубоко сочувствовали болѣе чѣмъ смѣлому рѣшенію Костомарова вступить въ ученый диспутъ «о

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

происхожденіи Руси» съ такимъ столпомъ норманизма какъ Погодинъ, и во всѣхъ, болѣе чѣмъ спорныхъ, доводахъ и возраженіяхъ нашего профессора знаменитому московскому ученому мы видѣли верхъ ученаго остроумія и находчивости. Мы никогда не забудемъ того восторженнаго грохота рукоплесканій, которымъ мы привѣтствовали на этомъ диспутѣ Костомарова, не забудемъ и того наивнаго самодовольствія, съ которымъ онъ принималъ воздаваемыя ему нами овацiи, какъ нѣчто подобающее, какъ нѣчто заслуженное имъ. Ему, повидимому, и въ голову не приходило, что этотъ диспутъ представлялся намъ вовсе не ученымъ споромъ, а чѣмъ-то въ родѣ борьбы свѣтлаго Сигфрида съ мрачнымъ Фафниромъ:—намъ казалось, что въ лицѣ Погодина на Костомарова возстаетъ все отжилое, отсталое, темное, и, напротивъ того, что все свѣтлое, новое, живое олицетворяется въ нашемъ любимцѣ [1])...

Однимъ только Костомаровъ не нравился студентамъ: онъ не любилъ ни съ кѣмъ вступать въ разговоры внѣ аудиторіи и не особенно жаловалъ тѣхъ, которые искали сближенія и знакомства съ нимъ... Отчасти это происходило потому, что онъ былъ постоянно очень занятъ своими лекціями и своими историческими работами; отчасти же потому, что онъ, вѣроятно, самъ чувствовалъ свою полнѣйшую неспособность кого бы то ни было руководить и направлять въ историческомъ изученіи. Постоянно пребывая въ своемъ особомъ, отвлеченномъ мірѣ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія войти въ интересы постороннихъ лицъ, дѣлиться съ ними взглядами, или вести споръ о какомъ-нибудь частномъ историческомъ вопросѣ. Когда къ нему обращались студенты за какими-нибудь объясненіями, онъ довольствовался тѣмъ, что, указывая какую-нибудь книгу, высказывалъ кратко и опредѣленно свое мнѣніе—и спѣшилъ отдѣлаться отъ докучныхъ посѣтителей. На это (конечно, совершенно несправедливо) жаловались нѣкоторые изъ нашихъ товарищей; но мнѣ самому не пришлось этого испытать: — я былъ обласканъ Костомаровымъ при первомъ знакомствѣ съ нимъ, вѣроятно, изъ уваженія къ памяти покойнаго отца моего, также либерала и новатора въ русской исторической наукѣ, и когда, по окончаніи курса въ университетѣ, весною 1861 г., мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга на службу въ провинцію, я унесъ съ собою самыя свѣтлыя, самыя восторженныя воспоминанія о Костомаровѣ, какъ профессорѣ. По моему тогдашнему мнѣнію, на этомъ солнцѣ не было и не могло быть пятенъ.

---

[1]) Помню, что меня лично привлекало къ Костомарому и еще одно случайное обстоятельство: внѣшностью своею онъ сильно напоминалъ мнѣ моего покойнаго отца, къ которому онъ всегда относился съ большимъ уваженіемъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ мы встрѣчались съ покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ довольно рѣдко, только во время моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ по дѣламъ семейнымъ, а потомъ для занятій по магистерскому экзамену и диссертаціи. Сношенія наши сдѣлались особенно оживленными и частыми только уже въ 1864, 1865 и 1866 годахъ, которые я провелъ въ Петербургѣ съ появившеюся у меня маленькою семьею. Въ теченіе этого времени я, кажется, не пропустилъ ни одного вторника (назначеннаго дня у Костомарова), и самъ Николай Ивановичъ заглядывалъ раза два въ недѣлю въ мою маленькую, уютную квартирку во дворѣ одного изъ домовъ 11-й линіи Васильевскаго острова. Насъ раздѣлялъ только небольшой переулокъ, и, благодаря этой близости, сношенія наши могли быть очень частыми, при той особенной пріязни, которая между нами установилась, не смотря на разницу лѣтъ и положеній. Я былъ тогда простымъ учителемъ, заваленнымъ уроками и очень юнымъ, неопытнымъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей литературы при Петербургскомъ университетѣ;—Николай Ивановичъ былъ въ апогеѣ своей исторической славы и литературной извѣстности. Онъ работалъ надъ «Смутнымъ временемъ», и до такой степени углублялся въ свои работы, что, въ буквальномъ смыслѣ слова, жилъ съ Разстригою, Сапѣгою, тушинцами, Шуйскими, Болотниковыми и московскими перелетами. Онъ не могъ ни о чемъ, кромѣ героевъ «Смутнаго времени», ни говорить, ни думать; онъ чувствовалъ постоянную потребность читать вслухъ написанныя имъ части текста своего труда, и разсуждать, толковать о немъ со всѣми. Случалось даже, что онъ, съ свойственнымъ ему хохлацкимъ юморомъ, придумывалъ цѣлые комическіе діалоги между московскими боярами, польскими панами, тушинцами и казаками, и живо передавая въ лицахъ эти вымышленные разговоры, самъ хохоталъ надъ ними до упаду, съ дѣтскою наивностью.

«Вторники» Николая Ивановича были, въ своемъ родѣ, явленіемъ любопытнымъ. Съ чарующею простотою крупнаго таланта и человѣка, живущаго интересами «иного міра», не замѣчающаго кругомъ себя ни людей, ни практической жизни, Николай Ивановичъ одинаково радушно принималъ у себя по «вторникамъ» самый разнообразный людъ, и ученый, и вовсе не ученый, и литературный—и такой, который не имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго отношенія къ литературѣ и наукѣ. Кого, кого нельзя было встрѣтить на этихъ Костомаровскихъ «вторникахъ»! Тутъ были и какіе-то сельскіе попы, и офицеры, и разныя ученыя и литературныя знаменитости шестидесятыхъ годовъ, и какіе-то саратовскіе помѣщики и чиновники, и учителя петербургскихъ гимназій, и студенты, и неизбѣжный книгопродавецъ Д. Е. Кожанчиковъ, который во всѣ разговоры и споры совался съ своими не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

умными и недальновидными разсужденіями и мнѣніями. Вся эта разнохарактерная и разношерстная братія собиралась въ кабинетѣ Николая Ивановича, около небольшого переддиваннаго столика, среди непроницаемыхъ облаковъ табачнаго дыма, усиленно осушая стаканы чаю, которые непрерывно присылала гостямъ матушка Николая Ивановича, неслышно и незамѣтно правившая всѣмъ домомъ сына и до старости окружавшая его, какъ малое дитя, самыми нѣжными заботами. Самъ Николай Ивановичъ почти никогда не сидѣлъ на мѣстѣ; онъ безпрестанно ходилъ изъ угла въ уголъ кабинета, покуривая свою классическую трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и изрѣдка покрикивая своего слугу «Миррона», чтобы набить или «запалить люльку». Но не смотря на эту непосѣдливость Николая Ивановича, онъ самъ все же оставался главнымъ центромъ, главнымъ интересомъ собиравшагося у него кружка—душею «вторниковъ». Мало того: онъ умѣлъ всегда всѣхъ своихъ гостей (даже и неимѣвшихъ никакого отношенія ни къ исторіи, ни къ наукѣ) заинтересовать тою эпохою «Смутнаго времени», которая его занимала и которую онъ такъ страстно изучалъ. Всѣмъ и каждому находилъ онъ возможность что-нибудь разсказать изъ вычитаннаго и отысканнаго имъ въ старыхъ книгахъ и рукописяхъ, и такъ и сыпалъ направо и налѣво анекдотами о герояхъ «Смутнаго времени», переплетая ихъ своими излюбленными разсказами изъ народнаго быта о казакахъ и жидахъ, или «валаамскими» сказками о поповомъ батракѣ, или наконецъ неистощимыми легендами о «бѣсахъ»... [1]). Жизненная сила ключемъ била изъ этого высокоталантливаго человѣка и художника, который, страстно занимаясь историческимъ изслѣдованіемъ и изученіемъ древнихъ памятниковъ, ни на минуту не выходилъ изъ заколдованнаго міра своей фантазіи и невольно увлекалъ въ него всѣхъ приближавшихся къ нему.

Обаяніе этой силы было настолько велико, что на первыхъ порахъ почти никто не замѣчалъ, что почтенный историкъ даетъ огромное преобладаніе своей фантазіи даже и въ дѣлѣ историческаго наблюденія, что онъ ею создаетъ историческіе образы и характеры, на ней строитъ свои приговоры объ историческихъ дѣятеляхъ, при помощи ея окрашиваетъ историческую эпоху въ тотъ или другой цвѣтъ. И ничто такъ не раздражало Костомарова, какъ дѣльное, основанное на фактахъ, возраженіе противъ возможности или правдивости созданной имъ фантастической теоріи, фантастическаго характера или фантастической окраски извѣстной эпохи... Это возраженіе на-

[2]) «Бѣсъ», при болѣзненно-настроенномъ воображеніи Николая Ивановича, игралъ весьма значительную роль въ его біографіи. Всѣ галлюцинаціи, къ которымъ Н. И. былъ очень склоненъ, выражались у него въ образѣ длинныхъ бесѣдъ съ бѣсомъ, который надъ нимъ «подшучивалъ» и, по увѣренію Николая Ивановича, даже жилъ постоянно въ печи его кабинета.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рушало тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ онъ привыкъ вращаться, оно перепутывало золотые сны его мечты, оно подрывало внѣшнюю стройность его идеальной постройки — и онъ терялся, не находя почвы подъ ногами, онъ старался даже вовсе отрицать приводимые въ доказательство факты и придумывалъ для опроверженія ихъ самыя смѣлыя, самыя неосновательныя гипотезы. Если по этому поводу завязывался серьезный, горячій споръ, Николай Ивановичъ въ немъ выказывалъ иногда иныя, далеко-непривлекательныя стороны своей натуры... Съ этими сторонами я успѣлъ хорошо ознакомиться по мѣрѣ того, какъ сближался съ нимъ и внимательно присматривался къ его частной жизни. Въ этой частной жизни почтенный историкъ выказывался капризнымъ, избалованнымъ ребенкомъ. Отъ ранняго дѣтства привыкнувшій жить исключительно въ мірѣ грезъ, постоянно окруженный заботами нѣжной матери, у которой онъ былъ единственнымъ ребенкомъ, никогда не знавшій нужды—Костомаровъ выросъ и созрѣлъ какимъ-то баловнемъ судьбы. Этотъ баловень не только не зналъ ничего въ обыденной, практической жизни, не только ничего въ ней не смыслилъ, но и не хотѣлъ знать, и не хотѣлъ смыслить. И это отчужденіе отъ жизни происходило вовсе не потому, чтобы онъ вовсе не былъ способенъ въ эту жизнь вникнуть, и не потому, чтобы онъ не зналъ цѣны земнымъ благамъ или пренебрегалъ ими... Нѣтъ, отчужденіе отъ жизни основывалось въ немъ на глубочайшемъ эгоизмѣ, которымъ проникнуто было все существо Николая Ивановича; а этотъ эгоизмъ совершенно правильно побуждалъ его выше всего на свѣтѣ цѣнить своимъ спокойствіемъ. Вотъ почему онъ весьма охотно предоставлялъ другимъ заботиться о немъ, весьма охотно принималъ услуги всѣхъ своихъ пріятелей и почитателей, — и рѣшительно никогда ни о комъ не заботился, никогда и никому не оказывалъ ни одной уступки или услуги и ни для кого не поступился ни своимъ спокойствіемъ, ни своимъ достаткомъ... Эти непріятныя (хотя и совершенно-естественно развившіяся) стороны характера Николая Ивановича, еще болѣе усилившіяся, еще рѣзче высказавшіяся подъ старость, дѣлали его весьма неудобнымъ во всѣхъ житейскихъ сношеніяхъ и отношеніяхъ, не связанныхъ съ его научными занятіями. Онъ былъ неудобнымъ членомъ коллегіи, въ которой никакъ не могъ забыть о своемъ личномъ значеніи и интересахъ; онъ становился весьма неудобнымъ пріятелемъ, какъ только отъ него требовалась небольшая услуга или уступка, хотя бы даже въ возмездіе за многія оказанныя ему услуги и пожертвованія. При этихъ сторонахъ характера, онъ былъ, конечно, очень неустойчивъ въ дружбѣ и въ пріятельскихъ, даже много лѣтъ длившихся отношеніяхъ:—всякій другъ и пріятель составляли для него не болѣе, какъ временное удобство жизни, извѣстную часть обстановки ея, къ которой онъ привыкалъ; но чуть

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

только этотъ другъ заявлялъ какія-нибудь права на спокойствіе, на вниманіе и участіе Николая Ивановича, тотъ сейчасъ же отъ него отвращался и очень скоро забывалъ о былой дружбѣ. Вообще говоря, сердечностью онъ никогда не отличался и этотъ недостатокъ ясно сказывался у него не только въ жизни, но и во всѣхъ его историческихъ трудахъ, въ которыхъ мы не знаемъ страницъ трогательныхъ, проникнутыхъ теплымъ чувствомъ, хватающихъ за живыя струны души...

Постоянныя и исключительныя заботы о себѣ самомъ, при полнѣйшемъ равнодушіи къ окружающимъ, приводили Николая Ивановича еще къ одной, чрезвычайно непріятной странности: — онъ постоянно наблюдалъ себя, изучалъ свой организмъ, слѣдилъ за нимъ съ величайшею тщательностью и каждое, самое ничтожное, явленіе въ немъ старался истолковать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Мнителенъ онъ былъ до чрезвычайности, лечился постоянно и непрерывно, то у докторовъ, то домашними средствами—и постоянно докучалъ всѣмъ и каждому разговоромъ о своихъ недугахъ. Какъ человѣкъ вполнѣ обезпеченный, одинокій и довольно скупой, онъ искалъ исцѣленія своимъ дѣйствительнымъ и мнимымъ недугамъ въ частыхъ путешествіяхъ по разнымъ водамъ, купаньямъ и курортамъ—и на это не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, ни денегъ—выше всего на свѣтѣ ставя заботы о своемъ здоровьѣ.

Въ 1866 году я разстался съ Николаемъ Ивановичемъ, который въ это время былъ мнѣ уже и кумомъ (онъ крестилъ у меня сына Николая), и уѣхалъ въ Одессу, на службу при Новороссійскомъ университетѣ. Пять-шесть лѣтъ провелъ я на югѣ Россіи и въ Варшавѣ, и въ эти пять лѣтъ, сталкиваясь на каждомъ шагу съ непривлекательною дѣйствительностью на нашихъ окраинахъ, я сталъ какъ-то особенно непріязненно относиться къ преобладанію фантазіи въ историческомъ изученіи и крѣпко разочаровался въ Николаѣ Ивановичѣ, какъ ученомъ и общественномъ дѣятелѣ... Къ тому же и Николай Ивановичъ за это время успѣлъ слишкомъ ясно выказать себя сторонникомъ какой-то идеальной правды, отрицавшей въ нашемъ историческомъ прошломъ все то, что въ немъ было яркаго, великаго и достойнаго уваженія. Когда, по возвращеніи въ Петербургъ, я какъ-то разъ встрѣтился съ Николаемъ Ивановичемъ въ Публичной Библіотекѣ — мы, съ первыхъ же словъ завязавшейся между нами бесѣды, увидѣли, что мы совершенно чужды другъ другу... Я болѣе сочувствовалъ въ это время той критикѣ, которая начала сурово относиться къ ученой дѣятельности историка-идеалиста, нежели ему и его теоріямъ... Меня не потянуло къ возобновленію прежнихъ отношеній съ Николаемъ Ивановичемъ — и я уже не видѣлъ его болѣе до самой кончины...

П. Полевой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ШЛИМАНЪ И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Значеніе археологической дѣятельности Шлимана.—Его борьба за существованіе и достиженіе матеріальной независимости.—Первыя троянскія раскопки Шлимана на Гисарлыкѣ: открытіе такъ называемаго «сокровища Пріама»; нападки на «Троянскія Древности».—Результаты раскопокъ въ Микенахъ.—Открытія въ Итакѣ.—Раскопки на Гисарлыкѣ съ участіемъ Вирхова и Бюрнуфа.—Троянскія раскопки 1882 года съ участіемъ Дёрпфельда: открытіе остатковъ дворца.—Успѣхи Шлимана въ ученомъ мірѣ.—Шлимановскій способъ производства раскопокъ.—Открытія въ Тиринсѣ.—Побѣда Шлимана въ ученомъ спорѣ съ Пенрозомъ.—Подробности о тиринскихъ древностяхъ.—Раскопки на Киѳерѣ и Сфактеріи.—Гдѣ находятся шлимановскія коллекціи?—Послѣдняя услуга Шлимана въ области археологіи.—Шлиманъ въ своей частной жизни.

I.

ВЪ АѲИНАХЪ 4-го января (нов. ст.) схоронили д-ра Генриха Шлимана, скоропостижно скончавшагося проѣздомъ черезъ Неаполь. Какая крупная сила утрачена наукой со смертью этого оригинальнаго ея дѣятеля, можно судить по единодушнымъ соболѣзнованіямъ о ней печати всего свѣта и многихъ ученыхъ авторитетовъ. Конечно, вполнѣ оцѣнить научныя заслуги покойнаго не пришло еще время. Того, что успѣлъ онъ собрать изъ открытыхъ имъ развалинъ давно погибшихъ доисторическихъ городовъ, на десятки лѣтъ хватитъ для изслѣдованій по наукѣ о древностяхъ, по исторіи искусства и культуры. Но независимо отъ окончательной разработки всего добытаго имъ археологическаго мате-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ріала, общее значеніе его плодотворной археологической дѣятельности и теперь уже совершенно ясно и неоспоримо.

Археологія обязана ему замѣчательными открытіями, освѣтившими ту героическую эпоху Греціи, которая нашла свое яркое выраженіе въ поэмахъ Гомера. До раскопокъ Шлимана наука о древностяхъ не имѣла о ней яснаго представленія и это какъ бы оправдывало безпочвенность заключеній филологической критики о твореніяхъ отца поэзіи. Въ нихъ эта критика не признавала исторической основы. Гомеровы описанія Троянской войны нерѣдко представлялись фантастическимъ вымысломъ, а самъ Гомеръ— миѳомъ. Энергіи и чуткой наблюдательности, трудамъ и самопожертвованію покойнаго посчастливилось расширить область изученія греческихъ древностей совершенно новымъ матеріаломъ, положить начало новымъ воззрѣніямъ на Гомеровы поэмы, основаннымъ на положительныхъ фактахъ, а не на замысловатыхъ гаданіяхъ пылкой фантазіи, и такимъ образомъ открыть новую эру въ изслѣдованіяхъ античной археологіи.

Такой переворотъ въ изученіи науки о древностяхъ произведенъ Шлиманомъ чисто практически. Онъ работалъ надъ рѣшеніемъ археологическихъ вопросовъ не по книгамъ, а на дѣлѣ, при помощи заступа и лопаты. Одинъ ученый, близко знавшій покойнаго, утверждаетъ, что Шлиманъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ рѣдкихъ людей, у которыхъ стремленіе къ идеалу замѣчательнымъ образомъ сочеталось съ практическимъ смысломъ. Это дѣйствительно подтверждается и жизненной карьерой, и археологической дѣятельностью его. Все, что̀ ни начиналъ онъ, доводилось имъ до конечныхъ цѣлей. Упорнымъ трудомъ и неослабной энергіей онъ выбился изъ бѣдности и безвѣстности, самоучкой сталъ выдающимся лингвистомъ, смѣлыми торговыми операціями достигъ независимаго матеріальнаго положенія, и только тогда всецѣло посвятилъ себя научной дѣятельности, съ цѣлью доискаться окончательнаго рѣшенія вопросовъ, пробужденныхъ въ немъ изученіемъ Гомера. Практическій купецъ оказался фанатическимъ поклонникомъ Гомеровой древности.

Ключъ къ уясненію побужденій, направившихъ Шлимана именно на изученіе героическаго періода Греціи, данъ въ его автобіографіи. Автобіографія эта поучительна и достойна занесенія въ книги для дѣтскаго чтенія, какъ примѣръ того, чего можно добиться непреклонной энергіей и упорнымъ трудомъ. Сынъ пастора мекленбургской деревни, обладавшій живой фантазіей, онъ семилѣтнимъ ребенкомъ (въ 1829 году) получилъ въ подарокъ къ рождественскимъ праздникамъ всемірную исторію для дѣтей, въ которой было изображеніе горящей Трои, съ ея огромными стѣнами и скайскими воротами, съ бѣгущимъ Энеемъ, несущимъ на спинѣ отца Анхиза и ведущимъ за руку маленькаго Асканія. Эта картинка произвела

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сильное впечатлѣніе на Генриха, и подъ вліяніемъ разсказовъ отца его о гомеровскихъ геройхъ пробудила въ немъ желаніе посѣтить ту мѣстность и воочію увидѣть, что тамъ осталось отъ древняго величія. Иначе сказать, онъ тогда же крѣпко задумалъ найти го-

Д-ръ Генрихъ Шлиманъ.

родъ Пріама, этотъ центральный пунктъ всѣхъ событій и блестящихъ картинъ, описанныхъ въ «Иліадѣ».

Этотъ съ виду фантастическій планъ имѣлъ рѣшающее значеніе для всей его дальнѣйшей жизни. Непоколебимая вѣра Шлимана въ осуществимость такой мечты не покидала его никогда, ни при какихъ превратностяхъ судьбы. А этихъ превратностей и житейскихъ не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

взгодъ на его долю досталось не мало. По обѣдненіи отца, систематическое образованіе Генриха прервалось, когда ему минуло 14 лѣтъ. Нужда загнала его въ такую обстановку, гдѣ приходилось распроститься со всякими надеждами на идеальныя стремленія и вся первая половина его жизни прошла въ исканіи средствъ къ существованію. Сперва онъ болѣе пяти лѣтъ служилъ въ мелочной лавкѣ, работалъ съ самаго ранняго утра до ночи, не имѣя свободнаго времени помышлять о какихъ-либо умственныхъ интересахъ. Затѣмъ, надорвавшись тяжелой работой, онъ лишился и этого мѣста прислужника у торговца, попалъ въ крайнюю нищету и пѣшкомъ отправился въ Гамбургъ искать счастья. Тамъ онъ поступилъ на бригъ, направлявшійся въ Венесуэлу. Но бригъ по выходѣ изъ Эльбы потерпѣлъ крушеніе. Едва избѣжавъ смерти, Шлиманъ очутился въ Амстердамѣ еще въ болѣе безпомощномъ положеніи, чѣмъ былъ въ Гамбургѣ. Только счастливая случайность спасла его отъ голодной смерти. Одинъ знакомый его матери рекомендовалъ его въ артельщики при конторѣ фирмы Квіенъ. Почувствовавъ подъ собой нѣкоторую почву, имѣя опредѣленный заработокъ, Шлиманъ съ энергіей, пренебрегавшей лишеніями, принялся за пополненіе своего образованія. Жилъ онъ тогда въ нетопленной комнаткѣ на мансардахъ; но учился прилежно, отказывая себѣ въ необходимомъ, чтобы имѣть возможность запастись потребными книгами.

Практическая сторона этихъ занятій имъ не упускалась изъ вида. Расширеніе познаній могло только возвысить пригодность его въ торговой дѣятельности, и всего цѣлесообразнѣе тутъ было изученіе иностранныхъ языковъ. И Шлиманъ съ удивительнымъ успѣхомъ въ короткое время по собственному методу изучилъ прежде всего англійскій, французскій и русскій языки, а затѣмъ и другіе новѣйшіе языки. Особенно полезнымъ для него оказался русскій языкъ. Фирма Шредеръ и Комп. отправила его своимъ агентомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ вскорѣ упрочилъ свою коммерческую самостоятельность. Опытность въ торговыхъ дѣлахъ, смѣлость и предпріимчивость, и всюду личное наблюденіе въ предпріятіяхъ до мельчайшихъ подробностей, послужили основой его быстрыхъ успѣховъ. Рядомъ съ главными предметами ввоза, индиго и чая, во время американской междуусобной войны онъ счастливо спекулировалъ на хлопкѣ, а въ Крымскую кампанію — на военныхъ матеріалахъ. Крымская война, обанкрутившая многихъ коммерсантовъ, удвоила состояніе Шлимана. Къ концу десятилѣтія своего пребыванія въ Петербургѣ онъ сталъ милліонеромъ. Но и въ то время, всецѣло посвящая себя торговой дѣятельности, онъ не забывалъ о планѣ своей юности. 36-ти лѣтъ онъ изучилъ въ Петербургѣ греческій языкъ, прочелъ Гомера въ подлинникѣ и рѣшилъ, что пришло время осуществить «мечту своей жизни».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Купецъ Шлиманъ на нѣсколько лѣтъ отправился путешествовать. Черезъ Тунисъ и Египетъ онъ поѣхалъ въ Индію и на Гималай, посѣтилъ Китай и Японію и побывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Мексикѣ. На обратномъ пути онъ попалъ въ Калифорнію, какъ разъ въ тотъ день, когда эта территорія была при-

Г-жа Шлиманъ.

знана штатомъ, а каждый обитатель ея объявлялся гражданиномъ штата. Съ того времени онъ и считался американскимъ подданнымъ. По возвращеніи въ Европу, онъ поселился въ Парижѣ, для спеціальной подготовки къ археологическимъ изысканіямъ. Тамъ же онъ издалъ по-французски книгу «Китай и Японія» («La Chine et le Japon»). Затѣмъ въ 1868 году потянуло его въ классическія земли.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

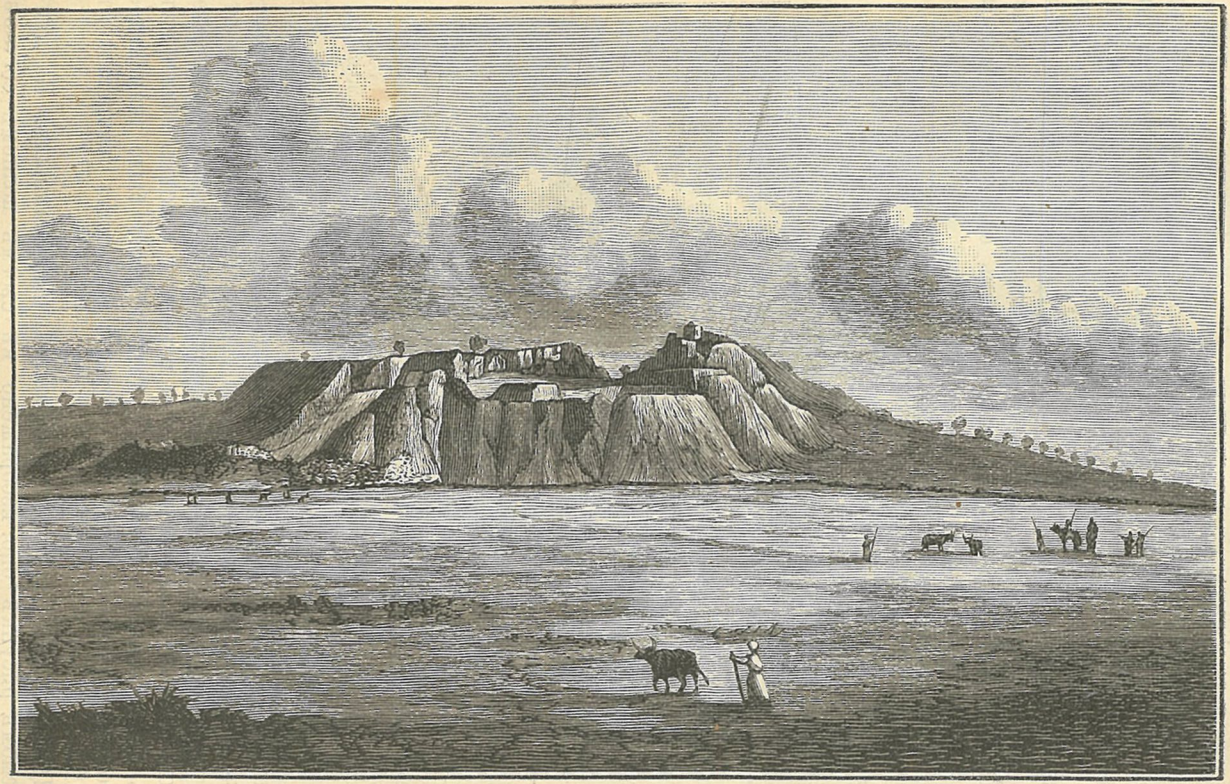
Онъ посѣтилъ поочередно три города, прославленные сказаніями древне-греческаго эпоса: Итаку, родину Одиссея, Микены, резиденцію Агамемнона изъ рода Атрея, и самую равнину Трои. Уже въ книгѣ, излагавшей результаты этого путешествія (издана въ 1869 г. по-нѣмецки и по-французски подъ заглавіемъ: «Итака, Пелопонесъ и Троя»), за которую Роштокскій университетъ присудилъ ему званіе доктора, намѣчены воззрѣнія, на которыхъ онъ обосновалъ впослѣдствіи всѣ свои археологическія предпріятія. Относительно Микенъ онъ заключилъ изъ описанія Павзанія (II, 16, 4), что могилы атридовъ должны находиться не внѣ, а внутри пространства, занимаемаго этимъ городомъ. Уже тогда онъ высказалъ увѣренность, что Гомерова Троя не есть созданіе поэтической фантазіи, а существовала въ дѣйствительности, именно на нынѣшнемъ Гисарлыкѣ, вблизи моря, и что непремѣнно должно существовать соотвѣтствіе между тѣмъ, что можетъ быть открыто на этомъ мѣстѣ древней Трои, и описаніями «Иліады». Эта твердая вѣра привела его ко всѣмъ послѣдующимъ открытіямъ, а его счастливый инстинктъ при выборѣ пунктовъ для раскопокъ и даръ наблюдательности оказали весьма существенныя услуги его успѣхамъ.

Первымъ сокровищемъ, обрѣтеннымъ имъ на почвѣ Греціи, была вторая жена покойнаго [1]), даровитая, образованная и энергичная гречанка, которая не только сочувствовала преклоненію мужа передъ классической древностью, но и принимала активное участіе въ созиданіи его славы и доказала готовность на самопожертвованіе ради успѣховъ дѣла, героически перенося всѣ лишенія и тягости, какія были сопряжены съ раскопками въ первые годы ихъ производства. Шлиманъ съ женой неотступно и самолично руководилъ ими. Милліонеръ тутъ отказался отъ всякихъ удобствъ, переносилъ всѣ непріятности погоды и климата. Онъ жилъ подъ примитивной крышей на открытомъ холмѣ въ Троянской равнинѣ. Рѣзкій холодъ съ вѣтромъ, отъ котораго вода замерзала въ печкѣ, смѣнялся солнечнымъ пекломъ, раскалявшимся надъ болотистой равниной, облака пыли, томительные дни среди шума полудикой толпы рабочихъ, безсонныя ночи подъ отвратительные крики совъ, массами гнѣздящихся въ тѣхъ мѣстахъ, — вотъ какія прелести переживала богатая чета. Завтракъ Шлимана нерѣдко состоялъ изъ хинина, который приходилось принимать въ большихъ дозахъ, въ предохраненіе себя отъ лихорадки. Но успѣхъ вознаградилъ его за тягостные труды.

Осенью 1871 года Шлиманъ приступилъ къ раскопкамъ на возвышенности Гисарлыка, которую онъ, вопреки принятому ар-

[1]] Съ первой женой онъ былъ разведенъ въ 1869 году въ американскомъ городкѣ Индіанополисѣ. Для этой цѣли онъ прожилъ тамъ съ годъ. Судъ выдалъ разводную, по которой женѣ Шлимана и тремъ дѣтямъ отъ нея отошло все, что принадлежало ему въ Петербургѣ.

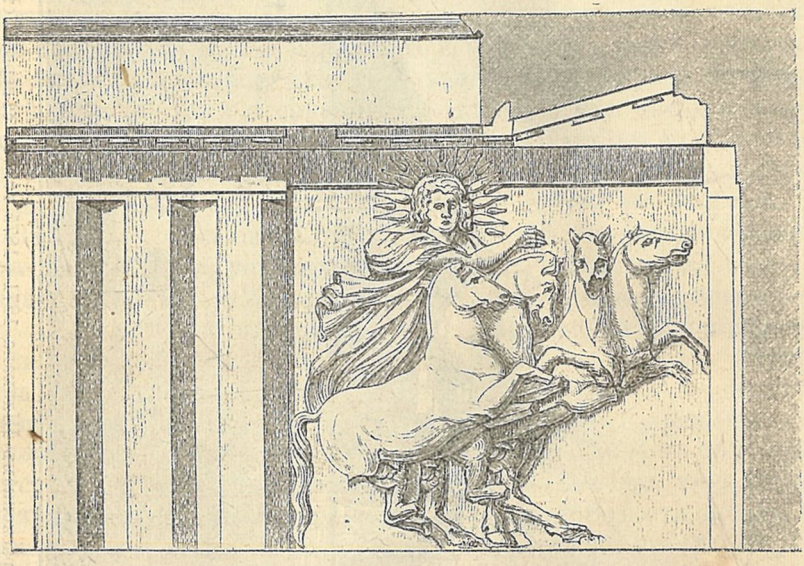
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Видъ Трои по раскопкамъ Шлимана 1871—1875 гг. (съ сѣверной стороны).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

хеологами мнѣнію, намѣтилъ, какъ мѣсто древняго Иліона. Зима принудила пріостановить работы, но въ мартѣ 1872 г. Шлиманъ снова явился туда, и до половины августа до 150 человѣкъ раскапывали мусоръ тысячелѣтій. Тутъ еще далеко было до благопріятныхъ результатовъ. Обнаружились отдѣльныя стѣны, но въ какой связи они были между собою, оставалось неяснымъ. Изъ отдѣльныхъ находокъ самымъ интереснымъ явился изображенный на прилагаемомъ рисункѣ метопъ какого-то греческаго храма (Аѳины?) съ рельефнымъ изображеніемъ Геліоса. Въ слѣдующемъ году Шлиманъ еще усерднѣе принялся за раскопки съ 1-го февраля и въ теченіе 6 недѣль много терпѣлъ отъ сильнаго холода

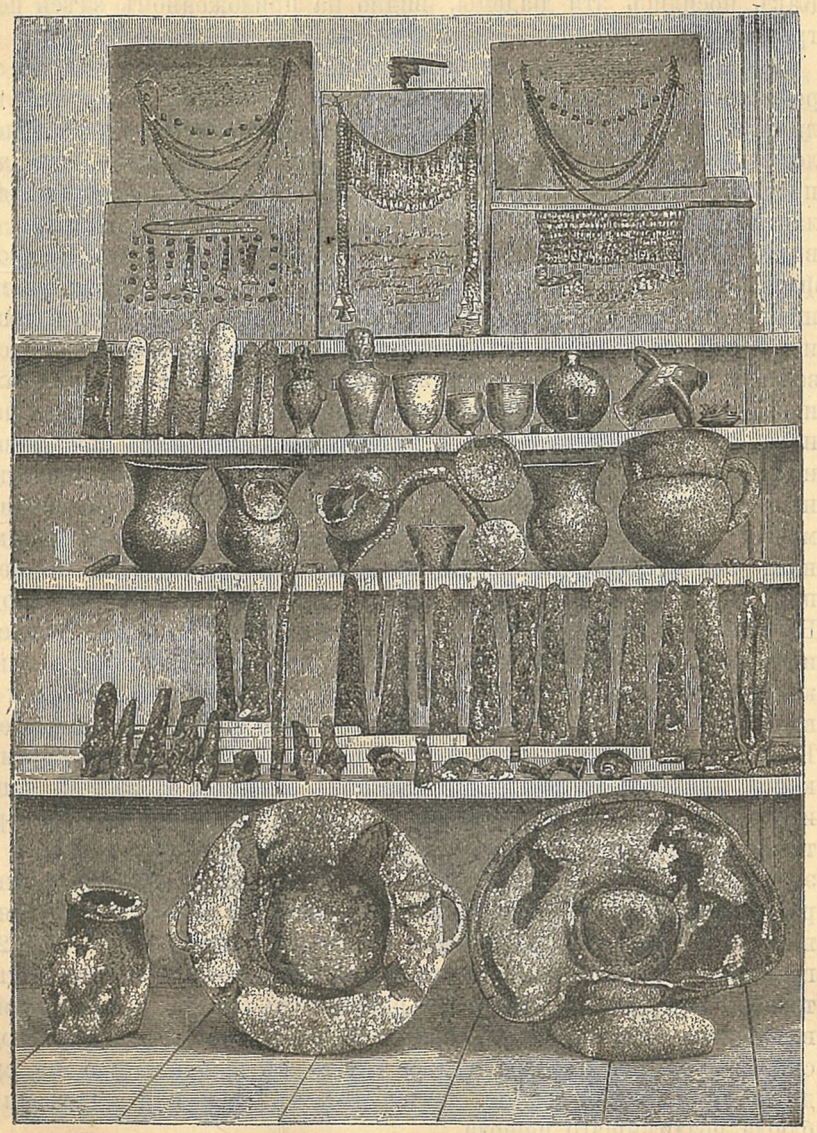


Метопъ греческаго храма, найденный въ Новомъ Иліонѣ, съ изображеніемъ Геліоса.

и, по его словамъ, согрѣвался только по вечерамъ воодушевленіемъ къ великому дѣлу открытія Трои. Но къ этому году относятся и первые успѣхи его. Городскія стѣны выступили яснѣе, на юго-востокѣ показались большія ворота, и совсѣмъ вблизи ихъ подъ фундаментомъ городской стѣны найдено было знаменитое сокровище, названное имъ въ порывѣ увлеченія «сокровищемъ Пріама».

Дѣйствительно, сокровище оказалось неслыханнымъ. На прилагаемомъ рисункѣ оно изображено въ своемъ полномъ составѣ. На самомъ верху воспроизведены женскія украшенія, которыя были найдены сложенными всѣ вмѣстѣ въ серебряномъ горшкѣ (см. на рисункѣ въ третьемъ ряду справа самый большой горшокъ),

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Такъ называемое «сокровище Пріама».

діадемы, шесть браслетовъ, 30 паръ серегъ. Уже одно это обстоятельство указываетъ на то, что тутъ дѣйствительно мы имѣемъ дѣло съ кладомъ, сокровищницей, а не съ содержимымъ могилы, какъ пытались утверждать нѣкоторые критики Шлимана.

Самыя замѣчательныя вещи въ этой коллекціи—двѣ большія діадемы, составленныя изъ безчисленнаго множества цѣпочекъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

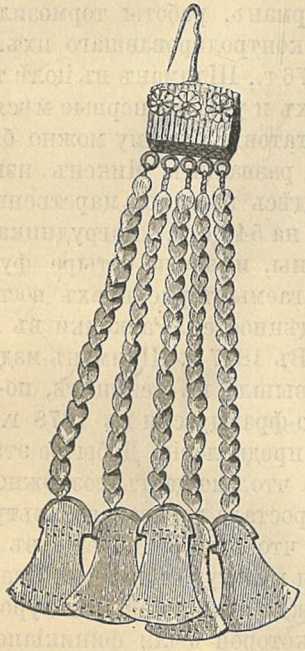
Какъ носились эти діадемы, видно на приложенномъ здѣсь портретѣ г-жи Шлиманъ.

Во второмъ ряду сверху размѣщены: слѣва шесть плоскихъ серебряныхъ слитковъ въ видѣ большихъ клинковъ различной величины, причемъ меньшіе плотнѣе большихъ, и вѣсъ ихъ колеблется между 171 и 174 граммами. Шлиманъ полагаетъ, что эти предметы служили для обмѣна и считаетъ ихъ гомеровскими талантами. Тамъ же видны двѣ серебряныя вазы съ крышками въ видѣ шапокъ и съ отвѣсными трубочками вмѣсто ручекъ. По своей формѣ вазы эти напоминаютъ египетскія канопы. Затѣмъ размѣщены въ томъ же ряду: три чаши-кубка, изъ нихъ два большіе изъ золота, меньшіе — изъ электрона (1 доля серебра на 4 доли золота), далѣе—шарообразная золотая бутылка и, наконецъ, овальный сосудъ съ двумя ручками, по формѣ похожій на раздутый челнокъ. Въ третьемъ ряду стоятъ четыре вазы, изъ нихъ наибольшая имѣетъ ручку, и для каждой изъ нихъ можно подыскать аналогичные сосуды только въ ряду египетскихъ сосудовъ. Въ срединѣ между ними лежитъ какой-то мѣдный предметъ, который Шлиманомъ считается за петлю ящика для сокровища. Слѣва къ нему прилажена серебряная ваза, справа—небольшое серебряное блюдо. Въ четвертомъ ряду сверху помѣщается оружіе—кинжалы, копьеца и сѣкиры. Кинжалы имѣютъ видъ широкихъ листообразныхъ клинковъ, заканчивающихся толстымъ круглымъ штифтомъ, который совершенно вдоль входитъ въ черенокъ и закругляется на концѣ его. Копья совершенно плоскія и отличаются почти отъ всѣхъ другихъ копій, найденныхъ въ доисторическихъ кладахъ. Подобныя копья извѣстны только по кипрскимъ находкамъ, хранящимся въ Британскомъ Музеѣ и въ Луврѣ. Сѣкиры имѣютъ форму долота и въ этомъ отношеніи не отличаются отъ простѣйшихъ сѣкиръ другихъ раскопокъ. Химическимъ анализомъ металла въ этихъ оружіяхъ выяснено, что они всѣ состоятъ почти изъ чистой мѣди (на 0,286 грамма анализированнаго металла приходится 0,274 грамма мѣди и только 0,011 грамма олова). На рисункѣ въ самомъ нижнемъ ряду воспроизведены: слѣва—мѣдная ваза, въ серединѣ—мѣдное блюдо, справа—большое плоское мѣдное блюдо съ выпуклостью по срединѣ точно такой формы, какую имѣютъ греческія жертвенныя блюда позднѣйшаго періода.

Послѣ этой третьей попытки, Шлиманъ рѣшилъ опубликовать результаты своихъ раскопокъ. Онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что открылъ Трою. Въ 1874 г. появилась его книга: «Троянскія древности» по-нѣмецки и одновременно по-французски въ переводѣ Нестора новогреческой литературы Рангабэ. Это былъ дневникъ раскопокъ съ атласомъ въ 218 таблицъ, гдѣ воспроизведены разные найденные предметы. Этотъ дневникъ проникнутъ твердымъ убѣжденіемъ, что Троя стояла на возвышенности Гисарлыка,

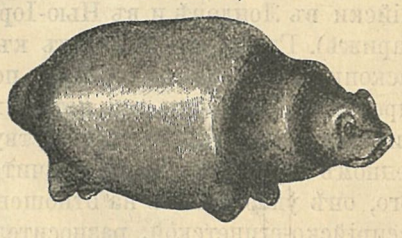
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а не на Балидагѣ, близъ Бунарбаши, какъ до того времени предполагали ученые и путешественники. Множество глиняныхъ предметовъ и украшеній съ ихъ своеобразными формами (см. прилагаемые рисунки) указывали на то, что на Гисарлыкѣ должно было существовать весьма древнее и не маловажное поселеніе. Книга возбудила горячій споръ въ ученомъ мірѣ. Шлиманъ, правда, черезчуръ увлекся вѣрою въ свою гипотезу и, какъ уже замѣчено выше, описанный нами кладъ назвалъ «сокровищемъ Пріама», наибольшее изъ найденныхъ зданій окрестилъ «дворцемъ Пріама», а остатки воротъ—«Скайскими воротами». Эти три названія большинству археологовъ показались достаточнымъ основаніемъ для полнаго отрицанія всѣхъ результатовъ раскопокъ. Шлиману пришлось выдержать сильныя нападки, издѣвательства и насмѣшки. Цеховые археологи, за немногими выдающимися исключеніями, смѣялись надъ тѣмъ, что какой-то торговецъ индиго иначе и лучше, чѣмъ они, понимаетъ Иліаду. Но въ то же время они и завидовали ему. Такихъ цѣнныхъ находокъ никто изъ нихъ не съумѣлъ открыть. А такъ какъ ничего подобнаго раньше раскопокъ Шлимана нигдѣ не встрѣчалось, то ученые завистники простерли свое забавное подозрѣніе до того, что многія изъ замѣчательныхъ вещей, открытыхъ Шлиманомъ, считали его собственной поддѣлкой.



Троянскія золотыя серьги.

Троянскій глиняный сосудъ съ формами человѣческаго лица (1/3 натуральной величины).



Троянскій глиняный сосудъ въ видѣ гиппопотама (2/3 натуральной величины).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

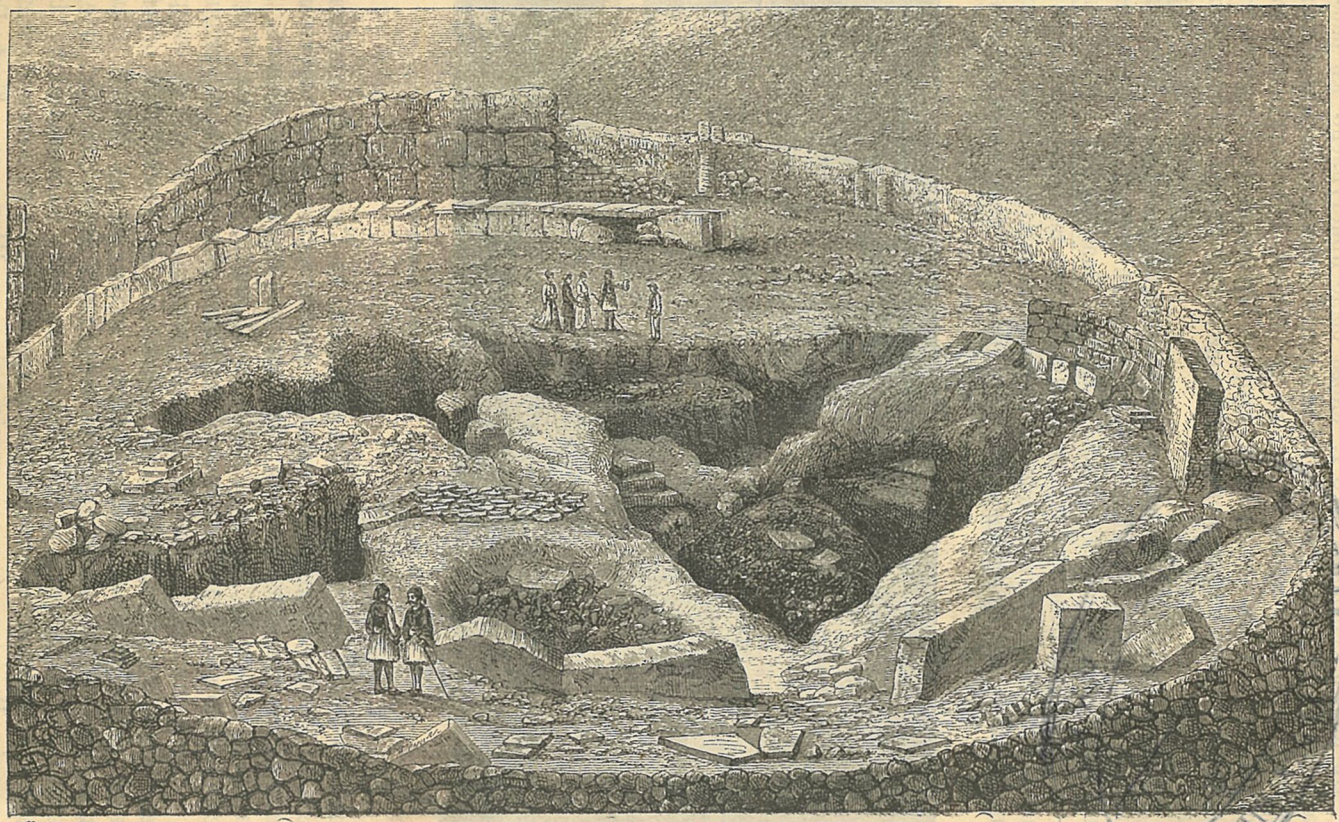
III.

Но энергія и предпріимчивость Шлимана дѣлали свое дѣло. Послѣдующіе четыре года прошли для него въ кипучей дѣятельности. Въ февралѣ 1874 г. онъ началъ раскопки въ Микенѣ. Тутъ турецкое правительство затѣяло съ нимъ процессъ изъ-за дѣлежа троянскихъ находокъ и на цѣлый годъ оторвало его отъ продолженія работъ. Процессъ окончился присужденіемъ 10,000 франк. въ пользу турецкаго правительства. Милліонеръ далъ 50 тысячъ, лишь бы не мѣшали ему. Но турецкая администрація медлила выдавать разрѣшеніе на продолженіе троянскихъ раскопокъ, а затѣмъ, когда удалось выхлопотать фирманъ, работы тормозились придирчивостью турецкаго комиссара, контролировавшаго ихъ.

Пока все это тянулось до октября 1876 г., Шлиманъ въ іюлѣ того же года занялся раскопками въ Микенахъ и уже въ первые мѣсяцы достигъ такихъ замѣчательныхъ результатовъ, что ему можно было на время даже позабыть о Троѣ. Изъ развалинъ Микенъ извлечена была масса золотыхъ вещей. Здѣсь нашлись царственныя могилы съ діадемами, масками (см: рис. на 548 стр.), нагрудниками, браслетами, серьгами, сосуды и кувшины, иные по четыре фунта вѣсомъ, и все это изъ золота. На прилагаемыхъ рисункахъ воспроизведено нѣсколько Микенскихъ драгоцѣнностей. Раскопки въ Микенахъ продолжались до конца 1876 г. Въ 1877 г. Шлиманъ издалъ книгу о нихъ («Микены», по-нѣмецки вышла въ Лейпцигѣ, по-англійски въ Лондонѣ и въ Нью-Іоркѣ, по-французски въ 1878 г. въ Парижѣ). Гладстонъ написалъ къ ней предисловіе. Добытое этими раскопками интересно особенно потому, что оно даетъ возможность опредѣлить тѣ корни, изъ которыхъ выростала греческая культура. Микенскія находки свидѣтельствуютъ, что въ Грецію еще въ каменномъ періодѣ проникла значительная культура изъ Азіи. Сверхъ того, онѣ указыкаютъ на отношенія между эллинской культурой и ассирійско-египетской, разносителями которой были финикіане.

Вслѣдъ за Микенскими изысканіями начались новые переговоры съ турецкимъ правительствомъ о разрѣшеніи продолжать троянскія раскопки и, пока тянулись эти переговоры, Шлиманъ отправился въ Итаку, осмотрѣнную имъ въ 1868 г. поверхностно. Въ развалинахъ этого острова никогда не находили ничего достопримѣчательнаго, даже не было установлено, гдѣ собственно считался тамъ главный пунктъ въ доисторическія времена. Но Шлиману, приглядѣвшемуся къ примитивнымъ греческимъ постройкамъ, посчастливилось на горѣ Аэтосъ открыть остатки окруженныхъ доисторическими стѣнами 190 циклопическихъ построекъ, а на вершинѣ — развалины дворца, окруженнаго двойными стѣнами, и, сверхъ того, удалось опредѣлить именно на этомъ мѣстѣ главный городъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

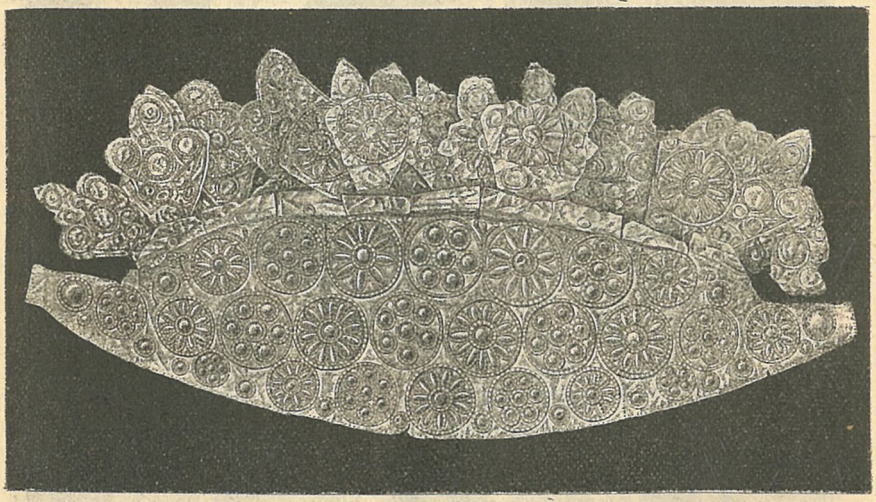


Кругъ могилъ въ Микенахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ концѣ сентября 1878 г. снова было приступлено къ работамъ на Гисарлыкѣ. Съ новыми непріятностями явились и новыя радости. Раскопки простирались на ту область, гдѣ находились золотыя вещи. Такъ называемый, дворецъ Пріама былъ очищенъ отъ мусора и рядомъ съ нимъ оказались еще мелкіе клады. 26-го ноября окончились эти работы.

Но еще болѣе плодотворными результатами ознаменовались троянскія раскопки, возобновившіяся въ февралѣ 1879 г. Съ марта въ нихъ принялъ участіе Рудольфъ Вирховъ. Знаменитый ученый не только усердно помогалъ Шлиману и замѣтилъ на Гисарлыкѣ много новаго, но онъ съ нимъ исколесилъ всю Троянскую область до вершинъ Иды, всюду производилъ геологическія, ботаническія, мете-

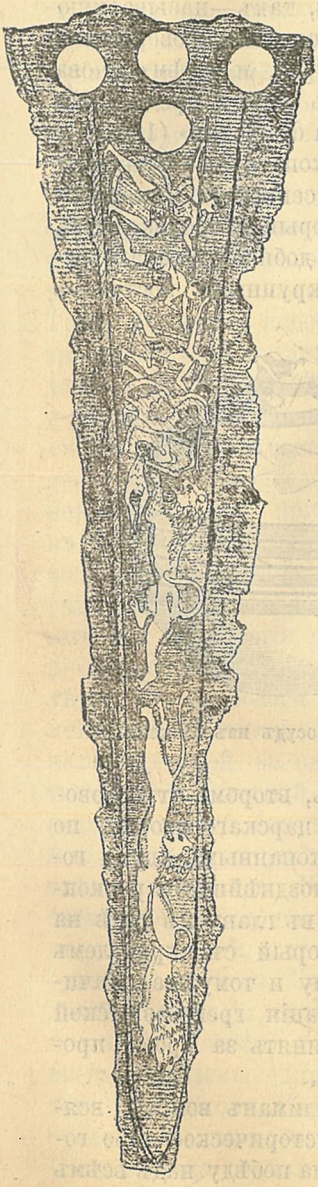


Большая золотая діадема изъ Микенъ.

орологическія наблюденія. Изъ Франціи на Гисарлыкъ прибылъ Эмиль Бюрнуфъ, командированный французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для изученія результатовъ раскопокъ. И этотъ ученый дружески посвящалъ Шлиману свои силы. Тогда собственно все болѣе извлекались на свѣтъ Божій городскія стѣны.

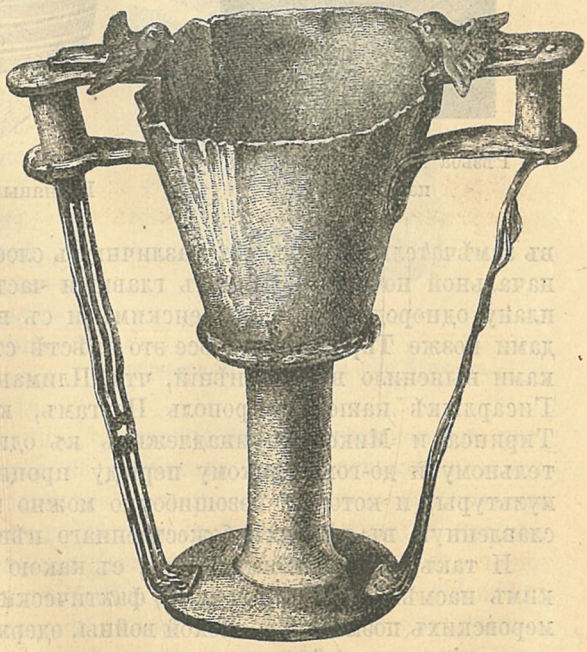
По окончаніи работъ, Шлиманъ написалъ по-англійски обзоръ всѣхъ результатовъ, добытыхъ раскопками въ Троѣ. Этотъ огромный трудъ подъ заглавіемъ «Ilios», изданный въ 1880 г. былъ переведенъ и по-нѣмецки. Весь собранный матеріалъ тутъ представленъ въ хорошихъ и уясняющихъ дѣло иллюстраціяхъ. Не могли не произвести впечатлѣнія и приложенныя къ изданію изслѣдованія Вирхова, подтвердившія гипотезу Шлимана о Троѣ-Гисарлыкѣ новыми данными, а также его предисловіе къ книгѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Клинокъ кинжала изъ Микенъ.

Сосудъ изъ смѣси серебра съ свинцомъ въ видѣ оленя изъ Микенъ.



Золотой сосудъ изъ Микенъ.

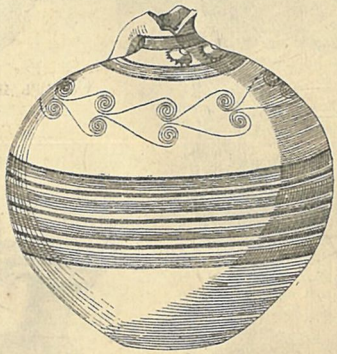
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мнимый «дворецъ Пріама» признанъ здѣсь величайшимъ зданіемъ и названъ «домомъ начальника города», а «сокровище Пріама» обозначено просто «большое сокровище».

Но Шлиманъ не упускалъ изъ вида и другихъ мѣстностей. Такъ, въ 1880 и 1881 гг. онъ откопалъ въ Орхоменѣ, такъ—называемую сокровищницу Миніаса, большую могилу со сводами, совершенно такую же, какъ микенская сокровищница Атрея, и затѣмъ снова объѣхалъ Троянскую область и результатомъ этихъ предпріятій явились два изданія—«Orchomenos» и «Reise in der Troas» (1881 г.).

Въ мартѣ 1882 г. Шлиманъ снова сталъ копать на Гисарлыкѣ и, при содѣйствіи д-ра Дёрпфельда (перваго секретаря нѣмецкаго археологическаго института въ Аѳинахъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ руководилъ раскопками въ Олимпіи), добился важнаго результата обнаруженіемъ многихъ остатковъ крупныхъ построекъ

Рѣзьба на золотомъ перстнѣ изъ Микенъ.



Глиняный сосудъ изъ Микенъ.

въ замѣчательнѣйшемъ изъ различныхъ слоевъ, второмъ отъ первоначальной почвы, — открылъ главныя части царскаго дворца, по плану однороднаго съ Микенскимъ и съ выкопаннымъ двумя годами позже Тиринскимъ. Все это вмѣстѣ съ позднѣйшими раскопками выяснило внѣ сомнѣній, что Шлиманъ въ главномъ слоѣ на Гисарлыкѣ нашелъ акрополь Пергамъ, который съ акрополемъ Тиринса и Микенъ принадлежитъ къ одному и тому же значительному и до-гомеровскому періоду процвѣтанія греко-азіатской культуры, и который безошибочно можно принять за Трою, прославленную въ пѣсняхъ божественнаго пѣвца.

И такъ, непоколебимая вѣра, съ какою Шлиманъ вопреки всякимъ насмѣшкамъ установилъ фактически историческое ядро гомеровскихъ поэмъ и Троянской войны, одержала побѣду надъ всѣмъ остроуміемъ и всей ученостью, выдвинутыми противъ него съ разныхъ сторонъ. Уже тогда на сторонѣ его гипотезы было нѣсколько именитыхъ авторитетовъ науки. Противники смолкли мало-по-малу,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и многіе приняли его выводы. Даже тѣ, которые сперва третировали его, какъ непризнаннаго выскочку, стали цѣнить и прославлять его дѣятельность. Энергіею и упорствомъ онъ рѣшилъ задачу, отъ которой ученые Европы отворачивались съ сомнѣніемъ, а теперь тѣ же ученые начали передъ нимъ преклоняться, такъ какъ безъ него оставались бы подъ землею невѣдомыми и развалины города Пріама, и могилы Гомеровыхъ героевъ въ Микенахъ, и доисторическій дворецъ Тиринса.

Серебряная голова быка изъ Микенъ.

Этими успѣхами вполнѣ оправдывался и своеобразный способъ производства раскопокъ Шлимана въ Троѣ. Съ этимъ способомъ знакомитъ насъ недавно изданная въ Лейпцигѣ книга д-ра Карла Шухгардта «Schliemann's Ausgrabungen», въ которой сдѣлана первая попытка привести въ систему всѣ результаты изысканій Шлимана и научно освѣтить все добытое имъ для археологіи въ періодъ послѣдняго двадцатилѣтія. Гг. археологи рекомендовали Шлиману раскапывать слой за слоемъ, такъ чтобъ каждый слой развалинъ былъ снятъ прежде, чѣмъ приступить къ слѣдующему слою. Но при этомъ забывалось, что это — не слои торта, лежащіе одинъ на другомъ. Поселенцы, обитавшіе въ этой мѣстности въ различные періоды, строились на остаткахъ предшествовавшаго имъ поселенія. Поэтому и различные слои, по Шлиману — «города» — не всегда отдѣлены одинъ отъ другого полной обособленностью предметовъ и остатковъ. Позднѣйшія постройки зачастую выведены непосредственно на развалинахъ болѣе раннихъ. При такихъ условіяхъ Шлиманъ не отдѣлялъ слоевъ одинъ отъ другого, и ему удалось извлечь остатки семи поселеній, причемъ первымъ «городомъ» онъ считаетъ самый глубокій, во второмъ снизу признаетъ развалины Гомеровой Трои, а въ седьмомъ—самомъ верхнемъ и позднѣйшемъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

слоѣ—новый Иліонъ, процвѣтавшій еще во времена римской имперіи.

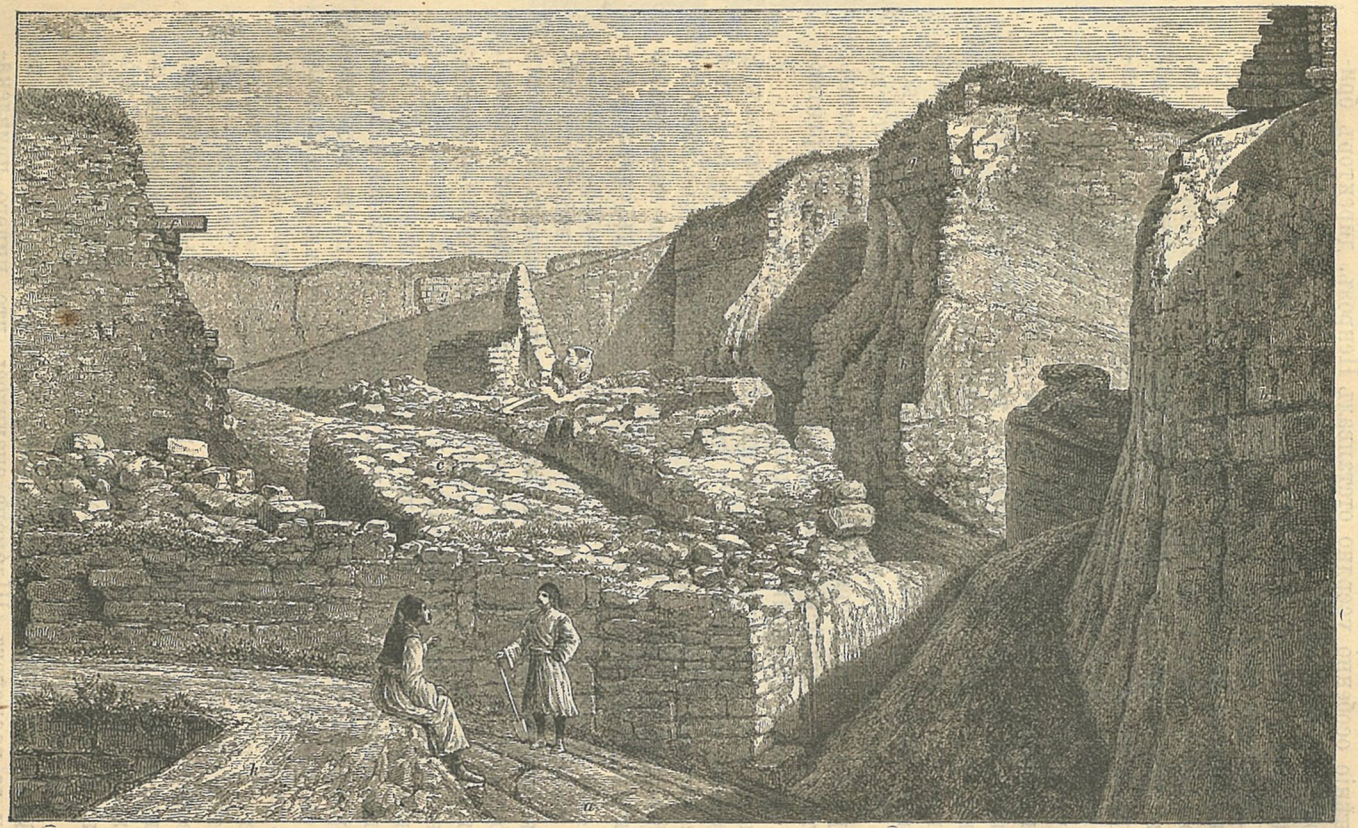
Обзоръ всѣхъ новыхъ данныхъ касательно этого предмета появился въ 1884 г. по-англійски и по-нѣмецки подъ заглавіемъ «Troja» съ предисловіемъ извѣстнаго оріенталиста Сайса. Тутъ и Сайсъ признаетъ дѣйствительнымъ открытіе Гомеровскаго Иліона въ названномъ у Шлимана «второмъ» городѣ, который обнаружилъ слѣды сожженія. Его раскопки на шести прочихъ развалинахъ Троянской области показали ясно, что ни къ одной изъ нихъ не подходятъ ни описаніе Трои въ «Иліадѣ», ни свидѣтельства древнихъ писателей, тогда какъ найденное въ сожженомъ и наибольшемъ изъ «городовъ» Гисарлыка вполнѣ согласуется съ показаніями Гомера. Конечно, не всякая подробность въ поэмѣ Гомера подтверждается результатами этихъ раскопокъ, но ожидать этого было бы странно отъ поэтическаго произведенія. Главное заключалось въ устраненіи мнѣнія, признававшаго «Иліаду» какимъ-то созданіемъ заоблачныхъ сферъ, безъ всякой исторической основы, и обнаруженные строительные матеріалы, мусоръ сожженнаго города Пріама, оружіе, сосуды и прочія вещественныя доказательства, свидѣтельствуютъ вполнѣ, что твореніе Гомера имѣло подъ собой реальную почву. Со всѣмъ этимъ любопытствующіе всего ближе могутъ ознакомиться въ напечатанномъ по-французски заново обработанномъ и значительно расширенномъ важнѣйшемъ изъ трудовъ Шлимана «Jlios, ville et pays des Troyens» (1885 г.).

IV.

Изъ дальнѣйшихъ изысканій покойнаго, держась хронологическаго порядка, слѣдуетъ упомянуть о раскопкахъ близъ Мараѳона, гдѣ былъ открытъ холмъ, который Павзаніемъ описывается, какъ могила 192 аѳинянъ, павшихъ въ битвѣ 490 г. до Р. Х. Оказалось, что происхожденіе ея принадлежитъ гораздо болѣе раннему времени, чѣмъ эпоха персидскихъ войнъ.

Наконецъ, въ мартѣ 1884 г. Шлиманъ началъ раскопки въ Тиринсѣ. Здѣсь ему посчастливилось открыть превосходно сохранившіеся остатки дворца героической эпохи. Послѣдующей весной, въ изысканіяхъ его принялъ участіе и ученый архитекторъ Дёрпфельдъ. Результаты всего найденнаго въ Тиринсѣ изложены въ изданіи «Тиринсъ. Доисторическій дворецъ царей Тиринса» съ дополненіями этого архитектора и съ предисловіемъ профессора архитектуры Адлера. Изданіе это напечатано въ 1886 г. по-нѣмецки, по-французски и по-англійски. Какъ относительно древности находокъ на Гисарлыкѣ и Микенахъ, такъ и относительно этого новаго открытія возникли подозрѣнія. Стали утверждать, что открытые остатки дворца принадлежатъ византійскимъ временамъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



На мѣстѣ древней Трои: *a*. Дорога въ Трою.—*b*. Наружныя стѣны.—*c*. Внутреннія стѣны.—*d*. Выступы наружныхъ стѣнъ.—*e*. Троянскій кувшинъ.—*f*. Развалины храма Аѳины.—*g*. Эллинскія стѣны.—*h*. Масса мусора.—*i*. Входъ въ раскопки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Это мнѣніе особенно усердно отстаивалъ Пенрозъ, директоръ британской археологической школы въ Аѳинахъ и за его спиной членъ подобной же американской школы, корреспондентъ «Times'а», Стильманъ. Послѣдній выставлялъ Шлимана одержимымъ необычайными галлюцинаціями не научнаго мечтателя. Тогда Шлиманъ вмѣстѣ съ Дёрпфельдомъ отправился въ Лондонъ и въ торжественномъ собраніи «Общества эллинскихъ древностей», разбилъ на голову своихъ противниковъ. Пенрозъ, по приглашенію побѣдителя, прибылъ на мѣсто раскопокъ и принесъ публичное покаяніе въ своей ошибочной критикѣ, изъ Савла преобразившись въ Павла. Пенрозъ призналъ неоспоримой древность открытыхъ Шлиманомъ развалинъ и одновременность ихъ съ такъ называемыми пелазгическими, т. е. доисторическими постройками.

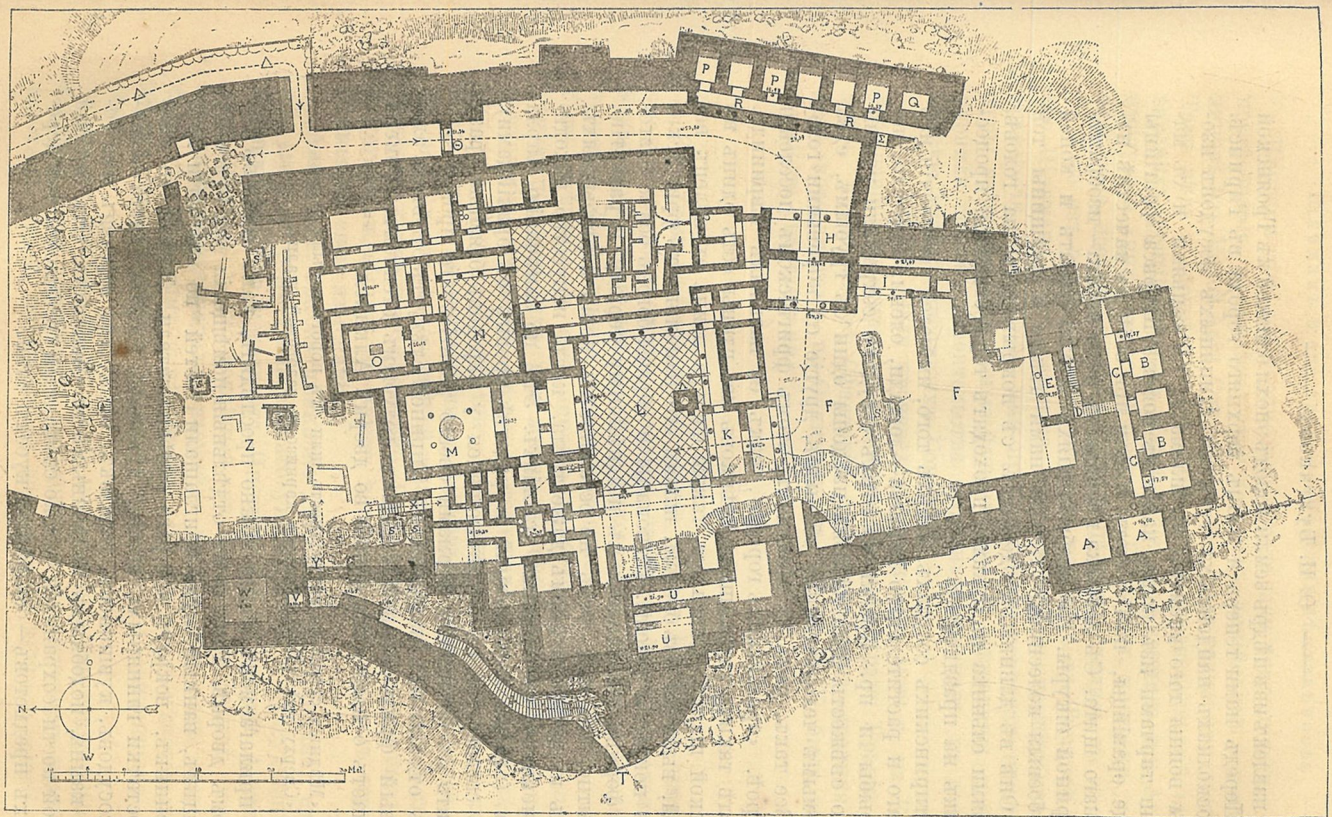
Такъ это и должно было случиться. Изысканія въ Тиринсѣ освѣтили совершенно темную область археологіи доисторической эпохи Пелопонеса и обогатили археологію строительнаго искусства. Это признали лучшіе знатоки архитектуры. Покойный Фергюсонъ, значительный англійскій писатель о древней и новой архитектурѣ, относитъ постройку Тиринса къ XV вѣку до Р. Х.

Тиринсъ былъ построенъ на уединенно стоящей скалѣ известковаго камня, которая возвышается надъ окружающей ее равниной на 18 метровъ и надъ моремъ на 22 метра. Такъ какъ скала (по Дёрпфельду) въ своей сѣверной половинѣ нѣсколько ниже, чѣмъ на южной, то въ сѣверной части ея былъ построенъ «нижній городъ», въ южной—«верхній городъ». Оба приблизительно одинаковыхъ размѣровъ. Отъ верхняго города отдѣляется небольшая нѣсколько глубже лежащая часть, которую можно назвать «среднимъ городомъ». Въ верхнемъ городѣ, окруженномъ двойными стѣнами, находилось жилье царя, царскій дворецъ. Средній городъ, непосредственно соединенный съ дворцемъ узкой лѣстницей, вѣроятно, заключалъ въ себѣ помѣщеніе для службъ. Въ нижнемъ городѣ находились хозяйственныя помѣщенія, конюшни для коней и жилье для дружины. Въ верхнемъ городѣ ясно виденъ почти весь дворецъ съ его постройками, дворами, залами, покоями. Большинство стѣнъ стоитъ еще на высотѣ $^1/_2$—1 метра. Въ дверяхъ сохранились до сихъ поръ каменные пороги. Многочисленные остатки колонъ остаются на своихъ мѣстахъ.

Дворецъ разрушенъ страшнымъ пожаромъ, слѣды котораго ясно указаны Шлиманомъ. Многія изъ обгорѣвшихъ стѣнъ видны на поверхности почвы и не разъ сбивали съ толка опытныхъ археологовъ. Никому не приходило въ голову, что имъ можетъ быть болѣе 2000 лѣтъ, и что онѣ могутъ принадлежать къ дворцу легендарныхъ тиринскихъ царей. Поэтому-то въ путеводителяхъ по Греціи до раскопокъ Шлимана значилось, что ничего привлекательнаго нельзя найти въ Тиринсѣ. А Шлиманъ взялся за ро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Планъ «верхняго города» въ Тиринсѣ, составленный Дёрпфельдомъ:—A. Башня съ двумя комнатами.—B. Помѣщенія со сводами —C. Галлерея.—D. Корридоръ съ лѣстницей.—E. Колонада.—F. Главный передній дворъ.—G. Юго-западный уголъ дворца.—H. Большіе Пропилеи.—I. Колонада.—K. Малые Пропилеи.—L. Большой дворъ.—M. Помѣщеніе для мужчинъ.—N. Малый дворъ.—O. Помѣщеніе для женщинъ.—P. Помѣщенія со сводами.—Q. Цистерна.—R. Галерея восточныхъ стѣнъ.—S. Шахта, выкопанная въ 1876 г.—T. Боковой подъемъ.—U. Мѣсто для подвала.—V. Цистерна.—W. Башня на сѣверо-западъ.—X. Малая лѣстница.—Y. Входъ въ «средній городъ».—Z. Средній или задній дворъ.—γ. Башня на сѣверо-востокъ.—Δ. Направленіе главнаго подъема.—ϑ. Городскія ворота.—λ. Жертвенникъ на дворѣ.—Ξ. Мѣсто, гдѣ найдены теракотты.—Σ. Дверь въ галлерею R.—Φ. Стѣны.

зыски и извлекъ изъ нѣдръ земли городъ эпохи близкой къ Троянской войнѣ. Передъ нами теперь и планъ верхняго города въ Тиринсѣ.

На осколкахъ найденныхъ тутъ же глиняныхъ сосудовъ изображены воины того времени въ шлемахъ, съ копьями и съ маленькими тарчами изъ кожи, какіе въ войскѣ Ксеркса фригійцы и вообще ѳракійцы, по Геродоту, имѣли при себѣ въ качествѣ національнаго щита. Съ затылка ниспадаетъ родъ хвоста—изображеніе звѣриной шкуры. На изображеніяхъ можно узнать и коней ихъ, и боевыя колесницы. Передъ нами также и женщины той эпохи. Онѣ въ длинныхъ одеждахъ съ покрываломъ на головѣ, съ вѣтвями ельника въ рукахъ, проходятъ торжественной процессіей, какъ на празднествѣ.

На тиринскихъ сосудахъ, сверхъ того, имѣются украшенія изъ звѣринаго и растительнаго царства—лошади, олени, журавли, лебеди, рыбы и пр. Краски на этихъ сосудахъ сохранили удивительную свѣжесть. Изъ идоловъ найдены одни съ грубымъ, едва узнаваемымъ человѣческимъ обликомъ, другіе съ коровьими головами. Все такъ, какъ въ Микенахъ, этомъ фригійскомъ поселеніи и въ Троѣ, «ѳракійскомъ городѣ», какъ ее называлъ Еврипидъ. Въ числѣ такихъ грубѣйшихъ слѣпковъ изъ глины есть одинъ въ фригійской шапкѣ. Оказалась также фигура воина съ палецъ величиной, вылитая изъ бронзы, шлемъ его напоминаетъ фригійскій способъ покрытія головы. Выкопаны и образы боговъ болѣе благородной формы, относящіеся къ позднѣйшему періоду и развитію. Любопытно, что при этомъ не оставляются копіи первобытныхъ, грубыхъ и простыхъ формъ даже тогда, когда искусство находилось, очевидно, въ лучшихъ условіяхъ. Это, по замѣчанію Карла Блинда (автора изслѣдованій о родствѣ троянъ съ ѳракійцами), вполнѣ согласуется съ встрѣчающейся у народовъ боязнью сразу порѣшить съ внѣшними формами своего религіознаго прошлаго.

Изъ отдѣльныхъ находокъ въ Тиринсѣ слѣдуетъ отмѣтить алебастровый фризъ съ наложеннымъ голубымъ стекломъ. Гомеръ упоминаетъ о подобномъ фризѣ во дворцѣ Алкиноя:

«Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
«Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали».

На прилагаемомъ планѣ можно прослѣдить, какъ жили въ Тиринскомъ дворцѣ. Тамъ были отдѣльныя помѣщенія для мужчинъ и женщинъ, ванныя, куда приглашали гостей по прибытіи ихъ, жертвенникъ, вокругъ котораго сидѣли жители. Дошли до насъ тоже остатки глиняныхъ ваннъ, кухонные сосуды, масса обломковъ сосудовъ, кувшиновъ, тарелокъ, множество веретенъ изъ голубого камня, подобныхъ найденнымъ въ Микенахъ. Отъ издѣлій слоновой кости сохранился только сломанный гребешокъ, изъ деревянныхъ предметовъ—обгорѣлый кусокъ елки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кругомъ этого доисторическаго города шли циклопическія стѣны, построенныя, по свидѣтельству древнихъ, ликійскимъ родомъ исполиновъ изъ Малой Азіи. Стѣны Микенъ были также ими построены. Тамъ вѣдь и господствовалъ родъ Атрея, происходившій отъ варварскихъ фригійцевъ изъ Малой Азіи. У Еврипида вся Арголида именуется «циклопической землей». Иноземцы, не греки, внѣдрились туда, поселились тамъ и, мало-по-малу, слились съ эллинами.

Уже изъ этого простого перечня находокъ въ Тиринсѣ видно, что Шлиманъ тутъ открылъ много новаго и неожиданнаго для археологіи, и освѣтилъ ими происхожденіе первоначальной культуры грековъ. Найденные фундаменты и развалины построекъ уяснили способъ строительства царскихъ дворцовъ въ доисторическую эпоху, описанныхъ Гомеромъ.

Послѣдними были произведены раскопки 1888 г. на Киѳерѣ, увѣнчавшіяся открытіемъ доисторическаго храма Ураніи Аѳродиты, и на островѣ Сфактеріи, гдѣ обнаружена древняя цитадель, которая тамъ, по Ѳукидиду, въ 425 до Р. Х. была найдена и занята спартанцами.

V.

Въ одномъ мѣстѣ своего труда «Ilios» Шлиманъ замѣчаетъ: «пользуюсь настоящимъ поводомъ, чтобы завѣрить читателя, что, любя науку ради нея самой, я никогда не сдѣлаю ее предметомъ торговли. Мои большія коллекціи троянскихъ древностей не могутъ быть оцѣнены, и онѣ никогда не будутъ проданы. Если я не успѣю подарить ихъ при жизни, то онѣ во всякомъ случаѣ, по завѣщанію, поступятъ въ музей того народа, который я наиболѣе люблю и цѣню». И дѣйствительно, онъ не только не спекулировалъ своими драгоцѣнными находками, а воодушевленный вѣрой въ свой идеалъ и неослабной жизнедѣятельной энергіей поступилъ самоотверженно и великодушно. Въ то время, когда онъ былъ предметомъ враждебныхъ и ярыхъ нападокъ, онъ тратилъ огромныя суммы на свои изысканія.

Англичане, высоко цѣнившіе дѣятельность Шлимана, сдѣлавшіе его докторомъ Оксфордскаго университета и присудившіе ему большую золотую медаль отъ Института Британскихъ Архитекторовъ, надѣялись, что покойный, на котораго на родинѣ его такъ несправедливо нападали, разумѣлъ именно ихъ подъ «народомъ, наиболѣе любимымъ и цѣнимымъ». На обложкахъ нѣкоторыхъ изъ его трудовъ значилось также: «Гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ».

Но ни Англіи, ни Америкѣ, не достались эти сокровища. Вся главная масса троянскихъ находокъ, за исключеніемъ немногихъ золотыхъ вещей, похищенныхъ рабочими въ 1873 г. а также $^2/_3$ на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ходокъ 1882 г., подарена Шлиманомъ своей родинѣ—Германіи и хранится въ Берлинскомъ Этнологическомъ Музеѣ въ особыхъ залахъ съ именемъ жертвователя. Сокровища изъ Микенъ находятся въ аѳинскомъ Политехникумѣ.

Не довольствуясь сдѣланными открытіями, Шлиманъ намѣревался въ мартѣ нынѣшняго года снова начать раскопки въ Троѣ, чтобы рѣшить троянскій вопросъ. Раскопки назначались въ срединѣ «Агоры» (площади для народныхъ собраній), такъ какъ его противникъ, Беттихеръ, утверждалъ, что никакого «нижняго города» не существовало. Мнѣніе Беттихера таково, что развалины, открытыя Шлиманомъ въ доисторическихъ мѣстностяхъ, были кладбищами для сожиганія труповъ. Авторитетные археологи отвергаютъ это мнѣніе. Комиссія спеціалистовъ изъ разныхъ государствъ высказалась недавно противъ подобнаго воззрѣнія, и на этотъ счетъ Шлиманъ могъ бы успокоиться. Но когда дѣло касалось Трои, точнѣе, того вопроса, который зародился у него еще въ мечтахъ дѣтства, онъ не хотѣлъ оставлять неопровергнутымъ ни одного сомнѣнія, какъ бы ничтожно ни было оно.

Послѣднимъ дѣломъ Шлимана въ области археологіи, достойно завершившимъ его оригинальную жизненную карьеру, явилась возбужденная имъ агитація въ Англіи, имѣвшая цѣлью возвращеніе Греціи такъ-называемыхъ эльджинскихъ мраморныхъ плитъ. Это—метопы съ Парѳенона, въ началѣ нынѣшняго столѣтія увезенные лордомъ Эльджиномъ изъ аѳинскаго акрополя и потомъ поступившіе въ Британскій Музей. Лордъ за изрядную сумму денегъ получилъ отъ турецкаго султана разрѣшеніе на это похищеніе выдающихся произведеній искусства классической Греціи, но англійское правительство заплатило лорду вшестеро болѣе, чѣмъ онъ самъ заплатилъ за похищенные мраморы. Еще лордъ Байронъ не разъ въ своихъ произведеніяхъ рѣзко ратовалъ противъ этого «хищничества», указывая на то, что тутъ алчность наживы англійскаго аристократа похитила произведенія искусства, которыя своимъ величіемъ обезоружили бы даже разрушительную ярость готовъ и вандаловъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Греція достигла своей независимости, нерѣдко дѣлались попытки поднять агитацію въ самой Англіи для возвращенія мраморныхъ плитъ, но эти попытки оставались безуспѣшными. Шлиманъ передъ послѣднимъ отъѣздомъ своимъ изъ Аѳинъ обѣщалъ отправиться въ Лондонъ и убѣдить вліятельныхъ людей въ англійскомъ обществѣ къ выполненію этого долга чести относительно Греціи. Болѣзнь Шлимана не позволила ему доѣхать до Англіи; тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ случай въ Парижѣ и Берлинѣ склонить въ пользу этого дѣла вліятельныхъ лицъ. По иниціативѣ его, недавно въ журналѣ «The Nineteenth Century» была напечатана статья, въ которой требуется безусловная выдача мраморныхъ плитъ, а затѣмъ въ «Standard'ѣ» появи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лась руководящая статья, поддержавшая требованія лондонскаго журнала. Ободренный этими заявленіями англійской печати, аѳинскій общинный совѣтъ 18-го декабря 1890 года постановилъ составить рефератъ по этому вопросу и разослать его англійскимъ ученымъ. Шлиманъ обѣщалъ участвовать въ составленіи реферата, но 19-го декабря минувшаго года неожиданно послѣдовала его кончина.

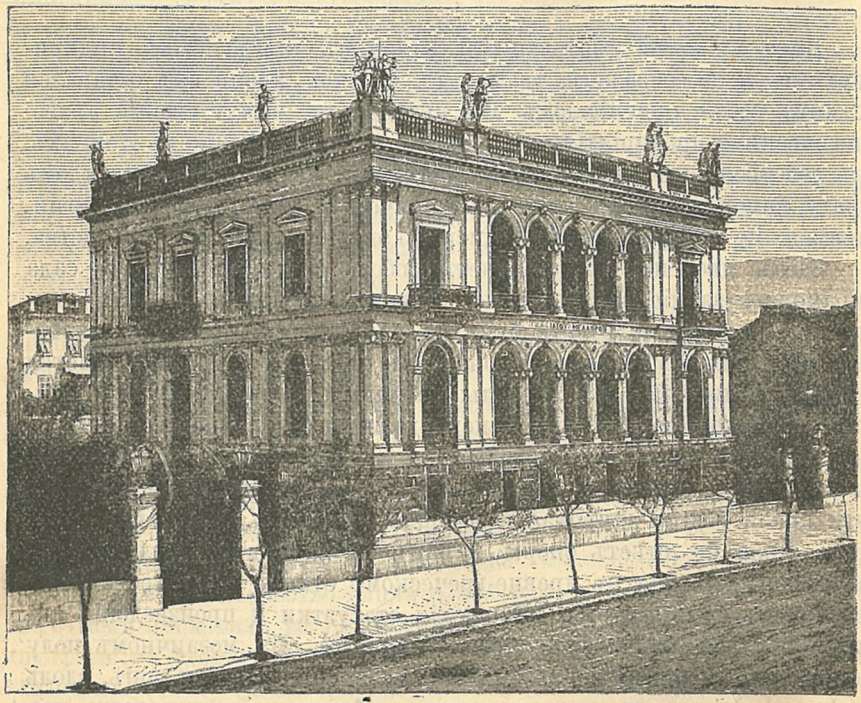
VI.

Какъ въ своей дѣятельности Шлиманъ всегда былъ индивидуаленъ и своеобразенъ, такъ и въ частной жизни онъ оставался самимъ собой, оригиналомъ. Въ антрактахъ между своими археологическими предпріятіями онъ жилъ преимущественно въ Аѳинахъ, въ собственномъ дворцѣ, гдѣ малѣйшія частности на каждомъ шагу напоминали ему тотъ доисторическій міръ гомеровой поэзіи, освѣщенію котораго посвящались его энергія, дарованіе и средства.

Этотъ дворецъ представляетъ собою среди роскошнаго сада мраморное зданіе, въ два этажа. Между первымъ и вторымъ этажами большими золотыми буквами по-гречески обозначено названіе постройки: «Дворецъ Иліона». Въ нижнемъ этажѣ помѣщается «Музей Шлимана», гдѣ собраны найденныя имъ рѣдкости Троянскихъ раскопокъ, которыя теперь должны быть присоединены къ коллекціямъ Берлина. Первый этажъ занятъ жилыми помѣщеніями и большимъ, блестяще убраннымъ торжественнымъ заломъ. Въ эти покои ведетъ широкая мраморная лѣстница, чудо архитектуры, — она не имѣетъ опоры, а какъ бы виситъ въ воздухѣ. Вся мебель выдержана въ древне-греческомъ стилѣ; въ качествѣ бездѣлушекъ фигурируютъ танагрскія статуэтки и произведенія античной керамики, украшая собой комнаты. На мозаичномъ полу изображены важнѣйшіе экземпляры троянскихъ вазъ и урнъ, вдоль стѣнъ — фризы съ классическими пейзажами и эпизодами изъ «Иліады», перемѣшанныя съ стихами Гомера. Надъ каждой комнатой на языкѣ Гомера указано ея назначеніе. Подобная же мраморная лѣстница ведетъ въ Святая-Святыхъ: въ рабочія комнаты, помѣщающіяся во второмъ этажѣ, изъ которыхъ особое вниманіе привлекаетъ библіотека. Цѣлые ряды полокъ, съ полу до потолка, заполнены тутъ исключительно рукописями самого Шлимана. Надъ библіотекой значится изреченіе Пиѳагора: «Кто не учится геометріи, тотъ не входи». Древней Элладѣ посвящена даже крыша, плоская поверхность которой уставлена множествомъ статуй греческихъ боговъ. Отсюда открытый видъ на море. Справедливо гласитъ изреченіе на крышѣ: «Какъ пріятно съ суши взирать на море!»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Каждаго посѣтителя встрѣчалъ привратникъ Беллерофонъ, казачекъ Теламонъ провожалъ его къ владѣльцу дома, который въ часы досуга занимался чтеніемъ какой-нибудь греческой трагедіи. Тутъ же рядомъ находился цѣлый ворохъ курсовыхъ бюллетеней, доставлявшихся почтой ежедневно изъ Парижа, Лондона и Берлина. Сношенія Шлимана съ финансовымъ міромъ обусловливались интересами его огромнаго состоянія.



Домъ Шлимана въ Аѳинахъ.

Гостепріимный домъ его въ Аѳинахъ всегда былъ открытъ посѣтителямъ всѣхъ странъ. Но ихъ принимала жена Шлимана, а самъ онъ не нарушалъ своихъ занятій ничьимъ присутствіемъ. Докторъ Гурлиттъ въ посмертныхъ воспоминаніяхъ о Шлиманѣ по этому поводу разсказываетъ такой анекдотъ. Однажды, собравшіеся гости долго ожидали хозяина. Наконецъ, онъ вышелъ, торопливо шагая, какой-то разстроенный, съ печатнымъ листомъ въ рукахъ и, не здороваясь ни съ кѣмъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Какъ полагаете, хорошъ этотъ форматъ?» Это былъ англійскій текстъ его труда «Ilios». Я долженъ былъ признаться, что слишкомъ мало знакомъ съ книжнымъ дѣломъ въ Англіи,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чтобы дѣлать какія-нибудь предположенія о будущемъ матеріальномъ успѣхѣ книги, прибавивъ, однако, что содержаніе ея навѣрное обезпечиваетъ ей успѣхъ, независимо отъ какого бы то ни было формата. Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ его, и я замѣтилъ, какъ на самыхъ различныхъ языкахъ съ этимъ же вопросомъ обращался онъ къ своимъ гостямъ. Затѣмъ, онъ опять скрылся, заявивъ, что, къ сожалѣнію, не располагаетъ временемъ. Его можно было видѣть собственно только за обѣдомъ, такъ что гости пользовались его сообществомъ очень мало; каждая минута въ теченіе дня была ему дорога. Съ 7 часовъ утра онъ уже садился за письменный столъ и прерывалъ работу только по вынужденной необходимости. Увлеченіе его Гомеромъ было безгранично. Колоссальная память его страшно помогала ему при этомъ; цѣлые ряды стиховъ Гомера Шлиманъ могъ продекламировать во всякое данное время. Онъ такъ много жилъ духомъ среди троянскихъ героевъ, что все связывалъ съ ними. Узнавъ о томъ, что нѣкоторые изъ русскихъ археологовъ (покойный Стефани) неосновательно сомнѣваются въ высокой древности Микенскихъ находокъ и сравниваютъ ихъ съ предметами раскопокъ въ Крыму, считая ихъ работой варваровъ по Р. Х., онъ пришелъ въ лихорадочное волненіе, точно какой-нибудь биржевикъ, бумаги котораго страшно упали въ цѣнѣ.

Страсть его къ греческому героическому періоду доходила до такой степени, что даже собственныхъ дѣтей окрестилъ онъ древнеклассическими именами (сынъ—Агамемнонъ и дочь—Андромаха), и не только дѣти, но и воспитательница маленькой Андромахи, чистокровная нѣмка, образованная дама изъ Берлина, получила прозвище греческой героини. Каждому слугѣ, каждой служанкѣ, поступавшимъ въ домъ Шлимана, предлагался списокъ именъ, изъ которыхъ они по желанію могли выбрать себѣ имена Гектора, Діомеда, Одиссея, Ахиллеса, Кассандры, Пенелопы, Клитемнестры или Гекубы. Къ перекрещиванію этому онъ относился съ большой серьезностью. Тутъ умѣстно привести слѣдующій анекдотъ. Когда ему какъ-то передали просьбу одного господина дать его автографъ, Шлиманъ сперва отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, у него нѣтъ времени. Когда же ему подали бумагу и карандашъ, съ просьбой написать только его имя, онъ отвѣтилъ: «Я не дѣлаю этого изъ принципа. Единственное исключеніе допускается у меня въ этомъ случаѣ, и знаете когда? если дама, письменно обращаясь ко мнѣ съ такой прособой, подпишется какимъ-нибудь классическимъ именемъ: «Елены», «Креузы» и т. п., тогда я охотно исполняю ея желаніе». Отъ автографа, такимъ оброзомъ, пришлось отказаться.

Всѣ эти забавныя черты показываютъ, до какой наивной непосредственности и до какого фанатизма доходило увлеченіе Шлимана древне-греческимъ міромъ. И онъ былъ счастливъ этимъ фа-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

натическимъ увлеченіемъ, которое привело его къ открытію чудесъ древности, остававшихся погребенными десятки вѣковъ въ нѣдрахъ земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ открытію новой эры для изслѣдованія греческой доисторической эпохи. Эта эпоха, какъ замѣтилъ въ своей рѣчи на похоронахъ Шлимана главный инспекторъ греческихъ древностей въ Аѳинахъ Каввадіасъ, можетъ считаться созданіемъ покойнаго, который, по мѣткому выраженію Любке, высоко оцѣнившаго значеніе открытій Шлимана для исторіи искусства, своимъ примѣромъ блистательно доказалъ, что не сомнѣніе, а вѣра въ идеалъ двигаетъ горы и совершаетъ чудеса.

Ѳ. Булгаковъ.

Золотая маска изъ Микенъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею и съ предисловіемъ профессора Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпуски III и IV. Спб. 1890.

ТРЕТІЙ и четвертый—послѣдніе выпуски русскаго перевода книги Pestchel — Kirchhoff'a «Völkerkund». Вмѣстѣ съ четвертымъ выпускомъ вышло и предисловіе редактора перевода—профессора Э. Ю. Петри, въ которомъ сообщаются, между прочимъ, біографическія свѣдѣнія объ авторѣ. Оскаръ Пешель родился 17-го марта 1826 г. въ Дрезденѣ. До 14-ти-лѣтняго возроста онъ посѣщалъ гимназію, а затѣмъ поступилъ въ торговый домъ, намѣреваясь посвятить себя коммерческому дѣлу но черезъ три года покинулъ эту карьеру и сталъ изучать юридическія науки въ Гейдельбергскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ. Въ 1848 г. онъ держалъ въ Лейпцигѣ экзаменъ pro praxi juridica et notariatum. Черезъ нѣсколько недѣль получилъ степень доктора философіи въ Іенскомъ университетѣ за диссертацію: «Ueber den Begriff des Tragischen im modernen Dramen. Eine Kritik der Aristotelischen Poetik». Еще будучи студентомъ, онъ увлекался Робертомъ Блумомъ, Арнольдомъ Руге и другими революціонерами, а въ 1848 г. сдѣлался политическимъ журналистомъ — постояннымъ сотрудникомъ и соредакторомъ газеты «Augsburger Allgemeine Zeitung». Началомъ своей научной дѣятельности самъ Пешель считалъ 1854-й годъ, когда онъ принялъ на себя редактированіе географическаго и естественно-научнаго журнала «Ausland». Не смотря на то, что онъ, какъ самоучка, вступилъ въ кругъ наукъ, почти что новый для него, и что онъ иногда почти цѣликомъ писалъ номера своего журнала, не допуская ни одного непровѣреннаго сообщенія, онъ успѣлъ въ эпоху своего редакторства создать такія крупныя произведенія, какъ «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen» (1858) и «Geschichte

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

der Erdkunde» (1865). Эти сочиненія внесли рядъ новыхъ фактовъ и критическихъ идей въ исторію географіи. Заслугою Пешеля по отношенію къ распространенію естественно-научныхъ знаній является то, что онъ впервые въ Германіи указалъ на великое значеніе Дарвиновскаго ученія и первый же протестовалъ противъ крайнихъ увлеченій ультра-дарвинизма. Въ 1869 году онъ издалъ свои блестящіе этюды «Neue Probleme der Erdkunde», гдѣ намѣченъ рядъ труднѣйшихъ и интереснѣйшихъ географическихъ и геологическихъ задачъ. Въ 1870 г. Пешель былъ приглашенъ профессоромъ географіи въ Лейпцигъ. Умеръ онъ въ 1875 г.

Переведенное теперь на русскій языкъ — «Völkerkunde» издано имъ за годъ до смерти — въ 1874 году. Оно представляетъ собою комбинацію двухъ различныхъ въ своихъ конечныхъ результатахъ направленій — Александра Гумбольдта и Карла Риттера — и отличается выдержанностью и осторожностью сужденій (см. нашу рецензію на первый выпускъ). Конечную цѣль своихъ изслѣдованій Пешель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

«Стремленіе наше всегда сводилось къ тому, чтобы понять страны, какъ театръ дѣйствія историческихъ событій. Это-то и есть современная задача нашей науки, поставленная ей Александромъ Гумбольдтомъ и Карломъ Риттеромъ». Человѣкъ, по его мнѣнію, не покидаетъ во всѣхъ своихъ разнообразныхъ соматическихъ и психическихъ проявленіяхъ той естественной, географической почвы, на которой онъ живетъ; но Пешель далекъ и отъ того, чтобы преувеличивать значеніе вліянія окружающей природы на человѣка: «Выше всякихъ очертаній моря и земли, говоритъ онъ,—даже выше всего, намъ приходится поставить дѣятельность человѣка» (стр. 546). Къ этому положенію сводятся всѣ его историко-философскія разсужденія, когда онъ «съ объективной точки зрѣнія землевѣдѣнія и народовѣдѣнія, вдумается въ историческій ходъ событій». Среди арійскихъ народовъ несомнѣнно ярче всего выдавались по своимъ государственнымъ талантамъ римляне. На счастье человѣчества, они нашли себѣ отечество именно на полуостровѣ, занимавшемъ срединное положеніе, ибо, какъ уже замѣтилъ Страбонъ, «міровое владычество римлянъ основывалось на центральномъ положеніи Италіи». Такимъ образомъ, незадолго до начала нашей эры, центръ тяжести культуры впервые перенесся съ южныхъ береговъ Средиземнаго моря на сѣверныя, съ крайняго востока его къ срединѣ, наконецъ, изъ бассейна Левантинскаго въ бассейнъ западный. Съ разсвѣтомъ гражданской культуры въ Сѣверной Европѣ, постепенно измѣнялось значеніе и важность географическихъ расчлененій. Рѣки способствовали возникновенію городовъ, ремесла и торговля процвѣтали и сѣверное прибрежье Средиземнаго моря стало пріобрѣтать теперь то, чѣмъ оно прежде обладало лишь въ незначительной степени: страны, лежащія позади него, получили свое политико-экономическое значеніе. Но развитіе мореплаванія произвело новый переворотъ: въ XIV в. венеціанскіе моряки выходятъ въ Атлантическій океанъ, вторично открываются Канарскіе острова, и впервые Азорскіе, которые лежали уже на двѣ пятыхъ ближе къ Америкѣ... Не безслѣдно проходили эти моряки мимо Португаліи, положеніе которой было несравненно болѣе благопріятно для океаническихъ сношеній. Португальцы и испанцы, робѣвшіе въ началѣ, пріобрѣли въ своихъ плаваніяхъ вдоль африканскаго берега навыкъ, необходимый для путешествія по открытому океану. Открыты были новый міръ на Западѣ и морской путь въ Индію, и въ то же время,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ Средиземное море вначалѣ медленно, а затѣмъ все быстрѣе опускалось до значенія внутриземельнаго моря, высшими географическими преимуществами стали пользоваться народы, расположенные на береговыхъ побережьяхъ Европы, народы, нуждавшіеся лишь въ толчкѣ, чтобы развернуть свои способности въ дѣлѣ мореплаванія. Чѣмъ выше поднималась съ тѣхъ поръ цѣнность заокеаническихъ странъ, какъ обновленной и расширившейся Европы, тѣмъ болѣе усиливалось и значеніе океаническихъ побережій. Отсюда слѣдуетъ, какъ преходящи всѣ географическія преимущества. Средиземное море—не болѣе, какъ одно изъ звеньевъ цѣпи, на которомъ лишь опредѣленное время сосредоточивался наибольшій блескъ. Такъ точно и Европа остается главнымъ театромъ дѣйствія человѣчества лишь на извѣстное время. Можно опасаться, что развитіе большого числа значительно индивидуализированныхъ народовъ приведетъ насъ къ такимъ же мелкимъ результатамъ, какъ тѣ, къ которымъ привела обособленность Аѳинъ, Лакедемоніи, Коринѳа и Беотіи, когда наступило для нихъ время великихъ историческихъ задачъ. «На Западѣ отъ насъ, въ мірѣ, который лежитъ между состарѣвшимся и старѣющимъ мірами, юная смѣсь народовъ готовится вскорѣ наполнить собою цѣлый материкъ (который можетъ пропитать все современное населеніе земного шара). Если когда-либо на этомъ театрѣ дѣйствія будутъ разрѣшаться болѣе высокія задачи, народамъ Европы придется отступить съ передняго плана исторіи. Когда у насъ солнце стоитъ въ зенитѣ, тогда первые лучи его окрашиваютъ побережья Новаго Свѣта. Тоже совершается съ человѣческою культурою. Европа находится теперь подъ зенитомъ ея пути, а по ту сторону уже зачинается утро. Но солнце движется далѣе, оно не приковано, какъ бы по велѣнію Іисуса Навина, и точно такъ же, какъ съ геологической точки зрѣнія расчлененіе нашего материка не болѣе, какъ мимолетное явленіе, такъ и культурно-историческое значеніе его не избѣжитъ удѣла всего преходящаго» (стр. 547).

О своемъ «Народовѣдѣніи» авторъ былъ самаго скромнаго мнѣнія: «Не внутреннія побужденія, а другія причины должны руководить писателемъ, когда онъ рѣшается печатать книгу, хотя бы до нѣкоторой степени подходящую къ типу руководствъ, ибо къ такому труду, дающему мало удовлетворенія, всегда должно предъявлять требованіе полноты. Если дѣло касается народовѣдѣнія, то авторъ вынужденъ вступить въ области, разработывать которыя полагается лишь строгимъ спеціалистамъ. Ему тогда не приходится излагать свои собственныя мысли, а лишь повторять то, что установлено авторитетными учеными, и вѣчно будетъ его преслѣдовать тягостное сознаніе того, что онъ сбираетъ розы въ чужихъ садахъ» (изъ предисловія, опущеннаго въ русскомъ изданіи, въ виду его совершенно личнаго характера). Два первые выпуска «Народовѣдѣнія» (стр. 1—322), кромѣ введенія (1, мѣсто человѣка въ мірозданіи; 2, единство или множественность человѣческаго рода; 3, прародина человѣчества и 4, о древности человѣческаго рода), посвящены установкѣ началъ для классификаціи человѣческаго рода по расамъ; причемъ авторъ не ограничивается «какимъ-либо случайнымъ и болѣе или менѣе измѣнчивымъ признакомъ, цвѣтомъ кожи, волосами, языкомъ и т. д.—онъ стремится къ суммированію всѣхъ антропологическихъ признаковъ» и потому обстоятельно изслѣдуетъ общіе вопросы, касающіеся: 1) тѣлесныхъ признаковъ человѣческихъ расъ; 2) лингвистическихъ признаковъ и 3) развитія техники, гражданственности и религіи. Въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разсматриваемыхъ же выпускахъ (стр. 323—547), человѣческій родъ раздѣляется, съ точки зрѣнія всѣхъ этихъ признаковъ, на семь расъ: I) австралійцы; II) австралійскіе и азіатскіе папуасы; III) монголоподобные народы; IV) дравида или первобытные обитатели передней Индіи; V) готтентоты и бушмены; VI) негры и VII) средиземная раса (хамиты, семиты, баски, кавказскіе народы и индогерманское племя). Отмѣченныя уже нами ранѣе свойства ученаго труда Оскара Пешеля — осторожность въ выводахъ и умѣнье во время удержаться отъ окончательныхъ сужденій, которыя могли бы быть названы скороспѣлыми, сказались и въ разсматриваемомъ нами отдѣлѣ. Онъ и здѣсь не говоритъ «послѣдняго слова», такъ часто предлагаемаго отъ лица науки,—и прямо заявляетъ, что при современномъ состояніи знанія, абсолютно-правильная классификація расъ, разработанная во всѣхъ деталяхъ,— невозможна. Такъ, въ трактатъ о монголоподобныхъ народахъ онъ вводитъ рубрику: «Сѣверные азіаты, положеніе которыхъ не систематизировано», и говоритъ по этому случаю:—«Въ настоящемъ отдѣлѣ мы не думаемъ дать описанія новой группы монгольскихъ племенъ, напротивъ того, мы должны откровенно признаться, что мы выступаемъ съ научною системою въ незаконченномъ видѣ, такъ какъ мы не можемъ пріурочить трехъ различныхъ народностей (остяки, гиляки и айносы) къ одной изъ большихъ группъ» (стр. 398). Въ числѣ народовъ средиземной расы также значатся племена, «не занимающія опредѣленнаго положенія» (стр. 528—529 — баски, кавказскіе народы). Съ другой стороны, всякое новое, представляющееся болѣе состоятельнымъ, чѣмъ старое, хотя бы и общераспространенное воззрѣніе, всегда находитъ уже себѣ почетное мѣсто въ трудѣ Пешеля. Это нужно сказать, напримѣръ о замѣнѣ общепринятаго до настоящаго времени названія нашей расы: «Блуменбахъ обозначилъ тѣ племена, которыми по преимуществу занимается древняя и новая исторія культуры Запада, именемъ кавказцевъ; но отъ этого наименованія пришлось отказаться, такъ какъ оно подавало поводъ къ недоразумѣніямъ. Въ виду того, что терминъ—средиземные народы, вмѣсто кавказцевъ Блуменбаха, нынѣ получилъ нѣкоторое распространеніе, и мы будемъ придерживаться этого обозначенія. Къ средиземной расѣ принадлежатъ почти всѣ европейцы, насколько они не монголоподобны, всѣ сѣверные африканцы, насколько они не принадлежатъ къ расѣ негровъ, и всѣ юго-западные азіаты на ряду съ иранцами и индусами» (стр. 504).

Въ заключеніе, еще два слова о русскомъ переводѣ. Нѣкоторые рецензенты ставили ему въ упрекъ отсутствіе примѣчаній со стороны редактора, пользующагося авторитетомъ въ данной области. Отвѣтомъ на это являются слова Э. Ю. Петри въ предисловіи: «Мы, съ своей стороны, удержались отъ дополненій и примѣчаній къ труду Пешеля въ виду того, что нами издается въ настоящее время собственное руководство антропологіи; первый томъ, почти всецѣло появившійся въ печати, трактуетъ о вопросахъ, которымъ въ общемъ посвящена первая половина «Народовѣдѣнія» Пешеля; третій томъ даетъ очеркъ отдѣльныхъ народовъ земного шара и будетъ, такимъ образомъ, соотвѣтствовать второй половинѣ книги Пешеля» (стр. IX).—Особенности орѳографіи—(Колонъ, Стэнлей, Мехика, Белучистанъ и пр.)—объясняются стремленіемъ редакціи придерживаться «какъ Пешеля, такъ и того, по возможности, правильнаго произношенія, которое въ настоящее время установилось на Западѣ, и которому намъ съ нашею своеобразною передѣлкою чуждыхъ «названій, давно пора было бы послѣдовать».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ прибавленіи помѣщены «Измѣреніе череповъ по Велькеру» — изъ «Archiv für Anthropologie». Bd. XVI, 1885 г.—(1, группировка по народамъ; 2, обзоръ трехъ классовъ ширины черепа и 3, обзоръ соотношенія между шириною и высотою черепа), и алфавитный указатель лицъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ книгѣ С.

Штурмъ Измаила 11 декабря 1790 г. Составилъ полковникъ Н. Орловъ. Спб. 1891.

«Все хорошо въ свое время, и всякое дѣло приходитъ въ извѣстный часъ». Эту турецкую поговорку мы услыхали отъ турокъ еще во время первой (Румянцевской) войны съ Портою въ царствованіе Екатерины II. Хотя мы и не всегда, на дѣлѣ, примѣняемъ эту поговорку, но бываютъ и исключенія. Къ числу ихъ мы относимъ и появленіе труда г. Орлова. Трудъ этотъ появился именно во-время, ко дню столѣтняго воспоминанія о великомъ подвигѣ великаго Суворова, свершившаго считавшееся невозможнымъ.

Чтобы понять всю важность овладѣнія Измаиломъ, считавшимся не только Портой, но и въ Западной Европѣ, неприступнымъ, авторъ сдѣлалъ предварительный краткій очеркъ политическихъ отношеній Россіи къ Австріи, Пруссіи и Англіи.

Не смотря на блистательныя побѣды гр. Румянцева и А. Орлова при Кагулѣ и Чесмѣ въ 1770 году, въ Европѣ не могли еще свыкнуться съ мыслью о возростающемъ могуществѣ Россіи. Самую войну съ грозною до того Портою называли романическимъ похожденіемъ, а одержанные успѣхи приписывали счастливому случаю.

Вторая турецкая война, съ главнокомандующимъ кн. Потемкинымъ, велась безъ плана, вяло, безъ ясно опредѣленной цѣли, и по своему характеру могла назваться — хожденіемъ за крѣпостями. Въ то время не считали возможнымъ двигаться впередъ, не овладѣвъ всѣми крѣпостями въ тылу. Смѣлый планъ Суворова, послѣ его рымникской побѣды, — двинуться къ Балканамъ, оставивъ крѣпости подъ наблюденіемъ особыхъ заслоновъ,—не получилъ одобренія Потемкина. Самъ же Потемкинъ довольствовался взятіемъ второстепенныхъ крѣпостей—Киліи, Тульчи и Исакчи, и только дѣлалъ неудачныя попытки овладѣть твердынями Измаила. Два раза русскія войска подступали къ этой крѣпости, и оба раза неудачно. Репнинъ только показался подъ Измаиломъ и тотчасъ отступилъ; затѣмъ подошелъ Гудовичъ, также ничего не сдѣлавшій и передавшій команду Самойлову, который долго и почти безцѣльно простоялъ подъ крѣпостью, собравъ военный совѣтъ, постановившій рѣшеніе, что въ виду поздняго времени (декабрь мѣсяцъ), слѣдуетъ осаду замѣнить блокадой и потомъ расположить войска на зимнія квартиры.

Война, такимъ образомъ, снова затягивалась на неопредѣленное время. На заключеніе давно желаемаго мира не могло быть никакой надежды, пока еще не палъ Измаилъ, на который Порта смотрѣла какъ на несокрушимый оплотъ своего могущества. Иностранныя державы, въ особенности Пруссія и Англія, опасавшіяся и завидовавшія успѣхамъ Россіи, энергично поддерживали Порту въ ея намѣреніи продолжать борьбу.

Между тѣмъ война, начавшаяся въ 1787 году, длилась уже четыре года. Потемкинъ, благодаря своему продолжительному отсутствію изъ Пе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тербурга, чувствовалъ, что теряетъ при дворѣ прежнюю силу. Императрица требовала видимыхъ результатовъ войны, — а ихъ не было. По этому Потемкинъ, получивъ постановленіе военнаго совѣта арміи, стоявшей подъ Измаиломъ, объ отступленіи — рѣшился поручить Суворову взятіе этой, знаменитой въ то время крѣпости, паденіе которой обѣщало скорый миръ, а неудачный приступъ могъ надолго затянуть войну.

Мы не станемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе этого геройскаго дѣла по существу, такъ какъ въ описаніи штурма Измаила, составленномъ г. Орловымъ, новаго ничего не представляется, чего бы не было сказано у прежнихъ изслѣдователей. Скажемъ только, что въ описаніи г. Орлова собранъ весь печатный матеріалъ, какой имѣлся въ нашей военной литературѣ касательно знаменитаго штурма. Такъ, авторъ ссылается на историковъ — А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, Смита, Соловьева; пользуется даже выписками изъ «Русскаго Инвалида» 1827 года и историческими журналами. Словомъ, онъ не упустилъ ничего, что могло служить къ подробному, всестороннему изслѣдованію вопроса. Независимо отъ того, онъ разсмотрѣлъ и рукописный матеріалъ Военно-Ученаго Архива, не смотря на то, что эти рукописныя дѣла были уже разсмотрѣны другими, и на нихъ сдѣланы соотвѣтственныя указанія въ сочиненіяхъ этихъ авторовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, г. Орловъ сдѣлалъ изъ этихъ дѣлъ нѣкоторыя извлеченія, которыя не могли быть излишними при описаніи отдѣльнаго эпизода войны, разсматриваемаго какъ особый, цѣльный очеркъ. Словомъ, г. Орловъ не упустилъ ничего, чтобы сдѣлать свое описаніе вполнѣ законченымъ, интереснымъ и научнымъ. Всѣ распоряженія Суворова къ подготовкѣ штурма и самаго его производства, предварительное обученіе войскъ къ штурму, и самый штурмъ Измаила, изложены во всѣхъ подробностяхъ и съ знаніемъ дѣла.

Считаемъ, однако, нужнымъ, остановиться на слѣдующихъ мѣстахъ труда г. Орлова.

1) Стр. 26. Говоря объ островѣ Сулинѣ, отдѣляющемъ Килійское гирло Дуная отъ Сулинскаго и лежащаго противъ Измаила, авторъ замѣчаетъ, что островъ этотъ — «иногда называютъ Чаталъ». Островъ этотъ всегда назывался Сулиномъ; но западная часть его имѣетъ выдающійся мысъ, который называется—мысомъ Чаталъ.

2) При возведеніи одной изъ батарей противъ Измаила — «строителями были люди случайные (какой-то голландскій чертежникъ Воланъ и кавалерійскій офицеръ Мелиссино»), сказано у автора на стр. 27. Но Мелиссино былъ личностью не случайною, а генераломъ и начальникомъ артилеріи осаднаго корпуса.

3) Болѣе важное недоразумѣніе возбуждено г. Орловымъ относительно направленія, при штурмѣ, колонны Мекноба. Авторъ ссылается при этомъ (хотя и не придаетъ значенія) на отрывокъ диспозиціи, случайно доставленной Г. М. Писаревымъ Глинкѣ, автору — «Жизни Суворова». Но по этому отрывку ничего судить нельзя, такъ какъ распоряженія къ штурму дѣлались Суворовымъ еще за нѣсколько дней, измѣнялись и дополнялись. По этому Глинка могъ получить часть диспозиціи уже измѣненной.

---

[1]) Такъ напримѣръ—во II т. войны 1787—91 г. Петрова, авторъ, во многихъ мѣстахъ, дѣлаетъ ссылки на № 893 дѣла В. Уч. Арх.; г. Орловъ дѣлаетъ ссылки на тотъ же номеръ и на тѣ же документы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Подлинной диспозиціи штурма нигдѣ не отыскано въ дѣлахъ. Это доказываетъ, что ее и не было, что весьма возможно. Суворовъ лично объяснялъ каждому начальнику—«понимать свой маневръ». Онъ указывалъ каждому и пунктъ, на который ему нужно слѣдовать, и путь, по которому идти, и время когда начать движеніе, для чего были даже свѣрены часы. Всѣ мельчайшія подробности были указаны не на бумагѣ, но прямо на мѣстѣ. Каждый зналъ, что нужно дѣлать, и въ диспозиціи окончательной не было надобности. На планѣ атаки, подписанномъ Суворовымъ, принятомъ за основаніе Петровымъ и Богдановичемъ, направленіе колонны Мекноба показано на средній сѣверный бастіонъ. Смитъ также говоритъ, что — «Мекнобъ долженъ былъ взойти на крѣпостной валъ съ сѣверной стороны; причемъ ошибочно замѣчаетъ, что это былъ бастіонъ—«у котораго сходятся угломъ оба сухопутные фронта». Но это, по плану, оказывается не сѣвернымъ, а сѣверо-западнымъ бастіономъ, на который и у г. Орлова направлена колонна Мекноба. Нечего и говорить, что направленіе Мекноба на куртину у Хотинскихъ воротъ, какъ сказано у Глинки—было бы крупною ошибкою, которую Суворовъ сдѣлать не могъ. Это было бы движеніемъ съ западной стороны, куда и безъ того уже было направлено двѣ коллонны, тогда какъ вся сѣверная сторона, наиболѣе длинная и важная, атаковалась бы только 2000 спѣшенныхъ казаковъ! Правый и лѣвый фланги атакующихъ были бы совершенно разобщены въ центрѣ. По этому-то, Мекнобъ и былъ направленъ именно на средній, сѣверный бастіонъ, находящійся между сѣверо-западнымъ и Бендерскимъ бастіонами. При этой колоннѣ находился и самъ Суворовъ, какъ въ центрѣ позиціи. Это направленіе и показано у Петрова и Богдановича и значится на подлинномъ планѣ атаки.

Это недоразумѣніе не умаляетъ, однако, достоинства труда г. Орлова. Почаще слѣдовало бы воскрешать въ памяти потомства славныя дѣла «давно минувшихъ дней».

Прибавимъ еще, что разсматриваемый очеркъ изданъ изящно, съ хорошими портретами Екатерины, Суворова, Потемкина, Рибаса и Платова. Планъ и виды Измаила также хороши. А. П.

Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада, I. Переломъ въ западноевропейской этикѣ въ XII — XIII вв. Средневѣковая романтика въ Италіи. Историко-литературные очерки Н. Дашкевича. Кіевъ. 1890.

Король Артуръ и витязи Круглаго Стола, волшебникъ Мерлинъ, таинственный орденъ св. Граля—вотъ образы той, въ высшей степени своеобразной и заманчивой, области поэзіи, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ господствовавшей въ западно-европейскихъ литературахъ, которую избралъ предметомъ изслѣдованій своихъ г. Дашкевичъ. Еще въ 1376 г. въ «Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ» былъ помѣщенъ трудъ его по исторіи бретонскихъ сказаній, посвященный «выясненію происхожденія основной первой вѣтви ихъ», т. е. сказанію о св. Гралѣ. Послѣ этого авторъ въ теченіе почти четырнадцати лѣтъ, отвлеченный, по его словамъ, другими работами, не могъ продолжать своихъ розысканій въ области средневѣковой романтики, и лишь недавно оказался въ состояніи снова обратиться къ нимъ. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ уже яснѣе высказывается о планѣ своихъ изслѣдованій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ предполагаетъ «выяснить эволюцію романтики въ литературахъ запада на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ, отъ XII до XIX включительно», изслѣдовать какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю исторію романтики Круглаго Стола, т. е. какъ развитіе главнѣйшихъ изъ легендъ, составляющихъ содержаніе этой романтики, такъ и роль ея въ литературахъ и общественной жизни западно-европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ, отдѣльные выпуски его розысканій будутъ, прежде всего, распадаться на двѣ серіи: на разборъ «сказаній, положенныхъ въ основу бретонскихъ романовъ, и новѣйшихъ относительно ихъ гипотезъ» съ одной стороны, и на исторію «романтики Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада» съ другой. Въ первой серіи, изъ которой вышелъ уже указанный выше очеркъ исторіи леленды о св. Гралѣ, предпологается еще: «Изслѣдованіе генезиса романтики Круглаго Стола» и «Вѣщій Мерлинъ»; во второй, кромѣ выходящаго въ настоящее время выпуска, предполагается также еще два: 1) «Романтика Круглаго Стола въ Англіи, Нидерландахъ, Германіи, Франціи и на Пиренейскомъ полуостровѣ до времени Возрожденія включительно», 2) «Романтика новаго времени». Кромѣ того, авторъ заявляетъ, что въ ближайшемъ будущемъ, по окончаніи обѣихъ первыхъ серій, онъ перейдетъ къ третьей, къ изслѣдованіямъ по сравнитнльной исторіи русскихъ былинъ; генезисъ нашего отечественнаго эпоса думаетъ онъ сопоставить съ генезисомъ Артурова эпоса, присоединяясь, такимъ образомъ, по его собственнымъ словамъ, «къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что наши былины вообще представляютъ болѣе пунктовъ соприкосновенія съ эпосами Запада и Кавказа, чѣмъ съ эпосами Востока».

Первая часть вышедшаго въ настоящее время выпуска посвящена особой эпохѣ въ исторіи средневѣковой общественной жизни и литературы, которую можно назвать своего рода возрожденіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ XII—XIII вв. Это время было во многихъ отношеніяхъ кульминаціонною точкою среднихъ вѣковъ. Благодаря крестовымъ походамъ, общество является исполненнымъ высшаго религіознаго воодушевленія, проявляется героизмъ рыцарей свѣтскихъ и духовныхъ, не уступающій доблести древнихъ витязей, распространяется болѣе утонченная образованность, науки находятъ себѣ славныхъ представителей, возрождаются искусства, и—вмѣстѣ съ ними и поэзія. Еще въ XI в. народная поэзія, находившаяся прежде въ загонѣ, державшаяся лишь въ низшихъ слояхъ общества, начинаетъ проникать въ замки князей и синьоровъ; она переработывается подъ вліяніемъ книжной учености, подъ вліяніемъ античной поэзіи и принимаетъ новый, своеобразный видъ. Не теряя своей мощи и своего величія, типы языческой, народной поэзіи совершенно измѣняютъ свой характеръ. Герои романтики XII, XIII вв. такіе же точно идеальные типы, какъ витязи народной поэзіи, но они уже представители не одной воинской доблести и удали, но и высшаго рыцарскаго изящества и мистическаго культа женщины. Особая «рыцарская» мораль развивается въ XII и слѣдующихъ вѣкахъ, не имѣющая корней ни въ античномъ мірѣ, ни въ средневѣковыхъ церковныхъ идеалахъ, ни въ завѣтахъ германскаго племени. Чтобы доказать совершенную своеобразность этой морали, г. Дашкевичъ дѣлаетъ отступленіе въ область германскихъ и французскихъ преданій до XII вѣка. Древніе германскіе герои представляютъ совершенную противоположность изящнымъ рыцарямъ: это образы полные величія, но суровые, мрачные и страшные, ихъ храбрость

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сопровождается жестокостью, вѣрность господину страстью къ наживѣ; они сражаются съ чудовищами и драконами, но не ради высшихъ идей, какъ позднѣйшіе рыцари, а ради сокровищъ. Даже въ женщинахъ древнѣйшихъ германскихъ преданій мало мягкихъ, нѣжныхъ чертъ: Валькирія, Брунгильда и Гудруна сѣверныхъ сагъ, ради мести рѣшающіяся на самые жестокіе поступки, лучшія представительницы этого типа германскихъ героинь. Впослѣдствіи, въ обработкахъ, сдѣланныхъ въ Германіи уже въ рыцарское время, эти образы являются въ значительно смягченномъ видѣ, но и здѣсь довольно много древне-германскихъ чертъ: стоитъ лишь вспомнить кровавую месть Кримгильды во второй половинѣ пѣсни о Нибелунгахъ. Не болѣе признаковъ рыцарской морали находимъ мы въ эпохѣ французской, выросшей на почвѣ германскаго эпоса. И тутъ тѣ же суровые герои, для которыхъ война выше всего, а любовь считается лишь помѣхой къ проявленію истиннаго мужества; и здѣсь женщина мало выступаетъ на видъ, и мало проявляетъ чертъ мягкихъ и женственныхъ. Изъ подобныхъ идеаловъ невозможно, конечно, и вообразить, чтобы могли выработаться идеалы романтики, въ которой всѣ подвиги рыцарей—дѣла любви, совершаемыя во имя любимой дамы, эти идеалы, которые самими рыцарями выводятся изъ культа любви.

«D'amour descent chevalerie
«D'amour vient tote seignorie
«D'amour descent vigeur et force»,

какъ говоритъ старинный французскій поэтъ-романтикъ. Какъ могло явиться это новое направленіе? Г. Дашкевичъ выводитъ его изъ самыхъ требованій современной жизни, которымъ не могъ уже удовлетворять старый эпосъ. «Старый эпосъ, говоритъ онъ, не могъ быть вполнѣ примѣненъ къ новымъ наклонностямъ: онъ не укладывался въ рамки новаго направленія индивидуальной и соціальной жизни, не согласовался съ изящными и утонченными чувствованіями и дворскими манерами, которыя такъ цѣнились теперь въ средѣ знати. Энтузіазмъ героизма слился съ стремленіемъ къ выработкѣ большей человѣчности. Являлось юношески-возвышенное настроеніе, склонное къ идеализаціи предмета личной привязанности. Результатомъ его въ провансальской поэзіи было развитіе «веселой науки»,—«науки страсти нѣжной», какъ можно бы назвать ее словами Пушкина. Лирика, однако, надолго не могла удовлетворить общества, и вотъ появляются рыцарскіе романы, главнымъ образомъ, бретонскаго цикла, представляющіе «высшіе, самые популярные идеалы времени крестовыхъ походовъ, развитія мистики, утонченной дворской жизни и средневѣковой романтики». Романы Артурова цикла скоро завладѣли всѣми западными литературами, не смотря на весь протестъ возставшихъ противъ новаго направленія труверовъ, которые жаловались на пренебрежительное отношеніе къ старинной «правдивой» поэзіи...

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, то введеніе, которое авторъ предпосылаетъ своему разсмотрѣнію эволюціи романтики въ литературахъ и жизни Запада. Мы остановились на немъ подробнѣе, такъ какъ оно въ общихъ чертахъ намѣчаетъ содержаніе и слѣдующихъ выпусковъ второй серіи розысканій г. Дашкевича. Слѣдующая затѣмъ часть настоящаго выпуска посвящена разбору того, какъ романтика Круглаго Стола отразилась въ литературѣ Италіи. Уже въ началѣ XIII в. итальянцы оказываются знакомыми съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сказаніями объ Артурѣ, и постепенно знакомство это принимаетъ все болѣе и болѣе значительные размѣры; въ итальянской литературѣ начинаютъ появляться переводы, передѣлки, подражанія бретонскимъ романамъ, хотя сначала лишь медленно, исподволь. И здѣсь, какъ во Франціи, слышится на первыхъ порахъ голосъ протеста: великій поэтъ-философъ Флоренціи осуждаетъ новые романы, вооружается противъ нравовъ рыцарей, изображаемыхъ въ нихъ; послѣдователи рыцарской любви и морали, Ланселотъ, Тристанъ и другіе, изображаются у Данте кружимыми вихремъ въ глубинѣ бездны ада. Начиная, однако, съ Декамерона Боккаччіо, въ половинѣ XIV в., мы уже ясно видимъ, что совершился полный переворотъ въ морали и міровоззрѣніи итальянцевъ. Рыцарская романтика завоевываетъ себѣ неограниченное господство въ итальянской литературѣ: поэмы Пульчи, Боярда, Аріоста, характеризуютъ разцвѣтъ бретонскаго эпоса въ Италіи. Но не продолжительно только было это господство: въ XVI в., въ лицѣ Торквато Тассо видимъ мы уже угасаніе рыцарской романтики. Тассо былъ послѣдній романтикъ Италіи; что мы послѣ него имѣемъ изъ этой области поэзіи въ Италіи, едва заслуживаетъ упоминанія.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе настоящаго выпуска труда г. Дашкевича. Безъ сомнѣнія, авторъ выбралъ себѣ для изслѣдованія изъ средневѣковой литературы запада чуть ли не самую интересную, но въ то же время и самую обширную область. Подавляющая масса самихъ литературныхъ произведеній, множество ученыхъ изслѣдованій о нихъ, не могли не оказать вліянія на самый трудъ: авторъ не успѣлъ всего разработать систематически, изложеніе его, во многихъ случаяхъ, непослѣдовательно, въ иныхъ мѣстахъ онъ повторяется, но все имъ разработано съ одинаковой основательностью,—однимъ словомъ, иной разъ кажется, что передъ нами лежитъ не законченный научный трудъ, а сборникъ матеріаловъ, собранныхъ на скорую руку и кое-какъ скомпанованныхъ. Къ этому заключенію принуждаетъ насъ придти не только отсутствіе системы въ частностяхъ, но и въ общемъ распредѣленіи матеріаловъ. Уже самое раздѣленіе исторіи романтики на внутреннюю и внѣшнюю,—раздѣленіе не совсѣмъ научное, принято авторомъ, главнымъ образомъ, для облегченія сортировки матеріаловъ. По той же причинѣ, вѣроятно, г. Дашкевичъ обзоръ исторіи романтики въ Италіи разбиваетъ на двѣ части: во-первыхъ, «данныя для установленія внѣшней и внутренней исторіи романтики въ Италіи» и во-вторыхъ, «заключительный общій обзоръ исторіи средневѣковой романтики въ Италіи». Если бы послѣдняя часть, по объему мало уступающая первой, была съ ней органически соединена, то и автору пришлось бы и повторяться меньше и картина эволюціи романтики въ Италіи получилась бы полнѣе. Нельзя одобрить и самаго раздѣленія исторіи романтики по отдѣльнымъ національностямъ, также принятаго авторомъ, по всей вѣроятности, по названной уже нами причинѣ. Въ области романтики происходило такое сближеніе западныхъ націй, такая смѣна взаимныхъ заимствованій, подражаній, переводовъ и т. п., что дѣленіе по отдѣльнымъ націямъ непремѣнно должно нарушить связь и послѣдовательность; къ тому же, романтика Круглаго Стола возникла во Франціи, а г. Дашкевичъ исторію ея начинаетъ съ Италіи. Все это, конечно, весьма легко объясняется тѣмъ, почти необозримымъ матеріаломъ, который имѣлъ передъ собою авторъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что и здѣсь большая систематизація была бы воз-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

можна, если бы авторъ оставилъ въ сторонѣ много частностей, мало выясняющихъ общую мысль его и лишь вредящихъ изложенію.

А. Л.

Н. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865. Письма Н. Косицы.—Замѣтки лѣтописца, и пр. Спб. 1890. Онъ же. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Изд. 2-е. Спб. 1890.

Г. Страховъ продолжаетъ собирать свои старыя статьи, разбросанныя по журналамъ послѣдняго тридцатилѣтія, и издавать ихъ отдѣльными сборниками. Статьи эти занимаютъ оригинальное мѣсто въ русской критикѣ: одинаково чуждый и «фанатическаго радикализма» и «фанатическаго старовѣрства» (его слова), этотъ критикъ-эстетикъ, вмѣстѣ съ Ап. Григорьевымъ, долгое время былъ чѣмъ-то въ родѣ «кимвала, бряцающаго въ пустынѣ»; ни либералы, ни консерваторы, не считали его своимъ, не понимали его, вышучивали. Особенно незавидной репутаціей онъ пользовался въ такъ называемой «либеральной» части русскаго общества и журналистики въ 60-е годы, когда на него сыпались громы Чернышевскаго, Писарева и, не столь, правда, страшные и удачные, г. Антоновича—этихъ главарей того времени. Тоже продолжалось и въ 70-е годы, когда, напр., «Дѣло» издѣвалось надъ нимъ за то, что онъ назвалъ гр. Л. Толстого «геніемъ»... Въ послѣднее время, почти совсѣмъ перекочевавъ въ лагерь «Русскаго Вѣстника», онъ съ одной стороны выигралъ въ смыслѣ опредѣленности литературной физіономіи, но за то, съ другой стороны, измѣнилъ многому, что было наиболѣе симпатично въ его прежней дѣятельности — проповѣди полной свободы слова, терпимости къ убѣжденіямъ, вѣрованіямъ, національностямъ, и пр. А отъ этого пренебреженіе и антипатія къ нему со стороны противоположнаго лагеря еще увеличились; явилась слѣпота, умышленное непониманіе и крайняя враждебность ко всему, что онъ говоритъ. Не добрую службу сослужили ему книги Н. Я. Данилевскаго, съ которыми онъ такъ носится!..

И, однако, г. Страховъ этого не заслуживаетъ. Изъ того, что онъ не шелъ за «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», совсѣмъ не слѣдуетъ, что онъ былъ за-одно съ Аскоченскимъ и К°. Вспомнимъ то время и тѣхъ дѣятелей,—что̀ они такое были? Увлеченные живыми вѣяніями послѣ Севастопольской войны, послѣ мрачной первой половины 50-хъ годовъ, послѣ всѣхъ разочарованій и отчанія, передовые дѣятели эпохи нашего «возрожденія»—«теоретики», какъ ихъ называетъ Ап. Григорьевъ, или, пожалуй, представители «нигилизма», если употребить неточный, хотя и принятый многими и, между прочимъ, г. Страховымъ, терминъ — естественно впали въ противоположную крайность, въ необузданныя надежды на всяческій прогрессъ. Чѣмъ больше надежды эти, хотя отчасти, осуществлялись, тѣмъ съ бо̀льшими требованіями, съ бо̀льшей смѣлостью и, надо сознаться, съ большей слѣпотой стали они обращаться ко всѣмъ явленіямъ русской жизни. Много тутъ было молодого увлеченія, юношеской свѣжести, честныхъ и гуманныхъ порывовъ и... идеализма, отъ котораго они такъ отрекались. Но, какъ бы то ни было, вышло въ концѣ концовъ то, что величайшаго разсвѣта русской художественной литературы они почти и не замѣтили, а если и замѣтили, то, такъ сказать, въ другую сторону: сто̀итъ только вспомнить, какъ относились они, со второй половины 60-хъ годовъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ Пушкину, Л. Толстому, Тургеневу, Достоевскому, Гончарову, Писемскому, Лѣскову и др... Надо же когда-нибудь признать этотъ фактъ. «Русская Мысль», журналъ либеральный, года полтора тому назадъ реабилитировалъ репутацію г. Лѣскова (а вспомнимъ нападки Писарева на него?); тоже уже давно сдѣлали, словно сговорились, всѣ наши критики по отношенію къ Тургеневу, Л. Толстому и др. (ужъ не говоря про Пушкина); тоже отчасти нужно сдѣлать и относительно г. Страхова, писателя во всякомъ случаѣ талантливаго, умнаго, честнаго, гуманнаго и искренняго — по крайней мѣрѣ въ прежней своей литературной дѣятельности. Ужь за одно мужество идти «противъ теченія», произведенія Л. Толстого назвать «геніальными», надъ чѣмъ когда-то такъ слѣпо, неудачно и комично смѣялись либеральные журналы — онъ заслуживаетъ если не уваженія, то хоть вниманія...

Первый изъ названныхъ сборниковъ его статей («Изъ исторіи литературнаго нигилизма») весь состоитъ изъ болѣе или менѣе краткихъ отзывовъ автора на современныя явленія въ литературной, политической и общественной жизни. Нѣтъ здѣсь серьезной доказательности, все болѣе или менѣе случайно — самъ авторъ «считалъ эти статейки болѣе забавой, чѣмъ дѣломъ»,— но многое очень мѣтко и вѣрно замѣчено въ современной литературѣ. Статьи обнимаютъ собой всего четыре года (1861 — 1865) «время, которое, однако же, можно считать временемъ полнаго разцвѣта нигилизма, когда онъ еще вполнѣ вѣрилъ въ силу своей проповѣди и занималъ въ литературѣ наиболѣе значительное положеніе, почти господствовалъ» (Предисл. стр. IX). Любопытно самое происхожденіе этихъ статей и условія, при которыхъ онѣ въ состояніи были появиться въ печати: редакторы двухъ изданій, близко знакомые съ г. Страховымъ, не хотѣли печатать ничего въ такомъ духѣ, подчиняясь авторитету противнаго лагеря. Рѣшился на это только Достоевскій въ новооснованномъ имъ тогда журналѣ «Время», да и то дѣлалъ различныя вставки и оговорки, чтобы статьи не казались слишкомъ рѣзко идущими «противъ теченія». И все-таки, безъ сомнѣнія, онѣ послужили если не главной, то все же важной причиной того, что на «Время» ополчился тогда «Современникъ», въ лицѣ г. Антоновича, а потомъ и другіе, чуть не всѣ, журналы 60-хъ годовъ.

Какъ уже сказано, «статейки» сборника весьма разнообразны и случайны. Еще болѣе обща, такъ сказать, принципіальна, первая изъ нихъ «Нѣчто о Петербургской литературѣ» (1861 г.), гдѣ авторъ проводитъ старую мысль о противоположности Московской и Петербургской литературы; но, какъ и всѣ подобныя слишкомъ обобщающія, одностороннія сужденія, эта статья не имѣетъ значенія. Во времена Гоголя и Бѣлинскаго эта противоположность въ характерѣ литературной дѣятельности двухъ столицъ, дѣйствительно, была, позже же она уничтожается или, по крайней мѣрѣ, ослабѣваетъ, хотя нѣкоторые и нынѣ направленіе извѣстнаго рода называютъ «московскимъ», забывая, что въ Москвѣ издаются «Русскія Вѣдомости», «Русская Мысль» и нѣкоторыя другія изданія «петербургскаго» направленія. Традиціонная терминологія давно потеряла свою современность... Но интересно въ концѣ упомянутой статьи опредѣленіе «петербургскаго» (если употреблять все-таки терминъ г. Страхова) литератора: «Представьте — полнѣйшее отрицаніе авторитетовъ; слабое, даже ничтожное развитіе эстетическаго вкуса; нѣкоторое отвращеніе къ стихамъ, какъ къ чему-то очень

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

приторному; пламенное желаніе общественной пользы; желаніе стать во главѣ, на виднѣйшемъ и главнѣйшемъ мѣстѣ въ нашемъ движеніи впередъ; очень малая начитанность; полнѣйшая увѣренность въ достоинствѣ собственной логики и въ непогрѣшимости самобытныхъ, хотя весьма немногихъ собственныхъ убѣжденій; неопредѣленное, но постоянное недовольство всѣмъ и всѣми; инстинктивное уклоненіе отъ общества и пребываніе въ узкихъ кружкахъ; причисленіе себя къ избраннымъ и весьма немногимъ; полнѣйшее незнаніе дѣйствительности; мизантропическій взглядъ на людей, скорая вѣра во все дурное; воззрѣніе на жизнь болѣе аскетическое или стоическое, чѣмъ современное...» (стр. 11—12). Въ этой тирадѣ многое, конечно, утрировано, преувеличено, но общій характеръ того времени схваченъ вѣрно и, дѣйствительно, служитъ признакомъ «юности» его, юношеской порывистости, увлеченія, самомнѣнія и вѣры въ свои силы...

Одна изъ главныхъ ошибокъ г. Страхова (а по его, неоднократно заявленному мнѣнію, это — одна изъ главныхъ его заслугъ) заключается въ томъ, что онъ называетъ Писарева и другихъ «крайнихъ» публицистовъ «Русскаго Слова» выводомъ изъ Добролюбова и Чернышевскаго — и на этомъ основаніи строитъ сужденія весьма опрометчивыя и ложныя. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ ли разсуждалъ и противоположный лагерь, причисляя славянофиловъ къ мракобѣсному «Маяку» и позднѣе того же г. Страхова къ журналистамъ въ родѣ пресловутаго Аскоченскаго. «Маякъ» называлъ Пушкина и Лермонтова безнравственными и бездарными — отсюда для характеристики славянофиловъ ничего не слѣдуетъ, хотя у нихъ было и нѣчто общее съ «Маякомъ» — мысль о «гніеніи Запада»; точно также, если Писаревъ и К° прилагаютъ—по пословицѣ «крайности сходятся»—Пушкину тѣ же упреки, что и «Маякъ», изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что тоже думали о великомъ поэтѣ Добролюбовъ и Чернышевскій, даже принимая во вниманіе указаніе ихъ на безсодержательность его поэзіи: вспомнимъ, что разъ уже Чернышевскій и въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ въ «Современникѣ» и въ отдѣльно изданной брошюрѣ «А. С. Пушкинъ» отзывается о поэтѣ вездѣ съ величайшимъ уваженіемъ и называетъ его великимъ безъ всякихъ ковычекъ (какъ это дѣлалъ Писаревъ). Это же нужно сказать и о Добролюбовѣ.

Поэтому, никакъ нельзя согласиться съ сужденіями г. Страхова въ слѣдующей статьѣ «Еще о петербургской литературѣ — письмо къ редактору «Времени» по поводу двухъ современныхъ статей». Статьи эти — «Схоластика XIX вѣка» Писарева и «О причинахъ паденія Рима» Чернышевскаго. Г. Страховъ, на основаніи этихъ статей, говоритъ, что первый — отрицаетъ философію, а второй — исторію, что у насъ «отрицаніе авторитетовъ» не происходитъ во имя чего-нибудь общаго, не во имя другого авторитета, а просто происходитъ отъ нашей «самобытности». Посмотримъ, на сколько это справедливо. Не приводя, за недостаткомъ мѣста, всѣхъ выдержекъ изъ статьи Писарева, мы ограничимся самымъ существеннымъ. «Ополчаться всѣми силами противъ отвлеченности мы имѣемъ полное право, говоритъ Писаревъ,—во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ хаотическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ — явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

развитія представляетъ, конечно, одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты?..... истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что̀ осязательно, что̀ можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, то пойметъ и десятилѣтній мальчикъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ, и ученый спеціалистъ» (стр. 19—20). Къ этимъ безмѣрно-наивнымъ строкамъ прибавимъ еще нѣсколько изъ другого мѣста той же статьи: «Философскіе вопросы, говоритъ Писаревъ, останутся непонятными для человѣка, одареннаго простымъ здравымъ смысломъ и не посвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служитъ самымъ разительнымъ доказательствомъ (!) незаконности, или вѣрнѣе, полнѣйшей безполезности подобныхъ умственныхъ упражненій» и т. д. (стр. 33). Изъ этихъ словъ г. Страховъ выводитъ, что̀ Писаревъ здѣсь отрицаетъ философію. Заключеніе вѣрное, тѣмъ болѣе, что тутъ отрицается не только философія, но и вообще всякія науки: ни десятилѣтній мальчикъ, ни простой мужикъ, ни свѣтскій человѣкъ не поймутъ, намъ кажется, не только философію (даже и позитивной — во всемъ ея смыслѣ), но и астрономіи, и филологіи, и исторіи, и пр.; не поймутъ они и Шекспира, и Гете, и Данте и пр.

За то совершенно невѣрно заключеніе г. Страхова, что Чернышевскій отрицаетъ исторію. Выводится это изъ слѣдующихъ словъ Чернышевскаго: «Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говоримъ: исключительно волненіемъ, которое овладѣло всѣми кочевыми племенами отъ Рейна до Амура. Тутъ было ни больше, ни меньше, какъ погибель страны отъ наводненія. Никакой внутренней необходимости смерти не было. Напротивъ, жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель имперіи такая же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи» (стр. 28—29). Можно, конечно, и даже должно спорить, палъ ли Римъ отъ варваровъ или отъ внутренняго разложенія, но на основаніи того, что такъ объясняется этотъ фактъ, какое бы значеніе ни придавалъ ему г. Страховъ, — отнюдь нельзя вывести, что тутъ отрицается исторія, «такъ какъ отрицается смыслъ величайшаго событія». Небезъизвѣстно, что Чернышевскій переводилъ Шлоссбера и Вебера, писалъ самъ историческія статьи — какъ же хоть это согласить съ его «отрицаніемъ исторіи». Какъ будто въ исторіи только и свѣту въ окошкѣ, что паденіе Римской имперіи...

Мы нарочно остановились на этой статьѣ г. Страхова подольше, такъ какъ она и обширнѣе и несправедливѣе другихъ; дальше пойдемъ быстрѣе.

Въ слѣдующей статьѣ «Нѣчто о полемикѣ» нельзя не согласиться съ слѣдующими словами г. Страхова: «...общій фактъ тотъ, что наша изящная литература развивается въ настоящее время помимо критики. Если посмотрѣть хорошенько, то наша изящная литература представляетъ богатое развитіе... Частенько критика пробовала свистѣть на нашихъ творческихъ писателей, но это свистѣнье не имѣло никакого вліянія на значеніе ихъ въ публикѣ и на ихъ развитіе. Сила беретъ свое» (стр. 54). Съ этимъ трудно спорить, нужно только, впрочемъ, оговориться, что къ тому времени, къ которому относятся эти слова (1861 г.), они не вполнѣ примѣнимы, но за то всецѣло относятся ко второй половинѣ 60-хъ годовъ и, въ огромной степени, къ 70-мъ годамъ и далѣе: Л. Толстой, Тургеневъ, Достоевскій и др. развивались вполнѣ независимо... Приведемъ еще хорошее замѣчаніе изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этой статьи о нетерпимости и фанатизмѣ: «Недурно бы было, если бы люди убѣжденій убѣдились, что однихъ убѣжденій мало, что и убѣжденіе, какъ и все на свѣтѣ, можетъ быть зломъ, что, напримѣръ, вмѣсто плодотворной борьбы идей, оно порождаетъ слѣпоту и глухоту, при которой только и возможенъ свистъ и личная полемика» (стр. 58). Въ другомъ мѣстѣ сборника, по поводу статьи «Литературные рабочіе» (въ «Современникѣ»), въ которой проповѣдуется мысль объ уничтоженіи книгъ и журналовъ противнаго образа мыслей, г. Страховъ сравниваетъ такой фанатизмъ съ разсужденіемъ калифа Омара объ александрійской библіотекѣ и потомъ говоритъ: «какъ же я стану ему (фанатику своихъ убѣжденій) доказывать, что чѣмъ больше у насъ книгъ и журналовъ, тѣмъ лучше для литературы? Что тѣмъ свободнѣе и многостороннѣе можетъ выражаться каждая мысль? Что тѣмъ большій просторъ дается всѣмъ талантамъ, всѣмъ способностямъ? Что тѣмъ легче публика можетъ цѣнить и поощрять писателей?» (стр. 92—93). «Не будемъ же стѣснять жизнь, говоритъ онъ, не будемъ ее насиловать. Пусть свободно разростается» (стр. 101). За такія мысли г. Страховъ заслуживаетъ не порицанія, а уваженія...

Странны утвержденія г. Страхова, что статьи Писарева «замѣчательны своей холодностью (стр. 106), а статьи «Современника» (1862 г.) «безцвѣтныя, безсвязныя, вялыя статьи» (стр. 131). Но параллель, проведенная имъ между Писаревымъ и Чернышевскимъ, очень любопытна, и до извѣстной степени вѣрна, если откинуть конецъ, повторяющій его любимую мысль: «г. Чернышевскій—догматикъ, твердо держащійся извѣстныхъ идей; г. Писаревъ—критикъ и скептикъ, все подвергающій сомнѣнію и анализу. Г. Чернышевскій—аргументаторъ, желающій убѣждать читателей строгими логическими выводами; г. Писаревъ — свистунъ, избравшій своимъ главнымъ оружіемъ — брань и насмѣшку. Г. Чернышевскій полагаетъ, что онъ строитель; г. Писаревъ прямо говоритъ, что онъ разрушитель. Г. Чернышевскій смѣлъ и откровененъ, г. Писаревъ еще смѣлѣе и откровеннѣе; г. Чернышевскій есть основаніе и начало, г. Писаревъ—выводъ и конецъ» (стр. 103).

У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, мѣста останавливаться на интересной полемикѣ г. Страхова съ г. Антоновичемъ, съ «Искрой» (о милостинѣ и регламентированной благотворительности). Здѣсь много мыслей очень вѣрныхъ, остроумныхъ, много очень характернаго для того времени. Безпристрастіе и умъ нашего писателя видны всюду. Насколько онъ безпристрастенъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ его словъ, до которыхъ многіе и теперь не могутъ додуматься: «...нигилисты, а также и нигилистки, составляютъ едва ли не лучшую полосу современныхъ людей. — Признаемся, что мы вообще считаемъ людей за весьма плохой народъ: они большей частью своекорыстны, завистливы, мелочны, тщеславны, самолюбивы и проч., и проч. Нигилисты выгодно отличаются отъ общей массы. Они просты, серьозны, ищутъ дѣла и занимаются дѣломъ, презираютъ мелочи; у нихъ нѣтъ той фальшивой наружности, о которой такъ много хлопочутъ другіе; поэтому, приходя въ соприкосновеніе съ ними, невольно чувствуешь свѣжее впечатлѣніе живой души» (стр. 200). Это говоритъ противникъ нигилизма. А какъ судили другіе?... Съ горячимъ сочувствіемъ привѣтствуетъ г. Страховъ и эмансипацію женщинъ, устройство «Общества женскаго труда», переплетной и пр. (въ замѣткѣ: «О женскомъ трудѣ» стр. 390—401). Въ полемикѣ «Русскаго Вѣстника» съ естественными науками онъ защищаетъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

послѣднія и возражаетъ противъ увлеченія классицизмомъ; мысли о томъ, всѣхъ или нѣтъ нужно воспитывать одинаково, онъ называетъ «нечестивыми и кощунственными» («Споръ объ общемъ образованіи» — стр. 270—291). Впрочемъ, трудно останавливаться на всѣхъ интересныхъ и вѣрныхъ сторонахъ сборника г. Страхова, какъ это ни важно въ виду составившагося предубѣжденія къ «одному изъ самыхъ изящныхъ писателей нашихъ», какъ выразился о немъ не такъ давно г. Бестужевъ-Рюминъ.

Что касается до другого сборника — «Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ», то онъ вышелъ уже вторымъ изданіемъ и потому мы не будемъ много говорить о немъ. Отмѣтимъ только въ первой статьѣ («Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова»—стр. 1—60), странный взглядъ г. Страхова на таланты: онъ доказываетъ, что преемственной, генетической связи въ появленіи и развитіи писателей не бываетъ, а существуетъ зависимость только отъ современной писателю эпохи—можно ли спорить съ подобными заявленіями нынѣ? Отмѣтимъ также пристрастіе автора къ Карамзину: смѣшно говорить, что онъ серьезно любилъ изучать Европу—все дѣло ограничивалось сантиментальными восторгами предъ «властелинами нашихъ думъ». Оттого такъ легко произошла и реакція въ Карамзинѣ послѣ французской революціи...

Упомянемъ еще о статьѣ «Роковой вопросъ», впервые помѣщенной въ этомъ изданіи. Она написана по поводу польскаго возстанія 1863 г. и проникнута самыми симпатичными идеями.

Кромѣ того, новое также въ этомъ сборникѣ представляютъ полемическіи статьи г. Страхова поповоду книгъ Н. Я. Данилевскаго: «Наша культура и всемірное единство»—защита «Россіи и Европы» противъ статьи г. Вл. Соловьева; далѣе—«Полное (?) опроверженіе дарвинизма» и др.—полемика съ гг. Тимирязевымъ, Фаминцынымъ и др. Ни та, ни другая полемика, какъ извѣстно, еще не окончены, но все-таки составляютъ любопытный «фактъ времени»... Ар. М.

Какъ училъ о крестномъ знаменіи всероссійскій патріархъ Іовъ (1889 г.). По поводу «бесѣды о перстосложеніи» преосв. Никанора. Соч. профессора Н. И. Барсова. Спб. 1890.

Такіе вопросы, какъ о перстосложеніи считаются обыкновенно маловажными. Но если принять во вниманіе, что изъ-за этого вопроса, между прочимъ, многомилліонныя массы русскаго народа упорно обособляются отъ общаго хода и строя общественной и государственной жизни въ Россіи, то едва ли такой взглядъ на него можно признать правильнымъ. Преосвященный Никаноръ издалъ въ 1890 году цѣлую книгу по этому предмету, надъ которою работалъ, по его словамъ, около 40 лѣтъ (съ промежутками). Археологическое изслѣдованіе г. Барсова, вызванное книгой преосвященнаго Никанора, имѣетъ и практическое значеніе, такъ какъ представляетъ новое рѣшеніе спорнаго между раскольниками и православными вопроса.

На основаніи посланія Іова и другихъ данныхъ, авторъ доказываетъ, что до самого московскаго собора 1666—67 года отнюдь не существовало каноническаго опредѣленія о перстосложеніи, и всѣ виды его—одноперстье, двуперстье и троеперстье—практиковались въ тѣхъ или иныхъ помѣстныхъ церквахъ ad libitum.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Это совершенно новая точка зрѣнія на вопросъ, такъ какъ обѣ спорящія стороны доселѣ доказывали, что извѣстный видъ перстосложенія—по мнѣнію раскольниковъ двуперстіе, а по мнѣнію православныхъ—троеперстіе, имѣетъ съ древнѣйшихъ временъ каноническое или догматическое значеніе. Если мнѣніе г. Барсова будетъ принято спеціалистами, оно составитъ значительный шагъ впередъ въ рѣшеніи спора и можетъ послужить исходнымъ пунктомъ соглашенія раскольниковъ съ православными по этому спорному вопросу. Д. Г.

Бродячая вольница, хроника-романъ первой половины XVIII столѣтія, А. А. Голубева, въ двухъ книгахъ. Москва. 1891.

Романъ А. А. Голубева, впервые появившійся въ журналѣ «Гусляръ», съ первыхъ же главъ поразилъ насъ своею необыкновенною оригинальностью, своимъ замѣчательнымъ языкомъ и тою историческою правдою, которая ярко сквозила во всѣхъ лицахъ, во всѣхъ событіяхъ, во всей бытовой обстановкѣ, въ которую почтенный авторъ вставляетъ простую, незатѣйливую интригу своего романа. Прочитавъ эти первые главы, мы сразу поняли, что авторъ—не просто беллетристъ, занимающійся разработкой историческихъ темъ только потому, что историческіе романы въ модѣ и оплачиваются лучше иной беллетристики... Нѣтъ! мы угадали въ г. Голубевѣ человѣка глубоко-ученаго, превосходно знакомаго съ русской стариной и народностью, и притомъ знакомаго не по книжкамъ, не по учебникамъ и сборникамъ—а по живому, непосредственному обращенію съ архивнымъ матеріаломъ, въ которомъ онъ много и много лѣтъ рылся, по живому общенію съ народомъ, который онъ изучалъ и наблюдалъ, какъ «свой» человѣкъ и какъ страстный изслѣдователь... Оттуда—изъ груды пыльныхъ актовъ и изъ яркой, ключемъ бьющей жизни народа въ нашемъ Поволжьѣ, г. Голубевъ заимствовалъ и свой удивительный, образный языкъ, привлекающій своею нѣсколько грубоватою прелестью, поражающій своею необычайной силою и мѣткостью... Читаешь «Бродячую вольницу» и чувствуешь, что этотъ романъ написанъ человѣкомъ, который не почерпалъ ни «словечекъ», ни пословицъ изъ Даля, не вычитывалъ народныхъ повѣрій и обычаевъ изъ Снигирева и Терещенки:—онъ прямо черпалъ ихъ изъ неистощимой сокровищницы своего наблюденія, своего знанія, и распоряжается этою сокровищницею съ такою щедростью, къ которой способенъ только русскій авторъ... Въ одномъ романѣ г. Голубевъ затратилъ такой богатый и огромный матеріалъ, котораго для любого изъ нашихъ историческихъ романистовъ хватило бы на всю жизнь—на цѣлую дюжину романовъ...

Область, изъ которой г. Голубевъ почерпнулъ содержаніе своего романа «Бродячая вольница», до сихъ поръ не была еще никѣмъ затронута—оставалась замкнутою для нашихъ романистовъ. Это—народная жизнь прошлаго вѣка, неофиціальная и не столичная, а захолустная, туго подчиняющаяся новымъ законамъ и новымъ порядкамъ. Изъ этой жизни авторъ взялъ, покамѣстъ, только одинъ любопытнѣйшій уголокъ: бурлачество, въ связи съ разбойничествомъ и расколомъ. На этой, богатѣйшей и дѣвственной литературной почвѣ, авторъ набросалъ намъ нѣсколько яркихъ, сильныхъ, полныхъ жизни характеровъ, заимствованныхъ имъ не изъ воображенія, а

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изъ мрачной и кровавой дѣйствительности современныхъ актовъ XVIII вѣка... Авторъ передаетъ намъ похожденіе этихъ лицъ съ поразительною, почти эпическою простотою; читать ихъ и жутко, и страшно, потому что они, несмотря на свою несомнѣнную связь съ живою дѣйствительностью, представляются намъ какою-то невѣроятною, фантастическою сказкою. Особенно поражаетъ въ романѣ г. Голубева его главный герой, Подшивалка—попъ-растрига, силою разныхъ неблагопріятныхъ условій вынужденный укрываться и бѣжать изъ родного города. Онъ поступаетъ сначала въ бурлаки на Волгѣ, а потомъ около него образуется своя разбойничья артель, въ которой онъ становится атаманомъ. Типъ этого богатыря выработанъ авторомъ превосходно и притомъ такъ, что внѣшняя эпопея его невольныхъ разбойничьихъ подвиговъ не загораживаетъ нимало внутреннюю жизнь и дѣятельность его простой, доброй, истинно-русской души.

Привѣтствуя романъ г. Голубева въ отдѣльномъ изданіи, мы полагаемъ, что почтенный авторъ не закончитъ имъ такъ удачно начатую дѣятельность историческаго романиста и подаритъ насъ въ близкомъ будущемъ такими же замѣчательными произведеніями, полными жизненной правды и глубокаго знанія.

П. Полевой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Изъ мемуаровъ барона Гаусмана: погоня за титулами выскочекъ второй имперіи; карьера Гаусмана и его дѣятельность въ пользу Наполеона III; наканунѣ декабрьскаго переворота; «гаусманизація» Парижа и ея статистика.—Отецъ Фридриха Великаго, его частная жизнь и характеръ. — Дэзире-Клари-Бернадоттъ: невѣста Бонапарта; разрывъ Дэзире съ Бонапартомъ; отзывъ Наполеона I о Бернадоттѣ; отеческія отношенія Бернадотта къ женѣ; Дэзире въ Парижѣ и Стокгольмѣ.—Георгіевскій крестъ, пожалованный императоромъ Александромъ I Альвенслебену.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ барона Гаусмана. Послѣдовавшая надняхъ въ Парижѣ кончина барона Гаусмана, 17 лѣтъ (съ 1853 по 1870 годъ) бывшаго сенскимъ префектомъ, преобразователемъ Парижа и магнатомъ второй имперіи, преданнѣйшимъ Наполеону III и бонапартизму, привлекаетъ вниманіе къ недавно появившимся его мемуарамъ. Эти мемуары могутъ показаться вообще довольно скучноватыми,—педантичность и обстоятельность всѣхъ записей ихъ не во вкусѣ французовъ, пикантнаго и забавнаго въ нихъ нѣтъ ничего. Но за то въ нихъ есть не мало любопытнаго для исторіи Парижа и объ отношеніяхъ Гаусмана къ Наполеону III. Гаусманъ, конечно, не могъ сказать о своемъ преобразованіи Парижа, какъ нѣкогда римскій цезарь сказалъ о Римѣ: «я нашелъ городъ каменнымъ, а оставляю его мраморнымъ». Но онъ преобразилъ Парижъ изъ города съ кривыми и угловатыми средневѣковыми переулками въ новѣйшій городъ, залитый солнцемъ, въ «lumière du monde».

Баронскій титулъ Гаусманъ наслѣдовалъ отъ дѣда по матери, но изъ этого титула онъ не дѣлалъ никакого употребленія въ теченіе 48 лѣтъ. Только въ 1857 году, когда его назначили сенаторомъ, секретаріатъ французскаго сената сталъ его величать «барономъ». Сенатъ въ то время большое значеніе придавалъ рангамъ и титуламъ и при всякомъ случаѣ подчеркивалъ свой аристократическій характеръ. Со времени первой имперіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

во Франціи существовало постановленіе, въ силу котораго съ кресломъ сенатора соединялся наслѣдственный графскій титулъ. Почти полвѣка это постановленіе оставалось безъ примѣненія, но затѣмъ какой-то бумажный червь выкопалъ его изъ архивной пыли и въ надеждѣ на милости и награды сообщилъ о немъ сенаторамъ Наполеона III. Тѣ поспѣшили украсить свои визитныя карточки графскимъ титуломъ и девятизубчатой короной. Эти-то коллеги и настояли на томъ, чтобы Гаусманъ не забывалъ о своемъ баронствѣ. Погоня за титулами выскочекъ второй имперіи дала поводъ Гаусману однажды недурно сострить. Вскорѣ послѣ пожалованія Макъ-Магону титула герцога, нѣсколько прихвостней Тюльери замѣтили Гаусману: «вамъ бы уже давно слѣдовало быть герцогомъ».

— Герцогомъ чего и какого мѣста?

— Ну, герцогомъ Парижа.

— О, Парижъ только графство, и у него есть обладатель королевской крови.

— Ну, въ такомъ случаѣ, герцогомъ Булоня, Венсеня, Дюисъ (названіе рѣченки, которою Гаусманъ воспользовался для снабженія Парижа водой для питья).

— Если Дюиса, то одного «duc» (герцога) недостаточно.

— Чего же вамъ еще нужно? Неужели князя?

— Нѣтъ, меня надо сдѣлать «aqueduc» (водопроводъ).

Императоръ, узнавъ объ этой остротѣ, много смѣялся и при ближайшей встрѣчѣ сказалъ Гаусману: «знаете ли, герцогомъ вы не хотите быть, а аквадукомъ я не могу васъ назначить. Я придумалъ для васъ иное отличіе». И Наполеонъ III далъ названіе «Гаусманъ» одному изъ красивѣйшихъ новыхъ бульваровъ Парижа.

Гаусманъ сперва учился въ консерваторіи, потомъ бросилъ ее и сталъ готовиться къ юридической карьерѣ. Вспыхнула іюльская революція. Случилось такъ, что этотъ студентъ 21 года при уличной схваткѣ былъ загнанъ толпой въ опасный пунктъ и потому прослылъ тогда за храбрѣйшаго изъ іюльскихъ борцовъ, хотя онъ не имѣлъ при себѣ оружія и ни разу не выстрѣлилъ. При раздачѣ добычи онъ получилъ въ награду мѣстечко—секретаря префектуры Вьенскаго департамента. При іюльской монархіи, не смотря на хорошее начало и семейныя связи, онъ не далеко пошелъ. Во время февральской революціи онъ послѣ 18-лѣтней службы числился только субъ-префектомъ. Онъ подалъ въ отставку и нѣсколько мѣсяцевъ выжидалъ, какой оборотъ примутъ дѣла. Потомъ онъ служилъ въ Жирондѣ, когда 10-го декабря 1848 года Франція выбирала себѣ президента. Этотъ департаментъ, считавшійся «дурнымъ», т. е. республиканскимъ и враждебнымъ диктатурѣ, далъ 104,000 голосовъ, т. е. 78 процентовъ всего числа голосовъ въ пользу Луи Наполеона Бонапарта. Такое усердіе Гаусмана къ услугамъ восходившей звѣзды не осталось незамѣченнымъ и безъ возмездія. Президентъ Наполеонъ назначилъ его префектомъ Варскаго департамента, гдѣ господствовали демагоги.

Въ три года, протекшіе со времени выбора Луи Наполеона президентомъ республики до декабрьскаго переворота, Гаусманъ имѣлъ нѣсколько случаевъ отличиться. Въ Варскомъ департаментѣ онъ немилосердно расправлялся съ республиканцами; перемѣщенный затѣмъ въ Йонскій департаментъ, онъ во время объѣзда Франціи президентомъ, подготовлявшимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

имперію, пріучалъ населеніе кричать: «да здравствуетъ императоръ!» Луи Наполеона сопровождали тогда такъ называемыя «бѣлыя блузы», которыя всюду, какъ статисты, представляли собою народъ, кричавшій: «Vive l'Empereur!» и съ дикимъ гиканьемъ накидывались на неподготовленныхъ республиканцевъ, которые позволяли себѣ отвѣчать «бѣлымъ блузамъ» иными возгласами. Гаусманъ въ своемъ департаментѣ отличился блестящимъ пріемомъ президенту. Въ концѣ ноября 1851 года онъ получилъ извѣщеніе о назначеніи его префектомъ Жиронды, но предварительно его пригласили явиться въ Парижъ.

Вечеромъ, 1-го декабря, онъ былъ въ Елисейскомъ дворцѣ, нашелъ тамъ большое общество, но не зналъ, что затѣвается. Наполеонъ подошелъ къ нему и сказалъ: «теперь я вамъ не могу сказать, почему я назначаю васъ въ Бордо. Но я желаю, чтобы вы отправились туда немедленно. Пріѣзжайте завтра рано утромъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ за инструкціями». Гаусманъ, откланявшись, хотѣлъ уже уходить, но президентъ вернулъ его и шепнулъ: «Еще лучше, приходите въ министерство до разсвѣта». «И онъ,— разсказываетъ далѣе Гаусманъ,—пожалъ мнѣ руку особеннымъ образомъ. Я понималъ, что готовится нѣчто важное, но что же именно? Я вернулся въ первый залъ. Де-Ториньи (министръ внутреннихъ дѣлъ) стоялъ у камина. Онъ думалъ, что я хочу его благодарить за перемѣщеніе, и встрѣтилъ меня словами: «вы обязаны этимъ лично президенту». Принцъ—сказалъ я,—поручилъ мнѣ рано утромъ завтра быть у васъ за спеціальными инструкціями и немедленно отправляться.— «Но я не имѣю для васъ никакихъ особыхъ инструкцій», возразилъ министръ. — «Господинъ министръ, замѣтилъ Гаусманъ, приказаніе принца было такъ не двусмысленно, что я долженъ повиноваться безусловно. Полагаю, что его высочество поставитъ васъ въ извѣстность относительно моей миссіи въ Бордо».

«На слѣдующее утро въ 5 часовъ я уже сидѣлъ въ экипажѣ. На улицахъ я встрѣтилъ значительные отряды войска. Въѣздъ въ министерство былъ открытъ, на дворѣ я увидалъ батальонъ пѣхоты. На лѣстницѣ меня окружили всѣ слуги. «Вотъ и вы, г. Гаусманъ!»

— Вамъ угодно видѣть министра?—спросилъ одинъ изъ нихъ, служившій прежде у графа Дюшателя.

— Да, немедленно.

— Но какого? г. Ториньи или графа де-Морни?

Послѣднее имя все разъяснило Гаусману. Онъ просилъ доложить о себѣ Морни. «Открылась дверь кабинета и графъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями».

— И такъ, вы на нашей сторонѣ, г. Гаусманъ?—сказалъ графъ.

— Я еще не знаю, въ чемъ дѣло, графъ, но я служу принцу, и располагайте мною.

Морни никогда не забывалъ этого отвѣта. Онъ разсказалъ Гаусману, что послѣ пріема въ Елисейскомъ дворцѣ наканунѣ рѣшенъ государственный переворотъ. Онъ далъ прочесть прокламацію принца, которую только-что вывѣсили на стѣнахъ Парижа, и сообщилъ о принятыхъ уже мѣрахъ. Въ то время, когда они бесѣдовали, оппозиціонные члены палаты депутатовъ уже сидѣли за рѣшеткой и запорами.

Въ Бордо Гаусману пришлось подавлять уличное возстаніе, назначать «смѣшанныя комиссіи», республиканцевъ сажать по тюрьмамъ, преслѣдо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вать, изгонять, высылать въ Ламбессу и Кайену подъ «сухую гильотину». Все это онъ дѣлалъ съ энергіей и воодушевленіемъ и въ награду за свою отлично-усердную службу Наполеонъ черезъ 15 мѣсяцевъ назначилъ его главою сенской префектуры.

Задача его въ Парижѣ заключалась въ томъ, чтобъ расположить къ новому режиму вѣчно внушавшія опасенія рабочее населеніе и буржуазію. Онъ и здѣсь оказался на своемъ мѣстѣ. Онъ началъ колоссальныя работы, которыя доставляли заработокъ въ теченіе почти двухъ десятилѣтій сотнямъ тысячъ поденщиковъ и ремесленниковъ, вызвали къ жизни бѣшеную спекуляцію, создали крупныя состоянія и преобразили Парижъ изъ конца въ конецъ. Какой-нибудь штрихъ краснымъ карандашемъ на планѣ Парижа, и толпа рабочихъ устремлялась въ старый кварталъ, сносила дома и улицы и воздвигала дворцы съ пышными, безвкусными украшеніями, бьющими на показъ—стиль весьма характерный для того времени внѣшняго блеска и наживы, напыщенныхъ выскочекъ, съ дерзкой наглостью рвавшихся блеснуть своей расточительностью передъ улицей и невѣжественной толпой.

«Гаусманизація» Парижа имѣла и свои хорошія стороны. Большія прямыя улицы сдѣлали удобнымъ сообщеніе, затруднили уличныя возстанія, хотя спеціалисты по части баррикадъ, бланкисты, и потѣшались не мало когда заходила рѣчь объ этой сторонѣ «гаусманизаціи». Въ Парижѣ стало больше воды, больше воздуха, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ, и смертность тамъ понизилась съ 28 до 22 на тысячу. Оборотной стороной медали явился долгъ на городѣ въ полтора милліарда, съ которымъ не раздѣлалось еще и современное поколѣніе..

Счеты Гаусмана никогда не оглашались. Они погибли во время пожаровъ коммуны. Тѣмъ интереснѣе сообщенныя въ мемуарахъ Гаусмана данныя о перестройкѣ Парижа. На «обновленіе Парижа» истрачено 2.553.668,424 франка, изъ нихъ $1^1/_2$ милліарда приходится на проложеніе новыхъ улицъ и дорогъ въ Парижѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Съ 1853 по 1870 годъ снесено 19,722 дома, перемѣщены 117,553 семьи съ 350,000 душъ. Половина зданій была отчуждена, вторая «добровольно» продана. Но взамѣнъ того произведено было новыхъ построекъ и перестроекъ въ Парижѣ 43,777 и въ предмѣстьяхъ—58,710

Въ то время выгодно было дружить съ Гаусманомъ. Можно было заблаговременно заглянуть въ планъ и въ пунктахъ, отмѣченныхъ краснымъ карандашемъ, покупать дома, чтобъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ взять за нихъ вдесятеро дороже изъ городскихъ средствъ. Но нельзя же было всѣмъ угодить, и, такимъ образомъ, у Гаусмана явилось враговъ больше, чѣмъ друзей. Его это не тревожило. Онъ зависѣлъ непосредственно отъ императора, а этотъ дорожилъ имъ. Гаусманъ могъ распоряжаться деньгами, какъ хотѣлъ, ломать и строить, дѣлать займы и тайные долги. Все терпѣлось, пока рабочіе заработывали много денегъ, и въ наполеоновскіе дни кричали до охриплости «Vive l'Empereur!» Только когда вторая имперія задумала схватиться за свободу и назначила Оливье главою правительства, Гаусманъ долженъ былъ уйти. По свидѣтельству мемуаровъ, это случилось отъ того, что онъ не хотѣлъ подчиняться парламентскому министерству. А вѣроятнѣе всего, ему пришлось удалиться потому, что его считали однимъ изъ преданнѣйшихъ мамелюковъ имперіи и оппозиція ненавидѣла его за его посягательства на удобства и «человѣческія права» парижанъ. Послѣ паденія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

второй имперіи онъ вышелъ изъ сената и жилъ пенсіей въ 6,000 франковъ. Во всякомъ случаѣ, это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ и энергическихъ дѣятелей второй имперіи и много сдѣлалъ для города Парижа, который въ своемъ теперешнемъ республиканскомъ отвращеніи къ сенскому префекту недавно хотѣлъ было «Бульваръ Гаусманъ» лишить его названія.

Отецъ Фридриха Великаго, его частная жизнь и характеръ. Французскій историкъ Лависъ, котораго «Этюды по исторіи Пруссіи» удостоены преміи отъ парижской академіи наукъ, напечаталъ недавно этюдъ подъ заглавіемъ «Le père du grand Frédéric» (Отецъ Фридриха Великаго). Этюдъ составленъ на основаніи донесеній французскихъ посланниковъ при дворѣ Фридриха Вильгельма I, Роттенбурга и Ла-Шетарди. Эти донесенія хранятся въ архивахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Лависъ характеризуетъ этого короля въ его административной дѣятельности по отношенію къ внѣшней политикѣ и въ его частной жизни. Такъ какъ о первыхъ двухъ отдѣлахъ этюда въ «Историческомъ Вѣстникѣ» будетъ сказано особо, то здѣсь умѣстно коснуться частной жизни короля. Лависъ распространяется о томъ, что король считалъ охоту высшимъ наслажденіемъ, а театръ маріонетокъ своимъ излюбленнымъ искусствомъ. Затѣмъ мы узнаемъ, что̀ король ѣлъ, какъ неумѣренно пилъ онъ, отъ напитковъ авторъ переходитъ къ куренью, а отъ грубыхъ удовольствій въ табачной коллегіи—къ гнѣвному нраву Фридриха Вильгельма I. Ни одинъ капитанъ рабовладѣльческаго судна, по мнѣнію Лависа,—не наносилъ столько палочныхъ ударовъ, какъ этотъ государь. Въ кабинетѣ короля находилось нѣсколько толстыхъ палокъ для расправы съ тѣми, чьи отвѣты могли не понравиться королю. Однажды, онъ встрѣтилъ на улицѣ потсдамскаго пивовара:

— Почему ты продаешь такъ дорого свое пиво?

— Потому, что я сообразуюсь съ цѣной на ячмень. Если ваше величество позволите мнѣ привозить ячмень изъ Штральзунда, гдѣ онъ дешевъ, то я могу сбавить цѣну за пиво.

Въ награду за такой прямой отвѣтъ пивоваръ получилъ 20 палочныхъ ударовъ.

За придворнымъ обѣдомъ въ присутствіи 25 особъ и министровъ король спросилъ французскаго посланника: «если бы я угостилъ кого-нибудь изъ своихъ министровъ палками, донесли ли бы вы объ этомъ во Францію?»—«Надѣюсь—отвѣтилъ посланникъ,—что ваше величество не станетъ испытывать мою скрытность такимъ способомъ».

Извѣстныя по мемуарамъ данныя о болѣзненномъ состояніи короля, доводившемъ его до безобразныхъ дѣяній, дополняются Лависомъ изъ французскихъ рукописныхъ источниковъ. Король въ 10 часовъ вечера ходилъ гулять въ сопровожденіи пажей, несшихъ факелы; при этомъ онъ и его свита поднимали такой ревъ, что французскій посланникъ, если бы самъ не былъ очевидцемъ подобныхъ сценъ, принялъ бы ихъ за звѣрей, которыхъ гоняютъ на базаръ для продажи. Король цѣлыми часами молчалъ, и въ это время капали у него слезы изъ глазъ. Иногда по ночамъ онъ будилъ королеву, заявляя, что «ему приходятъ такія страшныя мысли и видѣнія, что онъ не можетъ спать и не знаетъ, куда ему дѣваться, чтобъ ему не казалось, что его всюду преслѣдуютъ и хотятъ убить». Когда случалась съ нимъ «черная меланхолія», то, по увѣренію французскаго посланника, онъ безпощадно билъ каждаго, кто къ нему подходилъ. «Затѣмъ отъ утомленія онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

падалъ въ кресло, и положивъ локти на столъ, съ неподвижнымъ взоромъ, въ теченіе двухъ часовъ сидѣлъ и глядѣлъ на входящихъ и выходящихъ, не произнеся ни слова». Лависъ считаетъ эти припадки короля слѣдствіемъ неумѣреннаго потребленія алкоголя, а отчасти объясняетъ ихъ безпокойной натурой Фридриха Вильгельма.

Подданные не любили короля съ такимъ нравомъ. Каждый трепеталъ передъ нимъ въ такія минуты, «когда его можно было сравнить развѣ съ помѣшаннымъ, держащимъ въ рукахъ бритву». Вербовка солдатъ безъ всякаго разбора, по словамъ Роттенбурга, возбуждала крайнее неудовольствіе въ странѣ. Король зналъ, что онъ не любимъ. Однажды, во время его болѣзни докторъ посовѣтовалъ ему не выѣзжать ежедневно на парадъ, король отвѣтилъ, что его сочтутъ за умершаго, если онъ не поѣдетъ. Онъ предпочиталъ быть дѣйствительно больнымъ, предполагая, что вѣрятъ въ его здоровье, нежели быть здоровымъ, но поселять въ публикѣ пріятную увѣренность, что онъ боленъ.

Дэзире-Клари-Бернадоттъ. Въ тѣ времена, когда сынъ адвоката могъ сдѣлаться королемъ, никого не удивляло, что дочери марсельскаго торговца шелковыми товарами досталось на долю дѣлить тронъ съ такимъ королемъ. Мы говоримъ о Бернадоттѣ, занявшемъ престолъ Густава-Адольфа и о женѣ его Дэзире, королевѣ Швеціи и Норвегіи. Судьба ей очень покровительствовала. Дэзире могла достигнуть еще болѣе головокружительной высоты, ибо она въ юности считалась невѣстой Наполеона I Бонапарта. Вотъ какъ это случилось.

Дэзире познакомилась съ будущимъ міровымъ властелиномъ черезъ брата его Жозефа, который въ родительскомъ домѣ ея совсѣмъ уже освоился и, повидимому, находился въ недоумѣніи, на комъ ему жениться: на Дэзире или на старшей ея сестрѣ. Тутъ Наполеонъ, уже въ то время отличавшійся рѣшительностью и быстротой соображенія, положилъ конецъ неопредѣленному положенію. Исходя изъ того основанія, что вполнѣ однородные характеры не пригодны для супружеской жизни, для нерѣшительнаго отъ природы, мягкаго Жозефа назначилъ онъ энергическую Юлію, которая въ августѣ 1794 года дѣйствительно и сдѣлалась его женой. Для себя же выбралъ болѣе кроткую Дэзире. «Такимъ образомъ, разсказывала потомъ Дэзире барону де-Гохшильду, своему камергеру, посвятившему ея біографіи книгу: «Désirée, reine de Suède et de Norvège», — стала я невѣстой Наполеона». Честолюбіе скоро увлекло его изъ Марселя, и первое время разлуки онъ часто переписывался съ Дэзире; но письма его, повидимому, были сожжены. Изъ ея любовныхъ посланій извѣстно также только одно, изъ котораго, во всякомъ случаѣ, явствуетъ глубокая преданность ея Наполеону, отъѣздъ котораго повергаетъ ее въ великую печаль. Все на бѣломъ свѣтѣ становится ей не мило. «Тебѣ извѣстно,—взываетъ она къ нему,— какъ я люблю тебя; но никогда не съумѣю я выразить этого такъ сильно, какъ я испытываю. Ни отсутствіе твое, ни разстояніе, ни на іоту не могутъ ослабить чувствъ, внушенныхъ мнѣ тобою; короче сказать, я твоя всецѣло».

Но эта безграничная любовь не помѣшала однако появленію замѣтнаго охлажденія по прошествіи года. И хотя, по увѣренію барона Гохшильда, плѣненный прелестями Жозефины Богарне, Наполеонъ яко бы самъ манкировалъ маленькой Дэзире, но сохранившіяся письма его къ своему брату Жозефу свидѣтельствуютъ совсѣмъ обратное. Не онъ, а любезная невѣста

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его охладѣла къ человѣку, которому она только-что готова была принадлежать всецѣло. Какъ же иначе можно объяснить брошенный ей упрекъ Наполеона, что во время путешествія своего въ Геную она, по всей вѣроятности, переѣхала рѣку Лету, ибо въ теченіе нѣкотораго времени вовсе ему не пишетъ. Онъ-де ничего не знаетъ, жива ли она вообще, требуетъ извѣстій о ней и проситъ передать «молчальницѣ» поклонъ. Наполеонъ, для дальнѣйшей своей карьеры считавшій необходимымъ имѣть при себѣ жену, обладавшую способностью представительства, въ это время серьезно хотѣлъ жениться на ней и просилъ Жозефа переговорить объ этомъ съ Дэзире и ея братомъ. На слѣдующій же день послѣ этого порученія, даннаго 5-го сентября 1795 года, онъ снова пишетъ Жозефу изъ Парижа: «Будь здоровъ, милый другъ. Забавляйся, все идетъ превосходно; веселись, помни о моемъ дѣлѣ, ибо я горю страстнымъ желаніемъ устроиться собственнымъ домомъ. Такъ какъ ты не живешь здѣсь и желаешь остаться въ чужихъ краяхъ, исторія съ Эжени (такъ иногда называлъ онъ Дэзире) должна быть или покончена, или заброшена на вѣки. Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта». Не соотвѣтствовалъ ли отвѣтъ его желаніямъ, или повидимому отвѣта вовсе не послѣдовало, только Наполеонъ сталъ свататься за богатую вдову Пермонъ. Когда же г-жа Пермонъ, которой Наполеонъ годился въ сыновья, въ виду именно этой разницы лѣтъ, отказала ему, онъ началъ добиваться благосклонности Жозефины Богарне, которую и повелъ къ алтарю въ мартѣ 1796 года. По словамъ Гохшильда, Дэзире склонили къ отказу родная мать и шуринъ Жозефъ Бонапартъ. Совершенно необъяснимо, почему Жозефъ такъ отдалялся отъ своего брата, хотя видѣлъ восходящую блестящую звѣзду его и этимъ новымъ союзомъ могъ только еще тѣснѣе связать Наполеона съ судьбой своей фамиліи. Но Жозефъ въ мемуарахъ своихъ упоминаетъ самъ, что онъ и жена были весьма расположены къ этой свадьбѣ, и разстройство ея обоихъ ихъ чрезвычайно огорчило.

Все остается покрыто полнѣйшимъ мракомъ; вся исторія разстройства этого брака тѣмъ болѣе непонятна, что, по словамъ г-жи Ремюза, Дэзире въ теченіе всей своей жизни сохранила къ Наполеону глубокое расположеніе, тогда какъ Жозефину, по свидѣтельству другихъ источниковъ, всегда ненавидѣла. На самомъ дѣлѣ, какъ обыкновенно бываетъ, что утраченное въ большинствѣ вызываетъ страстную потребность обладанія имъ, такъ, повидимому, и свадьба Наполеона навела Дэзире на сознаніе состоявшейся утраты. Тутъ въ ней является потребность оправдаться въ глазахъ Наполеона, и она приноситъ ему извиненіе за свое долгое молчаніе. «Если у меня нѣтъ больше ни вашей любви, ни вашей дружбы — пишетъ она ему, — я желаю сохранить за собою по крайней мѣрѣ ваше уваженіе—единственное утѣшеніе, остающееся на мою долю». Въ этомъ письмѣ, если только оно неподдѣльно, какъ утверждаетъ баронъ Гохшильдъ, и не явилось продуктомъ позднѣйшей фальсификаціи,— есть указанія на причину, повидимому послужившую поводомъ къ разрыву. «Вы разгнѣвались на меня, — пишетъ она ему, — за то, что я не отвѣтила на ваше послѣднее письмо. Каюсь, я была неправа, но неужели такой незначительный проступокъ заслуживалъ такого страшнаго гнѣва? Нѣкоторое недовольство и ревность были причиною перерыва моей переписки. Мнѣ сказали, что вы ухаживали за одной богатой и красивой дамой. и повидимому въ этомъ храмѣ явно преклонялись передъ вашей женой: это

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

извѣстіе раздражило меня противъ васъ и сдѣлалось причиной всего моего несчастія». Въ письмѣ этомъ, гдѣ Наполеонъ забрасывается упреками въ нарушеніи своего слова, въ забывчивости о взаимномъ соглашеніи, поводомъ къ разрыву приводятся обстоятельства, при ближайшей оцѣнкѣ не выдерживающія критики. Развѣ заслуживаетъ какого-либо резоннаго упрека молодой генералъ, который съ іюля по сентябрь 1795 года безпрерывно настаиваетъ на вѣстяхъ отъ «молчальницы»? Помимо оставленнаго Дэзире безъ отвѣта послѣдняго письма Наполеона, на всѣ его справки о ней не отвѣчала ли она въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ упорнымъ пренебреженіемъ? Не смотря на это, онъ твердо и рѣшительно, на сколько это вообще возможно, настаивалъ на ея рѣшеніи. И только послѣ этого періода посватался онъ къ Жозефинѣ, такъ что и съ этой стороны Дэзире гнѣваться не приходилось. Можно собственно подумать, что у нея есть свои основанія умалчивать о настоящей причинѣ загадочнаго ея поведенія.

Какъ бы тамъ ни было, это письмо Дэзире, повторяемъ, если только оно не поддѣльное, — принадлежитъ къ курьезнѣйшимъ изліяніямъ любящаго существа, которое сперва изъ ревности отвергаетъ предложенную руку, а затѣмъ любимаго, но отверженнаго человѣка осыпаетъ упреками, говоритъ ему при этомъ, что изъ любви къ нему она поклялась въ ненависти ко всѣмъ мужчинамъ и никогда ни единому изъ нихъ не отдастъ болѣе своего сердца.

Но, подобно многимъ своимъ подругамъ, Дэзире тверже въ принесеніи клятвъ, нежели въ приведеніи ихъ въ исполненіе. Въ началѣ, правда, она хочетъ показать силу характера, отказывая генералу Дюфо. Нѣчто подобное повторяется съ Жюно, будущимъ герцогомъ д'Абрантомъ, хотя въ данномъ случаѣ, явись Мармонъ не въ качествѣ повѣреннаго своего друга, а самъ въ качествѣ претендента на руку и сердце Дэзире, она легко забыла бы всѣ свои клятвы, ибо, по собственному ея заявленію, это былъ «такой красивый мужчина!» Одно это заявленіе свидѣтельствуетъ о легкой воспріимчивости ея натуры и, конечно, она не принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя какъ бы созданы для того, чтобы проводить жизнь за стѣнами уединеннаго монастыря, погруженными въ печальное размышленіе объ утраченномъ счастіи на землѣ.

Лицо, которому предстояло примирить ее съ міромъ, былъ генералъ Бернадоттъ. Онъ проситъ ея руки и ему, который, какъ она выражалась впослѣдствіи, все-таки представлялъ собою нѣчто иное, чѣмъ отверженные ею дотолѣ,—ему даритъ она свое сердце и благосклонность. Изъ мемуаровъ Жозефа Бонапарта ясно, что онъ настаивалъ на этомъ союзѣ, заключенномъ въ 1798 году, и именно въ тѣхъ видахъ, дабы нѣсколько болѣе расположить Бернадотта въ пользу брата, стремленія котораго не встрѣчали особой симпатіи со стороны этого генерала.

Бернадоттъ, бывшій во времена директоріи военнымъ министромъ, представлялъ собою одно изъ знаменательнѣйшихъ явленій той эпохи, кичливо выставлявшей на показъ свое ярое республиканское направленіе. Никто не опредѣлилъ его лучше самого Наполеона, противника его, въ паденіи котораго и онъ былъ не безучастенъ. «Бернадоттъ, выразился какъ-то Наполеонъ,—въ его жилахъ течетъ мавританская кровь; онъ смѣлъ и предпріимчивъ; онъ не любитъ меня, знаю даже, что онъ будетъ противъ меня; разъ задѣтый за честолюбіе, онъ будетъ считать себя вправѣ пойти на все; этотъ діаволъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

во плоти, по крайней мѣрѣ, мало чувствителенъ къ соблазну; онъ безкорыстенъ и уменъ». Таковъ былъ человѣкъ, который ввелъ Дэзире въ свой домъ въ качествѣ супруги. Интересно, что тотъ же Наполеонъ, такъ аттестовавшій Бернадота и самъ ранѣе претендовавшій на руку теперешней его жены, услышавъ объ этомъ бракѣ въ бытность свою въ Египтѣ, написалъ брату слѣдующія слова: «желаю Дэзире счастія, если она выходитъ за Бернадотта; она этого заслуживаетъ».

Бернадоттъ былъ вдвое старше своей жены. Находясь въ Вандеѣ, онъ писалъ ей нѣжныя письма, но черезчуръ отеческія, рекомендуя ей развить свое свѣтское образованіе уроками танцевъ и музыки. При этомъ мужъ преподаетъ женѣ житейскія правила въ родѣ слѣдующихъ: «я слишкомъ уважаю тебя, чтобъ быть ревнимымъ, но и достаточно люблю, чтобъ желать тебѣ счастья. Нельзя быть счастливой, когда тебя стѣсняютъ или слѣдятъ за тобой». Самъ Бернадоттъ былъ стоикомъ строгихъ правилъ. Дамы даже упрекали его за эту строгость нравовъ, которая въ сущности объяснялась его глубочайшимъ равнодушіемъ ко всему, что не касалось его честолюбивыхъ плановъ. «Отчего это»—однажды, съ видимымъ раздраженіемъ спросила супругу Бернодотта г-жа Рекамье—«вашъ мужъ, когда мы встрѣчаемся съ нимъ случайно наединѣ, всегда говоритъ только о политикѣ?». Дэзирэ не отвѣтила ничего. Ее мало интересовало отношеніе мужа къ дамамъ. Ей было понятно только одно, что онъ сдѣлался маршаломъ, а потомъ княземъ Понтекорво и что ей въ концѣ концовъ придется покинуть Парижъ, тогда какъ дворецъ ея въ rue d'Anjou казался ей земнымъ раемъ. До конца дней своихъ она не допускала прикасаться къ этому святилищу. И Наполеонъ III былъ настолько любезенъ, что, по желанію шведской королевы, отмѣнилъ снесеніе цѣлой улицы, когда Дэзире, уже будучи старухой, черезъ французскаго посланника въ Стокгольмѣ извѣстила императора, что она не можетъ согласиться на отчужденіе ея частной собственности.

При такой любви къ своей парижской обители, Дэзире не хотѣлось переселяться съ Бернадоттомъ въ Швецію. Но мужу, который очень рано предугадалъ неизбѣжность паденія Наполеона I, было весьма пріятно, что жена его въ Парижѣ передъ кризисомъ и во время его беззаботно вращалась въ кругу старыхъ и новыхъ знакомыхъ. Въ качествѣ «герцогини Готландской» она принимала у себя французовъ и шведовъ, соотечественниковъ и подданныхъ. Послѣ Реставраціи она оставалась въ Парижѣ до 1823 г. Ея переписка съ Бернадоттомъ утрачена, если не сожжена. Въ ней, кажется, шла рѣчь о судьбѣ принца Оскара, который былъ разлученъ съ матерью въ теченіе 13 лѣтъ.

Только черезъ пять лѣтъ по вступленіи на престолъ Бернадотта, только послѣ обрученія сына ея со старшей дочерью Евгенія Богарне, принцессой Жозефиной Лейхтенберской, Дэзире Бернадоттъ, урожденная Клари, переѣхала въ Стокгольмъ. Она помышляла навѣрное вернуться въ Парижъ, но король «Карлъ XIV Іоганнъ» не хотѣлъ слышать о разлукѣ. «Не смотря на мотивы, по которымъ высокіе супруги въ теченіе 25-ти-лѣтняго брака жили отдѣльно другъ отъ друга, Карлъ Іоганнъ оставался истинно преданнымъ своей женѣ. Кромѣ того, со времени вступленія на престолъ онъ призналъ, что и при его дворѣ необходимъ женскій элементъ. Королева осталась въ Стокгольмѣ и, по настоятельному ея желанію, была торжественно коронована. Этимъ дѣяніемъ завершилась ея жизнь, полная приклю-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ченій. Но ей пришлось еще вести тихое, монотонное существованіе, въ которомъ свѣтовыми обликами были ея воспоминанія о пребываніи въ Парижѣ и о первомъ, величайшемъ изъ ея обожателей.

Въ 1844 г. умеръ Бернадоттъ. Завѣтное желаніе Дэзире опять вернуться во Францію теперь могло быть исполнено, но тутъ помѣшалъ страхъ старухи передъ морской болѣзнью. Она пережила еще своего сына Оскара († 1859 г.), которому наслѣдовалъ ея внукъ Карлъ XV, и въ 1860 г. умерла 79-ти-лѣтней вдовой.

— Георгіевскій орденъ, пожалованный Александромъ I Альвенслебену. Германскій главный штабъ издалъ недавно описаніе Парижской битвы 1814 года на основаніи автографическихъ замѣтокъ покойнаго императора Вильгельма. Изданіе называется «Kaiser Wilhelm I und die Schlacht von Paris. 30-го März 1814». Вильгельмъ участвовалъ въ этой битвѣ, когда онъ былъ еще 17-лѣтнимъ принцемъ. И въ брошюрѣ идетъ рѣчь о подвигахъ прусской гвардейской бригады. Она 30-го марта 1814 г. потеряла 66 офицеровъ и 1,210 солдатъ убитыми и ранеными. Тогда особенно отличился молодой 27-лѣтній командиръ бригады полковникъ Альвенслебенъ. Въ то время, какъ монархи съ высоты близъ Ромэнвилля наблюдали битву гвардейцевъ, къ нимъ явился генералъ-адъютанъ императора Александра I, графъ Ожаровскій, и сообщилъ: «прусскіе гвардейцы дерутся какъ львы, а полковникъ фонъ-Альвенслебенъ—какъ ангелъ, съ хладнокровіемъ и несравненнымъ молодечествомъ». Услышавъ этотъ докладъ, императоръ Александръ снялъ съ себя Георгіевскій крестъ и сказалъ генералу: «отнесите этотъ крестъ храброму полковнику фонъ-Альвенслебену». Въ описаніи Михайловскаго-Данилевскаго похода 1814 г., не приведено этихъ словъ. Тамъ сказано, что передавалъ извѣстіе и орденъ графъ Орловъ, адъютантъ Наслѣдника престола и что императоръ Александръ снялъ орденъ не съ себя, а съ груди Наслѣдника. Это оказывается невѣрнымъ. Покойный императоръ Вильгельмъ помнитъ, что орденъ, пожалованный Александромъ I нѣмецкому полковнику, былъ не новый и «съ изъяномъ». И дѣйствительно, въ этомъ орденѣ, сохранившемся въ семьѣ Альвенслебена, недостаетъ эмали въ центральномъ полѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Новая біографія Тургенева.—Путешествіе въ Батумъ.—Фонвизинъ въ оцѣнкѣ Леже.—Петербургскія кореспонденціи въ швейцарскомъ журналѣ.—Осада Севастополя.—Нѣмецкія продѣлки съ переводами изъ Л. Н. Толстого.—Техника Достоевскаго съ нѣмецкой точки зрѣнія.—Англійскіе романы изъ русской жизни.—Историческіе романы: «Паризатида», «Византія», «Фонтенэ».

О ФРАНЦУЗСКОЙ Швейцаріи интересуются Россіею не менѣе чѣмъ во Франціи. Въ послѣднихъ книжкахъ «Всемірной Библіотеки» три статьи о Россіи, кромѣ обычныхъ писемъ изъ Петербурга. Дюранъ-Гревиль въ двухъ книгахъ разсказываетъ подробно жизнь Тургенева («Ivan Tourguénef»), и дѣлаетъ оцѣнку его характера и его произведеній. Очеркъ составленъ по статьямъ Анненкова, Стасюлевича и письмамъ самого Тургенева, и начинается съ цитаты изъ «Гамлета и Донъ-Кихота», переведеннаго для журнала еще въ 1879 году Луи Леже, но тщательно просмотрѣнной самимъ Тургеневымъ: «со смертью человѣка все уничтожается: его значеніе, величіе, геній, остаются только добрыя дѣла». Таковы слова цитаты, и авторъ вполнѣ примѣняетъ ихъ къ нашему писателю. Разсказывая, какъ старый другъ его Боголюбовъ передъ кончиною писателя поцѣловалъ его руку, по русскому обычаю, какъ у человѣка, котораго привыкли глубоко уважать, авторъ прибавляетъ: «Тургеневъ отнялъ руку, считая себя недостойнымъ этой чести, и прибавилъ:

— «Живите и любите человѣчество, какъ я всегда любилъ его». И это вся его біографія. Эту эпитафію можно было вырѣзать на его гробницѣ. Мы говоримъ это съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ: Иванъ Тургеневъ былъ добрый человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова, добрыя дѣла его проживутъ дольше, чѣмъ его книги».

Это заключеніе всякому покажется очень страннымъ. Значеніе Тургенева заключается вовсе не въ его добротѣ: добрыхъ людей на свѣтѣ очень много, а такихъ писателей, какъ Тургеневъ—мало. Да и вся жизнь его не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

представляетъ никакихъ примѣровъ особенной доброты, чтобы ее можно было предпочесть его произведеніямъ. Можно соглашаться или нѣтъ съ Гревилемъ, что книги писателя учили столько же доброму, какъ и прекрасному, но нельзя утверждать, что добрыя дѣла его — выше его книгъ. Это чистый парадоксъ и желаніе высказать оригинальное сужденіе о человѣкѣ, значеніе котораго давно уже признано всѣми. Въ разсказѣ о жизни Тургенева и разборѣ его повѣстей и романовъ Гревиль не высказываетъ ничего новаго. Напрасно только приводя вздорное мнѣніе Анненкова, что «Дворянское гнѣздо»—романтическая сказка, Гревиль прибавляетъ, что Тургеневъ давалъ исправлять свои сочиненія этому бездарному критику, писавшему дубоватымъ языкомъ. Сравненіе «Отцовъ и дѣтей» съ комедіей Ожье «Зять г. Пуарье», приводимое Гревилемъ, также очень неудачно: въ пьесѣ преобладаетъ комическій элементъ, тогда какъ романъ—произведеніе капитальное, имѣющее огромное значеніе. Мы сомнѣваемся также, чтобы г-жа Віардо участвовала въ переводахъ сочиненій Тургенева на французскій языкъ. Ни она, ни мужъ ея, не знали русскаго языка и писатель самъ диктовалъ буквально переводъ своихъ повѣстей, который потомъ обработывалъ литературнымъ языкомъ Луи Віардо. Многіе разсказы переведены Проспероме Мериме, Ксаверіемъ Мармье, Делево и Генрихомъ Гревилемъ. Дюранъ-Гревиль, авторъ статьи о Тургеневѣ, говоритъ, что подъ его руководствомъ и онъ перевелъ «Вешнія воды», «Новь» и съ десятокъ повѣстей. «Дымъ» критикъ называетъ фальшивымъ и нестройнымъ произведеніемъ, памфлетомъ противъ своего отечества. Фантастическіе разсказы его названы совершенно основательно—неудачною попыткою. Болѣе всего Гревиль распространяется о своемъ переводѣ «Вешнихъ водъ» и «Живыхъ мощей». Послѣдній разсказъ критикъ считаетъ лучшимъ произведеніемъ Тургенева и ставитъ выше «Войны и мира». Въ концѣ статьи — разборъ «Нови» и нѣсколько словъ о «Стихотвореніяхъ въ прозѣ». «Память его будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто любитъ прекрасное», говоритъ критикъ, забывъ уже о томъ, что въ первой статьѣ говорилъ о добрыхъ дѣлахъ. Все это весьма жидко и не даетъ вѣрнаго понятія о значеніи Тургенева.

— Какой-то ботаникъ, Эмиль Левье, описалъ въ трехъ книгахъ свое путешествіе отъ Ливорно до Батума («De Livourne à Batoum»). Больше всего авторъ говоритъ, конечно, о своей спеціальности, но у него много, кромѣ того, любопытныхъ замѣтокъ о плаваніи по Черному морю и о Батумѣ. Зданія въ Батумѣ выстроены большими квадратами, какъ въ Туринѣ. Но вездѣ большія недостроенныя пространства, многія улицы заросли травою и на нихъ стоятъ огромныя лужи. Лучшій отель въ городѣ, гдѣ останавливаются путешественники, «Франція», но цѣны въ немъ такія же дорогія, какъ въ гостинницахъ европейскихъ столицъ. Городъ освѣщенъ керосиномъ, почти свободно текущимъ отъ Баку на Каспійскомъ морѣ до Батума на Черномъ. Флора окрестностей не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, хотя различается даже отъ трапезундской, а тѣмъ болѣе отъ европейской. Путники хотѣли осмотрѣть снѣжныя горы, лежащія близь Батума. Лучшія указанія по этому пути далъ имъ англійскій консулъ Пикокъ, превосходно изучившій всю мѣстность на сотни верстъ кругомъ, — и они отправились по новой дорогѣ, проложенной отъ Батума до Ахалцыха, черезъ горы Аджаріи. Дорога эта по берегамъ Чорока чрезвычайно живописна; ботаникъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

описываетъ не только растенія, но и встрѣчавшіеся типы куртинъ, аджаръ, грузинъ, гурійцевъ. Всѣ мѣстные начальники были предупреждены о пріѣздѣ французскаго и итальянскаго ботаника и принимали ихъ вездѣ очень радушно. Такъ, въ Хулѣ, мингрельскій князь Джайяни угощалъ на славу путешественниковъ, восхищавшихся особенно красотой жены-грузинки одного изъ офицеровъ, Василія Деканосова. Къ сожалѣнію, офицеры не были сильны ни въ одномъ изъ европейскихъ языковъ, а когда итальянецъ обратился къ военному доктору Зибровичу на латинскомъ языкѣ, этотъ со смѣхомъ отвѣчалъ, что вся его кухонная латынь испарилась изъ его головы тотчасъ же по выходѣ изъ академіи. Поѣздка натуралистовъ въ горы кончилась благополучно; они собрали массу рѣдкихъ растеній, но на обратномъ пути въ Кеду имъ пришлось подвергнуться большой опасности: дорогу въ трехъ мѣстахъ чинили, о чемъ не увѣдомили путешественниковъ. Починка состояла въ томъ, что взрывали скалы, мѣстами съуживавшія почтовый трактъ и выравнивали неровности пути, поднимавшагося и опускавшагося по временамъ чуть не на 45 градусовъ. Можно представить себѣ, съ какими затрудненіями пришлось путешественникамъ перебираться по такой дорогѣ, въ фаетонѣ, нагруженномъ багажемъ и ботаническими колекціями. По счастью, вмѣстѣ съ ними возвращался въ Батумъ отрядъ солдатъ, и они, въ опасныхъ мѣстахъ, распрягали и переводили лошадей, а экипажъ переносили на рукахъ. Плохо пришлось бы ученымъ безъ этой помощи.

— Извѣстный знатокъ русской литературы Луи Леже знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ Фонвизиномъ, въ статьѣ «Русская комедія XVIII вѣка» (La comédie russe au dixhuitième siècle. Von Vizine). Очеркъ свой Леже написалъ потому, что «любопытно знать таинственные источники великой рѣки русской литературы, катящей теперь такія могучія волны, что по временамъ они, кажется, угрожаютъ поглотить насъ». По мнѣнію Леже, скоро откроютъ Россію XV вѣка, какъ открыли Германію Ганса Сакса и Англію Чосера. Положимъ, Европа немного извлечетъ изъ русской литературы XV вѣка, но въ XIX французскій критикъ нашелъ двѣ книги, заставившія его перечитать комедіи Фонвизина. Одна изъ этихъ книгъ вышла въ Лозаннѣ, принадлежитъ швейцарцу Александру Кротте, окончившему свое воспитаніе въ Петербургѣ, и носитъ названіе: «Вліяніе Запада на русскую литературу при Петрѣ I и Екатеринѣ II». Другая книга составлена Корвинымъ-Круковскимъ о театрѣ въ Россіи. Первая книга такъ слаба, что объ ней не стоило и говорить; о второй мы дали отзывъ въ прошломъ году, замѣтивъ, что она составлена изъ старыхъ анекдотовъ, понадерганныхъ отовсюду безъ всякой системы и не имѣющихъ никакого значенія. Луи Леже справедливо замѣчаетъ, что судить о литературномъ произведеніи, не зная изъ него ни одной цитаты, также трудно, какъ и оцѣнивать достоинство вина, не пробуя его, а основываясь только на вкусѣ эксперта. Корвинъ-Круковскій говоритъ правду, что Фонвизинъ первый вывелъ въ русской комедіи чисто русскіе типы, но не разсказываетъ даже ни содержанія, ни идеи «Бригадира» и «Недоросля». Кротте съ апломбомъ увѣряетъ, что въ трагедіяхъ Сумарокова «много очень интересныхъ сценъ, написанныхъ прекрасными стихами, полными философскихъ и нравственныхъ идей». Хорошо еще, что на основаніи такого сужденія Леже не обратился къ трагедіямъ Сумарокова, а взялся за разборъ Фонвизина, хотя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

для оцѣнки его странно было руководствоваться двумя пустыми книгами и не сказать ни слова о монографіи Фонвизина, написанной кн. Вяземскимъ и дающей полное понятіе о значеніи творца русской комедіи. Жизнь его Леже разсказываетъ по его собственнымъ воспоминаніямъ; пребываніе свое во Франціи Фонвизинъ передалъ въ письмахъ къ своей сестрѣ, переведенныхъ и по-французски и изданныхъ въ 1888 году съ предисловіемъ Вогюэ. Леже разбираетъ подробно изъ сочиненій Фонвизина только двѣ его комедіи. Критикъ приводитъ не только въ выпискахъ цѣлыя сцены изъ «Бригадира», но цитируетъ отрывки изъ комедіи Екатерины II «О время!» по переводу Легреля 1888 года. Перейдя къ «Недорослю», котораго онъ не совсѣмъ удачно переводитъ выраженіемъ «Le Mineur», Леже говоритъ о русскомъ воспитаніи того времени, цитируетъ «Всякую Всячину» и «Записки Данилова». Тутъ переведено еще больше сценъ, чѣмъ изъ «Бригадира» и переведено вѣрно и литературно, хотя конечно нельзя было передать своеобразныхъ оборотовъ языка дѣйствующихъ лицъ комедіи. Но французы будутъ имѣть по крайней мѣрѣ полное понятіе объ ней изъ серьезнаго очерка Луи Леже.

— Петербургскій кореспондентъ швейцарскаго журнала «Всемірная Библіотека» принадлежитъ должно быть къ самому молодому поколѣнію нашихъ писателей: онъ часто расхваливаетъ то, на что у насъ никто не обращаетъ вниманія. Такъ, въ январьскомъ номерѣ, помимо разсказовъ о петербургскихъ выставкахъ, памятникѣ Пржевальскому, производящему, по его мнѣнію, весьма слабое впечатлѣніе, о будущей сибирской дорогѣ, о климатѣ приневской столицы, онъ начинаетъ восторгаться сочиненіемъ г. Альбова «Тоска», гдѣ описываются городскіе скверы, и жалуется на то, что памятникъ Петра опять отдѣлили отъ Александровскаго сада и окружили ужаснымъ булыжникомъ, уничтоживъ вокругъ деревья, цвѣты и живописную горку. Затѣмъ онъ говоритъ о комедіи Чайковскаго «Симфонія», сопоставляетъ драму Боборыкина «Божья коровка» съ романомъ г-жи Назарьевой «Актриса», потому что въ обоихъ произведеніяхъ дѣло идетъ о разводѣ, «очень легко совершаемомъ въ Россіи: стоитъ только сторговаться съ мужемъ женщины, которая нравится, купить ее у него и жениться на ней. Только мужъ одинъ теряетъ при этой сдѣлкѣ право вторичной женитьбы». Далѣе кореспондентъ говоритъ о романахъ разныхъ никому неизвѣстныхъ писателей, и ставитъ ихъ чуть ли не выше дѣйствительно замѣчательнаго разсказа г. Ахшарумова «Новая деревня». Кореспонденція оканчивается извѣстіемъ о смерти профессора Минаева и выходѣ въ свѣтъ новаго изданія географическаго Общества «Живая старина», которое напрасно переводится: les reliques vivantes du vieux temps.

— Шарль Рабурденъ издалъ поэму въ шести пѣсняхъ «Осада Севастополя» (Le siège de Sebastopol). Историческія событія описаны всѣ по порядку: прибытіе флота союзниковъ въ Черное море, холера въ Добруджѣ, пожаръ въ Варнѣ, высадка въ Крыму, сраженіе при Альмѣ, обложеніе Севастополя, потопленіе русскаго флота, работы по укрѣпленію города и пр. Въ каждой пѣснѣ, чтобы никому не было обидно, воспѣвается геройство всѣхъ пяти націй, принимавшихъ участіе въ Крымской войнѣ. Болѣе всего поэтъ сожалѣетъ, что двѣ лучшія и храбрѣйшія націи въ мірѣ истребляли другъ друга, а еще болѣе сокрушается о томъ, что послѣ этой войны сардинецъ занялъ Гаэту, то-есть Римъ, а англичанинъ Кипръ. Отъ перваго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

занятія французскій поэтъ страдаетъ какъ ревностный католикъ, отъ второго—какъ патріотъ, хотя свѣтская власть папы исчезла вмѣстѣ съ имперіей, возвращенія которой конечно не пожелаетъ ни одинъ истинный французъ, а всѣ права на Египетъ заключаются только въ томъ, что Наполеонъ дрался подъ пирамидами. Но вѣдь онъ дрался и подъ Вѣной, и подъ Берлиномъ, и подъ Москвой, а Франція не заявляетъ своихъ правъ на эти города. Стихи въ поэмѣ вообще звучны, читаются легко, и авторъ ея давно извѣстенъ во французской литературѣ произведеніями въ томъ же воинственномъ духѣ.

— Нѣмцы въ запуски переводятъ Л. Н. Толстого, но при этомъ дѣло не обходится безъ литературныхъ продѣлокъ и обмана. Такъ, въ Лейпцигѣ Германъ Роскошный—несомнѣнно онѣмеченный славянинъ, издалъ книгу подъ названіемъ «Графъ Левъ Н. Толстой. Изъ моей жизни». (Graf Leo N. Tolstoj. Aus meinem Leben). Судя по этому заглавію читатель думаетъ найти въ книгѣ записки автора—между тѣмъ это не болѣе, какъ переводъ его разсказовъ «Дѣтство» и «Отрочество», да еще искаженный самымъ безсовѣстнымъ образомъ, съ выпускомъ мѣстъ, гдѣ авторъ объясняетъ психическое развитіе своего героя, съ уничтоженіемъ раздѣленія на главы, произвольными сокращеніями и пр. Такъ, третій разсказъ автора «Юность» сокращенъ болѣе чѣмъ на половину. Въ журналѣ «Magazin für Litteratur», въ статьѣ «Первые опыты Толстого» (Tolstoj's Erstlingswerk) Рафаэль Лёвенфельдъ возстаетъ противъ литературной недобросовѣстности Роскошнаго и даетъ вѣрную оцѣнку трехъ, почти біографическихъ разсказовъ автора. Для борьбы съ спекуляціей, подъ наблюденіемъ того же Лёвенфельда, книгопродавецъ Рихардъ Вильгельмъ началъ издавать полное собраніе сочиненій Толстого, съ разрѣшенія автора. Въ первыхъ двухъ выпускахъ помѣщены его біографическіе очерки, затѣмъ пойдутъ мелкіе разсказы и повѣсти, большіе романы и, наконецъ, народные, нравственно-философскіе разсказы и драмы. Всѣхъ выпусковъ будетъ до сотни. На оберткѣ въ русскомъ стилѣ—портретъ Л. Н. Толстого въ медальонѣ, его домъ въ Ясной Полянѣ и снимокъ съ картины Рѣпина: Л. Н. на пашнѣ.

— Пауль Эрнстъ старается опредѣлить, въ томъ же журналѣ, технику Достоевскаго (Zur Technik Dostojewski's). Она существенно разнится отъ техники гр. Толстого, и именно тѣмъ, что Толстой чуждается художественныхъ способовъ исполненія и основывается на собственномъ міровоззрѣніи и не заботится о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на читателя. У Достоевскаго искусство служитъ также только средствомъ для достиженія цѣли романа, но этотъ писатель является чаще настоящимъ художникомъ. Всѣ подобныя умствованія не болѣе, какъ пустыя тонкости, Spitzfindigkeiten, и какъ ни путается русская критика въ оцѣнкѣ нашихъ лучшихъ писателей, она высказываетъ все-таки болѣе вѣрныя и здравыя сужденія объ нихъ, хотя бы въ этюдахъ С. А. Андреевскаго. Все, что дальше говоритъ Эрнстъ о техническихъ пріемахъ Достоевскаго—ложно, натянуто и туманно. Такихъ фразъ, какія набираетъ нѣмецкій критикъ, можно составить сотни, и они все-таки не опредѣляютъ значенія писателя и особенностей его таланта. Только одно оригинальное и отчасти вѣрное заключеніе можно вынести изъ статьи Эрнста, что почти всѣ персонажи, выводимые на сцену Достоевскимъ, немножко помѣшаны (einen kleinen Stich ins Verrückte haben).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Англійская литература, взявшая для ознакомленія съ Россіей такихъ сотрудниковъ, какъ кн. Крапоткинъ и Степнякъ, выпускаетъ въ свѣтъ сенсаціонные романы изъ русской жизни. Какой-то графъ Павелъ П. написалъ двухъ-томный романъ «Заговорщикъ» (The Conspirator). Это весьма дикая и фантастическая исторія попытокъ возстанія противъ русской власти въ Привислянскомъ краѣ. Разсказъ передаетъ сцены такихъ ужасовъ, которые едва возможны въ варварскую эпоху, но авторъ увѣряетъ, что все это—дѣйствительныя событія. Герой романа — Алексѣй Васильевичъ одаренъ необыкновеннымъ умомъ и страшною силою воли, героиня—очаровательнѣйшая жидовка Миріамъ, отличается возвышенною и безпримѣрною преданностью. Авторъ упрекаетъ Англію въ томъ, что она не грозитъ болѣе войною, какъ во времена Пальмерстона и Дизраэли, а стремится къ миру. Заговорами всякаго рода полна вся книга, но вотъ что говоритъ объ нихъ въ романѣ старый заговорщикъ: «Мнѣ столько же лѣтъ, какъ и нашему столѣтію, и я пережилъ много перемѣнъ. Опытъ всей жизни привелъ меня къ заключенію, что заговорщики сдѣлали очень мало—даже почти ничего—для свободы и правъ человѣка».

Другой романъ написанъ мистриссъ Сотерландъ Эдуардсъ и носитъ эфектное заглавіе: «Тайна принцесы: разсказъ о жизни въ провинціи, лагерѣ, при дворѣ, на каторгѣ и въ монастырѣ Россіи» (The secret of the princess: a tale of country, camp, court, convict and cloister life in Russia). Дѣйствіе романа происходитъ большею частью въ Сибири, гдѣ случаются часто явныя возмущенія. При дворѣ и даже въ монастырѣ главную роль играетъ любовь. Тайна начинается съ первыхъ страницъ романа. Принцесса Волконская съ дочерьми и польскимъ опекуномъ живутъ въ своемъ помѣстьи Дубровино, близъ Москвы. Ночью она видитъ у наружной стороны окна своей спальни человѣка, цѣпляющагося за раму. Принцесса прицѣливается въ него изъ пистолета—и онъ скрывается. Въ этомъ и заключается главная тайна романа, происходящаго во время Крымской войны. Англійская критика находитъ, что авторъ очень хорошо знакомъ съ русскою жизнью и русскимъ характеромъ. Странная увѣренность.

— Франція, которой вѣроятно наскучили приторно-порнографическія пошлости, преподносимыя ей Полемъ Бурже и Гюи Мопассаномъ подъ видомъ психологическаго романа, обратилась также къ роману историческому. Годъ тому назадъ французскій ученый Дьёлафуа рылся въ Сузѣ, въ развалинахъ Артаксерсова дворца, и нашелъ тамъ много интересныхъ вещей, описанныхъ имъ въ занимательной книгѣ, о которой мы дали въ свое время отчетъ. Спутницей въ экскурсіяхъ и раскопкахъ ученаго была его жена, также писавшая не мало о своихъ впечатлѣніяхъ и изслѣдованіяхъ. Теперь она вздумала воспользоваться и своимъ знакомствомъ съ Сузою и написала романъ изъ эпохи процвѣтанія этого города, остатки котораго собраны въ Луврскомъ музеѣ, въ отдѣлѣ древностей Сузы. Романъ называется «Паризатида» (Parysatis). Исторію этой царицы разсказалъ еще Плутархъ въ біографіи Артаксеркса. Это было за 400 лѣтъ до Р. Х., черезъ полвѣка послѣ войны съ Мидіей. Умеръ Дарій II, сынъ Ксеркса, разбитаго при Саламинѣ. Сынъ наложницы, онъ достигъ трона и удержался на немъ только энергіей своей жены, умной, но жестокой и распутной Паризатиды — Фредегонды своего времени. У нея было два сына, Артаксеркъ и Киръ. Старшій взошелъ на тронъ вмѣстѣ съ своею женой, прекрасною Статирой, и царица

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ясно поняла, что ея власти при дворѣ и въ управленіи насталъ конецъ. Она хотѣла доставить престолъ своему любимцу Киру тотчасъ по смерти Дарія. Во время коронованія Артаксеркса, въ храмѣ Пасаргада, Киръ бросился на брата съ кинжаломъ, но былъ остановленъ и только мольбы Паризатиды спасли жизнь братоубійцы. Царь простилъ его и даже далъ ему въ управленіе греческія колоніи. Въ благодарность Киръ набралъ войско изъ греческихъ наемниковъ и пошелъ на брата. При Кунаксѣ онъ былъ разбитъ персидскими войсками и самъ убитъ подъ стѣнами Вавилона. Паризатида между тѣмъ пріобрѣла снова все свое вліяніе при дворѣ безхарактернаго Артаксеркса и жестоко отмстила убійцамъ Кира, предавъ страшнымъ пыткамъ, въ теченіе 17 дней, Митридата, нанесшаго первый ударъ Киру, и приказавъ содрать кожу съ Масабата, отрубившаго голову ея сына. Но оставалась еще Статира. Паризатида отравила ее, разрѣзавъ плодъ ножомъ, одна сторона котораго была намазана ядомъ, а сама съѣла неотравленную половину. Артаксеркъ сослалъ свою мать въ Вавилонъ, но вскорѣ возвратилъ ко двору, потому что не могъ управлять царствомъ безъ ея совѣтовъ и вліянія. Въ гаремѣ Кира, разбитаго при Кунаксѣ, была захвачена гречанка Аспазія. Артаксеркъ хотѣлъ взять ее себѣ, но она предпочла ему сына и наслѣдника его Дарія. Артаксеркъ все-таки отнялъ ее у сына подъ предлогомъ, что плѣнница должна быть отдана въ храмъ Діаны-дѣвственницы въ Экбатанѣ. Дарій составилъ заговоръ противъ отца, но былъ уличенъ въ этомъ и Артаксеркъ закололъ его своею рукою. Чтобы утѣшить сына въ потерѣ Статиры, Паризатида убѣдила царя взять наложницею свою же дочь Атоссу. Таково содержаніе романа г-жи Дьёлафуа. Въ немъ нѣтъ ни одного факта, который бы не былъ подтвержденъ исторіею. Весь этотъ варварскій міръ съ его дикими событіями, съ его археологическою обстановкою извѣстенъ намъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, но авторъ по счастью не вдается въ научно антикварныя подробности, чтобы сохранить мѣстный колоритъ. Его лица говорятъ понятными намъ выраженіями и сохранили даже свои давно знакомыя намъ имена Дарія, Ксеркса, Ормузда, Аримана—вмѣсто Дарайяваоуха, Хшайярша, Агурамазда, Анграмайніуха. Только іонійка Аспазія выражается въ романѣ уже очень цвѣтисто, à la Севинье.

— Жанъ Ломбаръ, авторъ занимательнаго романа «Агонія», гдѣ изображенъ распутный Римъ временъ Геліогабала, издалъ не менѣе интересный романъ «Византія» (Byzance), рисующій картины восточнаго міра на Босфорѣ, въ эпоху Константина V. Къ сожалѣнію, авторъ не слѣдовалъ примѣру г. Дьёлафуа и переполнилъ изображеніе хотя и болѣе близкихъ къ намъ временъ неудобопонятными словами, въ родѣ: великій логоѳетъ, статодедархъ, протоцеракарій, протопроэдръ, миртаитъ, кариклей, куропалатъ, спаѳарій, паландрій, моноксилоны, партексъ и пр., и пр. Надо быть завзятымъ археологомъ, чтобы одолѣть весь этотъ «мѣстный колоритъ». Но самая фабула романа весьма интересна: тутъ и теологическая борьба между приверженцами храмовъ святой чистоты и святой мудрости, скачки въ циркѣ, сраженіе между голубыми и зелеными, праздники двора Копронима, заговоръ славянъ и эллиновъ, чтобы очистить Византію отъ исаврянъ-азіатовъ. Глава этого заговора священникъ Гибреасъ, полубуддистъ и полуманихеянинъ, но пламенный патріотъ, надѣется низвергнуть исаврянскихъ автократовъ съ помощью славянина Управды и его сестры Вигли-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ницы, единственныхъ потомковъ Юстиніана. Убить Константина Копронима, провозгласить императоромъ Управду, соединить славянскую расу съ эллинскою, женивъ потомка Юстиніана на Евстахіи, внучкѣ Ѳеодосія— такова цѣль заговора. Но онъ не удается, Копронимъ остается побѣдителемъ, выкалываетъ глаза побѣжденнымъ и сжигаетъ храмъ святой чистоты, гдѣ гибнетъ въ огнѣ Гибреасъ. Вся эта страница изъ исторіи древней Византіи чрезвычайно рельефна и драматична.

— Буагобе, въ романѣ «Фонтенэ—шпажный боецъ» (Fontenay. Coup d'épée), переноситъ читателя къ концу царствованія Наполеона I. Молодой креолъ Фонтенэ, любимецъ императрицы Жозефины, влюбленъ въ Генріету Гавръ, дочь испанки и француза. Дядя ея Монтальванъ, бандитъ и патріотъ, глава арагонскаго заговора 1808 года, проникаетъ въ Мальмезонъ, съ цѣлью убить Наполеона, но убиваетъ только полицейскихъ агентовъ, спасается въ Испанію, защищаетъ Сарагосу и замуровываетъ въ ея стѣны свою дочь за то, что она любитъ Фонтенэ. Этотъ герой оказываетъ чудеса храбрости въ разныхъ сраженіяхъ, исполняетъ затруднительныя дипломатическія порученія и женится наконецъ на своей возлюбленной. Въ романѣ много занимательныхъ эпизодическихъ сценъ, какъ смерть Палафокса, переговоры Фонтенэ съ Фуше, который старается провести всѣхъ и самого Наполеона. Только для чего это авторъ выставляетъ испанцевъ, сражавшихся за свободу своего отечества, какими-то фанатиками, заслуживающими презрѣнія. Никогда, напротивъ, этотъ народъ не стоялъ такъ высоко, какъ въ борьбѣ съ деспотизмомъ Наполеона. У учителя автора, Поля Феваля, есть романъ «Капитанъ—привидѣніе», взятый изъ той же эпохи войны съ Испаніей, но гдѣ гораздо больше исторической и логической правды и гораздо больше интереса въ фабулѣ романа.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи Н. А. Некрасова.

ОЧТИ во всѣхъ біографіяхъ извѣстнаго поэта Н. А. Некрасова разсказывается, что на него лично и на его литературную дѣятельность имѣла сильное вліяніе нищета, будто бы перенесенная имъ въ Петербургѣ, въ дни юности, и доходившая до того, что онъ, не имѣя средствъ заплатить за бѣдный уголъ, былъ выгнанъ на улицу, дрогнулъ отъ холода, что въ этомъ безпомощномъ положеніи надъ нимъ сжалился какой-то нищій, который увелъ его съ собою въ отдаленный ночлежный пріютъ, гдѣ Некрасовъ добылъ себѣ кусокъ хлѣба, составивъ прошеніе и получивъ за него 15 копѣекъ и т. п.

Не рѣшаясь опровергать такую яркую картину, я хочу разсказать здѣсь лишь о моемъ случайномъ знакомствѣ съ Некрасовымъ именно въ то время, когда онъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ. Разсказъ мой будетъ очень коротокъ, потому что я самъ былъ тогда почти ребенкомъ, не могъ предвидѣть, что Некрасовъ сдѣлается впослѣдствіи извѣстностью, не обращалъ на него вниманія и не сохранилъ въ своей памяти никакихъ подробностей.

Отецъ мой, извѣстный въ свое время писатель и патріотъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, встрѣтился съ Некрасовымъ въ 1839 году у своего кума Н. А. Полевого, заинтересовался имъ, и, не знаю вслѣдствіе какихъ причинъ, предложилъ ему учиться у него французскому языку. Съ этого дня, Некрасовъ сдѣлался частымъ посѣтителемъ нашего дома. Какъ теперь вижу его, передъ столикомъ, читающаго по-французски вслухъ съ забавнымъ выговоромъ. Некрасовъ скоро сошелся съ старшимъ братомъ моимъ С. С. Глинкой (еще живымъ до сей минуты) и поселился вмѣстѣ съ нимъ на углу Невскаго проспекта и Владимірской улицы, въ домѣ занятомъ теперь го-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стинницей «Москва». Они занимали въ третьемъ этажѣ нѣсколько комнатъ, прилично убранныхъ собственной мебелью, перевезенной братомъ съ старой квартиры на Литейной, гдѣ у него была типографія. Вся мягкая мебель была обита матеріей краснаго цвѣта; упоминаю объ этомъ потому, что по отъѣздѣ моего брата изъ Петербурга, Некрасовъ, при встрѣчахъ со мной, постоянно требовалъ эту мебель, хотя, по словамъ брата, она вовсе ему не принадлежала. Когда я заходилъ къ брату, то, большею частью, заставалъ Некрасова лежащимъ на диванѣ; онъ постоянно былъ, или казался, угрюмымъ и мало разговаривалъ. Помню, что въ то время онъ написалъ стихами афишу для «Кабинета восковыхъ фигуръ», помѣщавшагося у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгардта. У меня даже осталось въ памяти нѣсколько стихивъ изъ этой афиши:

«Иванъ Иванычъ Штейнигерсъ
«Съ саженной бородой:
«Онъ былъ въ нѣмецкомъ городѣ
«Когда-то головой!
«Вотъ и Вильгельмъ Васильевичъ
«Тель, парень удалой,
«Онъ храбро дрался съ нѣмцами
«За городъ свой родной!»

За составленіе афиши Некрасовъ получилъ двадцать пять рублей. Плодомъ занятій Некрасова французскимъ языкомъ былъ переводъ драмы «La nouvelle Fanchon» подъ заглавіемъ «Материнское благословеніе», имѣвшей большой успѣхъ на русской сценѣ и долго не сходившей съ репертуара. Помню, что Некрасовъ срѣзался на вступительномъ экзаменѣ, въ университетѣ, чуть ли не изъ закона Божія, и по этому поводу, съ горя, было выпито полъ-ведра водки въ обычной компаніи сожителей, состоявшей изъ артистовъ Александринскаго театра: Самойлова, Мартынова, Максимова и др. Събратомъ моимъ Некрасовъ прожилъ съ 1839 по 1841 годъ и въ это время, могу удостовѣрить, ни въ чемъ особенно не нуждался; впослѣдствіи же, работая для театра и участвуя въ журналахъ, онъ тѣмъ менѣе могъ нуждаться. Онъ любилъ, по доброй охотѣ, странствовать по петербургскимъ трущобамъ и когда попадался въ полицію, то назывался фамиліей брата, бывшаго тогда редакторомъ неофиціальной части, «Губернскихъ Вѣдомостей», почему его тотчасъ же отпускали на всѣ четыре стороны.

Въ 1846 г. Некрасовъ приходилъ къ моему отцу съ предложеніями купить право на изданіе «Русскаго Вѣстника», но опоздалъ, потому что отецъ уже заключилъ условіе съ Ѳ. В. Чижовымъ, намѣревавшимся продолжать этотъ журналъ вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, адъюнктомъ академіи Куникомъ и А. В. Старчевскимъ, черезъ котораго собственно и велись предварительные переговоры. Задатокъ въ 500 р. золотомъ уже былъ полученъ отцомъ, но извѣстная невзгода, постигшая славянофиловъ, неожиданно помѣшала осуществленію дѣла.

Помню еще, что въ 1848 г. въ литературныхъ кружкахъ говорили, будто Некрасовъ скупилъ оставшіеся экземпляры «Полнаго собранія сочиненій Гоголя», стоившіе по 8 р. за экземпляръ и продавалъ ихъ по 25 р. По этому поводу, А. А. Краевскій сказалъ: «Некрасову хоть битымъ стекломъ торговать».

Сообщено **Ѳ. С. Глинкой.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СМѢСЬ.

ОРЖЕСТЕВННОЕ собраніе Академіи Наукъ. Ежегодное торжественное собраніе Академіи Наукъ, какъ и всегда, привлекло большое число посѣтителей. Въ 1 часъ дня прибылъ президентъ Академіи великій князь Константинъ Константиновичъ и занялъ предсѣдательское мѣсто рядомъ съ вице-президентомъ Я. К. Гротомъ. Непремѣнный секретарь Академіи А. А. Штраухъ взошелъ на каѳедру и началъ чтеніе отчета по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ Академіи за первое полугодіе 1890 г. Первыя слова отчета были посвящены памяти почетнаго члена Академіи, герцога Лейхтенбергскаго, посвятившаго себя изученію минералогіи въ широкомъ смыслѣ слова и совершившаго въ 60-хъ годахъ продолжительное путешествіе для изученія минеральныхъ богатствъ и горнаго дѣла на Уралѣ. Переходя къ отчету о дѣятельности членовъ Академіи, А. А. Штраухъ упомянулъ о сожалѣніи, которое было вызвано желаніемъ академика К. С. Веселовскаго покинуть постъ непремѣннаго секретаря, который онъ занималъ въ теченіе свыше 30-ти лѣтъ. Изъ состава Академіи выбыло, за смертью, нѣсколько почетныхъ ея членовъ: графъ П. А. Валуевъ, графъ Мих. Хр. Рейтернъ, профессоръ Алекс. Андр. Бунге, умершій въ Мэттико 6-го іюля, и Петръ Ал. Чихачевъ, скончавшійся во Флоренціи. Ихъ памяти былъ посвященъ перечень ихъ заслугъ и ученыхъ трудовъ. Изъ числа членовъ-корреспондентовъ, Академія понесла утрату въ лицѣ: финляндскаго профессора, публициста и изслѣдователя Сибири Альквиста, Г. А. Гирна, профессора Бейсъ-Баллота, Д. З. Бакрадзе, Л. Ф. Штейна и В. Л. Грубера. Академія утратила одного изъ своихъ маститыхъ членовъ, бывшаго директора главной Нколаевской обсерваторіи, Струве, который, послѣ 52-лѣтняго служенія наукѣ, пожелалъ удалиться на покой. Послѣ этого въ академики по астрономіи былъ избранъ профессоръ Московскаго университета Ѳ. А. Бредихинъ, который и принялъ на себя должность директора обсерваторіи. Далѣе, вступили въ Академію ординарными академиками: профессоръ Петербургскаго университета В. Г. Васильевскій, предсѣдатель комитета министровъ Н. Х. Бунге, профессоръ Новороссійскаго университета А. О. Ковалевскій, экстраординарнымъ академикомъ избранъ про-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

фессоръ здѣшняго университета баронъ В. Р. Розенъ и адъюнктомъ по зоологіи Ѳ. Д. Плеске. Августѣйшимъ президентомъ было обращено вниманіе на несовершенство настоящаго положенія Академіи и ограниченность ея штата; предположенія его высочества о разработкѣ измѣненій въ существующемъ уставѣ и штатахъ Академіи были одобрены Государемъ и вслѣдствіе этого съ минувшей весны составлена особая комиссія, которая и нынѣ занимается пересмотромъ устава Академіи. Другая комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря М. Н. Островскаго, при участіи представителей отъ министерствъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, выработала обстоятельный проектъ преобразованія зоологическаго музея Академіи, который ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ своего осуществленія. Точно также правительствомъ уважено ходатайство объ ассигнованіи средствъ на увеличеніе помѣщенія химической лабораторіи пристройками и приспособленіе ихъ для спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій, а также для размѣщенія обширной химической библіотеки. Главная физическая обсерваторія, благодаря содѣйствію министерства путей сообщенія, получила возможность предпринять подробныя изслѣдованія по вопросу предостереженія желѣзныхъ дорогъ о наступленіи снѣжныхъ мятелей. Учреждена особая самостоятельная лабораторія по анатоміи и физіологіи растеній и открытъ для публики музей по этнографіи и антропологіи, куда, между прочимъ, вошли нѣкоторыя замѣчательности изъ кабинета Петра Великаго и колекціи Крузенштерна, гр. Литке, Юнкера, Миклухи-Маклая и т. д. Въ послѣдніе годы замѣчается все бо́льшій приливъ капиталовъ, имѣющихъ спеціальное назначеніе либо служить для раздачи премій, либо для изданія опредѣленныхъ сочиненій. Нынѣ эти капиталы, достигнувъ цифры до полумилліона рублей, увеличились открытіемъ конкурса имени П. Н. Юшенова.

Въ теченіе года отдѣльными трудами заявили себя академики: А. А. Марковъ, запиской о преобразованіи медленно сходящихся рядовъ въ быстро сходящіеся, В. Г. Имшенецкій изслѣдованіемъ о функціяхъ Бернулли и, кромѣ того, на разсмотрѣніе Академіи было представлено студентомъ Борткевичемъ математическое изслѣдованіе о смертности и долговѣчности мужского православнаго населенія Европейской Россіи и трудъ этотъ признанъ заслуживающимъ полнаго вниманія Академіи. Академикъ Ѳ. А. Баклундъ совершилъ экспедицію для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ сѣверной Россіи и продолжалъ свои изслѣдованія надъ кометою Энке, которая ожидается въ 1891 г. По физикѣ трудился О. Д. Хвольсонъ и издали нѣсколько записокъ ученые главной физической обсерваторіи: Б. Срезневскій, Лейстъ, Б. Керсновскій, Шренкъ и Гадолинъ. Академикъ М. И. Сухомлиновъ подготовляетъ первый томъ сочиненій Ломоносова и, кромѣ того, подъ его редакціей изданъ VII томъ «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ». И. В. Ягичъ издалъ Corpus grammaticorum sloveno-rossicorum — сводъ грамматикъ изъ сборниковъ XVI и XVII вѣковъ. Кромѣ того, онъ же приготовилъ къ печати сочиненія для юго-славянской Академіи въ Загребѣ и для сербской академіи въ Бѣлградѣ. А. Н. Веселовскій доканчиваетъ печатаніе VI выпуска своихъ «Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха», Н. С. Тихонравовъ изготовилъ 6-й томъ сочиненій Гоголя, а Л. Н. Майковъ приготовляетъ къ выпуску въ свѣтъ изданіе сочиненій Пушкина. Изданіе закончится біографіей поэта, для полноты которой академія проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ у себя письма и записки Пушкина, сообщить ихъ для снятія съ нихъ копій.

Въ этомъ году скончался профессоръ Казанской академіи И. Я. Перфильевъ. Его памяти былъ посвященъ некрологъ. Исполнилось также 25 лѣтъ со дня смерти бывшаго профессора Петербургскаго университета и предсѣдателя словеснаго отдѣленія академіи П. А. Плетнева, скончавша-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гося въ Парижѣ. Воспоминанію о немъ было также посвящено перечисленіе его трудовъ на пользу науки и отечества. Не были забыты также и труженики науки, доставившіе свои сочиненія въ Академію и не состоящіе ея членами. Н. Ф. Дубровинъ продолжалъ свои занятія въ архивѣ собственной Его Величества канцеляріи и въ началѣ настоящаго года издалъ III-й выпускъ документовъ, хранящихся въ этомъ архивѣ. Академикъ В. Г. Васильевскій издалъ первую часть своего сочиненія «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи». Затѣмъ были перечислены ученые труды: академика К. Г. Залемана, д-ра Биленштейна, академика В. В. Радлова, синолога В. П. Васильева, г. Лемма и др. Результаты конкурсовъ были слѣдующіе: Ломоносовская премія (въ 1,000 руб.) досталась директору магнитной и метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ Лейсту за его изслѣдованіе «О температурѣ почвы въ Павловскѣ». На премію гр. Д. А. Толстого первой медали удостоено сочиненіе г. Таммана, второй — І. А. Керсновскаго и третьей — Б. Срезневскаго — о буряхъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Премію имени покойнаго вице-президента Буняковскаго, за выдающіеся математическіе труды, въ настоящемъ году, Академія присудила сборнику нѣсколькихъ изслѣдованій профессора чистой математики Варшавскаго университета Николая Яковлевича Сонина. Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1890 г. былъ составленъ академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и прочитанъ А. Н. Веселовскимъ. Въ число академиковъ вступили К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. А. Лавровскій и Н. С. Тихонравовъ. Отдѣленіе было занято обработкой новаго изданія академическаго словаря, главное редакторство котораго принялъ на себя вице-президентъ Академіи Я. К. Гротъ. Словарь доведенъ до буквы В. Изготовленъ первый выпускъ словаря покойнаго И. И. Срезневскаго подъ названіемъ: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ». Первоначально словарь этотъ издавался подъ надзоромъ И. В. Ягича, а затѣмъ А. Ѳ. Бычкова. Словарь этотъ доведенъ до половины буквы Г. По исторіи, въ началѣ 1890 года, изъ печати вышелъ составленный подъ редакціею члена-кореспондента Академіи Н. А. Попова I-й томъ Актовъ Московскаго Государства. Другое предпріятіе, посвященное хронологическому сопоставленію докладовъ и приговоровъ Сената въ царствованіе императора Петра I и руководимое академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ, въ настоящее время доведено до конца 1714 г. (IV томъ).

Торжественное собраніе закончилось провозглашеніемъ лицъ, вновь избранныхъ Академіею въ свою среду. Въ текущемъ году его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій принялъ званіе почетнаго ея члена; въ почетные члены Академіи избраны: д. т. с. Петръ Гр. Рѣдкинъ, д. с. с. Вл. Вл. Вельяминовъ-Зерновъ, егермейстеръ высочайшаго двора графъ С. Д. Шереметевъ. Въ члены-кореспонденты: В. П. Энгельгардтъ, директоръ императорскаго королевскаго метеорологическаго и магнитнаго центральнаго института въ Вѣнѣ, проф. Юл. Ганъ, проф. неаполитанскаго университета сенаторъ Арканджело Скакки, проф. Тюбингенскаго университета Лотаръ Мейеръ, проф. московскаго университета К. А. Тимирязевъ. А. П. Богдановъ, профес. императорскаго Петербургскаго историко-филологическаго института Н. П. Некрасовъ, членъ французскаго института Г. Пари, проф. Берлинскаго университета Г. Шмеллеръ, т. с. Д. Ѳ. Кобеко, проф. Петербургскаго университета И. В. Помяловскій, с. с. В. В. Латышевъ, проф. Геттингенскаго университета П. де-Лагардъ, д. с. д. П. С. Поповъ и д-ръ Биленштейнъ въ Добленѣ.

Отчетъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1888 и 1889 гг. Къ концу 1887 г. Ростовскій музей церковныхъ древностей въ своемъ составѣ имѣлъ 195 лицъ. Управленіе музеемъ древностей лежало на обязанности комитета музея и на его членовъ, какъ на членовъ московскаго Археологическаго Общества,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

возложено было завѣдываніе древними кремлевскими зданіями, а также и реставрація послѣднихъ. Наиболѣе была чувствительна для Ростовскаго музея потеря товарища предсѣдателя Д. А. Булатова, какъ дѣятельнѣйшаго сотрудника, принимавшаго живое участіе въ учрежденіи музея и дальнѣйшемъ его благоустройствѣ. Д. А. Булатовъ, скончавшійся 20-го октября 1889 года, явился однимъ изъ первыхъ вкладчиковъ въ сокровищнину музея своихъ фамильныхъ древностей по отдѣламъ: иконографическому, нумизматическому, палеографическому и проч. Къ началу 1890 года, кромѣ покровителя музея, предсѣдателя комитета, состояло при музеѣ почетныхъ членовъ 103 и членовъ — сотрудниковъ 91; всего 203 лица. Къ 1-му января 1890 года коллекціи Ростовскаго музея церковныхъ древностей, въ совокупности съ поступленіями предыдущихъ годовъ, представляютъ слѣдующую численность: въ собраніи иконъ, крестовъ, царскихъ вратъ и хоругвей: иконъ рѣзныхъ изъ дерева въ ризахъ, металлическихъ окладахъ, безъ оклада и проч. всего болѣе 300; крестовъ запрестольныхъ, рѣзныхъ изъ дерева, мѣдныхъ тѣльныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, оловянныхъ, костяныхъ и проч. болѣе 400. Въ собраніи церковной утвари, богослужебныхъ предметовъ, антиминсовъ, покрововъ и священно-служительскихъ облаченій болѣе 200 предметовъ. Въ собраніи портретовъ, картинъ, гравюръ и фотографическихъ снимковъ, болѣе 400. Въ собраніи рукописей и книгъ 3047. Въ собраніи монетъ и медалей 1844, въ томъ числѣ русскихъ медалей, битыхъ въ память отечественныхъ событій, 114. Въ собраніи древнебытовыхъ и этнографическихъ предметовъ 553. Ростовскій музей церковныхъ древностей былъ открытъ ежедневно отъ 9 до 2 ч. пополудни (за исключеніемъ праздника Рождества Христова и трехъ дней Пасхи) для членовъ комитета, членовъ-сотрудниковъ и посторонней публики. Большинство посѣтителей падало на дни праздничные и особенно на время ростовской ярмарки, открывающейся съ половины первой недѣли великаго поста и продолжающейся до половины третьей. Неприкосновенныхъ капиталовъ музея къ 1-му января 1889 года состояло: а) пожертвованный Наслѣдникомъ Цесаревичемъ билетъ государственный 5% желѣзно-дорожной ренты, въ 1000 руб. и другія суммы. Всего же состояло на лицо 2550 руб. На приходъ музея поступило за отчетный годъ 853 руб. 37 к. Израсходовано въ теченіе 1889 года 853 руб. 37 к. на реставрацію поступающихъ въ музей древнихъ вещей, устройство витринъ, иконостасныхъ рамъ, переплетъ книгъ и другіе хозяйственные расходы. Почетный членъ музея А. Л. Кекинъ увѣдомилъ, что въ память юбилея Московскаго Археологическаго Общества, 8-го января 1890 года, онъ имѣетъ пожертвовать % бумагами 10 тысячъ рублей, доходъ съ которыхъ послѣ него будетъ получаться комитетомъ музея, въ случаѣ же особыхъ надобностей % будутъ высланы имъ и при жизни. Такимъ образомъ дальнѣйшее существованіе музея можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. Члены комитета Ростовскаго музея, состоя совмѣстно и членами комиссіи, завѣдывающей Ростовскимъ Кремлемъ, образовавшейся съ 1-го мая 1888 года, представили также краткій отчетъ о дѣйствіяхъ ихъ по возстановленію древнихъ кремлевскихъ зданій за 1888 и 1889 года. Изъ числа работъ, произведенныхъ комиссіею за отчетное время, должно указать на реставрацію Іоанно-Богословской церкви, выполненную на средства Алексѣя Леонтьевича Кекина. Во время производства реставраціонныхъ работъ, при раскопкахъ подвальнаго этажа, подъ этимъ храмомъ г. Шляковымъ были найдены: масса древняго изразца, мѣдныя монеты, бердышъ XVII в. и другіе остатки прежняго быта; все это нынѣ помѣщается въ витринахъ Ростовскаго музея. Подробный отчетъ о ходѣ работъ по реставраціи Іоанно-Богословской церкви, съ приложенными къ нему планами, рисунками и фотографіями, составленный членомъ комиссіи Шляковымъ, былъ своевременно представленъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Московское Археологическоо Общество и прочитанъ въ одномъ изъ засѣданій VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ. Въ концѣ 1879 года поступили пожертвованія на возстановленіе и другихъ древнихъ памятниковъ въ Ростовскомъ Кремлѣ. Затѣмъ, главной заботой комиссіи служитъ поддержка и, если возможно, полная реставрація такъ называемой Водяной башни, во второмъ этажѣ которой помѣщалась домовая церковь ростовскихъ владыкъ. Эта башня имѣетъ неразрывную связь съ древними митрополичьими хоромами, гдѣ жилъ съ 1605 года родоначальникъ царствующаго дома Романовыхъ, Ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ, поступившій на ростовскую каѳедру, какъ извѣстно, изъ иноковъ Холмогорскаго Антоніева-Сійскаго монастыря. При Лжедимитріѣ II онъ былъ взятъ поляками въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. Современный ростовскій лѣтописецъ XVII вѣка довольно подробно и краснорѣчиво описалъ эту полную драматизма исторію. Домъ знаменитаго іерарха хотя и поврежденъ новѣйшими передѣлками, но вполнѣ возможенъ для реставраціи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ какъ жилище родоначальника царствующей фамиліи. Особенно не трудно возстановить и примыкающую къ этому дому, находящуюся въ Водяной башнѣ, Всѣхсвятскую церковь. Храмъ этотъ уже былъ реставрированъ въ началѣ прошлаго вѣка извѣстнымъ ростовскимъ епископомъ Досиѳеемъ, но въ началѣ нынѣшняго столѣтія пострадалъ не столько отъ ветхости, сколько отъ невниманія къ отечественнымъ памятникамъ. Онъ былъ разрушенъ и иконостасъ проданъ въ церковь села Никольскаго, что въ горахъ, гдѣ въ недавнее еще время и этотъ иконостасъ, замѣненный новымъ, сожженъ. Возстановленіемъ этой Всѣхсвятской церкви будетъ поставленъ памятникъ русскому историческому дѣятелю, всероссійскому патріарху Филарету, имя котораго принадлежитъ исторіи. Конечно, средствъ у комиссіи нѣтъ, но ихъ не было и при самомъ ея учрежденіи; однако, съ 1883 года, благодаря просвѣщенной и христіанской поддержкѣ истинно-русскихъ людей—Королевыхъ, Кекиныхъ, Вахромѣевыхъ, Рулевыхъ и другихъ, комиссія возстановила положительно изъ развалинъ храмъ Григорьевскаго монастыря-затвора, Іоанно-Богословскую и Одигитріевскую церкви, Бѣлую Палату, княжьи терема, часть стѣны и библіотечную башню, а теперь фундаментально реставрируетъ Воскресенскую церковь. Русскіе люди всегда придутъ на помощь возстановленію храма Божія и такого знаменитаго историческаго памятника. Комиссія твердо уповаетъ, что жилище родоначальника русскихъ царей и храмъ, гдѣ онъ приносилъ молитвы, возстанутъ изъ своихъ развалинъ, какъ возстали уже предназначенные къ сломкѣ Бѣлая Палата—гостинная палата св. митрополита Ростовскаго Димитрія, и Григорьевскій монастырь-затворъ—мѣсто постриженія русскаго апостола св. Стефана Пермскаго.

Историческое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изъ отчета Общества за 1890 годъ оказывается, что въ Обществѣ числилось 162 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ соревнователь. Кромѣ трехъ засѣданій происходившихъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1889 года, Общество имѣло въ отчетномъ году (до конца ноября) 10 собраній, посвященныхъ съ одной стороны научнымъ сообщеніямъ и преніямъ по поводу ихъ, съ другой — обсужденію текущихъ дѣлъ. Научныя сообщенія были сдѣланы слѣдующими членами Общества: Н. И. Карѣевымъ «О задачахъ Историческаго Общества» и «О разработкѣ теоретическихъ вопросовъ исторической науки», С. А. Бершадскимъ— «О крестьянскомъ хозяйствѣ въ Литвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ», С. Л. Степановымъ — «Объ Аѳинской высшей школѣ въ IV в. по Р. Хр.», Я. Г. Гуревичемъ—«Объ исторіи, какъ наукѣ и какъ предметѣ преподаванія», Х. М. Лопаревымъ — «О дневникѣ Ф. Кабрита 1788 г.», Е. А. Бѣловымъ — «По вопросу о значеніи царствованія Грознаго въ русской исторической литературѣ», Н. И. Карѣевымъ — «О новѣйшихъ трудахъ по исторіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

французской революціи», П. Д. Погодинымъ—«По поводу книги Паспати о взятіи Константинополя турками», Е. Н. Щепкиной—«О Тульскомъ уѣздѣ въ XVI—XVII вѣкахъ», А. М. Ону—«Объ историческомъ значеніи царствованія Іосифа II», Г. Е. Аѳанасьевымъ—«О расѣе de famine» и Н. И. Карѣевымъ—«О новомъ предпріятіи въ области преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ». На сообщеніяхъ или преніяхъ по поводу ихъ, происходившихъ на четвертомъ, шестомъ, девятомъ, десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ общихъ собраніяхъ, присутствовала публика. Кромѣ научныхъ сообщеній и преній по ихъ поводу, Общество занято было обсужденіемъ вопросовъ объ изданіи своихъ трудовъ и о составленіи систематическаго указателя исторической литературы. Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то рѣшено было ограничиться пока изданіемъ сборника, редакція котораго поручена была комитету, а относительно второго составлена была особая комиссія, которая въ отчетномъ году собиралась 4 раза. Общество занято было также составленіемъ библіотеки. Она стала складываться въ отчетномъ году изъ 96 сочиненій въ числѣ 115 книгъ, пожертвованныхъ разными лицами. Средства Общества составлялись изъ членскихъ взносовъ и чрезвычайныхъ поступленій. Всего въ приходѣ было 935 руб., изъ которыхъ израсходовано 120 руб.

Сорокалѣтній юбилей Вельяминова-Зернова. 3-го декабря 1890 г. исполнилось сорокалѣтіе службы и учено-педагогической дѣятельности попечителя кіевскаго учебнаго округа, Владиміра Владиміровича Вельяминова-Зернова. Онъ происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи, записанной въ бархатную книгу, и родился въ Петербургѣ, 31-го октября 1830 года. По окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ азіатскій департаментъ въ 1850 году и въ качествѣ драгомана былъ посланъ въ Оренбургъ. Служа здѣсь, онъ имѣлъ случай исколесить всю киргизскую степь и пріобрѣлъ массу научныхъ свѣдѣній, близко ознакомился съ мѣстными татарскими нарѣчіями, до тѣхъ поръ совсѣмъ неизслѣдованными. Вскорѣ послѣ этого онъ выступилъ съ своимъ замѣчательнымъ трудомъ: «Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Средней Азіей», изд. въ Уфѣ. Черезъ 5 лѣтъ онъ былъ избранъ адъюнктомъ нашей Академіи Наукъ по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ, а въ 1861 году избранъ экстра-ординарнымъ академикомъ. Когда въ концѣ 70-хъ годовъ тяжелая болѣзнь заставила его ѣхать за границу, онъ принужденъ былъ оставить Академію; онъ былъ русскій, а потому академическіе нѣмцы не могли сдѣлать ему льготы, какую давали академикамъ германскаго происхожденія, т. е. дозволить, оставаясь академикомъ, жить за границей. Въ 1888 году В. В. занялъ постъ попечителя округа въ Кіевѣ, а въ 1889 году назначенъ предсѣдателемъ временной комиссіи по разбору древнихъ актовъ въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ. В. В. считается однимъ изъ ученѣйшихъ оріенталистовъ нашихъ и написалъ слѣдующія книги, извѣстныя и за границей: «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ», «Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства», «Джагатайскій словарь», «Исторія курдовъ» (на персидскомъ языкѣ).

Шестидесятилѣтіе служебной дѣятельности завѣдующаго Общимъ Архивомъ Министерства Двора Григорія Васильевича Есипова исполнилось 8-го января. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ самымъ скромнымъ образомъ потому, что Г. В. къ сожалѣнію, боленъ и не встаетъ съ постели. Празднество ограничилось тѣмъ, что утромъ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго подчиненные Г. В. явились въ занимаемую имъ квартиру въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ и, привѣтствуя любимаго начальника, поднесли ему образъ Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ радости». Юбиляромъ была получена масса поздравительныхъ писемъ и телеграммъ, въ томъ числѣ отъ министра двора, отъ управляющаго кабинетомъ Его Величества и другихъ высокопоставлен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныхъ лицъ. Русская историческая наука, въ лицѣ многихъ профессоровъ и ученыхъ, также чествовала Г. В. какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. Люди, занимающіеся русской исторіей, давно уже оцѣнили значеніе многочисленныхъ статей и изслѣдованій Г. В., тѣ же, кто имѣлъ случай лично и близко узнать автора ихъ, никогда не забудутъ этого благороднѣйшаго, добрѣйшаго человѣка, всегда радушно готоваго дѣлиться не только своими обширными знаніями, но и громаднымъ матеріаломъ, собраннымъ имъ въ теченіе многолѣтнихъ занятій въ разныхъ архивахъ. Вся жизнь Г. В. была посвящена неустанному труду, часто тяжелому и неблагодарному, но который никогда не тяготилъ его, и которому онъ отдавался съ увлеченіемъ.

Окончивъ въ 1830 г. курсъ въ Петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ и получивъ при этомъ чинъ десятаго класса, Г. В. поступилъ, 8-го января 1831 г. на службу въ комитетъ иностранной цензуры, сперва канцелярскимъ чиновникомъ, а потомъ помощникомъ старшаго цензора. Въ 1838 г., онъ перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ производителемъ дѣлъ ученаго комитета. Во время службы въ этомъ министерствѣ, онъ ревизовалъ, съ директоромъ департамента, Брадке, всѣ палаты государственныхъ имуществъ, потомъ ревизовалъ самостоятельно саратовскія колоніи, принималъ калмыцкія земли въ Сибирской губерніи и былъ завѣдующимъ временнымъ управленіемъ Самарскими государственными имуществами. Въ 1845 г., онъ поступилъ въ министерство юстиціи въ межевую канцелярію младшимъ членомъ, а за тѣмъ старшимъ. Въ 1848 г. назначенъ предсѣдателемъ Рязанской гражданской палаты; въ 1851 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при почетномъ опекунѣ, графѣ Віельгорскомъ, съ правами службы по опекунскому совѣту; съ упраздненіемъ канцеляріи опекунскаго совѣта причисленъ къ бывшему IV Отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1852 г., назначенъ производителемъ дѣлъ высочайше учрежденной комиссіи по дѣламъ опеки надъ дѣтьми великой княгини Маріи Николаевны; въ 1856 г., по смерти графа Віельгорскаго, согласно желанію великой княгини, откомандированъ къ ея высочеству для занятій по благотворительнымъ учрежденіямъ, ей ввѣреннымъ, а въ 1864 г. причисленъ къ министерству императорскаго двора. Въ 1882 г. назначенъ завѣдующимъ Общимъ Архивомъ министерства двора, и исполняетъ эту обязанность до сихъ поръ, приведя архивы, помѣщающіеся въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ образцовый порядокъ.

Литературная дѣятельность Г. В. началась въ 1833 г. изданіемъ, вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ и Д. И. Языковымъ «Сатиръ князя Антіоха Кантеміра». Въ 1834 г. онъ перевелъ, вмѣстѣ съ Мухановымъ, романъ Виктора Гюго «Ганъ Исландецъ». Питая всегда страсть къ отечественной исторіи, Г. В. съ 1850 г. всецѣло отдался изученію ея и преимущественно XVIII вѣка, тогда вовсе еще не разработаннаго, и съ этой цѣлью началъ заниматься въ архивахъ, въ которые получилъ доступъ по особому къ нему довѣрію. Плодомъ этихъ занятій явился, начиная съ 1851 г. рядъ историческихъ статей и изслѣдованій въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Рѣчи», «Русскомъ Словѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русской Бесѣдѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Древней и Новой Россіи», «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ. Перечислить всѣ эти статьи, заключающія въ себѣ драгоцѣнный архивный матеріалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя и доступныя каждому читателю по легкости и простотѣ изложенія, нѣтъ возможности. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ отдѣльно изданные сборники, подъ заглавіемъ: «Раскольничьи дѣла XVIII вѣка» 2 т. (1861 г.). «Люди стараго вѣка» (1880 г.) и «Тяжелая память прошлаго» (1885 г.). Сверхъ того, подъ редакціей Г. В. напечатаны: «Исторія Выговской пустыни», «Сборникъ документовъ о Петрѣ Великомъ», «Камеръ-фурьерскій

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

журналъ» съ 1774 по 1791 годъ и «Придворный календарь» 1789 и 1790 годовъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, Г. В. занимается историческимъ изслѣдованіемъ о старинныхъ Дворцовыхъ Приказахъ и о преобразованіяхъ Петра Великаго въ придворномъ бытѣ и дворцовомъ хозяйствѣ и продолжаетъ собирать матеріалы для исторіи Преображенскаго Приказа и біографіи знаменитаго князя А. Д. Меншикова.

Высоко цѣня полезные и неутомимые труды Г. В. по отечественной исторіографіи, мы можемъ только искренно желать, чтобы здоровье и силы позволили ему довести до конца начатыя работы и обогатить русскую науку новыми изслѣдованіями.

† 25-го декабря, въ Парижѣ, князь **Николай Максимиліановичъ Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій**, сынъ тетки Государя, великой княгини Маріи Николаевны, отъ брака ея съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ. Рожденіе герцога Николая Максимиліановича, 23-го іюля 1843 года, было большою семейною радостью для императора Николая I, котораго это былъ первый внукъ. Въ автобіографіи своего дѣтства и юношества, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» (май, 1890 г.), герцогъ описываетъ теплое участіе, которое покойный императоръ принималъ въ воспитаніи ребенка, стараясь дать ему военное направленіе. Умирая, Николай I благословилъ его и братьевъ, сказавъ: «Служите вѣрно». Къ сожалѣнію, здоровье герцога съ дѣтства было весьма слабое, а неудачныя операціи съ ногою еще усилили эту слабость, такъ что почти до двадцатилѣтняго возроста герцогъ непрерывно лечился здѣсь и за границею. Слабость здоровья не помѣшала однако покойному получить весьма основательное образованіе. Великая княгиня Марія Николаевна была очень образована и тонкая цѣнительница искусствъ, предсѣдательствуя въ Академіи Художествъ. Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій былъ человѣкъ также разносторонняго образованія. Онъ принималъ горячее участіе въ постройкѣ первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, завѣдывалъ институтомъ корпуса горныхъ инженеровъ, его покровительству и участію обязаны своимъ началомъ гальванопластика и строеніе паровозовъ въ Россіи.

Подъ вліяніемъ первоклассныхъ учителей и профессоровъ, изъ которыхъ, по собственному заявленію герцога «громадное вліяніе на его умственное развитіе» имѣлъ покойный химикъ Н. Н. Зининъ, — молодой герцогъ сдѣлался не только образованнымъ, но и ученымъ человѣкомъ. Минералогія была его любимою наукою: онъ съ жаромъ занимался ею подъ руководствомъ извѣстнаго минералога Н. И. Кокшарова, собралъ замѣчательную коллекцію минераловъ и сдѣлалъ и напечаталъ нѣсколько любопытныхъ изслѣдованій разныхъ минераловъ: брукита, лейхтенбергита, берилла, кочубеита и проч. Избранный въ 1865 году президентомъ Минералогическаго Общества, герцогъ совершенно обновилъ и оживилъ это учрежденіе. Онъ сдѣлалъ его изъ нѣмецкаго русскимъ ученымъ учрежденіемъ и далъ болѣе практическій характеръ трудамъ Общества. Кромѣ занятій минералогіей, Минералогическое Общество предприняло рядъ систематическихъ геологическихъ изслѣдованій на счетъ средствъ, исходатайствованныхъ покойнымъ у правительства. Эти изслѣдованія будутъ и впредь продолжаться. Изданія Общества были совершенно преобразованы, кромѣ того, учреждены преміи за лучшія сочиненія по геологіи, палеонтологіи и минералогіи, медали и пр.

Не ограничивая своего вниманія Минералогическимъ Обществомъ, герцогъ принималъ участіе въ трудахъ Академіи Наукъ, въ которой состоялъ почетнымъ членомъ. При его содѣйствіи задумана была прочная организація геологическихъ работъ въ Россіи, что привело затѣмъ къ учрежденію геологическаго комитета при горномъ департаментѣ.

Въ томъ же 1865 году произведенный въ генералъ-маіоры, герцогъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

былъ, по примѣру отца своего, назначенъ членомъ горнаго совѣта и ученаго комитета. Въ званіи членовъ этихъ учрежденій герцогъ принималъ постоянное участіе въ засѣданіяхъ, близко интересовался дѣлами и подавалъ голосъ съ большою независимостью.

Для лучшаго ознакомленія съ положеніемъ нашего горнаго дѣла, его высочество сдѣлалъ лѣтомъ 1866 года поѣздку на Уралъ, причемъ осмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе казенные и частные горные заводы, а также оренбургскіе золотые промыслы. Результатомъ этой поѣздки былъ отчетъ, указывавшій на различные недостатки въ горномъ управленіи и законодательствѣ. Отчетъ этотъ былъ разсмотрѣнъ по резолюціямъ Александра II въ горномъ совѣтѣ и послужилъ началомъ для важныхъ по горной части мѣропріятій, между прочимъ для сбавки горныхъ податей и для продажи нѣкоторыхъ казенныхъ заводовъ въ частныя руки. Подъ предсѣдательствомъ герцога была образована также особая комиссія для разсмотрѣнія вопроса объ уничтоженіи откупа нефти на Кавказѣ. Комиссія эта выработала правила о нефтяномъ производствѣ, утвержденныя въ 1872 году и составляющія до сихъ поръ дѣйствующее по нефтяной части законодательство; только отдѣлъ объ акцизѣ съ фотогена подвергся существеннымъ измѣненіямъ.

Въ обществѣ ходили слухи, что для его высочества подготовляется въ будущемъ постъ министра промышленности и торговли, но въ 1871 году по семейнымъ обстоятельствамъ герцогъ оставилъ Россію и жилъ за границею. Онъ вернулся оттуда, чтобы принять участіе въ послѣдней турецкой войнѣ. Его высочество командовалъ бригадою гусаръ и, между прочимъ, начальствовалъ кавалеріей въ отрядѣ генерала Гурко, перешедшей Балканы. Экспедиція эта, окончившаяся неудачно, подвергалась, какъ извѣстно, огромной опасности. За свое мужество герцогъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Братья его высочества также отличились въ эту войну: герцогъ Евгеній Максиміліановичъ командовалъ съ успѣхомъ кавалерійскими отрядами, а герцогъ Сергѣй Максиміліановичъ палъ на полѣ битвы, сраженный турецкою пулею.

Послѣ войны герцогъ Николай Максиміліановичъ по болѣзни уже жилъ постоянно за границею съ супругою своею графинею Надеждою Сергѣевною Богарне, урожденною Анненковою, и только однажды вернулся въ Россію, въ маѣ прошлаго года, чтобы принять участіе въ торжествѣ, устроенномъ Минералогическимъ Обществомъ по случаю двадцатипятилѣтія президентства его высочества. Въ день юбилея состоялось большое торжество, сопровождавшееся параднымъ обѣдомъ. Государь наградилъ герцога за ученыя заслуги чиномъ генералъ-отъ-кавалеріи и званіемъ генералъ-адъютанта.

Теплый пріемъ, оказанный ему въ С.-Петербургѣ, тронулъ покойнаго и онъ высказывалъ желаніе поселиться здѣсь и вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Онъ принималъ даже участіе въ засѣданіяхъ въ горномъ совѣтѣ. Но судьба рѣшила иначе. Ракъ въ горлѣ пресѣкъ жизнь его высочества на сорокъ седьмомъ году, послѣ ужасныхъ страданій.

Наружностью и характеромъ покойный напоминалъ своего дѣда, знаменитаго принца Евгенія, вице-короля итальянскаго. Это былъ въ полномъ словѣ рыцарь, единственный изъ маршаловъ Наполеона, оставшійся ему вѣрнымъ до конца, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, и заслужившій уваженіе именно за эту благородную черту своего характера. Въ характерѣ герцога Николая Максиміліановича преобладала такая же рыцарская черта. Она и дала, при чрезвычайной мягкости его характера, направленіе всей его жизни. Это былъ идеалистъ въ полномъ смыслѣ слова. Отличаясь въ высшей степени добрымъ, любезнымъ и привѣтливымъ обращеніемъ, герцогъ во всѣхъ его знавшихъ вселялъ любовь къ себѣ. Простота и до-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ступность его невольно очаровывали и преждевременная смерть его вызвала искреннія сожалѣнія въ русскомъ обществѣ.

† Въ ночь съ 26-го на 27-е декабря, послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій, **Никаноръ**, архіепископъ херсонскій и одесскій. Онъ былъ замѣчательный ученый, неутомимый проповѣдникъ и дѣятельнѣйшій администраторъ. Его ученые труды займутъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ области богословскихъ наукъ: его проповѣди, касавшіяся преимущественно язвъ нашей общественной и религіозной жизни, производили глубокое вліяніе, его энергичная административная дѣятельность, особенно въ отношеніи церковнаго благочинія и благоустройства, а также развитія дѣла церковно-приходскихъ школъ, и въ настоящее уже время сказалась положительными результатами. Никаноръ (Бровковичъ), уроженецъ Могилевской губерніи, вышее образованіе получилъ въ Петербургской духовной академіи со степенью магистра въ 1852 г., но уже въ 1850 г., еще студентомъ, былъ постриженъ въ монашество. Съ 1856 по 1868 годъ, въ санѣ архимандрита, онъ занималъ должность ректора духовныхъ семинарій: рижской, саратовской и полоцкой, а съ 1868 по 1871 годъ былъ ректоромъ Казанской духовной академіи. Въ 1869 г. получилъ степень доктора богословія, Съ 1871 г. состоялъ въ санѣ епископа, сперва аксайской, затѣмъ уфимской и, наконецъ, херсонской епархіи, гдѣ и былъ возведенъ въ 1886 г. въ санъ архіепископа. Изъ ученыхъ трудовъ его особенно замѣчательно обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе», въ трехъ томахъ, гдѣ ученый богословъ отважно рѣшился на задачу, свидѣтельствующую, сколько объ огромныхъ его дарованіяхъ, столько же и объ его глубокой эрудиціи: онъ задумалъ опровергнуть и, гдѣ возможно, примирить основанія позитивной философіи съ началами вѣры. Проповѣди Никанора издаются уже третьимъ изданіемъ; по настоящее время вышло четыре обширныхъ тома, пятый же томъ (за корректорою котораго и скончался преосвященный) будетъ уже посмертнымъ изданіемъ. Въ проповѣдяхъ своихъ Никаноръ, съ особенною живостію отзываясь на всѣ движенія религіозной жизни послѣдняго времени, является неустаннымъ и непоколебимымъ борцомъ за церковь и за все народное.

† 5-го декабря, въ своемъ имѣніи Фуниково-Рожествино, Тульской губерніи, извѣстный лексикографъ и писатель Николай Петровичъ Макаровъ. Покойный родился 4-го февраля 1810 г. въ Чухломѣ, гдѣ отецъ его былъ исправникомъ. Въ 1823 г. Н. П. былъ вызванъ дядей своимъ В. М. Мичуринымъ, жившимъ въ Варшавѣ, гдѣ вскорѣ опредѣленъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Въ 1830 г. во время вспыхнувшаго въ Польшѣ мятежа, Н. П., въ числѣ другихъ русскихъ, былъ задержанъ какъ военноплѣнный и получилъ свободу только по взятіи Паскевичемъ Варшавы. Это событіе изъ его жизни описано имъ въ статьѣ «Воспоминанія военноплѣннаго офицера», напечатанной въ «Военномъ Сборникѣ» 1862 г. Въ 1837 г. Н. П. женился на дочери помѣщика Болтиной и перешелъ въ Рижскій драгунскій полкъ, а въ 1838 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора. Въ 1844 г., потерявъ жену, Н. П. поступилъ на службу къ В. А. Кокореву, но экспансивная, страстная натура его не могла долго ужиться съ расчетливымъ и холоднымъ комерсантомъ; въ 1852 г. между ними произошелъ полный разрывъ, а въ 1859 г. Н. П. напечаталъ въ «Современникѣ» грозную, обличительную статью противъ Кокорева, подъ заглавіемъ «Задушевная исповѣдь». Въ 1851 г. Н. П. ѣздилъ за границу съ цѣлью усовершенствованія своего любимаго инструмента, — гитары, на которой игралъ превосходно и для которой написалъ много композицій. Въ 1860 г. онъ поселился въ Тульской деревнѣ, полученной имъ въ приданое за второй женой, рожденной Богаевской. Отсюда онъ посылалъ статьи, касающіяся мировыхъ и другихъ общественныхъ учрежденій въ «Русскій Инвалидъ», «Сѣверную Пчелу» и др.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изданія, писалъ корреспонденціи въ «Голосъ» и издалъ три обличительно-сатирическихъ романа, подъ псевдонимомъ Трехзвѣдочкина: «Банкъ тщеславія», «Двѣ сестрички» и «Побѣда надъ самодурами»; послѣдній романъ вызвалъ ожесточенную полемику между Н. П. и покойнымъ Д. И. Писаревымъ. Всѣ названныя произведенія не только не имѣли никакого успѣха, но расходы на ихъ печатаніе совершенно разстроили небольшое состояніе Н. П. Тогда (въ 1863 г.) онъ принялся за свой первый лексикографическій трудъ «Полный русско-французскій словарь» который окончилъ въ 1866 г. Средствъ на печатаніе этого обширнаго труда у Н. П. не было и онъ появился въ свѣтъ лишь благодаря содержателю типографіи Неклюдову, отпечатавшему его въ кредитъ. Съ 1868 по 1872 г. Н. П. работалъ надъ составленіемъ «Полнаго французско-русскаго словаря» и тщетно обращался за помощью для его изданія къ извѣстному Солдатёнкову и другимъ «меценатамъ», отвѣчавшимъ ему грубымъ отказомъ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, и по его ходатайству, получилъ отъ государя императора 4,000 руб., обезпечившихъ изданіе второго словаря. Этимъ дѣятельность Н. П. не ограничилась: въ 1874 г. онъ издалъ «Международные словари» для учебныхъ заведеній и «Нѣмецко-русскій словарь». Въ награду за свои лексикографическіе труды Н. П. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени. Въ 1878 г. онъ составилъ «Энциклопедію ума или словарь избранныхъ мыслей» за тѣмъ «Латинскія, итальянскія и англійскія пословицы и поговорки», и написалъ три беллетристическія произведенія: «Три бичующія сатиры», «Мои семидесятилѣтнія воспоминанія» (1882 г.) и «Калейдоскопъ» (1883 г.). Эти беллетристическія произведенія также, какъ и прежнія, не имѣли успѣха, а «Воспоминанія» вызвали даже, впрочемъ, вполнѣ заслуженныя, насмѣшки Въ 1881 г. Н. П. вмѣстѣ съ нѣсколькими литераторами основалъ литературное общество подъ названіемъ «Пушкинское Собраніе» и былъ выбранъ его предсѣдателемъ, но это общество существовало всего одинъ годъ. Послѣдніе годы своей жизни Н. П., одержимый старческими недугами, провелъ безвыѣздно въ деревнѣ, нетерпѣливо ожидая кончины, и постоянно говоря окружающимъ: «каждый день молю Бога о скорой смерти; страшно надоѣла мнѣ жизнь».

Какъ человѣкъ, Н. П. былъ въ высшей степени добрый, горячій, увлекающійся и довѣрчивый до такой степени, что всякій ловкій человѣкъ легко его обманывалъ; онъ былъ наивенъ, какъ ребенокъ, и растрачивалъ свои средства на всевозможныхъ эксплуататоровъ и проходимцевъ. Какъ беллетристъ, Н. П. былъ не лишенъ нѣкотораго таланта, но странныя, ложныя и отсталыя понятія, которыя онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ, создали ему весьма незавидную литературную репутацію.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Древности Пафнутьева монастыря.

Прочитавъ въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1890 годъ статью г. Пыляева «Историческіе колокола», я въ ней не нашелъ указанія на существованіе одного колокола, который лѣтами своими превосходитъ всѣ перечисленные г. Пыляевымъ колокола. При быстромъ исчезаніи, благодаря невѣжеству, предметовъ сѣдой старины, указаніе только на мѣстонахожденіе какого-либо стариннаго замѣчательнаго предмета лежитъ на обязанности каждаго интересующагося прошлымъ своего отечества.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вотъ почему думаю, что моя замѣтка не будетъ излишней для сохраненія на будущее время памяти о тѣхъ предметахъ, описанія которыхъ хотя и существуютъ, но въ такихъ изданіяхъ, которыя или совсѣмъ не встрѣчаются въ продажѣ или расходятся въ маломъ количествѣ среди только извѣстной публики, какъ, напримѣръ, описанія монастырей, церквей и пр.

Близъ уѣзднаго города Калужской губерніи, Боровска, находится Пафнутьевъ монастырь, основанный преподобнымъ Пафнутіемъ въ 1444 году. Монастырь этотъ, изъ котораго вышли такія извѣстныя въ церковной русской исторіи лица, какъ Макарій архіепископъ новгородскій, Іосифъ Волоколамскій, Вассіанъ архіепископъ ростовскій, и который въ настоящее время почти забытъ, въ стѣнахъ своихъ сохраняетъ немало памятниковъ, достойныхъ занять не послѣднее мѣсто по своей древности, по искусству работы и по личностямъ, принесшимъ ихъ въ даръ монастырю. Въ короткой замѣткѣ я не могу, понятно, распространяться объ этихъ древностяхъ, а укажу только нѣкоторыя изъ нихъ.

На монастырской колокольнѣ виситъ небольшой колоколъ пудовъ въ 20-ть, некрасивый своею формою, ушки его не вылиты вмѣстѣ съ колоколомъ, но послѣ отливки были ввинчены или всверлены. Вокругъ колокола почти посрединѣ его надпись славянскою вязью: «Лѣта 6996 (1488) мѣсяца октября 10 дня здѣланъ бысть сей колоколъ Крождеству Святыя Богородица Фпафнотіевъ Монастырь при Благоверномъ Великомъ Князи Іване Василевіче всея Руси і при его сыну Благоверномъ Великомъ Князи Іване Ивановиче і при Священнымъ Архіепискупѣ Геронтие всея Русиа повелѣниемъ раба Божія Ігумена Арсенія еже о Христе всея Братіи. А дѣлалъ Федько-Пушечникъ».

Изъ другихъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія, укажу на два покрова съ изображеніемъ преподобнаго Пафнутія: одно зеленаго штофа съ надписью вязаными буквами «въ лѣто 7038 (1530) повѣленіемъ Василія Божіею Милостію Господаря всея Руси и Великаго Князя Володимерскаго и Московскаго и Новгродскаго и Псковскаго и Смоленскаго и Тверскаго и Огорскаго и Пермскаго и Болгарскаго и иныхъ сдѣланъ бысть покровъ сіи въ 24-е лѣто Государства Его и при Его великой Княгинѣ Еленѣ» и другое такого же штофа съ надписью вязью вышитыми буквами «въ лѣто 7083 (1575) Марта въ 5 день сдѣланъ покровъ сей при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Руси и при Его царицѣ и великой княгини Аннѣ и при Ея Благородныхъ чадѣхъ Иванѣ Ивановичѣ и при Его Царицѣ Княгинѣ Ѳедосьи и при благородномъ Царевичѣ Князѣ Ѳедорѣ и при Его Царицѣ Княгинѣ Иринѣ повелѣніемъ Царевича Ивана Ивановича и Его Царицы Княгини Ѳедосьи».

Замѣчательны также плащаницы, принесенныя въ даръ Василіемъ Яковлевичемъ Щелкановымъ въ 1598 году, и Евангеліе, писанное уставомъ въ 1533 году, даръ постриженника монастыря Макарія архіепископа Новгородскаго. Замѣтимъ, что въ 30 годахъ монастырь этотъ былъ посѣщенъ П. М. Строевымъ и имъ же былъ составленъ каталогъ монастырской библіотеки, нынѣ приготовляемый къ изданію почтеннымъ нашимъ ученымъ Н. П. Барсуковымъ.

Николай Феттеръ.

II.

По поводу историческихъ романовъ.

Въ послѣднее время, наши дешевые журналы и газеты переполняются оригинальными историческими романами,—историческими только по названію, а не по содержанію, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни историческихъ характеровъ, ни знанія быта, ни художественнаго таланта, а есть только гру-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бое искаженіе русской исторіи и опошленіе ея выдающихся дѣятелей. Такое печальное явленіе объясняется очень просто. У насъ постоянно плодятся грошовыя изданія, съ грошовыми преміями и приложеніями, издаваемыя лицами, не имѣющими никакого отношенія къ литературѣ и видящими въ ней лишь способъ къ легкой наживѣ и эксплуатаціи довѣрчивыхъ и мало развитыхъ читателей. Для этихъ литературныхъ лавочекъ нужна, разумѣется, масса литературнаго товара, изъ котораго самый ходкій и заманчивый,— это историческій романъ. И вотъ, чтобы удовлетворить возростающій спросъ литературнаго рынка, досужіе люди, безъ всякой предварительной подготовки, безъ знакомства съ старинной жизнью и обычаями, при отсутствіи всякаго литературнаго дарованія, берутся за сочиненіе историческихъ романовъ. Канвой для подобнаго рода произведеній служитъ обыкновенно, какой-нибудь случайно вычитанный историческій анекдотъ, который и растягивается на цѣлые листы. Здѣсь все перепутано: и историческія событія, и хронологія, и историческія лица; но такое искаженіе исторіи имѣетъ легкій сбытъ, потому что невѣжественные издатели не въ состояніи сдѣлать оцѣнку предлагаемаго имъ историческаго винигрета и охотно пріобрѣтаютъ его, иногда за большія деньги. Къ сожалѣнію, не однѣ только бездарности, но и нѣкоторые талантливые писатели наши поддаются этому теченію. Просматривая объявленія разныхъ журналовъ и газетъ о подпискѣ, невольно изумляешься, напримѣръ, плодовитости извѣстнаго романиста графа Е. А. Саліаса. Его историческіе романы и повѣсти появляются одновременно въ нѣсколькихъ изданіяхъ, не исключая даже двухъ-рублеваго листка «Царь колоколъ». Писать въ одно и то же время пять, шесть, историческихъ романовъ,—искусство, по истинѣ, необычайное и поразительное! До него не достигалъ даже такой скорописецъ, какъ покойный Александръ Дюма. По этому поводу намъ доставлена не лишенная остроумія сатирическая замѣтка въ стихахъ, которую мы помѣщаемъ въ увѣренности, что уважаемый графъ Е. А. Саліасъ добродушно отнесется къ этой невинной шуткѣ:

«Засальясились» газеты
И журналы и листки...
Всюду древнихъ лѣтъ завѣты
Дали всходы и ростки...
Всѣ дѣла былыхъ столѣтій
Процѣдивъ сквозь свѣтлый умъ,
Графъ — романъ, другой и третій
Пишетъ смаху, наобумъ!
Про дьяковъ и басурмановъ
Началъ десять повѣстей
И одиннадцать романовъ,
По пятнадцати частей!
Въ новый годъ графъ всѣ изданья
Старой Руси подчинилъ;
Написавъ одни названья,
Полъ-ведра извелъ чернилъ.
Подивитесь же всѣ страны,
Изумись, журнальный міръ,
Какъ печетъ у насъ романы
Графъ Сальясъ де-Турнемиръ!!!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАШИ ГУБЕРНСКІЯ АРХИВНЫЯ КОМИССІИ [1]).

ВАЖНОСТЬ сохраненія документальныхъ источниковъ исторіи, всякаго рода офиціальныхъ актовъ, неоспорима. Знакомство съ послѣдними трудами по общей русской исторіи, по исторіи права, доказываетъ, что всѣ новые выводы и обобщенія, такъ далеко двинувшіе впередъ разработку нашей исторіи, явились только благодаря найденнымъ и приведеннымъ въ извѣстность актамъ. Въ особенности это нужно сказать о трудахъ, касающихся организаціи Московскаго государства, исторіи крестьянства, земскихъ соборовъ, исторіи XVIII вѣка. То же мы видимъ и въ работахъ по исторіи Южной Россіи. Предисловія къ изданіямъ актовъ Кіевской Археологической Комиссіи, основанныя почти исключительно на публикуемыхъ актахъ, представляютъ собою капитальныя изслѣдованія о положеніи казачества, церкви, крестьянъ, городовъ и т. д. Южной Россіи. Такое значеніе актовъ вызываетъ необходимость, чтобы архивныя сокровища, изъ которыхъ черпали и черпаютъ щедрою рукою изслѣдователи, приведены

---

[1]) Желающихъ ближе ознакомиться съ дѣятельностью архивныхъ комиссій, отсылаемъ прежде всего къ изданіямъ ихъ, указаннымъ въ настоящей статьѣ. Объ открытіи и дѣятельности первыхъ четырехъ комиссій помѣщены статьи въ «Вѣстн. Археол. и Ист.» (вып. 1, 2 и 3). Открытію Нижегородской комиссіи посвящена «Историческая записка», составленная А. С. Гацискимъ. Общіе годовые отчеты о дѣятельности архивныхъ комиссій директора Археологическаго Института И. Е. Андреевскаго помѣщены въ «Вѣстн. Арх. и Ист.» 1888 г. вып. 7-й; въ «Русск. Стар.» 1887 г. № 11; 1888 г. № 12; 1889 г. № 12 и 1890 г. № 11. О Рязанской Ком. есть статья М. И. Семевскаго въ «Русской Старинѣ» 1887 г. № 4. Офиціальные документы объ учрежденіи архивныхъ комиссій и губернскихъ историческихъ архивовъ напечатаны въ 1 вып. «Вѣстн. Арх. и Ист.» 1885 г., а также въ «Историч. запискѣ» А. С. Гацискаго. Авторъ настоящей статьи знакомъ съ изданіями только девяти комиссій, о дѣятельности Пермской комиссіи знаетъ только по отчету проф. И. Е. Андреевскаго. Дѣятельность Ярославской и Калужской комиссій еще не выяснилась.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

были въ возможно большій порядокъ и безопасность. Къ сожалѣнію, у насъ до недавняго времени только главные и центральные архивы были поставлены въ благопріятныя условія, въ архивахъ же губернскихъ масса документовъ гибла и гибнетъ теперь отъ пожаровъ и расхищенія. Такъ, въ послѣдніе годы пожары истребили многіе архивы въ Сибири; Орловская и Таврическая архивныя комиссіи заявляютъ, что весьма многое, значащееся въ описяхъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ, уничтожено огнемъ. Приведенные примѣры далеко не единичные случаи.

Правда, начиная съ Петра Великаго, издавались указы о заботливомъ отношеніи ко всякаго рода древностямъ, а въ частности къ рукописнымъ сокровищамъ [1]). Въ 1731 году, напримѣръ, послѣдовалъ сенатскій указъ о постройкѣ въ губерніяхъ и провинціяхъ каменныхъ палатъ со сводами и каменными полами для храненія старыхъ дѣлъ и денежной казны. Во все царствованіе Екатерины II издаются указы о назначеніи въ архиваріусы надежныхъ людей, объ устройствѣ архивовъ, о порядкѣ храненія дѣлъ, о порядкѣ сдачи ихъ въ Государственный Архивъ изъ уничтоженныхъ присутственныхъ мѣстъ. Съ XIX вѣка, съ образованія первыхъ ученыхъ историческихъ обществъ, появляются первыя ученыя описанія архивовъ, старинныхъ документовъ. Учреждаются особыя археографическія экспедиціи, комиссіи, не только въ столицахъ, но и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, проявившія энергическую дѣятельность съ пятидесятыхъ годовъ. Въ послѣднее время настала очередь разбора и приведенія въ порядокъ провинціальныхъ архивовъ.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей по постановкѣ архивовѣдѣнія на подобающую высоту справедливо считается покойный сенаторъ Н. В. Калачовъ, основатель Археологическаго Института и авторъ статьи «Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство» [2]). Одною изъ важныхъ его заслугъ была иниціатива учрежденія ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій. Въ 1884 году Академія Наукъ, при дѣятельномъ участіи своего президента, графа Д. А. Толстого, высказалась за необходимость губернскихъ архивныхъ комиссій, а 12-го апрѣля послѣдовало Высочайшее утвержденіе положенія о нихъ. Самъ Калачовъ успѣлъ открыть въ 1884 г. комиссіи въ Твери, Рязани, Тамбовѣ, Орлѣ, и въ 1885 году въ Костромѣ. Много хлопоталъ онъ также объ основаніи задуманныхъ имъ учрежденій въ Нижнемъ Новгородѣ и Саратовѣ, но въ этихъ городахъ комиссіи были открыты уже послѣ его смерти, въ 1887 году. Въ этомъ же году начали свою дѣятельность Оренбургская и Таврическая архивныя комиссіи, къ которымъ въ 1888 году присоединилась Пермская, въ 1889 году Ярославская и въ 1890 году Калужская. Такимъ образомъ, въ настоящее время дѣйствуютъ 12 комиссій, т. е. въ теченіе шести лѣтъ число ихъ утроилось. Изъ факта такого развитія новыхъ ученыхъ обществъ и твердаго устойчиваго положенія большинства ихъ, видно, что наше общество сознаетъ необходимость подобнаго рода учрежденій, тѣмъ болѣе, что оно само, въ виду малаго обезпеченія комиссій, должно идти имъ на помощь не только безвозмезднымъ трудомъ, но и матеріальной поддержкой.

---

[1]) Указы эти собраны въ статьѣ г. Данилова «Правительств. распоряженія относительно отечественныхъ древностей съ императора Петра I, особенно въ царствованіе импер. Александра II» въ «Вѣстн. Арх. и Ист.» 1886 г. вып. VI.

[2]) «Сборникъ государствен. знаній», т. IV. Спб. 1877 г. и отдѣльно.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ученыя архивныя комиссіи имѣютъ цѣлью, главнымъ образомъ, «разборъ дѣлъ, предназначенныхъ въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которыя по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ». Независимо отъ этого, комиссіи могутъ включать въ кругъ своихъ занятій ознакомленіе съ мѣстными древностями.

И въ томъ, и въ другомъ отношеніи архивныя комиссіи за истекшіе 6 лѣтъ своей дѣятельности сдѣлали не мало.

Прежде всего были приведены въ извѣстность архивы присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ предстояло разсмотрѣть и выдѣлить для историческаго архива дѣла. Разборъ документовъ производится очень удачно и скоро, не смотря на то, что вначалѣ высказывались предположенія о медленности хода работъ, вслѣдствіе непривычки разбирать старинные почерки. Къ сожалѣнію, изъ массы просмотрѣнныхъ дѣлъ (теперь десятки тысячъ въ старѣйшихъ комиссіяхъ) приходится оставлять весьма немного [1]). Большинство этихъ дѣлъ относится къ XVIII и началу XIX вѣка. Это, главнымъ образомъ, рѣшенія изъ практики дореформенныхъ судовъ, дѣла губернскихъ и провинціальныхъ канцелярій, магистратовъ городовъ, консисторій и т. д. Они обрисовываютъ довольно ярко провинціальный бытъ преимущественно прошлаго столѣтія; поэтому небольшія изслѣдованія на основаніи разобранныхъ документовъ имѣютъ нѣкоторый общій интересъ. Позволимъ себѣ перечислить нѣкоторыя болѣе выдающіяся изъ этихъ работъ: «Тверскіе филантропы XVIII столѣтія» В. И. Колосова, «Объ участіи Рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ» А. Д. Повалишина, «Козловское малое народное училище» М. Г. Розанова, «Инородцы-помѣщики Керенскаго уѣзда въ XVIII в.» Г. П. Петерсона, «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные» А. Д. Повалишина, «О поселеніяхъ раскольниковъ въ предѣлахъ Таврической губерніи» А. Иванова», «Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ» П. А. Дьяконова и др. Члены комиссій разбирали архивы монастырскіе, представляющіе также богатый матеріалъ для историка, (таковы, наприм., архивы Ипатскаго монастыря, Солотчинскаго, Мамонтовой пустыни и другихъ). Рядомъ съ этимъ идетъ составленіе описей историческихъ архивовъ. Руководствомъ комиссіямъ служатъ «Правила составленія губернскихъ историческихъ архивовъ, выработанныя Археологическимъ Институтомъ».

Не ограничиваясь мѣстными архивами, комиссіи вошли въ сношенія съ центральными Архивами Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ. Добрую услугу въ этомъ отношеніи многимъ комиссіямъ оказалъ библіотекарь Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. Ф. Токмаковъ, сообщающій списокъ матеріаловъ по археографіи извѣстнаго края, найденныхъ имъ въ названномъ архивѣ. Предсѣдатель Тамбовской комиссіи И. И. Дубасовъ лично и чрезъ письменныя сношенія извлекъ не мало документовъ изъ Архива Министерства Юстиціи. Управляющій этимъ архивомъ, Н. А. Поповъ, сообщилъ Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Тверской ко-

[1]) Вотъ примѣры, взятые на удачу: въ 1885 г. Тверск. ком. изъ 4,903 дѣлъ Вышневолоцк. уѣз. казнач. выдѣлила всего 250 дѣлъ, Рязан. ком. въ 1887 г. изъ 11,000 дѣлъ оставила въ Историч. Арх. 2,432 дѣла. Таврич. ком. въ 1889 году изъ 8,389 дѣлъ упраздненныхъ судебн. учрежд. 236, въ 1885 году Тамбовск. ком. изъ 2,300 дѣлъ Кирсанов. полиц. управ. оставила 165 дѣлъ, и т. д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

миссіямъ указатель хранящихся въ Архивѣ дѣлъ, которыя относятся къ району ихъ дѣятельности. Въ 1887 г. министръ юстиціи разрѣшилъ отсылку въ комиссіи дѣлъ Сенатскаго Архива, предназначенныхъ къ уничтоженію. Кромѣ того, нѣкоторыми мѣстными дѣятелями исходатайствовано разрѣшеніе для занятій въ архивахъ сосѣднихъ губерній.

Общество не осталось глухимъ къ дѣятельности архивистовъ. Уже въ 1884 и 1885 годахъ членамъ комиссій были предоставлены нѣкоторыми частными лицами занятія въ ихъ семейныхъ архивахъ, причемъ иногда болѣе интересные документы были ими приносимы въ даръ комиссіямъ. Ежегодно въ архивы и музеи нашихъ ученыхъ обществъ поступаютъ какъ цѣлые небольшіе частные архивы, такъ и жертвуемые разными лицами отдѣльные документы, письма историческихъ дѣятелей, крѣпостные акты, рукописныя описанія древностей края, рѣдкіе автографы, челобитья, писцовыя книги и т. д. Многіе изъ этихъ документовъ относятся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ. Они представляютъ, судя, напримѣръ, по напечатаннымъ въ «Трудахъ Орлов. Комиссіи», цѣнный матеріалъ для исторіи крестьянства, помѣщичьяго быта XVII и XVIII в. и т. п. Вообще, образованные архивными комиссіями губернскіе историческіе архивы, безъ сомнѣнія, уже и теперь заключаютъ въ себѣ не мало цѣнныхъ документовъ. Къ сожалѣнію, вопросъ о помѣщеніи для историческихъ архивовъ далеко невездѣ рѣшенъ удовлетворительно.

Ознакомленіе съ древностями той или другой губерніи вызвало основаніе музеевъ. Самымъ богатымъ, но возникшимъ гораздо раньше архивной комиссіи, по справедливости признается Тверской музей, много обязанный своимъ развитіемъ предсѣдателю Тверской комиссіи А. К. Жизневскому. Послѣдній издалъ роскошное описаніе Тверскаго музея, имъ же издаются и ежегодные обзоры: «Тверской музей и его пріобрѣтенія за минувшій годъ». Остальные музеи явились исключительно благодаря архивнымъ комиссіямъ. Уже въ 1884 г. положено было основаніе музея Тамбовскаго (состоявшаго изъ четырехъ отдѣловъ: рукописей, живописи, нумизматическаго и палеонтологическаго). Музей этотъ ежегодно и замѣтно обогащается. Въ 1889 году составлено описаніе его П. А. Дьяконовымъ (съ раздѣленіемъ на 7 отдѣловъ). Рязанскій музей одинъ изъ богатѣйшихъ, часть его была на выставкѣ послѣдняго археологическаго съѣзда [1]). Въ послѣднее время развиваются музеи Нижегородскій и Саратовскій. Основанный всего въ 1888 году Таврическій (Севастопольскій) музей занялъ уже довольно видное мѣсто, благодаря богатству Крымскаго полуострова въ археологическомъ отношеніи. (Къ 1-му января 1890 года въ музеѣ считалось уже около 1,600 предметовъ и монетъ). Гораздо слабѣе пополняется Орловскій музей, Пермскій едва только зарождается. Для обогащенія музеевъ нѣкоторыя комиссіи, не довольствуясь одними пожертвованіями, пріобрѣтаютъ предметы древности на собственныя средства.

Рязанская, Таврическая и Саратовская комиссіи, независимо отъ этого, производили раскопки. Такъ, въ 1886 году А. В. Селивановъ, произведшій раскопки въ гор. Касимовѣ, нашелъ нѣсколько надгробныхъ надписей, довольно важныхъ для исторіи Касимовскаго царства; въ 1887 и слѣдующихъ

---

[1]) Есть «Краткій каталогъ Рязанскаго музея» (отдѣлъ I, археологическій), составленный А. В. Селивановымъ, 1889 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

годахъ имъ же производились раскопки на мѣстѣ старой Рязани, давшія не мало находокъ. Производились раскопки и въ другихъ мѣстахъ разными лицами (гг. Баженовымъ, Протасьевымъ, Галаховымъ и др.). Саратовская комиссія въ 1888 году организовала экскурсію подъ руководствомъ своего предсѣдателя А. А. Тилло для раскопокъ близъ посада Дубовки. Въ 1889 году г. Краснодубровскимъ произведена раскопка въ Сердобскомъ уѣздѣ. Тамбовская комиссія не разъ оказывала содѣйствіе нѣкоторымъ лицамъ въ археологическихъ предпріятіяхъ. Особенно много отчетовъ и замѣтокъ о раскопкахъ, какъ членовъ комиссіи, такъ и другихъ лицъ, появляется на страницахъ «Извѣстій» Таврической архивной комиссіи, иногда съ изображеніями найденныхъ вещей, и греческихъ надписей. (Таковы статьи гг. Ар. Маркевича, Хр. Ящуржинскаго, А. Стивена и другихъ). Для ознакомленія членовъ комиссій съ пріемами научныхъ раскопокъ, названными комиссіями напечатана была программа, составленная проф. Самоквасовымъ. Вопросъ объ археологическихъ губернскихъ картахъ обсуждался нѣкоторыми комиссіями. Гг. Проскурниковымъ и Розановымъ уже составлена археологическая карта Тамбовской губерніи, съ объяснительной запиской къ ней. Въ Саратовской комиссіи предложеніе объ археологической картѣ внесъ г. Косичъ (губернаторъ и непремѣнный попечитель комиссіи). Надъ Нижегородской археологической картой трудится г. Гацискій. Костромская комиссія собрала свѣдѣнія о нѣкоторыхъ памятникахъ старины (обработанныя г. Херсонскимъ) и о доисторическихъ древностяхъ Костромской губ. (курганахъ, городищахъ и т. п.) и напечатала ихъ въ 1-мъ выпускѣ «Костромской Старины». Нѣкоторыя комиссіи считаютъ своею обязанностью принятіе мѣръ къ охраненію предметовъ древности. Такъ, Рязанская въ 1886 году выхлопотала у мѣстнаго епархіальнаго начальства два распоряженія: 1) чтобы передѣлка церквей, построенныхъ ранѣе XVIII вѣка, разрѣшалась не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ комиссіей (при чемъ былъ составленъ и провѣренъ списокъ такихъ церквей), и 2) чтобы реставрація древнихъ иконъ производилась также съ разрѣшенія комиссіи, которая принимаетъ на себя посредничество въ пріисканіи опытныхъ художниковъ. На практикѣ уже не разъ возбуждались вопросы о подобныхъ перестройкахъ и реставраціяхъ. Заботы объ охраненіи предметовъ древности приняла на себя и комиссія Таврическая, констатирующая тотъ фактъ, что они съ каждымъ годомъ уничтожаются невѣжественными людьми. Въ 1889 году на это же обратила вниманіе и Орловская комиссія.

На ряду съ музеями, стали образовываться и библіотеки, какъ отъ частныхъ пожертвованій, такъ и отъ обмѣна съ изданіями ученыхъ обществъ. Въ большинствѣ случаевъ, провинціальные дѣятели выдѣляютъ и стараются пополнять мѣстный отдѣлъ. Во временное пользованіе предоставили свои собранія книгъ по мѣстной исторіи гг. Гацискій и Мельниковъ (въ Нижегородской комиссіи). Таврическая комиссія пользуется библіотекою губернской земской управы «Таврина». Въ Рязанскую библіотеку пожертвовалъ свое богатое собраніе книгъ по мѣстной исторіи (762 т.) г. Селивановъ, а также г. Добролюбовъ. Саратовская комиссія рѣшила обратиться къ спеціалистамъ съ просьбою указать списокъ книгъ, необходимыхъ для нея. Въ Тверской и Тамбовской библіотекахъ, кромѣ книгъ, находится не мало рукописей.

Въ началѣ своей дѣятельности Архивныя Комиссіи обыкновенно ограни-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чивались печатаніемъ своихъ протоколовъ и иногда въ приложеніяхъ къ нимъ документовъ и изслѣдованій. Съ теченіемъ времени, послѣдній отдѣлъ сталъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе, а выпуски изданій стали появляться извѣстное число разъ въ годъ. Такимъ образомъ, явились провинціальные историческіе журналы, печатающіе на ряду съ матеріалами и документами нерѣдко и весьма цѣнныя изслѣдованія, рефераты, мелкія замѣтки и т. д. Къ сожалѣнію, по недостатку мѣста, мы не можемъ перечислить даже важнѣйшія работы, помѣщенныя въ нихъ[1]), скажемъ только, что нѣкоторыя работы, особенно членовъ Тверской, Тамбовской, Рязанской, Таврической комиссій вызвали одобрительные отзывы спеціалистовъ и ученой критики.

Дѣятельность комиссій расширяется и становится оживленнѣе съ каждымъ годомъ. Большинство ихъ принимало участіе въ послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, гдѣ ихъ депутаты вмѣстѣ съ депутатами отъ архивовъ и Археологическаго Института образовали особую археографическую секцію, на которой читались рефераты, близко касающіеся комиссій. Между прочимъ, А. Ѳ. Селивановъ прочиталъ рефератъ о дѣятельности архивныхъ комиссій, а гг. Лашковъ и А. В. Селивановъ въ своихъ докладахъ изобразили внѣшнюю сторону и характеръ дѣятельности ихъ. А. В. Селивановымъ былъ возбужденъ вопросъ объ общемъ уставѣ. Но большинство высказалось въ томъ смыслѣ, что нѣтъ необходимости въ изданіи особыхъ правилъ въ дополненіе къ существующему положенію, что изданіе общаго устава стѣснило бы молодыя учрежденія, какими являются комиссіи; если же старѣйшія изъ нихъ чувствуютъ недостатокъ въ такомъ уставѣ, то онѣ сами могутъ выработать программу, обязательную для своихъ членовъ, лишь бы только она не шла въ разрѣзъ съ существующимъ положеніемъ объ архивныхъ комиссіяхъ. — Археографическая секція постановила ходатайствовать объ утвержденіи общаго положенія, объ устройствѣ губернскихъ архивовъ всѣхъ вѣдомствъ, объ уничтоженіи дѣлъ и прочихъ вопросахъ архивовѣдѣнія, поручивъ выработать это положеніе Археологическому Институту. На страницахъ своихъ изданій архивныя комиссіи помѣстили нѣсколько замѣтокъ о характерѣ своей дѣятельности, а въ послѣднее время отчетовъ объ археологическомъ съѣздѣ. Самой замѣчательной изъ нихъ намъ кажется статья нынѣшняго предсѣдателя Саратовской Комиссіи кн. Голицына «Архивы и порядокъ ихъ разбора»[2]). По его мнѣнію, просмотръ описей архи-

---

[1]) Тамбовская Комиссія издала 28 выпусковъ «Извѣстій», Орловская 6 выпусковъ «Трудовъ» до 1890 г. и въ 1890 г.—3 выпуска; Рязанская напечатала пять томовъ «Трудовъ», выпуски которыхъ, въ послѣдніе годы, выходятъ ежемѣсячно; Нижегородская комиссія съ 1888 г. ежегодно выпускаетъ по 3 №№ своихъ «Дѣйствій»; Саратовская, кромѣ протоколовъ, напечатала 3 тома «Трудовъ»; Таврическая 10 выпусковъ «Извѣстій». Тверская Комиссія печатаетъ только «Журналы» съ извлеченіями изъ рефератовъ, самые же рефераты печатаются отдѣльными книжками. Труды членовъ Костромской Комиссіи появляются въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», съ 1890 г. вышелъ 1 выпускъ «Костромской Старины»; Оренбургская Комиссія печатаетъ свои протоколы и «Архивъ Оренбургскій» (бывшій) генералъ-губернаторскаго управленія (вышелъ 1 выпускъ). Кромѣ этихъ изданій, выходили отдѣльно каталоги музеевъ, описи архивовъ и т. п.

[2]) «Труды Сарат. Арх. Ком.», 1890 г., т. III, вып. I.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вовъ невозможно поручать одному лицу. «Объемъ и характеръ историческаго научнаго образованія,— говоритъ авторъ,—симпатіи или антипатіи къ тому или другому порядку вещей, однимъ словомъ, субъективизмъ читающаго опись, отъ котораго отрѣшиться почти невозможно, будетъ имѣть своимъ результатомъ то, что въ описи будутъ отмѣчены лишь такія дѣла для просмотра, которыя подходятъ къ вкусамъ просматривающаго опись». Далѣе авторомъ предложена программа совмѣстнаго обсужденія описей.

Что касается болѣе подробной общей программы дѣйствій комиссій, то такая отчасти выработана Рязанской Комиссіей [1]). (Эта программа принята и въ Твери [2]). Въ общемъ она представляетъ распространеніе положенія о комиссіяхъ. Укажемъ на нѣкоторые ея пункты. Архивныя комиссіи должны заботиться о составленіи библіотеки пособій по разработкѣ историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, о составленіи библіографическихъ и палеографическихъ указателей сочиненій и журнальныхъ статей объ извѣстномъ краѣ. Архивныя комиссіи собираютъ свѣдѣнія о писателяхъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятеляхъ своего края, ихъ портреты, а также виды историческихъ мѣстностей и т. п. Кромѣ того, онѣ должны приводить въ извѣстность воспоминанія, разсказы, преданія, пѣсни и т. д. Такимъ образомъ названныя комиссіи вполнѣ основательно включаютъ въ кругъ своихъ дѣйствій ознакомленіе со всѣми тѣми факторами, которые составляютъ необходимое условіе для полнаго изученія мѣстной исторіи; словомъ, архивныя комиссіи этой программой опредѣляютъ себя какъ провинціальныя общеисторическія общества.

Таковы въ общихъ чертахъ итоги ихъ дѣятельности. Итоги эти довольно значительны; но еще болѣе значительными представляются они, когда мы узнаемъ о ничтожности матеріальныхъ средствъ и постоянныхъ затрудненіяхъ архивныхъ комиссій. Положеніе о комиссіяхъ говоритъ, что расходы ихъ покрываются изъ средствъ, находящихся въ распоряженіи директора Археологическаго Института и изъ мѣстныхъ пожертвованій. Но Археологическій Институтъ, хотя и пользующійся казенной субсидіей, можетъ удѣлять комиссіямъ (въ особенности, съ увеличеніемъ числа ихъ) весьма мало. Нѣкоторою помощью имъ служатъ отпускаемые ежегодно г. министромъ юстиціи отъ 300 до 200 рублей на расходы по разбору и описанію архивовъ судебныхъ мѣстъ. Нѣкоторыми комиссіями для усиленія средствъ узаконены членскіе взносы и иногда практикуется подписка между членами. Только нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ болѣе благопріятномъ положеніи, благодаря поддержкѣ земствъ. Другое затрудненіе, состоящее въ отсутствіи помѣщеній для историческихъ архивовъ, библіотекъ и музеевъ, устранено навсегда лишь нѣкоторыми комиссіями; въ большинствѣ же случаевъ приходится пользоваться временными помѣщеніями. Затрудненія научнаго характера въ пріемахъ дѣятельности устраняются отчасти указаніями Археологическаго Института, отчасти знакомствомъ съ трудами другихъ ученыхъ обществъ, оживленнымъ обмѣномъ изданіями съ другими комиссіями и указаніями спеціалистовъ.

Мы напомнимъ только главнѣйшіе изъ такихъ указаній. Не мѣшало бы всѣмъ комиссіямъ воспользоваться пока программой, выработанной въ Ря-

---

[1]) Труды Рязанск. Арх. Ком. 1889 г.
[2]) Журналъ Тверск. Арх. Ком. 14 апрѣля 1889 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зани и обратить должное вниманіе на статью кн. Голицына. Важно, по нашему мнѣнію, и указаніе управляющаго архивомъ Министерства Юстиціи г. Попова, высказанное имъ въ бесѣдѣ съ депутатами нашихъ комиссій во время послѣдняго археологическаго съѣзда. Сущность словъ г. Попова заключается въ томъ, что архивнымъ комиссіямъ слѣдуетъ пока исключительно приводить въ порядокъ мѣстные губернскіе и уѣздные архивы, находящіеся въ дурномъ состояніи и даже расхищаемые на нашихъ глазахъ. Разсмотрѣніе документовъ, которые хорошо сохраняются въ столичныхъ архивахъ и вполнѣ обезпечены отъ уничтоженія, конечно, важно для провинціальнаго историка; но эти документы всегда доступны изслѣдователю, чего нельзя сказать о провинціальныхъ архивахъ присутственныхъ мѣстъ; разборъ послѣднихъ и долженъ составлять главную задачу мѣстныхъ дѣятелей.

Позволимъ отъ себя также высказать нѣсколько пожеланій. Намъ кажется, что было бы всего удобнѣе, если бы и другія комиссіи стали выпускать свои изданія по примѣру «Трудовъ» Рязанской и «Извѣстій» Таврической комиссій. Достоинство послѣднихъ, на нашъ взглядъ, состоитъ въ удачномъ подборѣ статей, а также въ томъ, что протоколы засѣданій въ нихъ отодвинуты на послѣднее мѣсто; главное же значеніе и мѣсто занимаютъ рефераты и матеріалы; мелкія статьи и замѣтки выдѣлены въ особый отдѣлъ. Нельзя назвать удобнымъ форматъ Нижегородскихъ «Дѣйствій», Рязанскихъ «Трудовъ», Тверскихъ «Журналовъ». Нужно наблюдать осторожность при печатаніи документовъ и матеріаловъ (такимъ, напр., какъ подробные метеорологическіе дневники, совсѣмъ не мѣсто въ изданіяхъ архивныхъ комиссій). Едва ли также мѣсто въ «Извѣстіяхъ» комиссій такихъ рефератовъ, какъ о книгѣ Кантемира «Состояніе мухаммеданскихъ религій», которая имѣетъ только то отношеніе къ комиссіи, что находится въ ея библіотекѣ. Вообще, рефераты должны касаться исключительно извѣстнаго края.

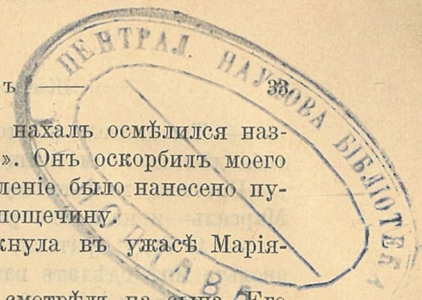
Ознакомившись вкратцѣ съ положеніемъ архивныхъ комиссій, интересно задать вопросъ, отчего зависитъ ихъ бо̀льшій или меньшій успѣхъ? Большее развитіе дѣятельности архивныхъ комиссій замѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже раньше было не мало людей, посвятившихъ себя изученію прошлаго своего края. Эти лица при открытіи комиссій жертвуютъ имъ свои библіотеки съ книгами по мѣстной исторіи, собранными съ любовью и знаніемъ дѣла, жертвуютъ свои коллекціи, вербуютъ новыхъ членовъ и своими работами оживляютъ дѣятельность комиссій. Тамъ, гдѣ меньше такихъ людей, гдѣ комиссіи образованы скорѣе случайно, чѣмъ по общему сознанію, дѣло идетъ слабѣе. Такое положеніе служитъ залогомъ, что комиссіи, открываемыя въ городахъ, въ которыхъ, такъ сказать, подготовлена для нихъ почва, гдѣ уже есть дѣятели, музеи и т. п., будетъ развиваться успѣшно. Подобныхъ пунктовъ въ настоящее время можно назвать нѣсколько. Еще въ 1888 г. проф. Андреевскій указывалъ на необходимость комиссіи въ Самарѣ. Странно видѣть отсутствіе ученыхъ историческихъ обществъ въ такихъ, богатыхъ историческими воспоминаніями, городахъ, какъ Новгородъ, Смоленскъ, Владиміръ, Житоміръ (Волынской руб.), Каменецъ (Подольской (губ.), Черниговъ. Архивныя комиссіи съ успѣхомъ могли бы заявить себя въ Екатеринославѣ, гдѣ находится одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ музеевъ (Поля), а область эта принадлежала нѣкогда Запорожью, по исторіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

котораго въ послѣднее время много работаетъ г. Эварницкій. Благопріятное мѣсто представляетъ также Воронежъ, уже давно выдающійся изъ числа губернскихъ городовъ, какъ ученый и литературный центръ[1]). Будемъ надѣяться, что мѣстные дѣятели возбудятъ въ непродолжительномъ времени вопросъ объ открытіи у себя архивныхъ комиссій, а провинціальное общество пойдетъ на встрѣчу ихъ начинаніямъ. Глубоко справедливы памятныя слова Н. В. Калачова въ его отчетѣ о первомъ годѣ дѣятельности архивныхъ комиссій: «Что касается дальнѣйшаго расширенія настоящаго дѣла, то оно должно будетъ зависѣть не столько отъ наличныхъ или могущихъ поступить на это дѣло денежныхъ средствъ, сколько отъ того, въ какой степени мысль о сохраненіи драгоцѣнныхъ памятниковъ нашей старины встрѣтитъ сочувствіе въ средѣ лицъ, принадлежащихъ къ образованной части населенія данной мѣстности, и вызоветъ въ нихъ стремленіе къ изученію исторіи ихъ родины». А. І. Л.

[1]) Желательно также объединеніе въ архивныя комиссіи другихъ историческихъ провинціальныхъ обществъ, каковы, напр., Псковское Археологическое Общество и Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



— Вчера, на придворномъ балу одинъ нахалъ осмѣлился назвать ваше семейство «потомствомъ палача». Онъ оскорбилъ моего дѣда, васъ, наконецъ всѣхъ насъ. Оскорбленіе было нанесено публично и онъ публично получилъ за него пощечину.

— И ты хочешь его убить?—воскликнула въ ужасѣ Марія-Анна.

Графъ Бенардъ, блѣдный, съ любовью смотрѣлъ на сына. Его Марсель! Такой легкомысленный, вѣтреный, и такой благородный, храбрый... Сколько сердечной доблести!...

Онъ протянулъ ему руку.

— Ты хорошо поступилъ, сынъ мой. Культъ чести есть одна изъ нравственныхъ обязанностей, налагаемыхъ на насъ Всевышнимъ. При такихъ условіяхъ дуэль вполнѣ законна, она является защитницею семейныхъ началъ, и тутъ люди правы, нарушая законъ. Какъ зовутъ этого нахала?

— Князь де-Карпенья.

— Итальянецъ... все ясно... Сколько ему лѣтъ?

Марсель, который все время слѣдилъ за отцомъ, испугался выраженія его лица. Видно было, что въ душѣ старика кипѣлъ гнѣвъ, а можетъ быть, въ немъ шевелилось и тайное желаніе самому отмстить за себя. Тогда онъ рѣшился на спасительную ложь.

— Сколько ему лѣтъ?... Да онъ, вѣроятно, моихъ лѣтъ... Пустая ссора молодыхъ людей...

— Но вѣдь былъ же, вѣроятно, поводъ къ ссорѣ.

— Поводъ?—повторилъ весело Марсель—неосторожное слово, какъ говорятъ, въ водевиляхъ—«не любезное приглашеніе къ завтраку».

— Ты меня обманываешь... Какія условія дуэли?

— Презабавныя...! Настоящая partie de plaisir. Обмѣнъ пулями на 25 шагахъ.

— Я знаю, что ты хороше стрѣляешь... Кто твои секунданты?

— Мой пріятель Гравенуаръ и баронъ Ла-Шене.

— Я предпочелъ бы другихъ... Гдѣ назначено мѣсто поединка?

— Въ Вокрессонѣ, въ паркѣ Гравенуаръ.

— Прекрасно, я ѣду съ тобой.

Молодой человѣкъ протянулъ руку, точно желая преградить дорогу отцу.

— Нѣтъ! умоляю васъ, нѣтъ! Не дѣлайте меня посмѣшищемъ.

— Посмѣшищемъ!..

Графъ Бенардъ въ изнеможеніи опустился въ кресло, у него помутилось въ глазахъ, ноги отказывались служить, кровь приливала къ сердцу — онъ испытывалъ страшное мученіе. Тѣмъ не менѣе, энергичнымъ усиліемъ, онъ преодолѣлъ свое страданіе и, улыбаясь проговорилъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ты сказалъ жестокое слово... Хорошо, я останусь—я не хочу тебя дѣлать посмѣшищемъ.

Настала минута мучительнаго молчанія. Первымъ заговорилъ Марсель—и на этотъ разъ торжественнымъ тономъ:

— Я буду драться, отецъ, чтобы проучить нахала... Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ только вопросъ...

— Вопросъ? Я тебя слушаю, Марсель.

Молодой человѣкъ пристально посмотрѣлъ на того, за любовь къ которому онъ шелъ убивать—и за которую, быть можетъ, самъ будетъ убитъ, и разстроганнымъ голосомъ проговорилъ:

— Скажите мнѣ, отецъ, какое преступленіе совершилъ Савелли?

Бывшій генералъ-прокуроръ такъ же пристально взглянулъ на сына.

— Савелли? что же ты собственно хочешь узнать—эта печальная исторія слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна.

— Нѣтъ, недостаточно хорошо!.. Я былъ въ Парижѣ, далеко отъ васъ, когда она разыгралась... эта печальная исторія. Вы никогда о ней не упоминали... и я ее слышалъ только отъ другихъ—вѣроятно, слышалъ о ней больше лжи и клеветы, чѣмъ правды. Умоляю васъ, отецъ, сжальтесь, разскажите мнѣ, какое же преступленіе совершилъ Савелли?

Графъ Бенардъ не сейчасъ отвѣтилъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ потиралъ себѣ лобъ рукою, точно припоминая далекое прошлое—затѣмъ онъ выпрямился и заговорилъ:

— Я вижу, ты тоже сомнѣваешься, сынъ мой...Такъ слушай же! На другой день послѣ счастливаго событія 2-го декабря, наши южные демагоги заволновались. Образовались цѣлыя шайки инсургентовъ, настоящихъ разбойниковъ, которые распространяли всякій вздоръ. Они шатались по деревнямъ, грабили жилища, поджигали церкви — однимъ словомъ, вели себя, какъ могутъ вести только негодяи. Я въ это время былъ генералъ-прокуроромъ и назначенъ предсѣдателемъ одной смѣшанной комиссіи. Я получилъ предписаніе изъ Парижа усмирить мятежниковъ — и мой долгъ требовалъ не допускать никакихъ послабленій — и я, дѣйствительно, усмирилъ ихъ... Были между ними просто сбившіеся съ пути—съ этими я былъ снисходителенъ, но были между ними и настоящіе преступники, любители междоусобной войны, анархисты, нарушители всѣхъ соціальныхъ законовъ, богохульники вѣчныхъ законовъ—къ нимъ я былъ неумолимъ... Одной изъ такихъ шаекъ предводительствовалъ нѣкій Сципіонъ Савелли, мазинистъ, политическій изгнанникъ, давно намѣченный нами. Это былъ человѣкъ безъ родины, одинъ изъ маклеровъ космополитской революціи, commis voyageur въ возстаніяхъ и политическихъ убійствахъ. Какъ и его собратья, онъ мечталъ о позорѣ, объ уничтоженіи на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шей Франціи, Франціи монархической, христіанской, великой Франціи нашихъ предковъ. Его схватили на баррикадѣ, въ то время, когда онъ собственноручно убилъ двухъ нашихъ солдатъ. Офицеръ, который командовалъ штурмомъ, прогналъ его сквозь строй, но онъ остался живъ и вотъ тогда...

Брутъ Бенардъ остановился, быть можетъ, онъ не рѣшался продолжать.

— Тогда его дважды разстрѣляли! — закончилъ едва слышно Марсель.

— Да, дважды!—съ жаромъ воскликнулъ бывшій генералъ-прокуроръ, — потому, что онъ самъ дважды убилъ. Я знаю, мнѣ скажутъ: что значитъ жизнь солдата въ сравненіи съ драгоцѣннымъ существованіемъ нашихъ «гражданъ»! Если іюньское возстаніе уничтожило цѣлую армію — велика бѣда! Vivat!.. Палачи! а попробуй-ка дотронуться до этихъ клубныхъ героевъ? Безчестно! Мученики!.. Герои! Если на бульварѣ Bonne Nouvelle какой-нибудь несчастный полкъ будетъ превращенъ въ мишень для пуль инсургентовъ—это хорошо, а если наши солдаты осмѣлятся защищаться, отвѣчать имъ, это—подло! Я не раздѣляю такихъ взглядовъ, и у меня совѣсть не какого-нибудь распространителя пасквилей... Сципіонъ Савелли убилъ и зато былъ убитъ. Онъ думалъ перевернуть нашу Францію, и Франція должна была его уничтожить. Не прикасайтесь, господа, къ кивоту Завѣта—за это смерть. Я примѣнилъ къ нему вѣчную логику—Евангельское возмездіе... и я ни въ чемъ не раскаиваюсь!

— Дважды разстрѣлялъ,—повторилъ снова Марсель.

— Я бы могъ, по примѣру многихъ другихъ,—продолжалъ Брутъ Бенардъ, — разъиграть комедію Пилата, сказать: я умываю себѣ руки, его приговорилъ военный совѣтъ, и послѣдній является во всемъ отвѣтственнымъ. Это была бы неправда, я самъ требовалъ этого приговора, я настаивалъ на его исполненіи,— это я, дѣйствительно, я, который требовалъ надъ нимъ правосудія!.. О! они это знаютъ, слишкомъ хорошо знаютъ, эти братья и друзья, члены тайныхъ обществъ! Съ этого дня на меня обрушилась ихъ ненависть—меня оскорбляли, меня унижали. Но какое мнѣ до нихъ дѣло? пускай себѣ скалятъ зубы — совѣсть у меня чиста! Пять лѣтъ какъ я всецѣло отдался Богу и ни разу еще я не слыхалъ отъ Господа: «кровь вопіетъ къ тебѣ!» Нѣтъ, я ни въ чемъ не раскаяваюсь!

Онъ замолкъ—молчалъ и сынъ.

Старикъ протянулъ руку за Распятіемъ на столѣ и, подавая его Марселю, сказалъ:

— Сознайся, что ты солгалъ. Ваша дуэль—дуэль на смерть— я это чувствую, я это знаю. Можетъ быть, къ вечеру тотъ, кто носитъ мое имя, котораго осѣняетъ моя любовь, дитя мое, дорогое

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мое дитя, будетъ убитъ за спасеніе чести своего отца. Вотъ Тотъ Судія, Который наказываетъ и прощаетъ судей... Взгляни сюда... Я возлагаю руку на крестъ и повторяю: я исполнилъ свой долгъ... я ни въ чемъ не раскаяваюсь.

Послѣ этой торжественной клятвы, снова наступило молчаніе. Марсель Бенардъ медленно подошелъ къ отцу, сталъ на колѣни и, цѣлуя ему руки, проговорилъ:

— Простите меня, отецъ... простите мои сомнѣнія.

Старикъ обнялъ голову сына и горячо, горячо цѣловалъ его:

— Иди съ Богомъ, дитя мое, исполни твой долгъ по отношенію ко мнѣ, какъ я исполнилъ мой долгъ по отношенію къ моему отечеству!.. И въ этотъ тягостный день — Богъ да будетъ мнѣ судьей!

Молодой человѣкъ весь просіялъ:

— Богъ насъ всѣхъ разсудилъ, отецъ,—сказалъ онъ вставая,— и я возвращусь къ вамъ побѣдителемъ! А теперь покидаю васъ — такъ нужно!

Графъ Бенардъ проводилъ сына до дверей и, прижимая его къ сердцу, сказалъ:

— Если ты умрешь, я умру съ тобою!

Когда дверь за Марселемъ закрылась, бѣдный графъ Бенардъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ — онъ едва держался на ногахъ. Его трясла лихорадка, холодный потъ выступилъ на лбу. Всѣ предметы запрыгали у него передъ глазами—сперва медленно, потомъ все быстрѣе, быстрѣе, наконецъ, все закружилось передъ нимъ въ какомъ-то вихрѣ.

— Савелли! — пробормоталъ онъ, — Савелли! — и упалъ безъ чувствъ.

VI.

Марія-Анна.

Быстрыми шагами спускался Марсель Бенардъ по лѣстницѣ. Онъ дошелъ почти до конца ея, когда услыхалъ умоляющій голосъ Маріи-Анны; маленькая хромоножка бѣжала за нимъ и звала его.

Въ голосѣ ея были слышны слезы. Молодой человѣкъ остановился. Она добѣжала до него и съ отчаяніемъ проговорила:

— Ты ушелъ и не попрощался даже со мной.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Не плачь, дорогая Маріонетта! Эта дуэль простая забава! Вѣдь мнѣ это не въ первый разъ — ты знаешь, какъ я хорошо владѣю пистолетомъ, не даромъ я внесенъ въ золотую книгу лучшихъ парижскихъ стрѣлковъ. Я всажу пулю, нахалъ получитъ заслуженный урокъ, и, затѣмъ, я вернусь къ обѣду съ отличнымъ аппетитомъ. Закажи какихъ-нибудь сластей къ вечеру.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ говорилъ это, все смѣясь, развязнымъ тономъ, точно онъ, дѣйствительно, собирался на какую-нибудь partie de plaisir, тѣмъ не менѣе можно было замѣтить у него легкое подергиванье губъ. Какъ ни былъ онъ храбръ, но сердце у него, вѣроятно, билось сильнѣе обыкновеннаго. Вернется ли онъ, или его принесутъ?

— Марсель! Марсель!—повторяла молодая дѣвушка, не будучи въ состояніи ничего сказать другого.

Онъ еще разъ пожалъ ея руки и побѣжалъ съ лѣстницы.

На аллеѣ, передъ домомъ, ожидало ландо.

Черезъ опущенное стекло Марія-Анна увидала въ ландо двухъ мужчинъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидали—секунданты ея брата.

Марія-Анна сейчасъ же узнала ихъ, одинъ изъ нихъ былъ Гравенуаръ съ завитой бородой, а другой—баронъ Ла-Шене, съ прямымъ носомъ, съ длинными усами и прилизанными висками. Эти господа раскланялись съ ней, Марсель вскочилъ въ экипажъ и они понеслись.

Дулъ ноябрьскій вѣтеръ, холодный, суровый, съ деревьевъ падали послѣдніе запоздалые листья, свинцовыя тучи висѣли въ воздухѣ, снѣгъ падалъ хлопьями и мостовая начинала бѣлѣть. Не двигаясь, съ непокрытой головой, Марія-Анна все еще продолжала смотрѣть имъ вслѣдъ. Ландо давно уже скрылось, а она все еще смотрѣла куда-то вдаль.

Голосъ прислуги заставилъ ее очнуться:

— Барышня вся въ снѣгу—вы простудитесь, барышня.

Молодая дѣвушка стряхнула съ себя снѣгъ, и молча прошла въ свою комнату.

Комната мадемуазель Марія-Анны не была похожа на суровую келью во вкусѣ гордаго смиренья ея отца—ея комната была свѣтлая, голубая, прелестная.

Графъ Бенардъ самъ позаботился ее меблировать: стѣны были обтянуты шелковымъ плюшемъ, кресло и диванъ китайскаго лака были голубые, съ особою нѣжностью онъ позаботился объ ея кровати, въ которой, по его мнѣнію, его дочь должна была покоиться подъ сѣнью крыльевъ ангела-хранителя. Онъ устроилъ ей маленькую библіотеку изъ божественныхъ книгъ, онъ же поставилъ ей налой для моленья въ углубленіи комнаты, въ полусвѣтѣ передъ этимъ налоемъ душа ея утромъ и вечеромъ возносилась къ Богу; его же подарками были ониксовая кропильница, Распятіе, обрамленное бархатомъ; на каминѣ, въ которомъ весело пылало пламя, былъ его послѣдній подарокъ — Салетская заступница — Божія Матерь маленькихъ пастушковъ... Она стояла тутъ, это таинственное явленіе, въ своемъ странномъ головномъ уборѣ, и съ грустнымъ взглядомъ, полномъ любви, казалось, говорила:

— Рука моего Сына тяжела—мнѣ не удержать ее.

Вошла Марія-Анна, она не взглянула ни на милосерднаго Хри-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ста, ни на Матерь Печали. Удрученная своими мыслями, она сѣла къ окну, къ своему маленькому письменному столу, и нѣсколько минутъ пробыла въ забытьи. Затѣмъ, она вынула листъ бумаги и вся красная, въ лихорадкѣ, начала писать:

«Моему отцу. Если Марсель будетъ сегодня убитъ, я не хочу переживать его—я тоже умру. Молю Іисуса и Пресвятую Дѣву о милосердіи—на колѣняхъ, отецъ, прошу вашего прощенія. Сознавая, что я для всѣхъ была предметомъ насмѣшекъ, или отвращенія, я много выстрадала, болѣе страдать не хочу.

«Завѣщаю все мое состояніе благотворительному обществу «Добрый Пастырь»—мнѣ такъ нужно, чтобы за меня много молились. Я...».

Она остановилась, перо выпало у нея изъ рукъ.

— Безсовѣстная! — воскликнула она, — о безсовѣстная, безсовѣстная!..

Въ порывѣ негодованія, Марія-Анна бросила начатое письмо въ каминъ и скоро ея мрачное признаніе превратилось въ кучку пепла.

Она направилась къ налою, сняла съ стѣны четки и стала читать молитву: «Отче нашъ иже еси на небесѣхъ». Она остановилась и взглянула на Распятіе...

— Ты сотворилъ меня не красивой, безобразной, смѣшной... Тебѣ этого было мало. Въ тѣло убогой Ты, по твоей благости, вложилъ безчестное сердце... и я называю Тебя «Отче нашъ»!

Она все еще продолжала перебирать четки.

«Богородица, Дѣво радуйся, благодатная Марія»...

— Да развѣ я вѣрую? — воскликнула она, вставая, — развѣ я могу вѣрить?

Глаза ея блестѣли, на лицѣ ея видна была злоба — она машинально протянула руку къ шкафу съ книгами. Тамъ, на первой полкѣ, стояли: «Imitations de la Sainte Vierge», «Les Rosiers de Marie», «Guides de la bonne Mort» — она раздвинула ихъ и вытащила книгу, которая была тщательно запрятана, вѣроятно, изъ коллекціи графа Бенарда. Загнутыя страницы показывали ясно, что ихъ не разъ читали и перечитывали.

Убѣдившись, что дверь заперта на задвижку, Марія-Анна вернулась къ окну, опустилась своимъ худенькимъ тѣломъ въ кресло, раскрыла книгу на удачу и начала читать:

«Я вдругъ замѣтилъ, что сестра моя начала терять здоровье и покой. Она худѣла, глаза у нея провалились, походка сдѣлалась унылою, голосъ беззвучнымъ. Однажды, я засталъ ее всю въ слезахъ передъ Распятіемъ. Общество, уединеніе, мое отсутствіе, мое присутствіе, ночь, день, все ее одинаково приводило въ отчаянье. Невольные вздохи вырывались изъ ея груди; то она дѣлала невозможные концы безъ всякой устали, то едва волочила ночи. Она брала и бросала работу, открывала книгу и не могла ее читать, начи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нала фразу и вдругъ принималась плакать, не кончивъ ее, вся въ слезахъ, уходила къ себѣ молиться».

Марія-Анна остановилась; ее знобило, яркая краска разлилась по ея безкровному лицу, странно блестѣли ея безцвѣтные глаза.

— Совершенно вѣрно!—проговорила она,—къ сожалѣнію, это такъ...

Она закрыла книгу и призадумалась.

— Боже мой,—проговорила она, наконецъ, сложивъ руки,—Боже мой, сжалься надо мною!

Однако, она снова раскрыла книгу, перелистовала нѣсколько страницъ и принялась читать дальше.

«Женщина, братъ мой, дѣти, наполнятъ твои дни... Какая женщина не пожелала бы составить твоего счастья? Твоя глубокая душа, твой благородный и страстный взглядъ, твоя гордость и вмѣстѣ нѣжность, убѣдили бы тебя въ ея вѣрности. Съ какимъ наслажденьемъ будетъ она прижимать тебя къ своему сердцу! Всѣ ея помыслы, всѣ ея взгляды будутъ принадлежать тебѣ, для тебя она будетъ олицетворять собою любовь, невинность; тебѣ будетъ казаться, что ты обрелъ сестру...»

— Сестру! О нѣтъ,—воскликнула она со злобою.—Нѣтъ, оставайся лучше тѣмъ, что ты есть... Оставайся лучше распутнымъ... бѣгай лучше за всѣми женщинами, но не люби только одну, если эта одна буду не я, а другая!

И вдругъ Марія-Анна, поднявъ голову, увидала себя въ зеркалѣ. Да, это была она, блѣдная, безобразная, съ слишкомъ короткимъ носомъ, съ слишкомъ большимъ ртомъ, съ слишкомъ толстыми губами. Она разсмѣялась надъ своимъ безобразіемъ. Широко открытый ротъ дѣлалъ ее просто страшною.

— Сестра Рене была по крайней мѣрѣ красива, ее можно было любить,—проговорила несчастная.—А я?.. Кровь святотатца-ренегата, внучка священника и комедіантки!

Въ это время тихонько постучали въ дверь; она быстро вскочила, бросила книгу подъ стулъ и пошла отворять.

— Барышня, идите скорѣе,—звала служанка ея отца.—Графу дурно!

VII.

Два выстрѣла.

Быстро неслась карета по шоссе, вдоль Гарша и Вокрессона, по направленію къ Сентъ-Жерменъ. Небо начинало проясняться, изъ тучъ выпалъ снѣгъ и на поляхъ, вдоль дороги, блестѣлъ на солнцѣ брильянтовою пылью.

Въ каретѣ всѣ были въ прекрасномъ расположеніи духа. Ла-Шене и Гравенуаръ курили и болтали такъ же весело и спокойно,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ будто они ѣхали на какой-нибудь изящный ужинъ въ Maison d'or или въ салонъ какой-нибудь графини квартала Пигаль. Марсель Бенардъ былъ сдержаннѣе, онъ даже казался мрачнымъ. Онъ сидѣлъ въ глубинѣ ландо, подлѣ шаловливаго камергера, напротивъ ихъ Гравенуаръ и еще другой господинъ, съ серьезнымъ, торжественнымъ видомъ—докторъ. На колѣняхъ у Гравенуара стоялъ ящикъ краснаго дерева съ пистолетами для поединка. Камергеръ, баронъ Ла-Шене, былъ въ духѣ и, не переставая, разсказывалъ веселые анекдоты и всякій вздоръ.

— Дуэль не особенно веселая partie de plaisir, милый другъ,— обратился онъ къ Марселю,—вы будете играть первую роль, счастливецъ, а мы, бѣдные, статисты!.. Довольны ли вы пистолетами?

Онъ открылъ ящикъ и вынулъ оттуда совсѣмъ новые пистолеты.

— Настоящіе пистолеты для дуэли, по всѣмъ правиламъ искусства. Я нарочно выбралъ съ тугимъ куркомъ. Такъ что нечего бояться.

— Тѣмъ хуже!—замѣтилъ Марсель Бенардъ,— я бы желалъ сегодня проучить хорошенько.

— Мы приготовили замѣтку въ газеты,—вмѣшался Гравенуаръ.— Наши противники отказались просмотрѣть ее, а такъ какъ они получили пощечину...

— Кто секунданты у графа?—спросилъ Марсель.

— Итальянцы,—отвѣтилъ Ла-Шене,—одинъ съ окончаніемъ на букву А, графъ Каносса...

— Благородный ломбардскій родъ!—замѣтилъ Гравенуаръ.

— А другой на букву И—синьоръ Травенти... что-то въ родѣ арлекина или Пьерро. Сегодня, когда мы съ нимъ познакомились, мнѣ показалось, но я ошибся, что это одинъ мой знакомый, итальянецъ, который служилъ въ иностранномъ легіонѣ, когда я командовалъ батальономъ. Его звали Марино. За то, что онъ гонялся за Бу-Маза, ему дали унтеръ-офицерскія нашивки, но онъ однажды сбѣжалъ въ Римъ, къ Мазини. Въ то время мой молодецъ увлекался одной маленькой барынькой... Гм!.. изъ породы—Бени-Муффетаръ—пѣвицей въ Оранскомъ Прадо. Звали ее «Стальное сердце». Не правда ли хорошенькое имя?.. Прелесть, что была за красавица. Въ одну прекрасную ночь... Вы зѣваете, Гравенуаръ, вамъ надоѣло слушать?

— Знаемъ мы эту исторію любви... Вы намъ ее разсказывали, по крайней мѣрѣ, сто разъ!

Ла-Шене закурилъ сигару:

— Господа, преклонимся передъ памятью незабвенной «Стальнаго сердца». Всѣ мы восхищались ею на придворныхъ балахъ и она умерла генеральшей. Вотъ до чего доводитъ поведеніе.

— Чортъ возьми!—разсмѣялся Гравенуаръ.—А теперь «Стальное сердце» возродилось въ разныхъ княгиняхъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Болтая такимъ образомъ, они доѣхали до перекрестка «Hubies»; въ этомъ мѣстѣ дорога раздвоилась, одна вела въ Saint-Cloud и въ Буживаль.

Баронъ высунулъ голову въ окно:

— Я такъ и зналъ... мы опоздали... Насъ ждутъ!

Дѣйствительно, передъ трактиромъ стояла наемная карета и два господина нетерпѣливо прохаживались.

— Секунданты противника!—замѣтилъ Гравенуаръ.—Я сейчасъ дамъ имъ мои указанія, и они могутъ слѣдовать за нами.

Онъ соскочилъ и быстрымъ шагомъ направился къ нимъ.

— Смотрите! смотрите!—воскликнулъ Ла-Шене все еще высунувшись въ окно.—Какое хорошенькое купе... Чистокровная лошадь... Богатая ливрея... Со спущенными сторами... Это пахнетъ любовной интригой...

Въ это время подошелъ Гравенуаръ.

— Чей это экипажъ?—обратился къ нему любопытный камергеръ.—Вы, мѣстный владѣлецъ, вы должны знать.

— Почемъ я знаю... Въ путь-дорогу!

Черезъ нѣсколько минутъ ландо въѣхало въ ворота парка и покатилось по аллеѣ.

— Стой тутъ! Вотъ и мои владѣнья!—крикнулъ Гравенуаръ кучеру.

Всѣ четверо вышли; почти одновременно подъѣхала и другая карета.

Изъ нея вышелъ князь де-Карпенья въ сопровожденіи своихъ секундантовъ—при немъ былъ тоже свой докторъ. Обѣ стороны, согласно обычаю, обмѣнялись поклономъ. Затѣмъ, по указанію Гравенуара, вся компанія направилась въ чащу. Скоро они вышли на прогалину, просторную площадь, окруженную густыми каштановыми деревьями. Старыя деревья, оголенныя первыми холодами зимы, среди вялыхъ, сырыхъ листьевъ, казалось, страдали, вытягивались и извивались всѣми своими обнаженными вѣтвями.

Отсюда, черезъ широкую просѣку, былъ видѣнъ унылый пейзажъ: на откосѣ у Буживаля Сена несла свои воды, покрытыя рябью отъ холоднаго ноябрьскаго вѣтра; налѣво тянулись цѣлые ряды садовъ или рощь съ послѣдними, безцвѣтными листьями, и среди всей этой осенней ржавчины, виднѣлась арка водопровода Марли, покрытая бѣлымъ инеемъ; тамъ, напротивъ, городъ Сенъ-Жерменъ съ бѣлыми домами и спиралями голубого дыма изъ трубъ; тамъ дальше на сѣромъ фонѣ горизонта безформенные контуры холмовъ терялись въ облакахъ. Вся эта мѣстность—долина, островки, посады, такая оживленная, шумная въ лѣтніе вечера, теперь замолкла уныло. Солнце быстро садилось и своими догорающими лучами окрашивало яркою краскою подымающійся надъ рѣкою туманъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Наступило молчаніе дней безъ птицъ, все впадало въ летаргію зимняго сна.

Да, Марсель Бенардъ скрылъ правду отъ отца: дуэль предстояла серьезная, не предвѣщающая ничего добраго.

Князь де-Карпенья, получившій публично пощечину, самъ назначилъ условія дуэли: противники становятся на разстояніи двадцати метровъ, съ возможностью подойти на пять шаговъ, дается минута на выстрѣлъ съ прицѣломъ. Понятно, что не тотъ, такъ другой, а можетъ быть и оба должны быть убиты.

Съ общаго согласія, Ла-Шене долженъ былъ руководить поединкомъ: порученіе щекотливое—не легко было ходить по этимъ скользкимъ, сырымъ листьямъ. Но опытный баронъ видалъ виды на своемъ вѣку!

Большими шагами онъ отмѣрилъ двадцать метровъ, намѣтилъ мѣсто, гдѣ дерущіеся должны были находиться до начала дуэли, затѣмъ палкою провелъ границу, которую нельзя переходить—судьба покровительствовала Марселю, ему пришлось выбирать пистолеты.

Когда всѣ приготовленія были сдѣланы, каждый сталъ на свое мѣсто, секунданты стали по обѣ стороны.

— Начинайте, господа,—скомандовалъ Ла-Шене.

Марсель сдѣлалъ шагъ впередъ, вытянулъ руку и выстрѣлилъ...

Попало... Князь де-Карпенья, раненый въ пахъ, пошатнулся Онъ все-таки выпрямился. Медленно, съ трудомъ передвигаясь, онъ дошелъ до намѣченной границы, медленно опустилъ пистолетъ и прицѣлился въ Марселя.

Марсель стоялъ совершенно спокойно со скрещенными руками.

— Стрѣляйте!.. Стрѣляйте же!—кричалъ Гравенуаръ.

— Да стрѣляйте же, наконецъ!—промычалъ Ла-Шене.

Князь де-Карпенья хотѣлъ уже спустить курокъ, но услыхалъ легкій шорохъ въ чащѣ... Онъ обернулся и вдругъ засмѣялся тихимъ, страннымъ смѣхомъ...

Онъ поднялъ руку и выстрѣлилъ на воздухъ. Затѣмъ безъ чувствъ онъ упалъ на землю.

Секунданты бросились къ нему, доктора изслѣдовали рану Князь истекалъ кровью — пуля застряла внизу живота.

— Его надо перенести въ мой коттэджъ, — сказалъ Гравенуаръ,—я велѣлъ тамъ приготовить комнату.

— Безполезно, милостивый государь,— замѣтилъ синьоръ Травенти.—Если бы его сіятельство могъ говорить, его сіятельство, вѣроятно, отказался бы.

— Да онъ не вынесетъ дороги... Это значитъ его убить!

Итальянскій докторъ былъ повидимому въ большомъ за-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

трудненіи и требовалъ, чтобы согласились на предложеніе Гравенуара.

— Опасная рана!—проговорилъ онъ.—Положеніе весьма трудное, весьма трудное!

— Все равно!—порѣшилъ Травенти.—Необходимо ѣхать!..

Второй секундантъ князя уже отправился за каретою. Хирурги сдѣлали первую перевязку, затѣмъ общими силами подняли раненнаго и, не безъ труда, донесли его до аллеи парка. Князь де-Карпенья все еще былъ безъ чувствъ. Его положили на подушки коляски, три итальянца размѣстились около него и «Andiamo!»—карета тронулась погребальнымъ шагомъ. Стоя, посреди дороги, друзья Марселя слѣдили за нею, покуда она не скрылась въ вечернемъ туманѣ.

— Господа, — сказалъ французскій докторъ, — простимся съ нимъ на вѣки... Его привезутъ мертваго въ Парижъ!..

VIII.

Савелли.

Подъ впечатлѣніемъ пережитаго, виконтъ Бенардъ отсталъ отъ другихъ. Гравенуаръ подошелъ къ нему.

— Чудесный выстрѣлъ, милый другъ, браво!.. Но странная дуэль—мнѣ она напоминаетъ одну удивительную фантастическую вещь одного русскаго писателя—помнишь «Выстрѣлъ» Пушкина?

— Да, знаю,—отвѣтилъ Марсель, который понемногу приходилъ въ себя,—дуэль, гдѣ оскорбленный позволяетъ стрѣлять въ себя, а самъ откладываетъ свой выстрѣлъ до болѣе благопріятнаго случая... Посмотримъ!

— Господа,—обратился къ компаніи Ла-Шене, закуривая двадцатую сигару.—Предложеніе! Ночь приближается, мы всѣ проголодались, не почествовать ли намъ побѣдителя изысканнымъ ужиномъ въ Maison d'Or?

— Нѣтъ, на меня не разсчитывайте,—отвѣтилъ Марсель, — я спѣшу обнять отца.

Они вышли изъ парка и Марсель Бенардъ съ своими секундантами сѣли въ карету.

Въ эту самую минуту, какая-то женская фигура осторожно вышла изъ темной чащи. Она остановилась на дорогѣ, посмотрѣла вслѣдъ удаляющемуся ландо и жестикулируя, какъ актриса на сценѣ, громко заговорила:

— Неискусный! позволить себя убить! Настоящее самоубійство! Неумѣлый!.. Значитъ, теперь мы съ тобой Брутъ Бенардъ остались вдвоемъ... Чтожъ? Разсчитаемся вдвоемъ, «бѣлый мясникъ».

Ея купé ожидало на поворотѣ, она быстро дошла до него.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Теперь въ Пасси,—сказала она кучеру.

Но черезъ нѣсколько минутъ она велѣла остановиться. Она разглядѣла вывѣску трактира и вошла въ него. Она потребовала себѣ перо и чернилъ, и здѣсь, въ грязной комнатѣ, пропитанной табакомъ курящихъ, написала на своей карточкѣ:

Виконту Марселю Бенарду.

«Я была тамъ; я все видѣла, и не откладывая пишу вамъ на мѣстѣ поединка. Вы наказали нахала и отмстили за отца. За отца всякій обязанъ мстить... Если улица des Jardins и моя пустынная обитель въ Пасси не покажутся вамъ на краю свѣта, загляните ко мнѣ... Жду васъ...»

Она подписалась:

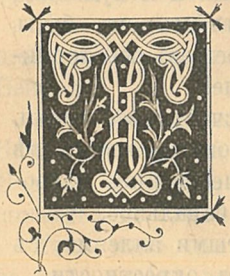
«Розина, рожденная графиня д'Апрата, наконецъ свободная».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Исторія одного нормандскаго помѣстья.



РУДНО представить себѣ что-нибудь отвратительнѣе, скучнѣе большой дороги, которую проложили наши господа инженеры съ своею прямолинейною геніальностью, изъ Гавра въ Аббевиль.

Между долиною Феканъ и оврагомъ Кани, дорога эта проходитъ на извѣстномъ разстояніи отъ моря, пересѣкаетъ площадь нормандскихъ утесовъ и тянется, унылая, по мѣстности безъ всякихъ контуровъ. Въ декабрѣ ее метутъ буйные вѣтры, которые наносятъ иногда съ Ламанша, и дождь, и снѣгъ.

Въ іюлѣ на ней палитъ солнце, и норманскимъ каретамъ приходится нестись въ пыли среди жужжанья неотвязчивыхъ насѣкомыхъ.

Осенью, послѣ жатвы, куда не кинь глазомъ, вездѣ только вспаханныя поля, да луга съ колеями, въ которыхъ зеленѣютъ медунки. Изрѣдка попадаются быки, которые отдыхаютъ среди клевера, и цѣлые стаи грачей кружатся надъ навозомъ. Вдалекѣ виднѣются рѣдкія изгороди, темнѣютъ деревушки, точно подводныя рифы на этомъ океанѣ затишья. Вѣроятно, тамъ, за этою оградою буковыхъ деревъ, живутъ же люди какой-нибудь жизнью—веселою или печальною, но кругомъ вездѣ однообразіе безбрежнаго пространства, вездѣ гнѣтъ тоски.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ трехъ лье отъ маленькаго городка Кани, напротивъ вывѣски трактира: «Спокойное сердце» съ надписью: «Здѣсь можно получать чистопробный сидръ», отдѣляется проселочная дорога, которая ведетъ въ Сассевиль.

Сассевиль довольно отвратительное село, съ церковью, съ мэріей, заново покрашенной, съ изобиліемъ политическихъ кабачковъ, гдѣ нормандецъ, любитель подвыпить, можетъ пить сколько влѣзетъ.

Эта большая деревня — Sassotetum apud Caletas — по словамъ мѣстнаго священника—большаго археолога—пользуется нѣкоторою славою въ окрестностяхъ, конечно, не ради ея галло-романскаго происхожденія, но за прекрасное содержаніе птичьяго рынка. Кромѣ того, въ Сассевилѣ есть замокъ.

Во время оно, когда было два округа Ко, съ четырьмя виконствами—этотъ замокъ былъ великолѣпенъ, былъ украшеніемъ Мокондюи.

При Людовикѣ XVI эти господа Сассевиль такъ промотались, раззорились, что попали совсѣмъ въ руки жидовъ и на ихъ имущество и имѣніе былъ наложенъ арестъ—вслѣдствіе чего оно было заброшено.

Революція довершила его упадокъ, она превратила это нѣкогда барское помѣстье, въ владѣніе націи, развалившаяся капелла превратилась въ амбаръ для фуража, покуда не нашелся покупатель, заплатившій за него милліонъ ассигнаціями. Затѣмъ онъ былъ сейчасъ же перепроданъ—отъ якобинца онъ перешелъ къ термидористу,—тѣ же, спекуляторы, только непорочные!

Съ имперіею для Сассевиля наступило болѣе счастливое время. Его новый владѣлецъ, бывшій лавочникъ, перестроилъ его въ стилѣ греко-лавочномъ, и замокъ превратился въ величественное нагроможденіе кирпича и камня, нѣчто поразительно банальное.

При замкѣ былъ великолѣпный паркъ съ густыми аллеями, съ роскошными полянами, какихъ не найти было въ окрестности.

Въ тѣ времена клавикордовъ и гитары, тишина этого парка, журчанье его наядъ, вдохновили двухъ учителей и одного помощника префекта, мѣстныхъ поэтовъ, на элегію. Самъ Делиль, жалобный поэтъ, этотъ воркующій маленькій Делиль изъ «Almanach des Dames», бывъ какъ-то на пирушкѣ въ Сассевилѣ, удостоилъ воспѣть его лѣсныхъ птицъ:

«Скажи мнѣ, о ночи пѣвецъ, соловей,
«И вѣтеръ въ красавицу зорю влюбленный,
«И ты мнѣ скажи, шопотъ темныхъ вѣтвей,
«Что значитъ въ груди моей вздохъ затаенный!»

Въ первые годы реставраціи, бывшая національная собственность, перепроданная провіантмейстеромъ, принадлежала нѣкоему Эваристу Пуссе изъ Ивето, фабриканту ситцевъ, самому богатому королю изъ этой страны «du roi Yvetot».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Это было то время, когда Анри Сенъ-Симонъ, уже сенъ-симонистъ, но еще не пророкъ, требовалъ возрожденія Франціи посредствомъ промышленности и «индустріализма», онъ даже выдумалъ нарочно это слово,—то время, когда «Constitutionel» проповѣдывалъ нѣжную связь стараго феодальнаго ствола съ лаврами Побѣды или съ оливковыми вѣтвями Мира.

Въ Сассевилѣ вполнѣ раздѣляли эти идеи и понимали эти слова. Пуссе, впрочемъ, былъ либераломъ, любившимъ говорить «сынъ своихъ дѣяній» или «самъ себѣ предокъ», напѣвавшимъ Беранже и восхищавшимся Лафиттомъ.

Этотъ врагъ феодальной системы пожелалъ, чтобъ у дочери его былъ гербъ. И вотъ, однажды, мадемуазель Гортензія Пуссе превратилась въ графиню Брутъ Бенардъ. Когда бракъ этотъ совершился, папаша, хотя и «самъ себѣ предокъ», тѣмъ не менѣе отправился къ предкамъ и былъ погребенъ въ своей капеллѣ въ Сассевилѣ, которую онъ превратилъ въ склепъ уже готическій.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, графиня Бенардъ, маленькая, худенькая, золотушная, дѣлила съ мужемъ его судебные лавры. Она подарила ему двухъ дѣтей, сама вѣчно скучала и съ ней всѣ скучали; но такъ какъ на свѣтѣ всему есть конецъ, то и она однажды послѣдовала за своимъ папашей въ семейный склепъ Сассевиля, надъ которымъ красовались зелень и цвѣты.

При раздѣлѣ ея состоянія, замокъ и все принадлежащее къ нему досталось старшему въ родѣ Луи-Дезире Марселю, виконту Бенарду.

Какъ переполошились всѣ старыя дѣвы, всѣ святоши приходовъ Кани и Вальмонъ, когда, однажды, въ августѣ 1857 года виконтъ Марсель Бенардъ, такой всегда сдержанный, появился въ свое помѣстье не одинъ, а съ дамою.

Такъ какъ онъ былъ не женатъ, а у сосѣднихъ мамашей было не мало дочекъ на возрастѣ, то всѣ были недовольны, всѣ заворчали. Молодой человѣкъ, которымъ всѣ восхищались еще въ прошломъ году, котораго всѣ находили умнымъ, красивымъ, съ блестящею будущностью, оказался вдругъ не красивымъ, не интереснымъ, ни на что не способнымъ.

Въ немъ окончательно разочаровались, когда узнали, что «красавица», поселившаяся въ замкѣ—итальянка и вдова, мужа которой циникъ-виконтъ лишилъ жизни.

Страшный скандалъ! Ему перестали кланяться. Шуткамъ и остротамъ на его счетъ не было конца; не щадили и клеветы; въ кофейняхъ Сассевиля толстые подвыпившіе нормандцы распѣвали про нихъ веселенькіе куплеты, а священникъ-археологъ при свидѣтеляхъ привелъ однажды стихъ изъ древняго классика:

«Возможно ль быть наслѣдникомъ
«Того, кого убилъ?!»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Дантовъ «Адъ»,—стихъ 106.

Да, онъ слишкомъ скоро сдѣлался наслѣдникомъ! Чуть ли не на другой день послѣ дуэли онъ получилъ письмо изъ Вокрессона съ мушиными лапками:

«Вы наказали нахала и отмстили за вашего отца. За отца всякій обязанъ мстить... Если улица Садовъ, и моя пустынная обитель въ Пасси не покажутся вамъ на краю свѣта, загляните ко мнѣ... Жду васъ. Розина, рожденная графина д'А-Прата, наконецъ свободная».

Наконецъ, свободная!.. О женщины! женщины!..

И черезъ три дня (онъ соблюдалъ приличіе) Марсель отправился въ Пасси и былъ у дверей «обители».

Это была чрезвычайно элегантная, слишкомъ роскошная бонбоньерка, отъ которой пахло содержанкой... Но вѣдь всѣ итальянки любятъ блескъ, роскошь, все бросающееся въ глаза. А это казалась такою чистою, непорочною; быть можетъ, она была непослѣдовательна, но она была въ самомъ дѣлѣ честною. Марсель былъ убѣжденъ въ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ она была откровенна съ нимъ.

Въ первое же свиданіе, княгиня разсказала ему свою грустную повѣсть, грустную не смотря на свою банальную простоту. Въ ранней молодости, почти ребенкомъ, ее выдали замужъ изъ тщеславія, за сумасброднаго, развратнаго старика, злаго, бывшаго карбонара, кровопійцу, настоящаго дикаго звѣря.

— Я бы могла, конечно,—продолжала она со слезами на глазахъ,—утѣшиться съ другимъ, какъ это дѣлаютъ многія, могла бы избрать себѣ какого-нибудь «patito», но Пресвятая Дѣва и воспоминаніе о моей матери удержали меня отъ паденія.

Она никогда не знала любви. Какое счастье любить!.. Бѣдная женщина!

На другой день Марсель былъ опять въ улицѣ Садовъ, на слѣдующій день онъ былъ опять тамъ же... А теперь—Розина была у него... Она всецѣло принадлежала ему. Вдвоемъ они наслаждались въ его замкѣ своимъ одиночествомъ, полнымъ ихъ любви, въ этихъ таинственныхъ, темныхъ аллеяхъ, убаюканные шумомъ недалекаго моря. Онъ любилъ ее безумно, страстно и душою и тѣломъ.

А она?

Она бывала иногда странно грустна, мрачна, полна отчаянья.

— Я люблю тебя,—говорила она ему, — и въ то же время я ненавижу себя, презираю себя!

Безъ сомнѣнія, въ этомъ крылось сознаніе своего паденія, угрызенія совѣсти, нарушеніе священныхъ законовъ, разныя нравственныя мученья.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Марсель рѣшилъ положить конецъ всему этому женитьбою, не говоря, однако, съ ней объ этомъ. Развѣ не слѣдовало заставить, наконецъ, замолчать клевету?

Хотя въ сущности клевета нисколько не тревожила съ презрительнымъ равнодушіемъ относящагося къ ней владѣльца замка Сассевиль.

Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, почти нигдѣ не бывая, не принимая участія ни въ какихъ увеселеніяхъ, сокращая всячески день и удлиняя ночи, которыя всецѣло принадлежали его возлюбленной. Но возлюбленная его мало подражала его сдержанности—не сдержанная по натурѣ, еще менѣе того скромная, она, не стѣсняясь нисколько отдавалась вся огню его страсти. Какъ истая итальянка, не смотря на свой умъ, образованіе, она была полна суевѣрія, и на каждомъ шагу это суевѣріе проглядывало въ ней.

Однажды, вечеромъ, при свѣтѣ лампы подъ абажуромъ, прижавшись другъ къ другу, они вмѣстѣ переводили Аллигіери и именно мрачную исторію Франчески въ «Аду».

Цѣлуясь и обнимаясь послѣ каждаго терцета, они наконецъ дошли до незабвенныхъ стиховъ, можетъ быть, лучшихъ стиховъ этого божественнаго поэта:

«Любовь, которая не избавляетъ ни одно любимое существо отъ любви, такъ скоро опьянила меня счастьемъ моего любовника, что...».

Розина вдругъ закрыла книгу и далеко отбросила ее отъ себя. Марсель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Данте правъ, — проговорила она, — любовь, это проклятая зараза!

И она почти прошептала:

— Ахъ! mio caro! не надо читать послѣдняго стиха.

Но Марсель поднялъ книгу и съумѣлъ самъ перевести этотъ послѣдній стихъ, въ немъ говорилось:

«Любовь привела насъ обоихъ къ той же смерти».

III.

Договоръ любви.

3-го сентября, скромный нотаріусъ Сассевиля, Оскаръ Варенкуръ, слегка омрачилъ безоблачное небо счастливой пары.

Было около пяти часовъ вечера, когда этотъ дѣловой человѣкъ вошелъ въ густую аллею, ведущую къ замку. Въ одной изъ боковыхъ аллей онъ увидалъ Марселя съ княгиней де-Карпенья, которые, прижавшись другъ къ другу, какъ настоящіе влюбленные, гуляли вдвоемъ. Онъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу. Увидавъ его, Марсель не могъ скрыть своего неудовольствія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А! это вы, мосье Варенкуръ! Чѣмъ я обязанъ вашему визиту?

Но въ душѣ онъ посылалъ его ко всѣмъ чертямъ.

— Прошу извинить меня, господинъ виконтъ,—началъ торжественнымъ тономъ Варенкуръ.—Я имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное... Я долженъ вамъ прочитать письмо его высокопревосходительства, господина члена государственнаго совѣта.

— Письмо отъ моего отца?—воскликнулъ удивленный Марсель.—Прошу васъ, садитесь... я васъ слушаю.

По близости была скамейка и всѣ трое сѣли на нее. Оскаръ Варенкуръ разложилъ у себя на колѣняхъ пакетъ съ бумагами и, скорчивъ приличную случаю физіономію, обратился съ вопросомъ:

— Вы недавно изволили писать господину графу Бенардъ?

— Да, недавно, я писалъ ему о моемъ непремѣнномъ желаніи жениться на княгинѣ де-Карпенья.

— Что ты, Марсель, вотъ напрасная-то трата чернилъ,—проговорила съ насмѣшкой молодая женщина.

— Его высокопревосходительство удостоилъ написать мнѣ письмо и я принесъ вамъ его отвѣтъ.

— Его отвѣтъ! Черезъ васъ, а не прямо мнѣ?

— Къ сожалѣнію, да, виконтъ, вотъ письмо.

Варенкуръ подалъ ему письмо уже за номеромъ, такъ какъ Варенкуръ былъ нотаріусъ образцоваго порядка.

Марсель, взволнованный, протянулъ руку за письмомъ и сталъ читать вслухъ. А Розина, склонивъ голову на плечо своего любовника, съ полузакрытыми глазами, полная нѣги, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ официальнаго лица, посѣдѣвшаго надъ указами, совѣтчика цѣлаго округа, у котораго подъ начальствомъ было цѣлыхъ три клерка, слушала его, улыбаясь.

Вотъ содержаніе этого суроваго, сухаго письма:

«Милостивый государь, одинъ изъ вашихъ кліентовъ, г. Марсель Бенардъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ. Я уже не разъ выражалъ этому молодому человѣку мое удивленіе и огорченіе по поводу его поведенія, но, какъ видно, ни мои просьбы, ни выговоры, не могли удержать его отъ крупнаго скандала, и я вынужденъ прервать всякія сношенія съ моимъ сыномъ. Будьте же посредникомъ между мною и имъ, и потрудитесь передать ему мой отвѣтъ,—вотъ онъ:

«Въ наше время, порядочный человѣкъ постыдился бы жениться на вдовѣ человѣка, оскорбившаго честь его семьи, вызваннаго имъ за оскорбленіе и убитаго на дуэли. Оскорбленіе и пролитая кровь вырыли бы непреодолимую пропасть между его страстью и честью. Теперь другія времена, какъ видно, и другіе взгляды. Я придерживаюсь старыхъ взглядовъ. Если у Марселя Бенарда нѣтъ совѣсти, то пусть онъ выслушаетъ то, что ему скажетъ совершенно опредѣленно, безповоротно, его отецъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Не желая быть сообщникомъ въ столь гнусномъ поступкѣ—я, разъ навсегда, не даю моего согласія. Вашъ кліентъ, если желаетъ, можетъ, конечно, обойтись безъ него, но въ такомъ случаѣ я буду требовать вмѣшательства суда. Кромѣ того, передайте моему сыну, что ему не надолго придется отложить свое намѣреніе. Я старъ, боленъ, и мнѣ осталось не долго жить.

«Примите, милостивый государь, мое увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. «Графъ Бенардъ».

— Via vecchietto!—со вздохомъ проговорила молодая женщина, не мѣняя своей позы.

Что касается Марселя, онъ молчалъ и въ нервномъ возбужденіи долбилъ палкою по травѣ.

— На чемъ же мы порѣшимъ?—спросилъ Варенкуръ.—Ясно одно—отказъ родительскаго согласія требуетъ подчиненія родительской волѣ—статья 152 «Code Napoléon». Если мы пойдемъ на рискъ—у меня есть въ Парижѣ мой коллега, человѣкъ весьма любезный, мастеръ улаживать дѣла, я напишу ему. Во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы княгиня, рожденная дѣвица д'Апрата, разрѣшила мнѣ вступить въ сношенія съ ея нотаріусомъ въ Италіи. Мнѣ необходимы нѣкоторыя указанія...

— Боже мой! Сколько возни!—прервала Розина.—Отчего не ядъ Джуліэтты, который бы соединилъ меня съ моимъ Ромео... Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ, я не хочу всѣхъ этихъ исторій... я предпочитаю... ждать.

Она произнесла это слово «ждать» съ такою ненавистью, что сынъ графа Бенарда поблѣднѣлъ.

— Я подумаю,—сказала она,—и увѣдомлю васъ о моемъ рѣшеніи. Зайдите, пожалуйста, черезъ нѣсколько дней.

Осторожный Варенкуръ взялъ занумерованный документъ, положилъ его въ конвертъ, конвертъ въ папку, папку въ портфель, а портфель подъ мышку, затѣмъ всталъ и отвѣсилъ два низкихъ поклона.

Скоро на поворотѣ аллеи скрылась черная тѣнь маленькаго человѣка.

Марсель и Розина остались одни.

— Что за глупости, Марсель,—запальчиво начала Розина,—къ чему этотъ бракъ.

— Это необходимо, Розина. Наше положеніе становится неудобнымъ.

— Ахъ, ты, буржуа!.. съ твоими узкими взглядами... Развѣ оттого, что ты женишься, ты меня будешь больше любить?

— Конечно, нѣтъ... Но ты будешь моею, моею навсегда!

Она посмотрѣла на него пристально и, переставъ надсмѣхаться, сказала:

— Навсегда! Я знаю узы, которые связываютъ прочные браки:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

это смерть! Если любимое существо, онъ или она, обманываетъ—его убиваютъ... и затѣмъ—убиваютъ себя!

Послѣдовало довольно долгое молчаніе; оно подчеркнуло этотъ догматъ страсти.

— Пусть будетъ по твоему,—согласился, наконецъ, Марсель Бенардъ.—Это договоръ—я его принимаю.

И они возобновили прерванную прогулку.

IV.

Дикая роза.

Кончался день,—сентябрскій, яркій день, осень уже чувствовалась, вечеръ былъ сырой, къ блѣднѣющему небосклону тянулся туманъ. Паркъ Сассевиля погружался въ тихую дремоту, все точно замерло въ немъ, не было слышно ни малѣйшаго шелеста листьевъ. Солнце садилось, обрисовывая своими послѣдними лучами контуры тополей, въ полосахъ солнечнаго свѣта зябкіе насѣкомые, старички одного лѣта, доживали свои послѣднія минуты. Подъ густыми деревьями было темно, какъ ночью, трава на лужайкахъ была покрыта блестящею росою.

Они шли медленно, онъ обнявъ ее за талію, она склонивъ голову къ нему на плечо. И такъ они шли по мху, по высокимъ травамъ, оба молча, среди общей тишины и безмолвія.

Дойдя до окраины парка, они остановились. Передъ ними раскрывалась долина. Даль со всѣми ея унылыми красками. Въ то время это былъ дикій оврагъ между двухъ утесовъ, покрытыхъ деревьями, и кустарниками дикаго терновника, съ крутымъ скатомъ. Тамъ дальше, гдѣ развертывалась долина, виднѣлось море, искрившееся подъ лучами садившагося солнца, сперва виднѣлись волны и бѣлая пѣна, растилавшаяся по берегу, затѣмъ черная полоса подводныхъ рифовъ и уже за нею голубая масса безбрежной воды, въ которой отражалось голубое небо.

Потихоньку молодая женщина освободилась изъ его объятій:

— Какой чудесный осенній вечеръ!—воскликнула она,—что за чудная страна ваша Франція?

— Отчего «ваша Франція», моя Розина?—спросилъ ее Марсель.—Развѣ моя страна не твоя страна?

Она покачала головою:

— Знаю, знаю... «Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ, твой народъ—моей отчизной». Нѣтъ, я хочу оставаться тѣмъ, что я есть... Ахъ!—продолжала она въ экстазѣ,—чудная страна ваша Франція... и вмѣстѣ съ тѣмъ достойная глубочайшей ненависти... Когда-то «царица націй» теперь только «публичная женщина!»

— Стихъ Данте!—замѣтилъ Марсель,—но Данте говоритъ это о вашей Италіи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Моей Италіи?.. Она тоже глубоко несчастна... Каторжница, закованная въ оковы... Но Италія, по крайней мѣрѣ, умѣетъ проклинать, умѣетъ плакать...

— Розина,—прервалъ ее молодой человѣкъ, видимо желая положить конецъ тяжелому разговору,—вмѣсто того, чтобы унижать то, что велико и достойно, разскажи мнѣ лучше что-нибудь про себя, про твою семью, про твою Романью. Скажи мнѣ «канцону» твоего любимаго поэта Леопарди «L'Italia».

— Нѣтъ!—продолжала она видимо горячась.—Не ее, что-нибудь другое.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, точно желая овладѣть собою, затѣмъ повернулась къ нему съ театральнымъ жестомъ трагической актрисы. Когда они стояли на вершинѣ холма, вся ея фигура, съ распущенными волосами, съ поднятой къ верху рукою, рисовалась на блѣдномъ фонѣ вечерняго освѣщенія—и вотъ она начала... А Марсель, сына графа Бенарда, влюбленный въ нее до безумія, съ прикованнымъ къ ней взоромъ, весь во власти этой повелительницы его сердца, овладѣвшей всѣмъ его существомъ, погубившей его честь, съ восторгомъ внималъ ей.

Гармоничный голосъ Розины проникалъ все его существо.

«Тебя ласкаетъ солнца лучъ влюбленный,
«Ты пышной зеленью украшена богато,
«Одѣта нивами, какъ покрываломъ злата—
«О, Франція, страна чудесъ, сокровище вселенной!

«Со всѣхъ концовъ земли къ тебѣ народъ стремится,
«Какъ нѣкогда въ Аѳины-храмъ стремился каждый
«Томимый красоты и правды вѣчной жаждой,
«Восторгомъ не земнымъ, а чистымъ тамъ упиться.

«Но нынѣ пустъ тотъ храмъ, въ забвенье погруженный,
«И тамъ, гдѣ нѣкогда горѣлъ огонь священный,
«Теперь лежитъ продажная и грѣшная жена.
«И это Франція! Она еще смѣется...
«Но смерть ужъ ждетъ ее, уже близка она
«И скорбный неба плачъ надъ нею раздается».

— Что за отвратительное ругательство, что за безумная ненависть!—воскликнулъ возмущенный Марсель...—Чьи это стихи?

— Моего отца!—отвѣтила Розина съ новымъ жестомъ актрисы изъ мелодрамы.

— Отца, о которомъ ты никогда не говоришь со мною... Въ такомъ случаѣ его итальянская ревность разразилась напрасно: то, что безсмертно, никогда не умретъ! Но отчего отецъ твой такъ не любилъ Франціи?

— Онъ-то? Не любилъ ее?.. Онъ любилъ ее безумно, страстно—онъ погибъ отъ любви къ ней!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Погибъ отъ любви къ ней? Графъ д'Апрата, твой отецъ?.. Я ничего не понимаю... Что ты говоришь, Розина?

— Ничего! — проговорила молодая женщина, страшно поблѣднѣвъ.

Молча продолжали они свою прогулку, но они молчали не отъ полноты счастья; какая-то невѣдомая, неиспытанная до сихъ поръ принужденность легла между ними.

Внизу, у спуска, имъ пришлось остановиться; каменная стѣна Сассевильскаго парка преграждала имъ путь. По стѣнѣ, обросшей мохомъ, вился дикій шиповникъ, съ пожелтѣвшими отъ осенняго вѣтра, листьями. На немъ уцѣлѣло нѣсколько блѣдныхъ похолодѣвшихъ цвѣтковъ, послѣдняя улыбка исчезнувшаго свѣта.

Молодая женщина подбѣжала къ цвѣтамъ и сорвала двѣ вѣтки.

— Прости меня, Марсель, что я тебя сейчасъ такъ огорчила... Прости! А теперь выслушай меня, и пойми меня... Не знаю, что готовитъ намъ судьба въ будущемъ. Но я, которая сейчасъ задѣла въ тебѣ самую чувствительную струну, самое благородное чувство гордости своей страной — я люблю тебя... Люблю тебя безумно и что бы ни случилось, всегда буду тебя любить. Но ты, дорогой мой, съумѣешь ли ты сохранить въ душѣ твоей ко мнѣ любовь, когда судьба пошлетъ намъ испытаніе... Возьми эту розу: я ношу ея имя и, какъ она, душа моя дика... Во дни невзгодъ, когда тебѣ придется, быть можетъ, переживать сомнѣнье и печаль, взгляни на нее... и если тебѣ будетъ казаться, что ты пересталъ меня любить, она скажетъ тебѣ «люби еще».

Улыбаясь, Розина Савелли заткнула пучекъ шиповника себѣ за лифъ, а другой поднесла къ губамъ, втянула въ себя его сырой запахъ и передала его Марселю.

Марсель схватилъ голову этой обольстительницы и покрывалъ ея трепещущія уста горячими поцѣлуями страсти.

Долго они пробыли оба въ безмолвномъ обаяніи этого поцѣлуя.

Вдругъ княгиня де-Карпенья, съ крикомъ, сконфуженная, откинулась назадъ—изъ замка по горѣ спускался къ нимъ слуга.

— Пріѣхалъ гость, который непремѣнно желаетъ видѣть княгиню, — доложилъ онъ, подходя къ нимъ.

И онъ подалъ княгинѣ визитную карточку. Прочитавъ ее, она измѣнилась въ лицѣ и видимо растерялась.

— Хорошо...—проговорила она,—я сейчасъ приду.

— Кто пришелъ намъ мѣшать? — спросилъ Марсель, — покажи карточку.

Но Розина уже разорвала ее въ мелкіе куски.

— Одинъ изъ моихъ земляковъ,—отвѣтила она ему,—близкій человѣкъ моего семейства. Я должна непремѣнно его принять.

— Прекрасно!... Пойдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ не надо.—Не ходи, пожалуйста. Это Травенти!... Ты

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знаешь—Алессандро Травенти, одинъ изъ секундантовъ князя въ вашей дуэли въ Вокрессонѣ... Я надѣюсь, у тебя нѣтъ особаго желанія его видѣть... А я его скоро спроважу...

Не дожидаясь отвѣта, она направилась къ замку.

— Полчаса терпѣнья, дорогой мой, подожди меня на берегу моря.

И княгиня де-Карпенья бѣгомъ побѣжала въ гору. Добравшись до вершины, она еще разъ обернулась и послала рукой нѣжный поцѣлуй своему возлюбленному. Скоро ея силуэтъ исчезъ въ туманѣ полусвѣта темной аллеи.

Марсель долго еще смотрѣлъ ей вслѣдъ, затѣмъ онъ открылъ калитку и направился къ мѣсту свиданья.

Спустилась ночь, и окутала собою глубину долины. На горизонтѣ солнце садилось въ море, цѣлое зарево разлилось по небу, пурпуромъ подернулись облака.

Влюбленный Марсель легъ на берегу моря и наслаждался закатомъ чуднаго дня. Все существо его было полно безконечнаго счастья, на душѣ у него птицы пѣли пѣснь радости и блаженства.

V.

Простой разговоръ.

Когда Розина Савелли вошла въ тѣнь тополей, она замедлила шагъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ медленнѣе шла она, на лицѣ у нея выступилъ потъ, она остановилась въ волненіи. Пріѣздъ Травенти вносилъ столько безпокойства въ ея душу... Травенти!.. тотъ самый, который въ Лондонѣ называлъ себя Марино... Компаньонъ ея стараго супруга, бывшій его приближенный и свидѣтель его смерти! Зачѣмъ онъ явился? «Il tempo stringe» «время дорого» было написано на визитной карточкѣ, которую она такъ быстро разорвала. Что кроется въ этихъ словахъ? конечно, что-нибудь недоброе!..

Розина оглянулась еще разъ. Вдалекѣ виднѣлся Марсель, онъ шелъ по берегу моря—слава Богу, онъ не пошелъ за нею... какъ онъ весело, бодро идетъ подъ впечатлѣніемъ счастья... «Милый мой! дорогой мой!» И порывистымъ движеніемъ молодая женщина вдругъ повернулась къ нему.

— Что за малодушіе, Розина!—и она медленно снова направилась къ замку.

Высокое кирпичное зданіе стояло уже передъ нею. Княгиня де-Карпенья прибавила шагу, за ней могли наблюдать изъ открытыхъ оконъ... Теперь она больше не боялась... Да чего же ей, въ самомъ дѣлѣ, было бояться... она была вдова, она свободна, любима и сама любила!

Въ передней Розина спросила лакея, давно ли ее ждетъ тотъ господинъ, который желаетъ ее видѣть.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Съ полчаса. Кажется, господинъ этотъ очень торопится. Карета ждетъ его у воротъ парка.

Карета ждетъ этого человѣка. Значитъ, визитъ будетъ не долгій, его можно будетъ сдѣлать еще короче... Тѣмъ не менѣе, княгиня протянувъ уже руку къ ручкѣ двери, въ нерѣшительности не двигалась съ мѣста. Но лакей смотрѣлъ на нее и она вошла.

Въ гостиной сидѣлъ господинъ подозрительной наружности, дурно одѣтый, непріятный съ виду. Онъ всталъ и, раскланиваясь, жеманно проговорилъ:

— Приношу мое нижайшее почтеніе къ ногамъ княгини.

Съ перваго взгляда княгиня де-Карпенья узнала это знакомое ей лицо съ длинной бородой, съ косматой гривой... Да, это былъ онъ, учитель музыки, котораго она видѣла въ Лондонѣ, порядочная обезьяна.

Онъ заговорилъ по-итальянски. Розина намѣренно отвѣчала ему по-французски. Быть можетъ, она надѣялась ускорить такимъ образомъ объясненіе.

— Здравствуйте, мосье Марино, очень рада васъ видѣть.

Господинъ этотъ снова раскланялся и тоже заговорилъ по-французски, языкомъ, въ которомъ слышалось заальпійское нарѣчіе.

— La clarissime Altesse не забыла имени ничтожнаго Марино? Это наполняетъ гордостью мое смиренное сердце.

«L'altesse clarissime»—не могла удержаться отъ невольной гримасы, до такой степени низкимъ, подлымъ показался онъ ей, тѣмъ не менѣе, желая быть любезною, она продожала:

— Я не разсчитывала на вашъ визитъ, мосье Марино.

Марино улыбнулся улыбкою гориллы, показавъ при этомъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, которые казались еще бѣлѣе отъ его черной бороды.

— Неожиданный визитъ... вызванный крайнею необходимостью. Я пріѣхалъ сюда за самою прекрасною княгиней міра.

— За мною?

— Я уже сказалъ—за самою прекрасною княгиней міра.

Испуганная молодая женщина отшатнулась назадъ.—Онъ подошелъ къ ней.

— Насъ ждетъ карета,—продолжалъ онъ... — очень скромный экипажъ, недостойный такой важной особы, какъ вы. Но я ничего не нашелъ лучше въ Феканѣ. Первобытная страна—варварскіе экипажи!

Княгиня де-Карпенья чувствовала, что ей измѣняютъ силы, тѣмъ не менѣе она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы казаться спокойной:

— Я не мастерица отгадывать загадки, мосье Марино, потрудитесь объяснить, въ чемъ дѣло.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какія тутъ загадки? Это даже не ребусъ... Ессо! Женевскіе, а съ ними и наши лондонскіе друзья, рѣшили, что первый актъ любовной комедіи съиграно; наша дива, вы, княгиня, исполнили свою роль восхитительно! Да, княгиня, поразительно, удивительно, великолѣпно! По крайней мѣрѣ, прологъ готовъ. Теперь пора начинать второй актъ, занавѣсъ подымется надъ другими декораціями—пора подумать о развязкѣ.—Готовится нѣчто ужасное, поистинѣ ужасное.

Разсказчикъ замолкъ на минуту, выпрямилъ свою до сихъ поръ униженно согнутую спину, и продолжалъ:

— Они поручили мнѣ—мое особое счастье—отправиться за вами... Я, Марино, скромный Марино, возведенъ въ должность вашего cavaliero servante—какая честь, княгиня! А теперь, поѣдемъ поскорѣе.

Онъ взялъ шляпу и направился къ выходу.

Не двигаясь, Розина, блѣдная, слѣдила за нимъ.

— Я напрасно силюсь васъ понять,—проговорила она, наконецъ, все болѣе и болѣе волнуясь.

Итальянецъ вернулся и, улыбаясь, началъ все тѣмъ же сладкимъ голосомъ:

— Она не понимаетъ? Она? Этотъ перлъ ума? Она, конечно, понимаетъ, конечно. Я вижу, что память вернулась къ ней—я вижу по ея лицу, что она все вспомнила—съ памятью къ ней вернулась и совѣсть.

И онъ нагнулся къ испуганной молодой женщинѣ и заговорилъ шопотомъ точно дѣло шло о какой-то тайнѣ.

— «О, вспомни!» вѣдь такъ поется во французскихъ романсахъ... Да, вспомните, моя сіятельная княгиня, ресторанъ Ардити, домъ увеселенія для богачей, князя де-Карпенья, это важное лицо и маленькую Беллу въ красной юбочкѣ съ шиповникомъ на груди—вотъ точно съ такимъ букетомъ какъ у васъ теперь, княгиня! Такая милашка—она пѣла: «Libiamo ne lieti calici!» хорошенькій голосокъ, но безъ всякой школы. Ахъ! сколько огня было въ ея глазахъ, сколько страсти въ ея словахъ. Вспомните только, ваше сіятельство, слова: «Мнѣ 22 года, я хороша собой. Хочешь отмстить смерть моего отца—хочешь?—И тогда я принадлежу тебѣ душой и тѣломъ!» Такъ вотъ мы хотимъ отмстить за столь любимаго отца. Дочь его принадлежитъ намъ душою и тѣломъ, она наша вещь!

Каждое слово этого человѣка задѣвало гордость этой бывшей пѣвицы, заставляло ее плакать надъ прошлымъ. Потерянная, она склонила чело подъ сарказмами этого низкаго лакея.

Тѣмъ не менѣе, въ порывѣ негодованія, собравъ послѣднія крохи храбрости, она съ насмѣшкою попробовала отдѣлаться отъ него.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Преданья старины глубокой! мой милый. Белла не существуетъ, а княгиня де-Карпенья свободна. Было время, она была рабою своего мужа—теперь ей возвращена свобода—мужъ ея умеръ.

— Увы! умеръ!—плаксиво проговорилъ итальянецъ.—Онъ далъ себя убить... Умеръ отъ раны, этотъ благородный князь... въ Равеннѣ... на моихъ рукахъ... призывая тщетно свою супругу въ свои послѣднія минуты. Супруга была далеко... въ Парижѣ... всецѣло преданная своей мести за отца; несмотря на все желаніе, она не могла быть на его похоронахъ. Да, онъ умеръ, il generoso vecchione! Совсѣмъ умеръ! Превратился «въ гвоздь дверей», по выраженію не особенно изящной англійской метафоры... Но духъ его безсмертенъ, какъ тѣнь Нина въ операѣ божественнаго Россини, онъ витаетъ здѣсь, смотритъ на насъ, слышитъ насъ, говоритъ съ нами... И онъ говоритъ вамъ, княгиня: «берегись».

— А! Угрозы! Я знаю, что вы всѣ разбойники, что вы способны меня убить. Я...

— Васъ убить?—Бывали вещи поужаснѣе.—Но успокойтесь, княгиня, что бы ни случилось, мы всегда постараемся сберечь дочь Савелли.

«Дочь Савелли!» Съ какимъ презрѣніемъ это было сказано. И, полная любви, забывшая своего отца, она растерялась передъ позоромъ. Красная отъ гнѣва и стыда, она тяжело опустилась въ кресло, не находя словъ. Ею снова овладѣлъ страхъ, отчаянье наполнило ея душу... Она чувствовала, что погибла, погибла безъ возврата. Человѣкъ, который оскорблялъ ее цѣлые четверть часа, не уйдетъ безъ своей добычи. Черезъ нѣсколько минутъ вернется Марсель; она ему разскажетъ всю исторію ея позора. Отчаянье, отвращенье этого дорогого, опозореннаго человѣка!.. И у тебя, Розина, для защиты твоей не будетъ ни улыбки, которая смирила бы его гнѣвъ, ни поцѣлуя, чтобы зажать ему уста, ни ласки, чтобы осушить его слезы... Однимъ жестомъ руки твой любовникъ выгонитъ тебя, недостойную. Бѣги же, бѣги скорѣй безъ оглядки. По крайней мѣрѣ, онъ не узнаетъ всей грязи твоего прошлаго, онъ будетъ жить иллюзіей и въ своей печали будетъ звать тебя».

Вотъ что она говорила себѣ, а между тѣмъ, она стояла, не двигаясь, убитая, уничтоженная... Послѣдніе лучи проникали въ окна и точно прощались съ ней, свѣжій морской воздухъ точно ласкалъ ее, вечерній звонъ сассевильской церкви уныло отдавался въ ея душѣ...

Боже мой! Сколько счастья въ этомъ земномъ уголкѣ, осѣненномъ любовью!

А Марино, растянувшись въ креслѣ, закуривъ сигару и перемѣнивъ тонъ, разговаривалъ какъ бы съ собою.

— Digraziati noi!.. Съ женщинами всѣ разсчеты человѣческой мудрости напрасны. Хоть бы вотъ эта, напримѣръ, ея отецъ былъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

герой, погибъ какъ мученикъ. Кровь Сципіона Савелли вопіетъ о мести, а дочь его не внемлетъ ей—она предпочитаетъ шляться по непотребнымъ мѣстамъ.

Однимъ прыжкомъ Розина набросилась на него:

— А кому я обязана этимъ позоромъ? Кому—какъ не вамъ, подлые негодяи—кто сказалъ мнѣ: «заставь себя полюбить». Кто? вашъ Карпенья, мой низкій мужъ.

— Да, онъ сказалъ: «заставь себя полюбить», но онъ не говорилъ: «полюби сама». Вы, какъ видно, не совсѣмъ поняли то, что вамъ было предписано.

— Мнѣ предписано? Развратники!.. Оттого, что вы меня встрѣтили, однажды, нищую, голодную, вы рѣшили, что у меня сердце какой-нибудь потаскушки, публичной дѣвки? Подлецы! «Заставь себя полюбить, нищенка; повинуйся намъ, мы тебя купили!» А я, несчастная, я сама полюбила его! Да, несчастная!

— Однимъ словомъ, Родригъ и Химена!—насмѣхался профессоръ...—Это прекрасно въ трагедіи, но не въ дѣйствительной жизни.

— Вы сейчасъ угрожали мнѣ,—продолжала Розина,—такъ убейте меня, какъ вы убивали другихъ.—Да, убейте меня, я сама себѣ отвратительна, противна!.. Я не хочу имъ повиноваться!.. Чего они требуютъ отъ меня, наконецъ, эти господа съ ихъ великими замыслами?.. Негодяи!—Да, это дѣло вашихъ рукъ, эта страсть, которая сжигаетъ меня, поглощаетъ меня всю! Вы заставили меня играть съ любовью, любовь надсмѣялась надо мною! Она сожгла меня, я вся объята ея пламенемъ... Я люблю... Я люблю его! слышите... понимаете ли вы?.. Я люблю его, люблю безумно!..

— Чортъ возьми! Зачѣмъ терять разсудокъ?

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Развѣ для чувства есть законъ? Случайность, увлеченье, страсть—таковъ, видно, мнѣ удѣлъ!.. Зачѣмъ? Какъ мнѣ смѣшно это «зачѣмъ»! Потому, что любовь—зараза, которая никогда не щадитъ... потому что если я пала, любя, я пала бы еще ниже, не любя... потому, что мужъ мой развратилъ меня, а мой любовникъ возвысилъ меня до своей любви... потому что... потому что я его люблю—вотъ и все!

И она опустилась въ кресло, изнеможенная, закрывъ лицо руками.

Она вдругъ вздрогнула.

Марино всталъ и разсматривалъ картину на стѣнѣ. Это былъ портретъ графа Брута Бенарда. Бывшій генералъ-прокуроръ былъ изображенъ въ костюмѣ члена аппеляціоннаго суда, въ красной тогѣ, опушенной горностаемъ, въ позѣ публичнаго обвинителя, который судитъ и осуждаетъ. Мазинистъ, нѣсколько минутъ молча разсматривавшій эти ненавистныя черты, вдругъ обратился къ ней съ презрительной ироніей.

— А мосье Брутъ... бѣлый мясникъ... сочувствуетъ вашей любви?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Молодая женщина подняла голову и растерянными глазами смотрѣла на него.

Марино вдругъ бросился на свою добычу и вцѣпился въ нее пальцами.

Грубымъ усиліемъ онъ заставилъ ее встать и, сжавъ ея руки въ своихъ кулакахъ, потащилъ ее къ картинѣ.

Она всячески отбивалась отъ него—онъ не выпускалъ ее.

— На, смотри же, подлая тварь! Такъ онъ былъ одѣтъ, когда предъ нимъ предсталъ твой отецъ съ сочащеюся кровью изъ ранъ! Такъ онъ стоялъ, когда требовалъ смерти твоего отца, котораго смерть пощадила!.. Такъ онъ улыбался, когда былъ утвержденъ смертный приговоръ, по которому отецъ твой былъ разстрѣленъ на этотъ разъ на смерть! На же, на, смотри,—влюбленная красавица, нѣтъ, ты лучше покрой поцѣлуями эти руки, это платье, быть можетъ, на немъ сохранились еще капли крови твоего отца, безстыдная!

И онъ схватилъ ее за горло и ея губами тыкалъ въ картину.

Она бѣшенно выбивалась, ногтями впиваясь въ этого безпощаднаго палача. Въ ней сказалась истая итальянка, дочь народа.

— Вы правы! Канальи! Канальи! Эта страсть ужасна!.. Я «lupa», я отцеубійца!.. Мерзавцы! Дѣлайте со мной, что хотите—я вамъ продала себя... вы купили мое тѣло—подлые! и душу и тѣло—демоны! Разъ, что я вся ваша... Распоряжайтесь мной... Подлецы! Веди меня отсюда вонъ!.. веди—но только скорѣй... Сейчасъ... Сію минуту... покуда онъ не вернулся—если я его увижу.,. я не уйду... я буду не въ силахъ уйти... я упаду мертвая къ его ногамъ.

Марино выпустилъ добычу изъ своихъ сжатыхъ пальцевъ:

— Va bene!—проговорилъ онъ,—наконецъ-то я узнаю мою княгиню! А теперь, въ путь-дорогу! Насъ ждутъ въ Парижѣ. Вы скоро узнаете, ваше сіятельство, какое почетное порученіе будетъ на васъ возложено.

Онъ пошелъ поднимать кружевную косынку, которую уронила княгиня и, возвращаясь къ бѣдной женщинѣ, увидалъ ее всю въ слезахъ.

— Да перестаньте, дорогая синьора, вы раздираете мнѣ душу, не плачьте.—Вы скоро увидите вашего giovinotto... увѣряю васъ очень скоро.

— Никогда! Никогда!—проговорила Розина сквозь слезы.

— Увидите! увѣряю васъ, очень скоро увидите вашего милаго друга.

Она съ негодованіемъ взглянула на этого безсовѣстнаго человѣка:

— Никогда! Слышите ли никогда! Ищите другихъ для вашихъ подлыхъ дѣлъ... оставьте любовника! оставьте его... Я не хочу его видѣть... Не хочу... Никогда.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Знаемъ мы всѣ эти клятвы влюбленныхъ, обѣщанья пьяницъ!.. А вотъ и готовый отказъ ему.

Онъ вынулъ изъ кармана заранѣе написанное письмо и положилъ его на столъ, на видное мѣсто.

— Presto e vivace!—воскликнулъ онъ,—желѣзныя дороги не ждутъ, а честь еще того меньше.

Онъ предложилъ руку злополучной женщинѣ, она съ презрѣніемъ отказалась.

Блѣдная, какъ смерть, она подошла уже къ дверямъ, какъ вдругъ вспомнила о букетѣ шиповника на груди. Она сорвала его въ порывѣ безумной страсти, крѣпко поцѣловала, добѣжала до стола и положила его рядомъ съ письмомъ, какъ вѣчное послѣднее «прости». Марино, слѣдившій за каждымъ ея движеніемъ, притворился растроганнымъ.

— Capisco!—проговорилъ онъ,—влюбленный шиповникъ—эмблема нашей милой дикарки, дорогое воспоминаніе о ней и о мечтахъ о ней, при лунномъ свѣтѣ!.. Счастливый молодой человѣкъ!

Не отвѣчая ему, съ горячими, но сухими глазами, точно стряхнувъ съ себя все прошлое любви, Розина бросилась къ дверямъ. Скоро карета увезла ее въ невѣдомыя страны. Черезъ полчаса вернулся Марсель, въ гостиной было темно и пусто. На столѣ онъ нашелъ запечатанное письмо на его имя. Встревоженный, онъ распечаталъ его и вскрикнулъ отъ ужаса.

Въ письмѣ было только двѣ строчки:

«Она думала, что васъ любитъ, но она не любила васъ. Забудьте же ее, какъ забывается все на свѣтѣ».

Никакой подписи.

Марсель читалъ и перечитывалъ это письмо, ничего не понимая, не желая понять его.

Наконецъ, онъ позвонилъ.

— Гдѣ княгиня?

— Княгиня только-что уѣхала.

— Одна?

— Нѣтъ, съ тѣмъ господиномъ, который ждалъ ее.

— Она не сказала куда?

Никто изъ прислуги ничего не зналъ объ этомъ.

— Все равно. Скорѣй запрягать! Я нападу на ея слѣдъ.

Когда Марсель остался одинъ, онъ еще разъ перечиталъ это письмо безъ подписи. И тутъ онъ замѣтилъ букетъ шиповника, увядшій, какъ его любовь. Несчастный захохоталъ смѣхомъ отчаянья, расщипалъ эти жалкіе цвѣты, бросилъ ихъ на полъ и растопталъ ихъ.

— Вотъ тебѣ! комедіантка! вотъ какъ мнѣ дорога твоя память! Какое счастье! Наконецъ, я свободенъ!..

У него вдругъ потемнѣло въ глазахъ, ноги подкосились, и онъ упалъ на полъ безъ чувствъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

VI.

„Да вѣдь это сынъ мой...“

Настала зима, окутавъ Парижъ своими туманами и унынiемъ. Въ ту ночь шелъ дождь.

Въ фамильномъ замкѣ на Бретельской авеню Марiя-Анна сидѣла возлѣ своего отца. Былъ уже вечеръ.

Какимъ старикомъ смотрѣлъ графъ Бенардъ! Достаточно было одного года, чтобы его недавно еще гордый и прямой станъ сдѣлался согбеннымъ. Сѣдые волосы его порѣдѣли; лицо покрылось багровой краской, а изъ угловъ рта ниспадали теперь двѣ глубокiя складки—признаки одряхлѣлости. Болѣзнь, снѣдавшая его, усилилась; обмороки повторялись безпрестанно, и докторъ не скрывалъ болѣе своихъ опасенiй.

— Въ особенности,—объявилъ онъ,—слѣдуетъ удалять отъ него слишкомъ сильныя волненiя; я боюсь какой-нибудь катастрофы.

Бѣдная хромоножка обратилась тогда въ бдительную сидѣлку при больномъ, расточая передъ нимъ весь пылъ своихъ дѣтскихъ чувствъ.

Въ описываемый моментъ, старикъ лежалъ, вытянувшись на кушеткѣ, съ закрытыми глазами, скрестивъ руки. Онъ казался спящимъ; хотя, глядя на эту безкровную блѣдность, на эту безмолвную неподвижность, можно было подумать, что онъ спалъ непробуднымъ сномъ смерти.

Бѣдная Марiя-Анна также сильно измѣнилась; худощавое лицо ея подурнѣло еще болѣе, а двѣ складки, лежавшiя бороздками на блѣдныхъ щекахъ, свидѣтельствовали о длинныхъ безсонныхъ ночахъ, равно какъ и о долгихъ дняхъ, проведенныхъ въ слезахъ. Въ туалетѣ ея не осталось ни единаго признака наивнаго былого кокетства: ни ленточки, ни цвѣтка въ волосахъ; ея черное шерстяное платье, казалось, носило на себѣ трауръ по какомъ-то исчезнувшемъ «миломъ». Сидя за своимъ роялемъ, молодая дѣвушка быстрыми пальчиками наигрывала звучныя модуляцiи и странные диссонансы. Изъ произведенiй Шопена она выбирала ноктюрны и берсезы, вещи, излюбленныя ея отцомъ... И посреди печали этой полутемной комнаты раздавались то стенанiя высокаго артиста, то взрывы его сокрушенной радости, напоминавшiе собою проклятiя содрогающагося богохульства... О, Шопенъ! поэтъ, погибшiй отъ горести, ты геній, который былъ цѣликомъ сотканъ изъ слезъ, патрiотъ, оплакивавшiй свое отечество, любовникъ, презиравшiй свои увлеченiя... какая страждующая душа могла когда бы то ни было слышать безъ содраганiя вопли, исторгнутые твоимъ отчаянiемъ на трупъ твоего сердца!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Два легкихъ удара въ дверь заставили молодую дѣвушку подскочить; она вдругъ остановилась... Дверь пріотворилась и на порогѣ показалась растрепанная фигура Филомены.

— Барышня!

— Что, другъ мой?

— Барышня... гости!

— Въ этотъ часъ?

Марія-Анна задрожала; внезапное волненіе лишило ее способности рѣчи.

— Гости!—повторяла служанка,—вамъ необходимо надо сойти внизъ!

Графъ Бенардъ снова открылъ глаза.

— Ступай, дитя мое, и приди мнѣ сказать, что это за таинственность.

Марія-Анна немедленно вышла, и больной снова впалъ въ свою прерванную дремоту... Тѣмъ не менѣе онъ прислушивался и слышалъ.

Въ домѣ поднялось необычайное хожденіе взадъ и впередъ... шумъ голосовъ,—голосъ его дочери, еще какой-то другой... Поднимались на лѣстницу... шаги въ коридорѣ... наконецъ дверь слегка толкнули: передъ нимъ стоялъ Марсель.

Графъ Бенардъ не шевельнулся.

— Это вы, сударь?—сказалъ онъ равнодушно,—и такъ вотъ вы возвратились?

Скромно, все на той же дистанціи, молодой человѣкъ преклонилъ одно колѣно:

— Батюшка, простите меня!.. я такъ много перенесъ!

Никакого отвѣта. Онъ началъ снова:

— Простите меня... Я низко оскорбилъ васъ; я хотѣлъ вынудить ваше согласіе на бракъ недостойный: дать ваше имя существу ничтожному; открыть ему вашъ домъ, вашу семью! Но вѣдь я страдалъ; я искупилъ свою вину!—Простите меня!

— Батюшка!.. О, батюшка!—подобно эху вторилъ умоляющій голосъ Маріи-Анны.

Графъ Бенардъ нѣсколько приподнялъ голову.

— А какъ давно покинули вы вашъ замокъ Сассевиль?

Марсель на минуту призадумался. Затѣмъ прерывающимся голосомъ продолжалъ:

— Да, я долженъ былъ бы раньше броситься къ ногамъ вашимъ, раньше умолять о вашемъ снисхожденіи: я не смѣлъ, я... Нѣтъ, я лгу, — я не хотѣлъ! Страсть владѣла еще мною всѣмъ вполнѣ. Отъ меня бѣжали: я пытался нагнать; спаслись,—я преслѣдовалъ! Я пересѣкъ Францію, проѣхалъ Италію, исколесилъ всѣ города... Ничего! я ничего не нашелъ!.. И вотъ теперь страсть потухла; безуміе мое вполнѣ излечено! Батюшка, простите меня!.. Я столько перенесъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Маленькая хромоножка совершенно по-дѣтски подбѣжала и также опустилась на колѣни.

— Папа!.. О, папа!—повторяла она, не находя другихъ словъ для мольбы.

— Если я и рѣшился явиться къ вамъ,—продолжалъ Марсель,—такъ это потому, что я долженъ проститься съ вами. Я не въ силахъ былъ бы оставаться въ Парижѣ подъ гнетомъ вашего гнѣва! Жизнь моя разбита; я долженъ возродить въ себѣ новую душу. Я уѣду. Я просилъ, чтобы меня отправили въ какое-нибудь отдаленное консульство, все равно въ какую ссылку, только куда-нибудь подальше... туда, гдѣ исполненіе долга поможетъ мнѣ снова обрѣсти сознаніе моего собственнаго достоинства... Осмѣлюсь ли, батюшка, просить васъ скрѣпить мою челобитную?

Графъ Бенардъ обратилъ свой взоръ на просителя:

— Хорошо... я поговорю съ министромъ.

Марсель поднялся съ колѣнъ и, въ сопровожденіи Маріи-Анны, пошатываясь, вышелъ.

Все также вытянувшись на кушеткѣ, графъ Бенардъ слышалъ, какъ онъ удалялся медленными шагами... вотъ спускаются съ лѣстницы, спотыкаясь на каждой ступенькѣ... они вовсе не остановились въ первомъ этажѣ... вотъ шаги раздаются уже въ передней, близко къ выходу, къ улицѣ, къ разставанью, быть можетъ, безъ возврата...

Во мгновеніе ока старикъ очутился на ногахъ; онъ бросился къ двери своей комнаты и съ силой рванулъ ее.

— Марсель!

Шаги остановились.

— Марсель! Марсель!..

И сынъ прибѣжалъ; отецъ раскрылъ ему свои объятія; онъ, внѣ себя, бросился въ нихъ... не произнеся ни слова. Долго обнявшись, они молчали, и тотъ и другой.

VII.

Ночной призракъ.

«Сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся»...

Въ настоящій моментъ въ комнатѣ возвратившагося блуднаго сына трещалъ веселый каминъ, и лампа распространяла изъ-подъ абажура свой слабый, робкій свѣтъ. Марсель поцѣловалъ Марію-Анну въ лобъ и тихо отпустилъ ее отъ себя.

— Иди, милочка, я чувствую себя усталымъ; мнѣ хотѣлось бы попытаться заснуть.

Наконецъ-то онъ остался одинъ!..

Какое наслажденіе располагать возможностью подкрѣпить свое тѣло и усыпить свою душу!..

ЧИТАЛЬНЯ
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ВЪ ЯНВАРѢ ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Адріановъ, А. В. Городъ Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Томскъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Аксаковъ, К. С. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Изданіе 2-е. М. 1889 г. Ц. 2 р. 25 к.

Алексѣевъ, В. А., проф. Д. И. Нагуевскій. Основы библіографіи по исторіи римской литературы. Библіографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1703 по 1888 г. Рецензія. Воронежъ. 1890 г. Ц. 20 к.

Амичисъ-де, Э. Дневникъ школьника. Книга для дѣтей. Съ рисунками. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Архивъ князя Воронцова. Кн. 37-я. М. 1891 г. Ц. 3 р.

Атава, Сергѣй (С. Н. Терпигоревъ). Потревоженныя тѣни. Т. II. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Историческіе разсказы и воспоминанія. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бадеръ, В. А. Экономическія огнеупорныя постройки и крыши для сельскаго населенія Россіи. М. 1890 г. Ц. 25 к.

Бажина, С. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ картинками. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Беллами, Э. Будущій вѣкъ. Романъ. Переводъ съ англійскаго Л. Гей. Съ портретомъ и факсимиле автора. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Бихеле, Н. М. Техническій календарь на 1891 г. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Данте.—А. С. Пушкинъ.—Патріархъ Никонъ.—А. Мицкевичъ.—Конфуцій.—Лессингъ. Съ портретами. Спб. 1891 г. Ц. каждой кн. 25 к.

*) **Богдановичъ, И.** Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Изд. 3-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Бочаговъ, А. Д. Наша торговля и промышленность въ старину и нынѣ. Вып. I. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Священная римская имперія. М. 1891 г. Ц. 2 р.

Бронишъ, Л. и Фишеръ, В. Краткое руководство къ строительному искусству и архитектурѣ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Вып. I. Спб. 1891 г. Ц. съ атласомъ 2 р.

Букварь, изготовленный монахомъ Каріономъ Истоминымъ, для обученія царевича Алексѣя Петровича, въ 1699 г. Гравированъ Леонтіемъ Бунинымъ. Изд. Д. А. Ровинскимъ. Спб. Ц. 10 р.

Бѣляевъ, А. О покоѣ воскреснаго дня. Харьковъ. 1891 г. Ц. 90 к.

Валуевъ, П. А., графъ. Очерки изъ области естествознанія. Одесса. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. II. М. 1891 г. Ц. 5 р. 50 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 28-й. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Виво-де, Д. Практическое руководство для изученія итальянскаго языка. Изд. 2, исправл. и дополнен. Одесса. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вилль, Ж. Анализъ почвъ растеніями. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Витевскій, В. Н. и И. И. Неплюевъ. Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. III. Казань. 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вишневскій С. М., д-ръ. О сохраненіи здоровья. Ч. I. Что надо дѣлать, чтобы избавляться намъ отъ простуды? Ч. II. Какую пищу и какъ намъ надо ѣсть и какой не ѣсть? Ч. III. Какъ устроить домъ, чтобы жить въ немъ было здорово? Казань. 1891 г. Ц. каждой части 15 к.

*) **Во дни оны** (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

Волотовскій, А. Школьный садоводъ. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Гамовъ, И. Два брата. Дума изъ малорусскихъ преданій. Гомель. 1890 г. Ц. 15 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Гарнье, Э. Карлики и великаны. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Гейбнеръ. Робинзонъ, его жизнь и приключенія. Съ 107 рисунками. Спб. 1891 г. Ц. въ папкѣ 40 к.

Герсевановъ, М. Н. Объ обводненіи южной степной полосы Россіи. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Гомилевскій, В. Укрѣпленіе и облѣсеніе летучихъ песковъ. Одесса. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гордонъ, Л., д-ръ. Голосъ и рѣчь. Общедоступное описаніе органовъ голоса и рѣчи и ихъ дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи. Съ рисунками. Вильна. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к.

Гусевъ, А. Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра. Ч. I. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

— О бракѣ и безбрачьи. Противъ „Крейцеровой сонаты“ и „Послѣсловія“ къ ней гр. Л. Толстого. Казань. 1891 г. Ц. 50 к.

Гюйо, М. Происхожденіе идеи времени. Психологическій этюдъ. Смоленскъ. 1891 г. Ц. 75 к.

Дементьевъ, Е. М. Развитіе мышечной силы человѣка въ связи съ общимъ его физическимъ развитіемъ. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Деркачевъ. Подспорье. Крошки-разсказы изъ трехъ царствъ природы. М. 1891 г. Ц. 70 к.

Диккенсъ, Ч. Иллюстрированные романы въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой, съ рисунками: Крошка Доррить. — Тяжелыя времена. — Холодный домъ.—Николай Никльби.—Два города.—Мартинъ Чезльвитъ. Спб. 1891 г. Ц. каждой книжки 40 к.

Дмитріевъ, П. А. Наставленіе къ содержанію растеній въ комнатахъ. Саратовъ. 1889 г. Ц. 30 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена. Изд. ред. „Русская Мысль“. М. 1891 г. Ц. 1 р.

— Портъ-Тарасконъ. Послѣднія приключенія славнаго Тартарена. Изд. ред. „Русскихъ Вѣдомостей“. М. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дохманъ, А. Открытіе Коха. Казань. 1890 г. Ц. 30 к.

Духовецкій, Ѳ. А. Женихи принцессы Свѣтланы. Японская сказка. Съ иллюстраціями. М. 1891 г. Ц. 80 к.

Дыдынскій, Ѳ. Латинско-русскій словарь къ источникамъ римскаго права. Варшава. 1890 г. Ц. 4 р.

Ежегодникъ Имп. Русскаго Географическаго Общества. Подъ ред. А. А. Тилло, И. В. Мушкетова и А. В. Григорьева. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Ефимовъ, Вл. Начатки русской грамматики для народныхъ школъ. Воронежъ. 1890 г. Ц. 15 к.

„Живая Старина“. Періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи Имп. Рус. Геогр. Общ., подъ ред. В. И. Ламанскаго. Вып. II. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Житковъ, С. Правила составленія смѣтъ, производства работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Убійцы. Уголовный романъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ, В. И. Стихотворенія. 1879—1889. Харьковъ. Ц. 1 р.

*) **Историческая** портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXVII. Спб. 1891 г. Ц. каждаго выпуска 2 р.

Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго Общ. покровительства животнымъ за 25 лѣтъ его существованія. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при Имп. Спб. университетѣ за 1890 годъ. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

*) **Кайгородовъ, Д.** Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. V. Спб. Ц. 75 к.

Канаевъ, А. Н. Очерки жизни Виктора Сильвестровича Шпака. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Кирпичниковъ, А. И., проф. Вальтеръ Скоттъ и Викторъ Гюго. Двѣ публичныя лекціи. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Клаусенъ, Э. К. Краткій учебникъ огородничества и плодоводства, особенно для юга Россіи. Ч. II. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Коптевъ, В. И. Матеріалы для исторіи русскаго коннозаводства. 1847—1887 гг. М. 1887 г. Ц. 5 р.

Корольковъ, Н. М. Профессіональныя и спеціальныя женскія школы въ Россіи. (Приложеніе къ трудамъ съѣзда русск. дѣят. по технич. и профессіон. образован. въ Россіи). Спб. 1890 г. Ц. 85 к.

Котельниковъ, В. Г. О почвѣ и ея обработкѣ. Изд. 4-е, исправл. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Котъ-Мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Т. V. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 75 к.

Красносельцевъ, Н. Ѳ. Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды трехъ святителей“. Одесса. 1890 г. Ц. 40 к.

Крафтъ-Эбингъ, проф. Нашъ нервный

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣкъ. Изданіе 3-е, дополн. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

*) **Кренке, В. Д.** О сельскомъ хозяйствѣ. Вып. 3-й. Изд. 3-е, исправлен. и дополн. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Кривенко, Н. Н. Письма о лошади. Съ рисунками. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

Кудрявцевъ, Н. Геологическій очеркъ бассейновъ Десны, Жиздры и Болвы. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 25 к.

Латышевъ, П., врачъ. Здоровье. Книжка 1-я: Бесѣды о томъ, какъ устроено человѣческое тѣло и чѣмъ оно живетъ. М. 1890 г. Ц. 25 к.

Леббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предислов. проф. А. Бекетова. Перев. А. Гердъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лейкинъ, Н. А. Наши за границей. Изд. 2-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

— На заработкахъ. Романъ изъ жизни чернорабочихъ женщинъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 20 к.

Лисовскій, Н. М. Къ вопросу объ организаціи библіографическаго труда. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Локкъ, Джонъ. Мысли о воспитаніи. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Маврицкій, В. А. Сборникъ правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія на 1891—1892 гг. М. Ц. 1 р. 50 к.

Майковъ, Валеріанъ. Критическіе опыты (1845—1847). Съ приложеніемъ портрета В. Н. Майкова и матеріаловъ для его біографіи и литературной характеристики. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

*) **Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ).** Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

Мартесонъ, А. Что такое такъ называемое право и наука о немъ: правовѣдѣніе или юриспруденція. М. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Мейеръ, Конрадъ.** Святой. Повѣсть. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

Мнѣніе о холерной эпидеміи Кострома. 1889 г. Ц. 1 р. 20 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель и Комп. Вып. 7-й. М. 1890 г. Ц. вып. 30 к., на лучшей бумагѣ 40 к.

— То-же Вып. 8-й. М. 1890 г. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Невядомскій, Р. Раціональное проектированіе объѣздныхъ путей на желѣзныхъ дорогахъ. Варшава. 1890 г. Ц. 75 к.

*) **Немировичъ-Данченко, В. И.** Лѣтомъ и зимою на Шибкѣ (1877—1878). Изъ воспоминаній военнаго корреспондента. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

— Боевая страда (отъ Плевны до Шибки). Романъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нетыкса, А. А. Художественный сборникъ работъ русскихъ архитекторовъ, подъ редакц. А. С. Каминскаго. Вып. I. М. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Нечаевъ, В. И. Пособіе къ податному счетоводству въ сельскихъ обществахъ. Казань. 1890 г. Ц. 75 к.

Осташевъ, Л. И. Въ тѣни. Разсказы и очерки. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 30 к.

*) **Островская, Н.** Разсказы для дѣтей. Съ 10-ю рисунками. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Павловскій, А. А. Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, по снимкамъ А. Н. Померанцева и Ѳ. И. Чагина. Изслѣдованіе. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Павловъ, Н. Опытъ систематическаго сборника задачъ для начальн. обученія ариѳметики. Казань. 1891 г. Ц. 30 к.

Паренаго, М. Н. Жертва самообмана. Романъ. М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, Н. Медіумическая матеріализація. Переведено съ англійскихъ и американскихъ изданій. Спб. 1891 г. Ц. 3 р. 75 к.

Потапенко, И. Н. Повѣсти и разсказы. 2 тома. Спб. 1891 г. Ц. за 2 т. 2 р.

Путешествіе на луну. Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Пушкинъ. Русланъ и Людмила. Сказка въ силуэтахъ Изенберга. Спб. Ц. 5 р.

Радцигъ, А. Производство и потребленіе сахара на всемъ свѣтѣ. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Раевскій, П. И. Повѣсти. Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р.

Ре, М. Отдѣлка фотографій. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Розановъ, Л. И. Сводъ дѣйствующихъ узаконеній о частной золотопромышленности въ Россіи. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Розанцевъ, В. Фарфоръ, его исторія и техника обработки. Съ рисунками. Ч. I. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Розенталь, А. Устройство дренажа на 428 и 433 верстахъ Самаро-Уфимской ж. д. Кіевъ. Ц. 20 к.

Руссильонъ, Виго. Египетская экспедиція. Отрывки изъ военныхъ воспоминаній (1793—1837). Казань. 1890 г. Ц. 75 к.

Русскимъ дѣтямъ въ память бабушки Пассекъ. Юбилейный сборникъ журнала „Игрушечка“. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. VI. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Саліасъ, Е. А. Философъ. Историческая повѣсть. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древностей, находящихся въ гор. Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р. 40 к.

Свиньинъ, И. А. Воспоминанія студента 60-хъ годовъ за 1862—1865 гг. Тамбовъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е ноября 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

То-же. За время съ 1-го января по 1-е декабря 1890 г. Ц. 50 к.

Северухина, Е. Элементарная русская грамматика. Казань. 1890 г. Ц. ч. I— 50 к., ч. II—30 к.

Сельско-хозяйственныя и статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. III. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Семеновскій желѣзнодорожный календарь на 1891 г. Спб. Ц. съ двумя приложен. 1 р. 50 к.

Сенатскій архивъ. III. Журналы и опредѣленія Пр. Сената за мартъ, апрѣль и май 1741 г. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Сергѣевскій, Н. Д. Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Изд. 2-е (сокращенное). Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Скородинскій, А. Православная Пасхалія. Одесса. 1890 г. Ц. 75 к.

Случевскій, В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство. Спб. 1891 г. Ц. 2 р.

Спиноза, Б. Переписка. Съ приложеніемъ жизнеописанія Спинозы І. Колеруса. Перев. съ латинскаго Л. Гуревичъ, подъ редак. и съ примѣч. А. Л. Волынскаго. Съ портрет. и факсимиле Спинозы. Спб. 1891 г. Ц. 6 р.

Статистическій ежегодникъ Московской губерніи за 1890 г. М. Ц. 1 р.

Стэнли. Иллюстриров. очеркъ его путешествій и открытій. Съ рисунками и картами. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. 1889—1890. Труды I отдѣленія. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

То-же. Труды II отдѣленія. Ц. 3 р.

То-же. Труды III отдѣленія. Ц. 2 р.

То-же. Труды IV отдѣленія. Ц. 3 р.

То-же. Труды V отдѣленія. Ц. 2 р.

Сюзевъ, А. И. Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева подъ благородныя. М. 1801 г. Ц. 25 к.

Тимаевъ, Н. Посохъ христіанина. Іерусалимъ и Палестина. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

Титъ Марцій Плавтъ. Горшокъ. Переводъ А. Фета. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Толмачевъ, Н. А. Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Казанской губ. Казань. 1890 г. Ц. 1 р.

— О Водянскомъ городищѣ въ Саратовской губ. Одесса. 1890 г. Ц. 15 к.

Tom. Tit. Поучительныя забавы. М. 1891 г. Ц. 1 р 20 к.

— Поучительныя забавы. Ч. II. М. 1891 г. Ц. 1 р. 20 к.

Успенскій, Глѣбъ. Сочиненія. Т. III. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ. Изд. 3-е, дополнительное ко 2-му изд. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Фаерманъ, Л. Описаніе противопожарныхъ составовъ и спеціальные способы тушенія огня. М. 1890 г. Ц. 15 к.

Фетъ, А. Вечерніе огни. Вып. 4-й неизданныхъ стихотвореній. М. 1891 г. Ц. 1 р.

Ціонъ, К. Ф. Тонтины и страхованіе жизни. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Шейманъ, П. Очерки современнаго состоянія народныхъ школъ въ Пруссіи. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Шкабельниковъ, Г. З. Календарь и записная книжка для чиновъ полиціи на 1891 г. Вильна. Ц. 1 р.

Шпильгагенъ, Фр. Молотъ и наковальня. Романъ. Изд. 3-е. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Schuster, Dr. Когда больные сифилисомъ мотутъ жениться? Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Энгельгардтъ, А. Н. Значеніе почвенно-геологическихъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Эрбъ, В., д-ръ. Dystrophia muscularis progressiva (Лекціи совр. нѣм. клиницистовъ. Новый рядъ. Т. III. № 3). М. 1891 г. Ц. 30 к.

Эркманъ-Шатріанъ. Лѣсничій Фредерикъ. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе этногр. отд. Имп. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр. № 4. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Южаковъ, С. Н. Соціологическіе этюды. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ясинскій, І. Вѣчный праздникъ. Романъ. Спб. 1891 г. Ц. 1 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1891 годъ

А. С. СУВОРИНА

(20-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Содержаніе «Русскаго Календаря»: **Часть 1-я**: отд. 1-й—Церковный календарь отд. 2-й—Астрономическій календарь; отд. 3-й—Метеорологическій календарь; отд. 4-й — Историческій календарь и государственныя учрежденія, ихъ устройство и личный составъ. **Статистическій ежегодникъ календаря** составляютъ слѣдующіе отдѣлы: отд. 1-й—Территорія и населеніе Россіи; отд. 2-й—Церковь; отд. 3-й—Финансы; отд. 4-й—Внѣшняя и внутренняя торговля; отд. 5-й—Сельское хозяйство, фабричная и заводская промышленность; отд. 6-й—Кредитъ и акціонерное дѣло; отд. 7-й—Средства сообщеній и сношеній (желѣзныя дороги, пароходства, почта и телеграфъ); отд. 8-й—Пожары и страховое дѣло въ Россіи; отд. 9-й—Коннозаводство; отд. 10-й—Народное образованіе; отд. 11-й—Народное здравіе; отд.12-й—Судъ; отд. 13-й—Русская лѣтопись; отд. 14-й—Некрологъ; отд. 15-й—Войско и флотъ; отд. 16-й—Иностранныя государства и политическія партіи. **Справочная книжка «Русскаго Календаря»** заключаетъ въ себѣ разнаго рода свѣдѣнія справочнаго характера, касающихся: 1) разныхъ ученыхъ обществъ, библіотекъ и музеевъ; 2) учебныхъ и воспитательныхъ заведеній; 3) расквартированія войскъ; 4) банковыхъ и другихъ финансовыхъ и торговыхъ учрежденій; 5) почта и телеграфъ; 6) желѣзн. дорогъ и пароходства; 7) лечебно-врачебныхъ заведеній и врачей; 8) судебныхъ учрежденій и законоположеній; 9) благотворительныхъ учрежденій; 10) періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи; 10) метрологіи; 12) разныхъ свѣдѣній для жителей Петербурга и Москвы и адресъ-календарь этихъ городовъ, и 13) свѣдѣній о театрахъ.

Цѣна: въ бумажной оберткѣ—1 р., съ пересылкой—1 р. 30 к.; въ папкѣ—1 р. 25 к.; съ перес.—1 р. 60 к.; въ изящн. переплетѣ—1 р. 60 к., съ перес.—2 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

У РЕКТОРА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

АРХИМАНДРИТА НИКАНОРА

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ЕГО ИЗДАНІЯ:

Изображеніе Мессіи въ Псалтири	ц.	2 р. —	съ перес.
О св. Евангеліи и Евангелистахъ	»	— 25 к.	—
Нравственное Богословіе	»	— 80 »	—
Объясненіе Соборныхъ посланій	»	— 70 »	—
Слова и рѣчи съ присоед. 3-хъ внѣбогослуж. бесѣдъ	»	2 р. —	—
О постѣ	»	— 15 »	—
О трудѣ и отдыхѣ	»	— 15 »	—
Краткая Исторія Астраханской Епархіи	»	1 р. —	—
Астраханскій Каѳедральный Соборъ	»	— 40 »	—
Святыни Казани (въ 11 кн.) безъ пер.	»	50 »	
» » » » » въ пер.	»	1 р. —	
Св. Казанскіе Чудотворцы	»	— 10 »	—
Казанскіе Архипастыри	»	— 5 »	—
Казанскія церкви и духовенство (въ 4 кн.)	»	— 20 »	—

Вышелъ въ свѣтъ первый томъ „ИСТОРИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ“ сборника Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Цѣна 2 р. 50 к. (Складъ при типографіи М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5-я линія, д. № 28).

СОДЕРЖАНІЕ: Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки. **Н. И. Карѣева.**—Новѣйшія работы по исторіи французской революціи. **Его же.**—Къ вопросу о внѣшней политикѣ Швеціи въ 30-лѣтнюю войну. **Г. В. Форстена.**—Маколей, какъ историкъ. **П. Д. Погодина.**—Философія, исторія и теорія прогресса. **Н. И. Карѣева.**—Новыя явленія въ области разработки древнегреческой исторіи. **А. И. Покровскаго.**—Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи. **А. И. Павинскаго.**—Новые труды по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ. **С. Л. Степанова.**—Иностранные историческіе журналы. **Н. К. и Г. Ф.**—Историческая хроника: Историческое преподаваніе въ русскихъ университетахъ.—Конкурсныя темы по исторіи и «оставленные при университетахъ».—Ученыя общества.—Историческое преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ.—Публичныя лекціи по исторіи въ Москвѣ и въ Петербургѣ.—Историческіе диспуты въ 1890 г.—Исторія въ гимназіихъ по новому учебному плану.—Новые историческіе труды.—Изъ историко-философской литературы за послѣднее время. — Историческое Общество при Петербургскомъ университетѣ въ 1890 г.

Вышелъ и высылается желающимъ безплатно

КАТАЛОГЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ

прошлаго и настоящаго столѣтія, русскихъ и иностранныхъ, продающихся въ книжной торговлѣ **В. И. Клочкова,** подъ фирмою

«БУКИНИСТЪ»

С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, № 55.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стр.

XIII. Заграничныя историческія новости 577

XIV. Изъ прошлаго. Къ біографіи Н. А. Некрасова. Сообщено **Ѳ. С. Глинкой** . . . 585

XV. Смѣсь: Торжественное собраніе Академіи Наукъ.— Отчетъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1888 и 1889 гг.—Историческое Общество при Императорскомъ Петербургскомъ университетѣ.—Сорокалѣтній юбилей В. В. Вельяминова-Зернова.—Шестидесятилѣтіе служебной дѣятельности завѣдующаго Общимъ Архивомъ Министерства Двора Григорія Васильевича Есипова.—Некрологи: Князя Николая Максимиліановича Романовскаго герцога Лейхтенбергскаго, Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, Н. П. Макарова 587

XVI. Замѣтки и поправки: I. Древности Пафнутьева монастыря. **Николая Фетъ**.— II. По поводу историческихъ романовъ 597

XVII. Наши губернскія архивныя комиссіи. **А. І. Л.** 600

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Д. М. Леоновой.** 2) Месть карбонаріевъ. (La Savelli). Романъ изъ временъ второй имперіи во Франціи. **Жильбера Огюстэна-Тьерри.** Переводъ съ французскаго. Часть первая. Гл. VI—VIII. Часть вторая. Гл. I—VII. (Продолженіе). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина. 4) Объявленія.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ

поступилъ въ продажу

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

ЗА 1880—1889 ГОДЫ

(ЗА ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ИЗДАНІЯ)

Цѣна 2 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ